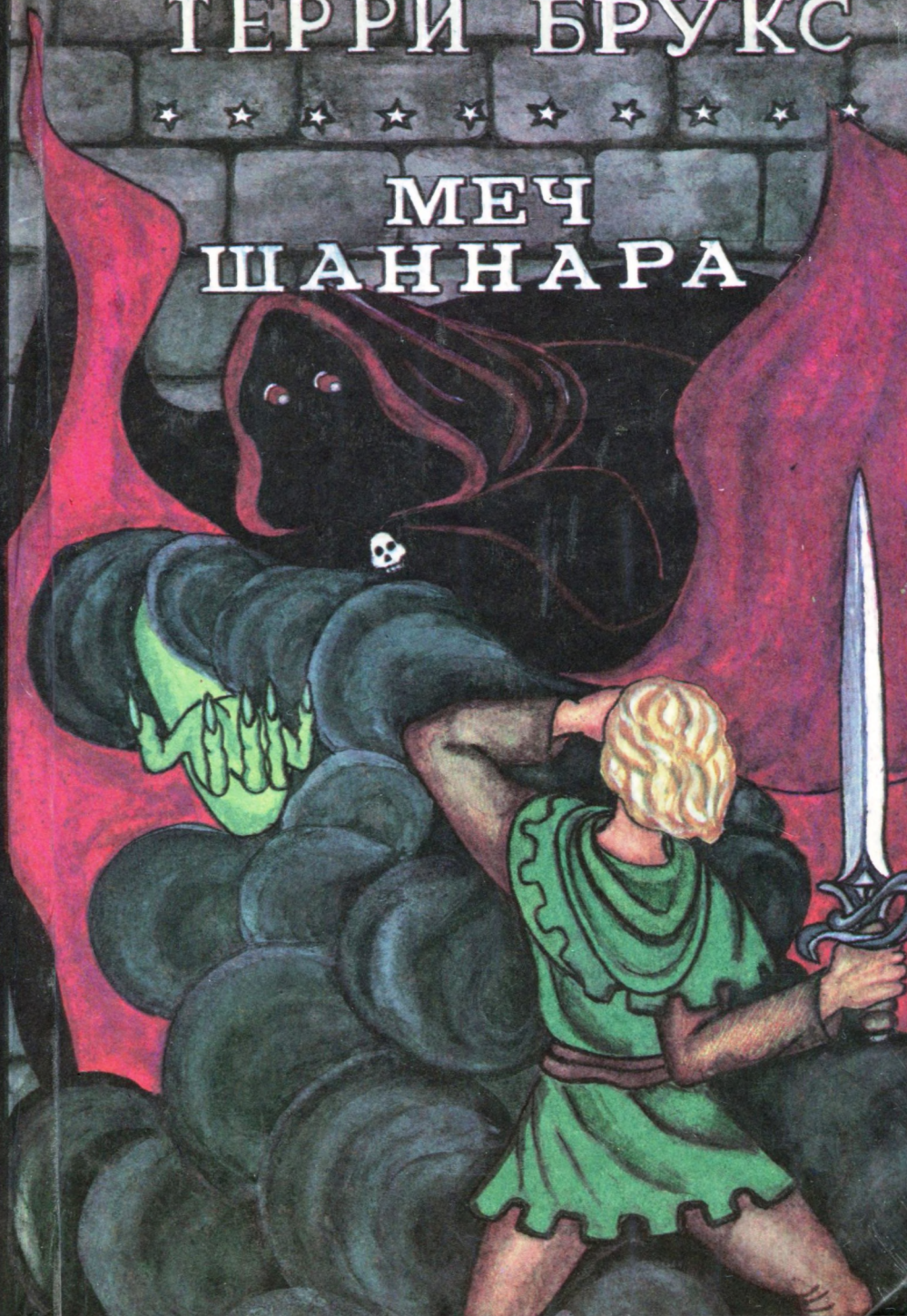

ТЕРРИ БРУКС

МЕЧ
ШАННАРА

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

ТЕРРИ БРУКС

**МЕЧ
ШАННАРА**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

НОВОСИБИРСК 1994

ББК 84.7 США

Б 89

Б 4703040100—21 Без объявл.
Ю22(03)—94

ISBN 5—85513—012—6

- © Станкеева Е. Г., 1994,
перевод.
- © Лепилин В. П., 1994,
литобработка.
- © Фирма «Тимур», 1994,
оформление.

Глава 1

Солнце уже погрузилось в темную зелень холмов на западе Долины, его багряно-красные тени коснулись края земли, когда Флик Омсфорд отправился в путь. Догорал закат. Чьи-то невидимые руки украсили празднично-пурпурной тканью дали. Красно-огненным шелком заметались, заблестели притихшие склоны и долины. Флик шел тихими лесами, где, кроме птиц, не было встречных, узнавал знакомые изгибы заброшенной тропы, которая, петляя, вела вниз, к северному склону, и временами терялась среди огромных валунов, беспорядочно громоздившихся на неровной поверхности земли. Тропа исчезала в густых лесах Долины, чтобы снова на короткий миг появиться на лесных полянах и редких пространствах ровной местности. Флик шел, внимательно поглядывая вперед. По этой тропе он, усталый и изнуренный, не раз проделывал свой путь, неся за плечом небольшую дорожную сумку. На его широком обветренном лице была печать твердой решимости и покоя, и только большие серые глаза выдавали безудержную энергию, которая клочкотала за его внешне спокойным видом. Он был молод, хотя коренастая фигура, седеющие каштановые волосы и лохматые брови делали его намного старше. Он носил обыденную свободную одежду, принятую в обиходе у всех людей Долины, и сумку с металлическими инструментами, которые бренчали, звенели и перекатывались в ней.

В вечернем воздухе стояла легкая прохлада, и Флик плотнее запахнул воротник своей открытой шерстяной рубашки. Открытые пространства еще не были видны, и он шел через лесные чащи, пробираясь сквозь густые кусты орешника, перепутанные цепкой травой. Казалось, мрак высоких дубов и угрюмых пеканов, устремленных вверх, закрывает ясное ночное небо. Солнце село, оставив только темнеющую голубизну небес с мириадами нежно мерцающих звезд. Это было странно. Вечерняя заря погасла так быстро, что в воздухе, еще светлом, сразу стали густеть и разливаться холодные тени. Воздух на-

ливался мглою. Огромные кроны деревьев почти не пропускали свет ярких звезд. Лишь в некоторых местах, где деревья открывали небо, разлив звездного блеска был почти нестерпим.

Созвездия блистали в ручье с водой с такой напряженной силой, что их отраженный свет напоминал холодные искры метеоритов. Флик поднял голову вверх. Ночь дышала в лицо холодноватой свежестью загадочных черных пространств. И в который раз, шагая по проторенной тропе, он испытал какое-то смутное ощущение тревоги, щемящее чувство одиночества среди окружавшего его мрачного ночного молчания. Флик сразу заметил, что в этот вечер странная, необычная тишина окутала Долину. Знакомое жужжание и веселая трескотня насекомых, крики птиц, восторженно шипевших после заката солнца и готовых лететь в поисках пищи, — все это отсутствовало. Флик внимательно вслушивался, пытаясь найти хоть какой-то признак жизни, однако, его острый слух ничего не мог обнаружить, кроме полного безмолвия. Эта мертвая тишина выглядела настораживающе. Молодого человека охватило тревожное волнение. Он вспомнил жуткие рассказы о чудовищном существе с черными крыльями, которое видели в ночном небе на севере Долины всего несколько дней назад. Странная безнадежная грусть будто перед неизбежной смертью овладела им. Флик сделал над собой усилие и, отбросив мысли о тревожных признаках какого-то неблагополучия, начал привычно размышлять о своей работе в деревне — как раз на севере Долины, — где люди обрабатывали землю и держали домашний скот. Возвращаясь из своих походов, он каждую неделю приносил жителям деревни необходимые для них различные изделия, рассказывал о новостях и событиях, которые происходили в Долине и небольших отдаленных городах на самом юге. Лишь немногие знали окружающую местность так же хорошо, как он, и еще меньшее число людей отважились бы на подобное путешествие, не имея твердой уверенности в том, что оставленные дома семьи находятся в полной безопасности. Мужчины предпочитали оставаться у очагов своих отдаленных жилищ, и им было решительно все равно, что происходит за пределами их простой устоявшейся жизни. Однако Флику нравилось время от времени совершать такие путешествия, да и жители отдаленных поселений в самом деле нуждались в его помощи и были рады заплатить ему за услугу. Отец Флика был не из тех, кто упускает реальную

возможность заработать, поэтому он одобрял походы сына. Все заинтересованные стороны, казалось, были довольны.

Флик Омсфорд шел дальше. Между тем ночь приближалась и росла, как грозовая туча; отовсюду поднималась и даже с вышины лилась темнота. Все кругом быстро чернело и затихало. Странная ночная птица, будто ожившая в этом мрачном безмолвии, неслышно и низко промчалась на своих крыльях, почти коснувшись плеча Флика и пугливо нырнула в сторону. И вновь стало тихо. Ни звука, ни движения. В безлунном воздухе слепо застыла земля. Населенный и могучий мир, который еще недавно пел, звенел и гремел всей своей жизненной мощью, теперь превратился в мертвую массу, без живой травы, деревьев, без жизни, времени, людей, движения. Кругом стояла мертвая тишина. Флика охватила безумная тревога. Низко свисающая ветка дерева внезапно ударила его по голове, заставив вздрогнуть и отскочить в сторону. Флик выпрямился и, с досадой посмотрев на вновь застывшую в безмолвии ветку, пошел вперед, убыстряя шаг. Он уже зашел в самую гущу мрачных лесов Долины, где только струящиеся потоки лунного света могли проложить себе путь сквозь густые ветви и лишь смутно осветить извилистую тропу. Стоял такой мрак, что Флик, все-таки пытаясь идти вперед, едва мог различить тропу, которая то и дело сужалась или вообще неожиданно исчезала. И опять Флик явственно ощутил, какое тягостное молчание разлилось вокруг. Казалось, что все живое внезапно уничтожили и он остался совсем один, отчаянно пытаясь выбраться из этой лесной могилы. Он снова вспомнил недавние разговоры о зловещем существе с черными крыльями, и это удручило его еще больше. Опять тревожно заныло сердце, на душу легла глухая тоска. Флик шел и с беспокойством оглядывался по сторонам. Но вокруг — ни на тропе, ни на деревьях — никого не было. С некоторым облегчением он зашагал дальше. Перед тем, как вновь войти в темную гущу леса, Флик на короткий миг остановился на поляне, залитой лунным светом, и посмотрел вверх. Небо было высоким и темным. Звезды померкли. И Флик опять пошел вперед, теперь уже гораздо медленнее, с трудом отыскивая тропу, которая вдруг резко сузилась и вскоре исчезла совсем. Он понимал, что в действительности этого не может быть, это не более чем мираж. Однако окружающий мир давил на него, заставляя поверить в мрачную невероятность, и в душе молодого человека вместе с тревогой стала подниматься

волна глухого отчаяния. Он был бессилен что-либо изменить или вернуть привычный ход событий. Казалось, мертвый мир на какое-то мгновение смягчился, сжалился и отступил. Флик снова вышел на привычную дорогу и хорошо мог видеть тропу и высокое ночное небо, просвечивающее сквозь огромные деревья. «Полно, — сказал он сам себе, — может, все не так страшно, как это кажется». Он находился в самом центре Долины, примерно в двух милях от дома. Это сразу успокоило его и отвлекло от тревожных мыслей. Он улыбнулся и, насистывая старую кабацкую мелодию, быстро зашагал вперед. Лес кончился; почти открытая местность и близость дома вернули ему прежние силы и уверенность. Недавние неприятные ощущения сменились радостным воодушевлением. Внимание его несколько притупилось. И он не заметил, что огромная черная тень внезапно отделилась от дуба-великана и медленно движется ему навстречу, будто намереваясь преградить дорогу. Подобно огромному черному монолиту, тень нависла над Фликом, всей своей ужасающей мощью угрожая раздробить, уничтожить его. С отчаянным криком ужаса Флик отскочил назад, его сумка с металлическими инструментами со звоном ударилась о твердую землю. Быстрым движением руки он выхватил из-за пояса острый длинный кинжал, пытаясь защитить себя. Но его действия немедленно пресекли. Огромная рука зловеще протянулась и повисла над ним, словно решая, уничтожить его немедленно или подождать с неминуемой карой. Леденящий ужас сковал все его существо. Сердце бешено колотилось. На лбу выступил пот. Ноги и руки дрожали. Однако, к величайшему удивлению Флика, это громадное существо опустило руку, будто сжалилось над ним, и обратилось к нему вполне миролюбиво:

— Подожди, мой друг. У меня нет врагов и нет желания вредить тебе. Я просто заблудился и буду очень благодарен тебе, если ты выведешь меня отсюда или покажешь верную дорогу.

Флик выпрямился, пытаясь сбросить оцепенение. Подавляя в себе инстинктивное желание обороняться от этого страшного невидимого создания, он стал пристально всматриваться в темноту и всеми силами пытался различить в этой безликой и страшной массе признаки человеческого существа. Но ночной мрак хранил тайну этой внезапно появившейся громады. Флик сделал несколько осторожных шагов влево. Сквозь густые ветки

дерева слабо пробивался лунный свет, и Флик отчаянно пытался разглядеть очертания этой грозной черной фигуры.

— Поверь мне, я не причиню тебе вреда, — продолжал голос, будто читая его мысли. — Я не хотел испугать тебя, просто мне было трудно разглядеть тебя издали. И я боялся, что ты пройдешь мимо и не заметишь меня.

Громадная черная фигура замолчала и отступила в сторону. Затем это неизмеримо большое существо село у края тропы в спокойном ожидании, и слабый лунный свет помог Флику рассмотреть разместившегося совсем рядом грозного незнакомца. Медленно вырисовывались очертания его фигуры, будто окутанной туманной дымкой и резкими темно-голубыми тенями. Какое-то время два лица смотрели друг на друга в полном молчании, изучая и размышляя каждый о своем. Флик безуспешно пытался разгадать причину появления этой громадной фигуры, которая не переставала внушать ужас, подавляла своей неумолимой силой и мрачной мощью. Между тем незнакомец сидел, подставив необъятную спину потокам лунного света, и спокойно ждал. И вдруг эта огромная фигура с необычайной быстротой потянулась к Флику, схватила его своими сильными ручищами и подняла его высоко над землей. Кинжал Флика выпал из дрожащих рук и глухо ударился о землю. И низкий насмешливый голос незнакомца продолжал:

— Полно, полно, мой юный друг! Интересно, что ты собираешься делать теперь? Я мог бы вырезать твое сердце и бросить тебя на съедение волкам, если бы захотел, не так ли?

Флик яростно пытался высвободиться из страшных объятий великана, однако, ужас сковал все его существо. Руки онемели и не подчинялись ему. Сердце бешено колотилось и было готово выпрыгнуть из груди. В голове лихорадочно билась одна мысль: как избавиться от этого чудовища. Бедный юноша до сих пор не понимал до конца, какого рода страшное существо до такой степени покорило его, угрожая раздавить и уничтожить совсем. Но тут огромное существо дважды резко перевернуло Флика в воздухе и сказала с ледяным тоном неудовольствия в голосе:

— Довольно, юноша. Мы вступили в игру, а ты еще ничего не знаешь обо мне. Я очень устал, проголодался и не желаю провести эту холодную ночь на лесной тропе. Я не хочу ждать, когда ты, наконец, решишь, кто я:

человек или зверь. Я отпущу тебя, если ты поможешь мне выбраться отсюда. Но предупреждаю тебя — не пытайся бежать. Тебе будет очень плохо.

При этих словах что-то в его голосе смягчилось, с лица исчезло выражение досады и неудовольствия, и прежние насмешливые нотки в голосе вернули обнадеживающую возможность поверить в способность этого страшного исполина вести разумный человеческий разговор.

— Кроме того, — загрохотала устрашающая фигура, ослабив свою мертвую хватку и разжав пальцы, в результате чего Флик ни жив ни мертв упал на землю, — ты даже не представляешь себе, каким я могу быть хорошим другом.

Огромная фигура отступила назад, и Флик смог, наконец, выпрямиться. Он судорожно растирал запястья, пытаясь быстрее восстановить кровообращение в совершенно онемевших пальцах. У него в голове мелькнула была мысль о побеге, но, вспомнив страшные угрозы великана, он весь похолодел и содрогнулся при мысли, что тот поймает его и на этот раз пощады не будет. Он осторожно наклонился, поднял с земли упавший кинжал и повесил его на пояс.

Теперь Флик мог лучше рассмотреть незнакомца. Его беглый, но пристальный и пронизательный взгляд обнаружил в этой огромной фигуре бесспорные человеческие признаки, с той лишь разницей, что это был человек непомерно высокого роста. Никогда прежде Флик не встречал таких исполинов. Его рост был не меньше семи футов, он был на редкость худой, хотя утверждать это было трудно, так как его огромная фигура была закутана в гладкий черный плащ со свободным капюшоном, надетым низко на голову. Темное лицо было длинным, с резкими чертами и чем-то напоминало одинокую скалу. Глубоко посаженные глаза скрывали косматые брови, сросшиеся на переносице. Прямой длинный нос придавал чертам лица необычайную резкость. Короткая черная борода обрамляла широкий рот, который странным образом выделялся на этом лице. Даже когда незнакомец начинал говорить, рот был совершенно неподвижен, губы почти не разжимались. В целом его внешность производила устрашающее впечатление: необъятная фигура, исполинский рост, громовой голос, резкие черты лица и какая-то мрачность этого исполина неизбежно рождали чувство страха. Однако Флик отчаянно боролся с собой

и старался подавить или хотя бы на короткий миг заглушить в себе это безотчетное ощущение страха. Он сделал над собой усилие, посмотрел в темные жесткие глаза незнакомца и буквально заставил себя улыбнуться.

— Я принял тебя за вора, — начал нерешительно оправдываться Флик.

— Ты ошибся, — спокойно возразил незнакомец. Его голос опять немного смягчился. — Ты должен научиться отличать врага от друга. Иногда от этого зависит твоя жизнь. А теперь скажи мне, кто ты.

— Флик Омсфорд. — Он запнулся, не решаясь продолжать дальше, однако, через минуту, овладев собой, заговорил смелее:

— Моего отца зовут Курзад Омсфорд. Он — хозяин гостиницы в Тенистой Долине, которая находится в одной или двух милях отсюда. Ты можешь получить там ночлег и ужин.

— Вот оно что. Значит, это и есть Тенистая Долина, — воскликнул незнакомец. — Это то самое место, куда я направляюсь.

Он помолчал некоторое мгновение, как бы размышляя над собственными словами. Флик с тревогой наблюдал, как незнакомец потирал страшными крючковатыми пальцами свое лицо и в задумчивости смотрел поверх кустарников на зеленеющие вдали холмы. Его взгляд был всецело устремлен к холмам, и мысли, казалось, витали где-то там, очень далеко отсюда.

— У тебя... есть брат, — неожиданно произнес огромный человек.

Это был не вопрос, вот что странно. Это было утверждение, это было уверенное подтверждение факта. И сказано все это было таким спокойным и сдержанным тоном, как будто незнакомца не интересовали ни реакция, ни ответ Флика. Он сам знал это доподлинно. Неудивительно, что до Флика не сразу дошел смысл сказанного. Но через минуту, с очевидной уверенностью осознав смысл сказанного, он вздрогнул и с удивлением посмотрел на великана.

— Откуда ты?..

— Я предполагаю, — ответил незнакомец. — Разве каждый молодой житель Долины не имеет, подобно тебе, своего брата?

Флик молча кивнул, не в силах понять, что же это было такое, откуда эта странная и верная догадка и какие еще последуют откровения о жизни людей в

Тенистой Долине из уст этого исполина. Между тем незнакомец выжидательно посмотрел на небо и на Флика в надежде на то, что его скоро проводят туда, где ему был обещан кров и ужин. Будто прочитав мысли незнакомца, Флик торопливо собрал свои разбросанные на земле вещи, сложил их в сумку, перекинул ее через плечо и оглянувшись на своего нового знакомого, который, весь изогнувшись, однако, не став при этом ниже ростом, неотрывно смотрел на Флика.

— Идти надо в этом направлении.

Флик указал рукой путь, и они оба медленно пошли по тропе.

Они прошли через густую чащу леса и вышли к невысоким холмам, которые надо было миновать, чтобы попасть в деревню под названием Тенистая Долина, что находилась на самой окраине. В лесу стоял глухой мрак, а над тропой, проходившей среди холмов, ярко светила полная луна; ее серебристый свет отчетливо освещал всю Долину и тропу, по которой шли оба путника, волею судьбы оказавшиеся вместе. Иногда кроны деревьев заслоняли лунный свет, и тропа снова превращалась в туманный, едва различимый мираж. И лишь глубокие рытвины, оставшиеся после дождей, да незаросшие каменистые участки земли тускло темнели сквозь густую траву и указывали на то, что здесь раньше уже проходили. В лесу носились сумрачные тени, похожие то на птиц, то на рыб. Летучие мыши парили над заснувшими верхушками деревьев, таинственно кружась и дрожа на смутном небосклоне. Временами налетал сильный ветер, его резкие порывы срывали с путников одежду, заставляя их закрывать глаза. Флик и незнакомец шли очень быстро, в полном молчании, каждый был погружен в собственные мысли. Они пристально вглядывались в расстилавшуюся у них под ногами землю, фиксируя каждый бугорок и ямку. Флику показалось, что какое-то мгновение он слышал странный громкий крик, доносившийся с севера Долины, однако, вокруг все было тихо. Все окружающее вновь окутала мрачная тишина. Незнакомец не обращал никакого внимания на эту непонятную тишину; казалось, его мысли были всецело сосредоточены на постоянно изменяющейся тропе. Этот огромный человек все видел ясно перед собой на расстоянии шести футов. Он не смотрел на Флика, а просто шел рядом с ним, исполненный спокойной уверенности в том, что все идет так, как надо, и что они скоро достигнут цели.

Постепенно Флику становилось все трудней и трудней идти рядом с незнакомцем. Шагать с ним в ногу было решительно невозможно: шаги Флика казались шагами карлика, совершенно крошечными и ничтожными по сравнению с огромными, размашистыми шагами великана. Временами жителю Долины приходилось едва ли не бежать, чтобы как-то догнать странного исполина и какое-то мгновение идти с ним в ногу. Незнакомец, оглянувшись на своего спутника, с удивлением заметил, какие отчаянные усилия делает Флик, чтобы идти с ним рядом, и сразу сбавил шаг. Вскоре показались первые очертания южных склонов Долины, холмы стали медленно уступать место кустистым зарослям. Становилось ясно, что впереди были новые леса. Оба путника шли по склону, и Флик заметил несколько прежних отметин, которые свидетельствовали о том, что они находятся на подходах к Тенистой Долине. Житель Долины вздохнул с облегчением. Впереди были его деревня и его родной теплый дом.

На всем протяжении этого короткого пути незнакомец хранил полное молчание, да и Флик не имел ни малейшего желания вести разговор. Украдкой он бросал осторожный взгляд на великана, пытаясь понять сущность и цель появления пришельца. Длинное лицо, напоминавшее скалистый утес, все затененное густой черной бородой, вызывало у Флика воспоминание о страшном лорде Уорлоке, о котором в детстве он не раз слышал от своих родных, сидя долгими вечерами перед камином и смотря на тлеющие горячие угольки. Самое страшное впечатление производили глаза незнакомца: вряд ли можно было назвать глазами глубокие темные впадины под лохматыми бровями. Это лицо нельзя было рассмотреть полностью, оно все было окутано зловещими тенями. В такие минуты лицо этого странного огромного человека с цепким взглядом, устремленным вниз, казалось вылепленным из камня, тяжелого и мрачного. Флик наблюдал за таинственным и совершенно непроницаемым выражением лица этого гиганта и вдруг с очевидной ясностью осознал еще один странный факт: незнакомец до сих пор не назвал себя.

Между тем оба путника уже подошли к тому месту Долины, где до того хорошо различимая тропа вдруг резко сузилась и почти исчезла перед огромными густыми кустарниками, как бы вытеснив Флика и незнакомца и оставив их перед кустистой преградой. Грозный великан внезапно остановился и замер. Наклонив голову, он всем своим существом вслушивался в ночную тишину. За ним

стоял Флик и в терпеливом ожидании вслушивался в разлитое вокруг безмолвие, но его слух ничего не мог уловить. Высоко над Фликом, тяжело и резко рассекая воздух крыльями, пролетел встревоженный ворон, повернул голову, посмотрел на Флика сбоку и, отрывисто каркая, скрылся в чаще леса. И опять все стихло. Надвигался угрюмый мрак. Так оба спутника простояли неподвижно несколько минут. Каждая минута казалась вечностью. Медленно плыло, тянулось время. Это было странное ощущение. Вдруг великан встрепенулся и быстро сказал Флику:

— Скорее! Иди вперед и прячься в кустах. Быстрее, беги.

И он с силой толкнул Флика в кусты, где можно было спрятаться. В страшном испуге Флик упал в гущу ягодного кустарника, и на какое-то мгновение это послужило ему убежищем. За спиной болталась его сумка, в которой, перекатываясь, нехотючи гремели металлические инструменты. Незнакомец нагнулся, резким движением схватил сумку и спрятал ее под свой плащ.

— Тише! — рассерженно заскрежетал великан. — Теперь бежим. И ни звука.

Они стремительно понеслись туда, где в пятидесяти футах от них кустарники стояли такой могучей стеной, что могли скрыть любого. Громадный незнакомец торопливо протолкнул Флика через густые ветки, и последний оказался в самой гуще больших кустов. Великан стоял рядом. Оба тяжело дышали. Флик посмотрел на своего спутника и удивился тому, что незнакомец уже совсем не смотрит в кусты и уж тем более на Флика. Его взгляд был устремлен в высокое ночное небо, которое то там, то тут просвечивало сквозь густую листву. Житель Долины тоже поднял глаза к небу. Оно показалось ему ясным и чистым. И только серебристые звезды рассеянно смотрели на землю и посылали свои холодные лучи. Прошло несколько минут. Флик сделал попытку заговорить, но сильные руки незнакомца крепко сжали его плечи, словно предупреждая об опасности. Флик стоял, по-прежнему вглядываясь в высокое ночное небо. Он напрягал слух и всеми силами пытался уловить хоть какие-нибудь признаки надвигающейся опасности. Однако все было тщетно. Тишину нарушало лишь тяжелое дыхание обоих путников, тихие порывы ветра да шум листвы.

Нервное волнение достигло предела. Совершенно обесиленный, Флик опустился на траву. И в этот момент — о, ужас! — в небе появилось нечто огромное и черное, зловещее и устрашающее. Оно стремительно пронеслось над их головами и потом исчезло из виду. Спустя минуту оно появилось вновь и стало медленно кружить на одном месте. Было что-то жуткое и роковое в этом страшном небесном танце. В какой-то момент это чудовищно ужасное нечто нависло над двумя спрятавшимися путниками, угрожая рухнуть на них своею черной смертоносной силой. Паническое состояние страха целиком охватило Флика, парализовало его разум. Он изнемогал под тяжестью этой мучительной пытки. Казалось, его насильно заманили в железные сети, и не было ни сил, ни возможности вырваться из этого страшного безумия, которое пронизывало насквозь все его существо. Это жуткое ощущение надвигающегося кошмара и неотвратимого конца вконец доконало бедного юношу. Его грудь сковал ужас, а страх медленно выжимал воздух из легких. Флик задыхался, ему не хватало воздуха. Он поднял голову. Прямо перед ним снова пролетело нечто, похожее на страшный призрак с красными когтистыми лапами и черными крыльями. Зловещий призрак нес реальную угрозу бренному существованию жителя Долины. В этом сомнения больше не было. Флик, помимо своей воли, чуть было не издал пронзительный крик ужаса и отчаяния, но и на сей раз крепкая рука незнакомца до боли стиснула его плечи и толкнула обратно в кустистое укрытие. Через какое-то мгновение жуткое видение исчезло так же стремительно, как и появилось. Гигантская черная тень на спокойном ночном небе — это было все, что напоминало об этом зловещем призраке.

Незнакомец убрал свои железные руки с плеч Флика. Житель Долины тяжело опустился на землю, весь истерзанный и едва живой. По его бледному лицу лил пот, руки дрожали и не могли найти себе место. Великан тихо устроился рядом с Фликом, и подобие улыбки осветило его лицо. Он положил свою длинную тяжелую руку на плечо Флика и похлопал по нему, успокаивая юношу, как ребенка.

— Полно. Успокойся, мой юный друг, — тихим голосом сказал незнакомец. — Ты цел и невредим. Да и Тенистая Долина совсем рядом.

Флик посмотрел на спокойное лицо своего спутника и, увы, не смог разделить его благодушную настроенность.

Глаза молодого человека были по-прежнему полны ужаса. В ответ на успокаивающие слова незнакомца Флик недоверчиво покачал головой.

— Это существо! Что это было за страшное существо?

— Это всего лишь тень, — коротко ответил великан. — Сейчас не место и не время тревожиться и рассуждать об этом. Поговорим позже. А теперь, прежде чем я окончательно не потерял терпение, я хотел бы обогреться у очага и немного поесть.

Незнакомец помог жителю Долины встать на ноги и отдал ему сумку, которую он в тот страшный момент спрятал под свой плащ. И движением руки, закутанной в черный плащ, дал понять Флику, что готов следовать за ним. Они оставили свое укрытие; незнакомец — решительно, а Флик покидал его не без опасения, с тревогой вглядываясь в ночное небо. Однако вокруг было тихо. И создавалось впечатление, что все происходящее не что иное, как плод чрезмерного воображения. Мысли Флика снова и снова возвращались к страшным и загадочным событиям этой злосчастной ночи, но, как бы то ни было, — решил он, — всего этого было более чем достаточно для одной ночи. Сначала странное появление великана, потом кружение этой кошмарной тени... Он мысленно дал себе клятву, что трижды подумает, прежде чем опять отправится в такое путешествие, да еще ночью и так далеко от родной деревни.

Они прошли еще совсем немного и, наконец, достигли холмистой местности, где уже совсем поредели кусты и деревья, а дорогу освещал мерцающий желтый свет луны. Вскоре из тумана стали вырисовываться квадратные и прямоугольные очертания домов. Тропу сменила ровная пыльная дорога, которая вела прямо к деревне. Флик увидел ночные огни в домах. Они мигали и как-то дружески приветствовали его. И юноша облегченно вздохнул. Может быть, и впрямь весь ужас происшедшего остался далеко позади и не повторится вновь.

Дорога была пустынная, и, если бы не огни, светящиеся в домах, можно было подумать, что в Тенистой Долине никто не живет. Но близость дома и уже почти осязаемое тепло домашнего очага унесли мелькнувшие было страхи, догадки, сомнения. И Флик принялся думать о том, как же много ему надо рассказать отцу и своему брату Ши... И рассказать надо так, чтобы не напугать их до смерти. Он бы не хотел, чтобы они даже мысленно пережили весь кошмар этой ночи. Но как заставить их поверить

в рассказ о страшной тени? Не сочтут ли они все это результатом разгоряченного воображения в ночном мраке? Незнакомец, со своей стороны, без сомнения, мог бы пролить свет на эти загадочные события, однако, уже было ясно, что он не очень-то склонен делиться своими соображениями. И Флик невольно опять бросил взгляд на незнакомца, который теперь молчаливо шагал сзади. Как мрачен был этот человек! От него исходило гнетущее ощущение темноты и безысходности. Черный плащ с большим капюшоном, темное лицо со скалистыми чертами, непроницаемый взгляд холодных черных глаз, худые темные руки, низко опущенная голова — вся его одежда и весь облик производили мрачное и тяжелое впечатление. Это ощущение усиливала странная туманная пелена, которая постоянно окутывала эту необычную фигуру и придавала ей необъяснимую мрачность. Но, кто бы он ни был, одно можно было сказать наверняка: это был очень опасный и серьезный противник. И вряд ли обычный человек мог тягаться с ним силой и мощью. Они шли по дороге. Справа и слева в широких окнах домов горели огни. Их становилось все больше. Люди в деревне медленно просыпались. Дома были длинными, низкими, одноэтажными, нередко с покосившимися крышами и небольшими пристроенными террасами, в большинстве своем крытыми из-за частых дождей. Строения, в основном, были деревянные, с прочными каменными фундаментами, а иногда и фасадами. Флик поглядывал на зашторенные окна еще спящих домов и временами в свете зажигающихся огней ловил радостные взгляды их обитателей. Знакомые, родные лица вселяли бодрость и уверенность в его уставшую от тревоги и страха душу. Он пережил жуткую ночь. И, кажется, она была позади. Сейчас он был счастлив, что находится дома, среди близких ему людей.

Между тем незнакомец казался совершенно отрешенным. Бросив едва ли не случайный взгляд на деревню, он безмолвствовал на всем протяжении пути. Флику показалось очень странным то, что незнакомец не просто следовал за ним, а, казалось, сам хорошо знал дорогу и лишь следил за Фликом, правильно ли он идет. Когда дорога разветвлялась в разные стороны и со всех сторон открывались похожие ряды домов, мрачный исполин без труда находил правильное направление. При этом он не смотрел на Флика, не озибался по сторонам, чтобы как-то сориентироваться, а

просто и уверенно шел. Как будто он ходил этой дорогой много раз.

Вскоре оба путника подошли к гостинице. Это было довольно солидное строение, состоящее из основной части и примыкающих к ней справа и слева террас. Дом был построен из больших бревен, обтесанных и посаженных на хороший каменный фундамент, с прочной деревянной крышей, которая немного возвышалась над крышами остальных домов. Главная часть дома уже была хорошо освещена, изнутри были слышны приглушенные голоса, перемежающиеся смехом и громкими возгласами. На террасах справа и слева было темно. Именно там располагались спальные комнаты постояльцев. В ночном воздухе, который стал понемногу светлеть, аппетитно распространялся аромат жарящегося мяса. Флик быстро направился к широким двойным дверям в центре гостиницы. Незнакомец молча следовал за ним. Отодвинув тяжелую металлическую задвижку, Флик открыл дверь. Перед их взором предстала большая комната отдыха, уставленная скамьями, удобными стульями с высокими спинками, а у стены слева стоял ряд тяжелых длинных деревянных столов. Комната была ярко освещена. На столах и настенных полках горели свечи, в центре стены слева располагался огромный камин. Яркий свет ослепил Флика: его глаза еще не успели привыкнуть к такому освещению после долгого ночного мрака. Тем не менее, у него сразу потеплело на душе, когда он ступил на порог дома. А эта комната, с ярким светом, камином, столами и стульями, располагающими к отдыху и покою, и вовсе уводила его от ужаса воспоминаний и страшных событий минувшей ночи. Здесь было все родное, все до боли знакомое. И юноша содрогнулся от мысли, что он мог уже все это больше никогда не увидеть.

Люди у буфетной стенки с любопытством наблюдали за вошедшими, а во взглядах, которые они украдкой бросали на громадного незнакомца, сквозило нескрываемое удивление, смешанное с чувством тревоги и опасения. Молчаливый спутник Флика, казалось, ни на кого не обращал внимания, и они, не решаясь долго задерживать взгляд на этом странном огромном человеке, опять вернулись к своей трапезе и душевному разговору. Остановившись на какое-то время в дверях, Флик и незнакомец решительно направились дальше. Флик искал отца, а незнакомец в глубоком молчании следовал за ним.

Неожиданно он тяжело опустился в кресло, стоящее у стены слева, и сказал:

— Я посижу здесь, пока ты не найдешь отца. Надеюсь, нам всем вскоре удастся поужинать.

И, не ожидая никакого отклика со стороны Флика, незнакомец вытянулся в кресле, распрямив своего недюжинного размера ноги, и низко склонил голову на грудь. Темный капюшон по-прежнему надежно скрывал его лицо. Какое-то мгновение изумленный житель Долины пытливо вглядывался в эту странную фигуру великана, но в который раз, не найдя разгадку всему происшедшему и вновь сбитый с толку уверенной решительностью незнакомца, повернулся и быстро пошел к двойной двери в дальнем конце комнаты. Толкнув дверь, Флик очутился в коридоре.

«Вероятно, отец на кухне обедает с Ши», — подумал Флик и миновал еще несколько дверей, прежде чем оказался на кухне. При его появлении двое поваров почтительно поклонились ему, радостно приветствуя сына хозяина гостиницы. Сразу было заметно, что Флик им очень симпатичен. Отец Флика сидел за длинным столом и заканчивал свой обед.

Он поднял свою загорелую руку и поприветствовал Флика.

— Ты сегодня пришел позже, чем обычно, — добродушно проворчал он. — Скорей садись и начинай есть, пока здесь кое-что еще осталось.

Усталой походкой Флик подошел к столу, сбросил на пол свою походную сумку с бряцающими инструментами и, опустив плечи, сел возле отца. Отец Флика, отодвинув пустую тарелку, выпрямился, благодушно провел рукой по лицу и насмешливо посмотрел на сына. Плохо скрываемая усталость и внутренняя подавленность сквозили в облике Флика, и это крайне поразило отца.

— Отец, я встретил путника... — нерешительно начал Флик. — Ему нужно отдохнуть и поесть. Нельзя ли помочь ему?

— Ладно, будет ему комната, — не раздумывая сказал Омсфорд-старший. — И не вижу причин отказать ему в еде, а также в чем-либо другом.

Он тяжело поднялся со стула и пошел к поварам заказать три порции обеда. Флик оглянулся в надежде увидеть брата, однако Ши не было видно. Отец все еще громогласно давал поварам инструкции, как лучше накормить вновь пришедших, а Флик подошел к раковине

и с облегчением смыл с лица дорожную пыль. Умывшись и сразу почувствовав себя легче, Флик спросил отца, не знает ли он, где Ши.

— Я дал ему поручение, и он скоро придет, — ответил отец. — Да, кстати, как зовут человека, которого ты привел с собой?

— Этого я не знаю. Он не назвал себя, — сказал Флик и беспомощно пожал плечами. Отец нахмурился и пробормотал что-то невразумительное. Единственное, что Флик понял, это то, что отец поклялся в первый и последний раз пустить к себе какого-то незнакомого типа. Но делать было нечего, ночлег и обед были обещаны, и, упираясь широкими плечами в узкий проем кухонной двери, хозяин гостиницы медленно направился туда, где сидел незнакомец. Флик с озабоченным видом последовал за ним.

Фигура незнакомца была неподвижна. Услышав шаги и скрип дверей, он встрепенулся и слегка поднял голову, чтобы разглядеть вошедших. Его пыливый взгляд сразу уловил неопровержимое сходство отца и сына. Оба были среднего роста и крупного телосложения, с похожими широкими спокойными лицами и седеющими каштановыми волосами, лишь с той разницей, что у отца седых волос было больше. На какое-то мгновение отец и сын в нерешительности застыли у двери, но Флик, сбросив оцепенение, молча указал на темную фигуру. Лицо Курзада Омсфорда выражало изумление, которое трудно было скрыть. Между тем незнакомец встал, выпрямился во весь свой исполинский рост, угрожая потолку, и вежливо поклонился вошедшим.

— Добро пожаловать в нашу обитель, дорогой незнакомец, — сказал Омсфорд-старший, превозмогая растерянность при виде этого странного и огромного человека. Он напрасно пытался рассмотреть лицо незнакомца. Оно было по-прежнему скрыто под плотным темным капюшоном. — Мой сын уже, вероятно, сказал, что меня зовут Курзад Омсфорд.

Незнакомец стиснул протянутую руку хозяина гостиницы с такой силой, что лицо Омсфорда исказилось от боли. И, повернувшись к Флику, он заговорил:

— Твой сын был великодушен и привел меня в эту достопочтимую гостиницу. — Великан улыбнулся, однако, в этой улыбке сквозило что-то насмешливое и загадочное. Флик не мог найти этому определение. — Надеюсь, мы все вместе пообедаем и выпьем по стакану пива.

— Конечно,— ответил хозяин гостиницы, предлагая незнакомцу сесть. Флик отодвинул стул и сел рядом, во все глаза смотря на странного исполина, который вдруг начал расточать Омсфорду хвалебные речи по поводу его гостиницы. Омсфорд-старший, казалось, растаял от удовольствия, неожиданно услышав такой поток приятных похвал из уст этого огромного безымянного пришельца, и время от времени утвердительно поддакивал ему. На минуту отвернувшись от незнакомца, он дал знак принести три бокала под пиво. Незнакомец по-прежнему скрывал свое лицо. Темный капюшон был плотно и низко надвинут на лицо нового обитателя этой гостиницы. И было что-то поистине странное, мрачное, зловещее в тенях, блуждающих около лица незнакомца. Флик снова попытался рассмотреть тщательно скрываемое лицо этого человека, но испугался, что незнакомец может заметить это. Уже один раз это стоило ему едва не покалеченных запястий. Он отвел глаза, не решаясь вызвать гнев этого человека, явно превосходящего в силе и мощи любого, кто рискнет пойти против него. Флик решил, что сейчас для него лучше оставаться в неведении.

И он молча слушал, как разговор отца и незнакомца от вежливых комплиментов перешел в рассуждения о погоде, а потом незаметно углубился в широкую искреннюю дискуссию о людях Долины и различных событиях, имевших в ней место. Флик заметил, что его отец, который вряд ли когда-нибудь нуждался в явном одобрении со стороны и потому всегда выглядел решительным, теперь, ведя неспешную беседу с незнакомцем, был, казалось, подчинен его воле и охотно отвечал на все вопросы нового человека. В этом не было бы ничего удивительного, если бы не тот факт, что Омсфорд-старший до сих пор не знал даже имени незнакомца, так быстро расположившего его к задушевному разговору. А незнакомец, между тем, узнавал все новые и новые подробности о жизни людей в Долине из уст разговаривавшегося хозяина. В этой ситуации, в этом внезапном отцовском порыве раскрыть многие вещи и явления совершенно незнакомому человеку, да еще с такой устрашающей внешностью, было что-то очень странное. Но Флик не знал, что делать.

«Скорее бы появился Ши. Может быть, он найдет разгадку этим странным событиям»,— с отчаянием подумал Флик.

Однако брата до сих пор не было. Уже принесли долгожданный обед, как вдруг дверь неожиданно отво-

рилась, и на пороге, будто из темноты, возникла фигура Ши.

И Флик сразу заметил, что незнакомец восторжен, вытянулся, как струна, всем своим существом проявляя небывалый до этого интерес к вошедшему брату. Это было совсем не то вежливое или пассивное внимание, каким незнакомец удостаивал окружающих. Нет, это было нечто совсем иное! Черная фигура незнакомца молча и стремительно поднялась из-за стола, и, крепко держась за его край, великан во все глаза смотрел на Ши. Было такое ощущение, что этот огромный страшный человек забыл обо всем вокруг и неотрывно поглощал своим гипнотическим взглядом ничего не подозревающего Ши. Резкие каменные черты лица, глаза в черных тенях, почти невидимые под капюшоном, усиливали это жуткое впечатление нечеловеческой по своей силе концентрации мысли и взгляда. Флик вновь почувствовал, как необъяснимый леденящий ужас переполняет все его существо. В какую-то минуту ему показалось, что незнакомец может уничтожить брата, но нет... Вдруг со всей очевидностью Флик понял, что каким-то неведомым, магическим путем незнакомец ищет путь к разуму брата, как будто невидимые колдовские нити пролегли сквозь пространство комнаты и опутали голову Ши.

Незнакомец действительно неотрывно смотрел на Ши. Его зоркий глаз сразу же заметил тонкое лицо и хрупкое телосложение юноши. И самое главное, то, что не видели остальные, незнакомец увидел сразу — явные черты Эльфов. Эти тонкие, слегка заостренные уши, прикрытые вьющимися белокурыми волосами, тонко очерченные брови, прямой нос и нежный подбородок — все говорило о хрупкости и изяществе, красоте и одухотворенности этого юного лица. Во взгляде юноши чувствовались ум, внутреннее благородство, честность. И сейчас, когда Ши встретился взглядом с незнакомцем, тот увидел в его лучистых голубых глазах выражение страстной, пылкой решимости, которая создавала благородный ореол горения вокруг этого прекрасного молодого человека. На какое-то мгновение Ши испытал острый страх перед огромным темным видением. Великан испугал его. Он с неотвратимой силой почувствовал, что попал в ловушку, страшную, невиданную до сих пор, однако, подчиняясь какой-то высшей силе, пошел навстречу этому устрашающему исполину.

Омсфорд-старший и Флик с тревогой наблюдали за Ши. Они даже встали из-за стола, пораженные происходящим. Отец и сын тоже почувствовали, что Ши, повинувшись какому-то внутреннему инстинкту или импульсу, устремился к незнакомцу. Воцарилось неловкое молчание, и спустя мгновение Омсфорды посмотрели друг на друга и смущенно поздоровались. Ши улыбнулся Флику, но в ту же минуту, как будто не подчиняясь сам себе, опять поднял взгляд на незнакомца. Ши был ниже ростом, чем Флик, и, казалось, его хрупкую фигуру с ног до головы окутали мрачные, зловещие тени, отбрасываемые таинственным великаном. Курзад Омсфорд, пытаясь как-то разрядить обстановку, спросил Ши, справился ли он с поручением. Ши рассеянно кивнул отцу и снова обратил свой пристальный взор к незнакомцу.

— Как странно, что мы встретились; мне кажется, что мы уже где-то встречались. Меня не покидает странное чувство, что я знал тебя раньше, задолго до этой встречи.

Возвышающееся над ним темное лицо кивнуло в знак согласия, и что-то подобное доброй, немного насмешливой улыбке озарило его.

— Ты прав, мой друг. Ты действительно знаешь меня. И нет ничего удивительного в том, что ты не можешь вспомнить, где и когда мы встречались. Однако я твердо знаю, кто ты. В этом не может быть сомнений.

Эти твердые, уверенные слова огромного пришельца совершенно ошеломили Ши. Он не мог отвести изумленного взгляда от незнакомца. Между тем странный высокий человек поднял худую темную руку, неспешно погладил короткую черную бороду и задумчиво посмотрел на всех троих, застывших в тревожном ожидании. Флик хотел уже было задать вопрос, который был на устах у отца, Ши и у него самого, как вдруг незнакомец откинул капюшон черного плаща. Все увидели темное лицо, обрамленное длинными черными волосами, которые спускались до необыкновенно широких плеч, и темные, глубоко посаженные глаза, скорее напоминавшие мрачные расщелины под тяжелыми и косматыми бровями. Было что-то таинственное и пугающее в этом лице, сплошь окутанном мрачными, зловещими тенями.

— Меня зовут Алланон,— тихо сказал незнакомец.

Эта простая, но ошеломляющая фраза вновь заставила всех присутствующих погрузиться в полное изумление. Курзад Омсфорд, Флик и Ши — все трое буквально застыли от неожиданности и стояли, не в силах что-либо

произнести. Алланон! Алланон — прославленный путешественник, избородивший все четыре стороны света, непревзойденный знаток истории всех народов, философ и учитель, и, как говорили, обладатель таинственных знаний и редких умений в области магии. Алланон — могущественный человек, которому покорились густые непроходимые чащобы Аннарских лесов и страшные недоступные вершины Чарнальских гор. Его имя было хорошо известно даже людям самых дальних деревень на юге Долины. И сейчас, выпрямившись во весь свой ошеломляющий рост, он предстал перед мужской половиной семейства Омсфордов.

Впервые за все время лицо Алланона осветила теплая улыбка, однако, сквозь темные щели, которые зияли на месте глаз, струился странный и печальный свет. И, казалось, взгляд незнакомца излучал щемящую жалость к этим людям, которые неотрывно смотрели на легендарного исполина. Тихое, беззаботное существование, которое эти люди до сего времени вели в Долине, кончилось. Ушло безвозвратно.

— Что привело тебя сюда? — наконец спросил Ши.

Алланон пристально посмотрел на него и сказал с мягкой усмешкой:

— Я пришел за тобой, Ши. Ты нужен мне.

Глава 2

На следующий день Ши поднялся рано. В утреннем воздухе стояла сырая прохлада: туман еще не рассеялся. И после теплой постели хорошо было скорее облачиться в одежду. Как оказалось, в гостинице все еще спали: и расторопная челядь, и гость, и постояльцы, и вся семья Омсфордов. Вокруг царил безмолвие. Ши тихонько прошел из своей маленькой комнаты через большой коридор в дальнюю часть дома и разжег огонь в камине. Через несколько минут из камина заструились ласковые горячие потоки воздуха, и Ши с наслаждением протянул к ним свои заочневшие пальцы. В эти ранние утренние часы в Долине всегда было довольно холодно, даже в самое теплое время года. И лишь когда ласковые лучи поднимающегося солнца касались края холмов, в воздухе медленно разливалась благодатная и всесогревающая благодать. Тенистая Долина была хорошо защищена не только от постороннего глаза, но и от неистовых капризов

коварной погоды: бурь, заносов, ветров и снегопадов, что нередко приходили с севера Долины.

В камине весело потрескивал огонь, и Ши, удобно устроившись в высоком кресле, вновь принялся вспоминать необычные события вчерашнего дня. Время от времени он протягивал к огню свои длинные тонкие пальцы, и, казалось, живительное тепло медленно проникало глубоко внутрь. Одна мысль не давала ему покоя. Откуда Алланон мог знать его? Он редко бывал за пределами Долины и уж, конечно, запомнил бы этого загадочного великана, если бы судьба уготовила ему встречу с ним. Назвав себя, Алланон снова замолчал, как будто не хотел сбросить таинственную пелену неизвестности. А его неожиданные слова о том, что он пришел сюда в надежде найти Ши, окончательно привели всех в полное недоумение. Почему именно его искал Алланон? Эта мысль тревожила Ши все больше и больше. Он снова стал вспоминать, как незнакомец неспешно закончил обед, встал, медленно выпрямившись во весь свой невиданный рост, попросил показать ему комнату для отдыха, поблагодарил всех присутствующих и удалился. И Ши, и Флик были полны страстного желания расспросить пришельца, однако, какая-то неведомая сила извне заставила их молчать и подчиниться этому странному ходу событий. Позже оба брата заперлись в комнате, и Флик с волнением и необъяснимой тревогой поведал Ши о событиях этой злополучной ночи, когда он встретился с Алланоном и когда над ними, словно страшная буря или жуткое чудовище, пронеслась ужасающая тень.

И все же одна мысль не давала покоя Ши. Она терзала и мучила его: откуда Алланон мог знать его? Что вообще могло их связывать, этого гигантского странника с умом философа и устрашающей внешностью и его, Ши, хрупкого молодого человека... Место своего рождения он знал лишь приблизительно, и, если верить рассказам, он родился где-то в маленькой деревушке на западе Долины. Его отец рано умер, и Ши совсем не помнил его. Какое-то время он жил с матерью, и в его памяти иногда всплывали радостные картины детства, когда он в тиши лесов, под сенью красивых высоких деревьев играл с ребяташками. Ему было пять лет, когда его мать внезапно тяжело заболела и захотела вернуться в свои родные места на юге Долины. Должно быть, она понимала, что скоро умрет, и единственной ее заботой и тревогой был Ши. Что с ним будет? Изнурительное путешествие

окончательно доконало ее, и она скончалась, так и не добравшись до родной деревушки.

Близких родственников у матери не было, а Омсфорды представляли собой дальнее и отдаленное родство. Год назад у Курзада Омсфорда умерла жена, и теперь он один воспитывал сына Флика. Уже в те годы он держал эту гостиницу. И вскоре Ши стал частью семьи Омсфордов, оба мальчика росли и воспитывались вместе, как братья, оба носили фамилию отца. Ши не знал своего настоящего имени и никогда не осмеливался спросить об этом. Омсфорды стали единственной и очень дорогой для него семьей, они приняли его как родного сына, и он отвечал им глубокой и нежной привязанностью. Были моменты, когда родство с Эльфами по линии одного из его родителей очень тревожило Ши, а иногда и осложняло его жизнь, однако, Флик всегда убежденно говорил, что есть определенное преимущество в этом редком сочетании природных инстинктов и характера, отличающих человеческую породу и народ Эльфов.

Мучительно перебирая в памяти запечатлевшиеся встречи, события детства и юности, Ши все больше и больше убеждался в том, что никогда прежде не видел Алланона. Этой встречи никогда не было: ни в мечтах, ни во сне, ни наяву. Он приподнялся и придвинул кресло поближе к камину. Рассеянно вглядываясь в горящие языки пламени, Ши опять поймал себя на мысли о том, что было нечто пугающее, устрашающее в самом необычном облике мрачного путешественника. Кто знает, может быть, это был всего-навсего плод его воображения, но Ши не мог отделаться от ощущения, что незнакомец способен читать его мысли, видит его насквозь. Странно, но именно эта мысль мучила его, не давала покоя с той самой минуты, когда он впервые увидел Алланона. Флик тоже почувствовал это. Более того, когда они с Ши говорили ночью тихим и осторожным шепотом, Флик признался брату, что его не покидает ощущение угрозы, беды, страшной силы, исходящей от великана, силы неведомой и таинственной, способной уничтожить его.

Ши выпрямился, откинулся назад на спинку кресла и тяжело вздохнул. Между тем уже рассвело. Он вновь приподнялся, чтобы подбросить дрова в камин, как вдруг услышал голос отца, который громко отдавал распоряжения и за что-то распекал челядь. Покорно вздохнув, Ши отбросил свои тревожные мысли и отправился в кухню помочь отцу в обычных хозяйственных заботах.

Был уже полдень, и солнце стояло высоко, когда Ши увидел фигуру Алланона, который, по всей видимости, провел все утро у себя в комнате. Он неожиданно, как скала, возник в дальнем конце гостиницы и вышел, когда Ши удобно расположился под сенью большого дерева и рассеянно поглощал наскоро приготовленный им самим завтрак. Отец занимался своими делами, а Флику дали важное поручение и куда-то отправили. При ярком свете дня темная фигура пришельца, внушавшая необъяснимый ужас во мраке ночи, выглядела по-прежнему устрашающей. На нем был светлый серый плащ вместо вчерашнего черного, однако, по-прежнему фигура исполинского телосложения, окутанная зловещими черными тенями, выглядела устрашающе. Низко опустив голову, он гигантскими шагами направился к Ши. Подойдя к нему, он без раздумий устроился на траве рядом с Ши, рассеянно всматриваясь в отдаленные вершины холмов на востоке Долины. Потянулись тягостные минуты молчания. Это было невыносимо. Нервы Ши были натянуты до предела. И он решился.

— Зачем ты пришел в нашу Долину, Алланон? Почему ты искал меня?

Темное лицо пришельца повернулось к нему, и слабое подобие улыбки осветило его резкие худые черты.

— Если бы ты знал, мой юный друг! Ответить на этот вопрос не так легко, как это кажется. И прежде, чем ответить тебе, я сам хочу спросить тебя. Поверь мне, так будет лучше. Читал ли ты что-нибудь из истории Северных земель?

Он помолчал какое-то мгновение и продолжал дальше:

— Слышал ли ты что-то о Королевстве Черепов?

Ши вздрогнул. Дрожь пробежала по его телу. Это название всегда отождествлялось с самыми страшными вещами и событиями в человеческой жизни, реальными или мнимыми; упоминанием об этом королевстве страшили маленьких детей, когда те не слушали старших; одно только его название наводило ужас и бросало в дрожь взрослых, когда долгими вечерами они сидели перед тлеющими углями камина и рассказывали жуткие истории, которые происходили в этом зловещем королевстве. Название этого королевства, да и оно само, было теснейшим образом связано с привидениями и гоблинами, с хитрыми лесными гномами на востоке и могучими скалистыми троллями на далеком севере. Все это стремительно пронеслось в сознании Ши и ужаснуло его еще больше.

А Алланон помолчал какое-то мгновение и продолжал дальше:

— Я историк, Ши. И, быть может, единственный историк среди ныне живущих, который избородил весь свет. И вот уже более пятисот лет лишь единицы, а скорее всего, только я, отважились побывать в Северных землях. Никто и не подозревает, как много я знаю о расе Человека. Его прошлое превратилось в туманное воспоминание; и в целом за последние двести лет в жизненной истории Человека произошло мало памятных и легендарных событий. Сегодня люди забыли свое прошлое, они мало знают о настоящем и еще меньше — о будущем. Человек изолировано живет на ограниченных пространствах Южных земель. Он ничего не знает о жизни и истории северных народов и имеет лишь обрывочные и смутные представления о расах, населяющих Восточные и Западные земли. Очень жаль, что Человек сознательно ограничил поле своего зрения, собственноручно лишив себя знания истории и культуры других народов. А ведь раньше все было по-другому. Человек был мечтателем. И не было предела его стремлениям к знаниям, самосовершенствованию. Этим он отличался от других живых существ. Однако сейчас Человека вполне устраивает эта обособленность от других рас. Он занят решением своих проблем, и его нисколько не заботят остальные народы с их болями, радостями, заботами и тревогами. Уверяю тебя, это происходит потому, что Человека еще не коснулись все проблемы, он не испытал на себе всю людскую боль и отчаяние и потому он подчас так равнодушен к судьбам других рас. С другой стороны, над Человеком довлеет тяжелое наследие прошлого. И в этом случае ему страшно думать о будущем. Он живет одним настоящим.

Ши почувствовал, что обширные огульные обвинения в адрес Человека, прозвучавшие из уст Алланона, вызывают у него нарастающее раздражение. Его ответ был резким:

— По-твоему, выходит, безнравственно жить так, как хочет этого сам народ, как желает этого Человек. Я достаточно знаю историю, да и жизнь в некоторой степени, чтобы понимать, что единственная возможность выжить для Человека — это жить отдельно от других народов, заново восстанавливая для себя все то, что он потерял за последние двести лет. И теперь он уже проявит достаточно воли и сообразительности для того, чтобы

не потерять все это во второй раз. Он практически уничтожил себя в период Великих Войн непрерывным вмешательством в дела других народов, превратно понимая политику изоляции.

Лицо Алланона потемнело еще больше.

— Я хорошо сознаю страшные катастрофические последствия, которые принесли эти войны. Жертвы и разрушения, которые Человек обрушил на свою голову по собственной воле, — это результат насилия и алчности вследствие его легкомыслия, безответственности и паразитической недальновидности. Это было давно — и что изменилось сейчас? Ты думаешь, Ши, что Человек может начать все сначала? Увы, в силу своей молодости ты, может быть, еще не знаешь, что некоторые вещи нельзя изменить: они будут происходить всегда, эти страшные события и нежелательные явления. Всегда будет существовать опасность насилия, даже для народа, который живет очень обособленно. Страшные Великие Войны прошлого могут и не повториться в той форме, в которой они принесли непоправимый ущерб Человеку. Но возникают новые формы военных конфликтов — политические и национальные столкновения, имеющие в своей основе неукротимую жажду власти и стремление к неограниченному господству. И сегодня мы стоим перед лицом новой опасности, которая несет в своих недрах еще более страшную угрозу для человечества! Если ты думаешь, что Человек может спокойно строить новую жизнь в то время, когда остальную часть человечества раздирают войны, ты глубоко ошибаешься. Это значит, что ты не знаешь истории!

Алланон вдруг замолчал, на его мрачном лице появилось выражение гнева. Ши все еще смотрел на него вызывающе, не желая полностью согласиться с ним. Однако внутри у него снова все сжалось, и он остро ощутил собственную ничтожность и беспомощность.

— Довольно об этом, — начал опять Алланон. Выражение его лица смягчилось, и он дружески похлопал Ши по плечу. — Прошрое уже позади, а мы должны думать о будущем. Позволь мне немного напомнить тебе историю Северных земель и легенду, связанную с Королевством Черепов. Я уверен, ты знаешь, что Великие Войны положили конец преобладающему господству Человека среди других рас и народов. Человеческая раса почти полностью разрушила основы своего существования, изменилась даже география. Произошли разительные перемены. Страны,

народы, правительства прекратили свое существование, как только последние представители человеческой расы стали спасаться бегством к югу, надеясь выжить в одиночку. Это было тысячу лет назад, еще до того, как Человек возвысился над животными, за которыми он охотился, и создал прогрессивную цивилизацию. Она была по-своему примитивна, но в ней царил порядок, регламентированный правительством. Постепенно Человек стал открывать для себя, что, кроме него, мир населяют иные народы — существа, которые выжили в ходе Великих Войн и создали свои собственные расы. Это были громадные Тролли в горах, очень сильные, свирепые и могущественные. На холмах и в лесах обитали маленькие хитрые существа, которых мы теперь называем Гномами. Не раз сражались они, Человек и Гномы, за право на землю. И каждый раз обе расы несли большие потери. Их борьба была вызвана естественным желанием выжить. Поэтому у существ, которые сражались за свое существование, не возникало сомнений в правильности своих действий.

Вскоре Человек обнаружил, что появилась еще одна новая раса. Это — народ, который спасся бегством в недра земли от разрушительных воздействий Великих Войн. Годы жизни, проведенные в глубоких расщелинах, скрытых от солнечного света, изменили внешность этого народа. Они стали низкорослыми и коренастыми; крепкие сильные руки и хорошо развитая грудная клетка, мощные, толстые и короткие ноги позволяли этим существам свободно ползать и передвигаться под землей с удивительной быстротой и ловкостью. По сравнению с другими существами они обладали способностью прекрасно видеть в ночное время, а при солнечном свете они ориентировались из рук вон плохо. Ночной мрак и сырые расщелины подземелья были их царством. Они провели под землей многие сотни лет, прежде чем вновь отважились появиться на поверхности земли. В первое время им пришлось очень трудно: глаза их слепил дневной свет, они с трудом различали друг друга и испытывали большие трудности в процессе добывания пищи и прочих житейских делах. Они устраивали свои жилища в густых лесных чащах, куда не проникали лучи солнечного света, в основном, это были Восточные земли. Они создали свой собственный язык, хотя позднее опять вернулись к языку Человека. И, когда Человек впервые обнаружил остатки этой затерянной расы, он назвал их Карликами.

Его голос затих, и на какое-то время он погрузился в полное молчание, устремив неподвижный взгляд на верхние склоны холмов, которые, словно крупные сверкающие изумруды, играли и переливались в ярких лучах полуденного солнца. Ши думал над тем, что поведал ему историк. Никогда не видел он троллей, лишь несколько раз ему встречались гномы и карлики, да и тех Ши едва помнил.

— Что ты знаешь об Эльфах? — спросил, наконец, Ши.

Алланон задумчиво посмотрел на него и, склонив голову, продолжал:

— Ах, да, я совсем забыл. Эльфы — это поистине замечательный народ. Возможно, это самые прекрасные и великие люди из всех, кого мы знаем на этой планете. Однако ни один из них не только не сознает это, но и не подозревает о своей уникальности. История Эльфов еще ждет своего звездного часа; когда-нибудь этих людей оценят по заслугам. Они, в основном, обитали в высоких лесах Западных земель, и представители других рас редко сталкивались с ними в тот период истории.

Ну, а теперь посмотрим, как хорошо ты знаешь историю Северных земель, мой юный друг. В наши дни эту землю в преобладающем большинстве населяют Тролли. Вряд ли представители других рас отваживаются ступить на эту бесплодную, внушающую ужас землю, а тем более поселиться там. Однако Тролли приспособились и хорошо живут в этой стране. Сегодня Человек беззаботно живет в тепле и комфорте, среди богатых растительностью холмов и лесов, на плодородных землях, в условиях мягкого и теплого климата. И в наши дни люди забыли, что когда-то эти Северные земли населяли различные существа, представители других рас, а не только Тролли в горных районах севера. На равнинах и низменностях, в лесах и долинах жили Человек, Карлики и Гномы. Это были благословенные годы, когда все народы были объединены общей целью построить новую цивилизацию со своими идеалами и законами, создать многоликую и богатую культуру.

Это была превосходная перспектива. Однако сегодня люди совсем забыли об этом. Оскорбленное самлюбие и недалекость мешают им понять то, что Человек символизирует собой не только побежденную расу, пытающуюся жить в изоляции от тех, кто нанес ему поражение и искалечил его гордую душу. Человеческая раса представляет собой нечто гораздо большее, мой друг.

В те времена не было пресловутого деления на страны. Была общая земля, которую надо было возрождать совместными усилиями различных рас. Возможно, в то время все эти народы сами не понимали высокую значимость всего этого. Так и бывает... Лишь время способно дать верную оценку событиям. С течением времени в сознании различных народов, проживавших на этой земле, стали возникать собственнические интересы и честолюбивые амбиции. Они уверовали в то, что все, чем они владеют, принадлежит им по праву, и постепенно стали создавать свои маленькие изолированные сообщества, свои уединенные мирки. И представители каждой расы были совершенно уверены в своем неоспоримом превосходстве над другими народами. Они стали похожи на свирепых крыс, которые стерегут украденный жалкий кусочек сыра. Увы, мой друг, и Человека, со всем его величием и великолепием, постигла та же позорная участь. И он не удержался от унижительной охоты за жалким лакомым куском. Тебе известно это, Ши?

Житель Долины растерянно покачал головой, не в силах поверить всему тому, что поведал ему Алланон. Неужели и в самом деле все сказанное им — чистейшая правда? Ему всегда рассказывали, что со времен Великих Войн именно Человек подвергался преследованиям и гонениям и, стараясь сохранить свою честь и защитить собственное достоинство, Человек отчаянно защищался от варварских нападений со стороны представителей других рас. В этих сражениях Человек никогда не выступал как угнетатель или притеснитель. Он отчаянно защищался. Будто прочитав его мысли, Алланон мрачно улыбнулся, и было что-то насмешливое, едкое и саркастическое в этой усмешке. Казалось, он был доволен, что Ши понял все несовершенство Человека.

— Да, я вижу, тебе трудно поверить во все это. А это всего лишь ничтожная доля того, что я собираюсь тебе рассказать. И дальнейшее удивит тебя еще больше. На самом деле Человек никогда не был таким безупречным носителем совершенства, и при всем мнимом величии ему были свойственны неблагоприятные стремления и корыстолюбивые поступки. Он вступал в конфликты наравне с другими народами, хотя, возможно, глубже понимал разрушительный характер этих убийственных столкновений. И в сравнении с другими расами Человек, несомненно, обладал более высоким понятием чести, разумом, и цели его были не так хитры и примитивны. Достаточный уровень

цивилизации не дал ему пасть совсем низко, но падение все равно было... И нельзя закрывать на это глаза. — Алланон говорил четко, уверенно взвешивая каждое слово, сопровождая едкой, ироничной улыбкой цепь своих размышлений. — Однако все сказанное имеет лишь косвенное отношение к нашему разговору. Самое главное — впереди.

Это было примерно в то время, когда различные народы обнаружили ряд иных сообществ и стали сражаться за право господства... Именно в это время на благодатных просторах Северных земель, в замке Паранор, образовался Совет Друидов. Истории мало известно о происхождении, значении и роли Друидов; известно всего лишь, что это была группа высокообразованных людей — представителей всех человеческих рас. Эти люди обладали огромным интеллектуальным и творческим потенциалом, их отличали искусные навыки и гуманистические идеалы. Они вобрали в себя весь полезный опыт прошлого, обобщили его и обогатили этими знаниями окружающих. Они трезво оценивали настоящее и смело мечтали о будущем. Это были философы, жрецы, прорицатели, люди, которые обладали блестящими познаниями в области науки и искусства. Они были учителями и вели за собой все народы. Они наделяли людей могущественной силой — силой знаний в различных областях и сферах человеческой жизни и окружающего ее мира. Вождем и вдохновителем Друидов был человек по имени Галафайл, такой же историк и философ, как я. Он призвал всех самых мудрых людей всех частей света объединиться и создать совет, тем самым желая установить на земле мир и порядок. Он верил в умение этих жрецов управлять большими сообществами людей, верил в их редкую способность влиять на умы и души разных народов.

В те годы Друиды являли собой могущественнейшую силу, тем самым оправдывая смелый план Галафайла. Но шло время. И оно выявило жрецов, философов, людей из Совета Друидов, обладающих столь мощными и уникальными способностями, что обычному человеку казалось невероятным это редкостное сочетание гениального ума, прозорливости и феноменальных способностей этих людей осуществлять свои дерзновенные планы. Мне трудно объяснить тебе, какими беспрецедентными способностями и какой высочайшей интеллектуальной мощью обладали эти люди. Для этого у нас слишком мало времени. Однако самое главное заключалось в том, что многие сильнеешие умы из Совета Друидов в полной мере осознали соб-

ственную способность оказывать влияние на будущее человечества. Они понимали необходимость этого, считая, что, используя разумно опыт прошлого и настоящего, можно по кирпичику закладывать здание будущего и уже сегодня освещать его смелыми планами и гениальными фантастическими прожекторами. Это было редкое созвездие умов. С течением времени они вышли из Совета Друидов и сформировали собственную группу людей, объединенных едиными планами и целями. Еще спустя некоторое время они исчезли из поля зрения и вскоре были забыты.

Около полутора сотен лет спустя, уже после исчезновения великих умов, выделившихся из Совета Друидов, разразилась страшная гражданская война на территориях, где жил Человек. И постепенно эта гражданская война переросла в Первую Войну Рас. Так ее стали именовать историки. Даже в то время причины, породившие эту войну, оставались неизвестными; если и возникали какие-то исторические догадки по прошествии многих лет, то сейчас о них совсем забыли. Короче говоря, некоторая часть людей, представляющих высокосозначимую расу Человека, восстала против учений и действий Совета и организовала могущественную и хорошо подготовленную армию. Провозглашенной целью восстания было подчинение всех остальных людей и представителей других рас главной или центральной власти. По мнению восставших, именно под эгидой этой власти Человек откроет для себя новые пути развития и самосовершенствования и утвердится в своем гордом и великом предназначении. Почти все территории, которые населял Человек, включились в эту войну, чтобы выполнить поставленную цель. Центральной фигурой, стоявшей за всем этим, был человек по имени Брона — древнее название «Мастера» у Гномов. Говорят, именно он, Брона, был руководящей силой у всех Друидов Первого Совета. Никто никогда не видел этого человека, тем более не говорил с ним. В конце концов, стали считать, что Брона — это всего-навсего имя, некое подобие символа, а может быть, просто вымысел. Восстание, если его можно так назвать, было окончательно подавлено объединенными усилиями Друидов и представителей других сплотившихся между собой рас. Известно ли тебе это, Ши?

Житель Долины кивнул головой, и по его губам пробежала легкая улыбка.

— Я слышал о Совете Друидов, об его целях и действиях — это все из древней истории. Мне также

приходилось слышать и о Первой Войне Рас, правда, в несколько ином свете. Но, в конечном итоге, ясно одно: эта война стала жесточайшим уроком для Человека.

Ши замолчал, видимо, тщательно обдумывая все, что ему известно из истории тех времен. Алланон сидел и терпеливо ждал.

— Я знаю, что когда кончилась война, оставшиеся в живых представители нашей расы были вынуждены спасаться бегством к югу; многие из них и сейчас проживают там, восстанавливая разрушенные города и жилища, всеми силами пытаясь создать новую жизнь. По твоему мнению, стремление к изоляции продиктовано простой причиной — страхом. Однако я не согласен с тобой. Это — наилучший способ выжить в нашем мире. Централизованная власть, воплощенная в правительстве, всегда представляла для человечества самую большую опасность. Сейчас ничего этого нет. Только небольшие сообщества со своим порядком, законами, правилами и устоями. Это очень удобно.

Высокий странник засмеялся. Его резкий мрачный смех сразу поверг Ши в глубокое уныние. Все сказанное, им в одну минуту стало глупым и ничтожным. Он отчетливо сознавал это, видимо, вновь под действием неведомых сил подчиняясь воле и разуму своего собеседника.

— То, что ты говоришь, выглядит достаточно правдоподобным и разумным лишь с очень узкой точки зрения. Как же ты мало знаешь! Трюизмы, мой юный друг, проявление беспечного детского легкомыслия. Однако я отнюдь не собираюсь спорить с тобой по вопросу проведения социальных реформ, оставим в покое политическую активность. Лучше скажи мне, что тебе известно о существе по имени Брона. Быть может... нет, подожди немного. Кто-то идет сюда.

Едва Алланон произнес эти слова, как из-за угла гостиницы появилась коренастая фигура Флика. Житель Долины остановился в нерешительности, увидев Алланона, и вопросительно посмотрел на Ши, потом опять перевел взгляд на высокого пришельца. Алланон внимательно посмотрел на только что подошедшего юношу, и уголки его необычных губ медленно вытянулись в загадочной и слегка насмешливой улыбке.

— Я не знал, что вы разговариваете здесь, и совсем не хотел мешать вам, — сказал Флик, обращаясь к брату.

— Ты не помешал нам, — быстро ответил Ши. У Алланона, казалось, было на этот счет другое мнение.

— Этот разговор предназначался только для тебя, Ши, и ни для кого больше, — твердо заявил странник. — Если твой брат решит остаться, это предопределит его судьбу на все последующие годы. Я, со своей стороны, не советовал бы ему оставаться и стать участником нашего разговора. Об этой беседе ему вообще лучше забыть. Однако пусть он сам сделает свой выбор.

Братья испуганно посмотрели друг на друга, будучи не в силах поверить в то, что этот великан говорит совершенно серьезно. Но мрачное лицо странника окончательно убедило юношей в том, что ему совсем не до шуток. Какое-то мгновение оба брата стояли в полном замешательстве, не в силах произнести ни слова. Наконец, Флик сказал:

— Я не знаю, о чем вы говорили, но Ши — мой брат, и то, что происходит с ним, имеет ко мне прямое отношение. Если ему грозит опасность или он в беде, я должен быть с ним и помочь ему. Это мой выбор. Другого решения быть не может.

Ши изумленно посмотрел на брата. В его словах были искреннее волнение и твердая решимость. Никогда еще Ши не был так горд за брата, как в эту минуту. И он благодарно улыбнулся Флику. Через минуту оба брата уже сидели на траве, рядом друг с другом, плечо к плечу, как будто надеялись, что вместе они выдержат испытания, которые им предстоит пережить. Они оба нисколько не сомневались в своей причастности к тревожным загадочным событиям этих дней, в которые их вовлекла чья-то железная неведомая воля. Но почему именно их? Какое отношение они могут иметь к пространным рассуждениям Алланона о судьбах человечества? Этот вопрос то и дело мучительно возникал в их сознании. Между тем путешественник посмотрел на Флика, погладил свою черную бороду и неожиданно широко улыбнулся.

— Итак, юноша, ты сделал свой выбор. Ты доказал, что ты настоящий брат. Это делает тебе честь. Однако слова — это одно, а дела и поступки — это нечто несравнимо большее. Будешь ли ты так же решителен и непреклонен, когда придет время действовать? Не пришлось бы тебе пожалеть о своем смелом выборе...

Он откинулся назад и задумчиво посмотрел на Флика, как бы взвешивая в уме, сможет ли он взвалить на себя и мужественно пронести те тяжелые испытания, которые судьба уготовила для него и для Ши. На лице Флика

было все то же выражение гордой решимости разделить судьбу брата. Выбор был сделан.

— Хорошо, пусть будет так. Однако я не могу начать все сначала. Пусть твой брат слушает, и со временем ему будет ясен смысл разговора, который шел между нами до его прихода. Скажи мне, Ши, что ты знаешь о человеке по имени Брона?

На какое-то мгновение Ши задумался и недоуменно пожал плечами.

— Я знаю очень мало... Это никогда особенно не интересовало меня. Как ты уже сказал, Брона — это своего рода миф, символ, который был, тем не менее, духовным руководителем и незримым организатором восстания в период Первой Войны Рас. Есть веские основания полагать, что он принадлежал к тем Друидам, которые выделились из Совета и, используя коварные замыслы и сильную власть, овладели умами многих людей, и повели их за собой. Как свидетельствует история, никто никогда не видел человека по имени Брона. Его не захватывали в плен и не убивали на поле брани. Он вообще не существовал.

— Ты совершенно прав, если верить только историческим фактам, — сказал Алланон. — Однако все было гораздо сложнее. Скажи-ка мне, что тебе известно о нем в связи с разразившейся Второй Войной Рас?

Ши улыбнулся. Для него ответ был ясен и прост.

— Легенда гласит, что Брона был руководящей духовной силой в этой войне, однако, все это чистейшей воды вымысел. Предполагалось также, что он был той самой фигурой, которая сыграла решающую организаторскую роль в Первой Войне Рас, но тогда этот человек носил имя лорда Уорлока. Таким образом, согласно легенде Друид, Брона является таинственным двойником злонамеренного лорда Уорлока. Однако все это только домыслы.

Флик убежденно кивнул, всем своим видом показывая, что полностью согласен с братом. Но Алланон, казалось, имел на этот счет иное мнение.

— Почему мы говорим об этом? Какое отношение к нам имеют эти события? — по-прежнему недоумевал Ши.

Алланон резко поднял голову и в сердитом изумлении посмотрел на Ши. Его косматые брови угрожающе сдвинулись и грозно нахмурились.

— Ты поразительно нетерпелив, Ши. В течение всего нескольких минут перед нами прошла история тысяче-

тий. Уверяю тебя, ты очень скоро узнаешь, почему я говорю об этом. Наберись терпения и не перебивай меня.

Ши кивнул в ответ. Резкий тон пришельца отнюдь не обидел его. Наоборот, было что-то таинственное, завораживающее в его грозном голосе и насмешливой улыбке с едва скрытым сарказмом. Житель Долины с готовностью подчинился требованию великана и приготовился слушать дальше.

— Хорошо, — продолжал странник. — Постараюсь быть краток. То, о чем мы сегодня говорили, имеет прямое отношение к твоему вопросу — зачем я искал тебя. Мне было необходимо возродить в твоём сознании события Второй Войны Рас — последней из войн в человеческой истории, которая разразилась пятьсот лет назад на Северных землях. Сам Человек не принимал участия в этой войне: он еще тяжело переживал свое поражение в первой войне. Представители человеческой расы жили в то время в самом центре Северных земель. Они создали небольшие сообщества, прилагали громадные усилия для возрождения разрушенных ценностей. Однако призрак войны, угроза истребления по-прежнему жили в их сознании. И так, во второй войне две высокочтимые расы — Эльфы и Карлики — сражались с мощной армией жестоких и свирепых Троллей и хитрых Гномов.

Когда закончилась Первая Война Рас, мир раскололся на четыре ныне существующие территории — Южные, Северные, Восточные и Западные земли. Какое-то время расы вели мирное сосуществование. Именно тогда наметилась тенденция к ослаблению роли и значимости Совета Друидов. Совет мудрецов, которые неразделимо властвовали над умами народов, теперь незаметно распался. И в течение какого-то исторического периода жрецы потеряли власть и жили обособленно, мало интересуясь социальными проблемами и целиком углубившись в изучение наук и процессы медитации. Народ Эльфов был поистине замечательным: смелым, умным, гордым. Но они жили почти в полной изоляции на Западных землях — и это было их ошибкой. Впоследствии им придется тяжело сожалеть об этом.

В первые дни Второй Войны Рас несметные ряды сильной армии Троллей захватили высоты Чарнальских гор и все Северные земли, включая крепость-цитадель Друидов — замок Паранор. Власть Друидов была подавлена не только внешними врагами, но и внутренними. Они были почти полностью разгромлены, уцелели лишь

единицы. Эти немногочисленные жертвы были схвачены и брошены в темницы цитадели Друидов. Никто их больше никогда не видел. Друидам, которым чудом удалось избежать страшной участи своих собратьев, разбредлись по свету и затаились. Между тем могущественная армия Троллей продолжала решительное наступление на Восточные земли, где жили Карлики, намереваясь обрушить на них всю свою сокрушительную силу и мощь. Карлики, многочисленными и крепкими рядами собравшись в непроходимых чащах Аннарских гор, которые никто не знал лучше них, оказали жесткое и твердое сопротивление полчищам Троллей. Против Карликов — одновременно с Троллями — выступила хорошо организованная армия Гномов. И вскоре после тяжелых битв, где все участвующие стороны несли большие потери, в результате объединенных усилий Троллей и Гномов — Карлики были разбиты. И Тролли немедленно направили свои легионы на Запад, где вел спокойное существование народ Эльфов. В это время несколько Друидов, которым посчастливилось избежать заточения в замке Паранор — цитадели Друидов, добрались до королевства Эльфов и пытались предупредить их о надвигающейся угрозе нападения. Королем Эльфов был Джерл Шаннара — величайший из всех королей Эльфов. Исключение составляет только Эвентин. Но об этом позже. Друиды успели предупредить короля о готовящемся нападении на его земли. Правитель Эльфов немедленно собрал свою армию, и организованные ряды Эльфов вскоре двинулись навстречу ордам свирепых Троллей. Я не сомневаюсь, что ты хорошо знаешь историю и помнишь, чем закончилась эта битва. Я лишь хочу обратить твое внимание на некоторые детали.

Флик и Ши — оба взволнованно кивнули.

— Друид Бремен дал Джерлу Шаннара особый меч для борьбы против Троллей. Человек, обладавший этим мечом, становился непобедимым и неуязвимым даже перед устрашающей мощью лорда Уорлока. Когда легионы Троллей вступили в долину Ренн на границе с королевством Эльфов, на них мощными рядами обрушилась сплоченная армия Эльфов, и после двухдневных тяжелых боев наступление Троллей было отбито. Народ Эльфов одержал уверенную победу под предводительством Друидов и Джерла Шаннара, который стал единственным обладателем славного Меча, данного ему Друидом Бременом. Говоря, свирепым Троллям помогали таинственные мистические силы, инспирированные лордом Уорло-

ком. Однако смелость и доблесть воинов народа Эльфов, высокое организаторское умение и мудрость короля Эльфов, а также магическая сила легендарного Меча помогли им одержать блестящую победу над Троллями. Когда последние разбитые легионы Троллей отчаянно пытались скрыться в северном направлении, через Равнины Стрелехайма, их настигли мощные ряды армии Эльфов. В ходе страшной и кровопролитной битвы были полностью уничтожены остатки былой мощи армии Троллей. В ходе сражения бесследно исчез Друид Бремен. И ничего до сих пор неизвестно о его судьбе. Это удивительным образом напоминает внезапное и необъяснимое исчезновение зловещего лорда Уорлока в Первой Войне Рас. И по сей день история ничего не знает о них. Бесспорно одно: тела их не были обнаружены.

Джерл Шаннара обладал знаменитым Мечом на протяжении всех лет до своей смерти. Впоследствии его сын передал легендарный Меч Совету Друидов в замке Паранор, где он в дальнейшем хранился на огромном каменном пьедестале под сводами цитадели Друидов. Я уверен, что ты хорошо помнишь легенду и отдаешь себе отчет в том, что эта легенда о Мече означает для всех рас. Великий Меч покоится ныне в замке Паранор, как и пятьсот лет назад. Достаточно ли глубоко я открыл тебе суть исторических событий, житель Долины?

Все еще находясь в странном оцепенении, Флик кивнул. Он был ошеломлен рассказом Алланона. В его сознании все еще жили волнующие картины значительных событий, где действовали зловещие фигуры и мудрые жрецы. Он не понимал, как могли бесследно исчезнуть лорд Уорлок и Друид Бремен. Было в этом что-то страшное, мистическое, недоступное для обычного человеческого разума. В отличие от брата Ши с вызовом посмотрел на Алланона. У него в душе медленно поднималось чувство нарастающего протеста. Все, что излагал странствующий пришелец, было не что иное, как вымысел. Единичные факты, не находя дальнейших логических объяснений, оказывались навсегда погребенными под мощным покровом мифического наслоения. Все это было похоже на рассказы из золотой поры детства, когда правда и вымысел идут совсем рядом, соприкасаясь, и волнуют, завораживают чуткое детское воображение. Но время детских фантазий прошло. И трезвый рассудок юноши не хотел безоглядно принимать на веру невероятные факты. Вся эта история с Мечом выглядела зага-

дочной, и Ши не покидало ощущение, что странник его разыгрывает, пытаясь всячески воздействовать на его воображение.

— Скажи все-таки, какая существует связь между всем этим и твоим приходом в Тенистую Долину? — совершенно осмелев, продолжал настаивать Ши. На его лице была вежливая улыбка с явным оттенком недоверия. Будучи искренним, честным, правдивым, наделенным тем трепетным пылом юности, остудить который способен лишь время, он был исполнен страстным желанием узнать истину. И ради достижения этой цели был готов бороться.

— Ты рассказал нам о битве, которая имела место пятьсот лет назад. Довольно большой срок даже для истории. Как Первая Война Рас, так и Вторая Война Рас вообще не затронули интересы Человека. Эти разрушительные войны имели лишь прямое отношение к Троллям, Эльфам, Карликам и еще бог знает к каким существам. Разве не так? Ты говорил, что в то время могли действовать духи, призраки, а люди нередко наделались особыми магическими способностями. Значит, существовали сверхлюди? Я прошу извинить меня, однако, в наши дни само понятие «сверхчеловек» представляется весьма сомнительным. Твой рассказ впечатляет, иногда потрясает... Многие вещи кажутся непостижимыми. Они выше обычного уровня человеческого понимания. И становится ясным одно: либо все эти необычные события вообще не происходили, и все это не что иное, как вымысел, либо мы, люди, еще не доросли до осознания сверхсил. Скорее всего, это плод фантазии. Легенду о славном Мече Джерла Шаннара знают представители всех рас, но ведь это — прекрасный миф, не более. Это — не исторический факт. Эта знаменитая легенда призвана вызывать у народов чувство долга и чести, храбрость, героизм, более того, она должна напоминать им об ответственности каждого за судьбы различных рас. И все-таки это легенда, прекрасная и немного загадочная, именно такая, какой ей и надлежит быть. Мы все выросли из этой легенды. Можешь ли ты все-таки сказать мне, почему ты потратил столько времени на рассказ обо всех этих странных событиях. Отчего ты прямо не можешь или не хочешь ответить на мой вопрос? Зачем ты искал... меня?

При этом взволнованный голос юноши дрогнул. Ши невольно сжался и сделал несколько шагов назад. Прямо на него смотрело страшное, ставшее совсем черным от

гнева лицо великана. Косматые брови прищельца устрашающе сдвинулись; казалось, из глаз с неистовой силой бьют молнии. Мрачная, зловещая волна недовольства и дикого возмущения захлестывала фигуру исполина. Совершенно разъяренный, он схватил хрупкого юношу своими огромными ручищами, поднял его высоко в воздух, почти над своей головой, несколько раз с силой встряхнул его и осторожно поставил на землю. Флик отступил назад и не мог вымолвить ни слова. Потрясение было столь велико, что он начал сомневаться: не оставляет ли его разум.

— Глупец... какой же ты глупец, — в ярости прошептал Алланон и заскрежетал зубами, видимо, не в силах справиться с охватившим его гневом, переходящим в неистовство. Однако через мгновение черты его лица смягчились. — Вы еще совсем дети. И так мало знаете! Что Человек знает о собственной истории вообще? Иногда люди, будто напуганные крысы, прячутся в расщелинах своего узкого сознания, охраняя свой ограниченный внутренний мир, и не желают видеть ничего больше. Ты осмеливаешься обвинять меня в том, что я рассказываю сказки, — ты, существо, не ведавшее жара сражений, не познавшее ни побед, ни поражений... Ты замкнулся в своей драгоценной Долине, тебе тепло и спокойно, а остальное человечество тебя не волнует. Я пришел сюда, чтобы найти потомка королей, а нашел глупого мальчишку, который еще не научился мыслить и поступать так, как это подобает именитому отпрыску.

И тут небо стало свидетелем того, что Флику не могло бы присниться в самом страшном сне. Он готов был провалиться сквозь землю или вообще исчезнуть с лица земли, когда увидел, к своему величайшему изумлению, что Ши, его брат, упал на колени перед разгневанным великаном. Казалось, это был не он. Какая-то неведомая, таинственная и грозная сила заставляла его поступать неподобающим образом. Дар речи оставил Флика. В жутком оцепенении и ярости смотрел он на хрупкую фигуру брата, склонившегося перед устрашающим прищельцем. Однако Алланон не обращал на Флика никакого внимания.

— Поднимись, Ши. И не совершай новые глупости! Слушай внимательно, что я скажу тебе. Все то, что я поведал вам, стало достоянием истории. Это отнюдь не легенда, а тем более не вымысел. Все, что я рассказал вам, — чистая правда. Небеса и горы могут подтвердить

это. Меч Джерла Шаннара — это реальность! Он существует! Сейчас этот легендарный Меч покоится в замке Паранор. Но самым главным и страшным, пожалуй, является то, что сам лорд Уорлок — это еще одна реальность, которая грозит бедой остальному человечеству. Лорд Уорлок жив и по сей день! И Королевство Черепов — его владение!

Ши поднялся с колен, как бы медленно приходя в себя от потрясения. На самом деле сила всего сказанного пришельцем была столь велика, что в душе юноши, едва живого от хлестких ударов действительности, все больше и больше росла уверенность в том, что все это правда. Ши внезапно пошатнулся. И, почти теряя сознание, прошептал побелевшими губами, обращаясь к Алланону:

— Ты сказал... что пришел найти потомка королей?..

— Скажи мне еще раз, Ши, что гласит легенда о Мече Шаннара? Какие слова начертаны на каменном пьедестале, где покоится легендарный Меч?

Страх и бурное волнение переполняли душу юноши. Казалось, он лишился способности говорить, вспоминать, действовать. Страшная догадка обожгла его. И он рухнул на землю в изнеможении, не в силах произнести это.

— Я не знаю... Не могу вспомнить, — едва слышно прошептал он.

— Сын! — неожиданно воскликнул Флик. — «Когда лорд Уорлок снова появится на Северных землях, наследник рода Шаннара должен поднять против него Меч.» Так сказано в легенде.

Ши испуганно посмотрел на брата, мучительно вспоминая слова легенды. Потом перевел растерянный взгляд на Алланона, который внимательно наблюдал за юношей.

— Какое это отношение имеет ко мне? — спросил Ши, все еще внутренне сопротивляясь и не желая верить в то, что было уже почти очевидно. — Я не являюсь потомком рода Шаннара. Я даже не чистокровный эльф. В моих жилах течет смешанная кровь. Насколько я знаю, наследником рода Шаннара является Эвентин. Ты хочешь сказать, что я и есть потерянный сын — наследник рода Шаннара? Не могу поверить в это.

Ши с надеждой посмотрел на брата, пытаясь найти у него поддержку. Однако Флик, находясь в состоянии полного оцепенения, неотрывно смотрел на пришельца.

— Поверь мне, юноша! — тихо сказал Алланон. — Действительно, в твоих жилах наполовину течет кровь Эльфов. Верно и то, что ты — не родной сын Курзада

Омсфорда. Все это ты хорошо знаешь. Но есть еще одно обстоятельство... Эвентин не является прямым наследником рода Шаннара.

— Да, я всегда знал, что являюсь приемным сыном, — согласился житель Долины, — но могу ли я происходить из...

Ши остановился. Дрожащие губы не осмеливались произнести то, что он, наконец, со всей очевидностью понял. Он опять посмотрел на брата. Флик безмолвствовал. Его фигура была неподвижна. Непроницаемый взгляд устремлен на Алланона.

— Нет! Этого не может быть! — в глухом отчаянии прошептал Ши. Он обхватил голову руками, будто пытаясь сбросить тяжкое наваждение. А Алланон между тем продолжал:

— Ты наследник дома Шаннара, хотя и не чистокровный и не представляешь прямую линию рода, который насчитывает более пяти веков. Я знал тебя еще ребенком, задолго до того, как тебя взяли в дом Омсфордов и ты стал полноправным членом их семьи. Твой отец был эльфом. Это был поистине замечательный человек. Твоя мать принадлежала к человеческой расе. Они оба умерли, когда ты был еще совсем ребенком. Ты, вероятно, плохо помнишь их или не помнишь совсем. Тем не менее, ты действительно являешься потомком Джерла Шаннара, хотя и не по прямой линии, да и по крови ты не чистый эльф.

Уже смирившись со своей судьбой, которая предвещала бог знает какие головокружительные события, Ши молча сидел на траве и во все глаза смотрел на Алланона. Волна тихого отчаяния медленно поднималась в нем, отчаяния, смешанного с чувством страха и новой ответственностью за свою принадлежность к славному роду Шаннара. А где-то глубоко, в самых тайниках его души, еще теплилась надежда на то, что все это не так, что все это кошмарный сон и Меч рода Шаннара не имеет к нему никакого отношения. И Ши с мольбой в глазах смотрел на пришельца. Флик все еще находился в состоянии величайшего волнения, которое постепенно сменилось изумлением. «Это невероятно», — подумал житель Долины и буквально впился глазами в лицо своего брата, как будто видел его впервые.

— Что все это значит? — спросил Флик, первым сбросив с себя оцепенение.

— Все, что я рассказал тебе, известно также Лорду Тьмы. Он все знает. Единственно, этот страшный человек

не знает пока, ни где ты живешь, ни кто ты есть на самом деле. Однако он знает, что где-то на земле должен объявиться наследник дома Шаннара. И рано или поздно его эмиссары найдут тебя и уничтожат.

Голова Ши в изнеможении упала на грудь. Через минуту глаза юноши вновь наполнились страхом. Он смотрел на Флика и, казалось, понял, отчего тот весь содрогнулся и в отчаянии закрыл лицо руками. Почти одновременно оба брата вспомнили о громадном зловещем облаке, которое пронеслось над застывшей в безмолвии Долиной. Это было грозное предупреждение о надвигающейся опасности, весь ужас и размеры которой едва могли бы с чем-то сравниться. Ши и Флика захлестнуло это тяжелое чувство полной безысходности. Казалось, скрылось во мраке солнце, тьма поглотила свет, и что-то страшное, неизбежное, пугающее и неотвратимое с каждой минутой надвигалось все ближе и ближе.

— Но почему? — спросил Ши, с трудом собирая последние силы. — Почему я заслужил такую участь? Что я сделал этому Лорду Тьмы? В чем моя вина? — продолжал лихорадочно спрашивать юноша.

— Тебе предстоит узнать еще очень многое, Ши, прежде чем ты получишь ответ на свой вопрос, — печально сказал Алланон. — К сожалению, у нас нет времени, чтобы продолжить рассказ. Оставим это до следующего раза. Но ты должен обещать мне одну вещь. Ты обязан поверить мне раз и навсегда. Все, что я рассказал тебе, — чистейшая правда: то, что ты наследник рода Шаннара, что наполовину в тебе течет кровь Эльфов и что ты лишь приемный сын Омсфордов. Запомни, ты единственный ныне живущий продолжатель рода Шаннара, ты единственный потомок Джерла Шаннара. Тебе, вероятно, еще не известно, что было немало ложных наследников древнего рода, однако, они были либо чистокровными Эльфами, либо просто самозванцами. В конечном итоге, все они были найдены и уничтожены. Вот почему так долго не может тебя найти Лорд Тьмы. Он еще не знает, что существуешь ты.

И знай, Ши. Меч Шаннара обладает неограниченной силой и мощью. И страх быть побежденным этим Мечом приводит в дикий ужас Брону: Меч — это единственная сила, которой он не сможет противостоять. Легенда о Мече завораживает сознание у представителей многих рас. Это своего рода заветный талисман, который человечество держит в своих руках, и Брона хочет положить конец этому. Для этого ему надо уничтожить весь род Шаннара

и не допустить того страшного момента, когда явится сын Шаннара и поднимет против него Меч.

— Да, но я ничего не знаю о Мече,— решительно запротестовал Ши.— Я сам до сих пор не знал, кто я в действительности по происхождению. Мне так мало известно из истории Северных земель...— продолжал отбиваться юноша, не в силах взвалить на себя эту непосильную, нечеловеческую и потому непостижимую по своей тяжести ношу.

— Все это не имеет никакого значения,— резко прервал его Алланон.— Если бы ты был мертвым, вот тогда бы в тебе не было сомнений. И уж тем более никто другой не сомневался бы на твой счет.— Его голос перешел в глухой шепот, невнятный и едва различимый, и внезапно растворился в тишине дня. А могучий пришелец вновь устремил свой таинственный взгляд на отдаленные вершины холмов. Ши в совершенном изнеможении лег на мягкую траву, подложил руки под голову и посмотрел в небо. Высоко-высоко в нежной голубизне проплывали белые воздушные клубящиеся облака. Золотистые лучи солнца, казалось, насквозь пронизывали их. Окутанные этим чудесным сиянием облака казались волшебными: они то медленно и плавно плыли по небу, то, причудливо изменяясь, стремительно неслись навстречу яркому солнцу. Ши почувствовал, что все его существо охватило то сладостное ощущение покоя и счастья, тишины и безмятежности, какое нередко бывало у него в детстве. Лебединые, торжественные облака медленной чередой уплывали на север. Нежное сияние этих облаков достигало земли, лица, и хотелось улыбаться солнцу, облакам, лесам, птицам, всему миру. Как тих и невыразимо прекрасен был мир! Он повернул голову. Над душистой травой неосязаемой волной струился благовонный воздух. В вышине звучали волшебные музыкальные трели. Одиноким жаворонок, кружась в лазурной тишине, пел о вольной жизни, весне, лете. Мириады легких насекомых, спрятавшись в зеленых коврах, неумолчно звенели и радовались жизни. Цветы и трава приветливо улыбались ему, покачиваясь от того, что на них садились тяжелые шмели, пчелы и пили жидкий пахучий нектар. В его сердце подымалась какая-то родственная нежная любовь к каждому дереву, травинке, цветку. Как спокойно и радостно жилось ему раньше... Острая тоска стиснула сердце, напомнила о мрачном Алланоне и зловещей тени, которая пронеслась над Долиной. Что ждет его впереди? Ши

охватило щемящее сожаление о несбывшихся мечтах, утраченных надеждах, сожаление о том, что не удалось — да, пожалуй, и не удастся — увидеть мир в его ошеломляющем великолепии. И если уж суждено умереть, так лучше здесь, среди благодного покоя и ласковой красоты летнего дня, под нежными лучами огромного солнца... Резкий посторонний звук заставил его очнуться. Ши открыл глаза и сел. Около него в задумчивости сидел Алланон и наблюдал за юношей. Тихая прелесть несбывшегося праздника жизни уходила все дальше и дальше. И Ши с тяжелым сердцем погружался в запутанный ворох вопросов, на которые он не получал ответа.

— Ты сказал, Алланон, что... мне угрожает смерть от руки... мифического существа? Что я должен, по-твоему, делать?

Впервые за все время на лице пришельца появилась теплая улыбка.

— В данный момент ничего. Пока для тебя нет прямой опасности. Хорошенько подумай над тем, что я тебе рассказал. Об остальном мы поговорим позже. Я с удовольствием отвечу на все твои вопросы. Однако никто, кроме твоего брата, не должен знать о нашем разговоре, даже твой отец. А пока води себя так, как будто нашего разговора не было вовсе.

Молодые люди переглянулись и согласно кивнули в ответ великану. На самом же деле в глубине души каждый из них хорошо понимал, как трудно им теперь будет жить, пока они не выберутся из плена тревожных мыслей и не избавятся от страха перед надвигающимися событиями. Алланон молча встал, выпрямился и стал растирать занемевшие мышцы. Братья тоже поднялись и молча наблюдали за ним.

— Легенды и мифы, которые бесследно растаяли в прошлом, обладают способностью оживать. И то, что вчера еще казалось несбыточным и ушедшим, может неожиданно появиться сегодня. Коварное, жестокое и бесправное зло, пролежав под пылью столетий, сегодня опять пробудилось. И над человечеством вновь нависла зловещая тень лорда Уорлока.

Я не хотел быть суровым к тебе, мой мальчик, — неожиданно добавил Алланон и ласково улыбнулся юноше. У Ши потеплело на сердце. — Однако ты должен знать, что сейчас человечеству угрожает серьезная опасность. Ты стоишь перед лицом реальной угрозы. Сказки и вымыслы остались в далеком детстве. Вряд ли грядущие

события принесут тебе счастье. Ты еще многое узнаешь о жизни в этом страшном мире.

Алланон замолчал, вновь устремив свой взор на зеленеющие холмы. Братья повернули головы и увидели, что по самому краю дальних холмов пробежала странная серая тень и исчезла так же стремительно, как и появилась. Алланон положил на плечо Ши свою огромную руку, с силой прижал его к себе, молча поклонился и удалился.

Глава 3

Планам Алланона поговорить о тревожных событиях в скором времени, видимо, не суждено было сбыться. Он стремительно исчез и оставил молодых людей в полном недоумении.

Флик и Ши медленно возвращались к реальности. Они зашли к отцу узнать, как идут дела, и вскоре их обоих отправили с очередным поручением. Путь предстоял на север. Однако, к счастью, ничего примечательного в пути не произошло. Никто не встретился им на дороге. В лесах было тихо. Закат тяжело пылал на кронах деревьев, покрывая их темной позолотой. У подножия деревьев было совсем темно и глухо. Бесшумно летали и как будто заглядывали в лицо летучие мыши. В лесу стоял тихий монотонный звон. День угасал. Вокруг разливалось звучание вечера. Между тем прославленный историк и путешественник так и не появлялся. Братья вернулись в гостиницу и сели ужинать. Ели молча, каждый думал о своем. Отец сидел рядом и хитро поглядывал на братьев. Закончив ужин, они решили заглянуть в комнату Алланона. Флик всячески протестовал против этого, невольно вспоминая тот ужас, который он испытал при встрече с великаном на лесной тропе. Но Ши был настойчив. Он уговорил Флика осторожно пройти мимо комнаты Алланона и украдкой заглянуть в нее.

Каково же было их удивление, когда они увидели, что дверь прищельца не заперта и в комнате никого не было. Все вещи стояли на своих местах. Казалось, Алланон и не ночевал здесь прошлой ночью. Они вышли из комнаты и в немом изумлении принялись лихорадочно искать великана в окрестностях гостиницы. Однако все поиски были тщетны. И братья пришли к заключению, что по какой-то неизвестной причине Алланон покинул Тенистую Долину. Ши едва мог скрыть свое возмущение

тем, что таинственный великан, обрушив на них головокружительный поток информации, бесследно исчез и даже не попрощался. Кроме того, Ши понимал, что с уходом Алланона он невольно лишился защиты и поддержки со стороны великана. Его сердце начинало тяжело и глухо биться всякий раз, когда он вспоминал страшный рассказ великого путешественника. Флик, в отличие от Ши, казалось, был даже доволен исчезновением Алланона. Братья расположились в креслах возле камина в одной из самых просторных и пустых комнат гостиницы. Флик всячески пытался успокоить брата. Не стоило огорчаться из-за неожиданного ухода таинственного странника. «Все к лучшему», — продолжал убеждать брата Флик. Теперь пришелец был уже далеко. Сила его гипнотического, ошеломляющего воздействия на ум и сердце юношей постепенно ослабевала, тем более что окружающая действительность то и дело возвращала их к реальной жизни. Несмотря на весь страх и непередаваемое ощущение ужаса, который вызывала фигура великана и необычные рассказы о событиях давно минувших дней, Флик так и не смог до конца поверить во все это. Во всяком случае, даже если все эти тревожные события и имели место в прошлом, то опасность или угроза для Ши представлялась ему явно преувеличенной, что-то наподобие страшной сказки.

Ши сидел молча и слушал рациональные рассуждения брата. Однако в глубине души он не переставал задавать себе один и тот же вопрос: что будет с ним дальше? Рассказ великого историка совершенно потряс его, лишив сна и покоя. И, хотя многое в этом рассказе казалось надуманным и малореальным, невозможно было теперь отрицать причастность Ши ко всем этим странным событиям. Пришелец появился так внезапно, обрушил на них свои умопомрачительные истории, предупреждал Ши о реальной опасности и в довершении всего бесследно исчез, как будто все остальное его уже не касалось. Где найти доказательство того, что Алланом не руководили собственные коварные замыслы и что он не ставил цель заманить Ши в ловушку? Вопросов было гораздо больше, чем ответов. А Флик между тем продолжал убеждать брата забыть обо всем и никогда не вспоминать эти загадочные события. Рассеянно слушая брата, Ши думал о своем. Флик замолк и стал задумчиво смотреть на огонь. А в сознании Ши вновь и вновь возникали зловещие картины имевших место событий. Сердце замирало при

мысли о том, что он, Ши, становится теперь чуть ли не центральной силой в этой непонятной исторической раскладке. Вскоре братья поднялись и молча направились в свою комнату. События прошлого дня больше не обсуждались. Казалось, силы опять оставили их. Войдя в комнату, Ши обессилено опустился в кресло и обхватил голову руками. Флик тяжело рухнул на кровать и устался в потолок. В помещении воцарилась мрачная тишина.

Две свечи на небольшой тумбочке возле кровати тускло освещали большую комнату, и Флик почувствовал, что его неудержимо клонит ко сну. Вытянувшись на кровати во весь рост, он придвинул подушку и уже почти положил на нее голову, как рука его неожиданно наткнулась на сложенный вдвое листок бумаги. Видимо, листок появился здесь еще задолго до того, как братья вошли в комнату. В крайнем удивлении Флик поднес листок к глазам и увидел, что он адресован Ши.

— Что это? — с дрожью в голосе спросил он брата, который находился в совершенной прострации, и протянул адресованный ему листок.

Трясущимися руками Ши развернул листок. Буквы прыгали у него перед глазами. Через несколько мгновений он овладел собой, пробежал верхние строчки и резко выпрямился.

Флик сразу понял, от кого это письмо.

— Это письмо от Алланона, — словно подтверждая мысли брата, сказал Ши. — Слушай, Флик:

«Я не успел найти тебя и не рассказал еще многое, что должен был рассказать. Случилось нечто чрезвычайно важное, и я был вынужден так стремительно исчезнуть. Однако ты должен беспрдельно доверять мне и верить всему, что я рассказывал тебе. Даже если я никогда больше не вернусь в Долину, ты должен поверить мне до конца.

Через некоторое время тебя настигнет беда, если ты останешься в Тенистой Долине. Приготовься бежать. Даже если тебе будет грозить страшная опасность, ты всегда сможешь найти убежище в Кульхавене, что расположен в Аннарских лесах. Я направляю к тебе друга, который будет повсюду сопровождать тебя. Доверься целиком Балинору.

Никому не рассказывай о нашей встрече. Над тобой нависла смертельная угроза. В карман твоего походного плаща я успел положить небольшой мешочек. В нем

лежат три камня Эльфов. Они будут охранять и защищать тебя даже тогда, когда это покажется почти невозможным. Запомни: эти камни обладают великой всепобеждающей силой. Однако будь осторожен и помни: эти камни предназначены только для тебя и ни для кого больше. Ты можешь воспользоваться ими только в самом крайнем случае.

Когда ты увидишь изображение Черепа, а скоро оно обязательно появится перед твоим взором, знай: тебе надо немедленно бежать. Да сопутствует тебе удача, мой юный друг. До встречи.»

Ши с волнением посмотрел на брата, который все еще упрямо отказывался верить в реальность грядущих событий. Флик в сомнении покачал головой и нахмурился.

— Я не верю ему. О чем это он говорит: Черепа, камни Эльфов? Я ничего не слышал о месте под названием Кульхавен, да и Аннарские леса находятся так далеко, что потребуются долгие месяцы для того, чтобы добраться до этих мест. Все это очень странно.

— Камни! — взволнованно воскликнул Ши и бросился в дальний конец комнаты, где в углу обычно висел его походный плащ. Флик неотрывно смотрел на брата. Через мгновение Флик достал из кармана тот самый маленький кожаный мешочек и бережно поднес его к свету. Потом он снова положил его на ладонь, как бы взвешивая и оценивая содержимое. Когда спустя мгновение Ши развязал этот кожаный мешочек, на ладонь ему упали три прекрасных голубых камня. Кристаллические, хорошо отшлифованные грани этих небольших камней отливали чистой голубизной. При слабом свете свечи камни переливались, а их грани искрились, гасли, вспыхивали, играя между собой. Казалось, эти чудесные камни наделены особой, совершенно непостижимой и загадочной прелестью. Было такое ощущение, что от этих камней исходит волшебное неземное свечение. Так образы изменчивых, причудливых фантазий живут потом на протяжении веков в отточенной и завершенной форме. Ясно было одно: камни несли в себе разгадку какой-то великой тайны.

Оба брата, затаив дыхание, смотрели на камни, которые неподвижно лежали на открытой ладони Ши. Братья ждали... Сейчас должно произойти что-то необычайное... Но камни по-прежнему лежали на ладони, как три маленькие голубые звезды, неожиданно упавшие с неба, такие яркие, сверкающие и манящие. Наконец, Флик набрался храбрости и осторожно дотронулся до крайнего камня.

Камень был холодный и настоящий. Ши быстро положил все три камня в мешочек и спрятал его в карман плаща.

— Да. Это те камни, о которых сказа́л Алланон. Значит, это все правда... — прошептал Ши.

— Может — да, а может — нет. Откуда ты знаешь, что это те самые камни Эльфов? — не сдавался Флик. — Откуда ты можешь знать это? Ведь ты никогда не видел их. И ничего не слышал о человеке по имени Балинор, и не имеешь ни малейшего представления о том, что представляет из себя Кульхавен. Обо всем этом следует забыть.

Ши вынужденно кивнул. Действительно, невозможно было ответить ни на один вопрос. Все это было более чем странно. Скорее, это неизбежно брала верх какая-то естественная защитная реакция.

— И в самом деле, что нам беспокоиться? Надо лишь посматривать вокруг, не появилось ли изображение Черрепа, и ждать появления друга Алланона. В конце концов, может, ничего и не произойдет, — вновь пробовал себя успокоить Ши.

Между тем все постояльцы гостиницы уже давно затихли. Смолкли шумы и голоса. Догорали угли в камине. В доме все спали. Братья порядком устали и решили ложиться спать. Первым уснул Флик. Ши осторожно достал из кармана плаща мешочек, в котором лежали чудесные камни, и бережно положил его себе под подушку. Пожалуй, это было верным решением. Отныне юноша дал себе клятву никогда больше не расставаться с камнями, в которых заключена особая сила.

На следующее утро погода испортилась, пошел сильный дождь. Тяжелые свинцовые облака низко висели над землей. Внезапно налетали порывы сильного ветра и гнали облака по небу с такой невероятной силой, что, казалось, чья-то неведомая рука там, в высокой серой мгле, быстро меняет мрачные декорации. Днем дождь усилился. Серое небо низко провисало над головой и посылало на землю такие безжалостные и яростные потоки воды, что, казалось, еще немного — и вода затопит невысокие постройки для сена и домашнего скота. Утопали в воде деревья. Их мокрая жалкая листва поникла и облепила стволы деревьев, как будто молила о пощаде. Вся работа на полях кончилась, с трудом можно было пересечь улицу. Всюду бурлили, шумели потоки грязной воды. Они неслись с неистовой силой и безжалостно сметали все на своем пути. Земля превратилось в грязное месиво. В низких

местах вода уже не уходила, не просачивалась, она стояла над землей. Жестокий ливень лишь немного стих к вечеру третьего дня. И заключающим аккордом этого неистового дождевого спектакля явилась гроза. В небе давно толпились тяжелые тучи. Они росли и грозно темнели. Казалось, в небо вышел полк сумрачных, страшных теней. Птицы закричали и вдруг смолкли. Стал глухо нарастать рокошующий говор грома. Внезапный туман разлился в воздухе. Поднялся сильнейший ветер. Закрутились, забились, заметались мокрые деревья. Небо озарили нещадно яркие вспышки молний. Раскаты грома усиливались с каждой минутой и угрожали до смерти испугать и оглушить все живое. Было такое ощущение, что гроза бежала по земле, нарастая и дурея в раскатах страшного грома и в ослепительном блеске молний. И вскоре по стенам и крышам домов опять злобно ударили резкие крупные капли дождя. Хлынули потоки. Дождь шел широкими струями. Его мощные потоки хлестали по земле и с шумом и брызгами отскакивали от нее. Вода, ветер, грязь, раскаты грома, вспышки молний — все смешалось. Земля перемешалась с воздухом. И, казалось, весь мир превратился в хлесткую ливневую завесу. Свечи в домах дрожали и гасли от оглушительных раскатов; ночь оглашали бьющие с шумом потоки дождя да рассекали страшные вспышки невиданных молний. Все это повергало людей в гнетущее и тревожное состояние. Народ в деревне был крайне огорчен разрушительными действиями стихийных сил природы. Поползли слухи, что небо послало им это бедствие как кару за что-то неблагоприятное, содеянное в далеком прошлом. Мужская половина деревни собиралась вечерами за кружкой пива и взволнованно обсуждала недавние события.

Дождь окончательно прекратился лишь через десять дней. Небо очистилось, стало светлым и ясным. Появились белые перистые облака. Они плавно плыли по лазурному небосклону. Яркие лучи солнца снова полились на землю. Казалось, природа просила прощения за причиненное зло и начала медленно искупать свою вину. Люди стали возвращаться к своим привычным делам и обязанностям. С утра до вечера были слышны стук молотков или звук пил: это чинили покосившиеся или прохудившиеся крыши, устраняли многочисленные последствия этого разрушительного, невиданного по своей силе дождя. Теплые лучи солнца постепенно высушили землю. Показалась измученная грязная трава. Всюду были рытвины, впадины.

Ровной и гладкой местности как будто и не бывало. Прошло еще несколько дней. Земля залечила свои раны. Вновь буйно зашелестела изумрудная трава, зашумели пышной листвой деревья, запели птицы. К людям вернулась прежняя радость и уверенность. А страшный разгул стихии остался лишь в смутной памяти.

Флик и Ши внимательно прислушивались ко всем разговорам в деревне. Но разговоры, в основном, касались печальных последствий, к которым привел ужасный дождь, и не представляли особенного интереса для братьев. Иногда в тишине они вспоминали Алланона и его странный рассказ о принадлежности Ши к древнему и славному роду Шаннара. Однако рациональный и прагматичный ум Флика решительно не хотел признавать правдоподобность всей этой истории с Мечом Шаннара. Теперь, по прошествии некоторого времени, когда страх пережитого был забыт, Флик считал все происшедшее и рассказанное либо вздором, либо глупой шуткой, которую позволил себе этот странствующий мудрец. Обо всем этом следует забыть и впредь не забивать себе голову подобными глупостями. Ши был настроен более терпимо. С одной стороны, он отчетливо понимал фантастичность и несбыточность многих явлений и событий, которые пророчил Алланон. Он, Ши, житель Долины и должен жить по ее законам, руководствуясь лишь собственным разумом и опытом людей. И какое ему дело до кровавых распрей народов? Почему именно ему надлежит выполнить какую-то странную, но благородную роль в истории? Почему над ним нависла страшная угроза смерти? Хотелось считать все это вымыслом или кошмарным сном. С другой стороны, Ши не мог избавиться от ощущения того, что его жизнь теперь резко изменилась. Где-то далеко, в тайниках души, он уже сознавал свою глубокую сопричастность ко всем невероятным событиям, рассказанным Алланоном. Многие слова могучего старца крепко запали в душу юноши. Ши не раз вспоминал его взволнованный рассказ и вновь холодел от ужаса при мысли о том, что должен появиться какой-то страшный человек с изображением Черепа, который должен уничтожить его. Поэтому Ши бережно хранил мешочек, где лежали загадочные камни Эльфов. Теперь он всегда носил его с собой, полагая, что этот мешочек с чудодейственными камнями поможет ему в трудный момент. И в то время как Флик упрямо бормотал несколько раз, что все это вздор и чепуха, что об этом следует забыть, Ши по-

всюду носил с собой могущественные камни и со страхом оглядывал всех незнакомцев. Но ни у кого из них не было изображения Черепа. Шло время. Календарь сухо отсчитывал даты. И постепенно Ши все более и более склонялся к мысли о собственной легковёрности.

Жизнь шла привычным чередом. И, возможно, встреча с Алланом совсем изгладилась бы из памяти Ши, тем более что он сам очень хотел забыть все сказанное пришельцем, если бы не одно событие, которое произошло спустя три недели после исчезновения странного великана. Братья были заняты починкой крыши. Понадобились еще доски, и их отправили в то место, где все это можно было получить. Они вернулись к вечеру. Когда они зашли на кухню, то увидели, что отец привычно сидит на своем любимом месте, опустив широкое лицо над тарелкой с едой. Завидев их, он радостно кивнул сыновьям.

— Тебе пришло письмо, Ши, — сообщил он, протягивая юноше сложенный пополам белый лист бумаги. — Здесь написано «Леа».

Ши вскрикнул от удивления и потянулся за письмом. Флик небрежно усмехнулся.

— Я так и знал. Это было бы слишком хорошо: получить письмо от Него, — едва слышно прошептал Флик. — Величайший баловень Южных земель, вероятно, решил, что нам уже пора попасть в новую переделку. Читай, Ши.

Однако Ши уже развернул лист и стал торопливо пробегать его глазами, не слыша раздраженные замечания брата. Флик с досадой посмотрел на письмо и опустил на стул рядом с отцом.

— Он хочет знать, где мы скрываемся, — засмеялся Ши. — И хочет, чтобы мы как можно скорее приехали к нему.

— Вот еще, — недовольно пробормотал Флик. — Наверняка, у него неприятности, и ему надо на кого-нибудь свалить вину. Держу пари, он опять ищет дураков. Зачем ехать к нему? Можно и здесь прыгнуть с самой высокой скалы. Ты помнишь, Ши, что случилось, когда Меньон Леа в прошлый раз пригласил нас в гости? Мы заблудились и несколько дней блуждали в Черных Дубах. Нас едва не загрызли волки. Нет, я никогда не забуду это невинное развлечение. Будь я трижды проклят, если соглашусь еще раз поехать к нему!

Ши засмеялся и хлопнул брата по плечу.

— Ты, верно, завидуешь ему. Ведь Меньон — сын королей и волен жить так, как пожелает.

— В королевстве величиной с лужу, — не успокаивался Флик. — Что-то в наши дни подешевела королевская кровь. Взять к примеру тебя...

Флик вздрогнул и в испуге замолчал. Оба брата быстро посмотрели на отца. Он был всецело поглощен едой и, наверняка, ничего не слышал. Флик облегченно вздохнул, и Ши успокаивающе посмотрел на брата.

— Здесь был один человек. Он ищет тебя, Ши, — неожиданно сказал Курзад Омсфорд. — Он упомянул о том высоком страннике, что был здесь несколько недель назад. Я никогда прежде не видел этого человека. Наверное, он сейчас в комнате отдыха.

Флик вздрогнул, сердце его бешено застучало. Он не верил, что высокий пришелец вернется или пошлет кого-нибудь вместо себя. У Ши до боли сжалось сердце, будто предчувствуя близкую и неотвратимую беду. Если этот незнакомец — враг, он все равно быстро найдет Ши. Вряд ли удастся от него скрыться. Его охватила паника — он стал лихорадочно обдумывать пути спасения, но вскоре убедился в одном: его все равно найдут. Пальцы юноши судорожно сжали карман, где лежали таинственные камни Эльфов. В них теперь была его надежда.

— Как выглядит этот человек? — быстро спросил Ши. Его интересовало только одно: есть ли у незнакомца что-либо с изображением Черепа или нет.

— Трудно сказать, сын, — задумчиво ответил отец, не поднимая глаз от тарелки. — Он был закутан в длинный темно-зеленый плащ. Прискакал сюда на прекрасном вороном коне. И очень хотел тебя видеть. Советую тебе пойти к нему и спросить, что он от тебя хочет.

— Не было ли у этого человека каких-то особенных знаков? — в замешательстве допытывался Флик у отца.

Курзад Омсфорд даже прекратил жевать и с досадливой усмешкой посмотрел на сына.

— О чем ты говоришь? Может быть, ты хочешь, чтобы я вообще представил тебе его портрет, написанный углем, грифелем, маслом? Что с тобой?

— Нет, нет, ничего, — поспешно ответил Ши. — Флик всего лишь интересуется, насколько этот человек похож на Алланона. Ты ведь на забыл его, отец?

— Да, помню, — сказал отец и улыбнулся. У Флика отлегло от сердца. — Однако никакого сходства я не

заметил, разве что рост. Этот человек тоже очень высокий. Да, на правой щеке у него длинный шрам от ножа или кинжала.

Ши с благодарностью кивнул, подтолкнул Флика, и оба брата решительно направились в комнату отдыха, где, по словам отца, должен был находиться незнакомец. Они остановились у порога комнаты, снова объятые безотчетным страхом. Что принесет им встреча с этим человеком? Осторожным движением Ши приоткрыл дверь и заглянул в комнату. Сквозь щель он увидел лица постояльцев, камин, стулья. Ему показалось, что кто-то идет, и Ши резко отпрянул от двери, едва не ударившись головой о Флика, который стоял за его спиной.

— Его там нет. И никого похожего на него тоже нет. Ведь отец сказал, что он одет в темно-зеленый плащ. А что, если он сидит в дальнем углу и я просто не увидел его? Надо незаметно проникнуть в комнату.

— В комнату? — широко раскрыл глаза Флик. — Ты с ума сошел. Он в ту же секунду заметит тебя. Наверняка он знает, кого ищет. Но откуда он может тебя знать?

— Может быть, лучше зайти тебе... — не мог успокоиться Ши. — Придумай что-нибудь... Подбрось поленья в огонь и украдкой взгляни на этого человека. Самое главное выяснить: есть ли на нем что-либо с изображением Черепа или нет.

Глаза Флика расширились от ужаса, его охватило отчаянное желание бежать от этого места куда глаза глядят, но Ши нетерпеливо подтолкнул его к двери, приоткрыл ее, и испуганный юноша застыл на пороге комнаты. Преодолев минутное замешательство, Флик медленно пошел к камину, присел и стал подбрасывать в огонь сухие поленья, то и дело пытаясь найти удобное положение и краешком глаза посмотреть в дальний конец комнаты. Наконец, ему удалось это. Сердце юноши оборвалось, когда он увидел незнакомца, сидящего за столом в пяти футах от камина. Этот человек сидел спиной к Флику, однако, голова его была обращена к двери. «Он видел Ши», — с ужасом подумал Флик.

В эту минуту незнакомец резко повернулся к Флику и что-то быстро сказал ему. Ши видел, что брат испуганно что-то ответил незнакомцу и направился к двери. Через мгновение дверь со скрипом отворилась, и из комнаты вышел Флик. Лицо его было белым. Руки дрожали. В глазах застыло выражение ужаса.

-- Он заметил тебя. У этого человека глаза на спине. А видит он как сокол. Он велел мне привести тебя.

Ши замер. Трепет пробежал по его жилам. Но делать нечего! Бежать уже поздно. «Это судьба», — обреченно подумал Ши. И зачем бежать, если поймать их не составит никакого труда...

— Может быть, он вообще ничего не знает, а просто ищет Алланона... — обнадеживающе предположил Ши и в растерянности посмотрел на дверь.

Через минуту оба брата стояли на пороге комнаты, где сидел таинственный пришелец. Медленно они подошли к столу, разглядывая этого человека. Между тем незнакомец небрежно кивнул вошедшим братьям и жестом предложил им сесть. Они с готовностью подчинились этой странной бессловесной команде, и в течение нескольких минут все трое сидели за столом и внимательно смотрели друг на друга. Незнакомец был очень крупным человеком с широким лицом, ростом немного ниже Алланона. Он был весь закутан в темно-зеленый плащ, и лишь голова его и лицо оставались неприкрытыми. Братья с волнением рассматривали пришельца. Это был человек с резкими сильными чертами лица, которое, как ни странно, производило приятное впечатление, даже несмотря на огромный шрам во всю щеку. Его мягкий и пытливый взор был обращен к Ши. Удивительными были глаза у этого человека: большие, карие, добрые и лучистые. Светлые волосы были коротко подстрижены и слегка закрывали высокий загорелый лоб и небольшие уши. Чем больше всматривался Ши в лицо этого человека, тем меньше у него оставалось оснований считать незнакомца своим врагом. Он был совсем не похож на человека, который должен прийти сюда и уничтожить Ши. В его присутствии оба брата чувствовали себя просто и спокойно.

— Сейчас не время для игр, Ши, — внезапно произнес пришелец мягким, но настойчивым голосом. — Твоя осторожность заслуживает всяческих похвал, однако, как ни смотри, ты не найдешь у меня изображение Черепа. Я — друг Алланона. Меня зовут Балинор. Мой отец — Руль Бакханнах, король Каллахорна.

Братья тотчас же вспомнили это имя. Его упоминал Алланон в своем письме, адресованном Ши. Тем не менее, в сердце Ши все же оставались сомнения.

— Чем ты можешь доказать, что ты именно тот, за кого себя выдаешь?

Незнакомец улыбнулся.

— Тем, что я хорошо знаю тебя, юноша. В своем кармане ты носишь три магических камня Эльфов, которые дал тебе Алланон.

Ши, не мигая, во все глаза смотрел на незнакомца. Да, сомнений больше не было. Только друг Алланона мог знать про эти камни. Наклонившись к нему, юноша спросил с дрожью в голосе:

— Что же случилось с Алланоном?

— Не могу сказать ничего определенного, — тихо ответил незнакомец. — Я не видел его и ничего не слышал о нем уже больше двух недель. Он направлялся в замок Паранор, когда мы расстались. Прошел слух, что кто-то собирается напасть на цитадель; Алланон беспокоился за Меч. Он послал меня, чтобы защищать тебя. Я приехал бы раньше, но разыгралась непогода, и я на несколько дней застрял в лесах. Не сомневаюсь, это дело рук тех, кому выгодно, чтобы я прибыл сюда как можно позже.

Он замолчал и посмотрел на Ши долгим пронзительным взглядом. У юноши снова тревожно заныло сердце.

— Алланон поведал тебе историю твоего происхождения и предупредил об опасности, которая отныне будет тебя подстерегать. Поверил ты ему или нет — это сегодня не имеет значения. Главное заключается в том, что пришло время, когда ты должен немедленно покинуть Долину.

— Вот так сразу собраться и уйти? — воскликнул Ши в страшном изумлении. — Но это невозможно! Нет, я не могу этого сделать.

— Сможешь. Ты должен это сделать, если хочешь остаться в живых. Люди, несущие на себе изображение Черепы, рано или поздно обнаружат тебя в Долине. Это может случиться через день-два, и тебе придет неминуемый конец, если ты останешься здесь. Ты должен незамедлительно оставить Долину. Отправляйся в путь налегке, не бери много с собой, а главное, как можно скорее уходи отсюда. Старайся идти надежной тропой, не забираться далеко в непроходимую чащу, избегай оврагов и глубоких расщелин. Лучше идти при дневном свете, когда зло теряет свою силу или, во всяком случае, слабеет, нежели ночью. Во тьме — запомни, Ши, — все будет против тебя. Все силы зла объединятся и постараются поймать тебя и уничтожить. Полагайся на свою интуицию и здравый смысл. Ты знаешь, куда надо идти, ведь Алланон все рассказал тебе. Но будь осторожен, мой мальчик! Да сопутствует тебе удача!

Взволнованный Ши изумленно смотрел на незнакомца. Он до сих пор не мог до конца поверить в этот страшный поворот судьбы. Ему казалось, что все это кошмарный сон, сейчас он проснется и все тревоги уйдут прочь. Он перевел взгляд на брата и похолодел. На лице Флика было выражение такого глубокого отчаяния и боли, что сомнений больше не оставалось: все это происходит наяву, и действительно надо немедленно бежать.

— Я должен идти, — продолжал незнакомец. Он встал и наглухо запахнул свой огромный плащ. — Я непременно взял бы тебя с собой, если бы мог. За мной следят. Они знают, что я хочу спасти тебя. Поэтому нам нельзя идти вместе. Самое разумное в нашем положении — это если я буду служить приманкой. Пусть твои преследователи сначала выйдут на меня, и тем самым я дам тебе шанс как можно дальше уйти незамеченным. Я намереваюсь пойти на юг, а потом поверну в сторону Кульхавена. Там мы вновь встретимся. Запомни все, что я тебе сказал. Не задерживайся в Долине — уходи незамедлительно, сегодня, сейчас! Делай все так, как сказал тебе Алланон. И как зеницу ока береги камни Эльфов. Это — могущественнейшее оружие.

Взволнованные братья встали, растерянно пожали протянутую руку Балинора и вдруг впервые заметили, что его рука защищена стальным гибким панцирем. Ничего больше не говоря, Балинор тихо вышел из комнаты и исчез в ночи.

— Ну, что все это значит? — неизвестно кого спросил Флик и обессиленно рухнул на стул.

— Откуда я знаю, — устало ответил Ши. Казалось, силы оставили его. Хотелось лечь, заснуть или забыть все это навсегда. — Я не гадалка, не прорицатель. Вероятно, я просто ДОЛЖЕН поверить всему этому. Ради себя, ради людей, живущих в Долине. И мне надо уходить как можно скорее. Иначе сюда придет беда.

Он в отчаянии оглядел комнату, как будто решая взять что-нибудь с собой для защиты. Однако все здесь было рассчитано для мирной людской жизни. Флик молча наблюдал за братом, не в силах ему помочь. Но он всецело разделял его волнение и беспокойство, так же приходил в отчаяние и ужас при мысли о страшных преследователях, которые носят на себе изображение Черепа. Жизнь брата протекала на его глазах, его судьба была тесно связана с его собственной судьбой. Горе и радости, заботы и тревоги братья делили вместе. И,

хотя радостей всегда было больше, чем тревог, оба брата научились чувствовать боль друг друга, как собственную. Они всегда были вместе. Флик встал и уверенной походкой подошел к брату, положил руку ему на плечо и сказал:

— Я иду с тобой.

Ши отпрянул от него. Как бы это ни было хорошо — иметь брата рядом, — но это было решительно невозможно.

— Нет, ты не должен делать это, нет, нет! Отец никогда не простит нам и уж тем более не поймет... Кроме того, я и сам не знаю, куда пойду и что со мной будет дальше.

— Вспомни, что сказал Алланон — теперь я всегда с тобой, — продолжал упорствовать Флик. — Кроме того, ты мой брат. Я не могу отпустить тебя.

Ши благодарно посмотрел на брата, улыбнулся и обнял его.

— Как бы то ни было, я не могу уйти, прежде чем не решу, куда я пойду и что возьму с собой. Я не могу исчезнуть внезапно, не сказав никому ни слова. Надо хотя бы оставить записку отцу.

Они встали из-за стола и отправились обедать на кухню. Остаток вечера братья провели в праздном бесцельном хождении по дому. Заниматься чем-либо серьезным уже не имело смысла, да и настроение было такое, что все валилось из рук. Флик неотступно следовал за братом, ни на минуту не выпуская его из поля зрения. Кроме обычного и естественного желания оберегать брата, где-то в тайниках души Флика лихорадочно билась мысль о том, что Ши может воспользоваться его отсутствием и уйти один. Он смотрел, как Ши дрожащими руками складывал одежду и другое походное снаряжение в кожаный мешок, и его сердце сжималось от боли при мысли о том, что они оба могут уже никогда не вернуться сюда, в родной дом.

Уже поздно ночью Ши был неожиданно разбужен прикосновением руки брата. Он испуганно вскочил, в страхе озираясь по сторонам. В комнате стоял такой мрак, что казалось, кто-то намеренно сгустил все черные краски и наполнил ими все вокруг. Лишь с трудом удалось Ши в этой страшной небывалой темноте разглядеть знакомые черты брата, который, не шелохнувшись, стоял рядом. Ши облегченно вздохнул. Но тут его чуткое ухо уловило тихий пронзительный свист, который нарастал с каждой минутой и неминуемо приближался к окну комнаты. За окном стояла такая мгла, что оно почти не выделялось

на фоне стены, лишь смутно виднелись прежде белые занавески, которые теперь утопали в странных зловещих тенях.

— Флик! Что это?.. — еле слышно спросил Ши.

Едва он это сказал, как рука брата испуганно зажала ему рот. Флик завертел головой, как бы давая брату понять, что сейчас нельзя говорить. Там, за окном, происходит что-то ужасное. Руки его дрожали, на лбу выступил пот. Оба брата стали напряженно вглядываться в темное окно. Почти не дыша, с бьющимися сердцами, они сидели рядом и вслушивались в пугающую темноту ночи.

— Тише, ты слышишь?.. — Голос Флика был едва слышен. — К окну — быстро!

Не помня себя, оба брата в мгновение ока очутились около окна. Ши легонько подтолкнул Флика, и тот осторожно просунул голову в приоткрытое окно. Вокруг струилась черная мгла. Стояло странное безветрие: только потоки темного воздуха поднимались от земли и, зловеще извиваясь, уходили вверх, в застывшее небо.

— Ши! Что это? О, ужас... Там, около стены... — почти теряя сознание, прошептал Флик. Его сердце было готово выскочить из груди.

Там, около стены, странно передвигаясь, крадучись и маскируясь среди кустов, ползло необычное отвратительное черное существо огромной и неопределенной формы. Горбатая спина была покрыта черным плащом, который раздувался и трещал при каждом движении, как будто под ним что-то отчаянно клокотало и билось. Лица почти не было видно, а злобный испепеляющий взгляд мог кого угодно привести в ужас. Зубы со страшным лязганьем и скрежетом ударялись друг о друга, в судорогах дергались губы, из страшного рта неслись ужасающие звуки. Трудно было сказать, чье это лицо: зверя или человека. Каждая часть этого лица, казалось, существовала отдельно и была одна страшней другой. Все это существо, напоминавшее мерзкого подлого человека в зверином гневе или отвратительное разъяренное чело-векоподобное животное, вселяло жуткий страх. При виде этого ползущего, скрюченного существа со страшным звериным оскалом стыла кровь в жилах. Братья не могли ни крикнуть, ни вздохнуть, ни пошевелиться. Им уже чудился жалкий треск собственных костей. Это были жуткие минуты безумного страха и ледящего душу ужаса. Ши бросил последний взгляд — смотреть дальше

не было сил, сердце разрывалось — на это гадкое существо и, не веря своим глазам, воочию увидел у него серебряный медальон с изображением Черепа. Пол ушел у юноши из-под ног.

Глава 4

Когда Ши пришел в себя, он с ужасом обнаружил, что они с братом лежат на холодном полу около окна. С них градом катился пот. На какое-то мгновение им показалось, что они выбрались из этой чудовищной пучины и смерть прошла рядом, лишь немного задев их своим леденящим крылом. Но тут они услышали тот же самый жуткий скрежет, который, вероятно, вырывался изо рта страшного черного существа. Звук усиливался. Существо приближалось к ним. Братья похолодели. Ши показалось, что его сердце выпрыгнуло из груди. И он прижал к нему руку. Да, как прав был мудрый Балинор, уговаривая Ши как можно скорее покинуть Долину... И как бесконечно жаль, что они с братом не вняли его советам. Они замерли. У Ши мелькнула мысль немедленно бежать отсюда. Но как уйти незамеченными? Стоит им выйти из дверей гостиницы, как разъяренное мерзкое существо настигнет их и расправится с ними. Ши весь содрогнулся, представив себе, как это гадкое чудовище протянет к ним свои костлявые черные руки. Нет, пока надо затаиться.

Вдруг они услышали громкий собачий лай. Было такое ощущение, что разъяренная собака сорвалась с цепи. Потом послышалось дикое лошадиное ржание, как будто кто-то до смерти перепугал бедное животное. Помимо своей воли, братья инстинктивно приблизились к окну и увидели... зрелище, от которого кровь стыла в жилах.

У стены, меж черных теней, как будто в судорогах, извивалось мерзкое скрюченное существо. Изо рта несло скрежетанье, черные пальцы зловеще сжимались и разгибались, страшные тени угрожающе раздували плащ. Оскалив зубы, это существо злобно смотрело на огромную собаку-охотника, которая стояла перед ним. Это была очень сильная собака с повадками волка. Она давно снискала славу самой могучей и бесстрашной собаки в Тенистой Долине, и сейчас ее разъяренный вид был страшен. Обнажая белые клыки и скалясь, собака высоко подскакивала и дико выла, предвкушая близкую кровавую расправу над звероподобной жертвой. В одно мгновение

в страшном вихре сцепились два эти существа. И в тот же миг крючковые огромные руки дьявольски стиснули шею несчастной громадной собаки. Раздался дикий визг, и огромное животное рухнуло на землю. Собака-охотник была мертва.

Оба брата были не в силах унять дрожь. Зубы стучали так, что, казалось, их лихорадочный стук был слышен на улице. Ужас сковал все тело, не давая возможности уйти от окна. Между тем на улице все стихло. Несчастная жертва валялась на земле, как доказательство невиданной доселе злобной и мощной силы, с которой страшное существо в мгновение ока скрутило шею огромной собаке.

Братья словно окаменели. Отчаяние, дикое отчаяние переполняло их душу. Они поняли, что обречены. И больше нет отступления. Все мольбы и усилия будут напрасны, если они попадут в руки злобного чудовища. Оба брата молчали, хотя все их измученное существо, казалось, сотрясало от слез и бессильного отчаяния. Так рыдает молчанием глаз далеко залетевшая к северу птица. Она понимает, что впереди веет смертным холодом, а назад отступления нет.

Прошли минуты, которые казались вечностью. Братья, обессиленные и едва живые, по-прежнему сидели на полу, не в силах пошевелиться. Только Ши, сделав над собой громадное усилие, напрягал слух и чутко вслушивался в коварную тишину ночи. Однако все было тихо. Боясь поверить в то, что самое страшное теперь уже позади, до смерти перепуганный Флик трясущимися руками приоткрыл окно и осторожно выглянул на улицу. Кругом было темно и тихо. Ужасное существо скрылось.

Будучи не в силах больше терпеть эту муку, Флик отпрянул от окна, ощупью добрался до кровати и упал на подушку, закрыв лицо руками. Через какое-то мгновение сквозь густой мрак, который все еще был разлит в комнате, Флик увидел, что Ши стал торопливо одеваться и собирать вещи. Он попытался заговорить с ним, но Ши испуганно закрутил головой и поднес палец к губам, всем своим видом показывая, что сейчас нельзя говорить. Флик вскочил и тоже стал поспешно натягивать на себя одежду. Куда бы ни пошел Ши, что бы с ним ни случилось, он всюду будет неотступно следовать за ним. Когда они оба оделись, Ши притянул брата к себе и шепнул ему в самое ухо:

— Пока мы находимся здесь, никто в Долине не может быть спокоен за свою жизнь. Мы сейчас же должны покинуть Долину. Ты окончательно решил, что пойдешь со мной?

Флик убежденно кивнул брату, и Ши продолжал:

— Надо пойти на кухню и взять с собой немного еды — хотя бы на несколько дней. И оставить отцу записку.

Ничего не говоря больше, Ши достал из шкафа небольшой узелок с одеждой и быстро исчез в темном коридоре, который вел на кухню. Флик торопливо следовал за ним, осторожно поглядывая по сторонам. Длинный коридор был пуст и темен, и братьям опять пришлось пережить крайне неприятные минуты, пока они, наконец, не подошли к двери на кухню. В доме еще спали, и на кухне никого не было. Ши зажег свечу, движением руки показал Флику продукты, которые им надо было взять с собой. Затем сел и быстро написал записку отцу. Оставил ее на столе, придавив пивной кружкой. Отец обязательно должен увидеть записку. Через несколько минут оба были готовы. Продукты уложены, записка оставлена. Ши осторожно задул свечу и на цыпочках пошел к двери.

— Не говори ничего, пока мы не уйдем отсюда. Иди за мной и не отставай, — шепнул он на ухо Флику.

Флик с готовностью кивнул и продолжал осторожно следовать за братом. Он сам больше всего на свете не хотел бы, чтобы их настигло это дьявольское чудовище, этот получеловек-полуживотное, обладавший невиданной и колдовской силой. Земля уходила из-под ног, когда Флик вспоминал звериную хватку этого мерзкого существа. Поэтому так страшно было выйти на улицу, но еще ужасней и томительней было сидеть в доме и ждать, когда это разъяренное создание найдет их и в одну секунду с ними будет покончено. Однако для колебаний не было времени. Ши, весь белый от недавно пережитых волнений, осторожно отворил дверь и высунул голову. Во дворе было тихо. Стоял мрак. И лишь верхушки кустарников озарял бледный мутный свет луны.

Оба брата вышли из дома и плотно закрыли за собой дверь. До рассвета оставалось несколько часов. В доме и в деревне все еще спали. Кругом было тихо. Ничто не предвещало опасность. Крадучись, неслышными шагами, поминутно озираясь по сторонам, братья пересекли двор и вышли за ворота. Флик мельком бросил прощаль-

ный взгляд на родной дом. Кто знает, может они с Ши никогда больше не ступят на порог этого дома. Прощай, дорогая обитель!

Ши молча и быстро шел по обочине дороги, то и дело скрываясь за деревьями. Флик еле поспевал за ним.

Ши ясно отдавал себе отчет в том, что это мерзкое существо еще не обнаружило его. Иначе оно бы безжалостно расправилось с ним в гостинице. Однако это злобное создание вряд ли случайно очутилось в Тенистой Долине. Наверняка, ему поручено найти и уничтожить последнего наследника рода Шаннара. И враги Ши уже знают, что именно он — потерянный сын дома Шаннара. Да, то, что это гадкое всемогущее существо, носящее на себе изображение Черепы, появилось здесь, — был плохой признак.

Еще дома Ши успел в деталях продумать план побега и сейчас, охваченный тревожными мыслями, лихорадочно соображал, насколько реальны теперь будут его прежние замыслы. Если враг обнаружит, что Ши покинул Долину, он немедленно пустится в погоню. Об этом же предупреждал Балинор. Вполне возможно, что коварный лорд Уорлок прислал в Тенистую Долину не одно это чудовище, а несколько таких же звериных созданий. И все они бросятся искать его и, в конце концов, найдут. Юноша понимал, что столкнулся с силами, победить которые будет почти невозможно. А вдруг все эти дьявольские посланники заметили его исчезновение и, злобно усмехаясь, наблюдают за ним? От этой мысли вновь похолодело сердце. Значит, они могут настигнуть их прежде, чем они доберутся до Аннарских гор. Ведь понадобится несколько недель, чтобы дойти до подножия этих гор. Места за пределами Тенистой Долины были незнакомы братьям. Идти придется наощупь, с сожалением сознавая свои ограниченные возможности по сравнению с могущественными силами зла, которые теперь преследовали их. Как бы то ни было, единственно разумным в сложившейся ситуации было правильно выбрать общее направление. Но какой путь избрать? Где это гадкое существо будет иметь меньше шансов обнаружить братьев?

Ши тщательно обдумывал все варианты. На западе Долины лежали обжитые земли. Однако, если они пойдут этим путем, они неизбежно будут удаляться от Аннарских лесов. Если пойти на юг, то можно гарантировать для себя относительную безопасность: там расположены до-

вольно большие города Пиа и Золамах, там живут их родственники и друзья. Но в то же время нетрудно логически предположить, что разъяренные преследователи также выберут этот маршрут, где дороги большие и широкие и каждый человек, идущий по этим дорогам к югу, хорошо виден издалика. Север Долины и Дульские леса представляли собой громадные пространства необжитой земли с непроходимыми лесными чащобами, крутыми склонами холмов, увитыми колючим кустарником. Именно там располагались диковинное Радужное озеро и река Раппахалладран, а за ними снова мили диких, неосвоенных земель. Очевидно было только одно: эта дорога вела прямо в королевство Каллахорн. Носители Черепа, вероятно, шли этим путем, пробираясь с севера в Тенистую Долину. И уж, конечно, знали эту дорогу куда лучше, чем братья. А может быть, они уже установили наблюдение за этой дорогой? Ведь следили же они за Балинором, когда тот двигался из Тирсиса в Тенистую Долину...

Дульские леса лежали на северо-востоке Долины. На сотни миль простирались их густые царственные чащи. В этих лесах можно было надежно укрыться. И Ши все-таки решил идти на север, хотя этот прямой путь был, пожалуй, самым опасным из всех остальных. Кроме надежных укрытий, леса таили в себе много непредвиденных опасностей и коварных ловушек. Однако здесь было еще нечто, о чем вряд ли могли знать злые преследователи: к востоку от Дульских лесов располагались высокогорные земли Меньона Леа, у которого братья могли найти укрытие и защиту. Меньон был близким другом Ши, и, что бы там ни говорил Флик, он не оставит его в беде и обязательно поможет, что бы это ему ни стоило. Кроме того, Меньон Леа — единственный человек, который может помочь им найти безопасный путь к Аннарским горам. Да, путь на север — единственно приемлемый вариант.

Между тем братья дошли до северо-восточной окраины деревушки и, едва переводя дыхание от быстрой ходьбы и ужасных волнений этой ночи, присели отдохнуть. Ши с опаской посмотрел по сторонам. Он даже не мог себе представить, где сейчас находится его преследователь.

Вокруг все было тихо. Брезжил рассвет. Ночная мгла исчезла, небо стало светлеть. От земли поднимался легкий туман. Он причудливо окутывал кустарники и деревья, придавая им странный и задумчивый вид. Казалось,

вот-вот из-за холмов покажется золотой шар утреннего солнца. Ночь медленно уходила, шаг за шагом сдавая свои позиции.

Уже проснулись дворовые собаки в домах на самой окраине, стали зажигаться огни в домах, и заспанные обитатели высовывали сонные головы из окон. Надо было подниматься и двигаться дальше. Светало. Ши хорошо запомнил наказ Балинора идти только днем, когда силы зла слабеют. Но сейчас, при дневном свете, они рискуют быть схваченными. И, пока солнце еще не взошло, надо дойти до самой окраины Долины и успеть скрыться в Дульнских лесах. Если они начнут подниматься по пологим склонам открытых холмов в утреннем свете, под лучами восходящего солнца, это злобное чудовище обязательно настигнет их.

Братья дружно поднялись и поспешили к восточному склону Долины. Они шли по лесистой местности на окраине Долины. Деревья застыли в своем безмолвном величии и терпеливо ждали наступления утра. Траву и кустарники покрывала холодная утренняя роса. Птицы еще молчали. И только шаги братьев гулко отдавались в предутренней мгле.

Вскоре лес поредел. Могучие дубы и пеканы, густые заросли орешника и других колючих кустарников остались позади. Братья достигли холма, и ноги сами понесли их по мягкой шелковистой траве, которая устилала восточный склон Долины. Они не оглядывались назад.

Ши был в прекрасной физической форме, его легкое тело будто летело по неровной поверхности земли, осторожно огибая выступающие острые ветки и засохшие кустарники. В отличие от него Флик шел тяжелой размашистой походкой, и ему приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы поспевать за ловкой, словно летящей фигурой брата. Всего лишь раз Флик позволил себе оглянуться назад. Все было спокойно. Лишь грустно мигали огни в домах на окраине Тенистой Долины, да неумолчным гулом шумели вокруг деревья. Он смотрел на Ши, удивительно легко бегущего впереди, устремленного навстречу новой, неизведанной жизни, и ему снова стало грустно. Сердце мучительно сжалось, будто предчувствовало, какие тяжелые испытания их ждут впереди. Флик ощутил усталость в ногах, но нельзя было терять ни минуты. Страх быть пойманным пересилил усталость. И оба брата продолжали идти дальше. И Флик, и Ши, не сговариваясь, думали об одном. Что же с ними будет,

если их вдруг все-таки настигнет злосчастный преследователь? Он мгновенно уничтожит их, как будто задует свечу. И никто, ни родные, ни друзья, не сможет помочь им. Они даже не узнают, что именно с ними случилось и где. И, действительно, лучше им не знать всего этого. Пожалуй, впервые за все время Флик глубоко пожалел, что так неожиданно исчез Алланон. Какой бы опорой он сейчас был для братьев!

Время летело очень быстро. Оба брата запыхались от быстрой ходьбы. Вокруг были холмы, покрытые кустарником, густым мхом и цепкой травой. Птицы по-прежнему молчали. И братьям казалось, что они — единственные живые существа на этом огромном пространстве, которое временами казалось бесконечным. Небо стало совсем светлым. Померкли и исчезли звезды. Деревья чутко вслушивались в напряженную утреннюю тишину. Все вокруг пребывало в ожидании. До рассвета оставались считанные минуты. И оба брата ускорили шаг.

Наконец, они миновали открытые пространства. Вновь начался лес. Высокие дубы протягивали к ним свои раскидистые широкие ветви, будто давно ждали их и приглашали отдохнуть или спрятаться под их необъятной кроной. Братья без сил упали на траву. Сердце бешено колотилось. Руки и ноги дрожали. Душа боялась поверить в то, что они преодолели трудный и опасный участок пути и что пока никто не догнал их. Несколько минут они лежали без движения, совершенно измученные и обессиленные, напряженно вслушиваясь в разлитую вокруг тишину.

Сделав над собой невероятное усилие, Ши заставил себя подняться и посмотреть назад. Его пристальный взгляд не обнаружил каких-либо признаков опасности. На земле и в воздухе было спокойно. У Ши отлегло от сердца. Какое счастье, что они не напрасно проделали этот трудный путь. Ши повернулся, подошел к Флику и помог ему подняться. Сейчас нельзя расслабляться. В любую минуту их могут догнать. И братья опять молча зашагали по лесу. Усталость и перенапряжение были настолько велики, что они уже ни о чем не могли думать и все свои усилия направляли только на то, чтобы быстрее передвигать гудевшие от ходьбы ноги.

Небольшой лесистый участок вновь кончился, и братьям снова пришлось карабкаться вверх по восточному склону. Ноги то и дело подкашивались, попадая в странные

рытвины, расщелины. На земле валялись горы засохших веток, лежали поваленные деревья, громоздились валуны — подъем был тяжелым и сложным. Ши все время шел первым и ловко, умело расчищал путь брату. Его быстрые стройные ноги только мелькали впереди, а руки мгновенно устраняли все другие препятствия. Никогда прежде Флик не замечал такую сноровку, ловкость и выносливость брата, который был в принципе довольно хрупкого телосложения и не так вынослив физически. Братья карабкались все выше и выше. Солнце уже поднялось над землей и посылало свои первые теплые лучи всему живому. Громко переключаясь, суетливо летали птицы. Под ногами хрустели сухие деревца, сучья, сло-манные кустарники. Флик и Ши остановились на мгновение, перевели дыхание и, вытянув шеи, посмотрели вверх. Там, как будто в противовес заваленному камнями и ветками неровному склону, застыли облака. Подул легкий ветерок. Облака поставили свои паруса, и их белые ладьи плавно направили свой бег в зыбь небес. Тихо и величаво, без усилия плыли сказочные флотилии облаков. И на какое-то мгновение на сердце потеплело, глаза наполнились влагой, и безудержно захотелось подняться туда, вверх, в эти волшебные заоблачные дали, где нет преследователей, носящих на себе символ смерти — изображение Черепа...

Ши почувствовал резкую усталость: дыхание стало частым, сердце бешено колотилось. Сзади, выбиваясь из сил, шел Флик. Ноги уже не слушались его и скользили по скалистым выступам, попадали в расщелины и застревали среди крепко свитых густых кустарников. Подъем казался бесконечным. Однако страх быть настигнутым пересиливал боль и усталость. Сил не было, но, подчиняясь внутреннему голосу, который вел их вперед и не давал отчаиваться, братья шли дальше. Чудовищной была мысль о том, что после всех отчаянных попыток уйти от преследователей, после этого тяжелого, изнурительного подъема — их могут поймать... «Нет, этого не может быть», — решительно запротестовал Ши и принялся с ожесточением карабкаться вверх.

Три четверти пути уже было пройдено, когда Флик резко вскрикнул и упал на землю, зацепившись рукой за колючий кустарник. Его взор был устремлен в сторону Долины. Ши с ужасом посмотрел вокруг, оглянулся и увидел что-то огромное и черное, похожее не то на темное клубящееся облако, не то на гигантскую черную

птицу, которая угрожающе кружилась на светлом небосклоне. Ши помог брату подняться, не переставая про себя молиться, чтобы это летящее черное создание не заметило их. Оба брата в изнеможении упали на землю, в отчаянии уронив головы. Безумный страх обуял их. Положение было безнадежным. Между тем зловещее облако, в котором маскировался мерзкий носитель изобретения Черепа, приближалось к ним все ближе и ближе. Круги становились шире, а расстояние между облаком и братьями сокращалось с каждой минутой. Послышался резкий отвратительный крик. Братья совсем обезумели от ужаса. Все надежды на спасение рухнули. Впереди — страшная расправа, которую это чудище учинит, как только накроет их своей мерзкой тенью. Рассудок просто не выдерживал. И Флик вдруг вспомнил, какой нестерпимый ужас обуял его при первой встрече с Алданоном, когда тот возник перед ним, весь окутанный похожим темным облаком. Сейчас все было гораздо хуже. Оба брата находились на грани истерики, когда парящее в воздухе черное существо с дикой скоростью стало спускаться в их направлении. Братьям хотелось умереть. Им казалось, что жизнь оставила их. Однако в следующее мгновение зловещий черный охотник несколько раз судорожно перекрутился в воздухе и неожиданно повернул на север, а вскоре совсем исчез, слившись с четкой линией горизонта.

Братья, обессиленные и опустошенные, лежали в кустах орешника. Прошли долгие томительные минуты. У них не было сил пошевелиться. Одно только сознание того, что эта мерзкая тварь может вернуться, повергало их в безумное отчаяние. Хотелось уйти под землю или улететь вверх.

Через некоторое время братья все же поднялись и, растирая онемевшие мускулы, стали снова карабкаться вверх. Оставаться долго на этом открытом участке пути было настоящим безумием.

Уже совсем немного оставалось до Дульнских лесов, где они могли лучше и безопаснее укрыться. Последние движения давались с особенным трудом. Казалось, это был самый тяжелый участок пути. Прошло еще некоторое время, и братья вступили под сень Дульнских лесов.

Оба брата с облегчением замедлили шаги. И Флик впервые за долгое время обратился к брату нормальным, но все же дрожащим голосом:

— Почему мы пошли этим путем? — После долгого молчания его собственный голос показался ему чужим. — И куда мы вообще направляемся?

— Мы идем туда, куда сказал нам идти Алланон — в сторону Аннарских гор. Это — единственная возможность укрыться от коварных преследователей. Мы пойдем на восток, по направлению к Черным Дубам, и оттуда направимся на север. Надеюсь, в пути мы получим необходимую помощь.

— Подожди! — неожиданно взволновался Флик. — Не хочешь ли ты сказать, что мы пойдем через владения Миньона Леа и именно он поможет нам? Нет, ты окончательно сошел с ума. О небо, почему нас не растерзало это мерзкое чудовище?.. По крайней мере, это было бы быстро.

Ши выпрямился, вызываясь посмотреть на брата и с необычной твердостью в голосе произнес:

— У нас нет выбора! Меньон Леа — единственный человек, к которому мы можем обратиться за помощью. Он хорошо знает многие места, которые находятся за пределами его королевства. Думаю, ему известно, как можно пройти к Черным Дубам.

— Как бы не так, — продолжал упорствовать Флик. — Ты забыл, как мы заблудились в прошлый раз? С тех пор я перестал верить ему и вряд ли изменю свое мнение.

С этими словами он обиженно отвернулся от брата.

— Извини, у меня нет ни сил, ни желания спорить. Но на сей раз мы поступим так, как я считаю нужным, Флик. — Голос Ши был тихим и твердым.

В следующую минуту Ши молча поднялся, взял свою походную сумку и медленно пошел вперед. Флик был крайне недоволен решением брата и подавлен его неожиданным отказом. Тем не менее, он быстро пошел за братом. В душе нарастало раздражение. Сама идея пуститься в бегство не нравилась Флику с самого начала: ничего хорошего нельзя было ждать от этой авантюры. И неизвестно, что лучше: сразу принять смерть от дьявольского создания или обречь себя на долгие мучения и странствия, а потом кончить свою жизнь тем же самым ужасным путем... Но это еще ничего. Ведь гнусное чудовище на самом деле угрожало расправиться с ними. А вот идея обратиться за помощью к Меньону Леа представлялась Флику по меньшей мере кощунственной. Этот заносчивый бездельник сделает так, что они угодят прямо

в ловушку. Он любит только себя. Дела и заботы остальных людей почти ничего не значат для него. Отъявленный авантюрист! Конечно, он будет не прочь совершить очередное дикое путешествие и позабавиться! Нет, сама идея обратиться за помощью к Меньону Леа была совершенно безрассудной.

Флик не мог скрыть свою досаду. Ему решительно не нравился Меньон Леа и все, что с ним связано. Он достаточно узнал его за пять лет. Меньон Леа был единственным наследником в семье, представители рода которой на протяжении веков правили небольшим высокогорным королевством. Вся жизнь избалованного чада состояла из нескончаемой вереницы авантур и диких выходов, которыми он разнообразил свое безбедное и беззаботное существование. Насколько Флику было известно, он ни разу не пошевелил пальцем, чтобы заработать себе на жизнь. Ему все было уготовано заранее. И ничего путного за свою жизнь этот повеса еще не сделал. И вряд ли когда-либо сделает. Целые дни напролет он был занят охотой и рыбной ловлей, занятиями, которые Флик считал пустым времяпрепровождением. Он всегда был занят только собой. Его мало интересовали судьбы других людей; даже его семья, ее прошлое, казалось, не имели для него большого значения. Его интересы замыкались только на самом себе, и он шел по жизни плавно, уверенно и величаво, как плывет гордое облако в пустынном небе, зная, что впереди нет никаких препятствий. Именно из-за его равнодушного и эгоистического отношения к людям они чуть не погибли в прошлый раз, заблудившись в Черных Дубах. Нет, его никто не сможет переубедить. Меньон Леа — не тот человек, которому стоит вверять собственную жизнь. Этот ненадежный, избалованный, капризный отпрыск королевской семьи имеет очень смутные понятия о дружбе и чести, а тем более ответственности.

Шагая вслед за Ши, Флик не переставал думать о Меньоне Леа, мучительно пытаясь разрешить ситуацию наилучшим путем. И, по здравым размышлениям, Флик все-таки решил согласиться на компромисс. Надо будет хорошенько следить за этим королевским баловнем и наказать Ши не быть чересчур легковверным. Если он сейчас поссорится с братом, то неизбежно лишит себя его доверия. А кто знает, что взбредет в голову Меньону Леа. Его взбалмошные и хитроумные идеи вряд ли годятся для нормального человека.

Был уже день, когда усталые путники добрались до берегов реки Раппахалладран. От воды веяло прохладой, теплый песок согревал ноги, и братьям страшно захотелось несколько минут беззаботно полежать на согретом солнцем мягком песке. Небо было огромным и безоблачным. Где-то в вышине раздавались птичьи трели. Однако медлить было нельзя. Надо было во что бы то ни стало попасть на тот берег до захода солнца. Братья решили соорудить маленький легкий плот, на котором можно будет переправить одежду и вещи. А сами они без труда переплывут на другой берег. Они бросили свои дорожные сумки на песок и тотчас принялись за работу. Для них не составило особого труда соорудить плот. Гораздо сложнее было найти на том берегу место, где им предстояло высадиться. Однако и на другой стороне весь берег был крайне пустынный. И, пройдя некоторое расстояние вдоль берега реки, они, наконец, разделись, спустили плот на воду, положили на него свои сумки и одежду и стали медленно переплывать. Путешествие по воде было нетрудным и не заняло много времени. Уже через час они были на том берегу.

Между тем солнце уже садилось. Как волшебным ковром, его прощальные лучи накрыли леса причудливым узором розовато-багряных облаков. Стекло спокойных вод окрасила позолота. Ветер стих. Кругом разливалась торжественная тишина. Медленно угасал день.

И Ши предложил несколько часов поспать. Ведь придется идти ночью и поэтому сейчас, пока еще светло, надо набраться сил. Предложение было разумным, и Флик сразу же согласился. Они расположились в мягкой густой траве под сенью большого вяза и мгновенно заснули.

Проспав несколько часов крепким сном, оба брата вскочили и с испугом посмотрели вокруг. Было уже совсем темно. Неприятно чернела река. Вековые буки и вязы высоко вознесли к темному небу свои гигантские мрачные купола. В лесу носились сумрачные тени. Певчие птицы давно спали. Вдруг почувствовав себя одиноко и неудобно, Флик и Ши, не сговариваясь, вскочили на ноги и, собрав свои вещи, поспешили отправиться в путь. Предстояла дорога через Дульнские леса. И вдруг в какое-то мгновение Ши уловил своим чутким ухом странный пронзительный звук где-то на дальнем берегу реки. Он взволнованно сообщил об этом Флику, и оба брата принялись настоятельно вслушиваться в темное безмолвие вечера.

Прошло несколько минут, прежде чем братья продолжили путь. Как они ни напрягали свой слух, больше услышать им ничего не удалось. Вполне возможно, что Ши это показалось. А что касается мерзкого преследователя, носящего изображение Черепа, то он, вероятнее всего, до сих пор ищет их в Тенистой Долине. Ведь они исчезли так стремительно, почти из-под самого носа этого странного существа. А теперь надо было идти вперед.

В лесу стало совсем темно и тихо. Могучие кроны дубов и вязов плотно сомкнули свои огромные кроны и не пропускали свет ночных звезд. Густые заросли орешника казались причудливыми мрачными фигурами и то там, то тут появлялись на их пути. Сухие ветки ломались и хрустели под ногами. Бесшумно летали ночные птицы. Все кругом молчало. Весь этот дикий край, эти дебри, заваленные буреломом и валежником, непролазные лесные пуши, отрезанные от мира туманами, овраги, лощины — все стало черным. Глухая ночь погасила цвета. Тьма завладела лесом окончательно и полновластно. Где-то вдалеке завыл волк. Затем ближе протрубил лось. Флик и Ши ни разу не встретили бесшумно ступающих, зорких и ночью хищников — лисиц, рысей, куниц, норок, горностаев или опасных огромных птиц, кружащих среди древесных ветвей. Оба брата инстинктивно чувствовали, как на мягких когтистых лапах, на бесшумных крыльях, остря клыки и клювы, крались во мраке эти хищники. И было что-то гнетущее в этой тишине, где безмолвие нарушал лишь звук их собственных шагов. Братьев снова охватили тяжелые предчувствия.

Неизвестно, сколько времени они шли, но ясно было одно: они находились пока на окраине Дульнских лесов, а значит, надо быстрее идти дальше, чтобы, наконец, добраться до королевских владений Меньона Леа, где они могли себя чувствовать в относительной безопасности. Подавляя в себе желание согреться и разжечь костер, Флик и Ши пошли дальше, то и дело напряженно вслушиваясь в ночную тишину.

Идти ночью было тяжело. Давил сумрак. Пугал каждый шорох. Почувствовав неимоверную усталость, братья решили присесть и перекусить. Кто знает, что ждет их впереди... Флик достал из сумки сушеное мясо, сырые овощи и немного фруктов. Пришлось довольствоваться тем, что они взяли с собой из дома. И это было не так плохо. Запив ужин холодной водой, тоже припасенной из дома, они с наслаждением вытянулись на траве.

— Послушай, Ши,— начал осторожно Флик.— Меньше всего я хочу сейчас с тобой ссориться, но меня действительно тревожит выбранный тобой путь. Неужели нет ничего лучше, чем обратиться за помощью к Меньону Леа. Ведь даже если он захочет нам помочь, мы легко затеряемся в Черных Дубах и никогда не выберемся отсюда.

Ши тихо кивнул, плечи его опустились.

— Да, не надо льстить себя надеждой, что мы обязательно проведем таких коварных преследователей. Скорее наоборот. Ты прав, мы на самом деле можем заблудиться. Однако никто лучше Меньона не знает эти места. И упускать этот шанс мы не имеем права. Ты можешь предложить что-нибудь лучшее?

— Думаю, что нет,— безрадостно заключил Флик.— Но я хорошо помню слова Алланона... Ты вспомни, ведь он просил тебя тщательно беречь тайну и никому не доверять ее. Алланон настаивал на этом.

— Ах, оставь! Не будем начинать все сначала,— устало отмахнулся Ши.— Алланон находится далеко отсюда, а решение надо принимать быстро. Я твердо решил, что это — лучший из вариантов. Кроме того, я не представляю себе, как иначе мы сможем добраться до Аннарских лесов. Меньон всегда был мне хорошим другом, и, смею надеяться, он не подведет нас. Не забывай, что никто лучше, чем он, не владеет оружием. И, если нам все-таки придется обнажить мечи, нам очень понадобится его опыт.

— Что ж, посмотрим, как опыт общения с ним поможет нам,— насмешливо произнес Флик.— Что мы вообще можем предпринять против этого зловещего создания, носящего на себе изображение Черепа? Рано или поздно оно все равно разорвет нас на куски!

— Полно, Флик! Ты смотришь на вещи слишком мрачно. Нас никто не убил. Мы пока еще живы. И не забывай — мы находимся под защитой камней Эльфов.

Хотя Флик и не был полностью согласен с аргументами брата, он почувствовал, что в данной ситуации лучше все оставить как есть. Остается только надеяться на то, что Меньон Леа будет достоин доверия. И все же Флику не давала покоя одна мысль: чью сторону предпочтет этот непредсказуемый игрок — Меньон Леа? Ему казалось, что Ши не совсем правильно оценивает Леа. Да, он хорошо знал его и больше, чем он, Флик, провел времени в совместных путешествиях с ним. Леа был

одним из немногих ныне живущих монархов Южных земель, а Ши был ярым сторонником децентрализованного правления, противником центральной власти. Тем не менее, он поддерживал теплые дружеские отношения с наследником престола — одно, по мнения Флика, исключало другое. Либо человек верит, либо не верит — нельзя делать и то, и другое и оставаться честным с самим собой.

Несколько минут оба брата сидели в полном молчании. Между ними не было раньше больших разногласий, и теперь каждый по-своему переживал эту размолвку. Однако предчувствие беды и страх перед преследователями были сильнее, и братья быстро поднялись, собрали свои немудреные дорожные котомки и отправились дальше.

Лес менялся на глазах. Разноликие деревья и заросли кустарников исчезли. Появились могучие стволы вековых дубов, сосен, вязов и пеканов. Они были величественны, как соборы. Даже ночью здесь не было так темно и страшно, как в обычном лесу, где стволы больших деревьев обычно окружены колючим кустарником и густыми высокими травами. В этом лесу было свободно и тихо. Сухой мягкий мох покрывал землю. Иногда налетал ветер. Об этом знал только верхний ярус леса. Деревья тотчас же откликались тревожным гулом. Кроны деревьев раскачивались и шумели так сильно, что, казалось, их шум заглушал все другие звуки. Братья шли по Дульнскому лесу, где все тоже было охвачено великим безмолвием, которое, казалось, пульсировало и билось точно огромное сердце — сердце дикой природы. Помимо этого, мрак пронизывала смутная тревога, ночная духота будто порождала скрытые скованные силы природы, которые из всех сил старались вырваться на волю. В безмолвии леса словно таилось безмолвие смерти.

В какие-то мгновения лес охватывала странная застывшая тишина. Несколько раз Флик и Ши останавливались и вслушивались в ночное безмолвие. Однако лес по-прежнему молчал. Угнетающая тишина не желала раскрывать своей тайны. Флику вновь стало не по себе, и он начал тихонько насвистывать. Однако Ши укоряющим взглядом посмотрел на него, и Флик сразу замолчал.

Братья шли почти целую ночь и уже на рассвете вышли к опушке Дульнского леса. Они прошли через густую стену кустарников, вышли на поляну, покрытую

густой зеленой травой, и... Теперь уже было ясно, что впереди на многие мили простирались высокогорные владения Леа. Оба брата облегченно вздохнули. Они тревожно и неуютно чувствовали себя в Дульнском лесу — среди громадных, исполинских деревьев, среди странной тревожной тишины этого леса. И здесь, на лесных полянах, им сразу стало легче дышать, хотя укрыться в этих местах было намного сложнее. Братья, совершенно осмелев, впервые за долгое время негромко заговорили между собой.

Вскоре они остановились около густых кустов орешника, присели на мягкую траву и решили перекусить. На востоке освещенные золотыми лучами восходящего солнца горделиво вырисовывались высокогорные владения Меньона Леа. Легкий утренний туман окутывал вершины гор нежной дымкой, придавая им загадочный вид. Еще день пути — и они попадут, наконец, к Леа. А там уже все будет зависеть от него. Оба брата поели и, разомлев в ласковых лучах восходящего солнца, незаметно уснули.

Но не прошло и нескольких минут, как они проснулись. Их внезапно разбудил не звук, не движение, а... почти осязаемая мертвая тишина, которая неожиданно разлилась вокруг. Все остановилось, застыло и ждало чего-то ужасного. В ту же минуту братья физически ощутили присутствие другого существа. Это ощущение, как удар молнии, поразило их, разлилось по всему телу. Оба задыхались. В голове сразу возникла обморочная пустота. Сердце у каждого из них стучало так сильно, что удары его больно отдавались в висках. Они резко вскочили на ноги и посмотрели вокруг. Ши взглядом указал Флику на небольшую удобную лошину, где можно было укрыться и держать в поле зрения всю местность. Не помня себя, оба брата побежали к убежищу и упали в мягкую траву. Перевернувшись на спину, они лежали неподвижно. Перед ними раскрывалось утреннее голубое небо. У братьев даже не возникало сомнения в том, что страшное существо находится где-то рядом. Они на всю жизнь запомнили те жуткие ощущения, которые им пришлось испытать у окна своей комнаты. Поэтому сейчас сомнений не было: это мерзкое чудовище все-таки настигло их. Оба брата молили бога, чтобы он помог им остаться незамеченными. «О, небо, — беззвучно говорили их уста, — неужели ты допустишь, что после такого тяжелого, изнурительного пути, после стольких невероятных усилий это дья-

вольское существо безжалостно расправится с нами? И это когда мы почти добрались до владений Меньона Леа...»

И тут внезапно, подняв бешеный столб пыли, как вихрь взмыл в воздух их страшный преследователь. Зловеще поблескивало на поясе изображение Черепа. Бежали страшные минуты. Братьев опять охватил смертельный ужас. Это чудовище распростерло по воздуху свой черный плащ и, казалось, угрожающе размахивало громадными черными крыльями. Из рта его неслись те же душе-раздирающие звуки. Потом это мерзкое чудище три раза перекрутилось в воздухе и застыло без движения, будто раздумывая: упасть сразу на жертву или еще продолжать мучить ее. Оба брата почувствовали, что произошло что-то сверхъестественное: воздух застыл над лощиной, словно вот-вот должен был взорваться гигантский, начиненный взрывчаткой снаряд или обрушиться мир. Сердца у братьев снова сжались от невыразимого ужаса. Ногти впились в ладони. Кровь застыла в жилах. Они приготовились к смерти. И тут вдруг сатанинское создание сделало головокружительный пируэт, издало оглушительный вопль и с молниеносной скоростью, словно камень, спикировало в заросли высокого и колючего кустарника неподалеку от лощины, где лежали братья. Все стихло. Не было слышно ни звука, ни шороха. Боясь пошевелиться, братья вслушивались в мертвую тишину.

— Пока это существо не опомнилось, давай осторожно переберемся дальше, вон в ту рошу,— еле слышно прошептал Ши.— Может, нам удастся спастись...

Флик судорожно кивнул. Да, Ши был абсолютно прав. Эта мерзкая тварь сейчас обнаружит, что в тех кустах их нет, и сейчас же переметнется в лощину. Надо немедленно убираться отсюда. Оба брата вскочили на ноги и почти ползком, скрючившись, крадучись стали перебираться в небольшую рощицу. Первым ловко полз Ши, его легкая фигурка изгибалась по-змеиному, уверенно и быстро скользя по земле. По его следам полз Флик. Когда братья перевели дух и очутились в роше, они внезапно с ужасом вспомнили, что забыли в лощине свои дорожные сумки. Оба брата почти лишились чувств. Это был конец. Мерзкое чудовище непременно обнаружит их сумки и поймет, что добыча находится совсем рядом. Как же они могли забыть про сумки? А, черт, эта оплошность может стоить им жизни... Ши в отчаянии сжал плечо Флика. Да, надо было ползти назад. Выбора

не было. Но, едва Ши поднялся, вверх снова с ревом взмыло дьявольское создание и, зловеще раскинув черные руки-крылья, застыло в воздухе. Шанс был упущен. Братья прощались с жизнью.

Однако неожиданно на помощь братьям пришел наступающий рассвет. Утренняя мгла светлела, делалась все прозрачнее, сквозь него показались первые робкие лучи ласкового солнца, а вокруг уже медленно плыли легкие золотые и розовые облака. Солнечный свет странным образом сконцентрировался вокруг мрачного чудовища, как бы окутав его. И это омерзительное существо, видимо, окончательно осознав, что его время кончилось, судорожно подергиваясь, поднялось ввысь. Оно скрежетало зубами от бессилия и ярости, издавая жуткие смертоносные вопли. Это была страшная агония обратительного исчадия, которое, сделав несколько угрожающих витков над землей, неожиданно исчезло в сиянии наступающего утра. Флик и Ши лежали молча, не решаясь поверить в случившееся.

Глава 5

В тот же день около полудня они достигли города Леа, расположенного высоко в горах. Стены из камня и белого известняка, окружавшие город, обещали приют и отдых усталым путникам, утомленным долгим путем, несмотря на то, что под жарким полуденным солнцем раскалившиеся стены дышали жаром, как железо в мастерской кузнеца. Пространство, ограниченное каменными стенами, было непривычно для жителей Долины, привыкших к свободе и простору лесов и полей, окружавших их дома. Но их усталость была так велика, что они забыли о своем первом неприятном впечатлении и с облегчением вошли через западные ворота города, за которыми начинались узкие улицы. Было самое оживленное время дня, и люди спешили по своим делам, заглядывая в маленькие лавчонки, останавливаясь около открытых лотков уличных торговцев, которые растянулись вдоль главной улицы и вдоль окружавших город стен. Улица вела к дворцу Меньона, величественному старинному зданию, окруженному живой изгородью из деревьев и кустарников, за которой угадывались тщательно ухоженные лужайки и клумбы с душистыми цветами. Жителям Долины город Леа показался огромной столицей, хотя на самом деле

это был сравнительно маленький город, который не шел ни в какое сравнение с другими большими городами в центральной части Южных земель или даже с таким городом, как Тирсис. Город Леа был отрезан от остального мира, и даже путешественникам не часто приходилось бывать в нем. Это был замкнутый город, служивший нуждам только своих жителей. Династия монархов, которая правила этой страной, была самой старой в Южных землях. Эта монархия была единственной законной властью, которую признавали жители города — и нуждались они только в ней. Ши не мог согласиться с этим, хотя большая часть жителей высокогорья была удовлетворена политикой правительства и теми правилами жизни, которое оно устанавливало.

Братья с трудом пробивались сквозь оживленную людскую толпу. И Ши невольно задавал себе вопрос: что же все-таки лежит в основе их дружбы с Меньоном Леа? Их теплые дружеские отношения подчас просто казались неправдоподобными и многих удивляли, поскольку между ними было так мало общего. Житель Долины и житель высокогорья, они были столь непохожи в своих взглядах на жизнь, привычках и привязанностях, что вряд ли имело смысл вообще сравнивать их. Ши, приемный сын хозяина гостиницы, трезвомыслящий и практичный молодой человек, был воспитан простыми людьми и с детства усвоил простую истину о том, что жить надо честно и самому зарабатывать себе на хлеб. Меньон же, единственный наследник королевского рода Леа, уже родился с заранее выработанными для него привилегиями и почестями, поэтому он принимал их как должное. Следует сказать, что у Леа был истинный талант охотника: его ловкости и мастерству совершать рискованные походы, умению преследовать опасных хищников мог бы позавидовать любой смельчак. Даже такой суровый критик, как Флик, и то вынужден был признать, что Меньон Леа — прекрасный охотник и бывалый путешественник. Их политические взгляды столь же разительно отличались, как и взгляды на жизнь вообще. Будучи по своей природе консерватором, Ши выступал сторонником общепринятых, традиционных путей, в то время как Меньон был убежден, что традиционные пути уже доказали свою несостоятельность в решении проблем различных рас.

Однако, несмотря на все различия, этих молодых людей связывала дружба, и это не могло не вызывать

общего уважения. Меньон усматривал в суждениях своего юного друга известную долю анахронизма, но восхищался убежденностью и решительностью его страстной натуры. Что же касалось жителя Долины, то он с готовностью прощал многие недостатки своего друга, так как видел в этом принце главное — его силу и умение отличать правду от лжи.

И сейчас Меньон Леа вел беззаботную жизнь, не утруждая себя заботами о будущем. Он очень много путешествовал, охотился в высокогорных лесах, но в основном, казалось, этот наследник королевского трона проводил время в поисках новых приключений. Это в некоторой степени раздражало его отца, который неустанно и безуспешно пытался вовлечь сына, своего единственного наследника, в процесс управления королевством. Ведь когда-нибудь Меньон, хочет он этого или нет, станет королем. И, хотя сейчас он думает об этом меньше всего, этому все равно суждено случиться. Мать Меньона Леа умерла несколько лет назад, совсем незадолго до того, как Ши впервые побывал в высокогорном королевстве. Отцу Меньона, королю, еще было далеко до старости, но, как известно, короли умирают не только в преклонном возрасте. Что касается предыдущих правителей этого королевства, то многие из них ушли на тот свет неожиданно и при довольно странных обстоятельствах. И если что-либо подобное случится с отцом Меньона, то к престолу придет Меньон, готов он к этому или не готов.

Родовой замок Леа представлял собой двухэтажное широкое каменное строение, со всех сторон окруженное высокими раскидистыми пеканами и благоухающими садами. Перед дворцовым особняком был разбит большой прекрасный парк, где было всегда прохладно. Блестела зеркальная гладь небольшого озера. В кронах зеленых деревьев весело пели птицы. Миновав парк, братья подошли к главным воротам дворца.

Высокие железные ворота дворца были приоткрыты, и оба жителя Долины быстро направились к парадной двери, сплошь увитой красивым плющом. Они были почти на пороге королевской резиденции, как вдруг тяжелая дубовая дверь отворилась и перед ними предстал сам Меньон Леа. На нем был пестрый плащ с преобладанием зеленых и светло-желтых цветов. Высокий, на несколько дюймов выше жителей Долины, стройный и гибкий, он был, однако, широк в плечах и крепок, что не мешало ему

двигаться с мягкой грацией дикой кошки. При виде двух усталых пропыленных путников Меньон издал крик изумления и радости.

— Ши! Не верю своим глазам! Признаться, не ожидал, что вы с Фликом так быстро окажетесь здесь.

Он со всей искренностью обнял своих друзей, тепло пожал их протянутые руки.

— Очень рады видеть тебя, Меньон,— с улыбкой сказал Ши.

Житель высокогорья отступил назад, осмотрел их пыльную одежду, и глаза его зажглись пытливым беспокойством.

— О, я никак не ожидал, что мое письмо возымеет такие быстрые результаты...— Он изучающе посмотрел на усталые лица жителей Долины.— Нет, нет, только не говори, что тебя привело сюда нечто другое. Я не хочу верить в это. Хочется думать, что ты пришел сюда ради нашей с тобой дружбы. О, и я вижу, ты захватил с собой старину Флика. Это сюрприз для меня.

Флик был сдержан, коротко кивнул в ответ на радушное приветствие наследника престола и сухо сказал:

— Если быть точным, это не моя идея.

— Хорошо! Как бы то ни было, я бы хотел верить в то, что именно наша дружба послала вас к воротам моего дворца.

— О, всеми силами я бы желал, чтобы это была единственная причина нашего появления здесь...— с тяжелым сердцем произнес Ши, с беспредельным отчаянием глядя в глаза Меньона.— Я знаю, что не имею права вовлекать тебя в наши дела, но, боюсь... придется. Мы находимся в опасности, и ты один можешь нам помочь.

По лицу Меньона пробежала насмешливая улыбка, но, сразу почувствовав по их лицам, что положение действительно серьезное, Меньон насторожился и продолжал. В его голосе впервые прозвучали заботливые нотки.

— Хорошо, об этом — потом. А сейчас вам нужнее всего горячая ванна и хороший обед, не так ли? Вы отдохнете, наберетесь сил, а затем расскажете, что привело вас сюда. Входите. Отца нет, он уехал по делам. А я — в вашем полном распоряжении.

Меньон отдал приказ слугам позаботиться о братьях. После того, как братья приняли ванну, переоделись в чистую одежду, их ввели в огромный обеденный зал.

Трапеза была столь обильной и вкусной, что в старые добрые времена братья не съели бы и половины этой горы яств, но, усталые и измученные, они быстро проглотили все, что им было предложено. За обедом Ши поведал Меньону взволнованную историю своего стремительного исчезновения из Тенистой Долины. Он рассказал, как впервые на лесной тропе Флик повстречался с Алланом, передал ему рассказ странника-исполина о Мече Шаннара. И, несмотря на требование Аллана никому не доверять эту тайну, теперь он, Ши, вынужден просить Меньона о помощи. Многие рассказал Ши своему другу: и о появлении Балинора, и об их страшном рискованном побеге из Тенистой Долины, и о мерзком создании, носящем изображение Черепа, и, наконец, об изнурительном пути к высокогорному королевству Леа. Ши говорил один. Флик сидел с отрешенным видом и не поддерживал разговора. В нем и по сей час жила упорная мысль не доверять до конца Меньону Леа. Он был убежден, что сдержанная и осторожная позиция хотя бы одного из них сослужит им хорошую службу.

Меньон слушал друга с глубоким вниманием, не выказывая никаких признаков удивления или недоверия. Лицо было неподвижно, словно на него была одета маска, лишь в уголках глаз время от времени собирались мелкие морщины, и на губах блуждала слабая улыбка. Видно было, что Меньон окончательно понял истинную цель появления Ши и Флика. Они действительно вряд ли могли рассчитывать на кого-то другого, кто провел бы их по крутым горным склонам к Черным Дубам. Меньон также отчетливо сознавал, что Ши всецело доверяет ему. А что касается Флика... Между ним и Меньоном никогда не было теплых отношений. Но, как бы то ни было, оба брата пришли к нему просить о помощи, и, что бы ни лежало в основе этой просьбы, он, Меньон Леа, всегда придет им на помощь, даже если придется рисковать собственной жизнью.

Ши закончил свое тревожное повествование и терпеливо ждал, что скажет Меньон. Мысли жителя высокогорья, казалось, были далеко отсюда, взор серых серьезных глаз застыл на бокале с вином, голос, когда он заговорил, казался совсем чужим:

— Меч Шаннара. Мне не раз доводилось слышать эту историю, но я никогда серьезно не относился к ней. А теперь, как это ни парадоксально, оказывается, мой друг Ши Омсфорд является наследником рода Шаннара.

Да, поистине удивительно! — Внезапно он вскинул глаза на притихшего Ши и с тревогой продолжал: — Ты теперь будешь как красная тряпка для быка, как приманка для этих народов Северных земель, которые хотят найти тебя и уничтожить. А Алланон? Его загадочное появление, устрашающий рассказ, внезапное исчезновение... Ты уверен, что он не опасен для тебя?

Флик задумчиво посмотрел на Меньона. Слава богу, не одному ему приходят в голову разумные мысли. Однако Ши твердо покачал головой.

— Я не могу поверить в то, что Алланон сказал мне неправду. А стоит его бояться или не стоит — не суть дела. Тем более сейчас.

— Что ж, может быть и так, — тихо произнес Меньон. — Возможно, я становлюсь стар и подозрителен, но, откровенно говоря, вся эта история представляется мне неправдоподобной. Существует много других легенд о Северных землях, к примеру, о страшном зле, господствующем в пустынях за Стрелехаймскими равнинами, — говорят, силы зла, царящие там, столь страшны и велики, что ни одному смертному вовеки не постичь их тайну, а тем более не скрыться от них.

Меньон замолк и несколько минут сидел, совершенно погруженный в свои мысли.

— Меч Шаннара... А если все-таки это окажется правдой? Нет, мы не должны пренебрегать даже самой малой возможностью пролить свет на эту загадочную историю. Для того, чтобы добраться до Аннарских гор, вам будет нужен проводник. Всецело рассчитывайте на меня.

— Я чувствовал, я знал, что ты согласишься! — В благодарном порыве Ши вскочил и горячо обнял друга. Флик облегченно вздохнул, на его губах появилась довольная улыбка.

— Хорошо, а теперь давайте рассмотрим наши шансы. Какой же все-таки магической силой обладают камни Эльфов? Я хотел бы взглянуть на них.

Ши быстро достал небольшой кожаный мешочек и высыпал его содержимое на ладонь. Три голубых камня вспыхнули и заиграли в свете дня. Временами их серебристо-голубое сияние становилось загадочным и бездонным. Меньон нежно потрогал один из них.

— Да, камни поистине прекрасны, — восхищенно произнес Меньон. — Я никогда не видел ничего подобного прежде. Но каким образом они могут помочь нам?

— Этого я пока не знаю, — неуверенно ответил Ши. — Мне известно только то, что Алланон сказал нам, — эти камни надо использовать только в самых крайних обстоятельствах, так как они обладают невероятной силой.

— Да, думаю, что он был прав, — последовал ответ Леа. — Горько было бы сознавать обратное... Нет, мы должны верить в магические свойства этих камней.

Меньон Леа замолчал, целиком погрузившись в собственные размышления, а Ши между тем сложил заветные камни в кожаный мешочек и спрятал его в карман походного плаща. Ши посмотрел на Меньона, чей неподвижный взгляд был устремлен на дно бокала.

— Знаешь, Ши, мне кое-что известно о человеке по имени Балинор. Это прекрасный воин. Едва ли кто-нибудь сравнится с ним в умении отражать удары врага, чувствовать противника и бесстрашно вести бой или поединок. Уверяю тебя, это достойный человек. Нам не следует отказываться и от помощи его отца. Лучше быть под охраной солдат Каллахорна, чем под хитрым оком лесных карликов, которые живут в Аннарских лесах. Я хорошо знаю все дороги, ведущие к Тирсису. Почти все они безопасны. Но любая дорога или тропа к Аннарским горам проходит прямо через Черные Дубы — место, прямо скажем, далеко не самое безопасное на Южных землях. Об этом, к сожалению, вы знаете сами.

— Да! Все это так! Но Алланон сказал нам идти к Аннарским горам, — продолжал настаивать Ши. — Должно быть, у него были свои соображения на этот счет. И, пока я не найду Алланона, я должен выполнять его указания. Кроме того, Балинор тоже советовал мне неукоснительно делать все то, о чем сказал Алланон.

Меньон пожал плечами.

— Повторяю, друзья мои, это неблагоприятно, потому что, даже если нам удастся пробраться через Черные Дубы, я не очень хорошо знаю земли за их пределами. Я лишь слышал, что это почти глухие или малонаселенные территории на всем пути к Аннарским лесам. Обитают там, в основном, жители Южных земель и Карлики, которые не должны бы представлять для нас значительной опасности. Кульхавен — это небольшая деревня Карликов, расположенная на Серебряной Реке в низовьях Аннарских гор. Думаю, мы без труда найдем эту деревушку, если вообще доберемся до тех мест. Прежде всего нам предстоит миновать Низины Клете, которые особенно опасны в

периоды весеннего половодья. А потом мы начнем путь к Черным Дубам. Это будет наиболее опасный участок маршрута.

Меньон налил себе еще один бокал вина и передал графин Флику.

— Путь будет долгим. На него уйдут недели. На севере Леа расположено Радужное Озеро. Если мы пойдем в этом направлении, нам придется обогнуть озеро и идти через Рунные горы. Черные Дубы находятся к югу от озера примерно на расстоянии сотни миль. Весь этот путь займет не меньше двух недель. Да, и плохо то, что на всем своем протяжении это преимущественно открытая местность. Все-таки следует идти на восток через низины, а дальше пробираться через дубовый лес.

Флик нахмурился. Он был не в силах скрыть раздражение при воспоминании о том, как они с Ши в отчаянии блуждали по дикому лесу, рискуя умереть с голоду или попасть в лапы волка. Они чудом спаслись в прошлый раз. И Флику решительно не хотелось, чтобы они с братом в очередной раз стали приманкой для хищников.

— Э, старина Флик не может забыть эти злосчастные Черные Дубы,— рассмеялся Меньон, поймав мрачный взгляд флика.— Не беспокойся, Флик, на этот раз мы будем осторожнее и тщательно подготовимся к путешествию. Здесь опасные и коварные места, но никто не знает их лучше меня. И вряд ли кто-нибудь здесь сможет следить за нами. Тем более, что мы никому не скажем, куда мы идем. Можно будет объяснить, что мы едем участвовать в большой охоте. Отец целиком погружен в собственные проблемы: может стать, что он и не заметит моего исчезновения. Он уже привык к тому, что я провожу в путешествиях целые недели.

Леа замолчал и вопросительно посмотрел на Ши, словно спрашивая, не упустил ли он что-нибудь. Житель Долины с нескрываемой благодарностью и искренней радостью взглянул на Меньона Леа. В нем кипело волнение, вселявшее в него надежду. Он черпал энергию в этой надежде и наперекор рассудку начинал верить, что им всем удастся спастись. Поистине надежда окрыляет человека.

— Спасибо, Меньон, я знал, что могу рассчитывать на тебя. Хорошо, что ты будешь рядом.

Флик до сих пор не мог переломить свое негативное отношение к Меньону. И тот, поймав его недоверчивый и осуждающий взгляд, решил вступить в короткий словесный поединок с жителем Долины. И Меньон вновь пустился иронизировать:

— Думаю, самое время поговорить о том, что все это будет означать для меня. Иными словами: что я буду иметь, если благополучно проведу вас к Кульхавену? — И он хитро посмотрел на братьев.

— Что? Неужели ты посмеешь... — У Флика от возмущения перехватило дух.

— Полно, полно, приятель! Плохо же ты меня знаешь! У меня и в мыслях не было претендовать на твою долю и долю Ши. Мне ничего не надо.

— Брось молотъ вздор! У меня нет никакой доли и быть не может. Подобная чепуха и не могла прийти мне в голову.

— Так, все! Довольно! Немедленно прекратите! — прервал их Ши. Он резко встал. Лицо его стало бледным. Голос дрожал. Гневно сжимались руки. — Это не может продолжаться дальше, если мы решили идти все вместе. Меньон, оставь свои шутки и не выводил Флика из себя; а ты, Флик, должен раз и навсегда отбросить свои беспочвенные подозрения по поводу Меньона. Мы должны верить друг другу и быть друзьями!

Меньон послушно опустил глаза, а Флик в досаде закусил губу. Ши тихо сел. Его сердце билось от волнения.

— Да, правильно,— согласился Меньон после некоторого молчания.— Вот тебе моя рука, Флик. Давай заключим временное перемирие, хотя бы ради Ши.

Флик посмотрел на протянутую руку Меньона и не спеша пожал ее.

— Как ты легко говоришь об этом, Меньон! Надеюсь, твои слова не разойдутся с делом на этот раз.

Житель высокогорья с улыбкой выслушал это замечание.

— Не волнуйся, Флик. Я сдержу слово,— твердо заверил Меньон жителя долины, чувствуя, что ни в чем не убедил упрямого Флика.

Между тем уже стемнело, и трое собеседников, в течение нескольких часов обсуждавших планы бегства и спасения, устали и отправились спать. Они решили, что отправятся в путь на следующее утро. Меньон обеспечил всех необходимым снаряжением, провизией, ору-

жем. Он добыл карту города Леа и близлежащих земель, но на карте отсутствовали мелкие подробности, и она давала слабое представление об указанных на ней территориях. Низины Клете, которые простирались с востока до Черных Дубов, представляли собой страшные и коварные болотистые места. Многие путешественники нашли свою смерть на болотах. Болотная трясина мгновенно затягивала зазевавшегося путника. И человека засасывало раньше, чем могли услышать его крики и мольбы о помощи. Черные Дубы представляли собой дикие непролазные леса, густую непроходимую стену диковинных деревьев и кустарников, которая, как огромный зеленый сплошной монолит, отделяла город Леа от Аннарских гор. Все трое кратко обсудили характер территорий, по которым им предстояло пройти, возможные погодные условия. Но все это были лишь предположения, гипотезы, а на месте они могли столкнуться с любыми непредвиденными вещами. И бог знает, какие ловушки и опасности ждали их впереди.

К полуночи, наконец, все улеглись. Приготовления были окончены. На рассвете друзьям предстояло отправиться в рискованное и тяжелое путешествие к Аннарским горам. Флику и Ши отвели отдельную комнату. Измученный тяжелой дорогой и тревожными опасениями Флик с облегчением опустился в мягкую теплоту постели и заснул крепким сном. Что касается Ши, то молодой человек долго не мог уснуть, вспоминая и перебирая в памяти все события минувших дней. Сквозь открытое окно в комнату струился ночной мрак. В туманном небе на головокружительной высоте стояла одинокая луна, около нее, как ореол, переливались серебристо-желтые тени. Слабые блики этих теней немного смягчали ночной мрак. Воздух стал влажным, опускался туман, из окна веяло свежестью и прохладой. На спящий город легла мирная тишина ночи. Рядом спал Флик. Ши хорошо слышал его ровное дыхание. Сам Ши никак не мог заснуть, хотя тоже был совершенно изнурен утомительной дорогой в королевство Меньона. Его опять бушевали беспокойные мысли. Он отлично сознавал, что все предпринятые усилия — это только лишь начало трудного и опасного пути. И тут вдруг в эти минуты он стал мучительно и явственно сознавать, как никогда прежде, его собственное предназначение. Это вовсе не радовало его. Их путешествие отнюдь не будет кратким, оно растянется на долгие годы. Преследователи не успокоятся, пока не настигнут их. Все

это будет продолжаться до тех пор, пока не исчезнет с лица земли лорд Уорлок или пока злые силы не уничтожат Ши. И до этого, увы, они никогда не вернутся в Тенистую Долину, в милый родной дом, не увидят отца. И где бы они ни были, под чьим бы покровительством они ни находились,— это все будет временная, шаткая и относительная безопасность, которая исчезнет в мгновение ока, лишь только зловещие когти кровожадного чудовища вцепятся в них.

Это была ужасающая правда. Уйти от нее было невозможно. В ночной тишине, в тревожном мраке Ши был один на один со своими думами, страхами, сомнениями. Свет далекой надежды был похож на зыбкий мираж. Впереди была тревожная неизвестность. Так прошло много времени, прежде чем Ши забылся тяжелым сном.

Друзья поднялись на рассвете. Утро выдалось хмурое, сырое, туманное. В холодном утреннем воздухе застыла влага. Густой туман курился над покрытыми редким лесом скалистыми уступами. Он был так резко очерчен, что к нему можно было подойти вплотную, протянуть руку, и она тотчас же тонула в этом тумане. Ненастная промозглая погода явно не благоприятствовала путешественникам. Однако отступать было поздно, и все трое отправились в путь, моля небо быть благосклонным к ним. Друзьям предстоял трудный спуск по каменистым уступам, туманных плоскогорий к унылым равнинам нижних земель. В полном молчании эта маленькая группа спускалась по твердым скользким уступам, покрытым мхом, лишайниками и редким кустарником. Они то и дело натыкались на беспорядочные груды мелких валунов, которые приходилось осторожно обходить. Ноги то утопали во мхах и лишайниках, то скользили по влажным каменистым уступам. Меньон Леа шел впереди. Его зоркий глаз охватывал каменистую тропу на десять футов вперед. На его худощавой спине болталась дорожная сумка и внушительный колчан со стрелами. С пояса низко свисал продетый в кожаную петлю длинный старинный меч, который отец Меньона подарил ему в день совершеннолетия,— меч был семейной ценностью рода Леа. Его стальной клинок холодно сверкал серо-серебристыми бликами в туманной дымке наступающего утра. Ши, отставшему от Меньона на несколько шагов, в какой-то миг показалось, что на боку у Леа висит легендарный Меч Шаннара...

Между тем путники шли дальше. Сердце Ши сжималось в беспокойной тревоге. Его брови Эльфа хмурились все больше и больше, чем дальше они удалялись от резиденции принца. Впереди их ждала мрачная неизвестность. Они спускались по каменистым россыпям, переходившим во мшистые участки с мелким цепким кустарником. Все вокруг было серым и безрадостным. Лишь кое-где на серых уступах тускло горели пятна лишайников. Все словно вымерло. Было такое впечатление, что они шли по безжизненной земле. Мертвые серые камни, мертвая высохшая земля, жалкая, скудная и лишенная цвета растительность — все это производило гнетущее впечатление на Флика, Ши и Меньона, чье прерывистое дыхание и гулкие шаги были единственным, что нарушало это мрачное каменистое безмолвие.

Флик нес тяжелую сумку с провизией, которую они, видимо, опустошат раньше, чем доберутся до Черных Дубов. И тогда придется добывать пищу охотой и сбором лесных плодов, что будет крайне затруднительно в этом бедном растительностью крае. Теперь Флик был совершенно уверен в серьезности намерений Меньона, в его искреннем желании помочь им, но в любую минуту все могло повернуться против них, и Меньон, с его опытом и рвением, мог оказаться бессильным перед страшной силой обстоятельств. Об этом напомнила их последняя встреча с дьявольским монстром, против которого усилия любого живого существа были бы совершенно напрасны.

Приближался к концу первый день путешествия. Оставив далеко позади спокойные благодатные земли королевства Меньона Леа, путники мало-помалу добрались до мрачных, угрюмых Низин Клете. Они стали устраиваться на ночлег на маленькой лужайке под весьма сомнительным прикрытием почти лишенных листвы деревьев и засохших кустарников. Туман сгушался все больше и больше. Тьма поглотила все вокруг. Вечерняя прохлада сменилась промозглым холодом ночи. Все трое дрожали. Не спасали даже плотные дорожные плащи. Путники попытались собрать ветки для костра, но в сыром тумане все настолько пропиталось влагой, что, сколько они ни старались, разжечь костер им не удалось. В конце концов, оставив эти бесплодные попытки, они ограничились тем, что решили подкрепиться холодной пищей. Они достали тщательно упакованные съестные припасы и принялись

за еду. Ели молча, пока окончательно не восстановили потерянные за день силы.

А вокруг все обволакивала гнетущая черная тишина. В призрачной пелене тумана даже небольшой каменистый уступ или кустарник казался устрашающим. Казалось, все живое застыло, оцепенело. А ведь рядом в дремучих лесах хозяйничают волки и медведи, и под всеми этими камнями живут змеи, тролли, горные ведьмы и всякий подземный народец. Долго обуревали путников тревожные мысли. И немало прошло времени, пока они заснули.

На второй и третий день путешествия погода испортилась совсем. Небо словно собралось проучить самонадеянных смельчаков... Не переставая шел дождь. Сначала его холодные потоки вымочили всю одежду путников, потом дождь, казалось, проник сквозь кожу и кости, заставляя их стучать зубами от сырости и холода, затем пронзительные ледяные капли застучали по каждому нерву, и теперь всех охватило одно и то же чувство, одно общее ощущение полного физического растворения в сплошном холодном потоке дождя. А дождь все лил и лил. И не видно было конца этим неистовым струям, обрушившимся с такой настойчивостью и яростью на бедных путников. Вся скудная растительность этих мест была сломана, прибита к земле или валялась безжизненно на каменистых уступах; все было сметено, скомкано, размыто и бесформенными кусками валялось повсюду. Трудно было поверить, что здесь, на этих безжизненных диких скалах, в холодном сыром воздухе могут обитать живые существа. Все было недвижимо и мрачно. И лишь шумные потоки дождя напоминали, что жизнь еще теплится здесь; и, собирая последние силы, путники с трудом шли дальше.

На протяжении всех трех дней пути солнце так и не появилось. В безлунном воздухе слепо застыла земля. Путники молили небо ниспослать им слабый проблеск солнца, легкий луч надежды, но свинцовое небо низко висело над землей и было безучастно к мольбам несчастных путешественников. Временами им казалось, что весь мир превратился в сплошную ливневую завесу и... уже почти не верилось в существование той, другой человеческой жизни, где люди жили, радовались солнцу и пению птиц. Все это существовало где-то далеко, в тайниках сознания, а пока огромный серый мир обрушился на них стихийным дождем и гнетущей тяжестью. И не было

возможности выйти за пределы этого мрачного, зловещего мира.

На четвертый день пути путников охватило глухое отчаяние. Это отчаяние росло с каждой минутой, оно заполнило все их существо, и было просто невыносимо сознавать человеческое бессилие перед таинственными могучими силами природы. Уже не было никаких сомнений, что мерзкие крылатые охотники лорда Уорлока потеряли их след и сейчас им можно было — хотя бы на некоторое время — не опасаться преследования. Но даже эта мысль мало радовала их: столь велико было гнетущее влияние изоляции от внешнего мира и мрачного разгула стихии. Неунывающий гордый дух Меньона, и тот был надломлен. Всех троих бесконечно угнетали неизвестность и зловещий поворот погодных условий. В душе Меньона возникли опасения, что они заблудились и идут по кругу. Уж кто-кто, как не он, хорошо знал, что, заблудившись раз, можно никогда не вернуться домой. Он тщательно перебирал в уме все возможные пути выхода из создавшегося положения. Еще тяжелее было Ши и Флику. Они ничего не знали об этих землях, и у них отсутствовали охотничье чутье и опыт путешественника, чем был щедро наделен Меньон. Им оставалось полностью полагаться на него, и, хотя Леа молчал, оба брата чувствовали что-то неладное. Они понимали, что он просто не хочет волновать их.

Миновали бесконечные часы. Однако ничего не изменилось за это время: та же промозглая сырость в воздухе, беспощадные потоки холодного дождя — и ни искры надежды впереди... В каждом из путников на глазах таял последний луч надежды. Казалось, еще немного, и это молчаливое отчаяние превратится в тихое безумие. На пятый день пути усталость, чувство отчаяния и безысходности достигли предела. Добраться, наконец, до Черных Дубов представлялось несбыточной и призрачной надеждой. Ши опустил на землю, посмотрел на Меньона. В его глазах застыл немой вопрос.

Меньон рассеянно посмотрел сквозь густую пелену тумана, его красивое лицо помрачнело.

— Не буду лгать вам, — услышали братья его тихий голос. — У меня нет полной уверенности в том, что мы идем в нужном направлении. Этот густой туман... Вполне вероятно, что мы заблудились или идем по кругу.

Флик с досадой бросил на землю тяжелую сумку с провиантом и укоризненно взглянул на Ши, как бы говоря: «Ведь я же предупреждал тебя насчет Меньона».

Но Ши не сдавался.

— Не могу поверить, что мы заблудились! Неужели никак нельзя выбраться отсюда?

— Почти все возможности исчерпаны. Однако, пока есть силы, надо идти вперед. Да! Вперед! Вперед! — произнес Меньон, и на его лице с трудом появилась деланная улыбка.

Флик с присущей ему горячностью готов был обвинить Меньона во всех грехах. Он, Меньон, еще смеет улыбаться! Но, заглянув в глаза принца, Флик увидел в них выражение бездонной печали, тревоги и отчаяния. Житель Долины сразу смягчился. Слава богу, он не успел обрушить поток несправедливых обвинений и укоров на Меньона, который переживал едва ли не больше, чем они. Он опустился на траву рядом с Меньоном, дружески потрепал его по плечу, и некоторое время все трое сидели в полном молчании. Внезапно Ши осенила мысль прибегнуть к помощи заветных камней. Он поспешно вытащил из кармана мешочек с камнями.

В то же мгновение путники вздрогнули и резко вскочили на ноги. Как они могли забыть об этом? Это невероятно!

— Эти камни могут помочь нам! — с дрожью в голосе воскликнул Ши.

Ши осторожно, трясущимися руками достал голубые камни, которым предстояло решить его судьбу и распорядиться жизнью путников. И все трое в немом изумлении и страстном волнении впились взглядом в камни Эльфов, словно ожидая той заветной минуты, когда эти магические камни проявят свои сверхъестественные силы и помогут им выбраться отсюда. Камни лежали на ладони Ши.

— Подними их выше! — посоветовал Меньон. — Возможно, для них нужен более яркий свет.

Житель Долины сделал все так, как ему сказали. Все трое неотрывно смотрели на сверкающие голубые грани камней. Однако ничего не происходило. Все было по-прежнему. Ши вспомнил, что Алланон наказывал ему прибегать к помощи камней лишь в самой опасной, критической ситуации, когда будут использованы все другие шансы на спасение и останется этот последний шанс... Может, поэтому камни молчат и не хотят действовать? Но, как бы то ни было, он вдруг со всей ошеломляющей

очевидностью понял, что не знает, как надо использовать эти камни, как заставить их проявить свои чудесные свойства. В голове у него потемнело, земля ушла из-под ног. Рухнула последняя надежда. Минуту спустя он с отчаянием посмотрел на друзей.

— Ши! Еще раз попытайся что-нибудь сделать с ними! — взволнованно прозвучал голос Меньона Леа.

Ши стал старательно тереть гладкую поверхность камней, сгреб их в ладони и стал легонько подбрасывать, перемешивать их словно при игре в кости. Потом подбросил их высоко над землей и поспешно поймал, боясь, что сырая земля может повредить их. Он бережно вытер камни, и они, казалось, сверкнули неожиданно ярким лучом, который стал медленно притягивать молящий взор юноши. И Ши устремил все силы своей души, всю боль и надежду свою вложил он в этот страстный взор, которым он впился в камни Эльфов.

— Может быть, тебе следует поговорить с ними... — робко заметил Флик. В его голосе теплилась надежда.

И вдруг в сознании Ши четко вырисовалось худое темное лицо Алланона. Взгляд из-под нависших бровей сосредоточился на Ши и, казалось, излучал мощный поток энергии. И тут Ши понял, что на камни Эльфов нужно воздействовать другим путем. Крепко зажмурив глаза, юный житель Долины раскрыл ладонь, на которой лежали голубые камни, и сосредоточил всю силу своей мысли, пытаясь передать камням свою волю. Мысленно он просил камни Эльфов помочь им. Прошло много времени, возможно, несколько часов. Наконец, он открыл глаза и увидел, что его друзья с напряженным вниманием смотрят на голубые камни Эльфов, ожидая помощи. Камни, поблескивая в серебристом тумане, по-прежнему отливали яркой голубизной.

И внезапно камни вспыхнули ярким светом. Вокруг них образовалось ослепительное голубое свечение. Путники в изумлении закрыли глаза руками. Сияние было столь сильным, что Ши в испуге чуть не уронил камни на землю. Лучи, исходявшие от магических камней, становились все ярче и ярче, освещая мертвую местность вокруг них так, как это не смогло бы сделать даже полуденное солнце. Переливы света от ярко-голубого до темно-синего заморозили присутствующих и лишили их дара речи. Между тем голубое сияние продолжало расти, освещая местность на тысячи ярдов вокруг, — и неожиданно в этом чудесном свете путешественники яв-

ственно увидели Черные Дубы, к которым они так стремились. И здесь волшебный свет стал постепенно меркнуть, а густой серый туман, окружавший спутников, стал вновь обволакивать плоскогорье. Через несколько минут сияние угасло совсем, и на ладони Ши опять лежали три голубых камня.

Первым пришел в себя Меньон — широко улыбаясь, он с силой хлопнул Ши по спине. Быстрым движением закинув свою сумку за плечо, он показал готовность продолжать путь, а его глаза были прикованы к тому месту, где в голубом свечении возникли очертания Черных Дубов. Ши торопливо положил камни Эльфов в карман, и оба жителя Долины, последовав примеру Меньона Леа, перекинули через плечо свои сумки. Не говоря ни слова, быстрыми шагами они направились туда, где они ожидали в скором времени увидеть долгожданный лес. Внезапно прекратился дождь, который так мучил их в течение пяти дней, и стал рассеиваться густой серый туман. И вслед за этим исчезло гнетущее чувство, которое владело ими еще минуту назад. Теперь они убедились, что окончательно смогут выбраться из этих проклятых мертвых земель и их путешествие может увенчаться успехом. К ним вернулись прежние силы. У них не было ни тени сомнения в том, что волшебные камни указали им правильный путь. Черные Дубы были самым ужасным лесом в Южных землях, но, несмотря на это, они казались нашим путникам райским прибежищем в сравнении с мертвой землей Клете.

Время тянулось очень медленно. Прошли часы, а может быть, минуты, когда неожиданно сквозь сгущающиеся сумерки перед ними возникла стена из могучих деревьев. Их мощные, покрытые шершавой темно-коричневой корой стволы напоминали одетых в панцири воинов-великанов. Строй этих воинов казался непроницаемым, а опускавшаяся темнота придавала этому лесу суровый и величавый вид. Какая-то грозная сила исходила от этого могучего лесного мира. Впечатление мощи и силы усугублялось тем, что деревья были очень старые. Древние исполины словно встали из глубины веков перед изумленными путниками, которые застыли, пораженные этим величественным зрелищем. Ничего подобного нельзя было увидеть в этом мире.

— Камни были правы, — тихо произнес Ши, и счастливая улыбка появилась на его губах. Огромное удовлетворение отразилось на его усталом лице. Он глубоко

вздохнул и понял, что напряжение, владевшее им последние дни, наконец, ушло.

— Черные Дубы! — восхищенно воскликнул Меньон.

— Надо идти вперед, — радостно сказал Флик.

Глава 6

Путники устроились на ночлег, выбрав кустистое укрытие под сенью большого раскидистого вяза. Далеко позади осталось мрачное и безжизненное безмолвие Низин Клете. Густой туман постепенно рассеивался, и все ярче и ярче вырисовывалась величественная картина древнего леса, который поражал своей дикостью и красотой. Если в убийственной тишине Клете отсутствовали признаки жизни, то здесь сразу чувствовалось дыхание первозданной природы. Рассекая воздух крыльями, летали незнакомые птицы. В ветвях заснувших деревьев таинственно кружили летучие мыши. Отовсюду неслись звуки, шорохи, треск сучьев. Было ясно, что ночью в великом и древнем лесу пульсировала жизнь. Статные могучие стволы вязов, пеканов и дубов великолепно чернели в сумраке ночи; загадочными казались бесформенные заросли вереска, остролиста и орешника, из глубин которых нет-нет да вылетала резко встрепенувшаяся птица. Казалось, лес таит в себе огромную тайну, и разгадка этого великого таинства еще впереди.

Как ни странно, громко бьющееся сердце дикой природы успокаивало их больше, чем безжизненные плоскогорья в нижних землях. Путники стали разжигать долгожданный костер, благо сухих веток и сучьев здесь было предостаточно. Впервые за пять дней они отогрели руки в ярком пламени костра и разогрели пищу. Земля была мягкая, теплая, покрытая густым ковром шелковистой травы. И расположиться здесь на ночлег представлялось просто немыслимым комфортом — в сравнении с холодными каменистыми уступами Клете. Согревшись от огня и горячей пищи, успокоенные и немного разомлевшие путники легли отдыхать. Сквозь высокие кроны деревьев просвечивало ясное небо. Светила великолепная полная луна. В ночном небе торжественно сверкали мириады серебристых звезд. Не спешил догорать огонь в костре. Красные и оранжевые языки пламени освещали все вокруг, и иногда путникам казалось, что они находятся в высоком храме, на алтаре которого пылает священный огонь. Лишь

возня, шум и трескотня насекомых возвращали их к реальности. Вот бессонная большая муха залетела в горящее пламя костра, и в секунду с треском кончилась ее недолгая жизнь. Несколько раз им слышались шорохи. Возможно, это осторожно крались лесные обитатели, привлеченные светом и теплом горевшего костра. Но, тем не менее, это была жизнь. И уже одно это радовало путников и вселяло надежду.

Спустя некоторое время Меньон повернулся к Ши и осторожно спросил:

— Послушай, Ши, в чем же все-таки заключается секрет магического действия этих камней? Неужели они способны выполнить любое желание? Мне до сих пор не верится...

В его голосе звучало сомнение, в глазах застыл вопрос. Ши молча лежал на спине, и в его сознании шаг за шагом проносились все тревожные и невероятные события прошлых недель. Было много трудных, подчас безысходных ситуаций, когда кончались силы и сердце разрывалось от отчаяния и безысходности, но по странному стечению обстоятельств никто из них не вспоминал о камнях Эльфов. А в последний миг будто само небо подсказало им прибегнуть к помощи заветных камней.

— Не думаю, что я могу неограниченно влиять на камни,— задумчиво произнес Ши.— У меня такое ощущение, что не я заставил их действовать, а они сами подчинились внутреннему импульсу и решили помочь нам.— Юноша помолчал некоторое время и рассеянно добавил: — Нет, я не могу всецело воздействовать на них.

Меньон понимающе кивнул и снова задумался.

— Послушайте, какая собственно разница в том, может Ши управлять ими или нет? Важно то, что камни помогли нам. И это сейчас главное,— раздался рассудительный голос Флика.

Меньон резко выпрямился и удивленно посмотрел на Флика.

— А не кажется ли тебе, друг мой, полезным знать, в каких ситуациях камни могут помочь нам, где и когда мы можем рассчитывать на их покровительство? — Все трое задумались. Меньон смотрел ввысь, словно искал ответа у ночного неба. Флик в сомнении опустил голову, а Ши лежал молча, думая о чем-то своем.

Некоторое время спустя Меньон, к которому вернулось уверенное и радостное расположение духа, сказал:

— Ладно, как бы то ни было, сейчас надо думать, что предпринять дальше. — Он встал, достал из дорожной сумки карту и разложил ее на сухой траве. Все трое склонились над ней.

— Сейчас мы находимся вот здесь, — произнес Меньон и указал точку на карте — окраину Черных Дубов. — На севере расположено Туманное Болото, а еще севернее — Радужное Озеро, из которого вытекает Серебряная Река, подходя к самому востоку Аннарских гор. Полагаю, что нам лучше всего отправиться на север завтра утром — по направлению к Туманному Болоту, потом мы пересечем Серебряную Реку и таким образом почти вплотную подойдем к Аннарским горам.

Он остановился и посмотрел на Ши и Флика. В их глазах не было одобрения; скорее наоборот, тень сомнения легла на их лица.

— Позволь, это просто безумие идти через Туманное Болото. Ты забыл, как ты уверенно советовал нам с Ши идти через Черные Дубы? Нет, я хорошо помню, как мы едва не погибли в этих дьявольских дебрях... Разве это не так? — стал горячо протестовать Флик.

— В принципе я согласен с тобой, Меньон, однако, Флик тоже говорит дело. Разве ты забыл страшные рассказы о Болотном Призраке... — добавил Ши.

Меньон даже подскочил от удивления.

— Вздор! Неужели вы верите во всю эту чепуху? Это ведь не что иное, как рассказы старух! Нет, только не говорите мне, что вы оба напуганы этим мифическим призраком, — не унимался разгорячившийся Меньон.

— Подожди! Начнем с тебя! Не ты ли убеждал нас, что Черные Дубы — относительно безопасное место, а оно чуть было не стало смертельной ловушкой для нас, — с горячностью произнес Флик.

— Ну, хорошо. Я согласен, что Черные Дубы — не самое безопасное место на земле и на самом деле этот лес кишит всякими странными и дикими тварями. Да, мы видели волков, видели воочию, а вот увидеть сам Болотный Призрак еще никому, насколько мне известно, не удавалось. Так что лучше? Какой путь безопаснее?

— Ладно, сдаюсь. Лично я принимаю план Меньона. Ничего другого нам не остается; будем надеяться, что

нам повезет и мы не сойдем с ума при виде этого пресловутого призрака. Все-таки призрак лучше волка, хотя кто знает... — Ши на какое-то мгновение задумался, затем продолжал:

— Однако, Меньон, дай нам слово, что мы по возможности обогнем Туманное Болото, где можно, и хотя бы некоторую часть пути пройдем лесом.

— Решено! — с самым искренним видом сказал Меньон.

Придя к общему решению, путники улеглись спать.

На следующее утро все проснулись рано. В лесу еще было темно, в воздухе висела тонкая пелена утреннего тумана. Небо стало быстро светлеть, и вскоре сквозь густой полог зеленых ветвей начал проникать утренний свет. Подул ветер. Спросонок закричали птицы. Стали пробиваться первые лучи солнца. И деревья, словно пробужденные стыдливым, медлительным и вкрадчивым лучом, зашумели верхушками. В лесу чувствовалась утренняя прохлада, но не промозглый сырой холод Низин Клете, а бодрящая свежесть ясного утра. Путники наскоро поели и, собрав вещи и снаряжение, отправились дальше в дорогу.

Сегодня им предстояло пройти через Черные Дубы, причем завершить этот рискованный переход надо было до наступления темноты. Шли осторожно и быстро, цепочкой, иногда держась друг за друга. Меньон, зорко поглядывая по сторонам, шел впереди, за ним легкой походкой следовал Ши и замыкал шествие Флик, настороженно смотря через плечо на притихший лес. Они трижды останавливались и делали короткие передышки. Наскоро перекусив, путники спешили дальше. Говорили мало, однако, настроение было хорошее. Пока ничто не огорчало их.

День медленно клонился к вечеру. Постепенно над лесом стал опять сгущаться туман. Было что-то странное и пугающее в этом непроницаемом серо-желтом тумане, который подобно плотному покрывалу окутывал деревья, кусты и фигуры путешественников. В тумане была примесь дыма, гари, чего-то едкого и раздражающего, скорее всего, это был смог. Он слепил глаза, от него закладывало нос и уши, начинала кружиться голова. Казалось, этот туман проник сквозь одежду, прилип к телу и протянул свои невидимые щупальца ко всем органам. Было такое ощущение, что еще немного и они все растворятся в этом одуряющем, обволакивающем смоге. По мнению

Меньона, туман шел из тех дьявольских мест, где — по рассказам людей — обитал Болотный Призрак. И Меньон, еще недавно считавший все это досужим вымыслом, в растерянности озибался вокруг. Было ясно одно: они обогнули коварный лес, прошли благополучно по самому его краю и медленно приближались к Туманному Болоту.

Между тем туман стал таким густым, что его можно было резать. Видимость была на расстоянии одного фута. Путешественники шли очень медленно, крепко держась друг за друга. Страшнее всего было потеряться в этом тумане. Это, вероятнее всего, означало неминуемую гибель. Уже сгустились сумерки. И лес стоял как огромная серо-черная непроницаемая стена. Путешественникам казалось, что они находятся в каком-то потерянном мире, где все похоже на зыбкие миражи и единственным твердым осязаемым телом была земля под ногами. Видимость стала такой плохой, что Меньон распорядился каждому привязаться крепкой веревкой друг к другу; кроме того, он достал толстую крученую веревку наподобие каната, и все трое почти вслепую медленно передвигались в тумане, держась за нее. Было тяжело дышать. Легким не хватало воздуха. Перед глазами стояла почти непроницаемая пелена. Меньон знал, что они проходят опасные места под общим названием Болотный Призрак. Что ждало их впереди — никто не знал. Впереди были густой туман и неизвестность...

И вдруг в одно мгновение Меньон почувствовал, что его ноги — сначала ступни, потом выше, выше — стала засасывать цепкая болотная трясина. Отчаянно сопротивляясь и балансируя в воздухе, Меньон с каждой секундой погружался все глубже и глубже. Флик и Ши резким движением потянули канат на себя и изо всех сил начали тянуть Меньона. Слава богу, он еще только начал утопать в мерзкой болотной тине, которая была скрыта травой и не видна из-за тумана. Все произошло очень быстро. И через минуту трое встревоженных путников снова стояли на тропе. Однако делать следующий шаг теперь было страшно. Стоило позволить болотной трясине засосать Меньона до пояса, кто знает, сумели бы они вытащить его. Почти всех, кто попадал в эту коварную болотную тину, ждала неминуемая смерть. Чьи-то невидимые руки сразу тащили человека вниз, на дно мертвого болотного царства. В душе каждого путешественника стало вновь расти чувство отчаяния и обреченности.

Ловкость, отвага, зоркий глаз и опыт охотника — все то, чем славился Меньон, сейчас потеряло свою силу. Все трое шли почти вслепую и были вынуждены подчиниться зловещим условиям.

Прошло мгновение, и будто чьи-то жесткие руки сжали сначала легкие, потом сердце. К горлу подступила тошнота. И вдруг перед глазами пораженных путников предстала жуткая картина: желтые и серые лица мертвецов-утопленников с гримасами непередаваемого ужаса, боли и отчаяния, с открытыми стеклянными глазами страшной вереницей проплывали в тумане совсем близко, на расстоянии одного-двух футов. Опять холод пробежал по жилам юношей. Их сердца бешено колотились. А между тем мертвецы стали дико, раскатисто хохотать. Какой-то дьявольщиной веяло от этих кошмарных мертвых фигур. В эти минуты больше всего молодые люди опасались за свой рассудок.

— Спокойно! — громко сказал Меньон, но друзья едва слышали его слабый голос — туман поглощал все. — Мы должны сохранять спокойствие духа и не дать этим мерзким видениям помутить наш рассудок. Это — Болотный Призрак и не более! И надо идти дальше. Вперед и только вперед!

— Да уж, что я не хотел бы, так это провести ночь в этом месте, — горячо поддержал Меньона Флик. — Уж лучше идти всю ночь, утро и даже весь следующий день, чем сходить с ума в присутствии этих болотных призраков. Может, они оставят нас в покое...

На том и порешили. Все трое стали осторожно двигаться через болото по направлению к востоку в поисках открытой надежной земли, где можно было бы устроиться на ночлег. У Ши было мелькнула мысль о том, что на открытой местности злонамеренные преследователи смогут легко настигнуть их, но страх и ужас только что пережитого были так велики, что в его сердце в тот момент уже не было места для новой боли. Воистину, чему быть, того не миновать. И вконец измученная тройка шла дальше.

Меньон вел путников медленно и осторожно, ощупывая ногой каждую выпуклость или впадину, обходя коварные углубления, залитые позеленевшей болотной водой. Земля была мягкая, разъезжалась под ногами, казалось, эта зыбкая трясина вот-вот может поглотить несчастных путников. Деревья безжизненно склоняли к земле свои обессиленные ветви; они висели как плети, кое-где утопая

в болотной тине, словно психологически готовили путников к тому, что, может, через несколько футов они так же безропотно расстанутся с жизнью. Если Низины Клете представляли собой застывшую мертвую землю, то над этим болотом царил и витал призрак близкой, неминуемой смерти. Эта погибель подбиралась медленно и вкрадчиво, обволакивала и увлекала за собой всех, независимо от пола, возраста, силы и прочих характеристик. Все были равны перед этимисидами. Не было ни ветерка. Все застыло в тумане, который на этих болотах вершил судьбами людей.

Так прошли бесконечные изматывающие часы. Внезапно Ши всем своим существом, всеми фибрами души, почти физически ощутил чье-то незримое присутствие. Догадка была ошеломляющая. Комок подступил к горлу. Леденящий ужас сковал все его существо. Сердце бешено застучало, предчувствуя роковую опасность. Он раскрыл рот, чтобы предупредить друзей, но не услышал своего голоса. Ши не мог говорить, не мог двигаться дальше. Он беззвучно замер на месте, будто парализованный жутким видением. В глазах застыло выражение дикого ужаса. Через некоторое время, с трудом обуздав свое почти безжизненное тело и помрачневший разум, он с невероятным усилием произнес:

— Осторожно! Здесь кто-то есть... — Его голова бесильно упала на грудь.

Друзья стали с тревогой озираться по сторонам. Но вокруг никого не было. Лишь застывшая мертвая вода, да гнетущее безмолвие в удушающем воздухе — вот все, что окружало их.

— Может быть, тебе это кажется? — с трудом выдохнул Меньон. — Когда ты устал и еле передвигаешь ноги, бог знает что может пригрезиться.

Ши только покачал головой в ответ.

— Не знаю... Но я ясно чувствовал...

— Болотный Призрак? — с легкой усмешкой, пытаясь разрядить обстановку, спросил Меньон.

— Вполне возможно, — задумчиво произнес Ши, внимательно прислушиваясь к себе. — Но, как бы то ни было, я действительно устал, и, кто знает, может, мне все это пригрезилось. Да, надо идти дальше.

И путешественники пошли вперед. Однако не прошло и нескольких минут, как все разом встревожились. В окружающем их воздухе присутствовало что-то необыч-

ное. Они остановились, посмотрели вокруг, прислушались, но... вокруг было тихо. Снова приписав это своему больному воображению, друзья двинулись дальше. Но буквально через мгновение все вздрогнуло: резко закричал Флик.

Внезапно Ши почувствовал, как натянулась веревка, связывающая их, и с невероятной силой стала тащить их в сторону мертвых болот. Ши потерял равновесие и упал, будучи не в состоянии что-либо сделать в этом густом тумане. Однако сквозь почти непроглядную пелену, к величайшему ужасу Ши, он успел увидеть болтающиеся в воздухе ноги брата прямо над дьявольским болотом, а в следующую секунду он почувствовал, что его собственные ноги затягивает вязкая трясина. «Это конец», — с диким отчаянием подумал Ши и едва не лишился чувств.

Неизвестно, что было бы с ними, если бы не принц Леа. Почувствовав присутствие какой-то чужой силы, Меньон инстинктивно натянул веревку и крепко держал ее одной рукой, а другой цепко ухватился за низко свисавшую ветку раскидистого дуба. Меньон еще крепче привязал веревку к поясу и продолжал тянуть изо всех сил. И вскоре Ши, стоя на коленях в скользкой зеленой тине, то падая, то вновь поднимаясь, стал медленно передвигаться по направлению к Меньону. Над болотом опять раздался крик Флика, и друзья тотчас же откликнулись. Оба молили бога, чтобы тот остался жив. Было очень трудно одновременно тянуть и Ши, и Флика, так как теперь они находились на некотором расстоянии друг от друга, и вскоре веревка, к которой был привязан Флик, натянулась и лопнула. Над болотом снова разнесся отчаянный крик жителя Долины. Ши стал изо всех сил пытаться нащупать тело брата, пока того не засосала трясина. Он успел схватить Флика за руку и начал с силой тянуть к себе. В какое-то мгновение Ши увидел глаза брата. Дикий ужас застыл в них. Ши тащил в одну сторону, а кошмарные болотные руки тянули несчастного юношу вниз, в смертоносную грязную воду. Покрытое желто-зеленой тиной болото будто раскрыло свои хищные челюсти, ухватило ими жертву и никак не хотело выпускать ее. С неимоверным трудом приходилось вытягивать тело Флика, увязшее в болотном месиве. Меньон тащил Ши вперед, а Ши тянул тело брата. Теряя последние силы, Ши резким и сильным движением дернул брата на себя, моля силы небесные помочь ему. И,

о чудо! Через мгновение несчастная фигура Флика, мокрого, в грязи и болотной тине, с обезумевшими глазами, была около него. И здесь Ши внезапно ощутил, как зыбкая почва ушла у него из-под ног, в глазах потемнело, и он потерял сознание.

Никто не знает, чем бы все это кончилось, если бы не Меньон. В густом тумане, где трудно было рассмотреть собственные ноги, Меньон стал яростно размахивать своим острым мечом, словно разрубая невидимые пути или щупальца. В полубессознательном состоянии Флик почти физически ощущал вокруг себя удары меча, рассекавшего злостную ауру, которая плотно окружала путников. Через минуту Флик смог подняться. Его шатало и бросало из стороны в сторону, как после тяжелой и продолжительной болезни. Меньон подскочил к Ши и, к своему величайшему ужасу, увидел, что ноги и руки жителя Долины действительно оплетены гигантскими, почти невидимыми щупальцами. «Вот оно что, — мелькнуло у него в голове, — вероятно, это и есть Болотный Призрак, это его дьявольские щупальца опутали нас и скрутили. Да, теперь понятно, почему это невидимое чудовище с щупальцами отстало от Флика, как только я стал беспощадно рубить мечом воздух возле него.» Осененный догадкой Меньон поднял меч и начал с ожесточением рассекавать туман вокруг лежавшего без сознания Ши. Вскоре он разглядел едва заметные щупальца, опутавшие его тело, которые разжимались тут же после резкого взмаха мечом. Разящие удары следовали один за другим. И через минуту Ши открыл глаза. Меньон с облегчением вздохнул, по его лицу, шее градом катил пот. И на какое-то мгновение все трое позабыли о чудовищных щупальцах и во все глаза смотрели друг на друга, не веря в свое спасение. Ши неожиданно вновь вздрогнул и потерял сознание. Оба друга склонились над ним и пытались привести его в чувство. Они терли ему лоб, виски, шею, растирали заочиненные руки и ноги. И вдруг сами явственно почувствовали, как их опутывают дьявольские невидимые щупальца. Эти щупальца сдавливали горло, перетягивали голову и грудь, тянули вниз, в мертвое болотное царство. Руки Меньона уже оказались во власти болотного чудовища, он не мог достать меч, а тем более взмахнуть им, он лишь мог немного шевелить пальцами и старался разорвать мелкие щупальца на теле Ши. Флик, почти лишенный возможности двигаться, тоже, как мог, пытался привести Ши в чувство и старался хоть

немного очистить шею и грудь Ши от мелкой сети этих удушающих пут.

И кто знает, сколько бы еще продолжалась эта молчаливая изнурительная схватка с почти невидимым чудовищем или призраком... Силы молодых людей были на исходе.

— Ши! — раздался умоляющий голос Меньона. — Очнись, умоляю тебя! О, силы небесные! Помогите ему прийти в себя.

Тело жителя Долины оставалось недвижимым.

— Проснись, Ши, — почти простонал Флик, рухнув всем своим тяжелым телом возле легкой фигурки брата.

И тут Меньона будто озарило. Какие-то силы подбросили его вверх.

— Боже праведный! Камни! Ши, заклинаю тебя, достань камни Эльфов!

При этих словах юноша открыл глаза и какое-то мгновение находился в прострации. Где-то далеко, во сне или наяву, он слышал голос Меньона, который умолял его достать камни. Быстро придя в себя, Ши попытался достать заветный мешочек из кармана плаща, но вдруг весь похолодел и чуть опять не рухнул на землю. Он внезапно вспомнил, что, находясь уже в полубессознательном состоянии, выронил этот мешочек с камнями на расстоянии нескольких ярдов от того места, где он упал. Каким-то особым зрением он увидел, а скорее всего, почувствовал, что мешочек с заветными магическими камнями лежит совсем близко от них. Он бросился за ним, Меньон и Флик, мгновенно осознав весь ужас потери, рванулись ему на помощь. А в это время гигантские серые щупальца мириадами дергающихся нитей кружились над одиноко лежащим на земле мешочком. Тут словно цепь распалась в душе Меньона. Он почувствовал, что появился на свет ради этого дня, ради этого часа, ради этой минуты. Из груди его вырвался дикий вопль, и, взмахнув мечом, он принялся яростно, с неистовой силой рубить им бесчисленные щупальца. Он со свистом разрубал щупальца, весь воздух возле них, и что-то невидимое скрежетало, отлетало, и через минуту на этом месте туман стал потихоньку рассеиваться. Флик с ожесточением ударял своим острым кинжалом по щупальцам, которые, извиваясь, изо всех сил тянулись к мешочку с камнями. Обессиленный Ши, стоя на коленях, попытался протянуть руку и схватить камни, но внезапный удар в спину сбил его с ног. Снова все поплыло у него перед глазами. Флик

попытался поднять брата, но дьявольские щупальца с неимоверной силой прижали их обоих к земле. И теперь только гордая, несломленная фигура Меньона, как скала, стояла в тумане, готовая один на один сразиться с этим чудовищем. В руках он крепко сжимал огромный фамильный меч.

Кто знает, чем бы кончился этот поединок, если бы не случилось великое чудо. Очнувшись и разжав руку, Ши с удивлением обнаружил у себя на ладони три голубых камня. В какую минуту он сумел схватить эти камни? Или это само небо помогло ему и вложило спасение прямо в его руки? Как бы то ни было, камни лежали на ладони и сверкали перед глазами Ши. Сердце у него встрепенулось и забилося так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит. Ноги сами подняли его. Глаза заблестели. Все свои проснувшиеся, буйные молодые силы и энергию вложил он в мольбу о спасении. Ши мысленно просил камни уничтожить эти проклятые щупальца, он молил, шептал, заклинал их не оставить его и друзей и в беде.

И, о чудо! В тот же момент туман расступился и стал на глазах таять, а вокруг камней образовалось такое ослепительное голубое свечение, что Флик и Меньон вскрикнули и закрыли глаза рукой. Свет был нестерпимый. Серые щупальца судорожно сжались и начали отступать дальше и дальше. А вокруг разливался голубой свет. И все сияло, будто тысячи бриллиантов зажглись всеми своими алмазными гранями. Все искрилось, переливалось и оживало в этом голубом фосфоресцирующем свете. Поднимали свои ветки сонные безжизненные деревья, выравнивалась мокрая прибитая трава, становилось прозрачным небо, а грязная темно-зеленая вода мертвого болота на глазах приобретала горную прозрачность и окрашивалась нежной голубизной. А вокруг разливались ослепительные лучи голубого солнца. Оно сияло так ярко, так жарко и нестерпимо, что поглотило своим невероятным светом робкие лучи того, большого светила, которое тоже показалось на высоком небосклоне. И самое главное, во что невозможно было поверить, — это то, что чудовище с гигантскими щупальцами отступило и вскоре исчезло совсем. Свет стал постепенно гаснуть. Вокруг воцарилась прежняя обстановка болотистой местности; однако было совсем ясно, туман рассеялся. И путешественники стояли, как зачарованные, не в силах до конца поверить, что смертельный поединок с туманным болотным чудовищем окончен.

Все возвратилось на свои места. Благодарно шелестели листвою ожившие деревья. Воздух стал живым и звонким, в нем чувствовалась резкая прохлада, сырость, но все эти жизненные ощущения не имели ничего общего с тем одурманивающим сознание туманом, ужас и последствия которого им только что пришлось пережить. Освободив и очистив одежду от прилипшей листвы и болотной тины, собрав свои нехитрые пожитки, перекинув через плечо дорожные сумки, путешественники стали медленно продолжать путь дальше.

Вопрос состоял в том, какое направление им теперь выбрать. У них было два пути: через Черные Дубы или через болота, где витает Болотный Призрак. Пройти через дикие лесные чащи Черных Дубов означало реальную возможность заблудиться, ненароком попасть в лапы голодных хищников и бог знает что еще. А идти по зыбкой трясине болотистых мест и, может быть, опять встретиться с Болотным Призраком... Нет, это было еще хуже! Страх и ужас недавней встречи с болотным чудовищем до сих пор не оставляли их, и повторно пережить такое потрясение они не хотели ни за что на свете. Лучше уж отправиться по неизведанным тропам Черных Дубов. Кто знает, может, лес будет милосерднее к ним. На том и порешив, путешественники снова отправились в путь. Обуреваемые тревожными мыслями, сомнениями, они совсем забыли, что нужно было крепко привязаться друг к другу с помощью веревки.

А в остальном все было по-прежнему. Шли цепочкой: впереди Меньон, за ним легко шел Ши, а замыкал это осторожное шествие коренастый Флик. Все они думали и молили об одном: им хотелось благополучно пройти эти лесные тропы, выйти на открытую местность и, наконец, увидеть солнце. А это уже верный путь к Аннарским горам.

В воздухе было довольно светло, однако, местами туман был все еще очень густой. И Ши, и Флик были озабочены тем, что иногда фигура идущего впереди Меньона вдруг исчезала, пропадала, а потом вдруг вырисовывались ее контуры. Это настораживало братьев, и, борясь с усталостью и страшным желанием лечь и уснуть, они изо всех сил смотрели на Меньона, стараясь не потерять его из виду. Шли бесконечно долгие минуты, каждый шаг, казалось, был растянут во времени, которое тянулось так, будто испытывало последние силы путешественников. Минуты казались часами, а весь путь пред-

ставлялся вечностью, которую все-таки надо было преодолевать. Путешественники совсем потеряли понятие о времени. Они двигались как лунатики, повинаясь внутреннему волевому импульсу, еле-еле передвигая ноги по лесной тропе, которая была бесконечной.

Изнурительную монотонность пути неожиданно нарушил слабый неясный звук, который то нарастал, то опять пропадал. Вначале друзья решили, что это им просто показалось, но вскоре звук возобновился. Путники насторожились. Это было почти невероятно, однако, звук напоминал печальный голос, который словно грустная мелодия доносился издалека. Этот голос проникал в самую душу и подобно звуку плачущей скрипки заставлял трепетать все струны души и сердца. Голос звал вдаль, пел о том, как велика и бесконечно прекрасна земля, как человек должен дорожить всем отпущенным ему на этой чудесной земле. В этом голосе, который лился неведомо откуда, звучала такая глубокая печаль и сожаление, что у молодых людей невольно навернулись на глаза слезы. Ши показалось, что они могут безвозвратно потерять молодость, счастье, дружбу и все те ценности, значение которых они вдруг так ясно осознали в эту минуту. Неужели никогда, никогда больше не увидеть им серебряную росу в изумрудной траве, не услышать волшебной трели жаворонка, не склониться над дивной розой, которая раскрывается под утро. Им вдруг показалось, что прекрасный живой мир хочет оставить их здесь, но делает это медленно и печально. А голос все пел и пел о том, как краток миг человеческой жизни, которая прекрасна, несмотря на все трудности. Голос завораживал и о чем-то предупреждал их. Но путники были настолько обессилены, что с трудом передвигали ноги и слушали, слушали этот голос. Потом внезапно голос растаял. Ши с удивлением поднял глаза, посмотрел вокруг... и весь похолодел. Меньон, который шел впереди и прокладывал им дорогу, исчез.

Сначала Ши подумал, что ему показалось. Он озабоченно оглядывался по сторонам, не решаясь понапрасну беспокоить Флика, но Меньона нигде не было. И вдруг он остановился, словно пораженный ударом молнии. Его осенила ужасная догадка: они забыли привязаться. Молниеносным движением он схватил пояс своего плаща и стал привязывать его к рукаву Флика, а тот, не совсем понимая, что произошло, и ваяясь с ног от усталости,

беззвучно смотрел на Ши, и с каждой минутой до него все больше и больше доходил смысл происходящего. Да, реальность была страшной! Потерять Меньона — это значило неминуемо заблудиться. И кто знает, что ждало его самого в этом диком коварном лесу. Усиливался ветер, его резкие порывы достигали такой необычайной силы, что тела братьев, казалось, еще немного и оторвутся от земли. Они в отчаянии стали звать Меньона, но все молчало кругом. И лишь собственные голоса, уносимые вдаль сильным ветром, далеко разносились по лесу. Снова и снова кричали братья, однако, никто не отзывался на их отчаянные крики. И лишь бродяга-ветер насмешливо шептал им, что они потеряли принца Леа.

Глава 7

Был уже полдень, когда Ши открыл глаза. Яркий солнечный свет так слепил глаза, что юноша зажмурился и прикрыл их рукой. Он обнаружил, что лежит в высокой густой траве. Мгновенно в его сознании всплыли все печальные события прошлого дня: Ши с содроганием в сердце вспомнил, что вчера они с Фликом потеряли Меньона. Его вновь охватило чувство отчаяния и безысходности. Он не помнил, когда, в какой момент исчез Меньон Леа, и теперь твердо сознавал одно: им будет еще тяжелее... А самое главное — как найти Меньона? Что с ним, где он? Не находя ответа на мучившие его вопросы, Ши приподнялся, посмотрел вокруг и с удивлением обнаружил, что они с Фликом находятся в открытом поле. Он стал мучительно припоминать, что они с Фликом, выбиваясь из последних сил, шли, шли и шли, стараясь как можно скорее пройти Черные Дубы. И силы почти оставили их, когда они вышли на открытую местность. Бессильно подкосились ноги, неимоверная усталость достигла предела. Оба брата без чувств упали в высокую траву.

Единственно, что в этой трагичной ситуации радовало Ши и вселяло малую толику надежды, это то, что Аннарские леса теперь уже были в пределах досягаемости. Братья поднялись на ноги, стали быстро собирать валявшиеся на траве вещи. Ши с трепетом проверил, на месте ли его заветный мешочек с магическими камнями. Слава богу, камни Эльфов были на месте. Настроение было

такое плохое и тягостное, что прошло некоторое время, прежде чем братья начали говорить.

— Ах, Ши! Что же это за наказание! — почти простонал Флик. — Я совершенно не помню, как мы потеряли Меньона. Почему он не закричал? Или это мы не услышали его? Тем ужаснее... Единственное, что я помню, это то, что мы бесконечно долго шли. Потом мне показалось, что у меня отнялись ноги и я упал. Больше я ничего не помню.

Ши печально посмотрел на брата, коротко кивнул и ободряюще похлопал его по широкой спине. Он испытывал глубокое чувство благодарности к брату, который ради него, Ши, добровольно взвалил на свои плечи невероятные беды, трудности и лишения. Он оставил тепло домашнего очага и пошел вместе с ним в заведомо опасный путь. И еще острее, чем прежде, его охватило огромное чувство любви к Флику, ощущение глубокой вечной привязанности к нему.

— Ладно, Флик! Нам нельзя падать духом! Меньон обязательно вернется, только бы он остался жив, — все еще продолжал бодриться Ши.

На душе у Флика было мрачно. Да, он на самом деле недолюбливал кичливого принца, но, справедливости ради, он и вправду был опытным путешественником и охотником, несколько раз спас их, и, если бы не он, кто знает, смогли бы они пройти через этот дикий лес. Сейчас он осуждал себя за до сих пор сохранившееся недоверие к Меньону и больше всего желал видеть его живым.

Однако время шло, и надо было идти дальше. Братья стали сосредоточенно обсуждать направление, в котором им следует продвигаться. Они решили, что лучше всего идти на север до Серебряной Реки, которая впадает в Радужное Озеро, а затем двинуться к Аннарским горам. Об этом плане знал Меньон, и братья очень надеялись, что вскоре он догонит их на том или ином участке пути. Они оба понимали, что было бы безумием остаться в Черных Дубах и искать Меньона. Во-первых, было очень мало шансов на то, что они могли легко и быстро найти его; во-вторых, существовал огромный риск попасть в руки коварных преследователей, носящих изображение Черепа. Все в этом страшном дремучем лесу будет против них. Нет, как ни хотелось им отправиться на поиски Меньона, гораздо разумнее было идти вперед. На том и порешили.

И братья стали продолжать путь вдоль тихой зеленой долины, надеясь до наступления темноты добраться до Серебряной Реки. Яркое солнце помогало им ориентироваться. И впервые за долгое время они шли легко и уверенно. Вокруг пели птицы, шумели листвой деревья. И лишь одно омрачало их продвижение вперед: отсутствие Меньона.

К концу дня перед глазами путешественников заблестела светлая лента Серебряной Реки, и братья облегченно вздохнули. С самого детства они знали легенду о Серебряной Реке, в которой говорилось о том, что некогда жил легендарный Король Серебряной Реки, обладавший неслыханным могуществом и богатством. Единственной заботой Короля было неустанное стремление содержать воды реки в безупречной чистоте, так чтобы и человек, и животные могли безбоязненно пить эту прозрачную, как горный хрусталь, воду. Его мало кто видел, он вел очень уединенный образ жизни и всегда тщательно следил за неукоснительным выполнением своих распоряжений относительно Серебряной Реки. Каждый, кто неосторожно или со злым умыслом пытался загрязнить реку, подвергался, согласно его приказу, суровому наказанию. Его королевство было тщательно охраняемой территорией. И братья невольно залюбовались прекрасным видом прозрачных вод. Действительно, для реки было найдено верное название: поверхность воды ослепительно отливала серебром. Это воистину была Серебряная Река. Было уже совсем темно, когда братья вплотную подошли к воде. Река сверкала. Вода в ней была прохладная, чистая и очень приятная на вкус.

Путники без труда нашли на берегу реки укрытие и стали устраиваться на ночлег. Они устали за день и, кроме того, решили не рисковать. Ведь еще Алланон предупреждал их о том, что крайне опасно путешествовать под покровом ночи, когда силы зла всемогущи. Сумка с походным и охотничьим снаряжением осталась у Меньона, и братья располагали лишь простыми охотничьими ножами. Пускаться в опасное путешествие с таким оружием было крайне рискованно. Молча, не разжигая костра, дабы не привлекать внимание к огню, братья наскоро подкрепились и легли отдыхать.

Тем временем небеса совсем потемнели. Сгустился сумрак. Ветер пахнул ночною прохладой. Над уснувшей землей вспыхнул огонек зарницы. Из-за далеких холмов

величаво выплыла полная луна и засияла над долиной, словно чудный светоч. На небе одна за другой вспыхнули яркие звезды. Смолкли шорохи, возня насекомых, крики птиц. Все погрузилось в глубокую тишину. Стояла ясная ночь — пожалуй, впервые за все время их трудного путешествия.

Молодым людям не спалось. Ши повернулся к брату.

— Скажи мне, Флик, представлял ли ты себе, когда мы отправились в путь, что на нашем пути встретятся такие чудовищные преграды, что мы едва останемся живы?..

— О, и ты еще спрашиваешь! Все это невозможно себе представить... Все, что произошло с нами, наверняка кто-то счел бы совершенно дикими нереальными вещами.

Ши понимающе улыбнулся и кивнул в ответ.

— Да, и я не мог себе представить даже малой доли того, что нам уже пришлось пережить. Если бы я только знал... я бы ни за что не позволил тебе идти со мной. Кроме того, теперь я понимаю, что все, сказанное Алланом, было правдой. Действительно, за мной гонятся преследователи и хотят уничтожить меня, как последнего наследника рода Шаннара. И Меч находится в опасности! Но, послушай, зачем нам прятаться в Аннарских лесах? Верно все-таки есть что-то еще, что составляет этого Брону искать меня невзирая на все преграды... Может, он хочет... Как ты думаешь, что за всем этим стоит?

Флик пожал плечами и рассеянно посмотрел на серебристую ленту реки. У него не было готового ответа.

— Слушай, может он просто хочет одержать верх и захватить Меч. Некоторым людям обязательно нужна власть,— сделал предположение Флик.

— Да! Я тоже думал об этом! — горячо подключился Ши. — Именно жадность, стремление преобладать или господствовать вызывало многие войны на протяжении всей истории человеческих рас.

— А что мы должны сделать, когда, наконец, придем в замок Паранор? — задумчиво осведомился Флик.

— Алланон скажет нам, что мы должны делать,— последовал осторожный ответ. — Хотя, я считаю, Алланон не в состоянии дать нам ответы на все вопросы, и кто знает, сколько их будет... Кроме того, знаешь, Флик, я не говорил тебе раньше, но у меня есть некоторые сомнения относительно того, что этот человек рассказал о себе.

Флик кивнул в подтверждение, вспомнив свою первую встречу с мрачным великаном, который подбросил его точно не обладающий весом мяч в воздухе и вообще напугал до смерти. В его поведении с самого начала было много странного и необъяснимого.

— Все-таки, наверно, это Алланон помог нам избежать встречи с мерзким чудовищем, у которого мы видели изображение Черепа... Это он спас нас...

— Ты знаешь, Флик, в этом я совсем не уверен... Хотя, может быть... Как я хотел бы знать правду! Ведь сейчас мы только теряемся в догадках...

Ши повернулся в сторону реки и некоторое время неподвижно смотрел на спокойные воды, освещенные лунным сиянием.

— Все-таки согласись, Флик, мы с тобой слишком маленькие люди, чтобы кровно затрагивать интересы такого загадочного исполина. Как бы я хотел знать, что же движет им на самом деле? Или, может быть... — мелькнула последняя догадка у Ши. Не договорив, юноша уснул. Флик мгновенно закрыл глаза и тоже провалился в глубокий сон.

Оба брата спали. Им снились чудные сны из той прежней, радостной, беззаботной жизни, которая теперь — на фоне страшных событий и переживаний последних недель — представлялась фантастически прекрасной. Они спали так крепко, что не почувствовали появления уже знакомого им чувства глухой тревоги, паники, беды.

Возможно, эти ощущения исходили от вновь появившейся зловещей тени, которая неминуемо рождала дикий страх и отчаяние. Какая-то смутная сила толкнула, подбросила их во сне, и, едва открыв глаза, оба юноши сразу узнали это целиком охватившее их чувство жуткой тревоги и панического ожидания беды. Сна как не бывало. Внутри все заныло, задрожало. Ужасом наполнились глаза, в висках застучало. Несколько минут они сидели неподвижно, молча вглядываясь и вслушиваясь в безмолвную тишину ночи. Бесконечно тянулось время. Они чувствовали, знали, что сейчас что-то должно произойти.

И через несколько мгновений они услышали отдаленный звенящий шум крыльев, огромных и черных. Они уже знали этот страшный звук, предвещавший приближение зловещего преследователя. Братья посмотрели в сторону реки и тихо застонали от охватившего их отчаяния. Опять все заледенело внутри, страх парализовал голос,

речь, способность двигаться. Над рекой медленно кружило отвратительное черное существо, носящее изображение Черепа. Это был конец! Проклятые гонцы лорда Уорлока все-таки настигли их... Чудовище дико озиралось по сторонам, скрежетало, шипело, издавало устрашающие звуки, и... вдруг направилось прямо к их укрытию. Наступали последние минуты их жизни. Конец был неотвратим. Флик и Ши были почти без сознания. Бежать было некуда, прятаться было негде, помощи ждать было неоткуда. Где-то в тайниках сознания Ши мелькнула мысль о камнях Эльфов, но он уже ничего не мог предпринять. Внутри все было парализовано. Они с Фликом ждали своей смерти.

И снова произошло великое чудо: смерть отступила. В тот самый момент, когда дьявольское создание направилось прямо к ним, справа, на противоположном берегу реки, внезапно появилась слабая полоса света. Чудовище сразу обратило свой дикий взор на этот источник света и хищно ринулось прямо на него. Рядом с первым зажегся еще огонек, потом еще один. Чудовище сосредоточило свой яростный поиск именно в том месте, где возникали эти непонятные источники света. Потом огоньки стали удаляться все дальше и дальше, увлекая за собой черную бестию. Чудовище летело за огнями и вскоре совсем скрылось из виду.

Обомлевшие братья не верили своим глазам. Вновь они почти вплотную столкнулись со смертью и чудом избежали ее. Они безмолвно сидели и вслушивались в тихое дыхание ночи. Вернулся шорох, стрекотание ночных насекомых, шум листвы на деревьях, редкие крики птиц — словом, опять воцарилась обычная ночь. Понемногу Флик и Ши стали приходить в себя. Ушла безумная тревога, но осталось удивление. Что же переключило внимание этой мерзкой бестии? Вероятно, она ошиблась... Все еще не до конца осознав, что они целы и невредимы, братья с трудом поднялись на ноги и стали осматриваться вокруг.

И в этот самый момент прямо перед ними возникла фигура согбенного старца, одетого в обычный для лесников костюм; его белые волосы серебрились в свете луны, а его лицо обрамляла длинная, аккуратно расчесанная седая борода. Необыкновенный яркий свет исходил из его рук, причем никто из братьев не мог уловить источника этого чудесного сияния. Внезапно сияние погасло, и в руках старика братья увидели затухающий шар. Старец

смотрел на них, приветливо улыбаясь. Ши пристально посмотрел на его морщинистое лицо и почувствовал, что этот старый человек заслуживает всяческого уважения.

— Что значит этот свет? — спросил оправившийся от изумления Ши.

— Это древнее волшебство нашего народа. — Голос старика перешел в громкий шепот, отчетливо звучащий в холодном ночном воздухе. — Наш свет прогнал дьявола! — И он махнул рукой в том направлении, где скрылось отвратительное создание, носящее на себе изображение Черепа. Похожая на высохшую ветку морщинистая рука старца застыла в воздухе. Пораженный всем увиденным, Ши не знал, что ему делать дальше.

— Мы шли на восток, — отважился, наконец, вступить в разговор Флик.

— То есть к Аннарским горам, — уточнил голос, исполненный благородства, и глаза старика блеснули в лунном свете. Взгляд его попеременно останавливался на каждом из братьев. Внезапно старик повернулся спиной к реке и сделал жест, приглашающий обоих братьев сесть. Ши и Флик без колебания повиновались ему, ни минуты не сомневаясь в искренности его намерений. И, как только они сели, тут же их тела налились накопившейся усталостью, а глаза стали закрываться помимо их воли.

— Спите, мои юные путники, и пусть ваш путь будет легче.

Голос властно проникал в их сознание. Они с удовольствием отдались покою, приятно охватившему их усталые члены. Вытянув ноги, они привольно раскинулись на мягкой траве прибрежного склона. Сквозь сладкую полудрему им показалось, что фигура старца стала постепенно изменяться. Он как будто становился моложе, а вместе с ним менялась и его одежда. Ши пытался преодолеть дремоту, чтобы разобраться в происходящем. Однако через минуту оба жителя Долины погрузились в глубокий спокойный сон.

Они спали, и в их воображении медленно проплывали чудесные незабываемые дни детства, залитые ярким солнечным светом, наполненные искрометным ощущением счастья. Их мысленному взору представлялся мирный отчий дом, наполненный уютом и теплом очага, который они не видели так давно; веселые игры на покрытых травой лужайках и дружеские беседы у пылающего ка-

мина. Им казалось, что они снова находятся в родных лесах и плавают в прозрачных водах с детства знакомой им реки. В их душах улеглись страхи и волнения, которые они испытали за последние недели. Мысленно они пролетали над холмами и долинами с легкостью, свойственной спящим людям. В радужном сне они восторженно прикасались к росинке, сверкавшей в лучах солнца, к каждому зеленому листочку, трепетно склонялись над душистым цветком. Их очаровывало дивное пение птиц, они заботливо помогали животным, стараясь передать им свою неистраченную нежность и доброту. Оба брата впервые, совершенно по-новому смотрели на каждое живое существо, будь это человек или травинка. Они вдруг стали явственно сознавать, что окружены чудесами, потому что прекрасное заключено в обычном и надо только уметь видеть его. Недаром древние мудрецы говорили, что в каждой глыбе мрамора скрывается статуя. Надо только уметь извлечь ее оттуда. Оба брата почти физически ощущали непреходящую красоту окружающего мира: розовые лучи солнца на заре, когда пастух выводит в поле свое стадо, шорох дождя в рыжей хвое, нетронутую зеркальную гладь озер, ликование звонких жаворонков. Мир был так прекрасен, что Ши и Флика переполняло страстное желание поделиться с другими всем этим теплом, светом и прелестью ощущений. Они вдруг поняли, как же надо любить эту землю, дорожить ею, бесконечно ценить каждое мгновение этой восхитительной жизни. Жизнь, даже со всеми ее трудностями и заботами, — это все равно щедрый дар. И они плыли все дальше и дальше по этому чудесному миру на волнах пылко го воображения, они неслись на крыльях, как птицы, как легкий ветер, и красота земли завораживала их. Весь окружающий мир стал похож на калейдоскоп чарующих красок и ароматов, к которым примешивались нежные звуки флейты или пастушьего рожка. Забыты были, ушли в прошлое бесконечные изматывающие дни путешествия, отступили страхи, тревоги, волнения, когда они бродили, как потерянные, в полном отчаяния и ужасов мертвом мире. Позабылось безжизненное скалистое безмолвие Клете, уходили из памяти мрак и коварные тропы Черных Дубов. Улетело воспоминание о кошмарном Болотном Призраке с гигантскими невидимыми щупальцами, исчез в туманной дымке вездесущий и неустанный в своем яростном поиске мерзкий преследователь с изображением Черепа. Оба жителя Долины погрузились в

мир, свободный от забот и страхов. Заботливое время унесло от них бури и штормы. Душа наслаждалась красотой мира.

Они не знали, сколько им пришлось витать во снах. На какое-то время ими было утеряно самое понятие времени. На душе было спокойно.

Пробудившись от сна, Ши с удивлением посмотрел на людей, которые стояли вокруг него в ожидании. Он испуганно приподнялся на локтях, сел, протер заspanные глаза и увидел наклонившуюся к нему высокую фигуру в свободном одеянии. Человек положил тяжелую большую руку на хрупкое плечо юноши и тихо сказал:

— Ты здесь в полной безопасности, Ши. Это — Аннарские горы. — Казалось, голос шел изнутри, из самого сердца высокой, окутанной туманом фигуры.

— Флик! Где Флик? — озабоченно спросил Ши и попытался встать.

Незнакомец нежно протянул ему свою большую сильную руку. Ши увидел лежащее на траве тело брата, который медленно приходил в себя после долгого чудесного сна. Вокруг них стояли низкорослые люди, коренастые и крепкие на вид. А в центре гордо возвышалась высокая фигура Балинора. Сердце Ши ликовало. Теперь он окончательно понял, что они достигли Аннарских гор, нашли Кульхавен и своего старого знакомого — Балинора.

Хотя Меньон Леа слыл отважным охотником и опытным путешественником, все его бывшие походы и ратные победы были ничтожны по сравнению с теми, что послала ему судьба на пути к Аннарским лесам. Не так-то легко ему было выбраться из коварных чащоб Черных Дубов. Его охватила ланика, отчаяние, когда он понял, что отделился от друзей. Однако это не был страх за собственную жизнь. Нет, наоборот, он хорошо понимал, как тяжело придется им, двум неопытным путешественникам, без него. Он без устали звал друзей, поворачивался направо, налево, шел вперед, возвращался, но все было напрасно. Никто не ответил на его зов. Только испуганные птицы перелетали с ветки на ветку, всполошившись от его громкого крика. В конце концов, он понял, что всякие поиски в этом лесу бесполезны. Давала себя знать усталость: Меньон буквально валился с ног. Однако, пересиливая себя, он шел вперед. Он утешал себя мыслью, что будет искать друзей

при дневном свете. Он сделал еще несколько шагов и бессильно рухнул на траву.

Меньону показалось, что он спал очень долго. В действительности сон занял всего несколько часов. Он вскочил, осмотрелся и, решив идти на север, стал неуклонно продолжать путь. Одна мысль не давала ему покоя: как найти Ши и Флика, которые так нуждались в его помощи. За его спиной висела скрепленная ремнями дорожная сумка, где находились меч рода Леа, колчан со стрелами и другое походное снаряжение. «Как им не достает всего этого», — печально подумал Меньон, представив на мгновение, как хрупкая фигурка Ши вступает в единоборство с коварным лесным царством. Однако надо было идти дальше. Он зорко смотрел по сторонам в надежде найти хотя бы малейший признак человеческого присутствия, но все поиски были тщетны. И Меньон снова шел дальше. День уже клонился к вечеру, когда ему удалось обнаружить чьи-то следы, ведущие в направлении Серебряной Реки. Тщательно обследовав тропу, Меньон убедился, что по ней прошли несколько часов назад, и он был готов отдать голову на отсечение, что по этой тропе прошел не один человек. Правда, вряд ли можно было утверждать, что по этой тропе прошли его друзья, но, тем не менее, это обнадеживало. И обрадованный Меньон с новыми силами устремился вперед, надеясь догнать путников до наступления темноты. Тем более он знал, что они вряд ли рискнут идти под мрачным пологом ночи и где-нибудь остановятся на ночлег. Вот тут он их и настигнет. Меньон, конечно, ни на минуту не забывал о коварных преследователях, которые гонятся за Ши, но считал, что все-таки у их врагов нет оснований отождествлять его с жителями Долины. И, как бы то ни было, он решил помогать им и не изменит своего решения.

Вдруг внимание Меньона привлекла фигура человека, идущего в противоположном от него направлении. Солнце садилось, и его уходящие лучи ясно высветили контуры его фигуры. Меньон сразу попытался окликнуть путника, но тот, видимо, не желая встречаться с ним, ускорил шаг и всячески хотел скрыться от глаз любопытного встречного. Тем не менее, Меньон продолжал настойчиво звать путника, пытаясь убедить его, что не причинит ему никакого вреда. Через несколько минут ему все-таки удалось остановить человека, который оказался разносчиком мелких товаров для близлежащих деревень. И

человек вынужденно остановился. Разносчик, довольно угрюмый и молчаливый, был страшно напуган неожиданным настойчивым преследованием Меньона, один вид которого, а также его колчан со стрелами и огромный меч произвели устрашающее впечатление на него. Меньон стал торопливо объяснять ему, что он всего лишь ищет своих друзей, которых потерял на жутких тропах Черных Дубов. Маленький человек совсем испугался. Меньон был во всеоружии походного и охотничьего снаряжения, его гордая и независимая фигура внушала разносчику неподдельный страх. Слава богу, Меньон вовремя удержался, чтоб не сказать путнику, что он не кто иной, как принц Леа. Разносчик трясущимися губами пробормотал, что он действительно издали видел двух путников, внешне похожих на описанных Меньоном жителей Долины. Кто знает, правду ли сказал не на шутку перепуганный разносчик или просто хотел поскорее отделаться и уйти от настойчивых расспросов, но Меньону не оставалось ничего другого, как поверить этому человеку, поблагодарить и пожелать ему счастливого пути. А обрадованный разносчик быстро пошел в южном направлении и вскоре совсем скрылся в вечерней темноте.

Тем временем уже совсем стемнело, и Меньон был вынужден признать тот факт, что было бы чрезвычайно опасно продолжать путь глухой ночью. Поэтому он стал искать прибежище для ночлега. Он нашел несколько больших сосен, под сенью которых можно было укрыться. Меньон посмотрел вверх. Небо безмолвствовало. Ночь выдалась ясная и светлая. Множество звезд мерцало в высоком небе. И, несмотря на ночное время, было светло и удобно для вездесущих преследователей Ши найти их в этих местах, и Меньон молил бога, чтобы эта ночь прошла для его друзей благополучно. Только бы они нашли хорошее и надежное укрытие! Он положил под голову дорожную сумку и охотничье снаряжение и с наслаждением вытянулся на мягкой траве под раскидистым пологом пушистых сосен, лапы которых свисали почти до самой земли. Однако чувство голода заставило его подняться. Оставшиеся продуктовые запасы были весьма скудны, но он все-таки решил подкрепиться. «Должно быть, у Ши и Флика все съестное тоже на исходе», — с сожалением подумал он. И, в который раз горько посетовав на злой рок, который разлучил его с друзьями, Меньон закрыл глаза и вскоре заснул. Под рукой у него лежал

фамильный меч рода Леа, и его холодная сталь ярко блестела в лунном сиянии.

Меньон спал и ничего не знал о тревожных событиях, которые произошли этой ночью на берегу Серебряной Реки. На следующее утро Меньон проснулся рано. В его голове созрел новый план. Он решил идти в северо-восточном направлении, ибо, по его мнению, в этом случае было больше шансов догнать жителей Долины. Он был уверен, что друзья придут к берегу Серебряной Реки, а потом должны выйти к Аннарским горам. Берег Серебряной Реки — это не то место, где они обязательно должны встретиться. И Меньон уверенно направил свои стопы дальше. Он уже начал подумывать о том, как бы достать кое-какое пропитание на следующие дни. Он шел вперед, напевая себе под нос и посвистывая, и был в самом бодром и радостном расположении духа в ожидании предстоящей встречи с друзьями. Он уже представлял себе удивление на недоверчивом лице Флика при его неожиданном появлении. И он планомерно продвигался вперед, будто измерял землю ровными, четкими шагами. Со стороны его можно было принять за бывалого охотника или лесника.

На протяжении всего пути Меньон снова и снова вспоминал все происшедшие с ними события и склонялся к мысли о том, что все это представлялось чрезвычайно важным. Нельзя было забыть это или отмахнуться от этого. Ему было известно лишь немного из истории Великих Войн или о Совете Друидов, еще меньше он знал о мистическом существе по имени лорд Уорлок и его поражении в войне, полученном в результате объединенных действий трех наций. Жаль, что он, к сожалению, имел весьма скудные данные о роде Шаннара и лишь кое-что слышал о легенде, связанной с этим легендарным Мечом, который символизировал притягательную для всех народов мечту о полной свободе. Для Меньона довольно трудно было принять на веру истинную тайну происхождения Ши. Однако он вынужденно признался себе в том, что и в самом деле Ши всегда был похож на полуэльфа. Просто в это трудно было поверить. Его не покидало инстинктивное ощущение того, что одно или несколько звеньев этой цепи были разорваны, потеряны или отсутствовали вообще. Поэтому сложно было до конца понять эту историю, понять, почему два жителя Долины, подобно листьям, гонимым ветром, вынуждены странствовать по свету. Меньон привык верить

фактам, а в этой истории с Мечом Шаннара их было явно недостаточно.

В то же время Меньон ясно сознавал, что так или иначе он стал уже неотъемлемым звеном в этой цепи, участником этого рискованного путешествия, отправиться в которое его, в основном, побудили теплые дружеские чувства к Ши. И Фликом руководили те же чувства. Меньон до сих пор не понимал, какие силы — помимо дружбы с Ши — заставили его мгновенно согласиться на эту авантюру. Ему хватало собственных путешествий, всегда сопряженных с риском и опасностью. При этом Меньон и не скрывал, что никогда особенно не вникал в проблемы чужих людей. Ведь все-таки он был принцем Леа. И он жил так, как хотел, даже не утруждая себя хоть немного заниматься делами королевства.

И вдруг прямо на его глазах удобная гладкая тропа, поросшая шелковистой травой, стала меняться и постепенно превратилась в едва заметную линию на грубой, неровной поверхности земли, что требовало гораздо большей осторожности от путника, следовавшего по этой тропе. Меньон вынужденно замедлил шаг, внимательно изучая причину этого резкого изменения. Однако тропа проглядывалась лишь на расстоянии очень близком от него. Он тяжелой походкой, как бы нехотя, медленно ступал по земле, теперь уже сомневаясь в правильности выбранного им самим маршрута. Он осторожно осматривался по сторонам, и внезапно его острый слух уловил звук человеческого голоса. Он остановился, прислушался. Вокруг стояла тишина. Приписав этот послышавшийся звук своему расстроенному воображению, Меньон решительно пошел дальше. Но звук возник вновь. И после минутного молчания повторился опять и опять. Теперь Меньон совершенно отчетливо слышал звучание женского голоса, тихого и печального. И странным было то, что где-то впереди него женский голос пел какую-то мелодию или песню. Он пошел еще быстрее, не веря своим ушам, но с каждой минутой женский голос усиливался. Тихая песня наполняла все его существо уверенностью и радостью. Это было незнакомое чувство, не испытанное им до сих пор. Казалось, этот женский голос лился отовсюду, он был в воздухе, в шелесте травы и листвы. Он увлекал, обволакивал, с поразительной настойчивостью проникал в потаенные уголки души принца Леа, вызывая у него ощущение невероятной легкости. Несмотря на

внутреннюю тревогу, Меньон шел, широко улыбаясь и посмеиваясь над забавными образами счастливой песни. Где-то в глубине рассудка мелькнула мысль о том, что может делать женщина в этих глухих, диких местах, на многие сотни миль удаленных от цивилизации, однако, песня снова унесла все тревожные догадки и рассеяла сомнения. Голос был такой ласковый, искренний, сердечный, что трудно было не подчиниться ему.

Некоторое время Меньон шел, и душа его пела вместе с этим чудесным голосом. И вдруг он остановился. Прямо перед ним под сенью раскидистого дерева сидела обладательница чудесного голоса. Это была юная прекрасная девушка. Она так мило и естественно смотрелась на фоне диких кустов и больших деревьев, что казалось, она провела здесь целую вечность и каждая травинка, каждый лист приветливо склоняли перед ней свои зеленые головки. Меньон не стал скрывать своего появления и направился прямо к девушке, не в силах устоять перед ее свежестью и красотой. Юная прелестная дева ничуть не смутилась, не испугалась; она продолжала самозабвенно петь и звала Меньон подойти поближе. Приглашающий жест красавицы отчасти насторожил его, и Меньон остановился на расстоянии нескольких футов от нее. Каким-то шестым чувством, неожиданно возникшим в глубине души, Меньон понял, что здесь что-то не так, не стоит подходить вплотную к этой красавице. Почему эта лесная фея совсем не испугалась и зовет совершенно незнакомого ей человека подойти поближе? Кроме интуитивного предубеждения, в Меньоне говорила привычная осторожность охотника и заповедь бывалого путешественника: быть осторожным с вещами и явлениями, которые не вписываются в привычный ход событий. Все это вместе взятое побудило Леа остановиться. В эту минуту девушка исчезла, ее ангельский голос точно растаял в тумане, а Меньон остался стоять перед необычным, странным деревом, которое непонятно откуда возникло перед ним.

Какое-то мгновение Меньон стоял в совершенной растерянности, отказываясь поверить в происходящее, затем встрепенулся, тряхнул головой, потопал ногами, пытаясь сбросить наваждение. И в этот самый момент земля у него под ногами разверзлась, и из глубины показались многочисленные крючковатые корни. Эти большие крепкие корни цепко обхватили ноги Меньона и не выпускали его из своих древесных тисков. Меньон делал отчаянные

усилия, пытаясь высвободить ноги. Но корни, подобно диким лианам, оплели его ноги и пригвоздили его к земле. Ужас ситуации усугубляла полная неподвижность Меньона, лишь в руках ощущалась еще некоторая сила. И тут странное дерево внезапно сдвинулось с места и медленно направилось прямо на него. Ветки сами тянулись к Меньону, они пугающе раскрывали свои объятия; на концах веток он успел разглядеть небольшие, но, видимо, смертоносные иглы. Мобилизовав все внутренние силы, Меньон резким движением сбросил сумку и колчан со стрелами наземь, выхватил меч и принялся яростно размахивать им вокруг себя, не давая приблизиться чудовищному дереву. Теперь он ясно осознал, что юная красавица нарочно заманила его своей песней в эти колдовские сети. Меньон стал неистово рубить корни вокруг себя, однако вскоре понял, что не сможет полностью вырваться из этих дьявольских пут, потому что корни так плотно обвили его ступни, икры ног, что рубить мечом эти сучковатые корни было крайне опасно: можно было повредить собственные ноги. Меньона охватило жуткое паническое состояние, он обреченно подумал, что уже не успеет освободить полностью ноги и вступить в схватку с деревом, пока то не приблизилось к нему вплотную. Но уже через минуту, обуздав собственный ужас и страх, Меньон принялся яростно кричать на движущееся дерево, стараясь не подпустить его ближе. Размахнувшись, он одним ударом срубил несколько веток, и тело его содрогнулось от страшной боли. Казалось, он сам себе полоснул острым кинжалом по всем нервам. Несколько минут бедный юноша корчился в муках. Лицо было искажено болью, с его губ срывалось невнятное бормотание. В страшном напряжении, наперекор судьбе Меньон пытался противостоять кошмару, спрятаться от которого было некуда. Его вдруг обуяла холодная ярость. Он опять поднял меч и... Но у странного дерева были свои зловещие намерения: втянув в себя иглы, оно с шумом выбросило их. И в следующее мгновение на Меньона обрушился целый каскад дьявольских иголок. Часть из них упала на землю, часть запуталась в полах дорожного плаща, застряла в волосах, но даже та малая часть, которая успела соприкоснуться с кожей, уже успела нанести молниеносные ядовитые уколы, боль от которых была невыносимой. Меньону показалось, что ему разом обнажили все нервы. В глазах потемнело, к горлу подступила дурнота, а все его тело, воля и разум, казалось, стали неметь.

Полуживой от боли, Меньон понял, что в иголках содержалось какое-то вещество, парализующее человеческий разум. Он раскачивался из стороны в сторону, не давая наркотику поработить свою волю. Несколько минут длился неравный поединок. Обессилив от неистовых, но напрасных усилий, Меньон в изнеможении опустился на колени и отчаянно зарыдал, сознавая, что проклятое дерево победило.

Однако у дерева было другое мнение на этот счет. Оно явно хотело продолжить поединок и полностью уничтожить противника. Дерево отступило на несколько дюймов, вобрало в себя ветки с иголками и уже снова намеревалось обрушить их на обезумевшего от боли и отчаяния Меньона, как вдруг за его спиной раздались медленные тяжелые шаги. Меньон хотел было повернуть голову, чтобы посмотреть, кто это, но в тот же момент низкий, басовитый голос велел ему не вертеться и не предпринимать никаких действий. Дерево заняло выжидательную позицию, как бы накапливая силы для нового удара, однако, прежде чем оно успело выпустить ветки с ядовитыми иглами, оно было сражено под самый корень огромным тяжелым жезлом, который пролетел над самым плечом пригнувшегося Меньона. От страшного удара дерево сразу повалилось. Тем не менее, его ветки не поникли, они все еще тянулись своими устрашающими иглами к Меньону. Пораженный всем происходящим, он замер и через мгновение услышал свист пролетающих мимо него острых стрел, которые одна за другой смертельно поражали ветки дерева. И неожиданно железная хватка, с которой корни держали ноги Меньона, стала ослабевать; корни отпали и ушли в расщелину, а погибающее дерево яростно сражалось с врагом. Оно в бессильном отчаянии трясло своими ветками, со свистом рассекая воздух и растопыривая во все стороны ужасные иглы. Еще мгновение продолжалась агония этого дьявольского дерева, и, наконец, оно, корчась и извиваясь, внезапно замерло и вытянулось на земле.

Все еще находясь под тяжким воздействием ядовитых игл, морщась от боли и не до конца веря в свое спасение, Меньон осторожно поднял глаза и увидел перед собой коренастого сильного человека, похожего на Карлика. Да, это был карлик необычно крупного телосложения, одетый в привычный для этого народа лесничий зеленовато-коричневый костюм. Он был довольно высокого роста, около

пяти футов, и носил за спиной целый арсенал разного оружия.

— Ты, должно быть, впервые в этих местах, — укоризненно произнес карлик глухим низким голосом. — Никому другому не пришло бы в голову приближаться к Сиренам.

— Я из королевства Леа... на западе, — с трудом проговорил Меньон и испугался своего голоса.

— Житель высокогорья — мне это известно, — коротко усмехнулся карлик. — Через несколько дней с тобой будет все в порядке. Не бойся, ты не погибнешь от этого ядовитого вещества в иглах, ведь дерева уже нет. Однако ты некоторое время будешь не в себе. — Он насмешливо улыбнулся и поднял с земли свой жезл. Меньон, собирая по крупичам оставшиеся силы, схватился рукой за полы его кафтана.

— Я должен дойти... до Аннарских лесов... Кульхавен, — еле выговорил он. — Отведи меня к Балинору...

Карлик удивленно посмотрел на него, но Меньон уже потерял сознание и упал на землю. Принявшись бормотать что-то себе под нос, карлик взвалил крупное тело Меньона на свои широкие плечи, несколько раз встряхнул его, пытаясь найти более удобное положение для этой тяжелой ноши, и медленно направился по направлению к Аннарскому лесу.

Глава 8

Флик Омсфорд в задумчивости сидел на длинной каменной скамье, располагавшейся под сенью прекрасных и знаменитых Медовых Садов в общине Карликов, которая называлась Кульхавен. Его глазам открывалось волшебное зрелище. На необозримое расстояние простирались величественные и благоухающие сады, которые были симметрично разделены на участки, окаймленные прохладными каменными плитами. Каждый участок представлял собой ухоженную плантацию, совершенную по форме и красоте. Возведение дивных садов на этих некогда бесплодных землях было само по себе чудом. Ценой невероятных усилий сюда была привезена плодородная земля, и теперь разросшееся великолепие цветов, кустарников, плодовых деревьев поражало каждого, кто попадал сюда. Круглый год в условиях мягкого благодатного климата прекрасные цветы струили вокруг сладостные

ароматы. Золотые и душистые как мед, розовые и красные как рубин, голубые как чистая небесная лазурь — они жарко пылали на солнце, расточая вокруг пьянящие ароматы и нежное благоухание. Цветы поражали таким обилием и богатством красок, что цвета радуги меркли по сравнению с мириадами тончайших и редких оттенков этой живописной палитры. Тщетно пытался Флик сосчитать представшие перед его восхищенным взором цвета и оттенки великолепных соцветий; невозможно было охватить человеческим глазам это буйство красок, и можно было лишь постепенно погружаться в чарующий мир этой волшебной цветовой симфонии. Флик с любопытством наблюдал за карликами, которые деловито мелькали среди деревьев. На их лицах не было и тени праздности, лени или того приятного томления, которое вызывали сладостные ароматы этих цветущих садов. Карлики все были заняты своим делом. Это был чрезвычайно интересный народ, очень трудолюбивый, расчетливый, пунктуальный, привыкший к твердому жизненному распорядку. При этом люди были искренни, дружелюбны и всегда готовы прийти на помощь. Последнее качество, присущее Карликам, особенно пришлось по душе жителям Долины, которым так много пришлось перенести за последнее время.

Прошло уже два дня с тех пор, как Ши и Флик появились в Кульхавене. И до сих пор оба брата оставались в полном неведении, что же случилось с ними, кому именно они обязаны своим спасением, почему они здесь и как долго им еще предстоит пробыть в этой странной красивой стране. Еще более странно повел себя Балинор, не проливший свет на события последних дней. Братья до сих пор ломали голову над его туманной фразой о том, что они все узнают в надлежащее для них время. Ничего также не было слышно об Алланоне после его стремительного исчезновения из Тенистой Долины. И, что было хуже всего, они ничего не знали о пропавшем Меньоне. Тем страшнее было для них покинуть этот временный островок спасения, этот оазис покоя, красоты и благополучия.

Флик резко поднялся, намереваясь поискать брата, но сразу заметил встрепенувшуюся фигурку карлика, который постоянно вел за ними наблюдение. Поначалу это страшно раздражало Ши, и Флику приходилось успокаивать брата, потом они стали постепенно привыкать к одинокой молчаливой фигурке, всюду незаметно сле-

довавшей за ними. Тем более, что Балинор одобрял эту меру предосторожности на случай неожиданного появления коварных северных пришельцев, носящих на себе злосчастное изображение Черепа. Флик вновь смутно ощутил предчувствие, что судьба готовила им с братом новые тревоги и изощренные мучения. И ему становилось жутко при одной мысли о встрече с дьявольским созданием, которое охотится за ними.

Тем временем из-за кустов появился Ши. На его лице была печать озабоченности и тревоги.

— Ну, что? Ничего не выяснил? — с тяжелым сердцем спросил Флик, увидев расстроенное лицо Ши.

— Абсолютно ничего, — печально ответил юноша.

Обоих братьев не покидало странное ощущение смутной тревоги среди разлитого вокруг великолепия. Пережив необычную одиссею — свое загадочное появление здесь, в Кульхавене, и все прошлые события, — они оба ясно чувствовали, что находятся накануне большой перемены или важного перелома в их жизни. И все вокруг, казалось, были погружены в молчаливое ожидание какого-то важного события. Никто не сказал братьям ни слова о прошлом или о будущем. Все ждали, включая даже Балинора. Но чего? Может быть, прихода пропавшего бог знает куда Алланона? Несмотря на отчаянные попытки Ши и Флика прояснить ситуацию, Балинор мягко, но решительно отказался дать им какие-либо разъяснения по поводу того, как они попали сюда. Привлеченный загадочным светом блуждающего огонька, Балинор нашел братьев лежащими на берегу Серебряной Реки два дня назад и доставил их сюда. Он ничего не знал о том старце, который повстречался им на пути, и на предположение братьев о том, что этот старец мог оказаться Королем Серебряной Реки, отвечал также туманно и невразумительно. Братьев не покидало ощущение, что от них скрывают большую и важную тайну. Горечь все больше терзала их дух.

— Что же все-таки с Меньоном? Ты ничего не узнал о нем? — с беспокойством снова спросил Флик.

— Известно только то, что сейчас его ищут Карлики. Это, вероятно, займет некоторое время, — услышал он тихий голос Ши.

Братья находились в верхней части Медовых Садов, и сверху им было хорошо видно, как на нижних цветущих склонах неожиданно появилась высокая гордая фигура Балинора и его мгновенно плотным кольцом окружили

коренастые карлики. Все собравшиеся долго и озабоченно о чем-то переговаривались. Временами Балинор поднимал голову и устремлял свой орлиный взор вдаль, погружаясь на несколько минут в глубокое раздумье. Братья располагали очень скудной информацией о принце Каллахорна, но этот человек с самого начала внушал им уважение, да и карлики, судя по всему, высоко почитали этого гордого и благородного великана. Немаловажным было и то, что Меньон очень хорошо отзывался о Балиноре. Судя по всему, этому человеку можно было доверять. Его родиной было пограничное королевство на Южных землях. Королевство населяли преимущественно представители человеческой расы; однако это не мешало им вступать в многочисленные контакты с другими народами. Политика изоляции отнюдь не была свойственна для этого королевства. Специально созданный и весьма почитаемый Пограничный Легион, выполняющий роль профессиональной армии, возглавлял Руль Бакханнах, король Каллахорна и отец Балинора. Исторически это южное пограничное королевство не раз принимало на себя удары иноземных захватчиков, предоставляя остальным народам, населяющим отдаленные от границы земли, возможность и время подготовиться к схватке с врагом. Созданный полвека назад, Пограничный Легион выходил уверенным победителем во всех военных столкновениях.

Наконец взгляд Балинора остановился на скамье, где сидели Ши и Флик. Улыбнувшись, Балинор издал по приветствовал братьев и медленно пошел им навстречу. Все трое сели на скамью и некоторое время хранили полное молчание. Оба брата, очевидно, ждали новых сообщений из уст Балинора, а тот, в свою очередь, был смущен, что не смог ответить на многие поставленные вопросы.

— Я понимаю. Вам, должно быть, очень тяжело, — слышали они тихий и осторожный голос Балинора. — Поверьте мне, я организовал тщательные поиски Меньона. Карлики днем и ночью ищут вашего пропавшего друга. И, если только они найдут его или нападут на след, они постараются немедленно доставить его сюда.

Оба брата благодарно кивнули.

— Вы, скорее всего, не знаете, что сейчас для этого народа наступило очень тревожное время. Вряд ли Алланон успел рассказать вам об этом. Они стоят перед угрозой нападения со стороны Гномов через Аннарские

леса. В приграничных районах уже были стычки и нападения, а за Равнинами Стрелехайма громадная армия Гномов уже готовит массированный удар по этому мирному процветающему королевству. Как вы уже догадались, все это неспроста и тесно связано с амбициозными притязаниями лорда Уорлока.

— Значит, это южное королевство тоже находится в опасности? — встревоженно спросил Флик.

— В этом нет сомнения, — кивнул Балинор. — Это одна из причин, побудивших меня немедленно прибыть сюда. Моя задача — выработать координированную оборонительную стратегию для Карликов в случае нападения со стороны Гномов.

— Скажи нам, Балинор, где все-таки находится Алланон? — не унимался Ши. — Намерен ли он прибыть сюда и помочь нам? И какое отношение ко всему этому имеет Меч Шаннара?

Взглянув на озабоченные лица братьев, Балинор медленно покачал в ответ головой.

— Должен честно сознаться, что не могу ответить на большую часть поставленных вопросов. Алланон — загадочный, хотя и очень мудрый человек. Я очень давно не видел его. Мы условились встретиться в Аннарских горах. Он опаздывает уже на три дня, и я не располагаю никакими сведениями о нем.

Его голос дрогнул и смолк, а взор вновь устремился к величественным дубам Аннарского леса. Балинор застыл, вслушиваясь в далекий шум леса, в низкие, басовитые голоса карликов, которые неустанно трудились на этой благодатной земле. И в это самое мгновение его острый слух уловил крик, который мог принадлежать только карлику. Звук возник где-то у самого подножия склонов, где начинались сады. И тотчас же к этому крику присоединилось множество других характерных голосов. Сомнений не было. Там, внизу, что-то случилось. Смутное чувство тревоги охватило Балинора. Он резко встал, выпрямился, рука инстинктивно сжала рукоятку широкого меча, тщательно укрытого в широких полах охотничьего плаща. Через минуту все трое — Балинор, Ши и Флик увидели, как один из карликов в страшном волнении, задыхаясь, бежит по направлению к ним.

— Они нашли, они нашли его! — едва переводя дыхание, прокричал взволнованный карлик.

Флик и Ши в изумлении переглянулись. В их сердцах опять появилась надежда. Только бы Меньон был жив!

Балинор уверенным движением положил руку на плечо карлика.

— Они действительно нашли Меньона Леа? — спросил он требовательным властным голосом.

Карлик радостно закивал в ответ, весь сияя от счастья, что принес гостям эту хорошую весть. Он тяжело опустился на землю, выдохнувшись после долгого бега.

Не говоря больше ни слова, Балинор быстрыми шагами решительно направился вниз, туда, где раздавались громкие голоса. Ши и Флик немедленно последовали за ним. Братья бежали и едва-едва поспевали за Балинором. И через несколько минут они достигли подножия холма, где стали очевидцами бурной радости и криков, которыми карлики приветствовали того, кто нашел Меньона Леа. С трудом протиснулись они сквозь плотное кольцо ликовавших карликов, которые, заметив их, сразу разомкнули ряды и пропустили их вперед. На длинном деревянном столе лежало безжизненное тело Меньона. У братьев похолодели руки и ноги, к горлу подступил комок. Из груди Ши вырвался отчаянный крик.

— Нет, это невозможно, — в изнеможении простонал Ши. — Силы небесные, как вы могли допустить это!

Балинор с силой прижал юношу к себе и закрыл ему рот своей широкой ладонью.

А вокруг лежащего без движения Меньона колдовали доктора. Целый отряд опытных эскулапов со всего Кульхавена осматривал, ощупывал Меньона Леа, пытаясь выяснить, что же все-таки произошло с ним и насколько это серьезно.

— Пан, скажи мне, что здесь происходит и что с Меньоном? — обратился Балинор к одному из карликов, выглядевшему очень солидно, с головы до ног закованному в бронированные доспехи, который, видимо, и возглавлял все поисковые работы в лесу.

— С ним будет все в порядке. Однако ему потребуется длительное время, чтобы прийти в себя. Его нашли еле живым после встречи с Сиреной около Серебряной Реки. И нашли его не наши люди. Это Гендель, возвращавшийся с южных склонов Аннарских гор, неожиданно обнаружил его.

Балинор молча кивнул и стал искать глазами спасителя Меньона Леа.

— Он отправился в Зал Собраний для рапорта, — мгновенно отреагировал карлик.

Указав братьям следовать за ним, Балинор решительным шагом прошел через толпу и направился в Зал Собраний.

Гендель с любопытством посмотрел на подошедших людей и, ничуть не смутившись, стал продолжать свою трапезу. Коренастый карлик не на шутку устал и проголодался.

— Что это за идиот, который не понимает, что даже меч не поможет при встрече с Сиреной? — недовольно пробурчал он. — Вряд ли ему помогли бы мужество и храбрость, если бы я не подоспел вовремя. Как он сейчас?

— Ему потребуется лечение. Пройдет некоторое время, и он поправится, — уверенно сказал Балинор и ободряюще посмотрел на жителей Долины. — Как ты его нашел, Гендель?

— Услышал его стоны, — прозвучал низкий голос, обладатель которого продолжал невозмутимо подкрепляться. — Я тащил его больше семи миль на себе, пока, наконец, не столкнулся с поисковым отрядом Пана.

Карлик вдруг замолчал и вопросительно посмотрел на обоих жителей Долины. Затем он в удивлении повернулся к Балинору, как бы спрашивая, что делают здесь эти посторонние люди и не опасно ли вообще вести при них подобные разговоры.

— Твои опасения напрасны, Гендель. Это — друзья жителя высокогорья и Алланона, — многозначительно произнес Балинор. И Гендель кратко кивнул Ши и Флику.

— Я никогда бы не узнал, кто он и куда его надо было нести, не назови он твое имя, — снова обратился Гендель к Балинору. Лицо карлика вспыхнуло, и в запальчивости он добавил: — Хдрошо бы и впредь каждому, кому придет в голову валять дурака в наших лесах, заранее указать или написать на груди свое имя и место, куда его нужно доставить. Но только пусть все сообщат вначале, а не потом, да, да, не потом!

Он возмущенно бормотал что-то еще, а Балинор спокойно перевел взгляд на братьев и хитро подмигнул им. У этого карлика, честного и отзывчивого по натуре, был очень вспыльчивый характер. И, хотя Флик и Ши ничего не знали о взрывном темпераменте Генделя, они с самого начала молча слушали, не решаясь вмешиваться в разговор, хотя оба брата просто сгорали от нетерпения узнать, что же в действительности произошло с Меньоном.

— Как прореагировали на твое донесение в Штейне и Уэйфорде? — спросил, наконец, Балинор, имея в виду два крупных города в Южных землях.

Гендель сразу прекратил есть и возмущенно усмехнулся.

— Как прореагировали официальные власти? Безмозглые чиновники в этих двух городах лишь приняли вопрос на рассмотрение и, вероятно, долго будут его мусолить. Типичные бумажные крысы, выбранные людьми, для которых выборы означали не больше, чем пустую формальность.

Не прошло и пяти минут, как они сочли меня сумасшедшим. А на деле получается обратное. Они не хотят видеть опасности до тех пор, пока к их глоткам не поднесут меч. Вот тогда они запросят о помощи. — Он помолчал какое-то время, вспоминая неприятный разговор с властями, и вновь принялся за еду.

— Да, ты прав, Гендель. К сожалению, я предполагал это. На самом деле, как мы можем убедить их об опасности, если они не хотят ничего об этом слышать? Слава богу, на протяжении многих лет не было войн, и, действительно, не так легко поверить в то, что прекрасный спокойный мир может разрушиться в одночасье.

— Да, дело в этом. Ты же знаешь, Балинор. Эти людишки больше всего хотят, чтобы их оставили в покое. Они в принципе не желают, чтобы их втягивали в какие-то серьезные дела. Границы и без того надежно охраняются Карликами, уж не говоря о городах Каллахорна и Пограничном Легионе. Почему мы должны терпеть все это? Эти бездари...

Внезапно почувствовав резкую усталость, карлик иссяк и замолчал. Больше трех недель ему пришлось провести в дороге и добиваться внимания местных властей многих городов на Южных землях. И, к великому сожалению карлика, его усилия были почти напрасны. Карлик по имени Гендель испытывал глубокое разочарование.

— Я не совсем понимаю, что происходит, — тихо произнес Ши.

— Все в порядке. Это касается только нас двоих, — печально произнес карлик с глубокой обреченностью в голосе. — А я отправляюсь на покой — недели так на две.

Карлик встал и поспешно вышел не попрощавшись. Все трое смотрели ему вслед, пока его аккуратный силуэт совсем не исчез из виду. А Ши снова вопросительно посмотрел на Балинора.

— Вот вам еще один пример вечного человеческого равнодушия и самодовольства. Не исключено, что мы стоим на пороге величайшей войны, но никто не хочет в это поверить. Все идет по старой схеме — пусть кто-нибудь другой защищает ворота города, а остальные будут спокойно спать у себя дома. А когда однажды... эти смельчаки-одиночки будут не в состоянии сдерживать вражеский натиск и враг войдет в город, будет уже поздно...

— А что, действительно, может разразиться война? — обеспокоенно спросил Флик. Ему стало не по себе от слов Балинора.

— В этом-то все и дело, — прозвучал тихий голос Балинора. — Единственный человек, который знает это наверняка, — это Алланон. Но, к сожалению, он находится далеко отсюда.

Охваченные радостным волнением при виде живого Меньона, братья совсем забыли об Алланоне и его важной роли во всех этих событиях. Ведь собственно из-за него они и очутились здесь, в Аннарских лесах. В их сознании опять мелькнули ужасные картины пережитых страданий, снова возникли вопросы, на которые пока не было ответов. Впереди была только неизвестность. И, хотя пока они имели все основания благодарить судьбу, которая хранила их, они ничего не знали о своем завтрашнем дне.

— Не стоит обижаться на Генделя, — вновь сказал Балинор. — Он излишне горячится и любит поворчать... Но вы вряд ли найдете более верного друга, чем он. У него большое военное прошлое: он не раз превосходно отражал атаки Гномов, защищая свой народ и соседние территории от вражеских вылазок. Люди со свойственным им эгоизмом и равнодушием быстро забывают, чьими руками создается и обеспечивается их спокойное существование. Заслуга Карликов и особенно Генделя здесь просто несомненна. Гномы уже давно мечтают заполучить его голову.

Воцарилось молчание. Ши и Флик испытывали горькое чувство стыда за эгоизм своего народа. Увы, большинство людей на самом деле близоруки в широком смысле этого слова. Вот и они с братом до сих пор не имели ни малейшего представления о том, что происходит в Аннарских лесах... И теперь они были глубоко обеспокоены вновь обострившейся враждебностью между расами, которые так и не извлекли нужных уроков из прошлых

войн и забыли, к каким страшным последствиям может привести ненависть. Мысль о возможной Третьей Войне пугала их.

— Думаю, что вам лучше всего вернуться наверх и сидеть в саду, — произнес принц Каллахорна, задумчиво глядя вдаль поверх деревьев. — Если у меня будут новые известия о состоянии Меньона, я немедленно сообщу вам.

Ши и Флику ничего не оставалось, как последовать разумному совету Балинора. Повинуясь внутреннему зову быть рядом с другом, братья перед уходом все-таки подошли к двери комнаты, где лежал Меньон Леа. Однако их туда не пустили, сказав, что их друг еще спит и его нельзя беспокоить.

Принц Леа очнулся лишь на следующий день, и братьям было позволено, наконец, посетить его. Сердце их дрогнуло, теплая волна радости разлилась по всему телу. Долго разговаривали друзья. Ши поведал Меньону, как его принес на себе карлик Гендель, а потом они с Фликом рассказали о всех своих злоключениях с того, момента, когда Меньон неожиданно исчез. Меньон был до глубины души поражен их рассказом и не находил логического объяснения столь странным и загадочным событиям, которые могли обернуться гибелью для всех троих.

В тот же день, ближе к вечеру, разнеслась весть о том, что прибыл Алланон. Ши и Флик уже прощались с Меньоном, когда до их ушей донеслись взволнованные голоса, крики карликов. Трудно было понять, что именно там затевалось, но стало ясным одно: в Зале Собраний намечается какое-то важное мероприятие. Встревоженные жители Долины не успели сделать и двух шагов, как были окружены четырьмя карликами-гвардейцами, в сопровождении которых они быстро прошествовали сквозь толпу и вошли через открытые двери в Зал Собраний. Далее их провели в небольшую комнату, примыкающую к этому залу, и велели подождать. Флик и Ши сели на скамью, а небольшой отряд гвардейцев устроился подле них и не спускал глаз с недоумевающих братьев. Дверь была закрыта на замок. В комнате горел яркий свет, в ожидании посетителей стояли длинные столы и скамьи. Окна были также тщательно закрыты. Все эти меры предосторожности вселяли в сердца братьев смутную тревогу.

Вскоре раздались шаги, громкие голоса. Дверь открылась, и на пороге появился Меньон, немного осунув-

шийся и бледный, в сопровождении двух карликов-гвардейцев, которые тут же ушли, оставив Меньона и братьев под бдительным оком четырех охранников. К сожалению, Меньону тоже была неизвестна цель прихода в это заведение; однако по дороге сюда ему удалось краем уха услышать отдельные реплики, обрывки разговоров, которые безошибочно свидетельствовали о том, что Карлики готовятся к войне. Вероятно, эту ошеломляющую и страшную весть принес Алланон. Община Карликов находилась в крайнем волнении.

В это время вновь раздались громкие голоса, их шум нарастал и приближался к двери, за которой сидели братья и Меньон. Все трое встали и застыли в тревожном ожидании. Толпа шумела и с каждой секундой подходила все ближе и ближе. Гром оваций и радостных криков достиг кульминации, когда дверь открылась и на пороге возникла темная властная фигура Алланона. За ним плотными рядами, что-то выкрикивая на ходу и размахивая руками, шли возбужденные карлики.

Алланон быстро подошел к жителям Долины, крепко пожал им руки и поздравил их с благополучным прибытием в Кульхавен. Он был одет все в тот же темный походный плащ, его худощавое мрачное лицо наполовину скрывал низко опущенный капюшон; вся его фигура производила все то же устрашающее впечатление. Любезно поприветствовав Меньона, Алланон сел во главе стола, взглядом приглашая всех сесть. Голоса смолкли. Братья с удивлением заметили Балинора, который тоже был доставлен сюда бдительными карликами. Рядом с ним сидел Гендель и несколько карликов, которые, по всей видимости, осуществляли руководство общиной. Среди мускулистых и коренастых карликов ярко выделялись стройные воздушные фигурки двух молодых людей в занятных свободных одеждах, которую обычно носили лесники. Эти юноши молча сидели около Алланона. Братья и Меньон, расположившись за другим концом стола, имели прекрасную возможность рассмотреть эти лица, так странно отличавшиеся от широких и грубоватых лиц карликов. Сразу было видно, что это — эльфы из отдаленных Западных земель. Их выразительные, чрезвычайно утонченные черты лица, резко поднятые вверх нитевидные брови и необычно заостренные маленькие уши сразу делали ясной тайну их происхождения. Ши пристально, затаив дыхание, рассматривал эльфов, а Флик и Меньон, оба с нескрываемым любопытством, наблюдали за Ши и двумя эльфами,

которых они никогда не видели прежде. Никто из друзей, включая Ши, не встречался до этого с живыми Эльфами. И сейчас братья и Меньон впервые получили такую возможность, в результате которой они быстро убедились в одном: сходство Ши с Эльфами является бесспорным.

— Друзья мои! — раздался глухой властный голос Алланона. Все остальные голоса разом смолкли. В комнате воцарилась полная тишина. — Я должен сообщить вам, что мы понесли трагические потери.

Он на мгновение замолчал, внимательно вглядываясь в тревожные лица присутствующих.

— Замок Паранор пал. Большой отряд Гномов под командованием лорда Уорлока завладел Мечом Шаннара.

Несколько минут в комнате стояла мертвая тишина. Потом карлики вскочили на ноги и гневно зашумели. Балинор поднялся, чтобы успокоить их, но сделать это было чрезвычайно трудно. Негодованию карликов не было предела. Не в силах поверить в случившиеся, Флик и Ши растерянно посмотрели друг на друга. И лишь одного человека сообщение Алланона не повергло в полное замешательство. Это был Меньон Леа. Казалось, он внимательно изучал ситуацию и буквально сверлил глазами мрачную фигуру Алланона.

— Замок Паранор был захвачен в результате измены, — продолжал Алланон после того, как был восстановлен порядок и возмущенные голоса карликов стихли. — Печальна судьба тех, кто охранял цитадель и Меч. Мне сказали, что они все казнены. Никто сейчас не может сказать точно, как все это произошло.

— Тебе удалось проникнуть туда? — с испугом спросил Ши и сразу понял всю нелепость задаваемого вопроса.

— Я покинул вас в Тенистой Долине столь неожиданно, так как получил известие о том, что предпринимаются попытки взять крепость-цитадель Паранор. Я прибыл туда слишком поздно, чтобы воспрепятствовать этому, и едва не выдал себя. Мне пришлось скрываться. Это одна из причин, почему я только теперь появился в Кульхавене.

— Послушай, Алланон! Если замок Паранор взят, а Меч находится в руках?.. — с дрожью в голосе с трудом произнес Флик, не в силах закончить фразу.

— Ты хочешь знать, что нам остается делать теперь? — металлическим голосом, отчеканивая каждое слово, произнес Алланон. — Да, это главный вопрос, который

стоит перед нами сейчас. На совете мы должны выработать план дальнейших действий.

Внезапно Алланон вышел из-за стола, подошел к месту, где сидел Ши, положил свою большую тяжелую руку на хрупкое плечо юноши и стал говорить дальше, как бы внимательно взвешивая каждое слово:

— Лорд Уорлок не может воспользоваться волшебной силой Меча Шаннара. Его сила проявляется только тогда, когда им владеет прямой наследник рода Джерла Шаннара. И это не позволяет употребить Меч во зло. Именно поэтому лорд Уорлок беспощадно уничтожал всех представителей рода Шаннара одного за другим — хотя я и пытался защитить тех, кого мог отыскать. Теперь они все мертвы — все, кроме одного, и этот один — молодой Ши. Он только наполовину Эльф, но он — прямой потомок Короля, который хранил знаменитый Меч на протяжении многих лет. Теперь Ши должен поднять его снова.

Внезапно Ши охватило страстное желание убежать отсюда, куда угодно скрыться от пугающей, ошеломительной правды слов Алланона. Однако тяжелая рука могучего странника крепко сжимала его плечо. И юноше стало еще страшнее от этого. В его мозгу одна за другой менялась череда тревожных мыслей. Он понимал, что оказался во власти неведомых обычному человеку сил. Внезапное постижение этой ужасной правды, как вспышка молнии, озарило его душу. Он невольно ощутил всю меру своей беспомощности, понял всю безнадежность ситуации. Ши казалось, что он смотрит в мрачные глубины неведомой бездны. Юноша в отчаянии посмотрел на брата и увидел неподдельное выражение страха в глазах Флика. Меньон сидел неподвижно, тщательно обдумывая все сказанное Алланоном. Ему казалось, что этот великий мудрец не вправе требовать от Ши такой жертвы.

— Ну, хорошо. Постараемся не думать о самом плохом. Я вижу, что мы изрядно напугали нашего друга, — кратко заключил странник. — Не отчаивайся, Ши. Еще не все потеряно. И, дай бог, нам улыбнется удача. — Он отошел от Ши, вернулся на свое место и сел.

— Мы должны любой ценой завладеть Мечом. У нас нет другого выбора. Если мы не сделаем этого, вся земля будет ввергнута в величайшую войну народов, какой еще не было в истории двух тысячелетий. Меч — это ключ. Без него все наши усилия будут тщетными. Нам не помогут доблесть и храбрость, война станет борьбой

железа и мускулов и приведет к неисчислимым жертвам с обеих сторон. Воплощение зла — лорд Уорлок — может быть побежден только с помощью Меча и отваги нескольких человек, которые сейчас находятся в этой комнате.

Он вновь замолчал, давая возможность присутствующим оценить важность своих слов. В комнате стояла полная тишина. На него смотрели десятки беспокойных глаз, встревоженные лица были бледны. Неожиданно из-за дальнего конца стола поднялся Меньон Леа и обратился к оратору-исполину:

— Ты полагаешь, мы должны пойти в замок Паранор и завладеть Мечом?

Алланон быстро кивнул в ответ, подобие улыбки впервые озарило его мрачное лицо. Вероятно, это и была та долгожданная реакция, которую он ждал от потрясенных слушателей. Его глубоко посаженные глаза, утопавшие в глубоких морщинах, внимательно изучали собравшихся. Меньон медленно опустил на скамью, красивые черты его лица исказила тень недоверия. А Алланон между тем продолжал:

— Меч пока находится в замке Паранор; будем надеяться, что он там и останется. Ни Брона, ни носители изображения Черепа не могут сами унести этот талисман. Наложенное на него заклятие грозит в этом случае гибелью всему нашему миру. Никто не сможет защитить нарушителя заклания от ужасных мучений, которые сразу же обрушатся на него. Поэтому ясно, что перенести Меч с севера в Королевство Черепов гномам, захватившим замок Паранор, не удастся.

Главной задачей Эвентина и его воинов-эльфов была защита крепости Друидов и хранившегося там Меча. Хотя Паранор потерян для нас, Эльфы пока удерживают крепость, расположенную на севере, и для того, чтобы попасть во владения лорда Уорлока, необходимо пробиться через их патрули. Очевидно, Эвентина не было в Параноре, когда замок был захвачен. Невероятно, чтобы он не предпринял попыток защитить Меч или вернуть его. Конечно, это хорошо понимает и лорд Уорлок. Однако я не думаю, чтобы он рискнул дать сражение войскам Эльфов. Скорее всего, он прикажет Гномам укрепиться в замке Паранор и ждать подхода его войск с юга.

Скорее всего, лорд Уорлок не знает о том, что мы хотим завладеть Мечом. Может быть, он думает, что все потомки рода Шаннара уничтожены. В этом случае

он ждет, что мы сконцентрируем наши силы для борьбы с его наступающими войсками. В замке он нас не ждет. Если мы начнем действовать немедленно, несколько человек могут незаметно проникнуть в замок Паранор и завладеть Мечом. Это предприятие весьма рискованное, но шанс на успех есть, и им необходимо воспользоваться.

Балинор встал и сделал знак, что хочет выступить на этом собрании. Алланон кивнул и сел.

— Я не вижу другой силы, кроме Меча, которая может победить лорда Уорлока, — начал высокий воин. — Но я знаю, что нас ждет, если армия Броны вторгнется на Южные земли и в Аннарские леса, а ведь именно об этом сообщают наши патрули. Моя родина первой ощутит на себе последствия этого вторжения, и у меня нет другого пути, чтобы помешать этому. Я пойду с Алланоном до конца.

При этих словах карлики взволнованно вскочили на ноги, обрадованные подобным решением Балинора. Но Алланон поднял руку и попросил всех сесть. В комнате опять стало тихо.

— Рядом со мной, — сказал могучий странник, — вы видите двух эльфов. Это двоюродные братья Эвентина. Они будут сопровождать меня. Со мной также пойдут Балинор и, пожалуй, один из военачальников Карликов. Мы должны создать небольшой, но очень крепкий отряд стойких и опытных воинов. Выберите лучшего среди вас, и пусть он пойдет со мной.

Он бросил взгляд на другой конец стола, где сидел Ши, весь во власти тревоги и безотчетного страха перед будущим. Весь дух юноши был объят безмолвным смятением. Внутренний голос говорил ему, что он накануне страшного перелома в жизни. Каждая последующая минута могла стать роковой. Меньон Леа сидел молча, ничем не выдавая своего волнения. Его взор был устремлен в окно. Высокий странник внимательно посмотрел на Ши, и его мрачное лицо смягчилось, жесткие глаза потеплели при взгляде на хрупкую беззащитную фигуру юноши, на долю которого уже выпали мучительные страдания и грозные потрясения, который проделал столь опасный и тяжелый путь и снова стоит на пороге тревожных событий. На какое-то мгновение ему стало искренне жаль Ши.

— Я тоже пойду с вами, — неожиданно раздался твердый голос Меньона. Принц встал. Его лицо хорошо могли

видеть собравшиеся. — Я пошел с Ши для того, чтобы помочь ему благополучно добраться до Кульхавена. Моя задача выполнена, хотя в конце пути мне самому потребовалась помощь. Тем не менее, я решил пойти дальше, чтобы тоже помочь своей стране и защитить народ моего королевства.

— В каком качестве ты можешь выступить? — напрямик спросил Алланон и испытующе посмотрел на жителя высокогорья. Флик и Ши были совершенно поражены неожиданным заявлением Меньона.

— Пожалуй, я лучший стрелок на всех Южных землях, — с чувством собственного достоинства ответил Меньон Леа. — И... у меня большой опыт следопыта и путешественника.

На какое-то мгновение в комнате воцарилось молчание. Алланон вопросительно посмотрел на Балинора, тот кивнул и вновь бросил изучающий взгляд на принца Леа. Затем взгляды Алланона и Меньона встретились, и этот холодный зрительный поединок продолжался какой-то период времени. Меньон встал и насмешливо посмотрел на прославленного старца.

— Разве я обязан отчитываться перед тобой? — вызывающе начал он.

Фигура Алланона за другим концом стола вздрогнула. Взгляд маленьких темных глаз стал жестким и мрачным. В комнате стало так тихо, что, казалось, был слышен стук сердец. Даже Балинор откинулся на спинку стула и в удивлении переводил глаза с одного на другого. Он знал, что из этой искры могло разгореться большое пламя. Ши и Флик с испугом переглянулись. Уж им-то был известен непредсказуемо переменчивый характер великого странника, чей гнев был поистине страшен. И оба брата молящими глазами посмотрели на Меньона, пытаясь предотвратить надвигавшуюся ссору между ним и Алланоном. Лихорадочно перебирая в уме все варианты, как лучше разрядить обстановку, Ши начал громко откашливаться. Все повернулись в его сторону.

— Ты хочешь что-нибудь сказать? — мрачно спросил Алланон. Ши с готовностью кивнул, затем посмотрел в широко раскрытые глаза Флика и, прочитав в них преданную решимость при любых обстоятельствах следовать за ним дальше, еще раз кашлянул и с дрожью в голосе произнес:

— Судьбе было угодно приготовить мне большие испытания. Что ж, я готов принять их, хотя не обла-

даю качествами хорошего воина. Итак, решено! Мы все трое — Флик, я и Меньон — направляемся в замок Паранор.

Алланон кивнул юноше в знак одобрения. Его мрачное лицо осветила слабая улыбка. Он был доволен внутренней решимостью Ши. Жителю Долины, этому хрупкому юноше, больше, чем кому-либо, надлежало быть стойким и решительным: ведь, по сути дела, судьбы всего человечества теперь зависели от него, последнего сына Шаннара.

На другом конце стола Меньон с облегчением опустил плечи. Наметившаяся было конфронтация с великим странником оказалась сглаженной, и житель высокогорья испытывал глубокое удовлетворение от того, что они опять все втроем продолжают путь. Кто знает, может, он еще не раз пригодится этому хрупкому юноше в достижении королевских целей. Только бы выдержали слабые плечи жителя Долины всю тяжесть грядущих испытаний. Да благословит его бог! И пусть им всем сопутствует удача.

Глава 9

Ши тихо стоял в темноте недалеко от Зала Собраний. Холодный ночной воздух прохладными потоками обвевал разгоряченное лицо юноши. Справа стоял Флик; его задумчивое лицо казалось другим, новым в лучах серебристого лунного света. Слева, небрежно облокотившись на тяжелую, низко свисающую ветку дуба, расположился Меньон. Собрание закончилось, и Алланон попросил всех троих остаться и подождать его где-нибудь поодаль. Тем временем он отдавал распоряжения карликам на случай неожиданного вторжения врагов в верхнюю часть Аннарских лесов. Балинор тоже был там, прилагая все усилия для координации оборонительных действий прославленного Пограничного Легиона в отдаленном Каллахорне с решительными действиями армии Карликов в районе Восточных земель. Ши предложил выйти из душного помещения на свежий воздух, где можно было спокойно обдумать все предстоящие действия. Юноша до сих пор не мог справиться с огромным волнением, сознавая всю серьезность обязательств, которые теперь волею судьбы и странным стечением обстоятельств налагывались на него. Он ясно понимал неотвратимость

решительной битвы за Меч, битвы тяжелой, долгой и, может быть, смертельной. И отступить было некуда. Хотя, если признаться, при большом желании и настойчивости он и Флик могли преспокойно остаться в цветущем Кульхавене, где им днем и ночью была бы обеспечена надежная охрана. Карлики наверняка сумели бы защитить их от злых преследователей, носящих изображение Черепа. И с течением времени о них бы забыли, и вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову искать их в этой паутине забвения. Но это было бы малодушное, унижительное бегство от самих себя, от окружающей действительности. И именно в этот момент Ши всецело осознал сей факт, осознал окончательно, раз и навсегда, свое великое предназначение. Кровь прилила к его щекам, глаза заблестели, взор влажных глаз устремился вдаль. Да, он сын Эльфа, потомок, единственный наследник рода Шаннара, сын королей! И именно он, Ши, имеет непосредственное отношение к знаменитому Мечу Шаннара! И первый раз за всю свою недолгую жизнь он почувствовал, какая ответственная историческая миссия легла на его плечи.

Ши с глубокой нежностью посмотрел на Флика и ощутил прилив острого сожаления и щемящей грусти. Ведь это он, Ши, невольно вовлек его в ужасающий водоворот опасных событий, кровавых столкновений, которые могли закончиться неминуемой гибелью обоих. Ши страстно хотел снять с брата надвигавшееся бремя большой ответственности, он понимал, что невольно лишил брата родного дома, отца и многого другого, что грело сердце им обоим. И снова волна бесконечной любви и привязанности к этому родному человеку, разделившему его судьбу, охватила Ши и заполнила все его существо.

— Ты знаешь, Ши,— задумчиво произнес Флик,— еще недавно я думал, что проживу всю жизнь — тихо и спокойно — в Тенистой Долине. А теперь оказалось, что с моей помощью будут решаться судьбы людей. Вот как все повернулось...

— Ты считаешь, я должен был принять другое решение? — осторожно спросил Ши после некоторого молчания.

— Нет, нет! Я так не думаю! — решительно возразил Флик. — Однако меня настораживают некоторые вещи... Ты помнишь, мы уже однажды говорили об этом? Некоторые явления происходят бесконтрольно, они выше че-

ловческого понимания! Ты согласен, Ши? И сейчас разве мы можем повлиять на то, что нас ожидает?

На какое-то мгновение Флик замолчал и растерянно посмотрел на брата. Потом в его взгляде появилась решимость.

— Я думаю, ты сделал правильный выбор, Ши. И, что бы ни случилось, я буду с тобой до конца.

Ши с облегчением вздохнул и широко улыбнулся. «Это большое счастье — иметь рядом с собой родного человека, который всецело разделяет твои взгляды», — успокоенно подумал Ши и повернул голову в сторону, услышав движение Меньона.

— Да, нелегкий был вечер! — смущенно начал Меньон. — Однако хочу заверить вас, что, как и Флик, я пойду до конца и буду помогать Ши всем, чем смогу. Будь, что будет! Мы пойдем навстречу опасности и сразимся с неприятелем, будь это дух или простой смертный!

— При условии, что ты больше не пойдешь на конфликт с Алланом, — не без иронии заметил Флик.

— Не будем об этом, — резко сказал Ши. Его взор наполнился решимостью, голос стал твердым. — Забудем, что было в прошлом. Теперь — мы одно целое. Нас объединяет общая цель, и мы должны беречь друг друга. Только в этом случае мы чего-нибудь достигнем.

Между тем дверь отворилась, и на пороге появилась высокая статная фигура Балинора, величественная в ярком лунном свете. Балинор решительными шагами направился к братьям и Меньону. На его лице играла счастливая улыбка.

— Поверьте, я искренне рад, что вы все решили идти с нами, — сказал он очень просто и задушевно. — Знаешь ли ты, Ши, что без тебя это путешествие было бы бессмысленным... Без наследника дома Шаннара Меч превращается в обычный кусок металла.

— Можешь ли ты что-нибудь рассказать нам об этом магическом оружии? — быстро спросил Меньон.

— Об этом вам подробно расскажет Алланон, — услышали они невозмутимый ответ. — Он должен с минуты на минуту прийти сюда и переговорить с вами.

Меньон кивнул. Тень легкой досады снова появилась на его лице. Перспектива нового разговора с заносчивым и гневным странником отнюдь не радовала его, однако желание узнать хоть какую-то истину было сильнее. «В чем же все-таки сила Меча Шаннара?» — Об этом

все трое подумали одновременно. Ши и Флик переглянулись. В их глазах сверкнули радость и надежда. Наконец-то они доподлинно узнают, что же случилось на Северных землях.

— Можно тебя спросить, Балинор? Что... привело тебя сюда? Если это, конечно, не тайна...— осторожно спросил Флик.

— Это довольно длинная история и вряд ли вам будет это интересно,— сразу помрачнел Балинор, всем своим видом давая понять Флику, что тот перешел границы приличий. Флик сразу все понял и низко опустил голову. Тогда взгляд Балинора смягчился; он дружески похлопал Флика по плечу.— В последнее время между моей семьей и мной не было взаимопонимания. Мы сильно поссорились с моим младшим братом и... я решил на некоторое время оставить город. И тут как раз Алланон попросил сопроводить его к Аннарским лесам. Среди карликов у меня много добрых знакомых, и я сразу согласился.

— Да, очень знакомая песня...— сухо проронил Меньон.— Время от времени меня одолевают примерно те же проблемы.

Балинор понимающе кивнул и улыбнулся Меньону. Однако Ши счел этот довод отнюдь не убедительным. Что-то тут было не так... Наверняка причины, заставившие Балинора покинуть Каллахорн, были серьезнее, чем проблемы, с которыми случалось сталкиваться у себя в королевстве Меньону Леа. Тем не менее, Ши не посмел продолжать эту тему и резко переменил предмет разговора:

— Что ты можешь сказать нам об Алланоне? Мы ведь верим ему, но, к сожалению, очень мало знаем о нем, как о человеке. Кто он все-таки?

Брови Балинора удивленно поползли вверх. Он улыбнулся от неожиданного вопроса, в то же самое время обдумывая, как лучше на него ответить. Он сделал несколько шагов вперед, потом резко обернулся и произнес:

— В действительности я не так много знаю о нем,— откровенно признался он.— Несомненно одно: он необычный человек. Он много путешествует, изучая земли и народы. Он хорошо известен всем расам. Вряд ли найдется место, где бы он ни побывал. Его эрудиция и знания просто неисчерпаемы. Иногда кажется совершенно невероятным тот величайший объем информации, который

вмещает мозг этого человека. Это поистине удивительная личность...

— Но кто он все-таки? — продолжал настойчиво спрашивать Ши, чувствуя, что может приблизиться к разгадке одной из тайн.

— Этого я не могу сказать точно, потому что даже со мной он не был полностью откровенен, хотя он относится ко мне, как к сыну. — Голос Балинора снизился до шепота, братьям и Меньону пришлось наклониться, чтобы хорошо слышать его. — Старейшины из общины Карликов и знающие люди моего королевства утверждают, что он величайший из Друидов, величайший из жрецов, когда-либо живших на этом свете. Говорят также, что он прямой потомок Друида Бремена — а может быть, это даже сам Галафайл. Я тоже склоняюсь к этому, так как я сам видел и знаю, что он часто бывал в замке Паранор и долгое время работал там. Его неисчислимые пометки хранят сотни книг в этом замке.

На какое-то мгновение Балинор замолчал, и все трое слушателей переглянулись, пытаясь понять, неужели в самом деле Алланон являлся прямым потомком Друидов, чей мозг был бесценным хранилищем всей той информации, которую веками накапливало человечество. У Ши и раньше возникало предположение о том, что Алланон был одним из древних философов-учителей, известных как Друиды; это также объясняло тот факт, что этот человек был носителем громадного запаса знаний и различной информации. А Балинор тем временем продолжал:

— Нам очень повезло, что Алланон с нами. Вряд ли мы смогли бы найти лучшего вдохновителя и стратега для того, чтобы лицом к лицу встретиться с лордом Уорлоком. Не знаю, достаточно ли убедителен мой рассказ, но я совершенно уверен в том, что, помимо всего прочего, Алланон обладает... совершенно особой силой, которая недоступна для простого смертного. Лорд Уорлок встретит в его лице очень серьезного и опасного противника.

— Да, как противник он страшен. В этом я хорошо убедился однажды... — сухо заметил Флик.

Прошло несколько минут, дверь отворилась, и в поле зрения друзей и Балинора появился знаменитый странник. Яркий лунный свет хорошо освещал его огромную устрашающую фигуру, которая от этого казалась еще больше и производила жуткое впечатление мощи. В какое-то

мгновение братьям почудилось, что перед ними слабое подобие проклятого носителя изображения Черепа,— такой грозный ужас наводила эта фигура, в которой было так мало земного. Все молча ждали его приближения, надеясь, что он, наконец, расскажет им о том, что же ждет их в предстоящие дни. Его голова и лицо были скрыты под огромным темным капюшоном, и лишь резкий блеск глаз выдавал неустанную работу мысли. Все вокруг погрузилось в полное молчание.

— Пришло время узнать историю Меча Шаннара, друзья мои,— медленно начал мудрец-исполин,— и тем самым узнать настоящую историю рас.— С каждым словом голос Алланона накалялся все больше и больше и приобрел, наконец, характер командного императива.— Это особенно важно для Ши, а также для всех остальных, кто рискнул примкнуть к нам. Само собой разумеется, что все услышанное вы должны держать в глубокой тайне, даже если это и будет нелегко.

Он жестом указал им следовать за ним, уводя их с поляны в глухие заросли кустарников и деревьев, где можно было быть уверенным в том, что проходящий мимо человек не станет случайным слушателем рассказа. Он сел на толстый низкий сук раскидистого вяза и пригласил всех сесть поближе к нему. Все быстро устроились вокруг загадочного старца и с замиранием сердца ждали, когда великий историк раскроет перед ними тайны веков.

— Очень давно,— начал он, наконец,— еще до начала Великих Войн, когда еще не было тех рас, о которых мы знаем сегодня, земля была населена только одним племенем — племенем Человека. Цивилизация медленно развивалась в течение тысячелетий: совершенствовались орудия труда, и люди постепенно познавали себя и окружающий мир. Это был легендарный волнующий период истории, который нам трудно себе представить. Поэтому я хочу рассказать о нем более подробно. Все эти годы люди упорно работали, познавали тайны мироздания, но перед ними постоянно стоял страх будущей смерти. Человек не мог преодолеть его даже на высоких ступенях развития цивилизации. Это страх стимулировал развитие науки, бесконечную череду исследований, но это была не та наука, которую мы знаем сейчас,— не изучение жизни животных, растений, не изучение природы и искусства. Эта была наука о механизмах и силах, приводящих их в действие. Наука была направлена на то,

чтобы улучшить жизнь, — либо на то, как быстрее ее уничтожить.

Он остановился и мрачно усмехнулся, качнув головой в сторону внимательно слушавшего Балинора.

— Если задуматься, то покажется очень странным, что Человек может упорно работать над достижением этих взаимоисключающих целей. И даже теперь, по сути, ничего не изменилось, хотя прошло столько лет.

На мгновение его голос прервался, и Ши взглянул на окружающих. Глаза собравшихся были прикованы к рассказчику.

— И вот физики открыли необыкновенно мощную энергию! — Это неожиданное заявления Алланона заставило Ши изумленно вскинуть голову. — Это было средство, которое могло уничтожить все человечество и положить конец его развитию. Два тысячелетия назад достижения человеческой расы могли положить конец истории Земли. Человечество создало такие условия, при которых выжить могла только его меньшая часть — так была реализована ветвь науки по уничтожению человечества. Человечество много лет боролось с этой опасностью, пытаясь сохранить собственную жизнь. Некоторые философы стали доказывать, что жизнь на планете неизбежно закончится смертью. Другие философы считали, что необходимо найти выход из этого положения. Однако время шло, и обе философские школы не могли прийти к согласию. А между тем создавались все более мощные средства уничтожения людей. И вот начались Великие Войны, возникшие из мелких конфликтов между отдельными странами, расовых и национальных противоречий, хотя многие люди пытались сгладить эти противоречия. Однако вскоре противоречия между странами и отдельными группировками людей настолько обострились, что избежать всемирного конфликта оказалось почти невозможно. Более того, появились группы ученых, которые научно обосновывали неизбежность военного конфликта. Таким образом, тысячелетние усилия ученых, величайшие достижения ума и труд многих поколений — все это было поставлено на службу одной цели: в течение нескольких минут уничтожить друг друга. Это был тяжелейший итог развития цивилизации, когда безумие овладело лучшими умами человечества. Общество было поставлено на грань выживания. Нам сейчас трудно понять логику такого развития истории.

Великие Войны! — его голос снизился до трагического шепота, на лицо опустилась маска невыразимой печали,

а глаза пристально изучали слушателей. — Это очень подходящее название. Мощная энергия, открытая физиками, в течение нескольких минут уничтожила на некоторых территориях те достижения человечества, которых оно достигло упорным трудом в течение тысячелетий. Кроме того, произошла серия взрывов, которые изменили поверхность земли. Эти взрывы пробудили страшные природные силы, что в целом привело к уничтожению девяноста процентов растительных и животных организмов на земле. Произошли планетарные катаклизмы: разделение материков, высыхание океанов, горы сравнялись с землей, цветущие долины стали безжизненными равнинами. Разразившаяся катастрофа на сотни лет остановила развитие жизни. Казалось, пришел конец жизни, возможно, конец жизни всего разумного мира. И только чудо предотвратило этот финал.

— Это невероятно! — неожиданно для самого себя воскликнул Ши, потрясенный всем услышанным. Алланон насмешливо взглянул на него, и ироническая улыбка раздвинула его губы.

— Это та история цивилизации, которая принадлежит нам, Ши. — И Алланон мрачно усмехнулся. — И эта история напрямую связана с нашим временем. Остаткам человеческой расы все-таки удалось выжить после этого ужасного периода войн, хотя они и жили на отдельных, удаленных друг от друга территориях земли и упорно боролись за выживание. И это стало началом развития народов и рас нашего времени — Человека, Карликов, Гномов, Троллей и, возможно, Эльфов, хотя они как будто были всегда и имеют свою совершенно особенную историю. Но об этом мы поговорим в следующий раз.

Еще в Тенистой Долине Алланон приоткрыл завесу особого предназначения народа Эльфов, кратко отметив уникальность этой расы. Ши давно не терпелось поговорить с великим мудрецом об истории Эльфов, о своем собственном происхождении. И сейчас им вновь овладело страстное желание расспросить знаменитого историка обо всем этом. Однако по прошлому опыту он уже знал, что не стоит прерывать этого мудрого старца. Бог знает, какой гнев может обрушиться на голову такого смельчака.

— Между тем немногим людям удалось сохранить в памяти те научные результаты, которые способствовали улучшению жизненных условий цивилизации и были до-

стигнуты до периода Великих Войн. Их помнили всего лишь несколько человек, а остальная масса людей потеряла достигнутые ранее знания. Однако сохранились книги, где были изложены научные достижения, и по которым человечество могло восстановить утраченные знания. Эти книги хранились, как талисман, и ждали момента, когда человечество будет в состоянии воспользоваться ими. В течение этих сотен лет книги ветшали, и маленькая группа ученых передавала друг другу те замечательные знания, которые были накоплены человечеством. Процесс сохранения знаний был долгим и трудным. Шли годы, знания постепенно передавались от отца к сыну и каждое поколение стремилось сохранить эти знания. Знания становились семейной ценностью, причем их владельцы считались мудрецами, которых защищало общество во избежание следующей мировой войны. Люди не хотели повторения Великих Войн. В конце концов, владельцы этих книг сами прониклись мыслью о необходимости сохранения в тайне их знаний и превратились в узкую касту жрецов, охраняющих знания предшествующих поколений. Они ждали благоприятного времени, когда их знания можно будет поставить на службу человечеству, не опасаясь роковых последствий. Все эти годы хранители знаний боялись повредить остаткам человечества: они опасались друг друга, они боялись передать знания тем, кто может использовать их во зло. Они жили обособленно, мало общаясь друг с другом, и ожидали той поры, когда человечество будет готово воспользоваться так тщательно охраняемыми ими знаниями.

Время шло. И оказавшиеся на примитивной стадии развития сообщества людей постепенно прогрессировали, их жизнь улучшалась. Отдельные общины наладили взаимное сотрудничество и начали строить общую жизнь — однако, как уже говорилось, они не смогли избежать противоречий. Прогресс тормозился яростными спорами за землю, которые перерастали в вооруженные конфликты между отдельными общинами. Возникли национальные разногласия. В конце концов, потомки хранителей тайн науки прошлого увидели, что человечество опять заходит в тупик и история повторяется. Людей снова ожидает братоубийственная война. В этих условиях они решили, что настала пора действовать. Человек, которого звали Галафайл, понял, что, если не предпринять решительных действий, отдельные общины людей придут к новой войне.

И тогда он созвал совет из хранителей старых книг, из тех мудрецов, которые владели древними знаниями. И все они собрались в замке Паранор.

— Вот как возник первый Совет Друидов,— с удивлением воскликнул Меньон Леа.— Это был Совет всех мудрецов той эпохи, которые страстно желали спасти мир людей.

— Эта была очень разумная мысль, объясняющая действия тех людей,— усмехнулся Алланон.— Члены Совета Друидов руководствовались самыми благими намерениями, пытаясь найти выход из создавшегося положения. Совет пользовался огромным авторитетом, и его решения способствовали значительному улучшению жизни как сообществ, так и каждого их члена. Они работали сообща, и каждый член Совета помогал своими знаниями общему делу. Совету удалось предотвратить возникновение общей войны, сохранить мир между народами. Однако вскоре возникли непредвиденные сложности. Менялись поколения, а вместе с ними менялось и отношение к тем знаниям, которые были добыты предками. Наступала эпоха переоценки ценностей. Проблема заключалась в том, что поколения отцов и детей перестали понимать друг друга.

Ситуация осложнялась тем, что представители различных наук перестали понимать друг друга, не было единой философской системы, объединяющей различные области знаний. Многие члены Совета, представлявшие различные области знаний, не могли даже договориться о едином понимании или толковании научных терминов. В результате получилось так, что Друиды, которые считали себя самыми мудрыми и знающими людьми на свете, — а это на самом деле было так, — попытались по-своему перестроить отношения между людьми таким образом, чтобы мир стал лучше.

— То есть Друиды хотели переделать мир по придуманному ими образцу,— воскликнул Ши.— Они хотели предотвратить войны, которые возникали раньше, устроить идеальную жизнь по представлениям той науки, которая была создана в древности.

Голова у Флика пошла кругом, поскольку он не мог понять, какое отношение все сказанное имеет к лорду Уорлоку и волшебному Мечу Шаннара.

— Правильно,— заметил Алланон.— Но Совет Друидов, обладавший огромными знаниями и добрыми намерениями, попытался найти выход из этого положения.

Разумеется, умные люди всегда должны находить выход из любой ситуации, в зависимости от существующих условий. Совет Друидов закрылся в замке Паранор, прервав все связи с внешним миром до тех пор, пока не будет найдено решение этой проблемы. Они разбились на маленькие группы специалистов по отдельным вопросам на основе древних наук. Однако большинство членов Совета основывались на старых знаниях, пытаясь применить их к новым, возникшим в последние годы условиям. Они пользовались понятиями, характерными для старой эпохи. Между тем, часть членов Совета была не согласна с таким подходом. Они понимали, что человечество нуждается в новой науке, новых ценностях. Необходимо было создать систему, при которой отдельные сообщества людей понимали бы друг друга, создать общую терминологию, сформулировать пути развития человечества, понятные всем. И этот новый подход должен базироваться на совершенно новых идеях, которые рождаются из реальной жизни. Они понимали, что старая наука исчерпала себя.

И здесь случилось так, что несколько членов Совета, попавших под влияние одного из них — его звали Брона, — начали усиленно изучать старинные мистические обряды, не отдавая себе полного отчета в том, к чему это приведет. Обладая феноменальными способностями и гениальными умами, они вскоре добились значительных успехов в изучении мистических сил, которые они надеялись поставить на службу людям. По странному стечению обстоятельств их научные достижения уходили все дальше и дальше от той генеральной линии развития науки, которую наметил Совет. Старые науки не давали ответа на волновавшие их вопросы, и поэтому они уходили в другие области знаний, медленно и неуклонно уводя самих себя от реальных знаний, которые принято называть наукой. Теперь они были все больше заняты изучением мистических сил и магии. Им удалось постичь многие секреты магии и колдовства, прежде чем Совет узнал о направлении их работы и запретил ее продолжение. Этот запрет вызвал яростное сопротивление сторонников Броны, и они с возмущением вышли из состава Совета, чтобы самостоятельно завершить начатое ими дело. С тех пор о них больше никто не слышал.

Алланон сделал паузу, давая возможность слушателям обдумать все сказанное. Слушатели нетерпеливо ждали продолжения.

— Теперь мы знаем, что произошло в последующие годы. Продолжая свои научные изыскания, Брона открыл глубочайшие тайны магии и овладел ими. Но в процессе своей работы он утратил ту идею, ради которой он ее начал: он стал работать ради самих знаний и только ради того, чтобы овладеть этими таинственными силами. Были забыты не только старые науки, но и их цель — улучшить жизнь людей. Забыты были Совет Друидов и его стремление улучшить мир. Забыто было все, кроме стремления овладеть магическими силами, познать секреты колдовства, проникнуть силой мысли в другие миры. Брона был одержим одним страстным желанием — возвыситься над людьми и стать повелителем мира с помощью этих ужасных сил магии. Результатом этих стремлений стала известная Первая Война Рас, когда он перессорил между собой разные народы, натравил разные расы друг на друга. К этому времени Брона фактически не был человеком, он не владел собой.

— А его последователи? — тихо спросил Меньон.

— Они тоже стали жертвами своих знаний. С ними произошло то же, что и с их лидером, — все они стали рабами жутких магических сил. — Алланон снова замолчал, давая возможность слушателям оценить важность сказанных им слов. Подумав немного, он продолжал:

— Тот факт, что эти несчастные Друиды вступили на опасный путь и увлеклись познанием тайн мистики, стал суровым уроком для Человека. Сейчас ясно, что они могли общими усилиями найти пути улучшения жизни в рамках старых наук быстрее, чем прибегая к помощи ужасных сил потустороннего мира. Человеческий ум еще не был готов к контактам с материальными мистическими силами. Их поиски привели к тяжелейшим последствиям.

Алланон вновь замолчал. По его лицу пробежала мрачная тень. Теперь слушатели поняли сущность врага, с которым им предстояло бороться. Они выступали против человека, который больше не был гуманом, он находился под влиянием таких могущественных сил, постичь которые человеческий разум не мог. Борьбу с этими силами человеческий разум мог не выдержать.

— Остальное вы уже знаете, — энергично заговорил Алланон снова. — Существо под именем Брона, которое больше не являлось человеком, было основной движущей силой двух Войн Рас. Носители Черепа являются после-

дователями своего старого учителя Броны, хотя раньше все они были людьми из племени Друидов, а часть из них даже являлась членами Совета в Параноре. Впоследствии их постигла судьба Броны. Они изменились не только внутренне, даже их внешний облик стал отвратителен, воплощая силы зла, носителями которого они являются. Нам необходимо всегда помнить, что они представляют собой самую грозную опасность для людей всех четырех земель. Старые научные достижения, которые привели к изобретению многих машин и механизмов, облегчавших жизнь людей, постепенно уходят в историю, и многие из этих достижений за последние годы уже забыты. На смену им приходят более могущественные, более страшные для жизни людей знания, основанные на магии и колдовстве. Верьте мне, мои друзья, это действительно так. Мы живем в век магии, и эти силы угрожают нашему существованию.

Воцарилось гробовое молчание. Глубокая тишина ночного леса как нельзя лучше соответствовала мрачному настроению присутствующих. Последние слова Алланона эхом откликнулись в лесной чаще. Ши нарушил молчание:

— В чем же тайна Меча Шаннара?

— В Первой Войне Рас,— ответил Алланон тихо, почти шепотом,— сила Друида Броны была ограничена. Ведь вы знаете, что в этой войне Человек потерпел поражение и все представители человеческой расы были обречены на долгое мучительное выживание. Казалось бы, неустанные изыскательские поиски Броны в области магии потерпели заметное поражение, и можно было назвать эту войну еще одной главой в человеческой истории, охарактеризовав Первую Войну Рас как обычную войну смертных. Однако, несмотря на то, что Друиду Броне не удалось осуществить все задуманное им, он не впал в отчаяние, сохранил силу духа и принялся методично совершенствовать свои методы, все глубже и глубже проникая в тайны потустороннего мира, все дальше и дальше отдаляясь от материального и смертного существования. Тем не менее, надо отдать ему должное: гениальный ум Броны никогда полностью не давал ему возможность оторваться от реальной жизни и уйти в область чистого колдовства. Уникальность этого человека и состояла в том, что он обладал редчайшей способностью синтезировать два мира — мир реальный и таинственный мир магии. Он прекрасно понимал, что мистические силы

не будут полноценно восприняты и оценены расами. Необходимо дожидаться такого момента, когда в окружающем реальном мире суммарный потенциал зла — ненависть, зависть, жадность — станет больше потенциала добра. И в этот момент он начнет действовать. Легко завоевав власть над примитивными и воинственными Скалистыми Троллями в Чарнальских горах, он укрепил их армию существами из потустороннего мира, и вскоре эта могучая армия была готова напасть на разобщенные расы.

Как вы знаете, они разгромили Совет Друидов и уничтожили его членов — лишь немногим удалось избежать гибели и спастись бегством. Одним из тех, кто ускользнул от врагов, был старый знаток магии по имени Бремен, который предвидел эту опасность и давно предупреждал о ней других. Как Друид, он был крупным историком, изучал Первую Войну Рас и знал о существовании Броны и его последователей. Заинтересовавшись их историей, Бремен понял, что Брона и его последователи наделены сверхъестественной силой, которая была недоступна для обычного человеческого существа. Он также занялся изучением магии, но с большей осторожностью и пониманием того зла, которое его открытия могут принести человечеству. После нескольких лет упорных занятий он убедился в том, что Брона действительно существует, что готовится новая война против человечества и что исход этой войны будет определяться потусторонними силами и помощью черной магии. Вы можете сами себе представить реакцию Друидов на его теорию — фактически его изгнали из замка Паранор. В результате этого, когда армия Троллей захватила замок Паранор, его там не было — он находился в изгнании, где совершенствовался в магических науках. Когда он узнал, что Совет уничтожен, он понял, что должен начать действовать, иначе люди окажутся беззащитными перед могуществом Броны, перед таинственными силами, о которых ничего неизвестно простым смертным. Однако перед ним сразу же возникла проблема — как победить существо, неуязвимое для любого известного человеку оружия, существо, которое, вопреки здравому смыслу и привычным представлениям, живет уже пятьсот лет. Тогда он обратился к самой развитой расе его времени — к народу Эльфов, которым в то время управлял отважный молодой король Джерл Шаннара, — и предложил свою помощь. Народ Эльфов всегда уважал Бремена, причем они по-

нимали его много лучше, чем его соратники из Совета Друидов. Последние несколько лет он жил среди них, изучая искусство магии.

— Тут есть кое-что непонятное для меня, — неожиданно вмешался в разговор Балинор. — Если Бремен владел тайнами магии, то почему он не мог сам бросить вызов лорду Уорлоку и вступить с ним в борьбу?

Ответ Алланона прозвучал уклончиво:

— Он действительно вступил в борьбу с Броной на Равнинах Стрелехайма, но эту борьбу не мог увидеть ни один смертный. По слухам, Бремен одержал победу над Королем Духов, но последующие события не подтвердили этого. И мы ничего не знаем о том, что произошло в действительности.

Слушатели так и не поняли, что хотел сказать Алланон этой фразой.

— Как бы то ни было на самом деле, Бремен понял, что людям необходим талисман, который бы защищал их в случае появления такого существа, как Брона, в последующие годы, когда на земле не будет человека, который владеет тайнами магии, и, следовательно, людям всех четырех земель некому будет помочь. Так у него зародилась идея Меча, оружия, которое может противостоять магической силе лорда Уорлока. Бремен создал Меч Шаннара, используя свои знания потусторонних сил. Это был не простой стальной меч, это был талисман, способный побеждать любые магические силы. Меч мог проявить свои чудесные свойства только в руках тех смертных, которые использовали его в благородных целях защиты собственной свободы. Только в борьбе за свободу Меч становился несокрушимым оружием против сил зла. Меч — это та сила, которая помогла Джерлу Шаннара разгромить армию Троллей, несмотря на помощь ей потусторонних сил; Меч — это та сила, которая поможет теперь вернуть лорда Уорлока в преисподнюю, в которой он должен находиться всегда, он не должен больше появляться в нашем мире. Но до тех пор, пока Меч находится у него, он сделает все возможное, чтобы не допустить этого. Наша задача, друзья мои, вырвать Меч из его рук.

— Но почему это может сделать только потомок рода Шаннара? — спросил Ши, еле шевеля онемевшими губами; все его чувства были в смятении.

— Это было величайшей ошибкой! — воскликнул Алланон, даже не дослушав вопрос до конца. — Если вы

внимательно следили за тем, что я рассказывал вам о тех изменениях жизни, которые последовали после Великих Войн, то вы должны были понять, что старые материалистические науки постепенно уступают место новым мистическим наукам, и это величайший феномен нашего времени. Наука прошлого изучала конкретные явления окружающего нас мира, которые человек видел и ощущал, а магические науки основываются на совершенно других принципах. Мистические силы проявляются тогда, когда в них верят, но человеческий разум не может их ощутить конкретно, человеческие чувства не могут их воспринять. Если человек не верит в существование мистических сил, он никогда не сможет ими овладеть. Лорд Уорлок понимает это и использует страх людей перед непознанным — перед иными мирами и мистическими существами, которые неизвестны и непонятны для людских чувств, — эта та основа, на которой зиждется его магическая власть. Он пользуется этим в течение пятисот лет. Поэтому Меч Шаннара не проявит своих чудесных свойств, пока его владелец не поверит в волшебную силу Меча. Когда Бремен дал Меч Джерлу Шаннара, он совершил ошибку: он вручил Меч королю и потомкам королевского рода, а не доверил его простым людям. Только в руках королей Меч проявляет свои чудесные свойства. В результате этой исторической ошибки, неверия в силу простых людей, получилось, что Меч является чудесным оружием только в руках короля Эльфов или в руках его прямых потомков по крови — только они могут использовать Меч против лорда Уорлока. Таким образом, нам может помочь только потомок дома Шаннара, причем он должен свято верить в свое право воспользоваться этим Мечом. Древнее предание гласит, что только такой человек может одержать победу — и никто другой; в иных руках Меч потеряет свою чудесную силу, он станет обычным клинком из стали. Только кровное родство и вера в могущество Меча Шаннара могут вызвать к жизни скрытую силу этого великого оружия.

Алланон замолчал. Воцарилась мертвая тишина, слышно было лишь прерывистое дыхание слушателей. Великий философ поведал друзьям очень о многом, но намеренно умолчал о некоторых вещах, которые могли смертельно напугать их. Для него сейчас было самым главным психологически подготовить своих сподвижников к решительным действиям. Успех действий этих людей будет

иметь громадные исторические последствия, и важно, не напугав их предстоящими трудностями, направить их вдохновенные усилия в нужное русло.

— Да, только Ши может использовать Меч. Он рожден для этого, — тихо произнес Балинор.

Все по-прежнему молчали. Этот ночной разговор казался лишь прелюдией большой симфонии, которую предстоит сыграть всем участникам этой необычной дискуссии. И в эти минуты будущее представлялось всем трим весьма обманчивым и туманным, хотя в душе созрела страстная решимость добиться поставленной цели.

— А сейчас оставьте меня, — сказал Алланон повелительным тоном. — И постарайтесь немного поспать. На рассвете мы покинем эти благословенные места и отправимся в замок Паранор.

Глава 10

Стремительно пролетела ночь. Разгорался рассвет. Синева на востоке сменилась багровой мглой, похожей на дым пожара. Мгла эта светлела, делалась все прозрачнее, сквозь нее уже были видны далекие и нежные очертания розовых облаков. Ласковые золотистые лучи рассвета вселяли надежду, убаюкивали тревогу. Коснувшись глаз братьев и Меньона, лучи нежно напомнили им о том, что пора подниматься — ведь впереди трудный и опасный путь. Братья и Меньон поднялись и стали быстро готовиться в дорогу. Все трое сосредоточенно молчали, ожидая появления Алланона с двоюродными братьями Эвентина. Каждый думал о своем, и все они вместе с тем думали об одном и том же — о своей предстоящей схватке с темными силами лорда Уорлока. Ши был удивительно спокоен в это утро. Ушли тревоги, волнения, даже, казалось, на время отступил безотчетный страх перед будущим. В сознании юноши созрела твердая решимость и готовность целиком посвятить себя намеренному делу, от которого зависела судьба многих тысяч людей: Предстоящие испытания страшили его, но именно теперь появилась уверенность и надежда, что общими усилиями они одержат верх над коварными врагами, что бы это им ни стоило. Жители Долины облачились в одеяния лесников, которые достали им карлики, поверх одели плотные дорожные плащи с глухими капюшонами, которые смогут защитить их от сильного ветра, проливного

дождя и ночной прохлады. На поясе у них висели острые охотничьи ножи, которые они захватили с собой из Тенистой Долины. Ножи были спрятаны в кожаные чехлы и не выделялись на фоне коричнево-болотной одежды. За плечами у них были небольшие дорожные сумки, где имелось все необходимое. Их путь лежал через страну, где жили лучшие охотники во всех Южных землях. Там же располагались общины, дружелюбно настроенные к Алланону и Карликам. Однако нельзя было забывать, что на этой же земле жили Гномы, которые в течение многих и многих лет были злейшими врагами Карликов. Все путешественники надеялись на собственную силу, на удачу и на милость божью, на то, что им удастся избежать встречи с охотниками из общины Гномов. С особой осторожностью Ши уложил камни Эльфов поглубже в карман. С тех пор, как камни помогли им в последний раз, никто не вспоминал о них, даже Алланон. Но тем не менее, Ши по-прежнему возлагал большие надежды на эти чудодейственные камни, которым подвластны любые превращения. И он еще глубже затолкал в карман бесценный кожаный мешочек с камнями Эльфов.

На расстоянии нескольких ярдов, не спеша, собирался в дорогу Менъон. Его охотничья экипировка была превосходной: свободный костюм охотника почти одного цвета с пестрой травой и бурой землей, высокие кожаные охотничьи ботинки с мягкой, но прочной подошвой, которые позволяли этому опытному охотнику и следопыту передвигаться быстро и осторожно. Эти ботинки обладали еще одним замечательным свойством: они не оставляли характерных следов, что было необычайно ценно для любого охотника и следопыта. На поясе свободно висел огромный острый меч; его лезвие холодно поблескивало в лучах утреннего солнца в ожидании предстоящих сражений. Через плечо он перекинул удобную дорожную сумку и колчан со стрелами — его любимое оружие на охотничьих тропах.

Балинор был одет в знакомый длинный охотничий плащ с капюшоном, который свободно облегал его высокую статную фигуру. Лицо было скрыто под капюшоном. Под плащом была одета металлическая кольчуга, которая поблескивала на солнце, когда Балинор широко разводил руки. На поясе он также носил длинный охотничий нож и такой громадный меч, какого Ши не видел в своей жизни. Этот меч был столь огромен и страшен, что, казалось,

одного слабого удара или взмаха было достаточно, чтобы сразить наповал любого исполина. Широкие полы охотничьего плаща тщательно скрывали его. Уже прошло довольно много времени, когда, наконец, появился Алланон в сопровождении двух стройных эльфов. Поздоровавшись, Алланон вкратце познакомил всех с главными вехами предстоящего пути. Путешественники должны были пересечь Серебряную Реку и затем оказаться в стране, которую населяли Гномы. От реки маршрут пролегал на север через Аннарские леса в направлении гор, которые располагались за ними. Алланон полагал, что их отряд труднее будет окружить, если они пойдут этим путем. Важно, чтобы об этом не знал лорд Уорлок. И уж само собой этот Властитель Тьмы ничего не должен был знать о цели их путешествия. В противном случае, они — обречены. Они решили передвигаться только в дневное время, когда легко затеряться или слиться с травой и листвой, в лесах и на горах. Ночные переходы были бы чрезвычайно рискованными, так как в ночном мраке набирают свою мощь силы зла и эмиссары лорда Уорлока в лице носителей изображения Черепа смогут обнаружить их. Ночное путешествие будет, вероятно, неизбежным лишь тогда, когда им придется идти через равнины, где просто не будет возможности найти надежное укрытие ни днем, ни ночью.

Что касается представителя от общины Карликов, то они направили опытного военачальника Генделя, того самого молчаливого, но вспыльчивого карлика, который спас Меньона от смертоносных чар Сирены. Гендель и повел весь отряд на этом участке пути, который был ему знаком лучше, чем всем остальным. Почти не отставал от него Меньон. Он шел быстро и осторожно, отдавая карлику роль главного проводника, но его большие шаги иногда невольно опережали уверенную поступь опытного Генделя. И тогда Меньон деликатно пропускал вперед Генделя. Сразу за ними шли двое эльфов. Их легкие грациозные фигурки безо всякого труда и усилий быстро передвигались по тропе. Они о чем-то переговаривались на ходу, и Ши мог поклясться, что в их тихих музыкальных голосах звучала обнадеживающая и радостная уверенность. За спиной оба несли большие колчаны со стрелами. На них не было плащей, лишь старинные свободные одежды покрывали их стройные фигуры. За эльфами следовали Флик и Ши, а сразу за ними тяжело, но уверенно ступал мрачный Алланон. И замыкал шествие

Балинор. Флик и Ши, оба сразу, сообразили, что подобная расстановка не случайна. Разместив братьев в центре идущих, путники создали тем самым для них максимальные условия безопасности. И, если понадобится, их будет легче защитить. С одной стороны, Ши был глубоко тронут заботливым отношением друзей к нему и желанием оградить его и брата от грозных опасностей, но, с другой стороны, его гордое самолюбие было уязвлено при мысли, что все считают его неспособным полностью защитить себя или противостоять опасности. Однако решение было принято, и ему следовало подчиниться.

Вскоре путешественники дошли до Серебряной Реки, переправились через нее в самом узком месте по толстому длинному бревну, которое они использовали в качестве моста. На протяжении всего пути участники похода молчали, внимательно поглядывая по сторонам. Время от времени они поднимали взоры в сторону уже видневшегося густого леса. До сего времени путешествие проходило довольно гладко: земля была ровной и надежной, а деревья и кустарники не мешали продвижению вперед. А вокруг простирался лесной край, загадочный и огромный. Солнце еще не давало полного сияния. Оно лишь посылало свои первые лучи сквозь тяжелые ветви деревьев, которые весело шумели, словно пробужденные стыдливými, медлительными и вкрадчивыми лучами. Рой мелких перистых облаков украшал поднебесье, а лучи солнца наполняли их нежными огнями. С каждой минутой все ярче и ярче горели облака, то отливая золотом или пурпуром, то посылая на землю светлое утреннее сияние. С недоступной высоты обильно изливались потоки радостной жизни. Ярко блестела изумрудная трава, вся в серебристых каплях росы, сверкали алмазные капли на листьях деревьев, цветы раскрывали свои нежные лепестки и источали благовонные ароматы. Трава под ногами была влажной и мягкой от утренней росы, и это обстоятельство тоже радовало путников, так как шум их шагов приглушался. Воздух был свежим и бодрящим. Перистые яркозеленые побеги папоротников нависали над лесными ручьями, полными чистой студеной воды. Без умолку трещали в высокой траве кузнечики и прочие насекомые, стучали по деревьям дятлы, с ветки на ветку порхали проснувшиеся птицы. Все вокруг было полно жизни. И путники шли вперед.

Первый день путешествия прошел без происшествий. Путники устроились на ночлег под раскидистыми ветками величественных деревьев. Это было к северу от Серебряной Реки и Кульхавена. Гендель — единственный из всех — мог сказать точно, где они находятся, и Алланон стал немедленно уточнять их местонахождение и придумывать дальнейший маршрут. Путникам пришлось довольствоваться холодным обедом, так как они боялись, что яркий огонь может привлечь внимание. В целом у всех было хорошее настроение, завязался приятный разговор. Ши воспользовался моментом, чтобы поговорить с двумя эльфами. Это были двоюродные братья Эвентина, которых Алланон пригласил в это путешествие как представителей королевства Эльфов. Алланон втайне надеялся, что эльфы тем или иным образом помогут им завладеть Мечом Шаннара. Это были братья, старшего звали Дурин — этот стройный тихий житель Западных земель чем-то напоминал самого Ши, — а младший был Дэйел, застенчивый симпатичный юноша, на несколько лет младше Ши. Его мальчишеская, почти детская непосредственность резко выделялась на фоне более взрослой публики, особенно Алланона, Балинора и Генделя. Дурин рассказал, что его брат оставил королевство Эльфов за несколько дней до женитьбы на прекрасной девушке. Ши с трудом верилось в то, что Дэйел собрался жениться в столь юном возрасте. И вообще трудно было понять, почему молодого человека направили сюда накануне женитьбы. Было странно, что все члены отряда сидели и спокойно беседовали.

Уже позднее вечером Ши, подойдя к Балинору, поинтересовался у него, почему же все-таки молодого человека заставили оставить невесту накануне свадьбы и отправили сюда. Принц Каллахорна улыбнулся и, отметив про себя сходство Ши с эльфами, стал говорить о том, что в те дни, когда стране угрожает опасность, не дело думать о личных интересах. Однако в конце Балинор все-таки упомянул о том, что, кроме патриотических мотивов, руководимых Дэйелом, он прибыл сюда по просьбе короля. Балинор также поведал о том, что Гендель уже давно ведет жестокие бои с гномами, защищая свою родину. Выбор пал на него ввиду того, что он необычайно опытный и умелый военачальник на всех Восточных землях. Дома у него остались жена и дети, которых он не видел уже восемь недель, и теперь увидит Бог знает когда. С этими словами Балинор отошел,

а затем направился к Алланону для того, чтобы обсудить какие-то важные дела. Ши вернулся к Флику и братьям-эльфам.

— Ты не скажешь, что все-таки за человек этот Эвентин? — спросил Флик у Дурин. — Мне уже довелось слышать, что его считают величайшим из королей Эльфов и высоко почитают этого человека. Но что он за человек в действительности?

В ответ на этот вопрос Дурин неожиданно широко улыбнулся, а Дэйел весело засмеялся, настолько забавным ему показался вопрос.

— Что мы можем сказать о нашем собственном кузене? — с улыбкой воскликнул Дурин, но через мгновение заговорил вполне серьезно: — Он — великий король, хотя, как говорят другие монархи, слишком молод для королевского престола. Он обладает редким даром предвидения и очень много делает для людей. Он пользуется любовью и уважением всего народа Эльфов. Все эльфы беспрекословно слушаются Эвентина и безгранично доверяют ему. Старейшины нашего Совета предпочитают держать страну в изоляции от проблем других стран и общин, считая это самым правильным путем развития. Ошибочная теория! Эти же старейшины сейчас боятся войны. И только Эвентин придерживается другой позиции. Он полагает, что единственный путь избежать войны, которой они так опасаются, — это выступить первыми и обезглавить вражескую армию.

Все это время Меньон молча сидел на другой стороне раскинувшегося небольшого лагеря и внимательно слушал всех говорящих.

— Скажите нам, что вы знаете о Мече Шаннара? — неожиданно обратился он к братьям-эльфам.

— Фактически очень мало, — последовал ответ Дэйела, хотя для нас это не просто легенда, это скорее история, имеющая непосредственное отношение к Эльфам. Меч Шаннара — это своего рода гарантия или надежда для всего народа Эльфов, что им, наконец, перестанут угрожать мистические создания из мира, который не в силах понять простой смертный. Считалось, что после окончания Второй Войны Рас мистическая угроза исчезла, тем более, что все потомки рода Джерла Шаннара ушли в могилу, а о существовании Ши никто долгое время не подозревал. Семья Эвентина, то есть наша семья, пришла к власти около ста лет назад. Все это время Меч покоился на алтаре в замке Паранор, практиче-

ски забытый всеми. О Мече Шаннара вспомнили лишь недавно.

— В чем же сила Меча? — продолжал настаивать Меньон, понимая, насколько важно знать истинную правду об этих вещах.

— Признаться, не знаю, как ответить на твой вопрос, — последовал неспешный ответ Дэйела. При этом, вопросительно посмотрев на Дурина, Дэйел смутился и опустил голову. Спустя мгновение, он добавил:

— Очевидно, это знает только Алланон.

И они все, не сговариваясь, просмотрели в сторону Алланона, который о чем-то сосредоточенно говорил с Балинором поодаль от них. Дурин повернулся к братьям и Меньону и произнес:

— Нам очень повезло, что у нас есть Ши, наследник рода Шаннара. Он сможет узнать тайну этого Меча, и с его помощью мы разгромим лорда Уорлока прежде, чем он успеет развязать войну в надежде уничтожить нас.

— Да, но все это возможно лишь в том случае, если мы завладеем Мечом, — быстро внес поправку юный потомок рода Шаннара. Дурин понимающе кивнул и улыбнулся Ши, желая подбодрить его.

— Все это так, однако некоторые вещи не поддаются логическому объяснению. Мы не должны действовать вслепую, — твердо проговорил Меньон и отправился искать поблизости место для ночлега.

Наблюдая за его движениями, Ши поймал себя на мысли о том, что он полностью согласен с жителем высокогорья. Действительно, в их познаниях всей этой истории еще так много белых пятен! И сейчас, как никогда, ему показалась тщетной и призрачной сама надежда заполучить Меч. И Ши чувствовал, что Меньон придерживается такого же мнения. Однако оба прекрасно понимали, что сейчас не время отчаиваться. Как бы то ни было, они должны проникнуть в замок Паранор.

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, весь отряд уже был в сборе и вскоре вышел на тропу. Всех вел осторожный и проницательный Гендель. Опытный карлик повел их по тропам, которые пролегали под густой сенью высоких деревьев. Листва почти скрывала их. Было ясно, что путники ступали по тропам Аннарских лесов. Вскоре тропа стала петлять и теряться, вместо густой травы появилась голая, выжженная солнцем земля, из чего можно было сделать вывод, что они приближались

к горной местности. Им предстояло пересечь горные пики вдоль центральных Аннарских лесов, откуда они должны были выйти на равнины, а оттуда уже лежал прямой путь к замку.

По мере своего продвижения почти все члены отряда стали испытывать нарастающее волнение. Им казалось, что из-за густой листвы за ними следят хитрые и злые глаза гномов. Путешественники все ближе и ближе подходили к области, которую населяли Гномы. Невозмутимым оставался один Гендель: видимо, он так хорошо знал местность, что пока не видел особых признаков опасности. Шли они сосредоточенно и молча, опасливо поглядывая по сторонам. В любой момент можно было ожидать внезапного нападения со стороны коварных гномов.

К полудню тропа оборвалась, и ноги путников гулко застучали по твердой скалистой почве. Они стали подниматься вверх. Деревья совсем поредели, и сквозь них ясно проступало полуденное небо. Оно было высоким и спокойным. Белая гряда облаков медленно проплывала по небесной лазури. Лучи солнца стали жаркими, они беспощадно высвечивали все редкие затененные участки местности. Впереди уже появились скалы, за ними беспорядочно громоздились острые горные вершины, что свидетельствовало о том, что путешественники вплотную подошли к южной части гор. Чем выше они поднимались, тем прохладнее становился воздух. С каждой минутой было все труднее дышать. После нескольких часов восхождения отряд вышел на плато и почти вплотную подошел к очень густому лесу, в котором сухие, почти лишенные хвои сосны росли так близко одна к другой, что, казалось, лес состоял из бесконечного ряда голых стволов. Невозможно было что-либо разглядеть на расстоянии двадцати-тридцати футов. Станный, почти безжизненный лес простирался на несколько сот ярдов во всех направлениях. Выбрав ровное место, Гендель остановился, подозвал Меньона и, указывая на возвышающиеся впереди скалы, начал что-то выяснять. Алланон дал всем знак собраться в круг.

— Нам предстоит переход через Волчьи горы, где вряд ли ступала нога человека. Место — не самое лучшее для проживания, — стал тихо объяснять Гендель. — Мы выбрали этот маршрут, потому что именно здесь мы меньше всего рискуем натолкнуться на охотничий патруль гномов, столкновение с которым может пере-

расти в кровавую битву. Говорят, Волчьи горы населены существами из других миров. Может быть, это шутка, но...

— Ближе к делу, — вмешался Алланон.

— Ситуация такова, — нахмурился Гендель. — Минут пятнадцать назад мы были замечены разведчиками гномов. Одна или две фигуры мелькнули в листве деревьев. Они уже могут быть вокруг нас, а может, это случится позднее. Все равно этот факт остается бесспорным. Меньон ясно видел их. Рано или поздно они сообщат, что мы находимся здесь. Поэтому мы должны торопиться.

— Хуже того! Я слышал, как эти разведчики говорили, что основные силы гномов где-то совсем близко.

— Может быть и так. Кто знает... — задумчиво произнес Гендель. — Этот лес простирается еще на милю вперед, потом опять начнутся скалы, и мы вплотную подойдем к ущелью под названием «Ловушка», которое служит входными воротами в Волчьи горы. Мы вынуждены идти этим путем. Любой другой маршрут займет еще несколько дней, а у нас очень мало времени.

— Довольно рассуждений, — раздался рассерженный голос Алланона. — Надо быстрее идти вперед. Если мы доберемся до ущелья, гномам будет уже сложно выследить нас. Сразу за ущельем начинаются горы.

— Дай Бог, чтобы это было так, — встревожено проронил Флик.

И путники пошли вперед. Высокие стволы стояли так близко друг к другу, что казалось, весь лес опутан этой частокольной сетью почти безжизненных деревьев, которые из последних сил тянулись к высокому небу. Путники шли, бросая осторожные взгляды по сторонам. Но их пристальным взорам открывались лишь бесконечные ряды древесных стволов. Впереди быстро и уверенно шел Гендель. Они прошли ярдов сто, и вдруг Дурин сделал знак остановиться, поднес палец к губам и стал внимательно оглядываться по сторонам, то и дело нюхая лесной воздух.

— Дым! — воскликнул Дурин в страшном волнении. — Они подожгли лес!

— Я ничего не чувствую, — сказал в изумлении Меньон, втягивая ноздрями смолистый воздух.

— У тебя нет такого острого и тонкого обоняния, каким обладают Эльфы, — уверенно произнес Алланон. — Дурин, ты можешь сказать, в какой стороне горит лес?

— Я тоже чувствую запах,— раздался удивленный голос Ши, который был сам поражен остротой собственного обоняния. Никогда прежде юноша не замечал этого.

На какое-то мгновения Дурин остановился, пытаясь определить, откуда все-таки идет этот запах дыма.

— Пока не могу определить. У меня такое ощущение, что они подожгли лес сразу в нескольких местах. Если это так, огонь молниеносно распространится по всему лесу.

Помедлив секунду, Алланон командовал всем продолжать быстрое продвижение к ущелью Ловушка. И весь отряд стал осторожно продвигаться вперед. Не прошло и нескольких минут, как вдали послышался гул. Этот странный гул нарастал и приближался. Вскоре все вокруг заволочло дымом. Из-за плохой видимости путники стали терять друг друга из виду. Исчезли Меньон и Гендель. Фигуры Ши и Флика то появлялись, то исчезали в сплошной дымовой завесе. И только исполинская фигура Алланона твердо, как скала, выделялась среди удушающего дыма, да легкие силуэты братьев-эльфов то тут, то там мелькали в густой пелене. Казалось, все путники были отгорожены плотной стеной, из-за которой слышался раздражающий кашель. Дым разъедал глаза, нос и горло. Дымовая завеса напоминала тяжелый смог, который упорно стоял в лесу и не собирался исчезать. Дышать становилось чрезвычайно трудно. Алланон тщетно вглядывался в эту странную дымовую стену: огня нигде не было видно. Вероятно, он еще был недостаточно силен и не мог распространиться по всему лесу. У Ши и Флика от едкого дыма из глаз полились слезы, стало нестерпимо жарко, как будто в лесу резко повысили температуру воздуха. Алланон приказал всем остановиться, и каждый замер на своем месте. Сам Алланон прислушался, и через мгновение из-за стены дыма появился Балинор.

— Ты был прав, они сгруппировались позади нас,— с трудом произнес он, хватая ртом воздух и задыхаясь. Слова были обращены к Алланону.— Позади нас подожжен весь лес. Похоже, они хотят заманить нас в ущелье. У нас теперь только один путь.

— Оставайся с ними и следи, чтобы они не потерялись,— быстро сказал Алланон Балинору.— Я попробую найти остальных.

И с поразительной для его возраста быстротой великий странник бросился вперед и тотчас же исчез за деревьями.

Балинор дал братьям знак неотступно следовать за ним, и все трое медленно пошли вперед, борясь за каждый вздох. Страшный кашель раздирал горло. И в следующее мгновение ужас сковал всех троих. Они задыхались; дрожь, точно при лихорадке, сотрясала каждый нерв, каждый мускул в их теле, они чувствовали, что глаза их вылезают из орбит, а к горлу подступает отвратительная пустота. К ним вплотную подступал огонь. Братья поняли, что они близки к гибели. Воздух был раскален. Стоял страшный треск. Позади них в языках пламени, с яростным шумом, судорожно извиваясь в огне и раскачиваясь, как безумные, шатались, падали деревья, а огонь продолжал бесчинствовать с неумолимой силой. Языки пламени приближались к ним. Каждая минута могла стать для них последней. Неистово кашляя и содрогаясь от ужаса, все трое пробирались вперед. Казалось, пламя охватило весь лес сверху до низу. Ши поднял глаза вверх, и ему стало жутко: горели верхушки огромных сосен, пламя, как бешеное, с треском перескакивало с одной сосны на другую, создавая над путниками высокий огненный полог. В этом было что-то сверхъестественное. И все трое поняли, что имели все основания благодарить судьбу за то, что они еще были живы.

И вдруг справа показались высокие скалистые выступы. Балинор велел немедленно перейти к этой каменной стене и идти вдоль нее. Так прошло несколько минут, по прошествии которых все трое увидели остальных участников путешествия, выбравшихся из-за стены горящих деревьев. Впереди была тропа, которая вела к скалистому ущелью под названием «Ловушка». И все путники стремительно направились к этому каменному лабиринту. А сзади них с треском полыхал лес.

— Они все рассчитали и вынудили нас выбрать этот путь. Иначе бы мы все сгорели в лесу, — прокричал Алланон сквозь шум и треск горящих деревьев. — Дурин, пройди вперед и осмотри вход в ущелье! Не устроили ли гномы нам засаду?

Молодой эльф молниеносно бросился выполнять приказание. С легкостью бегущей на водопад лани он добежал до скал и вскоре исчез на подступах к ущелью.

— Гномы — не дураки. Им нельзя отказать в хитрости и изобретательности. Они наверняка затевают что-то еще, и — бысь об заклад — это будет в самом ущелье. Ведь

не зря же они заманили нас сюда, — вслух рассуждал Алланон.

— Да, самое неприятное может случиться в том месте ущелья, которое носит название «Узел», — уверено подтвердил Гендель. — В этом месте ущелья тропа настолько сужается, что только один человек может пройти по ней. Частые скалистые пики окружают эту тропу с обеих сторон, а в этом месте они сливаются в одну сплошную каменную стену.

Алланон кивнул в ответ и задумался. Между тем Меньон, сказав что-то Балинору, быстро направился к скалистым выступам, ведущим к ущелью. С каждой минутой жар от полыхающих деревьев становился все нестерпимей, и путники были вынуждены подходить ближе и ближе к ущелью. Вокруг распространялся едкий клубящийся дым, и путешественники издали напоминали сомнамбул, которые витают в густой угарной пелене.

Прошло довольно много времени, когда, наконец, вернулись Меньон и Дурин. Сквозь полосу дыма путники смогли разглядеть, как Меньон тщательно обследовал почву у входа в ущелье; его высокая фигура резко выделялась даже сквозь густой дым. Меньон и Дурин подошли к друзьям почти одновременно.

— Там есть следы. Да, это явные отпечатки ног... Я обследовал все ущелье до самого узкого места. Никаких других признаков жизни нет. Все нетронуто.

— Да, вот еще что, — сосредоточенно произнес Меньон. — У входа в ущелье я обнаружил две пары четко различимых следов гномов. Одна пара следов говорит о том, что кто-то входил в ущелье, а вторая пара свидетельствует о том, что из этого ущелья вышел некто. Бесспорно одно: это следы гномов.

— Это значит, что кто-то из гномов проскочил в ущелье раньше нас, потом вышел из него и затаился где-то поблизости, — с явной досадой сказал Балинор. — Да, одно то, что они побывали там раньше нас, говорит о...

— Сейчас не время рассиживаться и вести дискуссии, — резко оборвал его Алланон. — Мы можем только предполагать. Итак, Гендель и Меньон идут впереди, все остальные занимают свои прежние места.

И осторожная процессия начала продвижение вперед. Они тщательно осматривали каждый скалистый выступ, каждый булыжник, каждый бугорок неровной каменистой почвы. Подвоха можно было ожидать откуда угодно. Ши

краем глаза осмелился посмотреть назад и сразу заметил исчезновение Алланона. Через несколько минут он появился, после чего сразу же исчез Балинор. Ши пришел к выводу, что они решили вести попеременное наблюдение за оставшимся позади горящим лесом. Теперь уже было ясно, что им уготовлена ловушка. Весь вопрос в том, какого рода и формы будет этот капкан. Пока для всех это оставалось загадкой...

Тропа вела вверх на протяжении ста ярдов, затем начала постепенно сужаться и, в конце концов, стала настолько узкой, что пройти по ней мог только один человек. Несмотря на то, что бдительная осторожность ни на минуту не покидала путников, их мучили тяжелые предчувствия. Флик шел вперед, охваченный безумной тревогой. Его сердце бешено колотилось. За ним шел Ши. Безотчетный, суеверный страх окончательно овладел душой юноши. Его еще совсем недавно крепкий дух сейчас был объят немым смятением. Между тем по мере их продвижения вперед шансы на успех становились все меньше и меньше. Ши не знал, какое расстояние от входа обследовал Дурин, но, скорее всего, он не дошел до того злосчастного места под названием «Узел». И почему это место получило название «Узел»? В растревоженном сознании Ши один за другим возникали вопросы, на которые никто не мог дать ответ. Он чувствовал, что в данной ситуации нестерпимей всего была неизвестность, и это наполняло все его существо гнетущим ощущением неминуемой беды. Впереди раздавалось прерывистое дыхание Флика. Все путники шли крепкой, неразрывной цепочкой, страхуя друг друга и помогая преодолевать коварные неровности каменной тропы. Со всех сторон их окружали скалистые стены ущелья.

Тем временем тропа стала такой узкой, что путники вынуждены были идти боком. Внезапно процессия остановилась. Сзади раздалось гневное ворчание Алланона, который хотел знать, в чем дело, и пытался пройти вперед. Однако сделать это на таком узком участке пути было почти невозможно. И вдруг впереди забрезжил слабый луч света, и невероятно узкий проход стал расширяться. Еще несколько десятков ярдов — и путники вышли на широкую площадку, со всех сторон окруженную каменными уступами. Подозрительно ярко светило солнце.

— Не нравится мне это, — тихо проговорил Гендель. — Похоже, они все-таки заманили нас в ловушку.

Через минуту все путешественники стояли на широком каменистом плато, которое начиналось у самого выхода из ущелья и простиралось на несколько десятков ярдов вперед. Ши и Флик в нетерпении побежали вперед и, приблизившись к краю скалистого уступа, с ужасом увидели огромную широкую расщелину, а подойдя еще ближе, они поняли, что гномы направили их к пропасти. Даже в лучах солнечного света пропасть была бездонной. Снизу доносились странные рокошущие звуки. Путники невольно содрогнулись от этих звуков, в которых было столь мало земного. От одного созерцания этой бездны кровь леденела в жилах. Поистине, это была одна из тех страшных картин ада, которая бы повергла в полное отчаяние самого лихого смельчака. Глухой обреченностью веяло от этой жуткой разверзшейся бездны. Каменистое плато, ведущее прямо к обрыву, казалось, было специально задумано для изощренной ловушки. Справа и слева возвышались громадные скалистые уступы. Восемь пар глаз с надеждой смотрели на каменные стены, но они лишь сверкали на солнце отшлифованной поверхностью, всем своим неприступным видом показывая путникам тщетность их усилий. Перед путниками открывались два пути: один — обратно в ущелье и в горящий лес, другой — броситься в неведомую пучину. Все попытки перебраться через расщелину, минуя пропасть, представлялись абсурдными. На другом конце расщелины болталось что-то похожее на веревку или канат, вернее остатки от них, и жалкие куски дерева, отдаленно напоминавшие деревянный мост.

— Гномы неспроста разрушили этот мост! — произнес Меньон. Его лицо выражало крайнюю степень досады. — Они поймали нас в ловушку, поставив перед выбором: погибнуть в лесу или броситься в бездонную пропасть. Для того, чтобы погубить нас, им даже не пришлось идти за нами следом. Теперь они будут спокойно ждать, пока мы все тут умрем с голоду. Как глупо...

Меньон был вне себя от отчаяния. Все остальные члены отряда тоже были раздосадованы тем, что так глупо и нелепо позволили гномам поймать себя. И вместе с тем, все хорошо понимали, что всякие терзания бесполезны. Алланон подошел к краю пропасти, внимательно посмотрел в ее бездонные глубины и затем обратил взор на характер местности по ту сторону расщелины, в надежде найти способ перебраться через страшную бездну.

— Будь эта расщелина уже или если бы здесь было больше места для разбега, возможно, я смог бы перепрыгнуть через эту чертову бездну, — с надеждой сказал Дурин. По приблизительной оценке Ши это расстояние составляло около тридцати пяти футов, и юноша в сомнении покачал головой. Будь это даже самый лучший прыгун в мире, представлялось маловероятным, чтобы он одним прыжком мог преодолеть такое расстояние.

— Послушайте! — внезапно воскликнул Меньон, бросившись к Алланону и указывая рукой в направлении севера. — Что вы скажете о старом дереве на скалистом утесе слева? А?

Все с радостью проснувшейся надежды посмотрели в сторону, куда указывала рука Меньона Леа. Радость сменилась недоумением, когда они, ничего не понимая, посмотрели на дерево, которое росло слева по ту сторону пропасти. Это старое полузасохшее дерево с корнями, уходившими под каменистую почву на сотни ярдов, с голыми полумертвыми ветками, сплошной массой свисавшими книзу, напоминало гигантский засушенный экспонат из древних веков. В этом дереве еще были крепкие жизненные силы, и Меньон полагал, что это единственное дерево может сослужить им хорошую службу.

— Если я пушу стрелу в ствол этого дерева, а к стреле привяжу крепкую толстую веревку, то веревка закрепится на дереве, и кто-нибудь из нас, разбежавшись, сможет, держась за эту веревку, перепрыгнуть на ту сторону пропасти, — на одном дыхании проговорил принц Леа, держа наготове колчан со стрелами.

— До дерева более ста ярдов, — прикидывая в уме все за и против, отозвался Алланон. — К этому еще следует добавить вес веревки, привязанной к стреле, и тогда получится, что этот выстрел должен делать лучший в мире стрелок, причем стрела должна войти в ствол достаточно глубоко, чтобы выдержать тяжесть человеческого тела. Вряд ли это нам под силу.

— Надо пробовать. Это лучше, чем заживо погибнуть здесь. Мы должны помнить о Мече Шаннара, — буквально вскипел Гендель. Его широкое лицо стало красным от гнева.

— Я придумал, — вдруг нерешительно начал Флик. Все с удивлением обернулись и посмотрели на жителя Долины, будто его давно не было и сейчас он, наконец, объявился.

— Ну, ну! Скорей рассказывай! — последовал нетерпеливый взволнованный голос Меньона. — Что ты придумал, Флик?

— Среди нас есть отличный стрелок, — Флик выразительно посмотрел на Меньона, — он может пустить стрелу с привязанной к ее концу веревкой — прямо в оставшуюся часть деревянного моста. И мы все вместе попробуем натянуть веревку и, насколько возможно, восстановить мост. Надо только найти, чем ее закрепить на этой стороне.

— Неплохая идея! Думаю, что стоит попробовать, — быстро согласился Алланон. — Но кто...

— Я могу это сделать, — последовал стремительный ответ принца Леа.

Алланон кратко кивнул в ответ, а Гендель протянул Меньону толстую канатную веревку, которая незамедлительно была привязана к стреле. Второй конец веревки Меньон крепко закрепил у себя на поясе. Затем он не спеша натянул лук и прицелился. Все члены отряда замерли. От этого мгновения будет зависеть их спасение. Вздых облегчения испустили все путешественники, когда мимо них со свистом пролетела большая острая стрела с привязанной к ней веревкой и резко пронзила деревянный корпус зашатавшегося моста.

— Хороший выстрел, Меньон! — воскликнул Дурин и дружески похлопал по плечу жителя высокогорья, после чего Меньон облегченно вздохнул и улыбнулся.

Таким же образом еще несколько стрел было послано в деревянный каркас болтающегося моста, и вскоре общими усилиями веревки были натянуты, и деревянный мост, хотя и не полностью, был протянут через пропасть. Теперь уже можно было думать о переправе на другой край расщелины. Однако трудность состояла еще в том, что для успешной переправы необходимо было держать веревки в натянутом состоянии, то есть кто-то должен обязательно оставаться по эту сторону бездны. Вопрос в том, что будет с ним, когда он окажется последним и страховать будет некому... И друзья решили подыскать, с помощью чего можно закрепить веревки. С трудом все вместе они сдвинули огромный, почти в человеческий рост валун, подложили под него натянутые концы веревок, идущих от моста, и водворили эту громаду на свое место. Каменная глыба намертво придавила веревки. Путники, чуть дыша, в страшном волнении, друг за другом, шаг за шагом, осторожно ступали по подвесному мосту. Внизу

зияла страшная пропасть. Мост скрипел и раскачивался. При одном взгляде вниз у путников занимался дух, сердца бешено колотились, градом катил пот. Еще несколько шагов, и Дурин первым вступил на землю по ту сторону пропасти. Немного спустя все члены отряда, обессиленные от необычайных волнений, напряжения и страха, в изнеможении сидели на земле, которая простиралась за еще недавно казавшейся непроходимой бездной. Было великим чудом и одновременно результатом почти нечеловеческих усилий то, что путешественники благополучно переправились через бездну. За несколько минут до переправы Балинор принес весть о том, что уже горит лес у входа и что отряд гномов, вероятно, будет вынужден войти в ущелье и может скоро оказаться возле них. Между тем Алланон, Гендель и Меньон, взмахнув мечами, отрезали мост от того берега расщелины, где они находились. И обрубленный мост какое-то время держался на веревках из-под огромного камня на противоположной стороне, потом сорвался и упал в черную бездну. Теперь уже никто не сможет последовать за ними, так как было невозможно перейти зияющую расщелину.

Между тем путникам надо было торопиться и поскорее скрыться из виду. В любой момент могли появиться гномы и послать в них свои ядовитые стрелы. Однако перед тем, как покинуть это злосчастное место, Алланон ласково посмотрел на Флика, улыбнулся и сказал:

— Сегодня, мой друг, ты блестяще подтвердил свое право быть полноправным членом этой необычной экспедиции — и это право много выше, чем просто родство с братом.

Он резко повернулся и дал знак Генделю идти вперед. А Ши посмотрел на счастливое лицо Флика и почувствовал гордость за брата. Флик, действительно, заслужил право идти бок о бок со всеми к общей цели — право, которое случай еще не предоставил Ши, да и предоставит ли вообще...

Глава 11

Шло время. Отряд смелых и мужественных путешественников прошел уже десятки миль по заповедным тропам Волчьих гор. Алланон решил, что уже пора сделать привал. Далеко позади осталось ущелье Лову'икэ, исчезла опасность нападения гномов, теперь друзья двигались по

глухим лесам и гористой местности. Они шли быстро, уверенно ступая по широким и ясным тропам — на их пути не было особенных препятствий. Свежий горный воздух приятно охлаждал щеки, а ласковые лучи теплого полуденного солнца внушали успокоение и надежду. Гористая местность встречалась редко — в основном, путники шли лесом. И сквозь густой полог зеленых деревьев лишь иногда поблескивали снегом на солнце горные пики, которые были, по всей видимости, еще далеко. И, хотя это была дикая, необжитая земля, ничто здесь не указывало на грозящую путникам опасность. Статные, могучие стволы дубов и вязов величественно раскинули вверх свои роскошные зеленые кроны. Лучи солнца играли в яркой зелени орешника и остролиста. Вверху, в голубом поднебесье, а также высоко на деревьях весело пели птицы, радуясь ясному дню и ласковому солнцу. Дул легкий ветерок. Лес тихо шумел, и было что-то надежное и успокаивающее в этом негромком ровном гуле. В высокой душистой траве раздавалась трескотня насекомых, мелькали в траве и на ветках маленькие безобидные зверьки. Все вокруг жило, пело и радовалось бытию. И друзья, всем своим существом переживая совершенную гармонию окружающего, убедились в правильности выбранного пути в замок Паранор.

— Мы устроимся здесь на ночлег. Нужно поспать хотя бы несколько часов, — произнес великий путешественник. — Рано утром я намерен оставить вас. Хочу проверить, нет ли где в Волчьих горах следов лорда Уорлока и его эмиссаров. Раз мы выбрали путь через эти горы и южную окраину Аннарских лесов, нам неизбежно придется пересечь равнины, которые простираются перед замком Паранор. Если эти дьявольские создания или их пособники блокировали проход в замок, нам придется изменить маршрут. Я должен выяснить это как можно скорее.

— Ты пойдешь один? — спросил Балинор.

— Думаю, что это будет разумнее всего. Я не подвергаюсь большой опасности, и для меня гораздо важнее знать, что вам ничего не угрожает. Гномов не так-то легко провести. Наверняка сейчас охотничий отряд гномов рыщет повсюду, желая убедиться: живы мы или нет. Гендель сможет вести вас не хуже, а я догоню вас где-нибудь на пути к равнинам.

— Каким путем ты пойдешь? — В лице Генделя была явная озабоченность.

— Полагаю, что Нефритовое Ущелье надежнее всего. На своем пути я буду оставлять куски материи — точно так же, как мы делали раньше. Красный цвет будет означать опасность. Белый будет говорить о хорошем состоянии дел.

Стояла безлунная ночь. Небо над вершинами сосен стало переливаться холодными огнями. Свет ночных звезд слабо освещал землю. В лесу была тишина. Только в густых кустарниках и перелесках изредка кричали спросонок какие-то птицы. Воздух был свеж и прохладен. Путники устроились на ночлег в небольшой ложине, со всех сторон окруженной скалистыми выступами так, что эти каменные заграждения хорошо защищали их. Им вновь пришлось съесть холодный ужин, поскольку разжигать огонь было рискованно. Гендель устроился на ночлег, заняв позицию наблюдателя и верного стража этого отважного отряда. Спали по очереди — на неприятельской территории это было более чем разумно. Разговор после ужина не клеился, и каждый, кто получал возможность вздремнуть, сейчас же проваливался в глубокий сон. Путешественники изрядно устали.

Ши захотел быть в числе первых наблюдателей, страстно желая поскорее внести ощутимый вклад в общее дело. Он уже не раз был свидетелем того, что члены отряда рисковали своей жизнью, оберегая его, Ши, а у него, между тем, еще не было яркой возможности проявить собственное мужество и бесстрашие. На протяжении двух последних дней изменилось отношение Ши к самому походу в замок Паранор. Только теперь он стал осознанно понимать, насколько это важно — получить легендарный Меч, какая тесная связь между жизнью людей в четырех землях и этим Мечом, какие страшные последствия ожидают человечество, если его, Ши, убьют, а Меч попадет в руки лорда Уорлока. В его воображении всплыли ужасные картины появления дьявольского создания с изображением Черепа. Он содрогнулся лишь при одном воспоминании, сколько раз это исчадие ада, как гигантский коршун, кружило над ним и Фликом. Кровь стыла в жилах, когда это мерзкое чудовище намеревалось камнем упасть на свою жертву. И они с Фликом имели все основания благодарить судьбу за то, что она не раз отводила от них страшный удар. Ши только теперь по-настоящему осознал свое предназначение, свою миссию, свою кровную принадлежность к роду Джерла Шаннара, и это одно-

временно наполняло его гордостью и тревогой за то, сумеет ли он выполнить возложенную на него миссию. На его пути возникли не только опасные угрозы, испытания и препятствия. Ужаснее всего, что он лицом к лицу столкнулся с силой, могущественной и таинственной, истоки которой лежат за пределами разума и логики простых смертных. И, несмотря на это, Ши ни секунды не сомневался в том, что надо сделать все от него зависящее и получить Меч Шаннара, а отступить на полпути было бы жесточайшим предательством, недостойным ни Эльфа, ни Человека. Он отчетливо сознавал, что, если бы даже ему сказали о тщетности всех прилагаемых усилий, он бы все равно проделал этот трудный и рискованный путь в замок Паранор.

Вскоре вернулся Алланон, не сказав никому ни слова, лег и уснул в течение нескольких секунд. Истекли два часа на наблюдательном посту, и Ши уступил свое место Дурину. После полуночи подошел черед ночного дежурства для Флика, и тот увидел, как решительно и резко поднялась могучая фигура мудрого исполина, как он быстро расправил длинный походный плащ, надвинул на лицо темный капюшон и устрашающе выпрямился во весь свой огромный рост — все это было сделано на одном дыхании, в одном стремительном порыве, как будто наружу вырвался гигантский и мощный сгусток энергии. Все это невольно напомнило Флику ужас первой встречи с Алланоном на лесной тропе в Долине. На какое-то мгновение великан остановился, посмотрел на спящих, на безмолвно застывшего Флика и... не говоря ни слова, стремительно направился к тропе, ведущей на север. И в этот миг его поглотила ночная тьма.

Всю оставшуюся часть ночи Алланон провел в пути. Его огромная темная фигура с быстротой летящей тени неслась по нехоженным тропам. Казалось, этот мрачный великан парил над землей, лишь изредка касаясь ее ногами. Со стороны можно было подумать, что летит какая-то неземная субстанция, которая фиксирует каждый шорох и стук, видит, как сонно копошатся в норах живые твари, все замечает и анализирует. На самом же деле у Алланона было тяжело на душе. Все вокруг находились в полной уверенности в том, что Алланону известны вещи, о которых они узнают позднее. Все считали его идейным вдохновителем этого похода, верили в его неограниченные силы и возможности. Да, все это так! Но так

уж устроен человек, что рядом с гордым осознанием собственных сил и неограниченных познаний живет постоянное сомнение и недовольство собой, которое и заставляет человека постоянно совершенствоваться. Никому не мог признаться Алланон, что в глубине души, как камень на сердце, лежат у него печаль и тревога. И он совсем не был уверен в успешном завершении похода в замок Паранор. Но иного выхода нет. А идти надо только вперед! И снова его огромная мрачная фигура неслась по спящему лесу навстречу новым опасностям.

Золотые лучи предрассветного солнца коснулись верхушек деревьев, когда Алланон миля за милей продвигался по лесным чащам дикого леса. Тропа была едва различима, на дороге то и дело беспорядочно громоздились валуны, завалы из сухих деревьев и кустарников. Алланон сразу заметил, что эта часть леса была объята подозрительной тишиной. Все было погружено в безжизненное молчание; казалось, смерть уже побывала здесь и прикоснулась своим крылом к этой части земли. Между тем на тропе были отчетливо видны метки из белых лоскутков ткани. И, пожалуй, кроме разлитой вокруг зловещей тишины, ничто не предвещало опасность. Только каким-то шестым чувством можно было понять, что стоит за этим странным лесным молчанием. Алланон подошел к развилке тропы. Влево отходила широкая, хорошо протоптанная дорога, которая, по всей видимости, вела к большой долине. Об этом свидетельствовало то, что через несколько сот ярдов две могучие стены по обе стороны тропы расступались и впереди был виден большой просвет. Вторая тропа была еле различима, ее мимолетные просветы были едва видны. Эта узкая тропа вела к горному кряжу.

Внезапно маститый историк всем своим существом ощутил явное присутствие другого живого создания. Это странное существо залегло где-то слева на широкой тропе, ведущей к долине. Кругом было тихо: ни шороха, ни звука. Но Алланон безошибочно чувствовал присутствие создания, которое притаилось и ждало от него последующих действий. Быстрым движением Алланон достал два лоскутка, один — белый, другой — красный, и привязал красный кусочек материи к дереву, стоявшему у широкой дороги, а белый лоскуток прикрепил к ветке дерева, которое росло у узкой тропы, ведущей к горному кряжу. Выполнив эту задачу, он внимательно посмотрел вокруг

и прислушался. Ничто не нарушало тишины, ничто не предвещало явной опасности, и все же Алланон явственно ощущал присутствие зловещего существа на широкой тропе. Алланон прекрасно сознавал, что его собственные силы и скрытые возможности не идут ни в какое сравнение с силами этого создания, какое бы оно ни было. Не случайно это существо с самого начала заняло выжидательную позицию. Да, для него это создание, затаившееся поодаль, не представляло опасности, а вот для тех, кто пойдет по этой же тропе после него... Еще раз Алланон внимательно посмотрел на метки и, убедившись в том, что правильно их прикрепил, уверенно ступил на узкую тропу, и через минуту исчез в густых зарослях.

Спустя час странное существо осмелилось пошевелиться, ведь Алланон был уже далеко. Сознывая, что меряться силой с могущественным путешественником вряд ли имело смысл, это хитрое чудище выжидало, когда Алланон уйдет, и теперь, убедившись в собственной безопасности, решило действовать. Бросив пытливый взгляд на развилку тропы, существо довольно усмехнулось. «Как глупы и наивны стремления и действия людей! Вряд ли им помогут эти разноцветные метки... И стоило ли трудиться над тем, чтобы прикрепить их?» — подумало чудище. И, дьявольски захохотав, оно сделало гигантский бросок вперед и вихрем устремилось вдоль по тропе.

Между тем наступил рассвет. Из-за горных хребтов на востоке величаво поднялось утреннее светило и озарило нежным розовым светом все вокруг. Стояли те трепетные часы утреннего покоя, когда любой громкий звук или резкое движение вступали в грубое противоречие с тихой и прелестной негой, которая была разлита вокруг. С большим сожалением Балинор подошел к своим спящим спутникам и осторожно разбудил их. Путешественники проснулись быстро и, наскоро перекусив, были готовы отправиться в путь. В утреннем воздухе стояла прохлада, и все члены отряда ежились и потирали руки, безуспешно пытаясь согреться под первыми ласковыми, но еще холодными лучами солнца. Кто-то обнаружил отсутствие Алланона, на что Флик ответил, что после полуночи знаменитый историк исчез, ничего не сказав. Его неожиданный уход теперь уже мало кого удивлял, и спустя несколько минут об исчезновении Алланона забыли совсем.

И через полчаса все путешественники уже стояли на тропе и стали осторожно продвигаться к северу через густые дебри Волчьих гор. Шли медленно, почти молча, в том же порядке, что и прежде. Вел друзей по-прежнему Гендель. В мастерстве охотника и ловкости следопыта с ним мог соперничать только Меньон Леа, который с особой бесшумной грацией и ловкостью, присущей прирожденному охотнику, скользил по тропе и в мгновение ока преодолевал препятствия, которые неожиданно возникали перед ним. В глубине души Гендель испытывал истинное почтение к принцу Леа. Однако это не мешало ему сознавать, что Меньон Леа при всех его искусных навыках излишне горяч и недостаточно опытен, а здесь — в этих трудных условиях — нужны холодный ум, крепкая воля, осторожность и знание этих мест. Только в этом случае человек может остаться живым в этих лесах. Однако понимая, что практика иногда ценнее любой теории, Гендель уступал свою роль ведущего Меньону Леа и тщательно следил за тропой, где в любую минуту могли появиться нежелательные сюрпризы.

Одна деталь не замедлила привлечь внимание Генделя. Даже не бросившись в глаза остальным путешественникам, она сразу насторожила его. С особой тщательностью осматривая тропу на всем протяжении их пути, Гендель окончательно убедился в том, что на ней совершенно отсутствовали чьи бы то ни было следы, а следов Алланона вообще не было видно. Белые лоскутки исправно появлялись через определенные интервалы — внешне все выглядело спокойно и в полном соответствии с намерениями Алланона. Но все-таки чрезвычайно странным было то, что отсутствовали всякие, даже малейшие отпечатки следов! Генделю не раз приходилось слышать об экстраординарных способностях загадочного странника, но ему даже не приходило в голову, что человек может столь мастерски скрывать свои следы. Это весьма озадачило Генделя, но, решив не говорить о своих догадках, он молча шел дальше.

По странному совпадению Балинор, замыкавший процессию, тоже в эти минуты думал о великом историке и мыслителе из Паранора, чьи познания были столь велики и обширны, что подчас казалось невероятным, как мог человеческий мозг вместить такой громадный объем информации. Великий путешественник побывал всюду, во всех странах и на всех землях, и приходилось

только удивляться тому, как мало знали о нем до сих пор все окружающие. Сам Балинор слышал об Алланоне с самого детства, не раз видел его, но каждый раз его поражала загадочность облика этого человека. Казалось, он всегда был окружен таинственно-мистическим ореолом, проникнуть сквозь который было вне пределов досягаемости для смертного человека. Ученые мужи всех стран и народов почитали Алланона как величайшего ученого и философа, которому до сих пор не было равных, а его редкие способности путешественника, молодой азарт, невиданная сила и ловкость внушали неподдельное восхищение каждому, кто имел счастье встретиться с ним. Балинор неожиданно поймал себя на мысли о том, что на всем немалом протяжении знакомства с Алланоном в этом человеке ему никогда не удавалось заметить какие-либо возрастные изменения. Алланон всегда был в одном и том же возрасте! Балинор сознавал, сколь парадоксальный характер носит его наблюдение, но самое главное заключалось в том, что это действительно было так.

Между тем тропа, по которой шли путешественники, стала заметно сужаться, и густые деревья справа и слева сомкнулись вверху в один сплошной монолитный лиственный полог. Меньон придирчиво посматривал на заботливо укрепленные белые метки, но в душе у него — несмотря на эти белые отметины благополучия — бродили сомнения. Он с особой осторожностью поглядывал вокруг. Был уже полдень, когда путники подошли к тому месту, где тропа неожиданно раздвоилась. Меньон застыл в немом удивлении.

— Это более чем странно. Тропа раздвоилась, и на развилке нет ни одного опознавательного знака — не может быть, чтобы Алланон забыл об этом. Тут что-то не так... — тихим голосом произнес Леа. И тут Гендель все-таки заметил прикрепленные в странном месте полоски белой и красной материи.

— Да, определенно что-то случилось, — с тяжелым вздохом сказал Ши. — По какой же тропе нам следует идти?

Гендель стал внимательно обследовать почву. Недавно опавшие и еще совсем свежие листья и примятые сучья на тропе, ведущей к горному kraju, свидетельствовали о том, что кто-то прошел по ней. Тропа ниже была гораздо шире и хорошо протоптана. И на ней Генделю удалось заметить едва различимые отпечатки следов.

Более того, у него пока не было доказательств, но его не покидало ощущение того, что нечто опасное находится возле одной из троп.

— Не нравится мне это — что-то здесь неладно, — недовольно пробурчал Гендель. — Знаки перепутаны; не исключено, что это сделано намеренно.

Балинор подошел к Генделю, и они стали сосредоточенно обсуждать предстоящий маршрут к Нефритовому Ущелью. Гендель полагал, что тропа, расположенная ниже, является кратчайшим путем. Однако неизвестно, какой путь выбрал Алланон, и это намного усложняло дело.

— Мы все хорошо понимаем, что Алланон не мог пройти по этой тропе, не оставив определенные опознавательные знаки, — вмешался в разговор Меньон. — И мы должны отдавать себе отчет в том, что что-то случилось либо с Алланоном, либо с опознавательными метками — кто-то сознательно переместил их. Как бы то ни было, мы не должны бездействовать, а гадать сейчас бесполезно. Алланон сказал, что мы должны встретиться около Нефритового Ущелья. Итак, вперед! Я лично предлагаю выбрать нижнюю, более удобную тропу — это действительно кратчайший путь! А на знаки не будем обращать внимание.

Гендель подтвердил свою уверенность в том, что опознавательные знаки, скорее всего, подменены. Ши согласился с ним, признавшись, что уже давно почувствовал что-то недоброе в этих аккуратно прикрепленных метках. Еще некоторое время Балинор и другие члены отряда горячо обсуждали возможные варианты, и, наконец, все сошлись на том, что решили поддерживать Меньона Леа. Путешественники выбрали кратчайший маршрут, но договорились соблюдать крайнюю осторожность, пока не минуют эти опасные и таинственные места.

Было также решено, что во главе отряда пойдет Меньон. И путешественники, вступив на тропу, быстро и осторожно пошли по ней. Каково же было их удивление, когда тропа стала быстро расширяться, а плотно сплетенная стена деревьев и кустарников расступилась, открывая большую, широкую дорогу, которая, казалось, заманивала путников.

Через некоторое время взору путешественников предстала довольно странная конструкция. Размеры её были необъятны. Эта конструкция сурово возвышалась среди

деревьев и воспринималась как естественная часть леса. Ее гигантские мачты, покрытые вековой пылью и ржавчиной, наводили на мысль об огромном сооружении, которое некогда располагалось здесь. Все члены отряда, не сговариваясь, остановились, с опаской поглядывая на остатки монументальной конструкции. Но вокруг все было спокойно, разрозненные части конструкции безмолвно громоздились среди вековых деревьев. Вряд ли это была ловушка... Пытаясь успокоить себя, путешественники медленно шли дальше.

Вскоре дорога оборвалась, и перед ними предстали потемневшие от времени, покрытые ржавчиной металлические сооружения. Скорее всего, когда-то на этом месте был большой город, однако это было так давно, что уже все забыли об его существовании, как забыли о долине и горах, которые некогда окружали его. И только громадные металлические исполины, наполовину изуродованные и чудом уцелевшие, являли собой молчаливое напоминание о когда-то существовавшей здесь цивилизации. Серо-коричневые, изъеденные дождем, сыростью и временем металлические конструкции, тем не менее, крепко стояли на своих каменных основаниях. В некоторых местах можно было видеть остатки стен. Смертным холодом веяло от голых мачт; пронзительно, будто взывая к памяти, тянулись к небу балки и металлические прутья. Невозможно было себе представить, что когда-то здесь был город, жили люди, которые любили, страдали, радовались и печалились. Что осталось от них? Кто и где хранит память об этом городе? Что осталось от этой цивилизации? Кругом царил мертвая тишина, и безмолвие этого ушедшего в небытие города, а может быть, и цивилизации, нарушали лишь звук шагов путешественников да мрачное завывание ветра. Друзей охватили тревожные мысли; их сердца сжались от невыразимого страха и сознания ничтожности, бренности человеческого бытия. В благоговейном молчании взирали они на это странное беспощадное свидетельство былой жизни.

— Что это за место? — тихо спросил Ши.

— Остатки какого-то города, — пожал плечами Гендель, повернувшись к юному жителю Долины. — Думаю, здесь никто не бывал уже несколько веков.

Балинор подошел к металлической балке, повел пальцами по ней, и тотчас плотным потоком с ее поверхности посыпались пыль, грязь и ржавчина, обнажив еще крепкий

и блестящий металл, указывая на то, что эта безжизненная и изуродованная, никому не нужная теперь конструкция еще хранила скрытые жизненные силы. Балинор нагнулся и стал внимательно рассматривать уцелевший фундамент, пытаясь найти какие-либо метки или указатели времени.

— Неужели этот город существовал еще до Великих Войн? — в изумлении воскликнул Ши. — В это невозможно поверить — должно быть, это самый старый город за всю историю существования человечества!

— Да, я припоминаю, что Алланон рассказывал нам о бывшей цивилизации, — задумчиво проговорил Меньон Леа. — Это действительно была великая эпоха. И просто непостижимо, что от всей этой жизни теперь осталась только груда ржавого металла...

— Может быть, нам стоит немного отдохнуть, прежде чем мы снова отправимся в путь? — предложил Ши. — Кроме того, я бы с удовольствием осмотрел здесь все. Это так интересно...

Балинор и Гендель не были склонны делать остановку, но тут же согласились при условии, что все будут держаться вместе, не теряя друг друга из поля зрения. Ши в сопровождении Флика тотчас же направился осматривать то, что осталось от бывших сооружений. Гендель сел и стал молчаливо ожидать той минуты, когда они, наконец, покинут эти металлические джунгли, находиться в которых для него было крайне неприятно — ему сразу представлялись его родные лесистые места... Гендель еще раз внимательно окинул взглядом всех своих спутников. На первый взгляд ничто не внушало опасений, все были заняты пытливым рассматриванием мертвого города и поиском каких-либо свидетельств ушедшей цивилизации. Но в самом воздухе, в этих застывших неживых останках было нечто зловещее, что напрямую ассоциировалось со смертью. От покосившихся металлических балок веяло смертным унынием, в напряженном воздухе застыло кладбищенское отчаяние. Не было ни одной живой птицы или следа насекомых. Генделю показалось, что с каждой минутой атмосфера вокруг сгущается: становилось все трудней и трудней дышать. Голоса стали хрипыми.

— Что-то здесь неладное, — проговорил Гендель и не расслышал собственный голос.

И как раз в это же время Флик заметил, как из-за фундамента стало выползать нечто огромное и белое,

невероятных размеров и неопишуемой формы. Флик застыл в ужасе и потерял дар речи. Неподалеку от него Ши с упоением обследовал разрушенные фундаменты и ничего не замечал. Между тем белое существо выпустило вперед свои многочисленные конечности разного размера, которые напоминали огромные отростки. Флик отважился подойти ближе. К горлу подступила тошнота. Недавнее благостное настроение сменилось удушающим отчаянием. Чем дальше, тем сильнее била его необоримая дрожь, а сердце сначала заныло, а потом бешено застучало, предчувствуя страшную опасность. Трепет пробежал по жилам Флика, когда в свете дня он увидел, что странные отростки представляют собой не что иное, как кости. Еще больше повеяло могильным холодом и обреченностью...

И через минуту из своего укрытия выползло белое многоногое чудовище устрашающих размеров, похожее на кошмарное видение. Это жуткое создание, по всей видимости, являлось мутацией или симбиозом живого и механического организмов и могло привидеться лишь не иначе, как в страшном сне. Скрюченные конечности поддерживали тело, представляющее собой металлический каркас, на котором каким-то чудом росло мясо, покрытое густой шерстью. Голова, напоминавшая диковинное насекомое, судорожно болталась на металлической шее. Под огромными, как светофоры, глазами росли отвратительные щупальцы, заканчивающиеся жалом. Гигантские челюсти лязгали от голода. Это чудище, созданное людьми другого времени и предназначенное служить их нуждам, выжило, пережило гибель своей цивилизации. В процессе выживания за много веков оно подверглось мутациям и эволюционировало в монстра, питающегося человеческим мясом, полностью утратив те свойства, которыми наделили его создатели. По-видимому, монстр считал Флика беззащитной жертвой и приготовился к нападению. Бросившись вперед, существо нанесло ему лапой мощный удар и повалило на землю. Ближе всех к нему в этот момент находился Ши. С диким криком он бросился на помощь Флику, выхватив охотничий нож и размахивая им перед мордой разъяренного монстра. Страшное существо, очевидно, не ожидало такого поворота событий, оставило свою жертву, находившуюся в бессознательном состоянии, и полностью переключилось на нового противника.

С неведомой ему самому и невероятной для его хрупкой фигурки яростью и отвагой Ши ударил острым ножом по одному из отростков монстра.

— Не делай этого, Ши... — умоляюще закричал Меньон, но было уже поздно. Дикое бешенство овладело монстром. Его громадное уродливое тело содрогнулось, и с ужасным скрежетом выдвинулась длинная лапа, нога или кость — независимо от названия, это было леденящее душу зрелище, — и казалось, через мгновение эта конечность прижмет Ши к земле. С невероятной ловкостью Ши увернулся от занесенной над ним конечности и несколько раз ударил ножом по вытянутым отросткам чудовища. Все это произошло так стремительно, что путешественники, находящиеся на некотором расстоянии, не сразу включились в ответную борьбу. А между тем разъяренный монстр, изрыгая чудовищные звуки, в неистовстве выбросил вперед свои заостренные смертоносные конечности и, вытянув мерзкую голову, приготовился схватить Ши, который как раз в этот момент пытался оттащить Флика в сторону. Еще секунду, и чудовище резким взмахом костяной лапы прижало Ши к земле. Все вокруг смешалось в едином пылевом вихре, прежде чем все остальные успели подключиться к этому отчаянному поединку. Гендель никогда прежде не видел столь яростного и гигантского, как мамонт, создания, которое веками вынашивало планы, как нападать на беззащитную жертву и уничтожать ее. Карлик дальше всех находился от места, где разыгрывались устрашающие события, и стремительно бросился на помощь юному жителю Долины. Все остальные поступили таким же образом. И в следующее мгновение три стрелы с резким свистом пролетели в воздухе и одновременно вошли в тело извивающегося монстра. Судороги сотрясли тело чудовищного создания, его лапы-отростки конвульсивно сжимались, готовые схватить новую жертву. Из пасти вырывались языки пламени и жуткий скрежет. Чудовище выдвинулось вперед и на мгновение застыло в ожидании рокового поединка. И его вызов не остался без ответа. Меньон Леа, держа в руках огромный фамильный меч, стремительно ринулся навстречу взбешенному монстру. «Леа! Леа!» — звучал в ушах Меньона боевой клич тысячелетий, когда он бежал, перепрыгивая через разрушенные стены и фундаменты, чтобы сразиться с кошмарным чудовищем. Балинор тоже выхватил свой меч и устремился на помощь жителю высокогорья. Дурин и Дэйел направили длинные стрелы в голову гигантской бестии, после чего она взвыла, но, перевернувшись на бок, изловчилась и вынула, вернее каким-то образом вытряхнула эти стрелы из своей толстой

кожи. Меньон, приблизившись к дьявольскому созданию, со всей силой ударил мечом по ноге монстра, которая находилась ближе всего к нему, и почувствовал, как металл со звоном ударился о толстую кость. Едва не обезумевшее от ярости мерзкое создание повернулось, чтобы напасть на Меньона, но неожиданно получило сильный удар в голову — это Гендель использовал свою недюжинную силу. И через мгновение перед чудовищем уже стоял Балинор, бесстрашно раскрыв обтянутую кольчужой грудь и обнажив меч. Нанеся серию страшных и сокрушительных ударов, принц Каллахорна повредил чудовищу вторую ногу. Мерзкая бестия в неистовстве извивалась, пытаясь кошмарными челюстями и устрашающими конечностями схватить кого-либо из нападающих и в мгновение ока лишить его жизни. Все вокруг оглашалось отчаянными криками нападавших и шумными ударами мечей. Эти мощные удары сыпались один за другим, ибо было необходимо если не прикончить чудовище, то заставить его сдвинуться с места и освободить почти бездыханные тела Ши и Флика. Дурин и Дэйел безостановочно направляли длинные стрелы в мощное тело монстра. Многие из них ударялись и отскакивали от металлического каркаса, другие же со свистом вонзались в мясистые участки туловища, приводя это дьявольское создание в жуткое состояние, близкое к помешательству. Тем не менее, отвратительная бестия отвешивала направо и налево страшные удары своими тяжелыми костяными отростками, и один из таких ударов настиг Генделя, в результате чего карлик на несколько мгновений потерял сознание. Однако Балинор продолжал наносить один за другим сокрушительные удары по всем конечностям монстра, тем самым не давая ему возможности обратить внимание на упавшую жертву.

Наконец, град стрел, которые посылали Дурин и Дэйел, почти полностью лишил зрения правый глаз монстра. Страшная красно-черная вязкая жидкость ручьем полилась из поврежденного глаза. Истекая кровью и корчась в страшных муках от многочисленных ран, чудовище, видимо, сознавало, что битва проиграна, и для того, чтобы сохранить жизнь, надо было немедленно исчезнуть. Сделав немыслимый изворотливый прыжок назад, чудовище, все в крови, издавая жуткие, душераздирающие звуки, стало медленно отползать в лес. Несколько минут Меньон и Балинор яростно размахивали мечами перед

носом жуткого чудовища, заставляя его побыстрее уползти прочь, но потом бросились к лежащим на земле Ши и Флику. Оба жителя Долины лежали без движения на сырой земле и казались совершенно бездыханными. Все путешественники в волнении склонились над юношами. Гендель тщательно обследовал их, обнаружив несколько легких ран и сильные ушибы, однако все кости были целы. Трудно было сделать какие-либо заключения относительно внутренних повреждений. Оба получили сильнейшие удары монстра: Флик — в шею, Ши — в область плеча; в этих местах были разорваны кожные покровы и запеклась кровь. И вдруг всех осенило! Яд! Яд проник в кровь, поэтому оба жителя Долины находились в бессознательном состоянии, кожа их была мертвенно-бледная, дыхание и пульс едва прослушивались.

— Я не смогу вылечить их, — обеспокоено заявил Гендель. — Надо поскорее доставить их к Алланону. Он здорово разбирается в этом и, вероятно, сможет им помочь.

— Но они не умирают? На самом деле это только яд? — в отчаянной мольбе прошептал Меньон Леа.

Гендель кивнул в подтверждение этого, и воцарилось гнетущее молчание. Через несколько минут Балинор решил, что пора действовать. Он приказал Дурину и Меньону приготовить прочные носилки для Ши и Флика. Дэйелу было поручено наблюдать за окрестностями на тот случай, если израненный монстр надумает вернуться. Прошло минут пятнадцать-двадцать, когда носилки были сколочены и тела юношей бережно положили на эти носилки, закрыв их одеялами, чтобы защитить от холода приближающейся ночи. Вскоре все путешественники были готовы идти дальше. Впереди по-прежнему шел Гендель, все остальные осторожно следовали за ним. Они быстро миновали руины мертвого города и вскоре вышли на тропу, которая вела к долине. На мрачных лицах путников застыло выражение боли, досады и глубокого огорчения. Они начинали путь все вместе, в полном здравии, а теперь, несмотря на яростное сопротивление, получили жестокий удар. Двое юных жителей Долины были почти бездыханны, и всех путешественников не покидало чувство вины за то, что они не уберегли их. Путников мучили тревожные опасения и мрачные предчувствия. Сумеет ли Алланон вылечить юношей? Судя по из состоянию яд обладал громадной токсической силой. Как долго будет продолжаться действие этого ядовитого вещества? В сознании путешественников то и дело возникали подобные вопросы,

и они шли вперед, охваченные горьким ожиданием и безумной тревогой.

Они довольно быстро прошли через долину и продолжали путь дальше по ровной широкой тропе, над которой молчаливо склоняли свои пышные, раскидистые ветви высокие деревья. Их мысли были всецело сосредоточены на раненых юношах. А вокруг все вернулось на круги своя, и путники слышали знакомый шум леса, приветное пение птиц, жужжание насекомых — все те обычные и вместе с тем радостные признаки живой природы, которые вселяют уверенность и дают надежду. Гендель был глубоко погружен в размышления. Его острый глаз, ясное сознание и чутье охотника четко фиксировали любое изменение ландшафта. Одно он не мог понять до сих пор: почему Алланон дал им знак идти этой дорогой. Однако он отчетливо сознавал, что великий историк оставил им правильные ориентиры и это либо силы провидения, либо коварство того страшного существа направили их по ложному пути. Он с досадой покачал головой, бесконечно виня себя за то, что не разгадал сразу хитрые происки дьявольской бестии. Как жестоко поплатились они за эту ошибку! И карлик затопал ногами, обрушивая на себя яростный гнев.

Между тем время шло. Путешественники все еще шли по расхожей лесной тропе. Вокруг стояли могучие деревья и гулко, как океан, шумели своими зелеными раскидистыми кронами. Яркие лучи полуденного солнца нежно золотили всю верхнюю часть леса, и, казалось, над головами путников было волшебное золотое свечение. Стоял чудесный день. Солнце щедро разливало свои благодатные лучи на прекрасную спокойную землю. И путники шли вперед, испытывая лишь единственное и глубокое огорчение по поводу того, что не уберегли двух юных участников похода. Было пройдено довольно большое расстояние, когда день начал медленно угасать. Окрашенные ярким багрянцем, длинной грядой пламенели облака. В лесу на деревьях лежали розовые и красные тени. Вечерело. И внезапно предзакатное буйство красок кончилось: небеса потемнели, и солнце не спеша закатилось. Стал густеть сумрак. Повеяло ночной прохладой. Однако в планы путешественников не входило останавливаться на ночлег. Они должны были спасти жизни двух юных жителей Долины и как можно скорее доставить их к Алланону. Медлить было нельзя. Все как один прекрасно понимали это.

Перед наступлением ночи путники все же решили немного передохнуть. Устали и онемели руки тех, кто нес носилки с Ши и Фликом, ведь дорога была отнюдь не гладкая. Гендель решил переложить обязанности ведущего на Дэйела, который до этого нес носилки с Фликом и изрядно выдохся. Оба жителя Долины были все еще без сознания; завернутые для тепла в одеяла, они лежали с померкшими серыми лицами, и жизнь едва-едва теплилась в них. Гендель пощупал их пульс и обнаружил его слабое биение. Разгоряченный Меньон до сих пор не мог успокоиться и простить себе допущенные просчеты и ошибки. Все внутри у него кипело, он страстно мечтал взять реванш.

После короткого привала путники продолжили свой путь. Небо было высоким и чистым. Из-за далеких холмов величаво встал полный месяц. Холодно сверкали рассыпанные по небу серебристые звезды. Месяц не давал нужного света, и путешественники с опаской шли вперед по темной неровной тропе. Гендель занял место Дэйела у носилок Флика, а молодой стройный эльф, используя поразительные способности, которыми его одарила природа, и свои высокоразвитые органы чувств, повел друзей вперед. Карлик опять с упрямой настойчивостью размышлял о том, сколь необходимы были бы теперь правильные метки, которые должен был оставить Алланон. Именно теперь, как никогда прежде, от этого зависела жизнь жителей Долины, которых надо было как можно скорее доставить к великому путешественнику. Сейчас время решало многое. Погруженный в мрачные раздумья, Гендель не сразу заметил два высоких пика, которые неожиданно появились слева на фоне ясного ночного неба. Несколько мгновений спустя он с очевидной ясностью понял, что они вплотную подошли к Нефритовому Ущелью.

И в это же самое время Дэйел объявил, что тропа разделилась на три дороги. Гендель поспешно сказал, что путь к ущелью лежит через тропу, ведущую налево. Не теряя ни минуты, путники двинулись по этой тропе, которая вела к двум высоким пикам. Ободренные тем, что был виден конец пути, путешественники ускорили шаг и уже предвкушали долгожданную радость от встречи с Алланоном. На носилках по-прежнему без движения лежали Флик и Ши, но уже на подступах к ущелью путники с облегчением заметили легкие движения их тел под одеялами. Все это время в них шла яростная,

отчаянная борьба между жизнью и смертью. И то, что они, наконец, зашевелились, — было хорошим признаком, по мнению Генделя. Значит, их организм еще способен бороться за жизнь. Он повернулся к своим спутникам, чтобы сказать им это, но с удивлением увидел, что все смотрят на мерцающий свет между пиками. Тотчас же его острый слух уловил тяжелые звуки отдаленного барабанного боя и низкий гул разноголосья, раздававшийся из того места, где был источник света. Балинор дал команду всем остановиться и послал Дэйела разузнать, что там происходит.

— Что это? — обеспокоенно спросил Меньон.

— Трудно сказать определенно на столь значительном расстоянии, — задумчиво произнес Дурин. — Похоже, что стучат барабаны, а люди громко разговаривают или поют.

— Это гномы, — с ужасом произнес Гендель.

Продвигаясь вперед, они увидели, что возле ущелья горели костры и факелы, а шум издавали несколько десятков барабанов и оживленные, подчас громкие голоса людей. Нефритовое Ущелье, расположенное между пиками, предстало перед путешественниками, а два высоких пика напоминали величественные колонны у входа в это ущелье. У Балинора не было твердой уверенности в том, что это были гномы. По логике вещей, они должны были бы затанцевать и, подпустив их ближе, обрушиться на них. Здесь же, наоборот, царило всеобщее оживление, и, казалось, никто не собирался уходить в засаду или нападать. Шум барабанов и гулкие голоса громко разносились по всему лесу. Путешественники решили остановиться и посоветоваться, что им предпринять дальше.

— Что здесь происходит? — с тревогой спросил Балинор у Генделя, когда все путешественники собрались в укрытии.

— На таком расстоянии невозможно сказать ничего определенного, если, конечно, не обладать телепатической способностью чтения мыслей, — с нарастающим раздражением ответил карлик. — Судя по тембру голосов это — гномы, но слова различить нельзя. Я предпочел бы пройти вперед и все выяснить на месте.

— Нет! Нет! Не делай этого... — быстро вмешался в разговор Дурин. — Это надлежит сделать эльфу, а не карлику. Я двигаюсь быстрее и тише, чем ты, и скорее почувствую опасность.

— В таком случае, пойти должен я,— предложил Дэйел.— Я двигаюсь быстро и совсем незаметно, кроме того, я самый миниатюрный среди вас. Я скоро вернусь.

Не дожидаясь согласия, он исчез в темноте прежде, чем кто-либо успел возразить. Дурин обеспокоено смотрел в сторону темного леса, куда только что убежал его брат. Все присутствующие увидели в его глазах глубокую тревогу за него. Дурин понимал, что, если в действительности в Нефритовом Ущелье находятся гномы, они заметят его и не выпустят оттуда живым. Гендель досадливо поморщился и сел на траву около дерева. Оставалось одно: терпеливо ждать возвращения Дэйела и в случае необходимости сразу прийти ему на помощь. Между тем Ши начал стонать, двигать руками и ногами и совершать небольшие движения всем телом; одеяло сползло на землю. Флик делал движения точно такого же рода, хотя и менее выраженно. К ним подошли, погладили обоих по голове, поправили одеяла, и вскоре братья затихли. А все путешественники с тревогой смотрели в сторону ущелья, их мучили тревожные предчувствия. Что же это все-таки за существа, которые блокировали вход в Нефритовое Ущелье? Ведь рано или поздно им все равно придется сразиться с ними. Тянулись бесконечно длинные минуты ожидания. Наконец, из темноты появился Дэйел.

— Ну что, это гномы? — раздался поспешный вопрос Генделя.

— Сотни гномов,— мрачно ответил Дэйел.— Они заполнили все пространство перед входом в Нефритовое Ущелье. Повсюду горят костры и факелы. Должно быть, у них какая-то праздничная церемония. Но хуже всего то, что они все сосредоточились у входа в ущелье. И ни одной душе не удастся проникнуть в ущелье незамеченной.

Он с минуту помолчал, посмотрел на распростертые тела братьев и продолжал:

— Я обследовал вход в ущелье, в том числе и пики. Невозможно проскользнуть в ущелье, минуя гномов. Они заманили нас в ловушку!

Глава 12

Сообщение Дэйела повергло всех присутствующих в крайнее волнение. Меньон резко вскочил на ноги, выхватил меч и поклялся идти до конца: выстоять или

погибнуть. Рассудительный Балинор всячески пытался охладить его пыл или, по крайней мере, успокоить молодого принца. Однако сделать это было совершенно невозможно. Поднялся страшный шум: одни члены отряда горячо поддерживали Меньона Леа, другие настаивали на выжидательной позиции. Одним словом, страсти разгорелись настолько, что Генделю пришлось изменить направление общей дискуссии. Буквально перекрикивая присутствующих, он спросил Дэйела, что его больше всего поразило из увиденного около входа в Нефритовое Ущелье, и после краткого диалога с ним громко призвал всех к вниманию.

— Вожди гномов и военачальники тоже присутствуют на этой церемонии, — начал Гендель. — Сюда съехались все священники и члены совета местных деревень на особую церемонию, которая проводится раз в месяц. Они прибыли на рассвете и молятся, славят бога, чтобы он спас и сохранил их от зла. Церемония продлится всю ночь, а к утру... может быть уже поздно думать об оказании помощи нашим юным друзьям.

— Вот так Гномы! — возбужденно воскликнул Меньон. — Они опасаются зла, которое может быть в этих местах, и в то же время являются пособниками злодеев из Королевства Черепов! Хороши бестии! Не знаю, как остальные, — лично я не собираюсь сдаваться этим недалеким и злым созданиям!

— Меньон, да никто и не собирается сдаваться, — снова сделал попытку уговорить принца Балинор. — Наша задача — пройти вперед. И мы не отступим от этого!

— Интересно, как это будет выглядеть в действительности? — Гендель вопросительно посмотрел на Балинора. — Мы что, пройдем прямо через строй гномов? Или — еще того лучше — полетим по воздуху?

— Подождите! — неожиданно воскликнул Меньон и склонился над распростертым телом Ши в поисках маленького кожаного мешочка с чудодейственными камнями Эльфов.

— Нам помогут выбраться отсюда камни Эльфов, — объявил он, не сводя глаз с мешочка, где лежали магические камни.

— Он сошел с ума! — всплеснул руками Гендель в ужасе глядя, как Меньон раскачивает на ладони заветный мешочек.

— Это бесполезно! Камни не будут действовать! — тихо, но многозначительно произнес Балинор. — Только

в руках Ши камни обладают магической силой или способны проявить свои свойства. Кроме того, однажды Алланон сказал мне, что камни следует применять лишь в том случае, когда физические возможности человека исчерпаны и требуется вмешательство или покровительство потусторонних, магических сил. Они лучше всего проявляют свои свойства, будучи направленными против существ, которые сами обладают мистическими силами. А Гномы, созданные из плоти и крови Человека, вполне земные существа, не имеющие отношения к воображаемому, духовному или мистическому миру.

— Я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду. Но я твердо знаю одно: эти камни обладают сверхъестественной силой. Я сам был тому свидетелем. Эти камни спасли нас, воздействуя на Болотный Призрак... — Меньон растерянно оглядел присутствующих. В его глазах застыло отчаяние. Поистине нелегко пережить момент, когда рушится последняя надежда. — Что же, должно быть, ты прав, Балинор. Камни следует положить на место. Но я не знаю больше ничего другого, что можно было бы предпринять в нашей ситуации.

— Выход все равно должен быть! — Дурин сделал шаг вперед, намереваясь сделать заявление: — Нам необходимо выработать план: как отвлечь внимание гномов и незаметно проскользнуть в Нефритовое Ущелье.

Меньон радостно воспринял предложение Дурина, не понимая, однако, как в реальности сделать так, чтобы их не заметили несколько тысяч гномов. Балинор несколько минут хранил молчание, в то время как остальные шумно обсуждали возможные варианты проникновения в ущелье. Гендель — это было похоже на черный юмор — вызвался проникнуть в самую гущу гномов и сдаться им в плен. Гномы будут торжествовать: ведь в их руках окажется человек, которого они все эти годы хотели уничтожить. Их радости не будет конца, и они забудут обо всем остальном. Меньону понравилась шутка Генделя, и он предложил себя вместо карлика.

— Довольно болтовни! — строго сказал Балинор. — Мы должны выработать план, как пробраться в Нефритовое Ущелье, минуя многолюдные заслоны гномов. И действовать надо как можно скорее, если мы хотим вылечить наших юных друзей. Какова ширина ущелья?

— Около двух сотен ярдов в том месте, где сконцентрировано наибольшее число гномов, — ответил Дэйел. Он минуту помолчал, потом добавил:

— С правой стороны ущелье совершенно открыто, а слева растут небольшие деревья и кустарники, которые могут служить для нас неплохим прикрытием.

— Вот еще что,— вмешался Гендель.— Нефритовое Ущелье — достаточно широкое, и по нему может пройти маршем целая армия. Но попытка проскользнуть тайком или под каким-либо слабым прикрытием — равносильна самоубийству. Гномы через минуту обнаружат нас.

— И сейчас же начнут обследовать все вокруг,— поспешил добавить Балинор. В эту минуту его лицо стало необычайно серьезным. Все поняли, что он хочет сообщить нечто очень важное. Он опустил на колени и нарисовал на земле контуры ущелья.

— Из этого рисунка видно, что над ущельем проходит скалистая поверхность. Местами горный склон, который как бы служит крышей Нефритового Ущелья, становится совсем гладким и лишенным растительности, но у самого входа в ущелье по склону как раз расположены кустистые заросли. Они будут встречаться и дальше и помогут нам укрыться. Итак, мы осторожно поднимаемся на склон и идем вперед, скрываясь в густых зарослях. Ущелье находится под нами. Мы идем до тех пор, пока не достигнем критической точки.— И Балинор обеспокоенно указал пальцем на точку, которая на его эскизе изображала открытую скалистую поверхность и отсутствие каких-либо деревьев или кустарников.— И здесь, на открытом пространстве, нам будет нужна помощь, иначе в мгновение ока гномы заметят нас, схватят и растерзают на куски.

Балинор внимательно всматривался в глаза друзей, и, видит Бог, в эти минуты он страстно желал иметь другой план или возможность уйти от гномов без жертв. Он опустил голову, не решаясь изложить следующий пункт своего замысла. Прошла минута напряженного молчания. В глубине души Балинор понимал, что он вряд ли имеет право склонять людей к самопожертвованию, беря тем самым на себя слишком большую ответственность. Однако, с другой стороны, у них не было времени прорабатывать другие варианты безопасного и скорого продвижения вперед. Оба жителя Долины находились на грани смерти, лишь тонкая ниточка связывала их с жизнью. А впереди была великая цель — завладеть Мечом Шаннара и избавить народ четырех земель от распрей и военных конфликтов. Эта цель была поистине столь благородна

и важна, что цена их собственных жизней уже не имела большого значения в сравнении с этой надеждой человечества. И Балинор решился.

— Нам потребуется мастерство самого искусного стрелка на всех южных землях. Думаю, этот человек — Меньон Леа. — Житель высокогорья с удивлением посмотрел на Балинора, услышав это неожиданное заявление. Его глаза радостно вспыхнули, он был не в силах скрыть приятное чувство гордости.

— Меньон должен будет сделать один выстрел, только один выстрел. Если он промахнется, мы все погибнем, — многозначительно произнес Балинор.

— А дальше, что же дальше? — с беспокойством спросил Дурин.

— Мы пойдем по верху ущелья, скрываясь в зарослях, однако, как только мы выйдем на открытую местность, Меньон должен прицелиться в одного из военачальников Гномов и одной стрелой поразить его. Тут возникнут общее замешательство, шум, паника, которые помогут нам проскользнуть вперед до следующего укрытия.

— Минутку-минутку, мой друг, — шумно запротестовал Гендель. — Как только стрела пронзит военачальника Гномов, они немедленно бросятся на розыск безумца, который осмелился выступить против них. И нас очень быстро найдут.

Балинор покачал в ответ головой, на его губах блуждала легкая улыбка.

— Нет, гномы едва ли обратят на нас внимание, они будут целиком заняты другим человеком. Как только военачальник Гномов падет от стрелы Меньона, кто-нибудь из нас должен стремительно ринуться вглубь ущелья, увлекая за собой разъяренную толпу гномов. Это настолько злой и свирепый народ, что они с дикими воплями бросятся за этим человеком и немедленно постараются свести с ним счеты. Думаю, осматривать местность в поисках неприятеля они не станут, видя перед собой близкую и реальную добычу.

Все присутствующие затаили дыхание. План был блестящим по замыслу, но жестоким. В глазах путешественников появилась тревога. Все они дорожили друг другом и не хотели никого терять.

— Звучит красиво, однако не для того человека, который предоставит себя на растерзание гномам, — покачивая головой, иронично заметил Меньон. — И кто же сделает этот отчаянный шаг, равносильный самоубийству?

— Это мой план,— твердо произнес Балинор.— И никто другой, а только я сам должен отвлечь внимание гномов. Я постараюсь ускользнуть от них и чуть позже присоединюсь к вам на окраине Аннарских лесов.

— Ты глубоко заблуждаешься, если полагаешь, что я разрешу тебе это сделать,— горячо заявил Меньон.— Мне предстоит сделать выстрел, значит, и все последующие шаги, вытекающие из этого, должны остаться за мной.

Балинор было попытался возразить Меньону; но его опередил Гендель, который решительно выступил вперед, подняв руку в знак полного несогласия.

— Это очень хороший замысел, и наша задача помочь его осуществить. Вы представляете, что значит сразиться или отразить атаку нескольких тысяч гномов. Человек, который способен выстоять в этой ситуации, должен быть, по крайней мере, рожден в лесах или долинах, а потому должен знать натуру и повадки Гномов, уметь бороться с ними и постараться выжить. Человек слишком далек от племени Гномов — и по своему рождению, и по складу мышления, и по образу жизни. Эту роль надлежит выполнить Карлику, обладающему опытом военных столкновений с Гномами. Из всего сказанного следует, что пойду я.

Кроме того,— мрачно добавил Гендель,— я уже говорил вам, как горячо они хотят заполучить мою голову. Они не упустят случая свести со мной счеты за все.

— Нет, Гендель, нет,— решительно запротестовал Меньон.— Я обязан выполнить свою миссию до конца...

— Гендель прав,— коротко оборвал спор Балинор. Все посмотрели на него в изумлении.— Выбор сделан. У Генделя наилучшие шансы выжить. Да хранит его бог!

Он повернулся к коренастой сильной фигуре карлика, подошел к нему, протянул свою руку и широко улыбнулся. Все члены отряда тепло попрощались с Генделем, пожелав ему удачи в столкновении с гномами. И через несколько минут отважный карлик исчез. Стук барабанов и оживленные голоса гномов гулко раздавались в лесу.

— Завяжите рты Ши и Флику. Если они закричат, никто не должен слышать их,— приказал Балинор. Оба эльфа и Меньон были поражены столь неожиданной командой, однако беспрекословно выполнили распоряжение Балинора. Оба жителя Долины были привязаны

к носилкам. И спустя несколько мгновений все четверо были готовы немедленно отправиться в путь.

Впереди ярко горели ритуальные костры гномов. Говорят, это был день, когда небесные светила предвещали удачу. Потому с неистовым упорством шептали гномы свои молитвы над священным огнем алтаря, умоляя бога даровать им силу и хранить их от зла. По всей земле разнесся слух о великом жертвоприношении вблизи Нэфритового Ущелья, и отовсюду прибыли к алтарю гномы. Много добра было роздано всем пришедшим, однако основным содержанием ритуального праздника было страстное чтение молитв. Жрецы прославляли своих военачальников, просили бога защитить их от злых чар и наделить их необоримой силой. Под звуки труб собравшиеся гномы воспевали хвалу богу; в молитвенном экстазе тысячи гномов склонялись перед священным алтарем, распевая гимны во славу бога. Поднятые вверх руки, опущенные головы, торжественное выражение глаз — все это создавало атмосферу важности и неповторимости момента. Искреннее возбуждение, охватившее народ Гномов, поддерживалось хриплым ревом труб, ритмичным звучанием барабанов и протяжными песнопениями жрецов. Вся толпа была охвачена единым религиозным экстазом настолько, что не замечала ничего вокруг. Даже дети и животные поддались общему настроению. Пламя костров бросало на темную толпу красные и оранжевые блики, которые придавали особую торжественность происходящей церемонии. Ритмичная дробь барабанов, мерцающий свет костров, возбужденные лица и громкие песнопения — все это создавало некую священную ауру вокруг поклоняющейся божеству толпы, способствовало созданию особого молитвенного настроения. Мощный торжественный хор голосов звучал слитно и громко: можно было подумать, на площади собрались все представители племени Гномов. Сила воздействия молитвы была такова, что практически вся толпа отключилась от внешнего мира. Для участников этого молитвенного собрания исчезло все окружающее, они полностью сосредоточились на своих внутренних переживаниях. Толпа находилась как бы под воздействием наркотика. Перед их мысленным взором разворачивались феерические картины общения с Богом. Окружающая природа способствовала этому настрою. Озаренные багровыми отблесками костров скалистые пики, окружавшие святилище, вздымались вверх, похожие на огромные священные обелиски.

Между тем все четверо, держа носилки с жителями Долины, неуклонно продвигались вперед и вскоре вступили на лесистую часть склона, который служил крышей для Нефритового Ущелья. Кусты и деревья скрывали отчаянных путешественников, но сердца их замирали все больше по мере этого опасного продвижения. Меньон, подойдя к самому краю склона, с ужасом совсем близко увидел тысячи маленьких фигурок, охваченных молитвенным экстазом. Он отшатнулся, им овладел нестерпимый страх, но не за себя, а за несчастного Генделя, который вот-вот попадет в руки этих неистовых фанатиков. Меньон закрыл глаза; его пылкое воображение рисовало мрачные картины жестокой расправы над карликом.

Некоторое время путники осторожно шли лесом, и вдруг Балинор возвестил о том, что впереди — десятки ярдов открытой скалистой местности, вслед за которой начинаются густые Аннарские леса. Таким образом, настал тот решительный момент, когда все участники отряда — в большей или меньшей степени — должны были проявить себя.

— Мы желаем тебе удачи. И надеемся, что жертва Генделя не будет напрасной, — обнадеживающе сказал Балинор и положил на плечо Меньона свою большую руку.

Взоры взволнованных путешественников были обращены к Меньону, который неспешно, сохраняя полное присутствие духа, достал свой колчан со стрелами, приладил к тетиве стрелу и... В этот самый момент Меньон со всей очевидностью понял, что ему надлежит убить человека без видимых на то причин. Искусный охотник и бывалый воин, он ни разу не дрогнул перед лицом опасности, десятки раз попадая в рискованные и отчаянные ситуации. Горячность натуры, молодой пыл много раз помогали ему смело отражать натиск опасных врагов или животных. Однако все это было продиктовано конкретными целями: это всегда был бой, поединок, сражение, где Меньон всегда с честью выдерживал испытание, уготованное ему судьбой. А сейчас предполагалось, что он выстрелит в совершенно безоружного человека, хотя и неприятеля, когда тот меньше всего ожидает нападения. Собственный воинский кодекс чести не позволял Меньону Леа выстрелить просто так.

— Ты должен сделать это, — раздался грозный шепот Балинора; его глаза пылали яростной решимостью.

Дурин со страхом смотрел на мрачное лицо принца Леа, который был поставлен перед выбором. Дэйел, со всей юношеской незащищенностью чувств, трепетно вглядывался в статную фигуру отважного жителя высокогорья.

— Я не могу убить человека таким путем, даже если это спасет нам жизнь... — покачал головой Меньон.

Вновь воцарилось тягостное молчание. Лица друзей горели, руки дрожали от неодолимого волнения.

— Я сделаю это, — наконец тихо произнес принц Леа и осторожно посмотрел вниз, где буйствовала религиозная вакханалия гномов. — Но сделаю это по-другому.

Ничего более не объясняя, Меньон подошел к краю склона, поднял свой лук и выпустил из него стрелу, сверкающую, как жезл Смерти. С тонким звоном, быстрее ветра стрела пронеслась перед глазами путешественников и в миг оказалась в самой гуще неприятельского стана. Все четверо осторожно посмотрели вниз, надеясь — за исключением Меньона — увидеть, что военачальник Гномов забился в предсмертных муках. Каково же было их удивление, когда на их глазах стрела Меньона насквозь пронзила продолговатый священный сосуд, который держал в руках один из военачальников Гномов. Раздался мощный взрыв, сосуд разлетелся на мельчайшие куски, и в воздух взвился горячий огненный вихрь, который, подобно смерчу, подбрасывал вверх красные, оранжевые, малиновые угли и горящие частицы священного сосуда. Сумасшедший фейерверк обрушился на головы участников религиозной церемонии. Гномы оцепенели от ужаса. Они восприняли это как знамение Божье, и оружие выпало у них из рук. И в следующий момент, пока гномы находились в необъяснимом мистическом шоке, Меньон достал вторую стрелу, приладил ее к тетиве, прицелился и выстрелил. Подобно молнии стрела унеслась вдаль и пронзила тело военачальника Гномов. Раздался истошный вопль, и путники, даже не смотря вниз, поняли, что стрела достигла цели. На какое-то мгновение все стихло: и голоса, и барабаны, и песнопения. Но в следующую минуту тишина взорвалась гневом, стихийным и беспощадным. Загудели голоса, затрубили трубы. Гномы были оскорблены и унижены до такой степени, что лица их побелели от злости, а кулаки сжались, предвкушая близкую и жестокую расправу с виновниками. Гневным крикам, угрозам и истошным воплям не было конца. Свирепая натура гномов не находила выхода; они тре-

бовали возмездия. И вдруг около самого входа в ущелье выросла коренастая фигура карлика с искаженным от гнева лицом. Держа в руках огромную булаву, он готов был в любую секунду с яростью обрушить ее на гномов. Его широкое лицо носило выражение такого величайшего презрения и насмешки, что сомнений не оставалось: Карлик Гендель бросает вызов. И разъяренная толпа бросилась к нему.

Тем временем взволнованные путешественники уже шли по открытой местности, не решаясь оглядываться назад. Страшно было подумать, что произошло с Генделем. Не поднимая глаз, расстроенные и совершенно убитые сознанием того, что карлик отдал за них жизнь, бросив себя на растерзание злему и свирепому народу, путешественники довольно быстро пересекли открытую местность. Впереди уже чернели заросли Аннарских лесов. Нефритовое Ущелье осталось позади.

Уже совсем стемнело, когда все четверо надежно укрылись в густой листве темного леса. Стихли неумолчные голоса гномов, исчезли из поля зрения ритуальные костры, но сознание не хотело примириться с потерей славного Генделя. Однако надо было продвигаться вперед. И, тяжело переставляя ноги, расстроенные и обессиленные, путники продвигались дальше. Вел отряд принц Леа, которому было дано распоряжение идти вдоль южного склона в поисках тропы, которая бы вывела их к центральной части Аннарских лесов.

Стояла лунная ночь. Серебристый диск луны плавно скользил по темному небу, а горы в прозрачном воздухе вырисовывались так ясно, что, казалось, можно было дотронуться до них рукой. Путешественники без труда вышли на нужную тропу. Тем временем тела обоих жителей Долины судорожно подергивались, сжимались и разжимались конечности, а изо рта вылетали стоны и бессвязные звуки. Было совершенно очевидно, что действие яда не прошло; наоборот, этот неизвестный яд одурманил сознание Ши и Флика, не давая им прийти в сознание, проник в плоть и кровь, отравил органы, крутил и выворачивал кости. Не в силах дать юношам какое-либо противоядие, путники по очереди подходили к ним и нежно гладили лицо, шею, руки, стремясь этим хоть немного облегчить страдания жителей Долины. Всех страшила одна мысль: если яд дойдет до сердца, оба юноши уже вряд ли будут участниками отряда. Поэтому надо было спешить. Силы были на исходе, руки немели,

ноги плохо слушались, а голова и сердце устали от переживаний и мрачных мыслей. И, тем не менее, путешественники шли вперед и по очереди несли носилки с телами жителей Долины.

И вдруг совершенно неожиданно на тропе перед ними словно выросла группа гномов. Ужас этого мгновения невозможно себе представить. У путешественников потемнело в глазах, их сердца сжались от невыразимого отчаяния, холодная дрожь пробежала по телу, ногти впились в ладони. Им казалось, что они смотрят в жуткие глубины неведомой бездны. Однако через минуту страшное оцепенение прошло, все четверо осознали ту грозную силу, что стояла перед ними. И, главное, к ним непонятным образом, видимо, в результате мощной мобилизации всех скрытых или неиспользованных сил организма, вернулись физические возможности, пришло второе дыхание. Еще минуту назад их ноги подкашивались от усталости, а сейчас, осторожно положив в сторону носилки, все четверо стеной выстроились на тропе, готовые принять грозный бой. Отряд гномов насчитывал десять-двенадцать человек. Их коренастые фигуры выражали крайнюю степень агрессивности, в глазах сверкала ярость, зубы щелкали от злобного нетерпения. Внезапно гномы стали шептаться, и один из них стремительно исчез в чаще леса.

— Они послали за помощью, — едва слышно произнес Балинор. — Если мы быстро не справимся с ними, они пришлют сюда подкрепление, и тогда нам конец.

Лишь только Балинор успел сказать это друзьям, как гномы с диким боевым кличем бросились вперед и со свирепым видом обнажили острые короткие мечи. В ту же секунду Меньон, Дурин и Дэйел обрушили на них град смертоносных стрел. Пораженные бесчисленными стрелами гномы рассеялись по тропе, как облака под порывами ветра. Разгневанный Меньон, изогнув в кольцо свой могучий лук, спускал с тетивы одну за другой неотразимые стрелы. Они насмерть поразили четверых гномов, неся нестерпимую боль остальным. Эти стрелы были подобны тем роковым силкам, которые расставляет людям неотвратимая Смерть. Гномы метались по тропе под ливнем стрел, как бешеные волки. Дэйел был на какой-то момент повержен сильным ударом меча в плечо. Он упал и потерял сознание. Как скала, сурово и неприступно, стоял Балинор, сметая гномов на своем пути с помощью огромного фамильного меча. Оставшиеся

в живых гномы получили тяжелые ранения и корчились в страшных предсмертных муках. Зрелище было ужасное: земля была залита кровью и усыпана градом стрел, рядом с мертвыми телами судорожно извивались испускавшие дух смертельно раненные гномы. Это был полный разгром. Обессиленные путешественники опустили на землю. Все поплыло у них перед глазами, навалилась смертельная, непреодолимая усталость. На какое-то мгновение, не в силах бороться с собой, все четверо полностью отключились. Но через минуту они поднялись, понимая, что скоро прибудет пополнение гномов и тогда вряд ли им удастся одержать столь внушительную победу. У всех троих, за исключением Балинора, тело которого покрывала стальная кольчуга, были серьезные ранения, которые окончательно подточили их силы. Перевязав раны имеющимися кусками материи, путешественники, собрав последние силы, двинулись дальше. Идти было мучительно трудно, у всех кружилась голова от потери крови и огромного физического и нервного перенапряжения.

Видя критическое состояние всех участников похода, Балинор был вынужден объявить трехминутный привал. Путешественники в изнеможении опустили на землю и закрыли глаза. Воистину небо послало им великие мучения и испытания! Вдали по-прежнему звучали барабанная дробь, голоса, крики и рев труб. Поблизости от путников на хорошо обозримом расстоянии никого не было, но, тем не менее, их не покидало ощущение того, что гномы рассредоточились по всему Аннарскому лесу. Разгоряченное воображение поминутно рисовало картины преследования со стороны гномов. И все это было недалеко от истины. Наверняка охотничьи отряды гномов рыщут по всему лесу в поисках своих врагов. Гномы не успокоятся до тех пор, пока собственными руками не схватят и окончательно не уничтожат всех членов отряда. Их злобная и мстительная натура не вынесет поражения. Меньон посмотрел на несчастных юношей, и сердце его снова облилось кровью. Лица жителей Долины были мертвенно-бледны, лоб и виски покрывали крупные капли пота. Они то и дело вздрагивали, тихо стонали, их лица искажались от боли, а конечности дергались или судорожно сжимались и разжимались. Было совершенно очевидно, что их организм, напрягая последние силы, уже не в силах противостоять разрушительному действию яда. Им требовалась немедленная медицинская помощь. Меньон содрогнулся при мысли, что эта помощь может при-

ти слишком поздно. В который раз он корил себя за досадные просчеты и жалел, что не был до конца внимателен и нежен с братьями: ведь они больше, чем кто-либо, нуждались в защите и помощи. Он с досадой поморщился, вспоминая прошлые стычки с Фликом. Мелочные обиды, уколы самолюбия, ссоры — все это померкло перед лицом зримой опасности, перед ценой, которую уже заплатили эти молодые люди. И в глубине души Меньюна вновь поднялась горячая волна гнева. Он до сих пор считал, что никто не в праве распоряжаться другой жизнью; его возмущало безапелляционное утверждение Алланона об ответственности Ши за последующую судьбу человечества. Как он смел посягнуть на самое святое — на смысл, на самый факт человеческого существования... В результате этого — беспомощно лежащие тела... Только бы успеть помочь им, этим несчастным жителям Долины, которые поспешили взять на себя большую долю страданий. По силам ли им будет эта ноша?

Внезапно раздавшийся предупредительный шепот Дурина заставил друзей вскочить и занять оборонительную позицию. Все напрягли слух и через минуту явственно слышали ритмичный стук шагов. Разыскной отряд гномов маршировал вдоль той самой тропы, по которой еще совсем недавно они прошли. Зорко всматриваясь в темноту, гномы, подобно свирепым зверям, скрежетали зубами и потрясали своими сжатыми кулаками. Они строем почти дошли до того места, где скрывались путники и, не подозревая, что желанная добыча находится на расстоянии девяти-десяти футов от них, резко развернулись и помаршировали назад. У путешественников дух занялся от сознания того, что их могут обнаружить. Их сердца наполнились горестью и бездонным отчаянием: мучительно не хотелось верить, что это конец... Было поистине великим чудом то, что гномы не обнаружили путешественников. Не иначе, как силы небесные решили помочь им... С этими мыслями друзья медленно приходили в себя после очередного потрясения.

— Нас все равно поймают, если мы не найдем Алланона. Только он может спасти нас и жителей Долины. Если Алланон не появится в ближайшее время, мы все погибнем! — сказал Меньюн, повернувшись к Балинору.

Балинор молча кивнул в ответ, сознавая всю тяжесть положения, в котором находились его друзья. Да, им

нужна была помощь и присутствие Алланона, но затаиться здесь, в зарослях, было равнозначно гибели. Спрятать полуживые тела юношей в надежное укрытие и быстро идти дальше, а потом вместе с Алланоном вернуться и забрать их — это было бы совсем рискованным делом. Нет, Балинор сознавал, что в данной ситуации страшнее всего промедление. И, хотя силы путешественников были на исходе, надо идти вперед. С болью глядя на изможденные лица и изнуренные тела своих товарищей, он скомандовал подняться и продолжать движение вперед. Путешественники встали и медленно зашагали по тропе. Они чувствовали, что обречены: Аннарский лес был заполнен гномами. Меньон опять вспомнил о Генделе. Мучительно заняло сердце... Вряд ли этому опытному воину и отважному следопыту удалось скрыться от разъяренных преследователей; если даже каким-то чудом Гендель остался в живых, наверняка он сейчас лежит совсем один, полурастерзанный, истекая кровью, не надеясь на помощь. Да, Генделю куда хуже, чем им; хотя им тоже тяжело — усталые, израненные, измученные, несущие носилки с безнадежно больными юношами, они шли вперед, зная, что в любую минуту их может окружить неприятель. Но самым страшным, пожалуй, было то, что впереди не было и проблеска надежды.

И вдруг чуткий слух Дурина опять уловил шум приближающихся шагов. Путники мгновенно спрятались в густой листве деревьев. Не прошло и нескольких минут, как Дурин снова дал сигнал об опасности. Своим острым зрением он увидел, что на тропе в серебристом свете звезд появилась огромная фигура человека, закутанного в длинный черный плащ. Через минуту остальные путники тоже заметили исполинскую фигуру и без труда узнали в ней Алланона. Из уст Меньона и Балинора уже готовы были слететь счастливые возгласы, но их остановил внезапный предупредительно-настораживающий жест Дурина. Обратив взоры на тропу, они с удивлением обнаружили, что Алланон идет в сопровождении людей в белых одеждах, рост и конфигурация которых безошибочно свидетельствовали о том, что это гномы. Волна гнева захлестнула путников.

— Он предал нас! — в отчаянии прошептал Меньон, и его рука инстинктивно сжала рукоятку меча.

— Нет, нет! Подождите! Никому не двигаться! — раздался повелительный голос Балинора. Всем пришлось

подчиниться и молча наблюдать из укрытия, как будут развиваться события.

Между тем огромная фигура Алланона степенно продвигалась по тропе. Его глубоко посаженные глаза зорко осматривали лес и тропу, а нахмуренные брови и лоб говорили о напряженной работе мысли великого путешественника. Меньон едва сдерживал нетерпение, в душе у него клокотали гнев, обида и презрение. Его обуревало страстное желание первым выскочить на тропу и нанести удар предателю и неприятельскому отряду. За Алланоном шумно следовали маленькие фигурки гномов, облаченные в белые одежды. Внезапно он остановился в нескольких ярдах от путешественников и, не видя их, словно почувствовал присутствие всех членов отряда. Алланон в недоумении посмотрел вокруг, разыскивая знакомые лица. Рука Меньона уже натягивала тетиву, когда тяжелым ударом сверху он был сбит с ног и прижат к земле.

— Балинор! — прозвучал спокойный и ровный голос великого Друида.

— Пустите меня! — яростно отбивался Меньон.

— Меньон, не горячись! У них нет оружия! — твердо произнес Балинор, тем самым склоняя Меньона на сторону Алланона.

Балинор медленно вышел на тропу, крепко держа в руке огромный меч. Рядом с ним стал Меньон, готовый в любую минуту вступить в бой. Чуть поодаль в кустах притаился Дурин, его лук и стрелы были в полной готовности. Алланон быстро направился к Балинору и со вздохом облегчения готов уже был протянуть ему руку, но, заметив неприязненное выражение недоверия в глазах Балинора, отступил. На какое-то мгновение воцарилось полное молчание. Вслед за тем великий историк, указав рукой на группу гномов в белых одеяниях, торопливо сказал:

— Не надо бояться их. Это — не враги. Напротив, эти люди — наши друзья. У них нет оружия, как и нет ненависти к вам. Это — врачи, целители.

Это неожиданное заявление Алланона повергло всех в совершенное замешательство. Однако, уже спустя мгновение Балинор решительно отбросил меч и тепло поприветствовал великого путешественника. Меньон незамедлительно последовал его примеру, крепко пожав руку Алланона. При этом он все еще питал недоверие к странному отряду гномов в белых одеждах.

— А теперь рассказывайте мне, что у вас произошло, — раздался привычный повелительный голос исполина. — Где все остальные?

И Балинор кратко поведал великому историку все то, что приключилось с ними в Волчьих горах. Он рассказал о том, как они неправильно выбрали тропу на развилке, поведал о страшном столкновении с чудовищем из мертвого города, доложил об их планах продвижения вперед, минуя Нефритовое Ущелье, с дрожью в голосе признался, что они потеряли Генделя, разрешив ему отвлечь от них гномов, и самое печальное — пострадали в бою с чудовищем оба жителя Долины.

Алланон, как будто зная, что же в действительности произошло с Ши и Фликом, тут же попросил целителей посмотреть юношей. Ему попутно пришлось успокоить Меньона, который до сих пор испытывал недоверие к людям, облаченным в белые одежды. Балинор еще продолжал свой рассказ, а маленькие человечки заботливо окружили жителей Долины, начали их осматривать и через несколько минут, сойдясь в едином мнении, достали из своих белых сумок бутылочки, наполненные загадочной жидкостью. Меньон с неослабевающей тревогой наблюдал за их действиями, пытаясь понять, как, чем и почему они отличались от остальных Гномов. Тем временем Балинор закончил свой рассказ, и Алланон сурово покачал головой.

— Это моя вина, мои просчеты, — сердито проворчал он. — Я слишком большое внимание уделял конечной цели нашего похода и недооценивал мириады опасностей, которые могут в любую минуту возникнуть на нашем пути. Если эти двое юношей не выживут, наше дальнейшее путешествие будет бессмысленным!

На какое-то мгновение он замолчал, на лице его застыло выражение крайней досады и недовольства собой. Затем он подошел к гномам, и тут же один из них стремительно исчез в направлении, ведущем к Нефритовому Ущелью.

— Я послал одного из гномов узнать что-нибудь о судьбе Генделя. Если с ним случилось что-то плохое, во всем надо винить только меня, — произнес великий путешественник.

Он дал знак целителям нести носилки с юношами, и все путники поднялись и медленно зашагали в заданном направлении. Во время короткого привала врач-целители тщательно обработали рану Дэйела и некоторое

время совершали серию странных движений руками над раненым эльфом, и теперь юноша мог безболезненно передвигаться. И отряд в сопровождении Алланона и людей в белых одеждах продолжал путь вперед по пустынной тропе. Алланон объяснил, почему на этом отрезке пути они избавлены от встречи с охотничьими отрядами гномов.

— Мы приближаемся к стране Сторов, и гномы, которые пришли со мной, живут на этой земле. Все Сторы — целители. Давно отделившись от остальной значительной части своей расы, Сторы живут обособленно и полностью посвятили себя науке исцеления, искусного врачевания и оказанию священной медицинской помощи всем людям на земле, независимо от их расы, местопроживания и веры. В этом Сторы видят свое истинное предназначение. Они живут по своим собственным законам, их не трогают военные распри народов. Эти люди целиком посвятили себя служению великой цели — оказанию помощи человеку или представителю любой другой расы. Немногие бы смогли так жить. Поэтому они пользуются глубоким уважением и любовью во всех частях света. Где только ни побывали эти трудолюбивые волшебники! Они поистине творят чудеса! Земля, на которой они живут, носит название Сторлок. Это — священная земля, и ни один розыскной отряд гномов не осмелится нарушить границы этой территории, не имея на то приглашения или разрешения.

Далее Алланон рассказал, что ему выпало большое счастье быть другом этих бескорыстных людей, довелось жить с ними многие годы и он невольно постиг мудрость и некоторые секреты этих целителей. Он стал убеждать Меньона, что на этих людей можно положиться и что они обладают такими силой и знаниями, каких не встретишь у обычных врачей. Поэтому, сколь бы ни было тяжелым отравление ядом у Ши и Флика, целители обязательно поставят их на ноги. Алланон признался, что не случайно привел их с собой: до него уже дошли слухи о печальных и драматических событиях, имевших место в его отсутствие.

— Я и не подозревал, — продолжал великий путешественник, — что обнаруженное мной существо на тропе близ Волчьих гор, окажется способным переместить метки, оставленные для вас. Для меня это урок: я должен был предвидеть и это. Более того, я прошел через Нефритовое ущелье рано утром, совершенно не подозревая, что днем

здесь начнется религиозная церемония и соберется столько тысяч гномов. Да, выходит, я сослужил вам плохую службу.

Некоторое время они все шли молча. Усталые и измученные тяжелыми перипетиями, путники не могли уже ни о чем думать, они едва-едва переставляли гудевшие ноги. Наконец, впереди показались строения, и стало очевидным, что они пришли в страну Сторлок. Последние шаги давались с трудом, мысли в голове путались, в глазах то и дело темнело — сказывалось неимоверное истощение и перенапряжение. Казалось, еще немного, и путешественники упадут за смертью. Однако вскоре показались глубокие рвы и крепостные стены, окружавшие обитель Сторов, а за ними — дым горящих костров. Они оказались в деревне, где навстречу им сразу выбежали сотни радушных маленьких человечков в белых одеждах и захолопотали, закружились вокруг еле живых участников похода.

Через несколько минут путешественников провели в теплое помещение, уложили на мягкие кровати, и они тотчас же заснули, не в силах даже умыться и снять одежду. Мгновенно уснули все, кроме Меньона, чей могучий темперамент яростно боролся с сонливостью и усталостью. Он поднялся и пошел разыскивать Алланона. Пройдя по длинному коридору, он вдруг услышал громкие голоса в одной из комнат слева и, подойдя поближе к двери, стал невольным свидетелем разговора Алланона со Сторами. Целители доложили великану, что после хорошего отдыха и применения особых методов исцеления оба жителя Долины поправятся. Тут раздался шум приближающихся шагов, и Меньон стремительно отпрянул в затемненную часть коридора. Группа Сторов быстро прошествовала в трех шагах от него, дверь перед ними отворилась, и они были встречены радостными и одновременно тревожными возгласами. Тотчас раздался ледяной голос Алланона:

— Итак, что вам удалось обнаружить? Так ли плохи дела, как мы предполагаем?

— Им удалось схватить кого-то в горах, — последовало горькое признание Сторов. — Сейчас уже невозможно предположить, кто это был. Они разорвали его на мелкие куски.

ГЕНДЕЛЬ!

Слова Сторов о кончине Генделя, о страшной расправе с ним ударили Меньона, точно он коснулся гальванической

батарей. В глазах у него потемнело, он зашатался от сознания полного бессилия и отчаяния и, держась за стены, на ощупь добрался до той комнаты, где спали путешественники, и без сознания упал на кровать.

Глава 13

Миновало утро следующего дня и наступил полдень, когда Ши, наконец, открыл глаза. Он с удивлением обнаружил, что лежит на мягкой удобной постели, забитливо укрытый теплым одеялом. Его походная одежда была аккуратно сложена на стуле возле кровати. Поодаль от него на такой же кровати спал Флик. Недавно мертвенно-бледная кожа его лица теперь приобрела теплые краски живого организма. Ши обвел глазами комнату, обитую пластическим материалом. Сквозь приоткрытое окно струились потоки яркого солнечного света и виднелся кусочек ясного голубого неба. Ши сладко, как в детстве, потянулся. Как, оказывается, чудесно возвращаться к жизни! Он не имел ни малейшего понятия о том, как долго он находился в бессознательном состоянии, что с ним произошло и что произошло с другими участниками похода, не знал, где он пребывает и каким образом он очутился в этой светлой комнате. Однако он сразу понял, что они с Фликом тяжело пострадали, сражаясь с чудовищем из мертвого города. И они остались живы только благодаря помощи и усилиям друзей! Внезапно дверь открылась, и на пороге комнаты появился взволнованный Меньон Леа.

— Приветствую тебя, старина! Я вижу, ты уже возвращаешься к жизни, — со счастливой улыбкой произнес принц и сел около кровати Ши. — Ты здорово заставил нас поволноваться.

— Да не только я, но и Флик, — радостно приветствовал Ши своего друга.

Меньон внимательно посмотрел на Флика, который уже был на грани пробуждения. Житель Долины медленно открыл глаза и сразу увидел Меньона.

— О, это слишком хорошо, чтобы быть правдой! Я живой! — раздался громкий голос Флика. — И кого я опять вижу перед собой? Да, Меньон, ты будешь преследовать меня всегда. Это — рок, однако я не говорю, что это злой рок.

— Вот теперь я готов поверить, что ты полностью поправился, Флик! — от души засмеялся Меньон.

— Где мы сейчас находимся? — осторожно поинтересовался Ши, стараясь приподняться и сесть на кровати. Юноша все еще был слаб. — Сколько времени мы были без сознания?

Меньон присел на край его кровати и рассказал друзьям обо всем, что произошло после того, как чудовище отступило: о дороге к Нефритовому Ущелью, о встрече с несколькими тысячами гномов, о плане дальнейшего продвижения вперед. Страшным потрясением для братьев было сообщение Меньона о том, что бесстрашный Гендель пожертвовал жизнью ради спасения остальных членов отряда. На какое-то мгновение Меньон Леа пожалел, что сразу сообщил братьям о гибели карлика — так велико было их страдание... И Меньон быстро перевел разговор в более или менее спокойное русло, подробно рассказывая о неожиданной встрече со Сторами и Алланом.

— Земля, где мы находимся, носит название Сторлок. Населяют ее Гномы, которые целиком посвятили жизнь спасению и исцелению людей. Их мастерство просто поразительно, они способны делать потрясающие вещи. У них есть удивительный целебный бальзам, который залечивает любые раны в течение двадцати четырех часов. Кроме обширных знаний, опыта и большого мастерства, они знают тайны исцеления, которые вряд ли доступны рядовому врачу. Я сам видел, как у всех на глазах затянулась рана у Дэйела.

В этот момент дверь открылась, и вошел Алланон. Он быстро подошел к Ши, потом к Флику, дружески похлопал их по плечам своей неимоверно тяжелой рукой.

— Рад видеть, что вы оправились от ран. Я очень волновался за вас, но теперь очевидно, что Сторы знают свое дело. Сейчас, когда вы почти в порядке, предлагаю вам подняться, поесть что-нибудь и погулять в окрестностях.

Ши испуганно посмотрел на Флика.

— Очень хорошо. На том и порешили... подытожил Алланон. — Вам нужно попробовать свои силы, прежде чем мы снова отправимся в путь.

Внезапно замолчав, великий путешественник направился к двери и вышел, ни с кем не попрощавшись. Братья проводили его взглядом. Они до сих пор не могли понять, почему Алланон всегда говорит с ними таким сухим, холодным тоном; это в какой-то степени обижало их.

Меньон тоже не раз обращал на это внимание, но сейчас, пытаясь поднять настроение жителей Долины, веселым голосом предложил им одеться и выйти.

Спустя некоторое время все трое вышли на открытый воздух, с наслаждением подставляя лица теплым лучам утреннего солнца. Совсем близко от дома располагалось небольшое красивое строение, в котором размещалась столовая. Молодые люди сели за столики, и им были предложены щедрые порции еды. Несмотря на то, что они были еще слабы, братья славно подкрепились, тем более, что еда была питательная и вкусная. Когда Ши и Флик закончили завтрак, Меньон повел их в дом, где ночевали Дурин и Дэйел, и затем все вместе они отправились на окраину деревни полюбоваться чудесным Голубым Прудом, о котором сегодня утром Сторы рассказали Меньону. И вскоре они уже сидели на берегу пруда и любовались изумительно гладкой поверхностью голубой воды. Солнечные лучи отражались в воде, и местами на поверхности пруда вспыхивало нежное радужное свечение. От воды веяло прохладой и покоем. Это было то место, где человеческая душа наслаждается чарующей красотой и совершенством, которые органично заключены в природе. Говорят, в каждой глыбе мрамора скрывается статуя, и надо лишь уметь ее разглядеть. Меньон рассказал друзьям, что Сторы используют целебную воду пруда для изготовления чудодейственных бальзамов и мазей. В состав этой воды входят редчайшие элементы, которые нельзя встретить больше нигде в мире. Ши попробовал воду на вкус и нашел ее весьма специфичной, непохожей на то, что ему раньше приходилось пить. Остальные тоже попробовали воду и сочли ее довольно приятной, но не более. Спокойные прозрачные глубины рождали в душе ощущение красоты: ведь так или иначе в нас живет неутолимая тоска по прекрасному, а это чудесное и невыразимо прекрасное часто заключено в обычных вещах — в воде, в воздухе, в поверхности земли, в деревьях. Друзья сидели в полном молчании, плененные чарами этих вод. Плавной чередой проплывали счастливые воспоминания — теплый дом, зеленые луга, пахнущие свежим сеном, соловьиные трели в лесных кушах, мерцание звезд на спокойном ночном небе и многие другие свидетельства прошлой мирной жизни, которые грели сердце и ласкали душу.

— Этот пруд напомнил мне Белил, мой родной дом на Западных землях, — растроганно произнес Дурин. —

Только дома испытываешь такое наслаждение миром и покоем.

— У меня такое ощущение, что мы скоро вернемся домой, — трогательно, совсем по-детски сказал Дэйел. — И я смогу наконец жениться на Линлисс, и у нас будет много детей.

— Забудь об этом, — вдруг резко произнес Меньон. — Оставайся один и будь счастлив, у тебя впереди вся жизнь.

— О нет, Меньон! Ты не видел ее, — раздался вдохновенный голос юного эльфа. — Она похожа на фею из сказки — красивая, нежная и добрая. Забыть ее невозможно.

Меньон снисходительно покачал головой, и с его губ слетела насмешливая улыбка. Все снова замолчали, предавшись созерцанию прелестных голубых вод. И вдруг Ши, обращаясь ко всем, спросил:

— Как вы считаете, правильно ли мы поступаем? Стоило ли вообще затевать это путешествие?

— Странно слышать это от тебя, Ши, — задумчиво произнес Дурин. — Ты сам как раз и являешься главным действующим лицом в этом походе. И цель похода касается тебя гораздо больше, чем всех остальных. Ты сам-то чувствуешь это?

Некоторое время Ши молчал, потом, обведя глазами своих собеседников, тихо проговорил:

— В том-то и дело, что мне трудно ответить на этот вопрос. Вы все рискуете жизнями ради меня, а я, пожалуй, единственный участник нашего похода, который позволяет себе сомневаться в его целесообразности. Я на самом деле не знаю ответа, потому что мне до сих пор не ясна конечная цель. Я до сих пор не получил ответа на многие вопросы.

— Я согласен с Ши. Мы действительно идем почти вслепую. Несомненно, Алланон многое скрывает от нас. Есть гораздо большее, чем то, что мы знаем о Мече Шаннара.

— Кто-нибудь вообще видел этот Меч? — неожиданно спросил Дэйел. Все в ответ отрицательно покачали головами. — Может он не существует?

— Нет, нет! Я уверен, что Меч на самом деле существует, — поспешно произнес Дурин. — Вопрос в том, что мы будем делать с этим Мечом, когда, наконец, найдем его... Сможет ли Ши противостоять силе лорда Уорлока, получив Меч?

— Полагаю, мы должны больше доверять Алланону. Придет время, и он расскажет нам все, — прозвучал голос, принадлежавший Балинору.

Друзья оглянулись. Пред ними стоял Балинор и со счастливой улыбкой приветствовал Ши и Флика. Через минуту он устроился рядом с остальными.

— Вот, видите, мы не напрасно терпели трудности и лишения. Видеть Ши и Флика здоровыми и невредимыми равносильно награде.

— Очень жаль Генделя, — взволнованно произнес Ши. — Он был хорошим другом.

— Это был вынужденный риск, которого требовала ситуация, — мягко, но решительно сказал Балинор. — Я уже сказал, что Алланон достоин большего доверия. Это, действительно, великий человек. Если вы до сих пор не убедились в его прекрасных человеческих качествах, вы будете иметь возможность не раз почувствовать это в дальнейшем. Сейчас он говорит лишь то, что всем нам надлежит знать на данном этапе. Не торопитесь осуждать этого человека!

— Но ведь он на самом деле многое скрывает от нас! Неужели мы не заслужили откровенности? — продолжал упорствовать Меньон.

— Я убежден, что Алланон поведал нам лишь часть того, что знает сам. Но бесспорно одно: он единственный человек, который в полной мере представляет себе реальную опасность для человечества в том случае, если Ши не сможет завладеть Мечом. Мы все его должники, и единственное, что сейчас требуется от нас, — это всецело верить ему.

Слова Балинора произвели глубокое впечатление на всех присутствующих. Однако причиной этому, скорее всего, послужила искренняя симпатия к этому смелому, умному и сердечному человеку. Особенно это касалось Меньона, который восхищался Балинором и считал его истинным руководителем похода. Вскоре друзья оставили эту тему и принялись говорить о Сторах, с которыми недавно познакомились. Уже садилось солнце, и день близился к вечеру, когда неожиданно появился Алланон. Он тихо сел рядом и присоединился к дискуссии.

Немного погодя Алланон сказал:

— Когда наша беседа закончится, Флик и Ши должны лечь в постель и хорошо отдохнуть. Да и всем остальным не мешает последовать их примеру и набраться сил перед дорогой. Мы отправляемся в путь около полуночи.

— Не рано ли? — осторожно осведомился Меньон. — Ведь Ши и Флик едва оправились от тяжелых ран и потрясений и до сих пор слабы.

— Ничего не поделаешь, дружок, — с помрачневшим лицом изрек великий путешественник. — У нас очень мало времени. Если лорд Уорлок узнает о нашем замысле и обнаружит наше присутствие в Аннарских лесах, он немедленно постарается сам завладеть Мечом или устранить его. В этом случае наш поход в замок Паранор теряет смысл.

— Мы вполне оправились и можем идти дальше, — раздался твердый голос Ши.

— Маршрут уже известен? — спросил Балинор.

— Да, за сегодняшнюю ночь нам предстоит пересечь Равнины Рабб — это займет около четырех часов. Надеюсь, нас никто не обнаружит на открытой местности, хотя Носители Черепа наверняка ищут Ши и меня. Остается только уповать на небо и молиться, чтобы нас не обнаружили этой ночью. И еще. Я до сих пор не сказал вам одну важную вещь. Любая попытка применить камни Эльфов немедленно укажет лорду Уорлоку наше присутствие и местонахождение. Мистическое действие этих камней может легко быть обнаружено любым существом, владеющим искусством магии.

— Значит, — в ужасе произнес Флик, — когда мы использовали камни Эльфов против Болотного Призрака... — Флик был не в силах договорить. Кошмарная догадка осенила всех остальных.

— Тем самым вы точно указали Носителям Черепа ваше местонахождение, — с холодной насмешливой улыбкой заключил Алланон. — Вас спасло чудо и то, что вы потерялись в густом тумане. При ясной погоде вас бы немедленно нашли и уничтожили.

Ши внутренне содрогнулся, вспомнив те страшные минуты столкновения с Болотным Призраком и Носителем Черепа, когда он с минуты на минуту ожидал конца. Тогда он ощутил всю безнадежность ситуации и мрачно приготовился к смерти, которую, как он считал, ничто и никто на свете не мог оттянуть даже на короткое время. В сознании путешественников пробежали ужасные картины пережитых волнений, их сердца вновь наполнились горестью и страхом.

— Хорошо, Алланон, если ты знал, что использование камней Эльфов немедленно приведет к тому, что нас

обнаружат, почему ты не сказал об этом с самого начала? — сердито спросил Ши.

— Я сказал то, что считал нужным. — Тон Алланона свидетельствовал о том, что терпению великого Друида приходит конец. — Без этих камней вы были бы во власти не менее страшных созданий, чем Носители Черепа. Кроме того, камни сами по себе обладают охраняющим эффектом.

Он резко встал, всем своим видом показывая, что разговор на эту тему закончен, чем привел Ши в состояние еще большего раздражения и подозрительности. Наблюдательный Дурин заметил перемену в настроении юного жителя Долины, успокаивающе положил руку на плечо Ши и сказал:

— Алланон, мы все хотели бы подробнее узнать о дальнейшем маршруте.

— Итак, возвращаясь к исходной точке, — произнес Алланон уже более ровным тоном, — должен сказать, что продвижение через Равнины Рабб приведет нас к горам, которые носят название Драконьи Зубы. Эти горы предоставят нам хорошие возможности для укрытия. Проблема состоит в том, как перебраться через них к лесам, окружающим замок Паранор. Я ни на секунду не сомневаюсь в том, что все ущелья в Драконьих Горах охраняются гномами или эмиссарами лорда Уорлока. Таким образом, карабкаться по скалам без прикрытия почти безрассудно, а во всех ущельях — засада. Значит, надо избрать совершенно иной маршрут и уйти из-под контроля лорда Уорлока.

— Подожди, подожди! — в страшном волнении воскликнул Балинор. — Уж не хочешь ли ты вести нас через Гробницу Королей?

— Другой альтернативы нет, если мы не хотим быть обнаруженными. На рассвете мы уже можем войти в Зал Королей.

— Послушай, Алланон, — заволновался Дурин. — Легенды гласят, что ни одному живому существу еще не удавалось благополучно пересечь эти места! Не подумай, что мы боимся за свою жизнь, но, насколько я знаю, эти пещеры населяют души умерших, и только мертвые могут безбоязненно «пройти» по этим местам. Ни одному человеку до сих пор не удавалось сделать это.

Балинор кивнул Дурину в знак согласия, а все остальные были охвачены волнением и во все глаза смотрели на Алланона и Балинора. Меньон и двое жителей Долины никогда не слышали об этом месте, которое наводило

на всех остальных смертельный ужас. Лохматые брови Алланона нахмурились, на лице появилось выражение негодования. Казалось, еще минуту, и он выйдет из себя.

Воцарилось недолгое молчание, после которого великий путешественник сказал:

— Все это не совсем так, Дурин. Мне уже довелось побывать в Зале Королей, и я кое-что вынес из этого. Любое путешествие не обходится без риска. А что касается пещер, то, действительно, они населены призраками или душами умерших — это ухищрение Броны для того, чтобы ни одна живая душа не проникла в эти места. У меня есть своего рода защита против этого. Думаю, что сумею вас охранить.

Меньон Леа не представлял себе эти пещеры, но раз они заставляют серьезно задуматься и опасаться такого отважного человека, как Балинор, — тут было, о чем подумать. Его чрезвычайно заинтересовало признание Алланона в способности отразить действие мистических сил. Какими же умениями надо обладать, чтобы нейтрализовать проявление сверхъестественных сил! Как можно защитить живых людей от духов?

— Что ж, решено, — с уверенностью сказал Балинор. — Мы все идем за тобой. Стоит рискнуть, если впереди — реальная возможность заполучить Меч.

Алланон облегченно вздохнул и посмотрел на всех. Больше всего ему хотелось увидеть глаза Ши и прочесть в них доверие, понимание и готовность идти до конца к поставленной цели. Но юный житель Долины опустил глаза и погрузился в свои размышления.

— Хорошо, — опять помрачнел Алланон. — Отправляйтесь все отдыхать.

Он резко повернулся и пошел в сторону деревни Сторов. Все молча наблюдали за ним, пока его высокая фигура не скрылась из виду.

Между тем наступил вечер. Раскаленное солнце плавно уплыло за горизонт. Подул легкий ветер, повеяло прохладой. Путешественники молча поднялись и пошли в сторону мирной деревни Сторов, где им предстояло отдохнуть несколько часов.

Через некоторое время все уснули. Видимо, Ши еще не совсем оправился от перенесенного стресса и отравления ядом, потому что, когда его разбудил Меньон, юноша долго не мог сорентироваться и понять, где он находится и зачем надо подниматься в столь поздний час. Однако холодный ночной воздух быстро разогнал остатки сна,

и вскоре Ши, полный вновь созревшей решимости, был готов идти дальше.

Вскоре путешественники отправились к западным границам Сторлока. Ши с удовольствием посматривал на Балинора. Было в этом статном и отважном принце нечто такое, что вызвало искреннюю симпатию, глубокое уважение и — самое главное — ощущение надежности этого умного и смелого человека. Он был добр и предупредителен со всеми, был готов в любую минуту помочь участникам похода и очень чутко и тонко чувствовал настроение друзей, умея вовремя подбодрить и поддержать своих товарищей. Даже Алланон так не вдохновлял путешественников, как Балинор, хотя великий Друид, как выяснилось, обладал в дополнение ко всему способностями к магии. А может быть, Алланон, зная влияние Балинора на людей, намеренно пригласил его участвовать в походе? Если так, то это был тонкий расчет.

— Именно так, Ши, — прозвучал над самым ухом низкий голос Алланона. — Мы должны пройти эти равнины за ночь. Хорошо, что сегодня безлунная ночь. Держитесь все вместе и не отставайте. И никаких разговоров.

Алланон замолчал и большими шагами пошел вперед, ведя за собой всех участников похода. Вскоре на горизонте, гораздо раньше, чем предполагал Ши, появились Равнины Рабб. Несмотря на черноту ночи, объявшую все вокруг, оба жителя Долины и остальные путники явственно почувствовали, что где-то впереди возвышаются горные склоны Драконьих Зубов. Все переглянулись и стали еще зорче вглядываться в темноту. Равнины были плоскими, ровными, если не считать редкие низкорослые кустарники с жалкой сухой листвой. Некоторые из них были похожи на скелетообразные ростки, нелепо торчащие из земли. Почва была сухая, растрескавшаяся: ей не хватало соков и влаги. Казалось, из нее давно высосали соки и вынули жизнь, и непонятно почему эта бесплодная земля еще существует. Перед глазами путников не пролетела ни одна птица, не было слышно веселой трескотни насекомых. Однако все это лишь наводило на разные мысли, но не настораживало. Лишь однажды Дэйел подал знак остановиться и прислушаться. Его чуткий слух уловил в темноте странные звуки. Путешественники остановились и замерли. Тянулись бесконечные минуты. Тем не менее, все стихло, и уже через несколько мгновений друзья отправились дальше.

На рассвете они добрались до Драконьих Зубов.

Солнце еще не взошло, небо было погружено в ночную мглу. И на фоне мрачного темного неба устрашающе возвышались горные пики. Ши и Флик чувствовали себя бодро и заявили о намерении двигаться дальше. Алланон, видя, что юные жители Долины браво шагают по тропе, решил идти вперед. Медлить было опасно. И отряд снова зашагал по тропе, уже вплотную подойдя к самому подножию гор. Зловеще торчали заостренные вершины гор: неровные, местами кривые и обрывистые, они вряд ли сулили легкое восхождение. Было что-то коварное и непостижимое в этих безобразных горных пиках, которые — при первом же взгляде на них — полностью подтверждали правильность данного им названия.

Внезапно горы как бы расступились, и перед взорами путников предстало длинное каменистое плато, которое углублялось по мере своего протяжения, напоминая большой глубокий карман. Вскоре появились очертания новых вершин, более высоких и крутых. Теперь со всех сторон путешественников окружало горное безмолвие. По уверенному и спокойному виду Алланона можно было полагать, что пока они находятся в относительной безопасности. Они прошли еще некоторую часть пути, и внешне все выглядело спокойным, но Балинор внезапно присвистнул и дал знак остановиться. Путники начали беспокойно оглядываться по сторонам и прислушиваться. Балинор подошел к Дурину и о чем-то сосредоточено заговорил с ним, то и дело обеспокоенно поглядывая на пустынные горные пики. К ним присоединился Алланон, и через минуту путешественники узнали, что, по мнению Дурина, кто-то преследует их и осторожно крадется за ними по тропе.

— Я уверен, там кто-то есть, — еще раз подтвердил свою версию Дурин.

Алланон многозначительно посмотрел на эльфа, потом обвел глазами уродливые нагромождения гор и немигающим взглядом стал смотреть на тропу, по которой они только что прошли. Спустя несколько минут великий Друид сказал:

— Мы не должны здесь задерживаться, ведь у нас так мало времени. До наступления утра мы должны быть в долине. И что бы там ни было позади нас, пока нет реальной угрозы для жизни, мы должны неуклонно идти вперед.

Властный, резкий, твердый тон Алланона не допускал никаких возражений. В его лице отражалась такая сильная

и непоколебимая решимость, что спорить с ним было бесполезно. Было ясно, что он не отступит от принятого решения.

— Я останусь здесь и выясню, в чем дело, — твердо сказал Балинор, положив руку на рукоять огромного меча. — А вы спокойно продолжайте путь дальше. Встретимся в долине.

— Нет, тебе одному здесь нельзя оставаться. В этом случае я остаюсь с тобой, — прозвучал взволнованный голос принца Леа.

Балинор с улыбкой кивнул Меньону, одобряя его решение. Алланон, не говоря ни слова, еще раз бросил быстрый взгляд на тропу и подал путникам знак следовать за ним. Братья-эльфы быстро пошли за ним, а Ши и Флик застыли в нерешительности, обеспокоенно глядя на Меньона и Балинора, пока Меньон резко не замахал руками, отправляя их вперед. Бросив на Меньона прощальный взгляд, Ши с глубоким сожалением медленно пошел вперед. Флик осторожно последовал за ним. Ему было бесконечно жаль оставлять друга перед лицом новой опасности. Через несколько минут братья оглянулись. Позади, заняв оборонительную позицию у подножия скалистых гор, застыли два отважных человека; чуть брезжил рассвет, и в слабом свете рождающегося дня сверкали обнаженные мечи Балинора и Меньона, их высокие, статные фигуры, облаченные в темные походные плащи, выглядели величественно даже на устрашающем фоне Драконьих Зубов.

Прошло еще некоторое время, прежде чем Алланон привел путешественников к долине, которая представляла собой ни что иное, как великое и беспорядочное нагромождение каменных валунов и булыжников. Так называемая долина производила впечатление чудовищной заброшенности, варварства и дикости, что довольно редко встречается в живой природе. Казалось, чья-то злая, преднамеренная рука устроила весь этот каменный хаос. Это впечатление усиливал сам цвет горных пород — черный, отливающий странным, неправдоподобным блеском. Уродливые черные громады сами по себе производили впечатление весьма мрачное и не предвещающее радостных событий. Вокруг более не было ничего примечательного, если не считать маленькое озеро с мутно-зеленой водой, покрытое ряской, на поверхности которого время от времени появлялись мелкие пузырьки, как бы указывая на то, что в озере есть своя жизнь. Было уже нечто

странное в водах этого озера, подернутого ряской. В тех местах, где не было зеленой ряски, наблюдалось легкое волнение воды, как будто ритмично набегали небольшие волны. Это было более чем странно. В воздухе стояло совершенное безветрие, и непонятно было, какие силы вызывали это волнение воды. Ши с беспокойством взглянул на Алланона и застыл пораженный. Великий путешественник направил свой немигающий взор на необычное озеро и не сводил с него глаз, проникая острым взглядом в бездну темно-зеленых вод. На какое-то мгновение мелькнуло что-то пугающее, нечеловеческое, неземное в самом отчужденном облике Алланона. Казалось, с этими водами его связывает нечто такое, что не может понять смертный человек. Он смотрел вглубь вод с таким волевым напряжением, что создавалось впечатление, будто Алланон передает невидимому существу закодированную информацию.

— Мы пришли в Сланцевую Долину — преддверье Зала Королей и обитель духов всех времен, — раздался, наконец, все еще отрешенный голос великого путешественника. — Это озеро носит название Хадесхорн — его воды несут смерть живым людям. Следуйте пока за мной, а потом я вас оставляю и пойду вперед один.

Не дожидаясь реакции на сказанное, Алланон быстро зашагал по долине, то и дело опасливо и внимательно поглядывая на озеро. Все остальные в таинственном молчании и полной неизвестности последовали за ним. Каждый понимал, что наступает важный, ответственный момент не только для них, но и для тысяч людей во всех концах света. Впервые за все время Ши явственно понял, что великий историк, путешественник, этот великий Друид и даже маг, который вел их опасными тропами к цели, наконец, пришел домой. Это были его пенаты. Здесь он был поистине королем.

— Вам придется подождать меня здесь. Что бы ни произошло, вы не должны идти за мной. Вы не должны двигаться с места, пока я не вернусь. Я иду туда, где нет ничего, кроме смерти.

Как вкопанные, путешественники застыли на месте, провожая изумленными взорами великого историка, направляющегося в сторону страшного озера. Он шел ровно, прямо, никуда не сворачивая, с одной и той же скоростью. Издали казалось, что это не человек, а высокая скала плывет по каменистому пространству. Ши посмотрел на Флика и увидел на его лице выражение крайней озабо-

ченности, близкой к страху. Действительно, Бог знает, какие испытания ждут их впереди... Сердце Ши еще сильнее стиснул дух необъяснимой тревоги, в груди все больно заныло в предчувствии неотвратимых роковых событий. И вдруг Ши охватило отчаянное, почти детское желание как можно скорее убежать из этих злополучных мест, но, оглянувшись по сторонам, он с мучительной горечью осознал всю безнадежность своих желаний. Теперь он весь во власти судьбы. Он инстинктивно запахнул плотнее походный плащ, нащупав при этом мешочек с заветными магическими камнями Эльфов. Сознание, что эти волшебные камни находятся при нем, до некоторой степени успокоило Ши, хотя он прекрасно понимал, что силы, с которыми им предстоит встретиться, столь могущественны, что перед ними нередко пасует сам Алланон.

Тем временем глаза всех путников были неотрывно прикованы к удаляющейся фигуре Алланона, который уже почти достиг противоположного края смертоносного озера и в странной задумчивости смотрел в сторону вод, будто что-то ожидая. Между тем повсюду воцарилась мертвая тишина, и мрачное, безжизненное безмолвие этих минут нарушал лишь шум дыхания да стук их собственных сердец. Застыли земля, вода, воздух, редкие деревья, и лишь, угрожающе возвышаясь над путниками, смотрели вверх уродливые скалы. Казалось, жизнь ушла из этих мест, и на смену ей пришло холодное дыхание смерти. Во все глаза смотрели члены отряда на стоящего вдали Алланона.

В этот миг Алланон медленно простер к мертвому озеру свои темные руки, и через несколько мгновений — о, чудо! — вода в нем заволновалась и вспенилась, как бы выражая полное неудовольствие. Вся долина откликнулась на это действие: что-то зашелестело, загремело и тихо заскрежетало, будто очнулось от тяжелого векового сна. До смерти перепуганные путники с ужасом озирались по сторонам, со страхом взирая на громадные валуны и массивные булыжники, которые, казалось, наступали со всех сторон, угрожая раздавить несчастных живых людей. Алланон все еще стоял у другого конца озера, и в следующую минуту, к ужасу путешественников, вода в центре озера заклокотала столь яростно, что казалось, она вот-вот закипит, а из темных, мертвых глубин вырвался вихрь и с ревом взвился вверх. Откуда-то из ночного воздуха слышались всхлипывания, стоны и

раздирающие крики сгинувших душ, чей вечный покой потревожили загадочные действия Алланона. Хор страшных голосов нарастал, от него веяло смертным холодом. Сердца путешественников наполнились леденящим ужасом. Все вокруг было окутано и пронизано тяжким и безысходным унынием. Повсюду было разлито безмолвное, незримое, но осязаемое присутствие Смерти. Сам воздух здесь пропитался духом тления и скорби. Этот мертвый штиль во тьме уходящей ночи кого угодно мог свести с ума. Временами путников обступал мир призраков, над которыми витал, распластав широкие, черные, чудовищные крылья вездесущий Дух смерти. Друзья не могли совладать со смутными, непостижимыми образами, что осаждали их в этих Чертогах смерти, и уж тем более не находили разгадку всему этому. Вот опять перед ними с раздирающими сердце звуками проплыл зловещий легион гробовых видений, что заставило их снова содрогнуться от чувства еще более тягостного, чем прежде. Цепenea от ужаса, не в силах пошевелиться, вздохнуть или закричать, путешественники провожали глазами кошмарные смертельные призраки.

И вдруг... Какими словами передать то леденящее изумление, тот ужас, которые объяли их души после того, что они увидели? В самом центре озера Хадесхорн внезапно образовалась зловещая большая воронка, через нее на поверхность воды и в воздух с неистовой силой вырвался яростный поток воды, и вслед за этим из воды стал быстро расти какой-то старик. Буквально на глазах он вырос во весь свой высокий рост и застыл на поверхности воды, злобно поглядывая на путешественников. Лицо Флика стало совсем белым. Появление этого жуткого видения лишь подтвердило его отчетливую мысль о том, что их физический и духовный конец уже близок и что смерть уже неотвратима. Всем казалось, что наступили последние кошмарные минуты их жалкого, бренного существования. Каким-то боковым зрением им удалось увидеть, что Алланон по-прежнему застыл у противоположного края озера. Прошли страшные минуты. Путникам показалось, что Алланон вступил в разговор со старцем. Они не слышали, о чем они говорили, потому что их разговор заглушали по-прежнему проплывавшие перед их глазами души умерших; эти призраки рыдали и хотали, обдавая сердца могильным холодом. Друзьям показалось, что после короткого разговора старец, неожиданно возникший на поверхности воды, пришел в

неописуемое негодование. Они в ужасе закрыли глаза и стали ждать смерти. В этот момент Ши почувствовал, как его тело леденеет. Неимоверный холод пронизывал его, проникал в сердце, душу, в кровь и ткани его организма. Ему казалось, что через минуту он совсем зачинеет. Он понимал, что обречен; это Смерть коснулась его своим ледяным крылом. Тем временем старец стал уходить под воду и вскоре совсем исчез, оставив лишь на поверхности озера таинственный клубящийся дым или туман. Вода в озере все еще вздымалась и клокотала, а перед изнемогающими путниками стали вновь проплывать души умерших с убийственным плачем и громом рыданий, которые сопровождали эту смертоносную флотилию. Прошло несколько минут, прежде чем воды озера успокоились, а его поверхность стала гладкой и ровной. Ши немедленно ощутил, как холод покидает его.

Между тем на востоке показался золотистый шар солнца, его ласковые лучи сразу оживили безмолвную поверхность озера. Бросив обеспокоенный взгляд на другой край озера, друзья враз лишились дара речи, не успев еще прийти в себя от недавнего потрясения. Они увидели, что высокая фигура Алланона внезапно пошатнулась, и в следующее мгновение он упал на землю. В мгновение ока все участники похода, забыв о своем состоянии, устремились вдоль склона к противоположному краю озера на помощь великому историку. Они испуганно склонились над ним, изо всех сил начали растирать заледеневшие пальцы рук, тереть виски на мертвенно-бледном лице. Путников охватило отчаяние. И лишь спустя некоторое время стало ясно, что жизнь возвращается к великому Друиду. Его руки потеплели, к лицу вернулся живой цвет темной кожи, глаза медленно раскрылись, и, мгновение посмотрев на них, Алланон поднялся и сел.

— Должно быть напряжение было слишком велико, — тихо, будто самому себе проговорил Алланон. — Я вступил в слишком длительный контакт. Еще немного, и я буду в порядке.

— Кто был этот старик? — со страхом спросил Флик, опасаясь повторения пережитого.

— Потерянная душа, забытая людьми и всем миром, — печально изрек Алланон после некоторого молчания. — Он обрек себя на полуживое-полумертвое существование и будет жить вечно среди живых-мертвых.

— Не очень понятно, — сказал Ши.

— Все это неважно сейчас, — опять резко ответил Алланон, давая тем самым понять, что эта темы исчерпана. — Ну, хорошо, если хотите... Фигура, с которой я разговаривал, это Тень Бремена, Друида, который не раз сражался против лорда Уорлока. Я поведал ему о Мече Шаннара, о нашем походе в замок Паранор и о всех участниках похода. От него я узнал немного. К примеру то, что события ближайшего времени не решат нашей судьбы и лишь события весьма отдаленные определяют судьбу каждого из нас.

— Что ты имеешь в виду? — нетерпеливо спросил Ши.

Алланон не спеша поднялся, осмотрел долину, будто желая еще раз убедиться, что видения пропали и дух Бремена исчез, и лишь после этого повернулся и, посмотрев в наполненные тревогой глаза путников, тихо сказал:

— Мне нелегко говорить об этом, но вы все столько пережили и подошли чуть ли не к концу нашего похода. Я не имею права скрывать от вас. Тень Бремена сделала два пророчества относительно будущего нашего отряда. Он заверил, что через двое суток мы завладеем Мечом Шаннара. Однако он также заметил, что один из участников похода не сможет благополучно пройти Драконьи Зубы.

— Снова я что-то не совсем понимаю, — растерянно произнес Ши. — Мы уже потеряли Генделя. Должно быть, речь шла именно о нем.

— Нет, ты ошибаешься, мой юный друг, — мягко сказал Алланон. — Делая второе пророчество, Тень Бремена указала на одного из вас четверых, стоявших у другого края озера. Одному из вас не суждено дойти до замка Паранор!

Меньон Леа в полном молчании затаился в укрытии между огромными валунами, зорко наблюдая за тропой, ведущей в Сланцевую Долину. Напротив него за скалистыми выступами засел в засаде принц Каллахорна; его большой фамильный меч сверкал в темноте ночи. Однако вокруг было тихо. Они подождали еще часа полтора, и вновь — вопреки предчувствиям Дурина — ни чего не произошло. Внезапно Меньону пришла в голову ужасная мысль. А что, если это существо, которое нес лышно преследовало их, взлетело в воздух подобно Носителю Черепа, с которым столкнулись Ши и Флик и настигло остальных? Меньон весь похолодел от этой мысли и уже был готов сообщить об этой догадке Ба

линору, как вдруг их внимание привлёк явный шум. Оба заняли оборонительную позицию и, затаив дыхание, смотрели на тропу.

Издали слышались шаги, крайне насторожившие Меньона и Балинора хотя бы потому, что это существо или человек — кто бы он ни был — демонстративно не желало скрывать сам факт своего приближения. Осторожно выглянув из укрытия, к своему великому изумлению Меньон увидел приближающуюся коренастую фигуру, как две капли воды похожую на карлика Генделя. На лбу у Меньона выступил пот. «Боже, неужели ты сохранил ему жизнь?» — подумал он и уже смелее выглянул из укрытия, тем не менее, крепко сжимая в руках огромный меч. Они разработали план нападения: Меньон перекроет идущему продвижение вперед, а Балинор исключит тому возможность отступления.

Спустя несколько мгновений Меньон, выхватив меч, стремительно выскочил и преградил дорогу идущему. В мгновение ока их мечи скрестились, глаза встретились и... рука Меньона разжалась, меч упал на землю, и из широкой груди Меньона Леа вырвался ликующий крик: — Гендель!

Тотчас же с радостным воплем выскочил из укрытия Балинор и крепко обнял карлика, не в силах до конца поверить в случившееся. Балинор и Меньон спрятали свои мечи и смущенно улыбались, испытывая легкую досаду от того, что слишком рано поверили в гибель смелого Генделя. Впервые у Меньона возникло чувство уверенности в успехе всего похода в замок Паранор.

Глава 14

Тусклый рассвет медленно разгорался над острыми вершинами серых скал. Раннее холодное утро не предвещало радостного и счастливого дня. Живительная теплота утреннего светила, о которой можно было лишь догадываться, не могла пробиться сквозь тяжелую пелену серых мрачных облаков, закрывавших весь небосвод. Горы окутывал густой туман, скрывавший вершины скалистых пиков, что придавало всему окружающему пейзажу фантастически зловещий вид. Свирепый ветер завывал между скалами. Его порывы со страшной силой вырывались из извилистых каньонов, с воем проносились по лабиринтам ущелий. Было что-то жуткое и яростно-

звериное в этих могучих порывах ветра, буквально сотрясавших огромные каменные скалы. Временами шум ветра усиливался настолько, что напоминал грохот океанского прибоя; иногда ветер стихал, и тогда казалось, что он прячется в расщелинах скал. В эти редкие минуты безветрия в горах воцарялась мертвая тишина. Все было пронизано мрачным ощущением надвигающейся беды. Через короткие промежутки времени ветер опять достигал такой неистовой силы, что редкие птицы, вылетавшие из гнезд, с трудом поднимались в воздух и с жалобными или отчаянными криками исчезали, унесенные ветром. Среди этих безжизненных скал каким-то чудом сохранились горные козы и небольшие летучие мыши, последние гнездились в многочисленных расщелинах скал. Дикие порывы ветра приносили с собой дыхание холода. На большой высоте вершины гор были покрыты снегом, и смена времен года мало что значила для этих мест, где отсутствовало тепло лета.

В это мрачное холодное утро безлюдные горы, казалось, застыли в странном ожидании; это неприятное чувство возможной опасности с самого утра подтачивало путников. На душе было тяжело, их мучили безрадостные предчувствия. И восемь членов отряда обреченно брели по скалам навстречу колючему, холодному ветру в царство мрака, холода и роковых опасностей. Их не покидало ощущение того, что в этих скалах кто-то сосредоточенно и хитро наблюдает за каждым их шагом, видит, как текут по лицам слезы от дикого встречного ветра, который пронизывает их до нитки и заставляет дрожать от жестокого холода. Каменные уступы были влажные и скользкие, и ноги путников то и дело предательски разъезжались в стороны. Каждый шаг давался с большим трудом.

Чем дальше шли путешественники, тем больше их обуревали мрачные мысли, которые подобно фантомам мучили, терзали их сознание. Разобщенные в этой холодной неистовой стихии, они временами теряли ощущение реальности и шли вперед, гонимые жестоким ветром, не имея возможности поговорить или приободрить друг друга. Чувство обреченности наполняло их души. В этой ситуации лишь один Гендель сохранял полное спокойствие духа и был совершенно невозмутим. Его молчаливая, привыкшая к одиночеству и дальним путешествиям натура, а также последнее столкновение с обезумевшими гномами в Нефритовом Ущелье сделали его почти нечувствительным к уколам судьбы и тем более лишили его страха

перед опасностью. Много раз Гендель стоял лицом к лицу со смертью, не раз был на волоске от гибели и теперь ни один мускул не дрогнул на его лице. Он вспомнил разъяренные лица гномов, отчаянно-безнадежную ситуацию перед входом в Нефритовое Ущелье, когда уже не было выбора и перед ним неотвратно стояла смерть от рук взбешенных гномов... Быстро и ловко, неслышно и молниеносно Гендель пробрался к ликующей толпе гномов, сильным ударом оглушил стоящего с краю охотника гномов, накинул на него свой плащ и издал истощенный крик о помощи. Ничего не подозревавшие гномы со звериным ревом бросились искать неприятеля и на мелкие куски растерзали собрата, в пылу гнева, ненависти и свирепой жажды мести не успев разобраться в скрытом замысле. Между тем Гендель затаился в расщелине и спокойно выбрался из нее на другой день, когда разъяренные гномы рассредоточились по лесу в поисках путешественников, после чего отправился вслед ушедшим вперед друзьям. И на сей раз смелому карлику удалось выжить.

В отличие от Генделя оба жителя Долины и братья-эльфы отнюдь не могли похвастаться самообладанием перед лицом столь необычной опасности. Их продолжала неотвратно преследовать Тень Бремена, его ошеломляющие слова о том, что одному из них не суждено будет дойти до конца. Эти мрачные слова подхватывал ветер, и они, смешиваясь с дикой пляской и завыванием ветра, как эхо звучали над бедными путниками, вызывая у них непроходящее чувство безысходности. Они находились перед лицом смертельной опасности, от которой нельзя ни уйти, ни скрыться. Оставалось надеяться только на чудо.

Впереди отряда навстречу диким порывам ветра шел Алланон. Ветер слепил глаза и пронизывал насквозь, и высокая, огромная фигура Алланона напоминала скалу, которая медленно, но неуклонно продвигалась вперед, борясь с коварными происками разбушевавшейся стихии. В который раз великий путешественник мысленно окидывал взором события, происшедшие со времени его появления в Тенистой Долине, анализировал свои действия и возможные пути достижения цели без жизненно важных потерь. В сотый раз ломал он голову над странной встречей с Тенью Бремена, который был обречен на полуживое-полусмертное существование, пока оставался жив дух лорда Уорлока или он сам. Опять Алланон

испытал минутное сожаление о том, что не может полностью раскрыть перед друзьями правду слов, которые изрекла Тень Бремена, как не может рассказать им всю правду о легендарном Мече Шаннара. Да простит его Бог! Бывают в жизни такие периоды, когда правда может помешать осуществлению важной цели!

Между тем после мрачного холодного рассвета наступило серое тяжелое утро, а затем полдень. Путники по-прежнему шли вперед. Продрогшие от холода и сырого ветра, они осторожно, то и дело подскальзываясь, шли вперед по обманчиво ровной, мокрой поверхности скал. Путь казался бесконечным. Справа и слева беспорядочно громоздились уродливые скалистые пики, и казалось, они навсегда останутся в объятиях этих холодных каменных громад. Внезапно ветер прекратился. В воздухе прокатился тонкий звон, и все погрузилось в мрачное оцепенение. Удивлению путников не было предела, когда каменистая тропа на глазах стала расширяться, открывая широкий и удобный подход к Залу Королей. Это случилось так неожиданно, что все члены отряда потеряли дар речи. Во всей внезапности случившегося было поистине что-то мистическое, пугающее, непонятное. Взору путешественников предстали две исполинские каменные статуи, у которых не было основания. Они поднимались прямо из скалистой поверхности, производя тем самым устрашающее впечатление. В этих гигантских каменных изваяниях было легко узнать воинов-стражников, с ног до головы закованных в броню, устремивших свой зоркий взгляд в окружающий мрак. На лице воинов застыло выражение крайней решимости не подпустить близко никого, кто без ведома свыше отважился бы проникнуть под своды Зала Королей; их руки в боевой готовности покоились на рукоятках мечей. Было такое впечатление, что лица этих статуй светились громадной жизненной силой: усталые и изможденные, они несли на себе следы вековых температурных воздействий; глаза, как живые, были четко направлены на прибывших путников и внимательно изучали их. Невозможно было долго терпеть взгляд этих странных каменно-живых глаз, и мороз пробежал по коже всех участников похода; они чувствовали, что на них направлена мощная сверхъестественная сила.

Алланон дал знак путникам подойти поближе к нему и тихо заговорил:

— Много веков назад, еще до Первой Войны Рас, существовала обособленная группа людей — следы их

происхождения затерялись в веках — которые, являясь священниками, избрали особый способ поклонения — поклонение богам смерти. В этих пещерах они хоронили монархов из всех четырех земель, включая их семьи, слуг и окружающие их любимые предметы. Под этими сводами скрываются большие богатства. Легенда гласит о том, что лишь мертвые могут «существовать» здесь и только мертвым дано право попасть под своды Зала Королей. Никто больше не видел тех живых смельчаков, которые осмеливались переступить порог этого зала. Сейчас этих священников уже нет, но отголоски этого культового обряда до сих пор живут здесь.

На какое-то мгновение Алланон замолчал, видя, как в глазах слушателей застыл немой вопрос.

— Я понимаю, о чем вы хотите спросить. Да, один раз я уже прошел через Зал Королей; я — один, и теперь вы. Мы единственные, кто рискнул сделать это в нынешний век. Друзья мои, я — последний Друид, который ходит по этой грешной земле. Подобно Бремену, а до него этим занимался Брона, я вплотную изучал черную магию и имею некоторые навыки и способности совершать сверхъестественные вещи. Я не обладаю столь мощной силой, которая отличает Лорда Тьмы — лорда Уорлока, — однако я могу благополучно переправить вас через эти пещеры на другой конец Драконьих Зубов.

— А потом? — прозвучал в туманном воздухе вопрос Балинора.

— Мы выйдем на узкую, скалистую площадку под названием Драконья Складка и по ней спустимся с гор. И вскоре перед нашим взором предстанет замок Паранор.

Воцарилось тяжелое долгое молчание. Алланон догадывался, о чем думают путешественники, и, не дожидаясь вопросов, продолжал:

— Помимо этого входа, здесь есть целый ряд пещер и камер, а также есть лабиринт, из которого выбраться простому смертному практически невозможно. Есть очень опасные проходы и камеры, есть менее... — Алланон внезапно замолчал, уйдя в себя, и лишь через минуту снова зазвучал его голос:

— Как только мы минуем вход, мы неизбежно попадем в тоннель Сфинксов, где стоят громадные статуи, подобные этим. Отличие в том, что эти изваяния — в полный рост, а в тоннеле Сфинксов нас встретят изваяния-бюсты. Всякий, кто осмелится посмотреть в глаза этим Сфинксам, немедленно превращается в камень. Поэтому мы должны

завязать глаза. Вы должны всецело довериться мне, сосредоточить свои мысли на мне, думать только обо мне и ни о чем больше. Сфинксы будут пытаться воздействовать на вашу волю, всячески склоняя вас снять повязку с глаз и посмотреть им прямо в глаза.

Путники переглянулись. В их глазах застыл ужас.

— Пройдя тоннель Сфинксов, мы должны будем пройти ряд относительно безопасных пещер, ведущих к коридору Ветров, который населяют невидимые существа под названием Банши — знаменитые астральные духи. Это не более чем голоса, однако они способны свести с ума любого человека. Если вы дорожите своим рассудком и не хотите, чтобы он помутился, вы должны смотреть на меня и слушать только меня, мой голос. Для вас ничто не должно больше существовать. Вы должны только слушать меня, а я постараюсь заблокировать губительную силу этих голосов. Повторяю: вы должны расслабиться и слушать только мой голос! Вы поняли? Вы меня хорошо поняли? Тогда двигаемся дальше. Из коридора Ветров мы попадаем в Гробницу Королей. И там нам придется встретиться...

Внезапно он замолчал и с тревогой посмотрел на вход в Зал Королей. Через несколько мгновений он дал знак молча следовать за ним. Путники вплотную подошли к гигантским каменным изваяниям, которые холодно и отчужденно взирали на отважных пришельцев. У подножия статуй клубился густой белый туман, а за ними зиял черный зловещий вход, похожий на распахнутую пасть жуткого чудовища. Алланон достал белые широкие повязки для глаз и раздал их путникам. Завязав глаза, они достали длинную веревку и крепко привязались друг к другу. Первым шел Гендель, а замыкал процессию принц Каллахорна. Положив руки на плечи впереди находящемуся, с тугими повязками на глазах, связанные одной веревкой, друзья медленно двинулись вперед, образуя единую неразрывную цепь.

Все замерло вокруг. Пещеры, сам воздух, каменные своды — все было погружено в оцепенение и неподвижность, лишь шаги путников гулким эхом отдавались в тревожной тишине. Каменный пол туннеля был поразительно гладким и ровным, но от него исходил такой нестерпимый холод, что через несколько мгновений путешественники стали дрожать от странного охлаждения и от нервного ожидания последующих событий. Истинным ведущим был, несомненно, Алланон. Он шел впереди

Генделя и всех остальных членов отряда, осторожно ступая и оглядываясь по сторонам.

Они медленно дошли до каменного выступа и остановились. В их сознание стал проникать негромкий властный голос Алланона: «Вы должны помнить о моем предостережении. Вы совершенно расслаблены и слышите только мой голос. Ваши мысли целиком сконцентрированы на мне. Все другое не имеет для вас никакого значения. Вы слышите только мой голос.» И в следующее мгновение все разом буквально физически ощутили, что перед ними находится что-то такое, что молча, терпеливо поджидает их. Минуты казались вечностью. Каждый шаг давался с трудом и был сопряжен с огромным риском. Внезапно они вздрогнули, будто от удара током, и остановились. Прямо перед ними возвышались большие неподвижные каменные изваяния с живыми лицами. Это были Сфинксы. Они знали, что стоит лишь человеку взглянуть на них, как его разум тотчас помутится и окажется в полной их власти. Концентрируя всю свою неистовую энергию и твердую, как камень, из которого они были созданы, волю, эти каменные монстры направили в сознание путников такой мощный заряд биотоков, что они сразу явственно ощутили это страшное воздействие на их мозг. Чудовищные потусторонние силы всячески пытались заставить их сорвать с глаз повязку и посмотреть на Сфинксов. Искушение было очень велико, потому что сила таинственного воздействия Сфинксов на мозг, волю и сознание путников оказалась огромна. Они изнывали от ощущения свинцовой тяжести, которая разливалась в голове, руках и ногах. Тело стало чужим, сознание затуманилось. То и дело появлялось отчаянное желание сорвать повязку и уйти от этого мучительного дурмана. И как раз в тот момент, когда путники, будучи не в силах больше терпеть эту молчаливую пытку, были готовы сорвать повязки с глаз, подчинившись чужой воле, в их сознание с остротой ножа — властно и пронзительно — проник повелительный голос Алланона: «Вы слышите только мой голос. Вы думаете только обо мне. Все остальное не имеет для вас никакого значения.» Что-то мгновенно переменилось в их сознании, вернулась прежняя ясность мышления, исчезло убийственное желание сорвать повязку. Невидимая дуэль между Алланоном и Сфинксами продолжалась, а путники стояли ровным строем и невидящим взглядом смотрели вперед. По их лицам катился пот, голова раскалывалась от чрезмерного перенапряже-

ния, нервы были истощены до крайности, по всему телу разлилась тяжесть, которая тянула их вниз. Однако никто из них ни разу не разжал рук. Они стояли, крепко держась друг за друга, пытаясь выстоять в этом тяжелом бессловесном сражении. Их мысли были направлены к Алланону, который осторожно и неуклонно вел их сквозь ряды Сфинксов, пытающихся подчинить сознание путников своей воле. Постепенно на лицах каменных изваяний появилось застывшее, безжизненное выражение, и через некоторое время Сфинксы исчезли совсем. Путники сразу испытали облегчение.

Между тем Алланон вел путников дальше через зигагообразные каменные проходы. И, наконец, Алланон остановил отряд и велел снять повязки. Путники с некоторой нерешительностью выполнили его команду и, открыв глаза, с удивлением обнаружили, что находятся в длинном узком туннеле, от стен которого исходит странное зеленое свечение. Их лица, фигуры, воздух вокруг — все было погружено в зеленые волны света, так мало имевшего общего с четкими реалиями привычного мира. Высокая темная фигура Друида плавно, будто плывя в зеленых клубах воздуха, переходила от одного путешественника к другому, проверяя прочность веревки, связывающей их. Сосредоточенные действия Алланона, настороженное выражение его лица говорили о том, что друзей впереди ждут немалые опасности и главная из них — коридор Ветров. По совету великого путешественника они плотно заткнули уши небольшими кусочками материи, чтобы в какой-то степени ослабить предстоящее воздействие невидимых существ под названием Банши, с которыми они готовились встретиться. И, крепко взявшись за руки, связанные одной крепкой веревкой, они двинулись вперед.

Они медленно шли в волнах зеленого света вглубь странного туннеля, их шаги гулко отдавались в тишине. Путники прошли более мили в этом зыбком зеленом пространстве, о материальности которого напоминали лишь скользкие каменные плиты под ногами.

Внезапно воздух стал темнеть, стены туннеля раздвинулись и исчезли совсем, а низкий потолок стремительно рванулся вверх и растворился в черном воздухе. Путешественников окружало темное пространство, но Алланон уверенно сделал шаг вперед, ведя друзей в тревожное царство мрака.

И тут раздался резкий звук. Он появился так нео-

жиданно, что сразу поверг всех в панику: хотелось плотнее заткнуть уши, убежать, скрыться от этого обнаженного, режущего звука. Постепенно звук голоса стал перерастать в душераздирающие вопли, которые обрушились на путников с неистовой силой. В этих хриплых столах и истошных воплях была мрачная отрешенность от всего земного, поток беспросветной скорби, черный гул похорон. Временами казалось, что железный голос рвался из ржавой глотки и твердил, будто над краем бездны, что все кончено и все надежды бесполезны. Рев этого голоса был страшен и дик. Создавалось впечатление, что это не голос, а обезумевший набат сеял ужас и отчаяние в несчастных душах путешественников. Иногда голоса умерших перерастали в оглушительный грохот, словно рев тысячи водопадов. Казалось, с шумом поднимались могильные плиты, и из них вставали мертвецы, всеми силами зазывая к себе бедных путников. Ими овладел дикий, нестерпимый ужас, мысль цепенела. И напрасно они пытались отбросить это наваждение. Голоса наплывали с новой невиданной силой. Путники изнемогали от надрывного голоса смерти, эта долгая пытка совсем измучила их. Временами они чувствовали, что теряют сознание. В какой-то момент в голову Ши, подобно нежной музыкальной мелодии, прокралась мысль о том, как сладок должен быть покой могилы. Были такие мгновения, когда все чувства в них замирали и исчезали, как при безумном падении с большой высоты, будто их души полетели вниз, в преисподнюю. Внезапно все стихло. Воцарилась мертвая тишина. И вдруг вновь раздался крик, сначала глухой и прерывистый, словно скорбный плач, потом переходящий в громкий протяжный вопль, дикий и нечеловеческий, похожий на звериный вой или душераздирающее стенание. Казалось, этот голос мог исходить только из ада. Рассудок путников, вероятно, мог помутиться, если бы из темноты с регулярными интервалами не раздавался громкий повелительный голос Алланона со словами: «Вы думаете только обо мне. Вы слышите только мой голос. Все остальное уходит, оно не имеет для вас никакого значения. Все будет хорошо.» И им сразу казалось, что голоса стихают, дыхание смерти отступает и прибавляются силы, проясняется разум. И они шли вперед, зная, что их ведет великий Друид. Между тем ужасные голоса стали уходить, воздух постепенно светлел. Через несколько минут путешественникам стало ясно, что коридор Ветров они миновали.

Они еле держались на ногах, руки дрожали, по лицам стекали крупные капли пота. Не верилось, что они прошли через это страшное испытание. Трясущимися руками они освободились от веревки, связывающей их, и вытащили из ушей затычки. Они находились в небольшой пещере. Прямо перед ними возвышались могучие каменные двери с железными засовами. Темные скалистые стены излучали тот же самый странный зеленоватый свет. Терпеливо подождав, пока друзья хоть немного придут в себя, Алланон предложил сделать несколько шагов вперед. Они вплотную подошли к огромным дверям, и только великий Друид поднял вверх руку, как двери медленно распахнулись. В наступившей тишине четко прозвучал тихий голос Алланона:

— Перед нами Зал Королей.

Вот уже более тысячи лет здесь не было ни одного живого человека, за исключением Алланона. Ни одна живая душа не приближалась к этой зловещей гробнице, огромной каменной твердыне с гладкими, полированными стенами, высоким каменным потолком, где со всех сторон шло непонятное зеленоватое свечение — точно такое же свечение путники видели в больших и малых туннелях, что предшествовали Залу Королей. На огромном круглом постаменте вдоль стены возвышались статуи мертвых правителей, взоры которых были направлены на странный алтарь в виде свернувшейся клубком змеи. Перед каждой статуей лежала груда бесценных вещей их бывших владельцев — кубки, оружие, драгоценности, меха, шелка и прочие дорогие предметы. Позади каждого каменного изваяния в стене было большое и длинное углубление в виде ниши, где покоились люди из близкого окружения правителей — члены их семей, слуги. Около статуй лежали таблички с подробным указанием всех данных о когда-то живших монархах; они были написаны на странном языке, совершенно незнакомом всем участникам этого похода. Многие предметы были лишены резких очертаний: все обволакивал неживой свет. Обычно зеленый цвет ассоциируется с живой природой, радостью жизни, однако в переливах этого света было что-то мертвецки жуткое, тусклое и недвижимое. Повсюду лежали кучи вековой пыли, и при малейшем движении они неприятно шевелились подобно серым отвратительным зверькам. Более тысячи лет никто не нарушал покой этой гробницы, никто не осмеливался проникнуть в тайны погребенных правителей. Это было закономерно в какой-то степени. И лишь

Алланон, один Алланон из всех ныне здравствующих людей, посмел заглянуть в самое сердце этого гигантского могильного склепа...

Ши не мог унять дрожь и волнение. В глубине души, всем сердцем и своим юным существом он чувствовал, что не должен был быть здесь — не должен быть не потому, что это священное место, нет, просто здесь не место живым. Он задышался в этой гробнице умерших королей. Внезапно он вздрогнул от тяжелого прикосновения — это Алланон, будто читая обуревавшие его мысли, положил ему на плечо свою огромную руку и сказал:

— Впереди вашему взору предстанет широкая каменная лестница, ведущая к бассейну, который питают горные воды. У подножия этой лестницы прямо перед бассейном находится Погребальный Костер Мертвых, где погребенные монархи пребывают определенное число дней до тех пор, пока их души вконец расторгнут все видимые и невидимые связи с живым миром. Мы должны пройти это место, где находится Погребальный Костер Мертвых, а оттуда попадем на Драконью Складку, что находится на другой стороне гор.

Он остановился и глубоко вздохнул.

— В прошлый раз, когда я пробирался по этим пещерам, я был вынужден прятаться от существ, которые стараются уничтожить всякого, кто осмелится очутиться в этих местах. Вероятно, в Зале Королей есть сила, явно превосходящая мою собственную. Здесь я не смогу защитить вас в полной мере. За бассейном располагаются два прохода. Около Погребального Костра Мертвых на нас обязательно набросится существо, охраняющее это место. При этом Балинор, Меньон и я быстро идем через левый проход и отвлекаем чудовище на себя. Тем временем Гендель ведет всех остальных через правый проход. Не останавливайтесь, прежде чем не достигнете Драконьей Складки. Это очень важно — вы не должны останавливаться! Вы поняли меня?

Все молча кивнули. Опять в душе Ши стал расти внутренний протест против огромного риска, которому подвергались все участники похода. Однако спорить было бесполезно, и Ши снова подчинился воле великого Друида. Алланон приготовился к встрече с чудовищем — мгновенно выпрямился во весь свой исполинский рост, иронично улыбнулся, оскалил зубы и стал неотрывно смотреть вперед. Юный житель Долины почувствовал, как по коже у него пробежал холодок — в который раз он осознал,

что это истинное счастье иметь Алланона в качестве друга, потому что, как враг, он страшен. Быстрым движением Балинор достал свой меч, и сталь огромного клинка сверкнула в воздухе. Гендель уже был готов идти через Зал Королей и крепко сжимал в руке тяжелый жезл. Меньон тоже был во всеоружии, сделал было шаг вперед, но остановился, раздумывая, не взять ли что-нибудь из запасов оружия, груды которого лежали перед каменными статуями. Не вызовет ли это какой-либо нежелательный эффект? Меньон повернулся и вопросительно посмотрел на великого Друида.

— На твоём месте я бы воздержался от этого, — предостерегающе сказал Алланон. — Все оружие покрыто слоем ядовитого вещества. Любой человек, прикоснувшийся к этому оружию, умрет через несколько минут.

Меньон, бросив в его сторону недоверчивый взгляд, решительно подошел к большому ящику с золотыми вещами, осторожно выбрал несколько золотых наконечников для стрел, тщательно вытер их драгоценную поверхность и насадил на стрелы столь ловко, что его пальцы не коснулись вплотную ни к чему, кроме как к оперению стрел. Чрезвычайно довольный этой рискованной операцией, он вернулся в ту часть зала, где толпились все остальные участники похода, и победоносно посмотрел на Алланона. Все с замиранием сердца следили за принцем Леа, в глубине души опасаясь, как бы случайно попавшие частицы ядовитого вещества не проявили себя самым наихудшим образом. Все были в сборе и внутренне готовы дать отпор неведомому, но заведомо опасному врагу.

Наконец, Алланон дотронулся до каменных колонн, которые самым таинственным образом расступились, предоставив удивленному взору путешественников большой зал, который опоясывала каменная галерея, переходящая в широкие лестницы в конце зала. Необычайно широкая, с высокими каменными сводами, галерея была великолепным и законченным творением природы. С каменных потолков, причудливо искрясь и переливаясь, свисали сталактиты — результат действия воды и минеральных солей на протяжении тысяч лет. Посреди зала размещался большой бассейн прямоугольной формы с водой ярко-зеленого цвета. От гладкой, зеркальной поверхности исходили крошечные яркие лучи, создавая загадочный надводный ореол. По мере приближения к бассейну все вокруг стало освещаться фосфоресцирующими вспышка-

ми; зеленые огни, то появляясь, то исчезая, плясали на каменных стенах и под высокими каменными сводами зала, создавая вокруг таинственно-волшебную феерию света, которая дополнялась флюоресцентным свечением воды в бассейне.

Позади бассейна, перед широкими лестницами, возвышался небольшой каменный алтарь. Путники неуклонно продвигались вперед и вскоре смогли рассмотреть слово, высеченное на гладкой поверхности алтаря. Valg — лишь немногие из участников похода знали, что в переводе с древнего языка Гномов это слово означало Смерть. Все вокруг застыло; лишь отдававшиеся эхом гулкие шаги и взволнованное прерывистое дыхание путников нарушали мертвую тишину этого часа. Дойдя до подножия лестниц, они разделились. Гендель повел членов отряда направо, а Меньон, Балинор и Алланон, плечом к плечу, осторожно пошли влево. Вода в бассейне была спокойна и неподвижна. Все окружающее утопало в странном зеленом свечении и было похоже на зыбкий мираж.

Внезапно поверхность воды с шумом взорвалась, и из глубин бассейна возник ночной кошмар. В плеске зеленой воды, в мерцающем воздухе, извиваясь, как огромная змея, из воды стало подниматься невиданное чудовище, заполнив собой почти все пространство над водой. Чешуйчатое тело монстра росло с каждой секундой, рискуя упереться в высокие каменные своды зала; сталактиты уже стали теряться из виду, водяное чудовище угрожало смести и их. Длинные передние конечности со скрюченным подобием пальцев зловеще сжимались и разжимались. Огромные челюсти лязгали и судорожно хватали воздух. Из пасти чудовища зловеще торчали длинные черные зубы. Из горящих выпученных глаз с шумом вырывались страшные языки пламени. Уродливая, неправильной формы голова, которая могла привидеться только в страшном сне, угрожающе раскачивалась из стороны в сторону. У путников занялся дух от ужаса: они не могли ни пошевелиться, ни крикнуть, ни вздохнуть. Они внутренне содрогались при виде зрелища, в котором было мало земного. А чудовище между тем, изрыгая хриплые звуки, отравляя все вокруг зловонным дыханием, напоминало собой гигантскую помесь жабы с драконом. Никакими словами невозможно передать тот великий ужас и отчаяние, которые обуяли их перед тем, что предстало их взору. Монстр то ссражался, то расширялся в размерах, угрожая заполнить все окружающее

пространство. Наконец, это мерзкое водяное чудище установилось прямо на Алланона, Меньона и Балинора, и из его жутких испепеляющих глаз полилась огненная лава. Вода вокруг зашипела, забурлила, воздух мгновенно раскалился, и путникам показалось, что они находятся у самого кратера вулкана. Внезапно раздался страшный скрежет челюстей, туловище водяного монстра сделало несколько головокружительных поворотов в воздухе, отчего сразу полетели мириады огненных искр, и чудовище бросилось вперед, готовое разом поглотить столь богатую добычу.

Реакция всех троих была мгновенной. Меньон стремительно натянул тетиву, и в ту же секунду одна за другой в быстром ритме стаккато зазвенели, полетели отравленные стрелы, со звоном вонзаясь в липкую чешуйчатую кожу водяного монстра. Град ядовитых стрел привел его в неистовство: водяное чудовище стало судорожно извиваться и корчиться от боли. В тот же момент подключился Балинор, стараясь не упустить инициативу. Из всех сил он ударил своим огромным мечом по вытянутой вперед конечности монстра. Несмотря на то, что удар был сильнейший, чудище лишь скорчилось и отдернуло отвратительную конечность, а фосфоресцирующая чешуя, поврежденная в результате удара, оторвалась от туловища и диким вихрем закружилась в воздухе. Тем временем Гендель уже подвел своих подопечных к выходу из этого зала. Однако здесь возникло неожиданное препятствие: на выходе из зала, перед каменным проходом, сквозь который надо было проникнуть, лежал огромный валун. Общими усилиями друзья стали пытаться отодвинуть эту каменную преграду. Видимо, чудовище услышало шум, повернуло свою мерзкую голову с пылающими глазами и, резко развернувшись, бросило свое мощное, похожее на кошмар туловище навстречу этой компании.

Никто не ожидал такого поворота событий. Гендель, забыв о собственной безопасности, в яростном порыве защитить друзей сильнейшим движением метнул свой тяжелый железный жезл прямо в глаз устрашающего водяного чудовища. Удар был настолько сильным и точным, что пылающий глаз выпал из глазницы, забились языки пламени, чудовище подскочило под самые каменные своды, а дикий, истошный рык свидетельствовал о том, что усилия Генделя не были напрасны. Извиваясь от нестерпимой боли, чудовище изрыгало во все стороны

языки пламени, угрожающе раскачиваясь из стороны в сторону. Кровь леденела в жилах при мысли о том, что эта дикая масса, непонятным образом сочетающая в себе огонь и воду, может в любую секунду обрушиться на них, не оставив от друзей живого места. В это время Флик нанес чудовищу тяжелый удар по голове, а монстр, судорожно изогнувшись, скрюченной лапой схватил огромный валун, который тщетно пытались сдвинуть с места Гендель с друзьями, и, подняв его в воздух, как шар, бросил на каменный пол. Генделя и всех, кто находился рядом с ним, осыпало раздробленными камнями. Огромный булыжник и буквально град тяжелых камней сбили Генделя с ног, и какое-то время он лежал неподвижно, почти погребенный под грудой камней. Все остальные лежали рядом на россыпи камней, еле живые от каменного града и почти потерявшие сознание при виде склонившегося над ними водяного чудовища.

И, наконец, настал черед Алланона. Вознеся руки вверх, он молитвенно что-то зашептал; его обычно темное, мрачное лицо сразу побелело, черты заострились, взгляд устремился на кончики пальцев. Через мгновение пальцы на его руках превратились в горящие овальные источники свечения, из которых яркое голубое пламя мощными потоками устремилось к голове водяного чудовища, стремясь поразить его мозг. Злобу, ярость, ожесточение и неистовство монстра невозможно было описать. Казалось, взметнулись вверх глубины бассейна, с такой неимоверной силой чудовище било своим змее-драконьим туловищем по воде, извиваясь и корчась в немыслимых судорогах. Скрежет черных зубов и дикий рев, переходящий в ужасный вой, заглушали все остальные звуки. Между тем Дурин и Дэйел, воспользовавшись моментом, изо всех сил пытались вытащить полуживого Генделя из-под каменных обломков, а также привести в чувство свалившегося от удара Флика. А Алланон, концентрируя свои внутренние резервы, продолжал истреблять водяное чудовище, которое металось по поверхности бассейна, как разъяренный, раненый, бешеный зверь. Балинор и Меньон предприняли серию атак, изо всех сил стараясь добить это исчадие ада. Взгляд Алланона по-прежнему был неотрывно устремлен на монстра; в результате мощного потока отрицательной, разрушительной энергии, исходящей от великого Друида, тело чудовища вдруг приобрело тонкую змеиную форму и стало неистово биться головой о каменные своды. С каменного потолка посыпался град

сталактитов, и многие из них угодили прямо в голову высокого историка. Чудовище воспользовалось минутным замешательством Алланона, лишенным на краткий миг всей силы воздействия на водяного монстра, и стало один за другим обрушивать на всех остальных сокрушительные удары с еще большей силой. Вновь увеличившись в размерах и приняв прежнюю гибридную форму, оно, изрыгая чудовищные звуки злобы и ярости, настигло Балинора своей жуткой скрюченной лапой, мертвой хваткой схватило его и ударило о скалистую стену. Вперед выскочил Меньон Леа, но водяной монстр, изрыгая из глаз и пасти языки пламени, мгновенно одним движением сбил его с ног и придавил к земле. Таким образом, устранив наиболее сильных противников, колдовская бестия намерилась использовать свое главное и скрытое оружие против Алланона. Защечные мешки чудовища были заполнены ядом, и, вобрав в себя воздух, глядя в глаза своей жертве, оно уже приготовилось изрыгнуть смертоносные струи прямо в лицо Алланону. И в этот момент — к великому ужасу всех присутствующих — все тело великого Друида охватило голубое пламя. Сердце каждого участника похода, если он был в состоянии смотреть на эту душераздирающую картину, казалось, разорвалось на куски, почва ушла у них из-под ног, рухнули и стали гореть в огне последние надежды. В немом ужасе, не в силах пошевелинуться, они смотрели, как пламя бушует вокруг исполина. У Ши вырвался пронзительный крик отчаяния, ему казалось, он умирает. Ноги его подкосились, он упал ничком на каменные плиты. Через несколько мгновений Дурин и Дэйел к своему величайшему удивлению увидели, что пламя внезапно погасло, и перед ними стоял Алланон, живой и невредимый. Он тотчас воздел руки к высоким сводам зала и путем концентрированной медитации направил мощные потоки отрицательной энергии на водяное чудовище.

Вокруг головы монстра заплескали голубые языки пламени, голова закачалась от нестерпимой боли. Огонь распространился ниже; чудовище неистовало, а вокруг стали подниматься клубы едкого дыма, который густел на глазах, и через несколько мгновений все окружающее заволокла плотная пелена дыма, а монстр исчез.

В это время пришел в себя Балинор. Обливаясь потом, истерзанный, но не сломленный, в разорванной одежде израненный, он стоял среди каменных обломков и лежащих тел, исполненный гордой решимости биться до конца

Он сразу стал извлекать Генделя из-под тяжелых каменных обломков, дав одновременно задание Ши, Дурину и Дэйелу привести в чувство Флика. С большой осторожностью вытащил он тело карлика из-под груды камней и, взвалив его себе на плечи, исчез в темном коридоре. Трое молодых людей терли виски Флику, пытаясь привести жителя Долины в форму, а Ши украдкой то и дело поглядывал вокруг, но даже сквозь рассеивающийся дым он не мог разглядеть тело Меньюна Леа. Кругом все являло страшные следы побоища — пыль, сломанные стрелы, раздробленные камни, кровь на каменных плитах. Дым постепенно рассеялся, и на краю бассейна путники увидели тело водяного чудовища, наполовину находящееся вне воды, которое пребывало в мучительной агонии. Вода в бассейне была красного цвета. В этот момент совершенно неожиданно появились Меньюн и Алланон, причем Меньюн немного прихрамывал, а Алланон вполне соответствовал своему обычному виду.

Все, что происходило после этого, было похоже на сон. Участники похода, истерзанные, полуживые, почти машинально подняли двух своих раненых друзей, все еще находящихся без сознания, и, шатаясь, пошли по узкому темному туннелю. Каждая минута казалась вечностью. Наконец, блеснул свет в конце туннеля, и вскоре путники вышли на широкую скалистую поверхность, залитую солнцем. Справа от них возвышалась Драконья Складка. Однако стоило им только ступить на коварную каменную поверхность Драконьей Складки, как путешественники почувствовали, что земля колышется у них под ногами. Скальная поверхность сотрясалась настолько, что, казалось, каменные плиты то сдвигались, то раздвигались, угрожая захватить измученные ноги путников в свои вечные каменные тиски. Не зря это место называлось Драконьей Складкой.

Они прошли сравнительно небольшое расстояние, когда вдруг услышали ужасающий грохот, который нарастал с каждой минутой. Осторожно передвигаясь по этой опасной поверхности и прислушиваясь, путники обогнули скалу и увидели огромный водопад. Тысячи тонн воды с оглушительным ревом низвергались с большой высоты в каменную пропасть. Далеко внизу шумела река, образованная этим водопадом. Поглощенный дикой красотой водопада, Ши отстал от основной группы. Алланон обеспокоенно позвал его, и житель Долины заторопился к великому Друнду. Остальные участники похода, не

заметив отсутствия Ши, ушли далеко вперед и вскоре совсем скрылись из вида. Не успел Ши пройти и сотни футов, как внезапный грохот сотряс окрестности, заглушив рев водопада. Окружающие Ши скалы содрогнулись до самого основания. Внезапно дорога, по которой шел Ши, раскололась широкой трещиной, мгновенно пробежавшей пред остолбеневшим Ши. Та часть дороги, на которой стоял житель Долины, повинувшись силам стихии, понесла его к каменным утесам, шатающимся из стороны в сторону при каждом подземном толчке. С воплем отчаяния Ши упал на скалистую поверхность. Алланон устремился на помощь несчастному, отчаянно пытаясь спасти юного потомка царственного рода. Однако непреодолимые силы разбушевавшейся природы, которые направлялись неведомым противником, упрямо несли площадку, на которой лежал Ши, к кромке водопада. Было очевидно, что через несколько минут скальный выступ с оцепеневшим от страха Ши обрушится в пропасть и рухнет на дно реки.

— Попытайся удержаться! — загремел голос великого Друнда, перекрывая грохот водопада и шум трескающихся скал.

Этот отчаянный крик вывел из оцепенения впавшего в состояние полного транса Ши. Вскочив на ноги, с удесятерившимися силами обреченного он попытался ухватиться за выступы вертикальной стены ущелья, мимо которой проносила его отколовшаяся площадка. Обдирая в кровь пальцы, полуживой от ужаса, он пытался найти хоть какую-то опору для своего тела.

— Держись! Держись! — подбадривал его Алланон. — Сейчас* я брошу тебе веревку.

Но скользкая и гладкая поверхность склона ущелья делала тщетными все попытки Ши задержать его стремительное продвижение к краю пропасти. Между тем Алланон громкими криками звал на помощь своих друзей, но попавший в беду житель Долины так никогда и не узнал о тех усилиях, которые предпринимали его соратники. С каждой минутой коварный план лорда Уорлока воплощался в жизнь; надежды на спасение оставалось все меньше и меньше. С угрожающей быстротой Ши приближался к краю бездны. Наконец, роковой момент наступил. С пронзительным воплем Ши вместе со скальным выступом рухнул в пропасть, на дне которой катила свои бурные воды река. Алланон с ужасом увидел, как хрупкая фигурка юноши скрылась в мутных водах грохочущего потока.

Флик Омсфорд неподвижно стоял у подножия Драконьих Зубов и смотрел вдаль. Исчезающие лучи вечернего солнца освещали мягким розовым светом его коренастую фигуру, бросая тревожные красноватые тени на скалистые вершины огромной горы. Где-то рядом были слышны звуки, раздавались голоса участников похода, напоминали о себе пронзительным криком пролетавшие птицы. Все это было рядом и в то же время где-то очень далеко, и теперь окружающая жизнь представляла для Флика лишь второстепенное значение. Все его мысли были обращены к Ши, который исчез в мутных водах бурного потока, и неизвестно, жив ли он вообще. Глухая печаль и отчаяние камнем легли на плечи Флика. Снова и снова вспоминал он взволнованный протест Ши против этого похода в целом, его страстное желание выяснить истинные мотивы и цели этого путешествия, а потом — его твердую решимость отдать свою юную жизнь во имя спокойствия других рас. Нет, Ши не мог умереть! Эта мысль казалась Флику чудовищно несправедливой. Нет, этого не может быть! Все они столько пережили, перенесли бесчисленное число страданий, прошли через страшные опасности и испытания и в конце пути, на подходе к замку Паранор... Нет, сознание Флика, его душа, сердце, все его существо отказывалось верить в случившееся. Должно быть, бедному Ши достались немалые муки. Никто не успел прийти ему на помощь в эти жуткие минуты неравной борьбы со стихией. Его брат был один на один со смертью, и ни он, Флик, ни все остальные не смогли помочь ему. Сейчас, казалось, они все отдали бы за то, чтобы Ши оказался рядом с ними, — они готовы были встретить самую страшную смерть от рук Носителей Черепа, готовы были скрестить мечи со злобными гномами, согласились бы пройти через еще более тяжкие испытания и ужасы в Зале Королей. Но, увы! Жестокая реальность явственно обнажила свое лицо, и не мириться с этим было просто невозможно. Временами острое отчаяние и боль переполняли сердце Флика настолько, что ему хотелось заплакать от всей безжалостной безысходности случившегося.

На расстоянии нескольких ярдов от Флика нервно расхаживал Меньон Леа, исполненный горького отчаяния и яростного негодования. Его кипучий темперамент, страстная натура не желала примириться с печальным фактом исчезновения Ши. Он был весь в гневном борении,

как смертельно раненый зверь. Его мысли бушевали в бессильной ярости и неудержимом стремлении отомстить врагам или отправиться на поиски Ши. Его гордость, достоинство были оскорблены: Меньона не покидало ощущение, что это он сам потерпел жестокое поражение. Ему было бесконечно жаль Ши, но это было гневное сожаление опытного воина, который не уберег своего подопечного. Меньон понимал, что Алланон ни в коей мере не виноват в случившемся, он сделал все возможное, чтобы спасти юного наследника рода Шаннара. В то же самое время он сознавал, что это еще не конец их путешествия, им еще предстоит бороться, хотя ему, Меньону, до сих пор не было ясно, что должен был делать этот еще не повзрослевший юноша с Мечом Шаннара и смог ли он противостоять страшной силе лорда Уорлока. А его дружба с Ши? Они оба никогда открыто не говорили о собственных чувствах, о своей дружбе, но именно это молчаливое признание верных дружеских уз делало их отношения простыми, естественными и надежными. А теперь все это кончилось. И, возможно, навсегда. Меньон до боли закусил губу и ускорил шаг.

Тем временем к подножию горы подошли Дурин и Дэйел. Тонкие черты лица эльфов были искажены горечью и досадой, они почти не разговаривали, избегая смотреть друг другу в глаза. Рядом с ними, облокотившись на большой валун, отдыхал Гендель. Его плечо и ноги были перевязаны, и видно было, что он еще не совсем оправился после страшной битвы с водяным чудовищем. Карлик молчал, и все, видя его крайне подавленное состояние духа, не решались заговорить с ним. Ему вспомнились родные места в цветущем Кульхавене, его собственный дом, семья, которая давно ждет его, и Генделю страстно захотелось увидеть все это — может быть, в последний раз. Он знал, что теперь без Ши, без Меча Шаннара его родная земля подвергнется жестокому нападению со стороны Северных земель. Гендель был не одинок в своих мыслях. Об этом же думал и Балинор. Неподвижный взор орлиных глаз гордого исполина был устремлен в густую зелень дальних лесов. Его родная страна тоже была в опасности. Теперь перед ним стоял выбор: вернуться домой охранять или защищать родную землю от вражеского вторжения или же продолжить поход в замок Паранор и завладеть Мечом Шаннара. Ясно было одно — выбор представлялся чрезвычайно трудным.

Между тем к друзьям медленно приближался Алланон. Его лицо было мрачно. В глазах застыла горечь поражения. Меньон весь похолодел при его виде и почувствовал, что ему не избежать конфронтации с великим Друидом. Флик со страхом посмотрел на Меньона, зная его необузданный нрав и горячий темперамент. При приближении Алланона все встали.

А великий путешественник предстал перед участниками похода с потухшими глазами, с выражением боли на почти черном лице. Но если его могучий дух был поколеблен, то воля и стремление идти дальше остались прежними. Воцарилась гробовая тишина, и каждое слово Друида гулко отдавалось среди гранитных скал.

— В некотором смысле мы потерпели поражение. Однако мы изменили бы своей чести и совести, если бы повернули назад именно в такой момент, когда народы нуждаются в наших действиях и нашей помощи. Если даже смерть вплотную подступит к нам, мы встретим ее во всеоружии и с Мечом Шаннара в руках!

В его тоне была такая стальная решимость, что по телу каждого участника похода пробежала дрожь. Все почувствовали невольное восхищение перед несгибаемой силой духа великого Друида. Они впервые испытали чувство гордости, что пошли вместе с этим человеком для осуществления тяжелой, но благородной миссии.

— А что же случилось с Ши? — громко, возможно, излишне резко спросил Меньон.

Алланон мрачно опустил голову, погрузившись в горькие раздумья о судьбе несчастного потомка рода Шаннара.

— Я знаю не больше, чем вы. Он был унесен водами горной реки. Жив он или нет — трудно сказать. И сейчас мы ничего не можем для него сделать.

— Так ты предлагаешь забыть о Ши и продолжать поиски Меча Шаннара — этого бесполезного куска металла? — в яростном негодовании вскричал Меньон. — Лично я не сдвинусь с места, пока не узнаю, что произошло с Ши, даже если для этого потребуются приостановить поход. Я буду искать Ши до тех пор, пока не найду его, чего бы это мне ни стоило. Я не брошу друга и не предам его!

— Успокойся, житель высокогорья! — прозвучал низкий насмешливый голос великого Друида. — Ты говоришь глупости! Бессмысленно обвинять меня в исчезновении Ши. Я всегда больше, чем кто-либо, желал добра Ши. А то, что ты предлагаешь, Меньон, лишено здравого смысла.

— Довольно с нас умных речей, Друид! — вскипел Меньон, не в силах больше сдерживать душивший его гнев. Его возмутила фатальная покорность, с которой Алланон принял исчезновение Ши. — Долгие недели мы безропотно шли за тобой, безгранично веря в правильность поставленной цели. Но теперь — довольно! С меня хватит красивых слов! В конце концов, я — принц Леа, а не какой-нибудь нищий, в страхе готовый выполнить любые приказания человека, который больше всего думает о собственных интересах!

— Глупец! Ты похож на клоуна, а не на принца! — угрожающе закричал Алланон. Его гигантская фигура зловеще перегнулась в поясе, руки сжались в кулаки, глаза пылали огнем. Все замерли и с побелевшими лицами наблюдали за словесным поединком, не решаясь вмешаться. Однако через несколько минут все члены отряда стали успокаивать обе стороны, убеждая и того, и другого, что раскол в их рядах будет означать конец предпринятым действиям. Теперь, как никогда, им нужна сплоченность и поддержка. Флик, пожалуй, был единственный, кто не участвовал в этом. Его мысли по-прежнему были обращены к брату, а сознание не хотело мириться с трагичностью ситуации. Подобно Меньону он тоже не пошел бы вперед, пока не узнал бы о судьбе Ши. И в то же время у него не было оснований не доверять словам Алланона, хотя тот всегда что-то скрывал от них. Флик отчаянно пытался представить, что бы сделал на его месте Ши. И вдруг его осенило. Да, да! Он знал, что надо делать.

— Послушайте, Алланон, есть выход, — громко заявил Флик, пытаясь заглушить шум. Все удивленно посмотрели на него.

— Ты обладаешь способностью говорить с мертвыми. Мы сами были свидетелями этого. Ты можешь узнать, жив ли Ши. Если ты можешь общаться с мертвыми, следовательно, твои возможности высоки или, по крайней мере, достаточны, чтобы выяснить, на каком свете все-таки Ши. Для нас это сейчас самое главное.

Все посмотрели на Алланона в ожидании ответа. Великий Друид тяжело вздохнул и задумался; его недавний гнев, обращенный на Меньона, был забыт.

— Я мог бы сделать это, — сказал он ко всеобщему облегчению и неменьшему удивлению, — но не стану делать этого. Используя свою силу для обнаружения Ши, я неизбежно раскрою лорду Уорлоку наше местонахождение.

ние. Носители Черепа незамедлительно понесутся по нашему следу, а в замке Паранор нас уже будут поджидать подданные лорда Уорлока.

— Если мы еще пойдем в Паранор, — мрачно вставил Меньон, после чего незамедлительно последовала бурная вспышка ярости великого Друида.

— Прекратите! Немедленно прекратите! — возмущенно воскликнул Флик. — Что толку спорить и сводить счеты! Это никому не поможет, тем более Ши. Алланон! На протяжении всего путешествия я ни о чем не спрашивал тебя. Я не имел права, ведь я сам сделал свой выбор. Но сейчас обстоятельства изменились. Я брат Ши, пусть не по крови или расе — неважно, нас связывают очень крепкие родственные узы. Если ты не используешь свои возможности и силу для того, чтобы узнать, где Ши и что с ним случилось, тогда я пойду с Меньоном и буду искать Ши, пока не найду.

— Он прав, Алланон, — твердо произнес Балинор и положил руку на плечо Флику. — Независимо от того, что может случиться с нами, Флик и Меньон имеют полное право узнать о судьбе юного наследника рода Шаннара. В то же самое время я хорошо представляю, что с нами может случиться, если нас обнаружат.

Дурин и Дэйел взволнованно кивнули. Друид посмотрел на Генделя, однако тот еще не оправился от ран и лежал с закрытыми глазами. Алланон внимательно посмотрел на лица всех участников похода, вздохнул и перевел взгляд на теплый розовый шар солнца, которое покрывало золотисто-красным ковром лесные дали. Да, действительно, они проделали тяжелое и рискованное путешествие и потеряли человека, ради которого пошли на все это, ради которого рисковали жизнью. Это не должно было случиться. В глубине души великий Друид понимал растерянность этих людей и желание узнать о судьбе юного жителя Долины.

— Хорошо! Воля ваша. Я выполню вашу просьбу. Отойдите назад, не разговаривайте со мной и не приближайтесь ко мне, пока я не скажу.

Все отступили назад, а Алланон, выпрямившись во весь свой исполинский рост, поднял голову и руки вверх и путем мощной концентрации мысли стал медленно проникать в тайну исчезновения юного эльфа. Через несколько минут над ним взвилось легкое облачко, потом повалил густой белый дым, который плотно окутал высокую фигуру Друида и вскоре совершенно скрыл его

из вида. Прошло несколько мгновений, и дым стал рассеиваться, и спустя еще две-три минуты Алланон вновь стоял перед участниками похода. Какое-то время он пребывал в неподвижной задумчивости, затем облегченно вздохнул и заговорил с едва заметной улыбкой на губах:

— Теперь нет сомнений, что наш друг жив. Это воистину чудо, которое я не берусь объяснить. Жизненные силы гор и реки ответили мне, что Ши жив. Однако он не один. С ним рядом находятся некие существа. Для того, чтобы вступить с ними в контакт или выяснить их истинные цели, мне потребуются неимоверные усилия. Это может истощить мой мозг, и я на некоторое время выйду из строя. Вряд ли стоит идти на это в данной ситуации.

— Но Ши жив, ты уверен в этом? — продолжал настойчиво спрашивать Флик.

Алланон с уверенностью кивнул. На лицах всех участников похода появилась долгожданная улыбка, и они с облегчением вздохнули. Меньон дружески потрепал Флика по плечу и в радостном порыве затанцевал на месте.

— В таком случае все решается очень просто, — взволнованно произнес Меньон Леа. — Мы все возвращаемся к Драконьим Зубам и ищем Ши, а потом продолжим наш поход в замок Паранор.

Однако его искренняя радость была короткой: уже через минуту гордое лицо принца исказилось от боли и гнева.

— Друзья мои, не буду от вас скрывать. Ши захватил охотничий патруль гномов, — мрачно констатировал великий Друид. — Его взяли на севере. Нам будет нелегко пробраться к нему, тем более что горы кишат охотничьими отрядами гномов. Идти назад нельзя, нас обязательно поймают.

— Но ты же сам сказал, что теперь все равно могут напасть на наш след! Ради чего мы будем пробираться в замок Паранор, если Ши находится в руках врагов? Зачем нам Меч Шаннара, если единственный наследник этого рода попадет в руки лорда Уорлока? Зачем? Зачем? — в неистовом гневе закричал Меньон Леа, не в силах больше вести пререкания с Алланоном.

— Да, мы не можем бросить его одного, — твердо сказал Флик и сделал шаг вперед.

Остальные участники похода хранили молчание, ожидая реакции Алланона. Стояла темная безлунная ночь, и друзья с трудом различали лица друг друга. Лишь

горные пики угрожающе чернели на мрачном небосклоне, временами сливаясь в громадные темные плоскости, которые со всех сторон окружали путешественников.

— Вы забыли о пророчестве, — многозначительно произнес великий Друид. — Нам было сказано, что одному из нас не суждено будет увидеть другую сторону Драконьих Зубов, и что именно ему первому предстоит прикоснуться к Мечу Шаннара. Теперь мы все знаем, что это Ши. Более того, если вы помните, в пророчестве указывается, что те, кому удастся перебраться на ту сторону Драконьих Зубов, по прошествии двух ночей увидят воочию Меч Шаннара.

— Возможно, с твоей точки зрения это и имеет большое значение, но для нас все это значит очень мало, — рьяно продолжал упорствовать Меньон, к которому опять присоединился Флик в едином с Меньоном желании найти Ши. — Почему мы должны верить в сумасшедшее пророчество какого-то замшелого призрака? Жизнь Ши во сто крат дороже!

Терпению Алланона, казалось, наступил предел. Он побагровел, сжал кулаки, но, огромным усилием воли подавив гневный импульс, посмотрел на Флика и Меньона.

— Разве вы не верили в легенду с самого начала? — тихо спросил он. — Разве вы не были участниками сражений с существами, обладающими неземной, сверхъестественной силой? Вы своими глазами видели волшебные свойства камней Эльфов. Вспомните другие необычайные и страшные проявления мистических сил — черной магии, — с действием которых вы уже столкнулись. Почему же сейчас вы повернулись спиной ко всем этим явлениям?

Все молча смотрели на Друида, в глубине души понимая, что он прав, но не желая — в то же самое время — отбросить мысль о поисках Ши.

— Не забывайте, что юный житель Долины носит при себе магические камни Эльфов, сила которых служит для него хорошей защитой. Эти камни могут привести его к Мечу Шаннара. Если нам будет сопутствовать удача, мы найдем и Ши, и легендарный Меч в замке Паранор. Все пути теперь ведут к цитадели Друидов, и мы должны быть там.

Участники похода стали торопливо укладывать вещи, готовить оружие, и вскоре их темные силуэты застыли в готовности продолжать продвижение вперед. Никто не проронил ни слова. Флик посмотрел вдаль, туда, где призывно чернели загадочные стены Паранора, где

царственно возвышалась цитадель Друидов, где хранился легендарный Меч рода Шаннара. Конец тяжелого испытания, выпавшего на их долю, был близок. Какой-то момент он отрешенно смотрел вперед, потом решительно перевел взгляд на Меньона. Житель высокогорья без слов понял немой вопрос Флика и утвердительно кивнул.

— Мы идем с вами, — прозвучал в тишине голос Флика.

Бурлящие грязные потоки с ревом, шумом и грохотом сбегали с гор, неся с собой обломки деревьев, валуны, мелкие булыжники. Безжалостные воды, падающие с большой высоты, неслись с огромной скоростью и все сметали на своем пути. Они неистово бились о несокрушимо-твердые подножия скалистых гор и, как будто устав от этой бесполезной борьбы, постепенно замедляли свой бег, переходя в более спокойную, но резвую и шумную горную реку. Видимо, суждено было случиться тому, что воды этой горной реки выбросили на берег человека, который каким-то чудом оказался привязанным к небольшому бревну и лежал полураздетый, с изодранной в клочья одеждой, с бесчисленными синяками и кровотокающими ссадинами на лице и теле. Да, это был Ши! Будучи почти без сознания, еле живой от перенесенных страданий, он с трудом воспринимал окружающее. Его ботинки, вещи, походная сумка — все было унесено бешеными горными потоками. Еле теплящееся сознание напомнило ему о заветном мешочке с камнями Эльфов. Ши со страхом нащупал кожаный мешочек, крепко-накрепко перетянутый жгутом, и у него отлегло от сердца. Истощение и усталость были столь велики, что, едва нащупав магические камни, Ши впал в глубокий сон.

Наступил уже день, а Ши все еще спал. Жаркие лучи полуденного солнца залечивали, затягивали ссадины и раны на его изможденном теле. Внезапно к его лицу прикоснулась травинка, заставила его вздрогнуть и проснуться. И в то же самое мгновение Ши почувствовал, как в его отдохнувший мозг поступил тревожный сигнал, и он всем своим существом ощутил, что ему грозит страшная опасность. Едва он сделал попытку встать, как его окружили десять-двенадцать человек и, сбив с ног, заломили ему руки за спину, крепко стянув их кожаным ремнем. Оказывать сопротивление было бесполезно. Почти теряя сознание, Ши увидел, что его окружили гномы, одетые в лесничьи костюмы, с короткими острыми мечами,

со злобными и свирепыми лицами. Ждать пощады от них было нечего. Гномы с ненавистью, хрипло бормоча какие-то проклятия, обшарили безжалостными руками тело Ши, надеясь, вероятно, изъять у него оружие. И тут пальцы — о, ужас! — неожиданно нащупали кожаный мешочек с камнями Эльфов. Ши весь похолодел от ужаса, ему показалось, что он умирает. Исчезла последняя надежда на спасение! И истерзанное тело Ши неистово забилось в сопротивлении; в его сознании осталась только одна мысль: «Они не должны забрать камни Эльфов!» Однако после нескольких резких ударов Ши, как подкошенный, упал на землю, а свирепые создания злорадно вынули заветный мешочек, и через минуту три небесно-голубых камня Эльфов вспыхнули божественным сиянием в лучах полуденного солнца. Повертев камни туда-сюда, коротко перекинувшись непонятными фразами, гномы, видимо, решили оставить этот вопрос на рассмотрение своему высшему начальству. Затянув потуже ремни на изодранных руках Ши, гномы хорошенько встряхнули юношу, поставили его на ноги и подтолкнули вперед. Путь лежал к северу.

А в это время путешественники подошли к замку Паранор. Испытывая громадное волнение, они с замиранием сердца смотрели на легендарный замок, перед которым расстиралась совершенно открытая местность, на которой не было ни кустика, ни деревца. Вероятно, это пространство было нарочно оставлено открытым, чтобы неприятель не мог спрятаться или приблизиться к замку незамеченным. Замок был обнесен высокой зубчатой стеной с укрепленными башнями по всей ее длине и по углам. Прочную стену прорезали узкие бойницы, надежно защищающие воинов, укрывшихся в замке. Вверху башен имелись отверстия, откуда обороняющиеся могли бросать на нападающих метательные снаряды. Весь замок производил впечатление неприступной твердыни, овладеть которой не смогла бы целая армия. Не было сомнений в том, что этот замок-крепость был построен для отражения вражеского нападения и для того, чтобы надежно укрыть от посторонних глаз и случайных посягательств работу самой одаренной из человеческих рас — тайную деятельность Друидов. В самом сердце этой твердыни из камня в течение многих веков покоился памятник, олицетворяющий победу человеческого разума над потусторонними силами зла, символ отваги и надежды многих

рас в течение многочисленных лет, на долгое время забытый, потому что ушли в небытие целые поколения, забылись старые легенды — но сохранился легендарный Меч Шаннара, навечно утверждающий блистательную победу ума над силами зла.

Пока все семь участников похода рассматривали на почтительном расстоянии цитадель Друидов, Флик перебирал в памяти события, происшедшие с ними с тех пор, как они потеряли Ши и отправились в Паранор. На многие мили вокруг замка Паранор раскинулись глухие дремучие леса, которые таили в себе бесчисленные ловушки, каждая из которых могла стоить жизни. Леса населяли страшные мистические существа, специально посланные лордом Уорлоком для того, чтобы ни одна живая душа не могла приблизиться к замку. В этих лесах жили огромные голодные серые волки, способные в доли секунды растерзать на куски любую жертву. Кроме того, то там, то тут можно было наткнуться на обширные заросли колючего кустарника, в шипах которого содержался смертельный яд. Опасности подстерегали путников на каждом шагу, любое неосторожное движение могло привести к неминуемой гибели. Путешественники шли прямо по тропе, которая, по словам Алланона, должна была привести их в замок Паранор. Когда они вошли в темный лес, почти сразу же к тропе стали подкрадываться голодные свирепые волки. Они скрежетали зубами, страшно выли, подняв вверх свои морды. Их глаза сверкали бешеным огнем и яростью. Казалось, еще минута, и все члены отряда неминуемо окажутся в лапах этих диких бестий. Однако в тот же момент с губ Алланона сорвался странный пронзительный свист. Звук был настолько резким и оглушительным, что уши путешественников пронзила острая боль, а разъяренные волки, прижав уши, стали медленно и неохотно отступать, издавая истошные звуки, и через некоторое время совсем скрылись из вида.

После этого волки появлялись еще дважды. И оба раза уходили прочь, заслышав оглушительный свист. Никто не понимал, почему эти звуки заставляют волков в ужасе отступать и даже спасаться бегством. Тайну этой разгадки хранил Алланон. Вскоре путники приблизились к длинным рядам колючих кустов с содержащимся в них смертоносным ядом. Сделав предостерегающий жест, Алланон осторожно повел путешественников к страшным кустарникам. Подойдя почти вплотную к этим ядовитым кустам, стоявшим плотной, непроницаемой стеной, великий

Друид неожиданно бросился в самую гущу кустов, которые тотчас же зловеще скрыли его. У путников захватило дух, бешено застучало сердце. Но уже через несколько мгновений Алланон появился на тропе, радостный и улыбающийся, что было крайне удивительным для всех участников похода. Тем не менее, Друид таинственно сообщил, что теперь кусты не представляют никакой опасности для человека и что можно смело шествовать сквозь длинные ряды темного кустарника. Путешественники переглянулись и последовали совету Алланона.

Временами Флик казалось невероятным, что они, проделав столь длинный и опасный путь, теперь уже совсем близко подошли к замку Паранор. Перед ними стояла главная задача: проникнуть в замок и завладеть оружием. Флик хорошо понимал, что подступы к Паранору тщательно охраняются и что придется, вероятно, встретиться не просто с врагом, а с существами из другого, мистического мира. Да, да, вряд ли это будут Гномы или Тролли. Это будет куда более серьезный противник.

Его мысли прервал тихий голос Алланона, который вместе со всеми вплотную подошел к глухой каменной стене, неожиданно возникшей перед ними. Создавалось такое впечатление, что великий Друид ищет что-то в стене. И, действительно, вскоре он нащупал в стене некое подобие двери, толкнул ее, и перед взорами удивленных путников предстал длинный темный коридор. На какое-то время Алланон скрылся в нем, но тотчас же вернулся, держа в руках факелы для каждого члена отряда. Процессия молча двинулась вперед, осторожно ступая в незнакомые мрачные владения. Вскоре впереди забрезжил свет: на каменном выступе в стене одиноко горел большой факел, озаряя мутным желтым светом все вокруг. Путешественникам пришлось дотянуться своими факелами до этого единственного источника огня, и через минуту у каждого горел свой маленький факел. Алланон внимательно посмотрел на путников и, требуя полнейшей тишины, поднес палец к губам. Впереди была узкая каменная лестница. Алланон стал медленно подниматься по каменным ступенькам; его широкий черный плащ плавно струился за ним, заполнив узкий проход. Все остальные последовали за ним. Штурм цитадели Друидов начался.

Обычная лестница вскоре превратилась в крутую винтовую, и каждый ее виток давался с трудом. Вскоре уже трудно было определить, как высоко они поднялись. Воздух постепенно становился теплее, дышалось легче.

Еще сто шагов, и через несколько минут вся компания подошла к самому концу туннеля. В стене чернела массивная железная дверь. Еще раз подтвердив свое умение хорошо ориентироваться в этой странной обстановке, Друид легким прикосновением нажал на квадрат в самом углу двери, и тотчас же дверь бесшумно отворилась, пропустив путников в большую камеру со множеством проходов из нее, каждый из которых был прекрасно освещен. Вокруг не было ни души. Алланон сделал знак подойти вплотную к нему.

— Мы находимся сейчас как раз под замком, — шепотом сказал Друид. — Если нам удастся пробраться в зал, где лежит Меч, незамеченными, думаю, мы сможем избежать столкновений.

— Тут что-то не так, — предостерегающе произнес Балинор. — Где стража?

Алланон покачал головой, всем своим видом показывая, что не может ответить на этот вопрос. Однако путешественники заметили в его глазах тревогу. Что-то было упущено, где-то они допустили досадный промах.

— Теперь следуйте за мной. Этот проход приведет нас к лестнице, которая откроет подступ к главному залу. Не говорите ни слова, пока мы не достигнем цели, но будьте начеку! Осторожность и внимательность — прежде всего!

И, не дождавшись ответа, он повернулся и быстро пошел вперед. Все члены отряда молча пошли за ним. Опять последовал изнурительно тяжелый путь через узкий проход, который извивался вдоль каменных стен. Осторожно, шаг за шагом путешественники приближались к заветной цели. Кругом стояла полная тишина, нарушаемая лишь гулким отзвуком шагов и прерывистым дыханием. Внезапно узкий проход кончился, и вся компания очутилась перед большой каменной дверью с железной ручкой. И в тот же момент до их слуха донесся удивительно неприятный звук, сила которого нарастала с каждой минутой. Звук напоминал скрежет работающего несмазанного оборудования, иногда в нем прорывался свист сжатого воздуха, а также грохот насосов, который сотрясал скалистую почву под ногами путников. По команде Алланона все молча остановились перед дверью.

Стоило великому Друиду открыть тяжелую каменную дверь, как на всех окружающих его людей хлынул поток нестерпимо горячего воздуха. Обжигающий поток проник в легкие и дошел, казалось, до самых внутренних

каждого из них. Судорожно хватая воздух широко раскрытыми ртами, путники, напрягая последние силы, перешагнули через порог. И тотчас же дверь за ними захлопнулась с глухим стуком. Вошедшие с удивлением обнаружили, что они оказались в небольшой круглой камере. В середине ее на полу пылал очаг, причина горения которого была совершенно непонятна. Оранжево-багровые языки пламени, источник которого оставался неизвестным для присутствующих, внезапно вспыхивали, достигая сводчатого потолка, и отбрасывали причудливые блики на стены этой комнаты-камеры. Этот странный очаг занимал большую часть помещения и давал очень много тепла. Кроме того, потолок и стены комнаты покрывали горячие трубы, по которым циркулировал нагретый воздух, и все это вместе создавало невыносимую жару. По-видимому, скрытый внутри тепловой насосный узел контролировал температуру помещения в зависимости от наружной температуры. Поскольку дело происходило ночью, температурный режим был снижен, и это спасло наших героев: жар в комнате был не настолько велик, чтобы уничтожить живые существа. Если бы отопительная система была включена на полную мощность, любое существо было бы мгновенно превращено в жареный бифштекс.

Меньон, Флик и братья-эльфы чрезвычайно заинтересовались системой и, забыв об опасности, начали рассматривать странные трубы. Однако Алланон, на ходу перекинувшись несколькими фразами с Балинором, дал знак идти вперед, и через минуту все вышли из жаркой камеры и снова пошли по узкому коридору. Флик не мог отвести глаз от причудливой отопительной системы и на какие-то секунды отстал от друзей. И в этот самый момент, когда он бросил прощальный взгляд на необычную камеру, он ясно увидел... темную фигуру Носителя Черепа, появившуюся неизвестно откуда.

Флик похолодел от ужаса. Все внутри у него сжалось от предчувствия неминуемой роковой схватки. Ему показалось, что волосы на его голове зашевелились и встали дыбом. Страх, внушенный этим безжалостным врагом, был настолько велик, что на какое-то время Флик утратил способность здраво оценивать окружающую обстановку. Существо, скрючившееся в отвратительной и угрожающей позе, смотрело прямо на Флика, вселяя ужас и отчаяние в несчастного юношу. Руки-клешни сжимались и разжимались, челюсти лязгали, и казалось, перед ним может

устоять лишь камень. Огромная мерзкая фигура Носителя Черепа, как и прежде, была закутана в черный плащ, на лице играли черные тени, изо рта вырывалось злое клокотание, а в глазах проглядывала неминуемая угроза смерти.

Остальные участники путешествия застыли от немногого ужаса, увидев это мерзкое создание, напоминавшее скорее зверя, нежели человека. Алланон дал знак всем немедленно уходить и в одну секунду оказался рядом с Фликом. Уходящие фигуры в отчаянии посмотрели на Флика и Алланона; Меньон пытался было вырваться и броситься на выручку Флику, но сильные руки Генделя схватили его и заставили подчиниться приказу Алланона.

— Друид, сдавайся! Глупо противостоять мне! — раздался страшный голос Носителя Черепа. Зверь в человеческом облике заговорил, и от этого стало совсем жутко. — Ты обречен. Вы все обречены с того самого момента, когда решили отправиться на поиски Меча. Лорд Уорлок знал, что вы придете сюда. Он знал, что вы все равно попадете в его руки!

— Убирайся с дороги, проклятый! — яростно закричал Алланон, и всем показалось, что задрожали каменные стены. — Ты никого не напугаешь здесь. Мы возьмем Меч, и ты не сможешь помешать нам. Прочь, исчадие! Пусть твой Хозяин попробует остановить нас!

Голос Алланона был страшен. Его слова, как маленькие острые кинжалы, проносились в горячем воздухе и вонзались в мерзкое туловище Носителя Черепа, который корчился от боли при каждом слове великого Друида. Между тем отвратительное существо распустило черные крылья, заскрежетало зубами и, казалось вот-вот воспламенится от захлестывающей его ненависти к противнику.

— Алланон, я уничтожу тебя! И тогда никто не сможет завладеть Мечом! Мы с самого начала охотились за тобой. И теперь ты в наших руках! Не только ты, но и твои помощники. Ха-ха-ха! Ты сам привел сюда того, кто нужен Хозяину! — захлебывалось в диком смехе ужасное существо, извиваясь и корчась. — Теперь наследник рода Шаннара в наших руках! Ха-ха-ха!

И похолодевшие от безнадёжной шоковой ситуации все участники похода чуть не лишились сознания, увидев, что Носитель Черепа скрюченными пальцами указывает на Флика. Очевидно, существо не имело ни малейшего понятия о том, что Ши был потерян в водах горной реки

и что здесь присутствует лишь его брат. Воцарилось гробовое молчание. Огонь бросал красные блики на обезумевшие от страха и отчаяния лица путешественников.

— А теперь, глупцы, — раздался ненавистный голос Носителя Черепа, — вы умрете той смертью, которую вы заслужили! Ха-ха-ха!

Глава 16

Не успели отзвучать последние слова зловещего черного создания в раскаленном воздухе, как события приняли стремительный оборот. Повелительным жестом Алланон отправил остальных участников похода к открытой высокой лестнице, ведущей в главный зал цитадели Друидов. Объятые смертельным страхом, они безмолвно подчинились приказанию Алланона. И в тот же момент чудовище обратило свой полный ненависти взор на него и приготовилось к нападению. Флик застыл на месте: он не мог ни крикнуть, ни пошевелиться, ни вздохнуть. Он уже похоронил себя в пучине отчаяния и ужаса.

Бежали страшные мгновения. Флик невольно оказался единственным свидетелем рокового поединка двух титанов. Вначале обе гигантские черные фигуры были неподвижны, хотя в их скованных позах чувствовалось нечеловеческое огромное напряжение перед решающей схваткой. Длинные руки Алланона вцепились в плечи чудовища, а огненные взоры двух противников, казалось, были готовы испепелить друг друга. Внезапно черные перепончатые крылья чудовища начали рассекать воздух с оглушительным свистом, а его руки с острыми, как бритва, когтями протянулись к горлу Алланона. Носитель Черепа пытался одним ударом покончить с великим Друидом. Смертное дыхание вырывалось из глотки мерзкого разъяренного существа, накаляя и без того знойный воздух. Когда эта попытка не удалась, исчадие Северных земель нанесло Алланону внезапный удар ногой. Удар был настолько силен, что Друид упал на каменные плиты пола. Воспользовавшись этим, зверь вскочил на Алланона. Однако реакция великого Друида оказалась быстрее, и он успел ускользнуть от смертельного прыжка. Носитель Черепа лишь слегка разорвал одежду Алланона. Флик в ужасе вскрикнул, но через мгновение увидел, что Друид стоит на ногах и готовится к дальнейшей борьбе. Подняв вверх руки, Алланон сосредоточился и вызвал свою мощную мысли-

тельную энергию. Его ладони стали излучать голубоватое сияние, вскоре превратившееся в языки голубого пламени, направленного в сторону Носителя Черепа. Флик понял, что Алланон использует то же самое оружие, которым он сразил водяное чудовище во время битвы в Зале Королей. Но на этот раз Алланон смог лишь на несколько секунд отсрочить ответные действия противника. Яростно зарывав, жуткое существо предприняло серию отчаянных атак. Внезапно из его глаз вырвались две красные молнии, но Алланон вовремя уклонился, и они ударили в каменную стену. Уставшие соперники стояли друг перед другом, покачиваясь в разные стороны, и напоминали двух гигантских лесных зверей, сошедшихся в смертельном поединке, из которого живым мог выйти только один.

Флик неожиданно почувствовал, что температура воздуха стала быстро подниматься. По-видимому, приближалось утро, и для отопления просыпающегося замка заработали тепловые установки. По лицу Флика стекали капли пота, горячий воздух обжигал слизистую оболочку носа и горла. Возможно, в эти минуты юноше и удалось бы уйти незамеченным, но многое удерживало его от этого. Будучи не в состоянии реально помочь Друиду, Флик не мог, тем не менее, оставить вдохновителя их похода наедине со смертельным врагом. Кроме того, кто-нибудь из них должен был знать, чем же закончится роковой поединок. Меч Шаннара превратится в ничто, если погибнет Алланон. Участники похода вряд ли смогут сами завладеть Мечом.

Между тем Носитель Черепа, взбешенный атакой Алланона, с угрожающим воем распростер черные крылья и стал делать зловещные круги над источником огня посреди камеры, как будто заряжаясь огненной энергией. Через минуту он с пронзительным звериным криком снова ринулся на Алланона. У Флика потемнело в глазах, ушел из-под ног каменный пол. «Это конец», — обреченно подумал он и закрыл глаза. Каково же было его удивление, когда он почувствовал, что соотношение сил резко изменилось! Каким-то чудом великому Друиду удалось буквально вылететь из когтистых объятий мерзкого чудовища, и через минуту он стоял рядом на каменном полу, а взбешенное существо, изрыгая ругательства и проклятия, извивалось от боли, ударившись о каменные плиты. Момент был удачный, и Алланон сразу воспользовался им. Великий Друид набросился на Носителя Черепа.

Свившись в огромный клубок, оба гиганта напоминали

два лесных дуба-великана, которые охватили друг друга своими мощными ветвями во время бури. Насмерть перепуганному Флику показалось, что немолодой Алланон потерпит поражение в этой смертельной схватке, но мощные мышцы Алланона, его сильные руки парализовали усилия чудовища. Судорожно бились черные крылья существа, его конечности конвульсивно вздрагивали, пытались схватить горло Алланона. Из глаз Носителя Черепа вылетали красные молнии, но они не попадали в Алланона, а лишь выбивали щербины в каменных стенах. Бой двух великанов достиг кульминации. Обхватив друг друга, они медленно перемещались по камере, приближаясь к центральному источнику тепла. В какой-то момент Флику даже показалось, что они оба рухнут в этот гигантский очаг. Внезапно Носитель Черепа заметил Флика, и его ярость переключилась на новый объект. Из глаз чудовища с необыкновенной скоростью стали вылетать красные молнии, и только великолепная реакция Флика спасла его от их смертельных ударов. Однако выбиваемые молниями осколки камня из стен больно ранили его лицо и буквально засыпали мелким щебнем все вокруг.

Спасая упавшего на пол и осыпаемого камнями Флика, Алланон ударил ногой в живот чудовища. Со злобным воплем и удесятеренной силой житель Севера бросился на Друида. Его натиск был так велик, что Алланон упал на колени и для своей защиты ему пришлось вновь прибегнуть к силе разума. Из его поднятых рук опять заструились голубые языки пламени, парализующие противника. На этот раз концентрация воли Алланона была настолько значительна, что мерзкое существо взвыло от боли; его крылья судорожно задергались, туловище стало сотрясать конвульсии, а когтистые лапы неистово скребли каменные плиты. Между тем температура воздуха заметно поднялась. От центрального очага вздымались густые клубы пара, которые скрывали от Флика конец этой драматической борьбы.

Флик все еще лежал на каменном полу среди груды осколков, лицо и тело его были изранены, одежда изорвана. Он с трудом поднялся и попробовал продвинуться к противоположной стене камеры, но огонь в центре был так силен, что горячая волна воздуха сразу же отбросила его в сторону. Он сделал еще несколько попыток, но и это было безуспешно. Пот застилал глаза, дышать было невыносимо трудно. Клубы пара неумолимо заполняли камеру. Алланон и мерзкое чудовище бесследно

исчезли, и, похоже, Флик остался совсем один в этой странной раскаленной камере. Напрасно пытался бедный юноша звать великого Друида: его голос тотчас растаял в густых клубах пара, слабым эхом отозвавшись в каменных стенах.

Фликом овладела паника. Чем дальше, тем сильнее его била нервная дрожь. Он стал судорожно ощупывать влажные каменные стены, разыскивая запасной выход, как свое единственное спасение. Долгая пытка жаром совсем измучила его. Временами он чувствовал, что теряет сознание. Между тем температура в камере нарастала, и Флик понимал, что, если через несколько минут ему не удастся найти выход, он погибнет. Трясущимися от волнения руками он нащупал, наконец, в стене дверь и стал резко колотить в нее. Дверь не открывалась. Тогда Флик, задыхаясь от горячего пара, принялся водить пальцами по поверхности каменной двери. И — о, чудо! В это трудно было поверить! — небольшой квадрат в правом углу поддался под его пальцами, и дверь медленно отворилась. С криком облегчения Флик упал в открытое темное пространство и потерял сознание.

Некоторое время он лежал без движения, сознание медленно возвращалось к нему. Теперь Флику стало ясно одно: неистовая жара, означавшая верную смерть, осталась позади. Однако это еще не означало конец всех несчастий. Измученное тело Флика впитывало прохладу воздуха и каменного пола. Наконец, собрав силы, он заставил себя подняться и увидел, что находится в длинном полутемном коридоре со множеством темных выходов из него. Не помня себя, он бросился к одному из них, но быстро вернулся, потому что выход был похож на длинный темный лабиринт. Все остальные выходы тоже представляли собой запутанные, плохо освещенные лабиринты, будто специально задуманные для того, чтобы свести с ума отчаявшегося человека. Внезапно послышался слабый шум, и Флик выхватил из-за пояса кинжал. Но вскоре все стихло. Житель Долины обследовал начала всех лабиринтов и понял, что все они были одинаковы и разобраться, куда именно они вели, можно было лишь дойдя до конца каждого из них. Флик тяжело опустился на каменный пол и, прислонившись к стене, закрыл глаза. Сомнений больше не было. Он безнадежно заблудился.

Между тем остальные участники похода продолжали путь к главному залу цитадели Друидов. Первыми шли

братья-эльфы. Их легкие тонкие фигурки неслышно скользили по нескончаемым узким лабиринтам. За ними, твердо ступая, широкой уверенной поступью шли Меньон, Балинор и Гендель, временами с трудом вмещавшиеся в коридорные проходы.

Дурин и Дэйел первыми вошли в главный зал цитадели Друидов. Оба брата застыли в немом изумлении. Их взорам предстал огромный зал с высокими сводами. Стены были отделаны красивым резным деревом, и работа неизвестных мастеров поражала уже издали. Горели свечи, и яркие огненные блики придавали особое благородство дорогому убранству зала. Стены украшали картины работы прекрасных художников, а от мраморного пола поднимались вверх по стенам удивительно теплые мозаичные узоры. Тяжелые дубовые кресла, огромные декоративные вазы с яркими экзотическими цветами, мраморные скульптуры, выполненные искусными мастерами прошлых веков, — все здесь дышало изысканностью и великолепием.

Недолго довелось братьям-эльфам любоваться роскошной обстановкой зала. Внезапно послышался шум многочисленных шагов, и тотчас на хрупкие плечи юношей посыпались удары. Их окружила толпа гномов-стражников, которые появились словно из-под земли. Маленькие зловещие фигурки гномов заполнили все пространство вокруг братьев. В отчаянии Дэйел выхватил острый охотничий нож и принялся наносить безжалостные удары направо и налево. Дурин использовал в качестве оружия свой лук со стрелами. Бой был неравный. Едва одни стражники-гномы падали, раненные или убитые, как на их месте сейчас же появлялись новые гномы. С дикой злобой эти создания пытались покончить с братьями-эльфами. Ввиду численного превосходства и свирепой ненависти для них не представляло особого труда разорвать на куски долгожданных пришельцев, но что-то, по-видимому, сдерживало их.

В порыве лютой ярости гномы не учли, что дверь в зал осталась открытой, и через минуту на пороге появились величественные фигуры Балинора, Меньона и Генделя. Картина была устрашающая. Гномам не доводилось видеть людей такой крупной конфигурации и ошеломительного роста, и они инстинктивно бросились врассыпную. Однако их тотчас же настигли яростные удары огромного меча принца Каллахорна. Меньон, придя в неистовство от неожиданной схватки с неприятелем,

безудержно крушил маленькие злобные фигурки своим фамильным мечом. Гендель, мгновенно выхватив из-за пояса большой охотничий нож, со всей силой и тяжестью своего мощного коренастого тела укладывал целые ряды гномов. Все вокруг было залито кровью. Кровоточило плечо у Меньона, Балинор и Гендель получили небольшие ранения, а свирепые фигурки появлялись снова и снова и с неистовой яростью набрасывались на них. Сверкала сталь клинков, лилась кровь, раздавались предсмертные стоны, а часть зала являла следы кровавого побоища. Мало-помалу гномы сникли: ряды их поредели, подкрепления не было. Сраженные силой, мощным размахом и ловкостью великанов, гномы поняли, что бой проигран. Уцелевшие стражники мгновенно исчезли, оставив Меньона, Балинора и Генделя перед застывшей грудой истекающих кровью и мертвых тел. Дэйел и Дурин, едва стоявшие на ногах, молча улыбались. А три великана, ни минуты не сомневаясь в превосходстве собственных сил, а скорее всего, воодушевленные скорым концом путешествия и тем, что в их руках окажется Меч, с победным рвением стали осматриваться по сторонам. Меч Шаннара должен быть где-то здесь, и, что бы ни случилось, они решили, что не уйдут отсюда без этой реликвии.

Однако в этот момент на пороге вновь появилась толпа гномов, которые со злобным улюлюканьем смотрели на пятерых измученных участников похода, в любую секунду готовые броситься на них. В мгновение ока Балинор, вне себя от ненависти к врагам и исполненный желания добиться победы, подскочил к высокой мраморной колонне, на верхнем основании которой красовалось остроконечное металлическое украшение, и с невероятным усилием повалил ее. Колонна с грохотом рухнула на мраморный пол. Задрожали стекла, закачались картины в тяжелых рамах. Удар был настолько силен, что оглушил всех. Не давая противнику опомниться, могучий принц Каллахорна с помощью Меньона и Генделя сдвинул с места лежащую колонну и принялся быстро толкать ее к двери, намереваясь вытеснить или задавить новое пополнение свирепых врагов. С ужасом взирая на могучие приготовления, гномы внезапно поняли, что им не одолеть эту силу. А колонна, огромная каменная машина, сокрушающая все на своем пути, с угрожающим грохотом надвигалась на них. В диком отчаянии и испуге гномы нерешительно попятились, а надвигающаяся колонна угрожала все больше и больше. Еще несколько секунд,

и тела гномов оказались бы раздавленными под каменной громадой. И, мгновенно осознав реальную возможность неминуемой гибели, гномы стремительно отступили вглубь коридора и затем обратились в бегство. А разъяренный Балинор все толкал и толкал сокрушительную колонну вперед таким образом, что вскоре она заблокировала вход в зал и неприступной громадой выступала в узкий коридор. Всякий, кто осмелился бы появиться в коридоре, был бы неминуемо раздавлен, если бы Балинор стал опять толкать вперед колонну. И гномы исчезли. Все пятеро участников похода облегченно вздохнули. Теперь перед ними стояла одна задача: взять в свои руки легендарный Меч.

Вернувшись в главный зал, они нашли его совершенно пустым. Они сейчас же бросились искать Меч, тщательно осматривая все предметы дорогой обстановки. Сказать, что зал был абсолютно пустой, было бы неверно. У входа и в передней части зала лежали груды неподвижных тел гномов. И это служило суровым напоминанием о том, что враг силен и коварен и что следует как можно скорее найти Меч и уходить из этих страшных владений. Внезапно Дурин потерял сознание, его рана кровоточила все сильнее и сильнее. Гендель разорвал свою холщевую рубашку и перетянул руку юноши. Между тем Меньон и Балинор продолжали осматривать зал. Отчаяние наполняло их души. И вдруг из уст Балинора вырвался возглас удивления. Он заметил, что на мраморном полу выделяется квадрат. По всей видимости, здесь что-то стояло в течение очень долгого времени. Мрамор блестел и выглядел совсем нетронутым, тогда как остальные участки пола носили следы явных жизненных перипетий в стенах этого зала. Было очевидно, что предмет, долго стоявший здесь, недавно переставили.

— Вероятно, здесь был алтарь с Мечом Шаннара! — воскликнул Меньон.

— Если его и вынесли отсюда, то совсем недавно, — задыхаясь от волнения, произнес Балинор. — Тогда непонятно, почему гномы не пускали нас сюда? Ведь они знали, что Меч вынесен отсюда!

— А если допустить, что им не было известно об этих изменениях? — раздался взволнованный голос Меньона.

— Скорее всего, это — ловушка, — мрачно подвел итог Гендель.

— Не исключено, — продолжал Балинор, — что они намеренно задержали нас здесь. Меч был где-то в замке;

видимо, его не успели унести далеко, и им надо было выиграть время. Но где же все-таки Меч? Кто именно завладел им?

Какое-то время все молчали, совершенно убитые неожиданным поворотом событий. Все это означало, что лорд Уорлок знает об их появлении в замке... Эта мысль повергла их в еще большее отчаяние.

— Стойте! Я вспомнил! — с трудом произнес Дурин, пытаясь встать на ноги. — Когда мы с Дэйелом пробирались в зал, в соседнем проходе мелькнули какие-то люди. Значит, тот коридор тоже вел в некое помещение!

— Это башня! Конечно же, башня! — в сердцах воскликнул Гендель. — Они упрятали Меч Шаннара в башню!

И карлик устремился к двери. За ним быстро последовали все остальные. Дурину и Дэйелу, которые потеряли много крови и сил, с трудом давался каждый шаг. Однако ноги сами несли их изможденные тела, в глазах сверкали проблески надежды.

Тем временем обессиленный Флик поднялся на ноги и решил выбрать один из проходов и пройти по нему до конца. У него не было другого выхода. Отчаяние переполняло все его существо. Он вспомнил своих друзей. Наверно, они уже проникли в зал и завладели Мечом. Вряд ли они станут искать его, ведь им надо как можно скорее исчезнуть из замка. И маловероятно, что они узнают об исчезновении Алланона и об его собственной судьбе. Ведь даже он сам, Флик, не может знать, что с ним будет в этих нескончаемых безжизненных лабиринтах. Он с содроганием подумал о Ши. Что будет стоять весь их поход, что они будут делать с Мечом Шаннара, если не найдется Ши! Эти печальные мысли повергли Флика в еще большее отчаяние, и у него снова потемнело в глазах. Волей-неволей он был вынужден признать, что его ситуация представлялась почти безнадежной.

Внезапно послышался шум приближающихся шагов, и житель Долины едва успел укрыться в темной нише лабиринта. Мимо него на расстоянии всего нескольких ярдов промчался отряд гномов и скрылся в комнате, примыкающей — по всей видимости — к этому проходу. Флик держал наготове свой острый охотничий нож, И, хотя гномы прошли, что-то удерживало его в укрытии. Внезапно рядом послышалось чье-то дыхание. Флик решил напасть первым, тем более, что ниша значительно огра-

ничивала двигательную возможность. Житель Долины выскочил и занес нож над гномом, который уже приготовился к свирепой расправе над противником. Злобный гном бесстрашно бросился на Флика и в одно мгновение выбил у него из рук нож. Флик повалил гнома на каменный пол, и оба, в исступлении нанося удары, сплелись в один жуткий клубок. Флик отчаянно пытался дотянуться до своего ножа, что лежал на полу поодаль. Он не был силен в рукопашном бою и, несмотря на внушительные размеры и рост, явно уступал злобному маленькому существу, чьи цепкие пальцы норовили разорвать ему горло. И тут неожиданно его рука нащупала тяжелый металлический подсвечник. Флик схватил его и, размахнувшись, ударил им по голове. Удар был быстрым и неожиданным, и гном мгновенно потерял сознание. Истекая кровью от многочисленных мелких ран, Флик стал медленно отползать от затихшего гнома. По-видимому, гном был мертв; шума его дыхания не было слышно. Подняв с пола свой охотничий нож, Флик, вконец обессиленный, едва передвигая ноги, скрылся в темном проходе. Через несколько десятков ярдов этот коридор перешел в крутую спиралеобразную лестницу, ведущую наверх. С искаженным от боли лицом, с кровоточащими ранами на теле Флик стал мучительно подниматься. Бежали бесконечные минуты. И, наконец, Флик в совершенном изнеможении нащупал дверь, добравшись до самого верха лестницы. Приоткрыв ее, он увидел большой зал. «Слава Богу, я достиг цели», — обессиленно прошептал Флик и в изнеможении опустился на порог комнаты. И в тот же момент чья-то темная рука выбила у него охотничий нож и затащила его в зал.

Тем временем Гендель стоял на лестнице, ведущей вверх, в башню цитадели Друидов. Справа от лестницы зияла глубокая пропасть. Меньон бросил вниз камень, и он улетел в бездонную глубину, не издав звука от падения. Что-то тут было не так. И, опасливо поглядывая на зияющую рядом пропасть, все пятеро участников похода устремились вверх по узкой винтовой лестнице. Освещения почти не было, все погрузилось в зловещий мрак. Однако отступать было нельзя, и путешественники осторожно продвигались дальше. С величайшей осторожностью Меньон ступал первым по лестнице, время от времени бросая камни на ступеньки, проверяя, нет ли впереди ловушки. Так шаг за шагом они продвигались

вперед и, наконец, достигли ровной площадки, огороженной металлическими решетками. Они дошли до самого верха цитадели Друидов. Впереди виднелась массивная, тяжелая дверь. Оставалось только открыть ее.

И тут Меньон обнаружил первую скрытую ловушку. Принявшись обследовать площадку, он вновь стал бросать камни. И перед самой дверью, около которой весь пол был устлан дубовыми деревянными половицами, вслед за брошенным камнем что-то щелкнуло, а из пола, как на пружине, выскочила деревянная коробка, из которой во все стороны торчали большие острые гвозди. Путники содрогнулись от ужаса, представив на мгновение, что чья-то нога могла оказаться в этих чудовищных тисках. С невероятной силой Гендель ударил своим тяжелым кинжалом по гвоздям; в коробке что-то щелкнуло: видимо, сломался механизм, отнюдь не рассчитанный на столь сокрушительную силу удара. Гендель осторожно вырезал коробку из деревянного основания и отставил ее в сторону. Таким же образом ему удалось обнаружить и обезвредить вторую ловушку.

Подступы к двери, однако, не были целиком покорены. Все пятеро застыли на месте, не решаясь сделать следующий шаг. Меньон и Гендель тщательно обследовали пол и пришли к выводу, что оставшийся участок площадки не представляет опасности. Но Дурин и Дэйел, отличавшиеся особо острым чутьем — как все эльфы, — заподозрили третью ловушку. Изгладив всю поверхность половиц мечами и охотничьими ножами, они все-таки медленно, с огромной осторожностью, страхуя друг друга, сделали последние шаги по направлению к двери. С их лиц градом катился пот, напряжение достигло предела. Они сами не понимали, каким чудом им удалось миновать ловушку. Видимо, за долгие годы механизм заржавел и попросту не сработал. Однако у Генделя было на этот счет другое мнение.

Над площадкой навис мрак. В тяжелом сыром воздухе застыло зловещее безмолвие. Балинор и Меньон попробовали найти скрытый механизм в двери, который помог бы открыть ее. Не обнаружив его, они замерли в тягостном раздумье. И вдруг Гендель, навалившись всей тяжестью своего грузного тела на дверь, с тихим скрипом открыл ее. Все застыли в немом изумлении. Перед их взорами предстала гора заржавленного бесформенного металла. И когда они осторожно обошли ее, то увидели... черную полированную поверхность величественного алтаря, где

покоился легендарный Меч Шаннара. Не веря своим глазам, путники подошли ближе. На квадратной поверхности алтаря, сверкая в лучах солнца, льющего свет через высокие окна башни, лежал знаменитый Меч. Его лезвие отливало зеркальным блеском. И, хотя никто из присутствующих никогда не видел его, все сразу поняли, что перед ними Меч потомков рода Шаннара. Его сталь блестела, манила и завораживала, словно предлагала раскрыть великую тайну веков. В радостном оцепенении члены отряда смотрели на легендарный Меч, забыв о пережитых волнениях и страданиях, о потерях, болях и ранах. Теперь Меч Шаннара был в их руках! Однако никто не осмеливался подойти к алтарю и взять Меч. Само прикосновение к этому сокровищу было ни что иное, как священнодействие! И прикасаться руками простых смертных к этой таинственной многолетней реликвии казалось святотатством. Как жаль, что рядом с ними нет Алланона, и неизвестно, где находится Ши и где...

Почти одновременно всех поразила одна и та же мысль. Где же Флик? Путешественники, ведомые одним страстным внутренним порывом идти вперед — к цели, вдруг к величайшему ужасу впервые обнаружили, что среди них нет Флика. Их охватило страшное волнение, сердца заныли в предчувствии беды. Внезапно над сверкающим алтарем возникло слабое мерцание. И на глазах изумленных путников алтарь стал медленно таять и через несколько минут превратился... в туман, потом в воздух. Не веря своим глазам, все пятеро ошеломленно смотрели на пустое место, где несколько минут назад возвышался священный алтарь.

— Ловушка! Третья ловушка! — громко воскликнул Меньон, которому раньше других удалось выйти из шокового состояния.

Житель высокогорья бросился к приоткрытой двери, но на его глазах дверь с тяжелым стуком закрылась, тем самым показывая путникам, что шансов уйти из этого помещения у них нет. Не помня себя от горя и унижения, Меньон тяжело опустился на каменный пол и закрыл лицо руками. Все остальные пребывали в оцепенении, с каждой минутой все больше и больше понимая весь ужас своего отчаянного положения. До их слуха донесся тихий насмешливый голос, в котором звучало неприкрытое едкое злорадство. Голос смеялся над их наивностью и горьким, невиданным доселе поражением.

Тяжелое безрадостное северное небо мрачно нависало над темными пиками одинокой горы, у подножия которой был расположен замок лорда Уорлока. Само Королевство Черепов занимало небольшую равнину. Слева это королевство обрамляли Горы-Бритвы, а справа — Острие Ножа. Эти горы выполняли функции мощных оборонительных сооружений, и ни одна живая душа не могла пробраться незамеченной, а тем более пересечь эти острые, как лезвие бриты или острие ножа, коварные горы. Любое вторжение смертных в это Царство Тьмы казалось совершенно невозможным. Даже сама гора, около которой стоял замок, казалось, была забыта природой и медленно умирала, оставаясь одной и той же во все времена года. Дух смерти витал над этой землей, отравляя все вокруг ощущением затянувшейся предсмертной агонии. Любое проявление жизни, остаточные доказательства красоты этого мира были ненавистны здесь. Тлетворная аура смерти и вечного мрака навечно поселилась в Королевстве Черепов. Сюда почти никогда не проникали лучи солнца, деревья и птицы не радовались приходу душистой весны. Голые стволы деревьев стояли полумертвые, полузасохшие и являли собой уродливое противоестественное зрелище. В Королевстве Черепов жили отвратительные хищные вороны, пронзительный крик которых был слышен во всем королевстве, да мерзкие летучие мыши огромных размеров, которые таинственно кружились в мрачном воздухе, изредка нарушая мертвую тишину ужасающими криками. В призрачном сумраке всегда жило ощущение смерти. Темные башни замка часто окутывал густой серый туман, который наполнял и без того безрадостный воздух тяжелой сыростью и окутывал мозг пеленой дурмана и глухой тоски. Все надежды на робкое счастье или удачу, желание испытать ничтожные человеческие радости были заранее обречены на провал в этом Царстве Тьмы, где смерть воздвигла свои чертоги, объяв все могильным хладом. Казалось, в мире нет ни ясной лазури, ни бурь, ни солнечного света, ни движения — один лишь мертвый штиль во мгле. Иногда среди застывшего безмолвия вдруг раздавались душераздирающие звуки, и было такое ощущение, что это сама смерть стонет в невидимых гробах.

Иногда движение, как проявление жизни, все же имело место на этой земле. На вершине горы стояла одинокая черная башня, где в сырой от холода и тумана камере

жили уродливые, похожие на зловещих огромных птиц существа с человеческим обликом — любимцы и послушные орудия лорда Уорлока. Все самые злобные и отвратительные черты, встречающиеся у людей и животных, вобрали в себя эти мерзкие создания, которые с благоговейным подобострастием служили своему Мастеру. В размахе их черных крыльев жило само дыхание смерти, зубы лязгали и скрежетали, изрыгая чудовищные и злобные проклятия. В центре камеры размещался бассейн с неподвижной мертвой водой. Временами омерзительные существа садились на край бассейна и принимались смотреть в черные воды, в ярости повторяя одну и ту же фразу: «Где Мастер? Где Мастер? Где Мастер?» И среди мертвого безмолвия лишь невидимое мрачное эхо угрюмо отвечало: «Он придет. Он придет. Он придет.»

Иногда воздух бешено взрывался, будто выпущенный джинн из сосуда, туман обращался в огромную зловещую тень, которая быстро обретала материальную форму и человеческие очертания, и перед злобными тварями появлялся Лорд Тьмы. Он то с брезгливым и злым выражением лица садился на край бассейна, то с бешеными проклятиями и ругательствами поднимался над землей и зависал в воздухе, угрожающе раскинув мощные руки-крылья со скрюченными пальцами. «Мастер, Мастер!» — раздавались скрипучие голоса отвратительных созданий, которые безропотно подчинялись любым повелениям своего Мастера и послушно следовали за ним повсюду. Через некоторое время лорд Уорлок и в самом деле возник у края бассейна и стал разбрасывать вокруг мертвечину. Омерзительные существа набросились на это гнилое угощение и стали жадно поглощать его. А лорд Уорлок устремил свой взор в черные воды бассейна. На какое-то время мгла над бассейном развеялась, и перед глазами Лорда Тьмы пронеслись картины недавних событий: схватка Алланона с Носителем Черепа, беспомощная, застывшая от ужаса фигура Флика, наблюдавшего поединок двух титанов. Внезапный шум заставил Лорда Тьмы отвлечься от реминисценций. Вошли два Носителя Черепа и с хищным, но в то же время покорным видом легли у ног Мастера. Отмахнувшись от них, лорд Уорлок опять углубился в воспоминания. Снова с поразительной ясностью всплыли картины событий в башне замка, где изумленные путешественники, как зачарованные, смотрели на легендарный Меч Шаннара, лежащий на алтаре. Лорд Уорлок захохотал, испытывая величайшее наслаждение

от того, что играл судьбами этих людей и был полновластным хозяином ситуации. С его лица не сходило выражение злорадного довольства, когда он вновь и вновь представлял картину горького разочарования, постигшего бедных путешественников. «Они похожи на серых жалких мышей, которые чуть было не утащили головку сыра», — подумал лорд Уорлок и дико захохотал. «Алтарь растаял перед ними, как вчерашний снег! Ничтожные человеческие отродья! Они смели думать, что они сильнее меня!» — ядовито поморщился Лорд Тьмы, и на лице его застыло выражение лютой ненависти и величайшей брезгливости. Даже не взглянув на Носителей Черепа, подобострастно устроившихся у его ног, лорд Уорлок взмахнул рукой, указывая на север. И тотчас два омерзительных фаворита Лорда Тьмы, взмахнув черными крыльями, устремились к заданной цели. Эти мерзкие существа знали, что им надлежит лететь в замок Паранор и уничтожить захваченного потомка Джерла Шаннара, единственного наследника, имеющего прямое отношение к ненавистному Мечу. Когда будет стерт с лица земли последний представитель рода Шаннара и Меч окажется в его руках, отпадет необходимость постоянно наращивать мощные мистические силы, уйдет этот постоянный страх при одной мысли о том, что существует сила, во много раз превосходящая его собственные возможности. Теперь Меч будет перенесен из залов Паранора в северное Королевство Черепов и навсегда погребен в Царстве Тьмы. Однако надо признать, противники не сдадутся без боя. Король Эльфов Эвентин попытается завладеть Мечом и вернуть его своему народу. Но эта попытка заранее обречена на провал. Эвентин будет схвачен. Этот последний великий правитель свободных земель, последняя надежда рас станет вечным узником лорда Уорлока. С последним отпрыском рода Шаннара тоже будет покончено, как уже покончено с лютым врагом — Друидом Алланом в поединке в одном из помещений Паранора. Никто, кроме него, самого Мастера, не мог предполагать, что исход поединка был уже заранее предreshен. И теперь не будет поражения в Третьей Войне Рас. Он, лорд Уорлок, уже выиграл. Победа — в его руках. С этими мыслями Лорд Тьмы взмахнул рукавами своего огромного черного, как смоль, плаща, и видение цитадели Друидов исчезло. Воздух вокруг него взорвался яростным смерчем, и могущественный Мастер мгновенно растворился в тумане. Мерзкие черные создания, издавая дикие гортанные звуки,

медленно потащились к краю бассейна и, усевшись, принялись смотреть хищным ястребиным взглядом в мертвые воды бассейна, ожидая следующего появления своего хозяина.

Тем временем в высокой башне Паранора в тягостном и унижительном заточении пребывали все пять участников похода. В тревожном волнении меряли шагами помещение Менъон и Балинор. Гендель, насупившись, смотрел в окно. Его мысли были, видимо, далеко отсюда. Дэйел сидел около брата. Рана у Дурина до сих пор кровоточила, не давая возможности сделать и шага. Вот уже более часа находились они в этой камере. Тяжелая дверь, обитая кованым железом, и головокружительный вид из окон высокой башни лишали путников всяческих надежд на спасение. Меч Шаннара был потерян для них, а вместе с ним исчезла вера в победу. И, пожалуй, впервые все участники похода уверовали в то, что без помощи Алланона им не выполнить свою благородную миссию, тем более, что рядом с ними не было ни Ши, ни Флика. Они принялись в отчаянном и страстном порыве звать Алланона, умолять его найти Ши и Флика. Все они робко надеялись на то, что великий Друид жив, услышит их голоса и придет им на помощь.

Менъона одолевали мрачные мысли. Опять и опять в его сознании возникал образ его юного друга. Сколько же пришлось ему пережить, если он только вообще жив и пучина горной реки не затянула его. Алланон говорил, что, как только они найдут Меч Шаннара, Ши вернется к ним. Но теперь Меч безвозвратно потерян, и нет следов появления юного наследника рода Шаннара. И Алланона теперь нет рядом, а может, уже нет и в живых — он или убит, или взят в плен, и неизвестно, что будет с ними со всеми дальше. Больше всего на свете не хотел Менъон тихой позорной гибели. Уж лучше погибнуть на поле брани в противоборстве с врагом.

В этот момент глаза Дэйела наполнились тревогой, он поднес палец к губам и стал вслушиваться в тишину. Вокруг было все по-прежнему. Лишь через некоторое время до настороженного слуха друзей донесся явственный стук шагов. У путников все похолодело внутри. Ужас сковал их члены. Огромным усилием воли Менъон заставил себя стряхнуть оцепенение, поднял с пола тяжелый фамильный меч и обнажил клинок. То же самое сделал Балинор, подойдя к двери и заняв оборонительную по-

зицию. Выхватив свой тяжелый охотничий нож, приблизился к двери Гендель. С трудом поднявшись, опираясь на плечо Дэйела, встал на ноги Дурин, тоже готовый вместе с друзьями встретить врага. С тяжелым сердцем они ждали, когда распахнется массивная железная дверь. Между тем звук шагов приближался. Вот все стихло. Кто-то стоял на площадке за дверью. Трудно передать весь ужас этой минуты: казалось, человеческий разум не вынесет такой пытки.

И тотчас железная дверь отворилась, слетели тяжелые засовы, и на пороге камеры возникла громадная черная фигура. Из-за плаща гиганта смущенно вышел Флик Омсфорд. В его испуганных глазах была безумная радость от встречи с друзьями. Мечи и клинки были сразу опущены вниз, тем более, что черный великан открыл свое лицо. Это был Алланон.

По камере пронесся вздох облегчения. У всех отлегло от сердца. Не веря своим глазам, друзья бросились обнимать юного жителя Долины. Немного спустя все молча и вопросительно посмотрели на Алланона.

— Со мной все в порядке, — с улыбкой ответил великий Друнд.

— Я видел, как он упал в схватке... — робко начал Флик.

— Флик, я в полном порядке, — бодро сказал Алланон и положил руку на плечо жителя Долины.

Терзаемый непроходящими сомнениями, Балинор вплотную подошел к Алланону и потрогал его руку, словно желая убедиться, не розыгрыш ли это.

— Мы думали, что ты... потерялся, — смущенно произнес принц Каллахорна.

Знакомая ироническая усмешка появилась на темном морщинистом лице великого Друида.

— Отчасти виной тому, что вы поверили в мою смерть, является поведение нашего молодого друга, который видел мою схватку с Носителем Черепа и по визуальным итогам битвы решил, что я мертв. Флик не мог знать, что система отопления замка предусматривает наличие внутренних колодцев, специально сделанных в полу для охлаждения на тот случай, если ремонтнику придется в нестерпимой жаре устранять неполадки в отопительной системе. Не мог знать этого и Носитель Черепа. Почувствовав, что слабею, я прикинулся побежденным и в мгновение ока нырнул в один из таких колодцев.

Он сделал паузу и стряхнул пыль с плаща.

— Флику повезло, что он не принимал прямого участия в поединке. Однако на его долю выпало немало страданий, пока он безнадежно блуждал в темных бесчисленных лабиринтах. Мне потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя, и я не сразу пришел на помощь Флику. Но, в конце концов, я вытащил его на свет, и вот теперь мы оба здесь — перед вами.

— Меч?.. — многозначительно спросил Гендель.

— Что случилось, то случилось. У нас сейчас нет времени обсуждать это. Мы не можем долго оставаться в этой камере. Гномы пошлют за новым подкреплением, а лорд Уорлок направит сюда других Носителей Черепа, чтобы удостовериться, что мы не представляем для него реальной опасности. Теперь, когда Меч Шаннара волею судьбы оказался в его руках, а вы стали узниками в башне замка, он уже вынашивает планы нападения на все остальные страны. Если ему удастся взять Каллахорн и другие пограничные королевства достаточно быстро, все остальные страны падут почти без борьбы. И лорд Уорлок подчинит себе весь мир.

— Значит, уже поздно что-либо предпринять! — в отчаянии воскликнул Меньон.

Алланон покачал в ответ головой.

— Это еще не поражение, принц Леа! Это необходимый маневр. Лорд Уорлок так долго желал всего этого, что удивительно легко поверил в то, что он победил: что мы уничтожены или обезврежены. Он всецело уверовал в свою победу. Нам предстоит воспользоваться этим и повернуть это против него. Не отчаивайтесь, друзья мои! А теперь — ступайте за мной.

И через несколько минут он благополучно вывел путешественников из замка.

Глава 18

На рассвете маленький отряд гномов отконвоировал Ши на север. Юный житель Долины был совершенно измучен. Пережитые волнения и испытания довели его до крайнего истощения. Ши едва держался на ногах и то и дело терял сознание. Когда гномы остановились на ночлег, он уснул раньше, чем ему успели связать ноги. Продвижение на север характеризовалось постепенным изменением ландшафта. Равнины уступали место горным массивам, преодолевать которые становилось все труднее

и труднее. Иногда все же попадались участки, покрытые лесом, густой зеленой травой. Но красота этих мест мало трогала Ши: он едва-едва передвигал ноги и засыпал быстрее, чем мог сообразить, где они находятся. Однако, если бы у молодого человека была при себе карта, он бы без труда определил, что они находятся на восточных подступах к Паранору.

Трудолюбивые гномы стали разводить костер, чтобы приготовить скромный походный обед. Один из гномов занял наблюдательный пост, хотя всем им вряд ли стоило опасаться вражеского нападения в своих родных местах. Тем не менее, они выделили одного из гномов, обязанностью которого было наблюдать за спящим пленником, хотя прекрасно понимали, что если он сделает один-два шага, то упадет без сил. В довершение всего предводитель этого охотничьего отряда не знал и не понимал, кем в сущности является Ши, и вряд ли сознавал особую значимость камней Эльфов, хотя, по его разумению, камни были довольно дорогие. В его задачу входило доставить пленника в замок Паранор, а уж там власти решат, что делать с ним и с этими голубыми камнями.

Вскоре обед был готов, и гномы принялись торопливо уничтожать поджаренные хлеб и мясо. Обед завершила бутылка эля. После всех неприятных столкновений и длительного путешествия эль приятно разгорячил кровь, снял напряжение и усталость. День клонился к вечеру. В воздухе начала чувствоваться прохлада. И яркое пламя костра, отбрасывавшего красные отсветы, хорошо согрело их. Предводитель охотничьего отряда снова достал камни Эльфов и, положив их на ладонь, поднес к огню. Магические камни заиграли в огненных бликах костра. Гномы осторожно потрогали голубые камни. Однако вскоре им наскучило это занятие, и камни спрятали в кожаный мешочек. Гномы удобно устроились на ночлег около костра, накрывшись теплыми накидками. Один из гномов предусмотрительно набросил накидку на Ши, сознавая, что ночью ослабленный юноша может простудиться.

Ши спал. Его мучили кошмары. Сначала ему снилось, что он вместе с Фликом и Меньоном совершает головокружительный полет в Кульхавен, а потом оттуда началось их тяжелое и печальное путешествие в замок Паранор. Во сне он заново пережил схватку с Болотным Призраком и явственно ощутил на себе мерзкое прикосновение Туманного Духа. Ши вновь испытал неодолимый ужас, когда вязкая трясина стала затаскивать его ноги, а

к горлу протянулись невидимые руки Болотного Призрака. Зубы его стучали, а сердце так сильно билось, что казалось невероятным, что все это происходило во сне. Такой ужас должен был разбудить даже мертвого. В изнеможении и отчаянии он опять блуждал в диких зарослях Черных Дубов, а вокруг шастали огромные голодные волки. Он снова ощутил всю беспочвенность надежды и мрачно приготовился к смерти, которую вряд ли что-то могло отвлечь. Он приготовился умереть в непроницаемом мраке леса, он содрогался от звуков, в которых было так мало земного. И в который раз Ши понял всю меру своей беспомощности перед лицом смерти. Потом он пережил кровавое столкновение с гигантским чудовищем из другого века, которое было покрыто металлом и шерстью. Пот катился с него градом, волосы встали дыбом, когда в том же сне на него набросился мерзкий Носитель Черепа и со страшным улюлюканьем и скрежетом сыпал на его несчастную голову проклятия. И, наконец, он увидел себя среди бурных горных потоков, которые с бешеной скоростью, как одинокую щепку, несли его неизвестно куда, больно ударяя о камни. Ему показалось, что он тонет. Быстрое течение захлестывало его, и с каждой минутой он все глубже и глубже уходил под воду. Еще минута, и...

И здесь бедный юноша, наконец, проснулся: видимо, он уже был не в силах вынести всего того, что ему уготовила судьба. Ши весь дрожал от холода и от вновь пережитых страданий. Вокруг все спали, только одинокая фигура гнома на наблюдательном посту чернела в свете наступившей ночи. Ши попытался высвободиться из опоясывавших его тугих ремней, но после нескольких отчаянных попыток понял, что усилия напрасны. Он безнадежно устремил свой печальный взор в землю, горько сознавая всю безвыходность положения. Завтра или чуть позже его приведут в Паранор и посланники северного Царства Тьмы — Носители Черепа окончательно разделяются с ним.

И тут Ши неожиданно услышал какой-то легкий шум. Вначале он подумал, что это шелест травы. Однако ночь была тихой и безветренной, и посторонний шум встревожил юношу. Он посмотрел вокруг своим зорким глазом Эльфа. Все было спокойно. Гномы сладко спали, недвижно стоял часовой. И вдруг к своему величайшему удивлению Ши заметил, как от куста отделилась тень и стала двигаться по направлению к спящим. Тень передвигалась бесшумно,

и вскоре перед изумленным взором жителя Долины возникла человеческая фигура, которую Ши никогда и нигде прежде не видел. Этот человек был одет в ярко-алую одежду. Вначале Ши было принял его за Меньона, в лихорадочном волнении вспомнив, что видел красный костюм у друга. Однако по мере приближения этого человека он сейчас же отбросил эту мысль, потому что у незнакомца были совсем другие фигура, осанка и манера двигаться. В считанные минуты странный пришелец очутился около Ши, мгновенно перерезал острым охотничьим ножом тугие кожаные ремни и наклонился над ним. И уже почти в шоковом состоянии житель Долины увидел, что у незнакомца нет левой руки и на ее месте торчит острая железная пика.

— Не говори ни слова, — прозвучал над самым ухом юноши четкий голос незнакомца. — Не глазей, не думай, а беги к кустам слева и жди там. Ну же!

Раздумывать было некогда, и Ши в одно мгновение скрылся в кустах, не сомневаясь, что в его положении это было самым мудрым решением и не менее полезным действием.

Каково же было его удивление, когда, уже находясь в кустах, он увидел, что человек в красном с величайшей осторожностью и необычайной ловкостью обошел всех гномов, остановился около спящего предводителя охотничьего отряда, в одно мгновение засунул руку в карман его плаща, достал оттуда знакомый кожаный мешочек с магическими камнями Эльфов и... Гномы, словно по команде встрепнулись, и разом вскочили на ноги. Они молниеносно выхватили из-за пояса острые ножи, намереваясь тут же на месте прикончить вора. Но таинственного спасителя Ши оказалось не так-то легко поймать. С необычайной быстротой и ловкостью он один за другим наносил удары и разбрасывал гномов по сторонам, как будто перед ним были мыши. Создавалось такое впечатление, что отсутствие одной руки лишь усиливало физическую мощь, силу этого человека. С резким криком он бросился в самую гущу злобных воинов, и уже через несколько минут гномы лежали на земле, убитые или тяжело раненные, как немужная прошлогодняя листва. Ши не мог поверить своим глазам. Этот незнакомец — вдобавок ко всему — прекрасно владел приемами рукопашного боя, и гномы отлетали от него, словно спущенные воздушные шары. В этот момент к нему приблизилась огромная фигура человека, держащего в руках тяжелую

булаву. Однако в помощи этого человека, по всей видимости, уже не было надобности.

— Думаю, нам пора уходить, — прозвучал голос отчаянного незнакомца.

Ши улучил момент и стал с любопытством всматриваться в лицо человека в красной одежде. Его резкие уверенные движения обнаруживали в нем решительного самоуверенного человека, чья непоколебимая уверенность в себе базировалась на совершенно неоспоримых качествах этой личности — отваге, ловкости и высоком мастерстве воина. Было очевидно, что в результате его точных, ловких движений мог пасть не один охотничий отряд гномов. У него было приятное гладковыбритое лицо. Пышные усы над верхней губой не давали определить его возраст. И, хотя выглядел он очень молодо, исполненный физической силы и поразительной ловкости, его глаза выдавали немалый жизненный опыт. Ши инстинктивно подумал, что это как раз тот случай, когда внешний облик не раскрывает истинную сущность человека, а лишь искусно скрывает его натуру. Но, как бы то ни было, спаситель Ши стоял перед ним, улыбаясь и ожидая реакции от него.

— Я хочу поблагодарить вас, — в волнении произнес Ши. — Я уже и не смел надеяться на...

— Ну, ну! Полный порядок! Вообще-то мы не занимаемся спасением людей, но эти дьяволы определенно растерзали бы тебя на куски. Я сам с юга. Впрочем, и ты из тех мест. И у тебя в жилах течет кровь Эльфов...

Внезапно незнакомец замолчал, а бедный Ши в отчаянии понял, что этот человек знает о нем все. Трепет опять пробежал по его телу. Он бросил пристальный взгляд на огромного пришельца, безучастно стоявшего поодаль, затем снова перевел взгляд на незнакомца в красном. «Да, что ни говори, эти двое совсем не похожи на Носителей Черепа.»

— Расскажи нам о себе, — вдруг требовательно сказал незнакомец.

Ши назвал свое имя, рассказал, что он из Тенистой Долины и что плыл на лодке в направлении к югу. Лодка опрокинулась, быстрое течение подхватило его и понесло неизвестно куда. Очнувшись, он обнаружил, что лежит на берегу. Он был так слаб, что почти не оказал сопротивления гномам, которые мгновенно схватили его и потащили на север. На ходу сфабрикованный рассказ выглядел вполне правдоподобно, тем более, что почти все в нем было чистой правдой. Ши не считал возможным

полностью доверяться незнакомым людям, хотя они и спасли ему жизнь.

На губах незнакомца играла насмешливая улыбка; он легонько подбросил кожаный мешочек с камнями Эльфов и опять внимательно посмотрел на Ши.

— Ни минуты не сомневаюсь в том, что ты сказал нам не всю правду. Но я тебя не виню. На твоём месте я поступил бы так же. Время для правды ещё придет. Меня зовут Панамон Крил.

И он дружески протянул Ши свою крепкую широкую ладонь. Ши сердечно пожал руку незнакомца. Его собственная рука онемела от боли в тисках этого рукопожатия. Панамон Крил улыбнулся, отпустил руку Ши и указал на темную фигуру позади них.

— Это мой компаньон — Кельтцет. Мы вместе уже более двух лет, и у меня никогда не было друга лучше, чем он. Я хотел бы лишь одного — чтобы он был разговорчив. Но ничего не поделаешь, Кельтцет — немой.

— Кто он все-таки? Чем он занимается? — обеспокоенно спросил Ши.

— Поистине ты не из этого мира, — удивленно усмехнулся Панамон Крил. — Кельтцет — скалистый тролль. Его родиной были Чарнальские горы до тех пор, пока его же соотечественники не сделали его изгоем. Мы оба с ним изгнанники в этом мире.

— Скалистый тролль, — удивленно повторил Ши. — Мне никогда прежде не доводилось видеть Скалистых Троллей. Я думал, что они совсем дикие и похожи на животных. Как же ты?..

— Придержи свой язык, дружище, — строго сказал Панамон. — Кельтцет не любит подобные разговоры. Он всегда тонко чувствует, о чем говорят люди. И проблема не в нем, проблема в тебе. Ты смотришь на него, и он кажется тебе монстром, уродливым существом, непохожим на нас с тобой. И ты уже начинаешь опасаться его. Виной этому — недостаток знаний о мире, в котором мы живем, в отсутствии практического опыта. Если бы тебе посчастливилось пройти по всем дорогам, которые избородил я, ты бы понял, что улыбающиеся губы часто скрывают зубы.

Ши задумчиво посмотрел на скалистого тролля. Этот громадный человек был одет в свободную холщевую одежду. Его шею и запястья прикрывали защитные металлические пластины. Отличительной чертой его внешности была кожа, напоминающая темную кору дерева

с многочисленными вмятинами на ней. Черты его лица были удивительно мелкими, из-под лохматых бровей пылливо смотрели маленькие, глубоко посаженные глаза. Руки... Да, руки были необычные — и на левой, и на правой руке не было мизинца, только большой палец и три других, каждый из которых был величиной с запястье Ши.

— Должен признать, что выглядит он не очень привлекательно, — тихо произнес Ши.

— Вот, вот! Ни минуты не сомневался в том, что ты скажешь что-нибудь подобное. Блестящий пример эгоистичных или опрометчивых выводов, лишенных каких-либо оснований. И все потому, что Кельтцет не похож на обычного цивилизованного человека, а тем более не разумное, мыслящее существо. Поверь мне, Ши, и запомни раз и навсегда — Кельтцет нормальный человек, с таким же разумом и ощущениями, какие есть у тебя и меня. Быть Троллем на Северных землях так же естественно, как быть Эльфом и жить на Западе. Это мы с тобой чужеземцы в этой стороне.

— В этом вопросе ты знаешь больше меня, — осторожно сказал Ши, обдумывая каждое слово. — Я жил на Южных землях и никуда не выезжал, поэтому я ничего не знаю о жизни людей в других частях света. Но, как бы то ни было, я вам обоим обязан жизнью. И Кельтцету я благодарен так же, как и тебе.

Незнакомец польщенно улыбнулся. Видно было, что ему пришелся по вкусу неожиданный комплимент.

— Не стоит благодарить меня. Я тебе уже говорил об этом. Иди сюда. Давай посидим здесь, пока Кельтцет закончит свое дело. Я хочу знать, что привело тебя в эти места. Здесь так опасно. Не может быть, чтобы ты путешествовал один.

Видя, как огромный тролль с любопытством прогуливается среди лежащих тел гномов, Ши сначала не придавал этому особого значения. А теперь было совершенно очевидно, что скалистый тролль что-то сосредоточенно ищет в карманах, сумках и плащах убитых. Это неприятно насторожило жителя Долины.

— Почему Кельтцет обыскивает этих гномов? — беспокойно спросил Ши.

— Ну, вероятно, потому, чтобы выяснить, откуда они и куда направлялись. У них наверняка была еда. Неплохо бы подкрепиться. Как ты думаешь, дружище? Кто знает, может у них с собой было еще что-то более ценное?..

Он вопросительно посмотрел на Ши и подбросил вверх кожаный мешочек с камнями Эльфов, явно желая выяснить, как отнесется к этому юноша. К горлу Ши подступил комок. Он понял, что незнакомцу известно, кому именно принадлежат магические камни. Глупо было отрицать это.

— Эти камни принадлежат мне. Мешочек и все три камня,— быстро сказал Ши.

— Неужели? — иронически усмехнулся Панамон Крил.— Что-то я не вижу на этом мешочке имени владельца. Как к тебе попали эти камни?

— Мне дал их отец,— нашелся юноша.— Я всегда ношу камни с собой. Это — мой талисман, который защищает и охраняет меня. Гномы схватили меня, обыскали и, найдя эти камни, забрали их себе. Но теперь они снова должны вернуться ко мне.

Спаситель в красном загадочно улыбнулся и, развязав кожаный мешочек, высыпал камни на ладонь. Несколько минут он откровенно любовался нежным голубым свечением, которое исходило от этих камней. Потом испытывающе посмотрел на Ши и сказал:

— Может быть, ты сказал правду, а может быть, и солгал. Ты мог украсть их. Это слишком дорогие камни, чтобы носить их в качестве талисмана. Я оставляю их у себя до тех пор, пока у меня не будет ясных доказательств того, что камни принадлежат именно тебе.

— Но я должен идти дальше, мне надо найти друзей,— в отчаянии произнес юный житель Долины.— Я не могу оставаться здесь и ждать, пока ты найдешь подтверждение тому, что камни принадлежат мне!

Панамон Крил поднялся и, насмешливо улыбаясь, положил мешочек с камнями в карман своей куртки.

— Прекрасно! Скажи мне, где я смогу найти тебя, и я принесу тебе камни, где бы ты ни находился,— но только после того, как лично проверю, не солгал ли ты. Через несколько месяцев я рассчитываю добраться до Южных земель.

Ши был вне себя от возмущения. Вскочив на ноги, он гневно заговорил:

— В таком случае ты — просто вор, грабитель с большой дороги!

Спасителя Ши разобрал дикий приступ смеха. Панамон Крил смеялся так громко, долго и вызывающе, что юноша в недоумении отступил назад, не находя ничего смешного в сложившейся ситуации.

— Дело в том, что мне нравятся люди, которые

говорят правду, — с издевкой произнес Панамон Крил и вновь захохотал.

И вдруг Ши с предельной ясностью понял смысл всего происходящего. Как это он не додумался до этого раньше? Конечно же, они оба не кто иные, как разбойники, воры, видевшие, вероятно, в руках гномов эти сверкающие камни. И освободили они его не из доброго желания помочь ему, а просто, чтобы заполучить камни.

Вне себя от внезапно осенившей его догадки юный житель Долины набросился на своего сомнительного спасителя:

— Панамон Крил — добрый спаситель! Ха, теперь мне понятно, почему тебе показалась странной моя благодарность! Вы оба воры, разбойники, грабители! Вам нужны были только камни. Как вы могли пасть так низко?..

— Придержи свой язык, молокосос! — Человек в красном вскочил на ноги, в руках его блеснул нож. Лицо исказилось от гнева, голос снизился до зловещего шепота:

— Свое мнение лучше держи при себе. Я уже достаточно пожил на этом свете, и никто никогда ничего не давал мне. А раз так, то и я не позволю ничего взять у меня. Запомни это, юнец!

Ши с досадой подумал, что перешел некоторые границы. Следует быть осторожным с этим человеком. И вряд ли есть смысл пытаться пронять его. Эта игра может стоить жизни. Грабитель отступил от перепуганного Ши, черты его лица смягчились и приняли прежнее, довольно добродушное выражение.

— Впрочем, почему мы должны отрицать то, что есть на самом деле? — с вызовом произнес спаситель в красном. — Это судьба, ведь у каждого она своя. И люди, живущие за счет своих хитроумных и рискованных дел, ничуть не хуже остальных. Скорее наоборот! Мы бросили вызов лицемерию. Все люди, так или иначе, что-то крадут друг у друга: идею, жену, невесту и прочее. Мы просто старомодны и честны, занимаясь прямым делом. И не желаем скрывать этого. И... не забывай все-таки, что мы тебя освободили.

Ши облегченно кивнул, хотя внутренне он был отнюдь не уверен, что было бы для него лучше — остаться узником у гномов или попасть в полную зависимость к Панамону Крилу.

— И напрасно ты беспокоишься, — продолжал грабитель. — Все, что нам нужно, это камни, за которые дадут хорошие деньги. Ты же можешь идти куда хочешь.

С этими словами Панамон Крил резко повернулся и пошел к Кельтцету, который покорно стоял перед кучей собранных вещей и оружия гномов. Рядом с гигантской широкоплечей фигурой скалистого тролля грабитель казался карликом. Панамон Крил что-то сказал своему сообщнику; тот, видимо, понял и кивнул в знак согласия. А Ши между тем принялся сосредоточенно анализировать положение, в котором он очутился. Итак, камни он потерял. Без них будет очень трудно идти дальше по этой жестокой земле. Друзей он тоже потерял. Все они теперь далеко и вряд ли смогут помочь ему вернуть магические камни. Возвращаться назад бессмысленно — ведь проделан такой долгий и трудный путь.

В этот момент грабитель бросил через плечо обеспокоенный взгляд, желая проверить, не собирается ли Ши бежать. И на его лице появилось выражение крайнего удивления, когда он увидел, что юноша спокойно стоит на том самом месте, где он оставил его.

— Иди сюда. Единственное, что мы теперь можем для тебя сделать — это дать тебе возможность хорошенько подкрепиться перед дорогой. Тебе предстоит довольно долгий путь до Южных земель.

Минут через пятнадцать все трое сели ужинать. Над костром распространился ароматный запах жарящегося мяса. К удивлению юноши, скалистый тролль ел, как вполне обычный человек, только держался очень прямо, как гранитная скала. У Ши появилось странное, почти неконтролируемое желание прикоснуться к коже или одежде этого великана. Словно читая его мысли, Панамон Крил улыбнулся и сказал:

— Ха! Он не кусается, даже когда голодный. Я же говорил тебе, что он ничем не отличается от нас с тобой. Просто он очень большой. И любую работу он делает лучше всякого другого, уверяю тебя.

— Он делает все, что ты ему скажешь? — не удержался Ши.

— Да, да! Он делает все, что я ему скажу, — твердо произнес грабитель. — Но пойми меня правильно. Он не похож на послушное животное. Он способен мыслить и решать за себя. Он самый сильный человек из всех, кого я знаю. Я был ему хорошим другом тогда, когда ни один человек не смотрел в его сторону. Я подчинил его себе, но подчинил не силой, а благодаря дружескому расположению и участию в его судьбе. Теперь Кельтцет всецело предан мне.

Грабитель замолчал и принялся сосредоточенно поглощать сочные куски жареного мяса. Ши последовал его примеру, тем более, что он даже не мог вспомнить, когда ел в последний раз.

— Что заставило вас стать... грабителями?.. — все же отважился спросить Ши после обеда.

Панамон Крил удивленно поднял брови.

— Тебя интересуют причины? Что ж, здесь нет секрета. Меня никогда не привлекала честная размеренная жизнь. Я был отчаянный малый, любил приключения, риск. И терпеть не мог работать. В результате несчастного случая я потерял руку. Это обстоятельство почти исключало возможность найти работу, которая обеспечивала бы мне достаточно безбедное существование. Я жил тогда в самом центре Юга. Тогда я пережил ряд неприятностей и как-то незаметно начал разбойничать на дорогах. Я исколесил многие земли, добывая себе на жизнь таким способом. И не вижу в этом ничего дурного. Скорее наоборот. Я не богат, но вполне счастлив и доволен своей жизнью.

— А тебе никогда не хотелось вернуться домой? — спросил Ши, будучи не в силах поверить, что этот человек честен перед самим собой.

— О, прошу тебя, не будь сентиментальным! — рассмеялся Панамон Крил. — Напрасно ты думаешь, что я начну рыдать, вспоминая о доме, и вымаливать прощение за содеянные грехи! Я — в этой роли? Ха-ха-ха...

И он опять принялся дико хохотать, раскачиваясь из стороны в сторону. Ши смотрел на грабителя и не понимал, чем мог быть вызван такой дикий смех. Внезапно грабитель замолчал и продолжил свой рассказ совсем тихим голосом:

— У Кельтцета совсем другая история. Он был немой с момента рождения, а Тролли — очень сильные в физическом отношении люди — не выносят ущербных. Вероятно, над ним стали подшучивать. Из-за этого врожденного недостатка тролли издевались над ним, всячески оскорбляли его без видимой на то причины. Кельтцет никогда не пытался отомстить им или проучить своих обидчиков; он молча сносил все: ведь эти люди — единственное, что у него было. Человек не может жить один. Однажды целая толпа молодых парней напала на него, решив изувечить человека, непохожего на них. Они нанесли ему многочисленные ранения, жестоко избили его. Обороняясь, в исключительной безвыходности скалистый

тролль, не рассчитав свои громадные физические силы, убил троих молодых людей. В результате его выставили из деревни. Теперь у него нет ни дома, ни родных, ни племени, ни соотечественников. Он один бродил по земле до тех пор, пока я не нашел его.

Панамон Крил слегка улыбнулся и посмотрел на Кельтцета, который ловко управлялся с огромным куском жареного мяса.

— Он знает, чем мы занимаемся. Более того, я полагаю, он догадывается, что это — нечестная работа. Но он, как плохо воспитанный ребенок, который много перестрадал и натерпелся, не питает к людям уважения хотя бы потому, что они никогда не делали ему ничего хорошего. Да и к тому же мы уже давно находимся в этой части страны, где живут Гномы и Карлики — злейшие враги Троллей.

Вскоре обед был закончен. Панамон и скалистый тролль принялись укладывать взятые у гномов трофеи. Они, казалось, на какое-то время забыли о Ши, который мучительно искал выход из сложившейся ситуации. Внезапно грабитель заговорил:

— Что ж, приятно было познакомиться с тобой, Ши. Желаем тебе удачи. Всякий раз глядя на эти камни — до тех пор, пока не продам их, — я буду вспоминать о тебе. Не расстраивайся, что лишился камней. Зато ты заново обрел жизнь. Считай, что камни — это плата за твое спасение. А теперь тебе пора отправляться в путь. Старайся идти днем и держись открытой местности.

С этими словами Панамон Крил медленно пошел вперед, дав знак Кельтцету следовать за ним. Ши застыл в оцепенении, не в силах смириться с происходящим. Грабитель сделал с десяток шагов и в недоумении оглянулся. Ши стоял на том же месте, как вкопанный, на лице его застыло выражение крайней растерянности. Было очевидно, что юноша не собирается идти в сторону юга.

— Что с тобой? — рассердился Панамон Крил. — Только не вздумай сказать, что ты намерен преследовать нас и заполучить обратно камни. Это ни к чему не приведет, лишь разрушит наши дружеские отношения. Я ни за что не отдам тебе камни, и, если ты будешь упорствовать, мне придется отрезать тебе уши — это для начала. Не вынуждай меня делать этого. Иди своей дорогой!

— Ты даже не можешь себе представить, что эти камни значат для меня. Верни их мне! — почти со слезами взмолился Ши.

— Как раз наоборот! Я очень хорошо понимаю, что значат эти камни. Они способны принести много денег. И на некоторое время мы с Кельтцетом будем иметь сумму, достаточную для безбедного существования. Камни — это деньги, Ши.

Ши в отчаянии подбежал к грабителю и Кельтцету. Он ни о чем больше не мог думать, его сознание яростно сверлила одна мысль: как вернуть камни. Панамон Крил не скрывал своего удивления. Впервые он столкнулся с таким настойчивым малым, одержимым бредовой идеей вернуть то, что у него отобрали, — такого еще не случалось в его практике. Обычно люди стремились как можно скорее исчезнуть, радуясь, что остались живы. Этому юноше великодушно дарована жизнь, а он еще не доволен.

— Послушайте, я был не совсем откровенен с вами, — с трудом произнес Ши. На лбу его выступила испарина, сердце бешено колотилось. Он сознавал, что наступили решающие минуты. — Дело в том, что я сам не знаю всей правды о самом себе. Значение этих камней огромно — не только для меня, но и для каждого человека на этой земле. Даже для тебя, Панамон.

На лице грабителя в красном появилось смешанное выражение удивления и досады, которое тотчас превратилось в выражение явного гнева. Этот малый просто испытывал его терпение.

— Вы должны поверить мне. За всем этим стоит нечто большее. Умоляю вас, сделайте мне одну услугу! — Ши на мгновение замолчал, набираясь мужества, чтобы произнести следующую фразу: — Возьмите меня с собой на север, в замок Паранор!

— Ты, должно быть, сошел с ума! — вскричал грабитель, возмущенный нелепым предложением юноши. — Интересно, какая же это причина, по которой ты так неудержимо рвешься в этот проклятый замок? Это страшное место. Ты и пяти минут не проживешь там. Говорю тебе последний раз: иди домой. И расстанемся с миром.

— Нет, я должен попасть в Паранор, — в отчаянии закричал Ши. — Вы можете не верить мне, но я шел именно туда, когда на меня напали гномы. Туда должны прийти мои друзья — они, наверное, уже давно ищут меня. Мне надо быть вместе с ними!

— Паранор — это страшное место. Там обитают такие дьявольские создания, что даже я не рискнул бы по собственной воле идти туда, — твердо произнес Панамон. — Кроме того, не пытайся провести меня. Ты хочешь

заманить нас в ловушку? Ты не можешь вернуть свои камни и решил прибегнуть к помощи друзей. Не так ли? Послушай мой совет: уходи прочь, пока я окончательно не вышел из себя.

— А, ты боишься... Тебя пугают Паранор и мои друзья. Значит, у тебя нет смелости...

Юный житель Долины задышался от гнева. Все его тело сотрясала дрожь.

— Хорошо, если не хотите идти со мной в Паранор, проводите меня до границ замка. Я даю слово: никакой ловушки для вас не будет.

Панамон Крил вначале в сомнении покачал головой, потом посмотрел в глаза Ши, полные отваги и решимости, и неожиданно для себя... улыбнулся. Он вопросительно посмотрел на Кельтцета и, получив его согласие, подошел к Ши и положил руку ему на плечо.

— Что ж, ладно. Будь по-твоему. В конце концов, ты рискуешь больше нас. Мы готовы проводить тебя.

Глава 19

Со стороны было видно, как трое непохожих друг на друга путников медленно продвигались на север. День клонился к вечеру, и усталые путешественники решили отдохнуть и подкрепиться. С каждым часом ландшафт менялся, приобретая суровые черты гористой местности. Скудная растительность производила удручающее впечатление; вокруг было поразительно тихо — ни ветерка, ни шороха, ни звука: казалось, птицы и животные навсегда покинули эти глухие места.

Панамон Крил оказался довольно словоохотливым, и разговор легко переходил с одной темы на другую. Ши большей частью молчал, а грабитель без остановки болтал о разных вещах. Единственная тема, которой он не касался, — это все, что было связано с Ши. Ни разу Панамон не упомянул ни о цели похода в Паранор, ни о друзьях Ши, ни о камнях Эльфов. Видимо, у него был свой план, который он решил скрыть.

Панамон Крил и Кельтцет шли впереди, и Ши имел прекрасную возможность как следует рассмотреть необычного великана, который держался со спокойным достоинством, довольно уверенно и горделиво, ничуть не смущаясь своего физического недостатка. Маленькие глазки умно и пытливо поглядывали из-под лохматых бровей,

и только сам Бог знал, что у него на уме. Ши подумал, что Кельтцет не так прост, и что грабитель рассказал Ши лишь часть того, что произошло со скалистым троллем. Ши не исключал и то, что рассказ Панамона — своего рода вымысел. В этих двух странных, так не похожих друг на друга напарниках, было нечто загадочное. И житель Долины еще больше укрепился в мысли о том, что оба его спутника — не просто грабители с большой дороги.

Между тем Панамон Крил продолжал невозмутимо болтать, рассказывая бесчисленные авантюрные истории, героем которых ему довелось быть. Станным было то, что во всех рассказах Панамона отсутствовало какое-либо упоминание о Кельтцете. Они были знакомы более двух лет и вместе занимались одним и тем же делом. Ши поразило, что, о чем бы ни рассказывал Панамон, в этих историях, происшедших не так давно, отсутствовал скалистый тролль. У юноши складывалось впечатление, что Кельтцет следует повсюду за грабителем по совершенно иным причинам, чем те, которые указал Панамон Крил. Об этом же свидетельствовали его независимое поведение и гордая осанка. Ши меньше всего хотелось верить, что этот человек еще недавно был изгоем. Это никак не вязалось с его внешним обликом.

А Панамон Крил неутомимо продолжал повествовать о своих дорожных и любовных приключениях, да еще с такими откровенными подробностями, что можно было подумать, что Ши — его давний, старый приятель.

Прошло еще два часа, прежде чем они дошли до Дженниссонского Ущелья, образованного путем слияния двух горных цепей. Панамон издал вздох облегчения и велел Кельтцету тщательно обследовать ущелье. Скалистый тролль мгновенно исчез во мраке горного прохода. Грабитель опустился на траву и с победоносным видом посмотрел на жителя Долины, видимо, чрезвычайно довольный тем, что предпринял все возможные меры предосторожности, чтобы друзья Ши не смогли заманить его в ловушку. Ожидая возвращения Кельтцета, Панамон Крил стал снова улаживать Ши очередной хвалебной историей о собственных подвигах. В который раз пришлось Ши со стоическим терпением выслушать явно приукрашенную притчу. Временами он делал вид, что слушает Панамона, а сам думал о том, что они, видимо, находятся около границ Паранора и достигли того пункта, где им придется расстаться. Ему надо поскорее найти друзей,

в противном случае его ждет неминуемая гибель. Несомненно, лорд Уорлок или его посланники уже ждут его появления в замке. А может быть, его друзья уже одержали победу и захватили Меч Шаннара.

В это время вернулся Кельтцет, всем своим спокойным и уверенным видом показывая, что ущелье свободно. И трое путешественников неспешно отправились вглубь темного прохода. Этот путь был довольно ровным и спокойным и занял немногим более часа. Выйдя из ущелья, они оказались на каменистой площадке, по краям которой росли чахлые, полузасохшие кустарники и серая безжизненная трава. Впереди безмолвно возвышались горные пики. Казалось, жизнь давно покинула эти места, лишив их красок, растительности, солнечного света. Ши инстинктивно чувствовал, что они вплотную подошли к замку Паранор, но все-таки спросил у грабителя в красном, насколько же близко они подошли к нему. Панамон хитро улыбнулся и уклончиво ответил, что они шаг за шагом приближаются к цели. Юноша понял, что расспрашивать Панамона было бесполезно.

Они медленно шли дальше. И вдруг Ши к своему ужасу увидел вдали странное нагромождение. Охваченный беспокойством юноша ускорил шаг. Уже через несколько минут стало совершенно очевидным то, что впереди груды лежали тела, была разбросана изрубленная одежда и в лучах тусклого солнца поблескивала сталь клинков. Вокруг неистово кружили стервятники, чужа запах мертвечины. Скопления мертвых тел, издающих смрадное зловоние, лежали горами на каменистой земле. У Ши подкосились ноги, к горлу подступила тошнота. Глядя на него, Панамон Крил усмехнулся. «Ничего, пусть посмотрит и узнает, что значит смерть», — с удовлетворением подумал грабитель. Они перешагивали через безжизненные, залитые кровью тела, около которых вились мириады мух, и Ши впервые в своей жизни понял, как страшна и беспощадна смерть. Она не оставляет никаких надежд, это конец всему, конец чудовищный и окончательный. И, какие бы цели ни преследовала эта кровавая бойня, смерть десятков сотен людей была слишком дорогой, непомерной ценой. Все эти воины-гномы вряд ли даже знали, за какие идеалы они отдали жизнь. Разрубленные тела, отсеченные руки, ноги, головы — вся эта человеческая бойня вряд ли имела право на существование. Ши впервые понял всю бессмысленность и противоестественность войн.

Между тем Панамону удалось обнаружить тела воинов-эльфов, из чего можно было предположить, что между Гномами и Эльфами произошла жестокая кровавая схватка. Вдобавок Кельтцет нашел среди убитых залитый кровью стяг королевского дома Эльфов. Тело самого короля Эльфов среди убитых обнаружить не удалось. Лицо Панамона Крила помрачнело, и он тихо сказал:

— Если что-нибудь случилось с королем Эльфов, это неминуемо приведет к войне, которая примет невиданные масштабы. Весь мир задохнется в дыму этого тожарища!

— Эвентин! — испуганно воскликнул Ши. — Он должен был охранять северные подходы к замку Паранор в случае...

Внезапно Ши осекся и в страхе закрыл рот ладонью, но Панамон Крил, казалось, ничего не слышал и был погружен в собственные размышления.

— Непонятно, почему Гномы и Эльфы устроили здесь сражение. Что привело сюда короля Эльфов — Эвентина, ведь его родина так далеко отсюда. Должно быть, есть что-то такое, ради чего стоило биться не на жизнь, а на смерть. Что-то я не понимаю...

Грабитель внезапно замолчал и внимательно посмотрел на Ши.

— Так что ты сказал об Эвентине?

— Ничего, — со страхом прошептал житель Долины. — Я не говорил...

Лицо Панамона Крила побагровело от негодования, угрожающе сверкнули глаза. В одно мгновение он схватил юношу за горло и зло произнес:

— Ты многое знаешь обо всем этом — немедленно рассказывай. Я давно догадывался, что ты сказал нам не всю правду об этих камнях. И гномы тебя схватили не случайно. Брось валять дурака и выкладывай все начистоту! Ну же!

Одному Богу известно, что ответил бы Ши, однако в этот момент, когда юноша тщетно пытался высвободиться из тисков грабителя, слева появилась громадная черная тень, которая, зловеще раскинув крылья, надвигалась прямо на них, угрожая поглотить их. У Ши все похолодело внутри, ему казалось, что он стремительно падает в бездну. Ужас сковал все его существо. Юноша обреченно ждал гибели, ведь перед ним был дьявольский посланник лорда Уорлока — Носитель Черепа! Бежать было некуда.

Мгновенно отпустив Ши, Панамон Крил во все глаза смотрел на устрашающее существо. А тем временем злые огненные глаза чудовища буквально сверлили испепеляющим взглядом гигантского тролля, застывшего в изумлении грабителя и сжавшегося от ужаса Ши. Однако Панамона не охватило паническое состояние при виде мерзкого чудовища. Приблизившись вплотную к Носителю Черепа, грабитель угрожающе произнес:

— Кто бы ты ни был, тебе лучше держаться от нас подальше. Лично меня интересует только этот тип. — И он безжалостным жестом указал на Ши.

Из огненных глаз чудовища полетели молнии, зубы заскрежетали. Грабитель в испуге и удивлении отступил назад.

— Эй, смертные! Где Меч? Я спрашиваю, где Меч? — угрожающе прошипело чудовище. — Я чувствую, что Меч где-то здесь. Отдайте его мне!

Панамон Крил какое-то время непонимающе смотрел на черное существо, затем, сбросив оцепенение, резко повернулся к Ши. Внезапно он понял, что отвратительное чудовище — злейший враг жителя Долины. Наступил опасный момент.

— Бесполезно отрицать, что у вас нет Меча. — Голос чудовища сверлил мозг. — Я знаю, что Меч у кого-то из вас, и я должен взять его. Не пытайтесь бороться со мной. Для вас битва проиграна. Последний наследник рода Шаннара уже пойман и уничтожен. А вы должны отдать мне Меч.

На какое-то мгновение Панамон Крил потерял дар речи. Он не мог до конца понять, о чем говорило это жуткое существо, но, тем не менее, грабитель четко понял одно: время для объяснений прошло и предстоит жестокая битва, поскольку враг выглядел неумолимым. Панамон Крил выпрямился, привычным жестом погладил усы и с ненавистью посмотрел на Носителя Черепа.

— Вы, ничтожные существа, бросьте валять дурака! — опять раздался гневный скрипучий голос чудовища. — Вы мне не нужны — меня интересует только Меч! В противном случае не пройдет и минуты, как я уничтожу вас, даже при дневном свете.

При этих словах чудовища Ши понял, что впереди блеснул луч надежды. Алланон не раз говорил о том, что сила Носителя Черепа резко снижается или даже исчезает в светлое время суток. Однако, как бы то ни было, предстояла решающая схватка с Носителем

Череп. Как можно было уничтожить существо, наделенное злобной, чудовищной, мистической силой, которое представляло собой не что иное, как дух умершего, как загадочное проявление бессмертия, облеченного в физическую форму? Как уничтожить то, во что трудно поверить? Тем не менее, Панамон, видимо, не вполне понимая, что из себя представляет противник, приготовился к бою. Вид его был страшен: в глазах пылал огонь ненависти, тело было похоже на тигра, приготовившегося к прыжку. Справа от него возвышался Кельтцет, от которого даже на расстоянии исходила такая огромная сила, что вряд ли ей смог противостоять простой смертный. Носитель Череп впервые посмотрел скалистому троллю в лицо. У Ши совсем потемнело в глазах; ему почему-то не хотелось, чтобы загадочный и молчаливый тролль погиб от рук этого исчадия ада. Однако, к величайшему изумлению Ши, чудовище выкатило свои огненные глаза и проговорило:

— Кельтцет!

Как, каким образом это мерзкое смертоносное существо могло знать немого гиганта? Эта мысль молнией пронеслась в сознании Ши, но в ту же секунду огромный тролль яростно ударил чудовище в грудь своей тяжелой рукой. Ши показалось, что он слышал треск костей Носителя Череп — столь страшен и сокрушительен был удар Кельтцета. Панамон бесстрашно бросился на чудовище, пытаясь острым мечом отсечь ему голову. Но с дьявольским созданием было не так легко справиться. Издавая истошные вопли, чудовище предприняло серию ответных ударов. Огромной рукой-клешней оно мгновенно ударило по ногам скалистого тролля, лишив его на короткое время возможности двигаться. И в ту же минуту Носитель Череп устремил на Панамона свои глаза, из которых одна за другой полетели красные молнии. Грабитель яростно заметался, пытаясь избежать огненных выстрелов. В это время Кельтцет навалился всей своей гигантской массой на чудовище, которое явно уступало ему в размерах, и крепко прижал его к земле. Сцепившись вместе, как два чудовищных спрута, они локатились по земле. Панамон, стоя на коленях, медленно приходил в себя. Он обхватил рукой голову, как будто она раскалывалась от боли, и громко стонал — одна молния из глаз черной бестии все-таки попала в него. Воспользовавшись моментом, Ши подбежал к Панамону и стал отчаянно умолять его:

— Камни! Отдайте мне камни, и я смогу помочь!

Искаженное от боли лицо повернулось к юноше. В глазах грабителя сверкнул гнев, и резким движением он отстранил Ши.

— Забудь об этом! Твой номер не пройдет. Лучше отойди в сторону, — с трудом проговорил он, поднявшись на ноги.

И, подняв с земли меч, Панамон Крил яростно бросился на помощь своему огромному компаньону, пытаясь поразить верткое и сильное тело Носителя Черепа. Прошло несколько долгих минут, в течение которых двое отчаянных смельчаков пытались уничтожить мерзкое чудовище. Панамон, несмотря на отсутствие руки, обладал недюжинной силой и ловкостью. Его гибкое мускулистое тело извивалось и каким-то чудом уклонялось от жутких ударов Носителя Черепа. Физическая сила, выносливость Кельтцета были непревзойденны. Этот загадочный великан обладал редкой способностью противостоять мистической силе Носителя Черепа. Чудовище почти выбилось из сил, а великан Кельтцет был неуязвим. Кожа тролля побегрела во многих местах, но казалось, огонь отскакивает от нее. Ши был вне себя от горя и отчаяния. Он страстно желал помочь своим новым знакомым, но его комплекция была как у тщедушного маленького карлика — в сравнении с мощью и огромными габаритами Кельтцета и Панамона. Это несоответствие было до обидного нелепым. Если бы сейчас у него были камни...

Между тем кровавая битва продолжалась, но с каждой минутой отважные воины стали терять силы. Постепенно меткость и сила их ударов ухудшались, и они стали сознавать, что силы простых смертных, видимо, недостаточно, чтобы победить это чудовище. Они чувствовали, что проигрывают сражение. Внезапно скалистый тролль обессиленно опустился на одно колено, и в тот же момент чудовище нанесло ему сильный удар в шею. За этим последовали удары еще более ожесточенные. Казалось, еще минута, и его громадное тело окажется распростертым на земле. С отчаянным криком, собрав последние силы, Панамон бросился на неукротимое создание, но его удары были отражены. Носитель Черепа, словно почувствовав, как слабеют силы у его противников, продолжал яростно атаковать. Панамон Крил получил тяжелый удар в голову и упал без сознания, а Носитель Черепа с угрожающим воплем вцепился в горло Кельтцета. Ши, не в силах больше выносить этот кошмар, швырнул горсть песка

в глаза чудовищу и быстро подскочил к Панамону. Юноша понимал, что камни — это их единственное спасение. Эти воины проявили нечеловеческую храбрость и силу, были вконец измотаны, окровавлены, но не сломлены окончательно — и не их вина, что они не смогли уничтожить существо, наделенное мистической силой. В доли секунды дрожащими руками нащупал Ши заветный кожаный мешочек с магическими камнями. Житель Долины ясно создавал, что все они погибнут в неравной схватке с чудовищем и только камни способны сделать чудо. Юноша положил три голубых камня на ладонь и, призывая все силы небесные, стал со слезами просить о помощи. Камни три раза вспыхнули, озарив лицо Ши голубым светом. Слишком поздно Носитель Черепа заметил маленького жителя Долины. Вернее сказать, он знал, что Ши находится здесь, но не придавал его присутствию никакого значения, полагая, что расправится с ним в мгновение ока. Почуввав недоброе, дьявольская бестия метнула разъяренный огненный взор на юношу, но красные молнии огня растаяли в воздухе, не достигнув Ши. Ослепительный голубой свет окончательно блокировал яростные попытки чудовища расправиться с юношей. Животное или получеловек — Ши до сих пор не знал, как правильно охарактеризовать это исчадие Северных земель, — металось в агонии. Поднявшийся Кельтцет пытался ударить чудовище мечом, но оно стремительно отползало, судорожно извиваясь и корчась от боли, и через минуту совсем исчезло, будто растворилось в воздухе. Кельтцет и Панамон — оба застыли в немом удивлении, а Ши неподвижно стоял и смотрел вслед исчезающему чудовищу. На его раскрытой ладони лежали камни Эльфов, от которых во все стороны исходило неземное голубое свечение. Внезапно голубой свет померк, и камни застыли на распростертой ладони Ши. Все трое поняли, что бой окончен, и что они спасены.

Несколько минут путники молчали, не в силах что-либо произнести и пытаясь понять весь смысл происшедшего. Кельтцет без выражения смотрел вдаль, а лежащий на земле раненый Панамон приподнялся на локте и, казалось, застыл в глубоком оцепенении. Наконец Ши вздохнул, механически положил камни Эльфов обратно в кожаный мешочек и спрятал его в глубоком кармане туники. Вспомнив о тяжело раненом Панамоне, юноша быстро подбежал к нему и, оторвав полосу от пояса

рубашки, стал перевязывать ему рану. Подошел Кельтцет, приподнял своего компаньона и осторожно поставил его на ноги. И взоры двух воинов устремились в сторону жителя Долины.

— Я давно догадывался, что ты знаешь больше, чем сказал нам,— тяжело дыша, произнес Панамон Крил.— Почему ты не сказал нам о свойствах этих камней? Отчего ты с самого начала не рассказал нам всю правду?

— В то время вы бы все равно не поверили мне,— твердо сказал Ши.— Но и вы тоже скрыли от меня правду, в особенности о Кельтцете. Мне кажется, Панамон, что ты сам мало знаешь о нем.

Грабитель удивленно посмотрел на жителя Долины, неожиданно улыбнулся, будто открыл для себя что-то новое и неожиданное. Ши расценил это как тщательно скрываемое признание проницательности оппонента.

— Возможно, ты прав. Начинаю думать, что я действительно очень мало знаю о нем. Но, как бы то ни было, ты спас нам жизнь, Ши. И мы теперь в долгу у тебя навечно. Теперь я верю, что эти камни принадлежат тебе, ведь ты доказал это на деле. Отныне я всегда буду помогать тебе, где бы ты ни был.

С этими словами Панамон Крил тяжело опустился на землю. Он был еще слаб: давали о себе знать недавно полученные раны.

— Думаю, теперь мы станем друзьями,— с трудом переводя дыхание, произнес Панамон.— Ведь до сих пор мы оба скрывали кое-что друг от друга, а дружба — это прежде всего доверие. Теперь с этим будет все в порядке. Надеюсь, ты расскажешь, наконец, о свойствах этих камней, об этом страшном чудовище, которое чуть было не положило конец нашему брэнному существованию, и... об этом пресловутом мече, который я никогда не видел. В свою очередь, я пролью некоторый свет на неясные вещи в отношении Кельтцета, да и о себе кое-что расскажу. Согласен?

Ши недоверчиво посмотрел на Панамона, пытаясь понять, что у него на уме. Однако жителю Долины не оставалось ничего больше, как утвердительно кивнуть и улыбнуться.

— Я рад этому, Ши,— с облегчением произнес Панамон и окончательно выбился из сил. К нему подошел скалистый тролль и нежно, как заботливая сестра, принялся вытирать влажной тряпкой разгоряченное лицо

Панамона. И Ши снова поймал себя на мысли о том, что в самом облике тролля есть что-то непонятное и экстраординарное. И почему Носитель Черепа вдруг узнал Кельтцета? Несомненно, существует какая-то странная связь между Кельтцетом, лордом Уорлоком и Мечом Шаннара. И вряд ли Носитель Черепа настроен дружески по отношению к Кельтцету.

Однако время шло, и надо было идти дальше. Панамон встал и, опираясь на плечо Кельтцета, сделал несколько шагов. Ши предположил, что идти надо через леса в южном направлении, и Кельтцет согласился с ним. Панамон Крил в ужасе отпрянул, заявив, что это чистое безумие пробираться через леса, где их неминуемо убьют. Как это ни странно, отважного Панамона приводила в паническое состояние уже сама мысль или упоминание о замке Паранор. Ши стал убежденно доказывать своему новому другу, что слухи часто бывают преувеличены и что где-то вблизи замка Паранор они должны по-встречать его друзей, которые обязательно помогут им. В это время к ним вплотную подошел Кельтцет. Лицо его было встревожено. Он подал какой-то знак Панамону, который тут же побледнел и чуть не потерял равновесие, однако сильная рука скалистого тролля поддержала его.

— Кельтцет заметил кого-то в кустах. Но отсюда плохо видно, кто это.

Ши вздрогнул. Сердце его бешено заколотилось.

— На всякий случай приготовь камни. Они могут нам понадобиться, — шепотом скомандовал Панамон, втайне предположив, что их ожидает вторая встреча с Носителем Черепа. Об этом же подумал Ши. Приближался закат, и вот-вот дневной свет уступит место ночному сумраку, и тогда наступит время Носителя Черепа.

— Что мы будем делать? — в страхе спросил Ши.

— Надо взять его раньше, чем он заметит нас. Ничего другого нам не остается, — твердо сказал Панамон и дал знак Кельтцету. Послушный скалистый тролль мгновенно исчез в кустах, а Ши дрожащими руками нащупывал в кармане туники заветный мешочек с магическими камнями. Наступила тишина. Каждая секунда казалась вечностью. Наконец, раздались какие-то шорохи. Кусты раздвинулись. С содроганием сердца Ши положил три камня на ладонь. Вдруг из темных кустов выпрыгнула громадная фигура скалистого тролля и вновь скрылась в густых зарослях.

Глава 20

И здесь начался крошечный ад. Внезапно весь кустарник затрясся, и из глубины темных кустов раздался страшный резкий крик. Панамон с трудом встал на колени и крикнул Ши бросить ему большой меч, который испуганный житель Долины судорожно сжимал в левой руке. Ши застыл в ожидании и не слышал голоса Панамона. В правой руке он держал наготове камни Эльфов, намереваясь тотчас же применить их. Будучи не в состоянии привлечь внимание Ши, Панамон в изнеможении опустился на землю. Из зарослей опять донеслись крики, потом все стихло. Ши и Панамон застыли в нервном ожидании. Вдруг кусты раздвинулись, и появился мужественный Кельтцет. В одной руке у него был тяжелый жезл, другая рука сжимала извивающееся, крутящееся тело гнома, зажатое железной хваткой тролля. Шишковатое желтое тело казалось детским по сравнению с огромной фигурой Кельтцета, чьи руки и ноги ловко двигались одновременно в различных направлениях, как змеи, схваченные за хвосты. Захваченный гном оказался охотником, одетым в кожаную тунику, охотничьи сапоги и походный плащ. На поясе отсутствовал меч, и Ши предположил, что это маленькое злобное существо было разоружено при борьбе в кустах. Кельтцет подошел к Панамону, которому удалось подняться, и с сознанием исполненного долга выставил пленника вперед на обозрение.

— Отпустите меня, отпустите, будьте вы прокляты! — кричал побежденный гном. — Вы не имеете права! Я ничего не сделал. Я даже не вооружен. Сейчас же отпустите меня!

Панамон Крил с улыбкой посмотрел на маленькое существо и с облегчением кивнул головой. Его разобрал дикий смех: настолько нелепым представлялся теперь собственный страх перед этим жалким тщедушным созданием...

— Какой страшный враг, посмотри, Кельтцет! Он мог бы погубить нас, если бы ты не схватил его. Ха-ха-ха! Не могу поверить в это! А мы ждали появления тех ужасных черных чудовищ с крыльями!

Ши не был настроен столь весел и не находил ничего развлекательного в этом инциденте, тем более, что в его памяти еще были свежи воспоминания о недавних встречах со свирепыми маленькими желтыми существами во время перехода через Аннарские горы. Это были

опасные и хитрые враги — и отнюдь не такие безобидные, какими их считал Панамон.

Как будто прочитав его мысли, Панамон повернулся к Ши и серьезно сказал:

— Не сердись, Ши! Это скорее привычка, чем глупость. Я был всегда вынужден смеяться над такими вещами, чтобы остаться разумным человеком и не потерять способность шутить и улыбаться. Ведь я занимался довольно суровым и жестоким делом. Ну, все, довольно об этом. Что мы сделаем с нашим маленьким пленником?

Гном испуганно посмотрел на переставшего смеяться Панамона; его большие глаза расширились, а требовательный голос сменился жалобным хныканьем.

— Пожалуйста, отпустите меня, — раболепно просил гном. — Я уйду и никому ничего не скажу о вас. Я сделаю все, что вы скажете, мои добрые друзья! Только отпустите меня!

Кельтцет все еще держал несчастного гнома за шиворот на расстоянии фута от земли перед Ши и Панамоном, и маленькое существо стало задыхаться в железных тисках Кельтцета.

Видя состояние пленника, Панамон подал знак скалисту троллю отпустить свою жертву на землю и разжать руки.

Минуту поразмыслив над отчаянными мольбами гнома, любитель авантюрных трюков, тем не менее, поднял пiku и поднес ее острый конец к горлу желтого существа.

— Я не вижу причин, по которым тебя следовало бы освободить, — провозгласил он с угрозой. — Думаю, что будет лучше для всех нас, если я перережу тебе глотку прямо здесь и сейчас! Тогда никто из нас не будет беспокоиться о тебе в дальнейшем.

Вначале Ши показалось, что грабитель хочет лишь напугать гнома, но потом в его голосе зазвучали такие ожесточенные нотки, что сомневаться в серьезности намерений Панамона не приходилось. Перепуганный гном проглотил слезы и с отчаянной мольбой воздел руки к небу, затем к своим пленителям, страстно прося пощады. Он то хныкал, то плакал, то рыдал так, что жителю Долины стало в конце концов жаль его. Панамон не двигался, а сидел, уставившись в искаженное страхом и отчаянием лицо несчастного малого.

— Нет, нет! Я умоляю вас, не убивайте меня, — заливаясь горькими слезами, продолжал бормотать гном, переводя свои большие зеленые глаза с одного на другого.

— Пожалуйста, пожалуйста! Оставьте мне жизнь — ведь я смогу быть полезен вам. Верьте мне, я смогу вам помочь! Я могу рассказать вам о Мече Шаннара! Я даже могу достать его для вас...

Ши невольно вздрогнул при неожиданном упоминании о Мече и инстинктивно положил руку на широкое плечо Панамона.

— Итак, ты можешь рассказать нам о Мече, не так ли? — вяло спросил грабитель совершенно бесстрастным голосом, не обратив никакого внимания на Ши. — Ну, давай выкладывай!

Желтое существо слегка расслабилось, глаза приняли нормальные размеры и с надеждой смотрели на окружающих, разыскивая любую возможность остаться в живых. Тем не менее, Ши увидел в его взгляде нечто такое, что сразу насторожило его: на какое-то мгновение в глазах пленника появилась явная хитрость, видимо, тщательно скрываемая до этого. Однако через минуту глаза гнома приняли прежнее просящее выражение, смешанное с полной покорностью и раскаянием. «В чем-то этот гном все-таки чувствует себя виноватым», — невольно подумал житель Долины.

— Я могу повести вас туда, где лежит Меч, если вы хотите, — тихо прошептал он, будто боясь, что кто-то услышит его. — Только оставьте меня в живых!

Панамон Крил убрал острый конец пики от горла жалкого существа, оставив небольшую кровоточащую ранку на желтой шее. Кельтцет не двигался и, казалось, не выражал интереса к происходящему. Ши хотел сказать Панамону, что, действительно, стоило оставить этого гнома в живых, если есть хоть какой-то шанс найти Меч Шаннара, но вскоре понял, что грабитель еще не решил, что делать с гномом, а говорить с Ши в присутствии желтого пленника явно был не расположен. Кроме того, житель Долины не знал, насколько сам Панамон был осведомлен о Мече. Скорее всего, он узнал о нем подробно только от Ши и вряд ли сознавал его значимость.

С лица Панамона исчезло свирепое выражение, и на губах появилась слабая улыбка, когда он снова бросил взгляд на все еще дрожащего пленника.

— Этот Меч представляет ценность, гном? — хитро спросил он. — И я могу продать его и получить взамен золото?

— Он бесценен для определенных людей. Кое-кто

на Северных землях готов отдать все за то, чтобы завладеть этим Мечом...

Гном внезапно замолчал, испугавшись, что сказал слишком много. Панамон хищно улыбнулся и посмотрел на Ши.

— Этот гном утверждает, что Меч может стоить много денег, — не без ехидства произнес грабитель, глядя в глаза юноши. — Думаю, гном не будет врать. А, гном?

Маленькое существо с готовностью закивало.

— Возможно, мы на некоторое время и оставим тебя в живых, но лишь для того, чтобы ты смог доказать, что у тебя есть нечто ценное, чтобы обменять за твою бесценную шкуру. Тем не менее, знай, что я горю желанием перерезать тебе глотку. А Меч хорошо бы обратить в деньги. Как думаешь, гном?

— Ты же знаешь, чего я стою, — подобострастно заюлил гном. — Я могу сделать тебя богатым. Положись на меня.

Грабитель широко улыбнулся и положил на плечо гному свою сильную руку, как будто они были старыми друзьями. Он похлопал по плечу пленника, желая успокоить его и вселить надежду.

— Скажи-ка нам лучше, что ты здесь делаешь? — обратился он к гному. — Кстати, как тебя зовут?

— Я — Орл Фейн, воин племени Пелле из Верхнего Аннара. Я был послан курьером из замка Паранор, когда вдруг разразилось сражение гномов с эльфами. Все погибли в этом бою, все мертвы. Вы можете проверить, на поле брани лежат горы трупов. Я ничего не мог ни изменить, ни сделать — и спрятался. А потом меня настигли вы. Я боялся, что вы — эльфы.

Он замолчал и с испугом посмотрел на Ши, разглядывая черты юного эльфа. Ши не шевелился и ждал, что Панамон будет делать дальше. Однако, к его удивлению, грабитель понимающе взглянул на гнома и дружески улыбнулся.

— Так говоришь, ты — Орл Фейн из племени Пелле, — повторил медленно Панамон. — Большое племя охотников и храбрых мужчин.

Грабитель покачал головой, как будто сожалел о чем-то, и вновь обратился к гному, уже более строгим голосом:

— Орл Фейн, если мы собираемся быть полезными друг другу, мы должны всецело доверять каждому из нас. Ложь только будет мешать укреплению нашего партнер-

ства. На поле боя мы нашли стяг твоего племени. Ты был обязан быть с ними, когда они сражались!

Гном безмолвствовал, и опять смесь страха и сомнения появилась в его бегающих зеленых глазках. Панамон продолжал улыбаться, глядя на него.

— Зачем ты скрываешь от нас правду? Ты все-таки продолжаешь утверждать, что ты должен был находиться здесь? — Его повелительный голос заставил гнома кивнуть, после чего Панамон снова весело засмеялся.

— Конечно, ты был здесь, Орл Фейн. И, когда тебя захватили эльфы, ты боролся, отчаянно боролся, пока тебя не ранили и ты не упал без сознания. И ты лежал здесь, пока мы не пришли. По-твоему, это все правда?

— Да, это правда, — ответил гном с дрожью в голосе и тут же спохватился:

— Нет, это неправда!

На мгновение наступила тишина. Панамон продолжал улыбаться, а гнома обуревали противоречивые чувства. Он был сбит с толку, смущен, растерян; в его глазах вновь появился страх, а на губах играла слабая улыбка. Ши с величайшим изумлением смотрел на того и другого, будучи не в силах понять, что же происходит.

— Послушай-ка меня, ты, маленький лгунишка, — резко сказал Панамон. Улыбка исчезла с его лица, а черты лица стали жестокими. В голосе появились твердость и угроза. — Ты лгал мне с самого начала! Член племени Пелле носил бы знак отличия, а у тебя его нет. Ты не был ранен в бою, а маленькая царапина на лбу ничего не значит! Ты — животное, питающееся падалью, ты — дезертир, не так ли?

Он схватил испуганного гнома за плечи и стал так трясти его, что Ши мог слышать, как стучали его зубы. Не веря этому внезапному повороту событий, гном тяжело дышал, не в силах произнести ни слова.

— Да, да! — наконец выбил из него признание Панамон и только после этого отпустил его, презрительно отбросив назад. Бдительный Кельтцет мгновенно подхватил его, опасаясь, что хитрый гном может убежать.

— Дезертир из своего племени! — с неприязнью выпалил Панамон. — Самое страшное — иметь дело с дезертиром! Ты собирал ценности убитых на поле боя. Где они, Орл Фейн? Ши, поищи-ка в кустах, где он прятался.

Стоило юноше направиться к кустам, как гном издал такой невообразимый вопль ужаса, что Ши показалось, будто Панамон свернул ему шею. Кельтцет тотчас же

отправился помогать Ши разыскивать спрятанное гномом. Во многих местах земля и сучья были перемешаны, в кустах присутствовали явные следы борьбы, однако ничего другого обнаружить не удалось. Тем не менее, Кельтцет продолжал поиски и вскоре его взгляд упал на что-то полузакопанное в дальнем ряду кустов под листьями и ветками. Используя свой короткий охотничий нож, скалистый тролль без труда отрыл длинный мешок с металлическими предметами. Кельтцет дал знак Панамону, что нашел то, что искал. Это вызвало очередные хныкающие стоны насмерть перепуганного пленника. Кельтцет принес мешок и положил его перед всеми. Орл Фейн пришел в бешенство, увидев свои трофеи так близко, и стал отчаянно вырываться из рук Панамона.

— Каким бы ни было содержимое этого мешка, оно, видимо, очень дорого для нашего маленького друга, — не без злорадства произнес Панамон и потянулся к мешку. Развязав кожаный шнурок, он высыпал содержимое мешка на землю.

— Хлам! Настоящий хлам! Гном слишком глуп, чтобы понимать толк в хороших вещах, — произнес разочарованно грабитель, бегло осмотрев все, что лежало перед ним. В содержимое мешка не входило ничего ценного, кроме кинжалов, ножей и мечей, причем некоторые были в кожаных ножнах. Несколько дешевых ювелирных украшений сияло на солнце, да одна-две монеты завершали коллекцию, которая не представляла ни для кого ценности, кроме гнома. Все действительно казалось бесполезным хламом; непонятно только, почему гном, до сих пор испускавший горькие стоны, считал это ценным. «Глупец! Он потерял все, когда бежал с поля боя. А эти металлические побрякушки — дешевое барахло. Теперь-то ему придется расстаться с жизнью хотя бы за то, что он оказался дезертиром и солгал мне», — со злостью думал Панамон Крил.

— Прекрати стонать, гном! Едва ли стоит умирать из-за этой мишуры, — закричал Панамон. — Тебя следует прикончить по другим причинам

И грабитель быстро кивнул Кельтцету, который уже поднял тяжелый жезл, чтобы прикончить несчастного гнома.

— Нет, нет! Подождите минутку, пожалуйста! — с диким отчаянием в голосе прокричал гном. Это была его последняя мольба: он понял, что му пришел конец.

— Я сказал правду о Мече, клянусь! Я могу достать

его для вас! Разве вы не знаете, что значит для Лорда Тьмы Меч Шаннара?

Не раздумывая ни минуты, Ши обхватил руку тролля, державшего железный жезл. Кельтцет все понял и опустил оружие. Панамон хотел было вмешаться, но задумался. Он желал узнать правду о том, что ищет Ши в замке Паранор, а тайна этого Меча, очевидно, была непосредственно связана с замком. В присутствии Ши грабитель не хотел говорить с гномом на эту тему, поэтому он повернулся к Кельтцету и, сделав вид, что это все ему неинтересно, сказал:

— Мы всегда можем убить его, если узнаем, что он опять обманул нас. Обвяжи его никчемную шею веревкой и тащи его, Кельтцет. А теперь, Ши, дай мне, пожалуйста, руку, чтобы я мог подняться, и подставь плечо, чтобы опереться.

Ши помог раненому Панамону подняться и поддержал его, когда тот сделал несколько осторожных шагов. Кельтцет связал Орла Фейна и обмотал его шею веревкой так, чтобы его можно было тащить за собой. Гном беспрекословно позволил связать себя, хотя было заметно, что он чем-то озабочен. Ши подумал, что этот хитрый малый снова лгал, когда утверждал, что знает местонахождение Меча. Юношу охватили противоречивые чувства. Да, Орл Фейн был трусом, дезертиром, дрянным существом, отрекшимся от своего народа, племени. Он не достоин сострадания и жалости, но убивать его Ши не стал бы. Помимо своей воли, он испытывал некоторое сочувствие к маленькому обманщику, хотя его не покидало ощущение того, что отчаянные завывания гнома были лишь тщательно продуманным прикрытием и, если бы предоставилась возможность, этот несчастный с величайшим наслаждением перерезал бы им всем глотки.

Странная компания уже готова была отправиться в путь, но не успели они сделать несколько шагов, как их остановили новые безутешные вопли маленького пленника. Катаясь по земле, гном наотрез отказался идти дальше, если ему не будет позволено взять с собой мешок с «сокровищами». Он поднял такой упрямый и громкий крик, что рассерженный грабитель был на грани того, чтобы ударить палкой по этой ненавистой глупой голове.

— В чем дело, Панамон? — с досадой вмешался Ши. — Пусть он возьмет свои побрякушки, если это делает его счастливым. Мы отделаемся от них позже, после того, как он успокоится.

Красивое лицо Панамона сморщилось от неудовольствия, раздражения и гнева — Орл Фейн уже порядком надоел грабителю, не привыкшему долго церемониться с подобными субъектами.

— Ладно, пусть забирает свое барахло, — неохотно согласился он.

Орл Фейн сразу прекратил стенать, и в глазах его блеснула надежда.

— Однако, если он откроет свой рот еще раз, — сурово заключил Панамон, — я отрежу ему язык. Кельтцет, держи его подальше от мешка. Я совсем не хочу, чтобы он завладел оружием. Чего доброго, он еще попытается вырваться и оставить нас в дураках.

Ши невольно засмеялся, поскольку при свете солнца оружие выглядело довольно убого. Среди груды кинжалов, сабель и ножей лежал меч в старых кожаных ножнах. Его рукоятка, покрытая дешевой позолотой, производила жалкое впечатление, благодаря безвкусной работе. Лезвие находилось в ножнах, поэтому сказать что-либо об его состоянии было нельзя. Может быть, именно этот меч интересовал Орла Фейна? В любом случае он мог оказаться опасным в руках хитрого гнома. Кельтцет взвалил мешок с оружием себе на плечо, и вся компания стала продолжать путь дальше. Переход к лесу был достаточно коротким, но тяжелым, потому что Ши вынужден был останавливаться, чтобы передохнуть, — вес Панамона, опиравшегося на хрупкое плечо юноши, значительно превосходил возможности Ши. Каждый раз, когда они останавливались по команде грабителя, Кельтцет замечал их следы самым тщательным образом и даже протапывал ложные тропинки, которые запутали бы любого, идущего по их следу. Ши не возражал, хотя в его душе теплилась надежда на то, что его найдет Алланон, — однако страх быть обнаруженным, страх опасности пересилил надежду. Больше всего они боялись, что по их следу может направиться еще один Носитель Черепа, и встреча с ним, наверняка, станет роковой.

И, когда в очередной раз компания остановилась, скалистый тролль, привязав Орла Фейна к дереву, вернулся назад, чтобы уничтожить любой знак их продвижения. Панамон устало оперся на толстый клен, а совершенно выдохшийся житель Долины прилег на траву напротив него, глядя отсутствующим взглядом на верхушки деревьев и глубоко вдыхая лесной воздух. День клонился к вечеру, и солнце быстро тускнело. Его недавно

жаркие лучи изливали на землю теплый прощальный свет; на небе то и дело вспыхивали пурпурные и красные зарницы. До полного захода солнца и наступления темноты оставалось совсем немного времени.

Ши вспомнил своих друзей, и, как никогда, ему страстно захотелось увидеть их, почувствовать биение их сердец и подчиниться мудрому руководству, негибавшей воле Алланона, очутиться среди отважных воинов — Меньона, Балинора, Генделя, а также поговорить с Дуринном и Дэйлом. Однако больше всего юноше хотелось, чтобы рядом с ним был Флик, с его непоколебимыми верностью и доверием. Ши даже закрыл глаза, чтобы хотя бы на мгновение представить себе лица друзей.

Панамон был по-своему хорошим человеком, если закрыть глаза на его ремесло. Ши был обязан ему жизнью; потом он помог своему спасителю — и теперь их связывали дружеские узы. Тем не менее, Ши в глубине души понимал, что эта дружба никогда не будет верной и крепкой, потому что Панамон, надеясь только на свою смекалку, ловкость и хитрость, вряд ли мог до конца оценить истинную честность и преданность, а тем более сам проявить эти человеческие качества в полной мере. А что касается Кельтцета — это была загадка. Даже для Панамона.

— Панамон, ты обещал рассказать мне о Кельтцете, — тихо заметил Ши. — Кроме всего прочего, я бы хотел знать, почему его узнал Носитель Черепа.

Ответа не последовало, и Ши приподнялся для того, чтобы убедиться, что Панамон слышал его. Грабитель отсутствующим взглядом смотрел на него.

— Носитель Черепа, говоришь? — рассеянно отозвался любитель сомнительных вояжей. — Ты, кажется, знаешь об этом гораздо больше, чем я, и вполне можешь рассказать о моем компаньоне.

— Но это же неправда — все то, что ты рассказал мне о Кельтцете! Он не был ни уродом, ни изгнанником. И он не убивал людей, не так ли? Скажи, что это не так!

Панамон весело захохотал.

— Возможно, это так и было. Я не знаю, — продолжал он твердым голосом. — Мне всегда казалось, нечто подобное должно было случиться с ним. Иначе как бы он встретился со мной? Он не вор. Мне неизвестно, кто он. Единственно, что я могу утверждать, это то, что он мой друг. Видишь, я почти не обманывал тебя.

— Откуда он пришел? — спросил Ши после минутного молчания.

— Я нашел его на севере около двух месяцев назад. Он спустился с Чарнальских гор, избитый и чуть живой. Неизвестно, что с ним произошло. Он никогда не говорил мне об этом, не пытался показать мимикой или жестами, а я не спрашивал. Видимо, он был намерен скрыть свое прошлое, так же как и я. В течение нескольких недель я заботился о нем. Я немного умею объясняться знаками, жестами, и это помогло мне в общении с ним. Я догадался, как его зовут по знакам. Мы оба узнали друг о друге совсем немного. Когда он окончательно поправился, я предложил ему идти со мной. И он согласился. Мы неплохо ладили с ним. Жаль только, что он действительно не вор.

Ши кивнул и горько улыбнулся последним словам грабителя. Да, Панамон, вероятно, никогда не изменится. Он не понимает другого образа жизни и никогда не захочет принять его. Привычка угрожать и брать силой то, что ему было нужно, сместила многие понятия в сознании этого человека. И, несмотря на это, дружбу он воспринимал, как награду. Ши невольно чувствовал, что Панамон относится к скалистому троллю как к другу, считаясь с его характером и мнением. Это казалось невероятным, потому что характеры и жизненные цели этих людей были совершенно противоположны. Но каждый понимал чувства другого; кроме того, их объединял опыт воинственных столкновений. Вероятно, этого было достаточно для хорошей дружбы.

— Почему Носитель Черепа узнал его? — упорствовал Ши.

Панамон пожал плечами, делая вид, что он действительно ничего не знал или что ему совершенно безразлично все это. Однако проницательный житель Долины чувствовал, что тут что-то не так. Грабитель и в самом деле хотел знать, что могло объединять мерзкого Носителя Черепа и мужественного скалистого тролля. В те страшные минуты Панамон успел заметить явный след страха или непомерного удивления в огненных глазах Носителя Черепа. Что же могло испугать или насторожить это злобное чудовище? Тем не менее, Ши продолжал думать, что грабитель что-то утаивает от него.

Уже почти стемнело, когда Кельтцет вновь присоединился к ним. Решили еще немного пройти дальше, чтобы найти подходящее место для ночлега. Панамон чувствовал

себя немного лучше, но все-таки был вынужден опираться на плечо могучего тролля. Жителю Долины дали задание вести Орла Фейна за веревку — эта работа не сулила Ши ни малейшего удовольствия, но он беспрекословно подчинился распоряжению Панамона Крила, который попытался тихонько оставить мешок с оружием. Но не тут-то было! Хитрый гном сразу заметил это и издал такой истошный и продолжительный вопль, что разгневанный Панамон приказал ему замолчать, затопав ногами и угрожая несчастному. Гном был безутешен в своем страдании и по-прежнему не хотел расставаться с «сокровищами» в мешке. Он лег на землю и принялся тихо стонать. Разъяренный Панамон принялся пинать его, пытаясь заставить идти дальше. Продолжая поддерживать Панамона, Кельтцет подхватил гнома и мешок с бречащим барахлом — и все четверо пошли дальше.

Между тем уже совсем стемнело, и стало трудно с уверенностью определять направление. Панамон скомандовал остановиться на небольшой полянке между громадными дубами, чьи переплетающиеся ветви образовали своеобразную крышу и могли служить неплохим укрытием. Орла Фейна привязали к одному из высоких дубов и стали разжигать костер, чтобы приготовить еду.

Когда приготовления были закончены, Орла Фейна пришлось развязать ровно настолько, чтобы он мог поесть. Панамон не знал точно, где они находятся, но чувствовал себя в достаточной безопасности, будучи уверенным в том, что никто не настигнет их в эти ночные часы. Они ели молча, так как были голодны и очень устали после долгого дневного путешествия. Даже стоны беспокойного Орла Фейна временно стихли, пока маленький гном с волчьим аппетитом поглощал пищу. Его желтое лицо близко склонилось к костру, а хитрые темно-зеленые глаза смотрели то на одного, то на другого. Ши не обращал на гнома никакого внимания, сосредоточившись на том, что должен рассказать Панамону о себе, о друзьях, о Мече Шаннара. Вскоре обед закончился, и пленника опять привязали к дереву. На сей раз Панамон согласился не вставлять гному кляп в рот, взяв с него обещание не стонать и не рыдать в голос. Затем вся компания уютно расположилась у догорающего костра, и Панамон обратил свое внимание на жителя Долины.

— Итак, Ши, — твердо начал грабитель, — пришло время рассказать мне все, что ты знаешь о Мече Шаннара. Никакой лжи, никакой полуправды! Рассказывай все

начистоту. У нас с тобой должно быть взаимное доверие. Я был честен и откровенен с тобой и жду от тебя того же.

И жителю Долины не оставалось ничего другого, как рассказать ему все. В самом начале он решил рассказать лишь некоторую часть этой истории, но все события были связаны очень тесно, одно вытекало из другого, и Ши сам не заметил, как рассказал все до конца. Рассказ был долгим и волнующим. Любитель авантюрных приключений слушал, не перебивая. В его глазах было удивление. Кельтцет молча сидел рядом и внимательно слушал Ши — по всему было ясно, что отважный великан понимает, о чем идет речь. Лишь Орл Фейн беспокойно ерзал в крепких веревочных тисках, издавая стоны, всхлипы, бормотание. Временами его глаза дико вспыхивали, и он с ужасом осматривал место привала, как будто ждал появления самого лорда Уорлока.

— Это самая фантастическая история из всех, которые я когда-либо слышал, — наконец сказал Панамон. — Эта история столь неправдоподобна, что в нее трудно поверить, но я верю тебе, Ши. Верю еще и потому, что сам дрался с этим мерзким чернокрылым чудовищем и воочию видел, какой 'магической' мощью обладают в твоих руках камни. Но что касается Меча — в это трудно поверить разумному человеку. Сам-то ты веришь, что являешься наследником рода Шаннара?

— Поначалу и я не верил, — откровенно признался Ши, — а сейчас я не знаю, что и думать. Так много всего произошло, что я не могу твердо решить, кому верить, а кому нет. Но отступать теперь уже поздно, и мне надо как можно скорее присоединиться к Алланону и остальным. Возможно, у них уже есть Меч. Не исключено, что разгадка в их руках — они могут уже все знать о роли моего наследия и истинной силе Меча Шаннара.

Разговор был прерван внезапным хохотом гнома. Он даже согнулся от смеха, и голос у него стал визгливо-крикливый.

— Нет, нет! У них нет Меча, — как полоумный, заголосил Орл Фейн. — Нет, нет! Только я могу показать вам Меч! Именно я могу привести вас к нему. Только я! Вы можете искать его всю жизнь — ха-ха-ха, ищите, ищите... Но я знаю, где он! Я знаю, у кого он!

— Думаю, что он теряет рассудок, — недовольно проворчал Панамон и велел Кельтцету снова вставить кляп в рот раскричавшемуся гному. После этого грабитель на какое-то мгновение задумался и затем обратился к Ши:

— Ты думаешь, он действительно может знать, у кого сейчас находится Меч?

— Кто знает, что у него на уме. Этот Меч очень много значит не только для нас, но и для всех людей земли. Следует выведать у него, что же он знает в действительности.

— Ну, мне хочется прослезиться... «Для всех людей...» Ха-ха-ха! Их всех стоило бы повесить. Они ничего не сделали для меня — разве что иногда путешествовали в одиночку, без оружия, имея при себе толстый кошелек, но и это случалось редко.

Панамон замолчал.

— Тем не менее, — почти бесстрастно продолжал он, — мне интересно узнать о Мече или помочь лично тебе. Я не из тех, кто забывает добро.

Заткнув гному рот, Кельтцет подсел к костру. Однако тишину вновь нарушили нечленораздельные крики гнома, которые совершенно непонятным образом просочились сквозь плотный кляп. Ши с удивлением смотрел, как извивалось тело маленького верткого гнома. Было такое ощущение, что в него вселился дьявол: глаза Орла Фейна буквально выкатывались из орбит и дико вращались. Какое-то время Панамон не обращал внимания на стоны не унимавшегося гнома, но, наконец, терпение его лопнуло. Грабитель вскочил на ноги, выхватил кинжал и уже готов был отрезать язык этому гадкому дезертиру, но гном тотчас же замолк, неподвижно застыв у ствола дуба-гиганта. Стало тихо, и на некоторое время все забыли о нем.

— Честно говоря, я не все понимаю в этой истории, — задумчиво произнес Панамон и обратился к Кельтцету:

— А ты что думаешь обо всем этом?

Могучий скалистый тролль внимательно посмотрел вокруг и сделал ряд движений пальцами и руками. Панамон следил за ним. Через минуту ему стало ясно, что хотел сказать Кельтцет. Это отнюдь не вызвало одобрения у Панамона, и он с пренебрежением отвернулся от скалистого тролля.

— Он думает, что Меч очень важен и что лорд Уорлок представляет огромную опасность для всех нас. — Грабитель рассмеялся. — Ничего себе, нашел помощника...

— Но Меч действительно представляет громадную значимость для всех людей. Кельтцет говорит правду, — твердо произнес Ши.

Был уже поздний вечер; голоса стали постепенно затихать, так как усталых путешественников неумолимо тянуло ко сну. Вокруг, словно стена, стоял лес. Среди ночного безмолвия раздавались лишь трескотня и жужжание насекомых да редкие крики ночных птиц. В высоком и ясном небе, просвечивающем сквозь сплетенные ветви деревьев, сияли редкие звезды, и свет их был достаточно ярким. Костер догорел, угольки превратились в золу. Панамон встал, втоптал оставшиеся угольки в землю и, пожелав всем спокойной ночи, устроился на ночлег, благо у него и у других были тонкие теплые одеяла. Кельтцет уже спал, а Ши, закутавшись в одеяло, никак не мог избавиться от тревожных мыслей. Он опять перебирал в памяти все события, происшедшие с ним за последнее время. Их было так много, в них и по сей день было столько неясного. Алланон был единственным человеком, который мог с самого начала пролить свет на все эти вопросы. Почему он не рассказал Ши все до конца? Ши перевернулся на другой бок и, посмотрев на спящего Панамона и уже давно видевшего сны скалистого тролля, перевел взгляд на гнома. Орл Фейн сидел, оперевшись спиной о дерево, к которому был привязан; глаза его хищно светились, как у кошки в темноте. Наконец, веки у Ши стали смыкаться и он постепенно заснул.

Под утро всех разбудил дикий вопль Панамона. Грабитель в гневе носился по прогалине, крича и ругаясь одновременно. Ши не мог понять, что случилось. Он сел, протер глаза и окончательно прогнал сон. Панамон в ярости бегал по прогалине, ругаясь на чем свет стоит, а Кельтцет, стоя на коленях перед дубом, что-то внимательно рассматривал внизу. И Ши понял, что Орл Фейн сбежал. Житель Долины мгновенно вскочил на ноги и бросился вперед. Да, так и есть. Его страхи оправдались. Разорванные веревки бесцельно валялись на земле. Гном сбежал, а Ши потерял реальный шанс найти Меч. Голова у Ши закружилась и он в изнеможении сел.

— Как ему удалось сбежать? — в полной растерянности спросил житель Долины.

— Это я вас с Кельтцетом хочу спросить. Он был привязан к дереву, и оружие лежало далеко от него. Видимо, этот маленький дьявол перегрыз веревки и бежал. Да, да! Веревки перекушены зубами. Этот чертов грызун оказался гораздо изобретательнее, чем я себе представлял! А, черт... — не мог успокоиться Панамон.

— Странно, что он не пытался убить нас, ведь у него достаточно причин ненавидеть нас, — задумчиво произнес Ши.

— Очень просто. Этот гад боялся, что его схватят. Ведь он трус, дезертир. И на большее, чем на побег, он вряд ли способен. Ну, что, Кельтцет?

Могучий скалистый тролль медленно поднялся с колен и начал быстро жестикулировать, указывая на север. Панамон покачал головой с явным неудовольствием и сказал:

— Несколько часов назад эта мерзкая мышь убежала в северном направлении. Хуже всего то, что нам придется преследовать его, а бродить по этой северной земле равносильно самоубийству. А хотя... — на минуту задумался Панамон. — Черт с ним! Его собственный народ обязательно найдет его и как следует покарает. Они не будут прятать или покрывать дезертира. Нам лучше идти без него. Кроме того, он наверняка солгал нам о Мече Шаннара.

Ши кивнул, но в глубине души он отнюдь не был уверен, что гном сказал им неправду. Ему было крайне неприятно, что посторонний человек знал тайну Меча Шаннара и даже местонахождение этого Меча, но полностью отрицать это Ши не решался. А что, если он ушел за Мечом?

— Забудь об этом, Ши, — сказал Панамон. — Этот гном боялся нас до смерти, его единственной мыслью было сбежать от нас. Вся эта история с Мечом была только трюком и уловкой для того, чтобы мы его не убили. Он просто тянул время и искал подходящий случай сбежать. Ха! Ты только посмотри на это! Он так спешил, что даже забыл взять свой драгоценный мешок!

И только тут Ши заметил, что на другом конце прогалины лежит открытый мешок. Было странно, что Орл Фейн мог оставить свои «сокровища» после стольких усилий забрать этот мешок с собой. Всем казалось, что этот мешок был крайне важен для гнома, а теперь — по непонятной причине — он лежал брошенный, как ненужный хлам. Все это было более чем странно. Ши подошел к мешку и стал с интересом рассматривать его содержимое. Кельтцет перед этим вытряхнул оружие на землю, и теперь они стояли рядом, маленький Ши и огромный скалистый тролль, и пристально рассматривали мечи, кинжалы и другое военное снаряжение, как будто за всем этим скрывалась какая-то тайна. Через некоторое время к ним присоединился Панамон. Окинув беглым

взглядом брошенные «сокровища», он рассерженно произнёс:

— Пора идти. Нам нужно найти твоих друзей, Ши. Возможно, с их помощью нам удастся заполучить этот неуловимый Меч. Все, все! Ну что вы все смотрите на это барахло? Вы уже видели эту бесценную кучу «сокровищ». Она все та же.

И в этот момент у Ши все похолодело внутри. Ему запомнился большой меч в кожаных ножнах; что-то неуловимое выделяло его среди остальных мечей и кинжалов. А теперь этого меча не было.

— Это уже не та куча «сокровищ». Его нет... — отчетливо и растерянно произнес житель Долины. — Он взял его...

— Чего нет? Кто взял? О чем ты говоришь? — с раздражением спросил Панамон, пиная ногой кучу хлама.

— Здесь нет одного меча в кожаных ножнах.

Панамон быстро взглянул на содержимое мешка и нахмурился. Кельтцет внезапно выпрямился, и было такое ощущение, что его осенила догадка. Он выразительно посмотрел на Ши своими умными глазами, подтверждая правильность догадки юного жителя Долины.

— Так, — потихоньку свирепея, сказал Панамон. — Это значит, что...

Нижняя челюсть грабителя отвисла, глаза в негодовании сверкали.

— О нет! В это невозможно поверить! Ты думаешь, он взял?..

Догадка была столь чудовищной и очевидной, что Панамон был не в силах продолжать. Ши кивнул головой в совершенном отчаянии.

— Меч Шаннара!

Глава 21

Наступившее утро лишь утвердило Ши и его новых компаньонов в ужасающей правде: исчез Орл Фейн, а вместе с ним и Меч Шаннара. В это же время тяжелые мысли обуревали Алланона и его друзей: трудности и препятствия то и дело возникали на их пути. Было поистине великим чудом, что им удалось уйти из цитадели Друидов незамеченными. Спускаясь вниз по темному лабиринту туннелей, они почти никого не встретили, не считая нескольких безоружных гномов, бродивших

по переходам, да безжизненных тел прежних охранников, которые до сих пор лежали неубранными посреди застывшего безмолвия.

Выбравшись из замка, Алланон и его мужественные единомышленники, не останавливаясь, быстро спускались с высот и продвигались через леса на север. Алланон был уверен, что гномы еще задолго до появления всех участников похода в замке взяли Меч Шаннара и перенесли его в другое место. Ничего более определенного великий Друид сказать не мог.

На севере замок Паранор охраняли войска Эвентина, поэтому любая попытка пронести Меч по этой территории была обречена на провал. Кто знает, может, королю Эльфов уже удалось завладеть мечом. И было бы великим счастьем, если бы ему удалось обнаружить и спасти Ши. Алланон нахмурился. Мысль об исчезнувшем хрупком юноше ни на минуту не покидала его. Они условились встретиться у подножия горы, но Ши не было в назначенном месте. Алланон знал, что он жив и вместе с какими-то людьми направляется к замку. Однако что-то важное и непредвиденное отвлекло их. И кто знает, где и когда теперь им суждено встретиться. В глубине души Алланон надеялся на крепкие жизненные силы молодого жителя Долины и на магические свойства камней Эльфов, которые Ши всегда держал при себе.

Мысли о потерявшемся юноше были отнюдь не единственными тревожными думами, которые обуревали великого Друида. В замке Паранор уже наверняка обнаружили, что пленники бежали. Сразу вслед за этим, видимо, прибыли значительные подкрепления воинов-гномов, которые быстро охватят своими охотничьими отрядами всю территорию вокруг замка и за его пределами. Вряд ли гномы доподлинно знали, кем являются убежавшие пленники. Им было поручено найти и взять в плен людей, вторгшихся в священные владения Паранора. Алланон понимал, что лорд Уорлок обладает далеко не полным знанием. Скорее всего, ему известно очень немного, а именно то, что Алланон погиб в схватке с Носителем Черепа, что наследник рода Шаннара и его друзья взяты в плен, что Меч Шаннара находится в надежных руках на пути в северное Царство Тьмы. Гномы, упустившие пленников из замка Паранор, едва ли сразу сообщат об этом лорду Уорлоку, надеясь в скором времени настигнуть беглецов.

А тем временем Алланон и его друзья неуклонно продвигались на север, однако время от времени они были вынуждены маскироваться и прятаться от появляющихся больших поисковых отрядов гномов. Этой маленькой группе вряд ли было суждено остаться незамеченной, и спасло их, по всей вероятности, то, что Гномы были совершенно уверены в продвижении на юг, тогда как Алланон и его друзья держали путь на север. Было еще светло, когда они добрались до опушки леса. Лицо Алланона помрачнело, устало смотрели на окружающих серьезные глаза великого Друида. Было совершенно очевидно, что его осенила очередная отнюдь не радостная догадка. Внезапно глаза прославленного историка наполнились блеском и решимостью. Он внимательно посмотрел на каждого, будто видел их всех впервые. Наконец, Алланон заговорил твердым и тихим голосом:

— Мы дошли до конца, друзья мои. Поход в Паранор закончен, и настало время расстаться. Каждый пойдет своим путем. Мы потеряли возможность завладеть Мечом — по крайней мере, на данный момент. Ши нет рядом с нами, и мы не знаем, сколько времени понадобится, чтобы найти его. Величайшая угроза для нас — вторжение с севера. Это является опасностью не только для нас, но и для всех людей, живущих на юге, востоке и западе. К сожалению, мы не обнаружили войск Эвентина, хотя предполагалось, что они будут контролировать эту территорию. Возможно, их отозвали или отвлекли, а это значит, что лорд Уорлок начал продвижение своих армий на юг.

— Иными словами, вторжение началось? — прямо спросил Балинор.

Алланон быстро кивнул, и все испуганно переглянулись.

— Без Меча мы не можем окончательно победить лорда Уорлока, поэтому единственно, что мы можем сейчас сделать, это попытаться остановить продвижение его армий. Для того, чтобы совершить это, мы должны в кратчайшие сроки объединить всех свободных людей, хотя я и не исключаю то, что мы уже опоздали. Все может быть. Брона использует армии для захвата всей центральной части Юга. Для этой цели ему нужно всего лишь разгромить Пограничный Легион Каллахорна, который должен держать под охраной все города Каллахорна, чтобы дать время людям объединить армии и отбросить захватчиков. Дурин и Дэйел будут сопровождать вас до Тирсиса, а оттуда вы двинетесь на запад

к своим собственным землям. Эвентин должен повести свои армии через Равнины Стрелехайма для того, чтобы обеспечить оборону и укрепление Тирсиса. Если мы не победим, лорду Уорлоку удастся вклиниться между армиями, и это резко снизит шансы объединить войска. И хуже всего то, что все Южные земли останутся открытыми и незащищенными.

Балинор кивнул и обратился к Генделю:

— Какую поддержку нам могут оказать Карлики?

— Город Варфлит — это ключ к восточному сектору Каллахорна, — медленно сказал Гендель, тщательно обдумывая ситуацию. — И мои люди должны защищать эти территории от любого нападения со стороны Аннарских гор. Однако думаю, что мы можем выделить людей для защиты Варфлита. Но города Керн и Тирсис вы должны удерживать сами.

— Армии Эльфов помогут вам на западе, — с готовностью пообещал Дурин.

— Подождите! — недоверчиво воскликнул Меньон. — А что с Ши? Вы что, совсем забыли о нем?

— Думай, прежде чем сказать, — предостерегающе произнес Алланон.

Меньону стоило невероятных усилий обуздать вспышку гнева.

— Я буду продолжать поиски брата, — твердо сказал Флик.

— Да, правильно, Флик. Ты, Меньон и я будем продолжать поиски Ши. Мы также постараемся отыскать исчезнувший Меч. Думаю, там, где мы отыщем Ши, мы найдем и Меч — или наоборот. Вспомните слова, сказанные Тенью Бремена. Ши должен быть первым, кто возьмет в руки Меч. Не исключено, что он уже завладел им, — размеренно пояснил Алланон.

— Вот и давайте займемся поисками, — раздраженно предложил Меньон, избегая взгляда Друида.

— Мы должны отправляться сейчас же, — провозгласил Алланон. — А что касается принца Леа, то ему не мешало бы проявлять больше терпения и мудрости. Сейчас не время ожесточаться.

Меньон неохотно кивнул. Все семеро попрощались и, с тревогой посмотрев друг на друга, разошлись. Балинор, Гендель и братья-эльфы пошли в западном направлении, к лесу, где Ши и его компаньоны провели ночь. Им предстояло пройти через лес, миновать гористую местность и в течение двух дней достичь городов Керн и Тирсис.

Алланон, Меньон и Флик направились на восток в поисках юного Ши.

Алланон был убежден, что юноша рано или поздно придет к замку Паранор. Вероятно, он стал пленником какого-нибудь охотничьего отряда гномов. Нелегко ему будет вырваться из рук этих хитрых злобных маленьких человечков. Но гораздо хуже могло быть то, что лорд Уорлок к этому времени мог уже обнаружить его присутствие и попытаться уничтожить юного наследника рода Шаннара.

Тревожные мысли нескончаемой чередой обуревали Алланона и его двух друзей. Меньон осторожно шел впереди, его острые глаза искали следы на земле. В данной ситуации дождь был бы крайне нежелательным: он окончательно смоет все следы. Даже если погода останется благоприятной, в этих местах не исключены сильные порывы ветра, которые моментально унесут вместе с пылью и листвой все имеющиеся следы. Замыкал шествие Флик, который шел молча, напряженно взглядываясь в мелькавшую под ногами землю. В глубине души он больше чем кто-либо понимал шаткость надежды и отгонял от себя мысли о том, что Алланон был последним, кто видел его брата живым.

К полудню солнце поднялось высоко. Бесплодные Равнины Стрелехайма застыли в лучах нещадно палящего солнца, и трое путешественников старались идти по краю леса, чтобы хоть как-то спрятаться от нестерпимого зноя. Только на Алланона, казалось, не действовала эта проклятая жара. На его спокойном лице не было ни капли пота, ни тени усталости или изнурения от палящих лучей солнца. Великий Друид шел вперед легкой и твердой походкой. У Флика от этой жары стала кружиться голова, капли пота стекали со лба и падали на одежду. Даже выносливый Меньон вынужден был идти медленнее — нестерпимая жара выматывала силы. Его зоркие глаза стали терять остроту, взор затуманился, он перестал видеть четкие очертания предметов. В ушах у Меньона зашумело, появились ложные слуховые и зрительные образы, созданные его разгоряченной головой. Понимая, что с ним творится что-то неладное, Меньон предложил сделать остановку. Они расположились в прохладе под сенью больших деревьев и молча съели скудную, почти безвкусную пищу, состоявшую из хлеба и сухого мяса.

Флику страстно хотелось спросить Алланона, насколько все-таки реальны шансы Ши выжить или выстоять

в сложившейся ситуации, но он не решался это сделать — ответ был совершенно очевиден. Кроме того, он никогда не был близок Алланону, всегда мучился сомнениями и воспоминаниями о страшных силах и необычайных способностях Друида. В целом Алланон оставался не только для Флика, но и для всех других участников похода странной мистической фигурой, не менее загадочной, чем пресловутые Носители Черепа. Было счастьем, что Алланон оказался на их стороне. Великий Друид представлял собой олицетворение бессмертного духа Бремена, который на их глазах поднялся из подводного царства. Он продемонстрировал перед ними такую силу и мощь разума, такие сверхъестественные возможности, что это все не укладывалось в обычное представление о простом смертном.

Флик не мог забыть ужасный бой между великим Друидом и коварным Носителем Черепа, в кульминационный момент которого загадочный исполин должен был погибнуть. Ни один смертный не мог бы выстоять в подобной ситуации, а могучий чудотворец остался жив, добавив к нераскрытым тайнам своего странного лика и бессмертного духа еще одну поистине непостижимую загадку. Из всей компании лишь один Балинор мог в некоторой степени воздействовать или смело общаться с великим историком, путешественником и магом. Однако теперь Балинор был очень далеко, и Флик чувствовал себя неуютно и одиноко.

Что касается Меньона, то он не очень-то боялся великого Друида и даже осмеливался вызывать его гнев. Тем не менее, принц Леа прекрасно сознавал, что между ним и Алланоном нет и никогда не будет близкой связывающей нити. Он интересовал Друида как человек, способный оказать помощь в поисках юного жителя Долины. У Меньона тоже не раз возникало желание хорошенько расспросить странного великана, но, чувствуя, что этим он лишь вызовет раздражение и гнев непредсказуемого гиганта, он то и дело отбрасывал эту мысль, опасаясь, как бы упрямый и вспыльчивый Друид не вздумал избавиться от него навсегда. Поэтому Меньон сидел молча, разумно полагая, что в данной ситуации осторожность и терпение полезнее риска и откровенности.

Когда молчаливая трапеза была закончена, Алланон скомандовал всем подняться и идти дальше. И через минуту все трое неспешно зашагали вдоль края леса, старательно укрываясь от беспощадных лучей солнца

и внимательно разглядывая землю бесплодной равнины. Великий Меньон, а за ним и остальные обнаружили необычные многочисленные следы. Было очевидно, что по этим местам прошли люди в тяжелой обуви и, несомненно, вооруженные. И вдруг через пятнадцать-двадцать шагов они увидели у себя под ногами останки мертвых тел Гномов и Эльфов, погибших в бою. Разлагающиеся тела лежали там, где они упали, неубранные и непогребенные. Алланон, Меньон и Флик с тяжелым сердцем шли по этому кладбищу белых костей и гниющего мяса, и ужасный запах разлагающихся трупов ударял им в нос тошнотворными волнами.

Алланон в молчаливом отвращении брел среди тел убитых, рассматривая брошенное оружие и землю под ногами. Внезапно он остановился и, забыв об отвратительном трупном запахе, наклонил голову, и стал пристально всматриваться в почву под ногами. Он опустился на одно колено, потом на оба и в странном изумлении почти приник к земле. Меньон и Флик, ничего не понимая, во все глаза смотрели на великого Друида. Между тем загадочный исполин стремительно поднялся и широкими шагами направился к своим спутникам. Темное лицо кудесника пылало от возбуждения, когда он вплотную подошел к ним. И они оба облегченно вздохнули, увидев знакомую улыбку, переходящую в ироническую насмешливость.

— Удивительно! Поистине удивительно! Наш юный друг оказался куда более изобретательным, чем я себе представлял. Я нашел небольшую кучку пепла — все, что осталось от одного из Носителей Черепа. В этом смертном мире нет такой силы, которая бы погубила Носителя Черепа, потому что он — продукт потустороннего мистического мира. В данном случае это могли сделать только камни Эльфов! Это бесспорно, друзья мои!

— Значит, Ши опередил нас! Он уже был здесь до нас! — с надеждой воскликнул Флик.

— Да! Никто другой не смог бы использовать эти камни, — радостно подтвердил Алланон. — Тут повсюду следы ужасной битвы, указывающие на то, что Ши был здесь не один. Не могу сказать, кто с ним был — друзья или враги. Будем надеяться на лучшее. Что ты там нашел, житель высокогорья?

— Множество ложных следов, оставленных очень умным и осторожным троллем, — с ухмылкой ответил Меньон. — Вряд ли можно много прочитать по этим следам,

но я совершенно уверен, что среди тех, кто захватил инициативу на этом поле, был огромный скалистый тролль. Его следы видны по всему полю, но ни один след не ведет целенаправленно куда-либо. Есть признаки того, что в этих кустах была большая драка. Посмотрите на сломанные ветки и опавшие листья! И что более важно — вот следы не гнома, не тролля, а, скорее всего, хрупкого юноши. Возможно, это следы Ши.

— Ты думаешь, его схватил тролль? — в испуге спросил Флик.

Меньон улыбнулся и пожал плечами.

— Если он сумел справиться с Носителем Черепа, то уж от тролля наш друг, видимо, сумел себя защитить.

— Камни Эльфов могут защитить лишь от существ, наделенных мистической силой. Они бессильны против смертных, — не без ехидства, улыбаясь, произнес самолюбивый Алланон. — Да, можно поинтересоваться, куда направился тролль?

Меньон отрицательно покачал головой.

— Нет, следов явно недостаточно, и все они запутаны. У меня такое ощущение, что следы намеренно запутали. Поэтому мы никогда не узнаем, куда ушел тролль.

Сердце Флика сжалось от этой новости. Он с ужасом подумал, что огромный тролль мог захватить Ши и тогда...

— Я нашел еще кое-что, — провозгласил Алланон. — Смотрите, это боевой стяг Эвентина. Он находился на поле боя. Следовательно, Эвентин со своей армией участвовал в этом бою. Возможно, он сам взят в плен. Хуже, если он убит. Можно предположить, что гномы пытались бежать с Мечом из замка Паранор, но были перехвачены королем Эльфов и его воинами. Если это так, то Эвентин, Ши и Меч могут быть сейчас в руках врага.

— Я уверен в одном, — быстро заявил Меньон. — Следы тролля и еще некоторых людей, а также следы драки в кустах — совсем свежие. Полагаю, что все это происходило вчера. А вот битва Эльфов и Гномов была семь дней назад.

— Да... да, ты, конечно, прав, — задумчиво согласился Друид. — Весьма странная непоследовательность событий. Боюсь, что здесь мы больше не найдем никаких ответов.

— Что же нам теперь делать? — озабоченно спросил Флик.

— О, смотрите, — удивленно обронил Алланон. — Вот следы, явно ведущие на запад, к Равнинам Стрелехайма. Следы неясные, но...

И он вопросительно посмотрел на Меньона, желая узнать его мнение.

— Наш загадочный тролль вряд ли поступил бы подобным образом, — обеспокоенно заметил принц Леа. — Он бы не стал оставлять ложные следы рядом с явно чистыми следами. Тут что-то не так. Не нравится мне это...

— Разве у нас есть выбор? — спросил Алланон. — Можно сказать одно: чистые следы, оставленные на поле битвы, ведут на запад. Нам нужно идти по этим следам и надеяться на лучшее.

Флик с горечью подумал, что в данной ситуации подобный оптимизм ничем не оправдан и подобное объяснение перед лицом суровых фактов было весьма необычным для Друида. Но, как бы то ни было, Друид был по-своему прав — ведь сейчас человек, который оставил свои следы на поле боя, был, пожалуй, единственным, кто мог рассказать им о Ши.

Флик решительно повернулся к Меньону и кивнул, выражая готовность следовать совету великого Друида. Меньон был явно не склонен следовать этому решению, он был убежден, что следует искать другой след, который несравненно больше скажет им о тролле и всех событиях, происшедших на поле битвы. Однако решение было фактически уже принято, и, уничтожая свои следы, путники отправились через Равнины Стрелехайма в сторону Западных земель. Флик бросил прощальный взгляд на поле боя, где под палящим солнцем гнили тела убитых, и покачал головой. Вероятно, это означало, что для всех них, убитых и растерзанных, это был полный конец.

Весь остаток дня путешественники провели в пути, медленно продвигаясь в западном направлении. Говорили они мало, каждый был целиком погружен в собственные мысли. Между тем покрасневшее солнце неторопливо укатилось за горизонт, и небо стало быстро мрачнеть. До наступления полной темноты путники решили устроиться на ночлег. Лес был дикий и темный. В любую минуту на них могла напасть стая волков, или они могли быть обнаружены охотничьим отрядом гномов.

В целях предосторожности они решили не разводить костер и вести постоянное наблюдение в течение всей ночи. Вероятность нападения волков была очень велика, и Флик молился про себя, чтобы все они остались живы в эту ночь. Наскоро перекусив, они приготовились отдыхать. Меньон вызвался первым стоять на карауле. Флик ментально заснул, и ему показалось, что спал он лишь

одно мгновение, потому что его вскоре разбудил Меньон и сказал, чтобы он сменил его. Не прошло и часа караульного наблюдения, как к Флику неслышно приблизился Алланон и велел юноше отправляться спать. Спорить было бесполезно, и житель Долины сделал то, что ему сказали.

Уже светало, когда Меньон и Флик проснулись. В еще холодных красках и желтых отблесках солнца, которые с трудом проникали сквозь тяжелый полог густого леса, молодые люди увидели огромную фигуру Друида, сидевшего у не менее гигантского вяза. Его исполинская фигура казалась частью леса. Он сидел тихо, без движения, и лишь напряженно поблескивали его глубоко посаженные черные глаза под густыми бровями. Неужели Алланон провел ночь без сна? Это было невероятным, тем более, что вид у него был не усталый, а довольно отдохнувший. Они быстро позавтракали и вышли из леса по направлению к западу.

Сделав лишь несколько шагов, они застыли от изумления. В свете нового дня все вокруг стало ясным и радостным; ярко светило солнце, и его слепящие лучи озарили вершины гор на востоке. И лишь на севере от самой линии горизонта поднималась вверх гигантская темная стена, как будто все зловещие грозовые тучи со всего света собрались вместе, образовав сплошную завесу мрака. С каждой минутой размеры этой темной стены увеличивались, и уже через непродолжительное время вся северная часть небосклона была затянута жуткой черной завесой. Ужасом, мраком, холодом веяло от этой стены. Казалось, сама ночь затягивает в свои мрачные сети все живое, не оставляя никаких надежд на избавление.

— Что мы будем делать? — с трудом произнес Меньон.

Алланон хранил молчание. Его собственное лицо отражало темноту северной стены, а мрачный взор, казалось, проникал сквозь зловещую тьму. Он стиснул зубы, нахмурил брови, и видно было, что все резервные силы и возможности этого человека были максимально мобилизованы в эти минуты. Все молчали. Наконец, великий Друид сказал:

— Не стану скрывать от вас, друзья мои. Это — начало конца. Брона подал сигнал о наступлении. Под покровом этой ужасной темноты его армии отправляются сначала на юг, затем на восток и запад, и на всей земле воцарится тьма. Как только солнце зайдет, вечный

мрак опустится на землю, если армии Броны не получат отпор.

— Разве нас уже разбили? Неужели это полное поражение? — дрожащим голосом спросил Флик.

Что-то сострадательное и жалостливое мелькнуло во взгляде великого Друида, и он, ласково посмотрев на юного жителя Долины, ободряюще сказал:

— Нет, мой друг. Это еще не поражение.

И в ту же минуту Алланон скомандовал всем идти в западном направлении, держась края леса и внимательно смотря по сторонам. Кто знает, в каком обличии может появиться очередной Носитель Черепа? Когда и откуда? С неба, из воздуха, из под земли? Под покровом тьмы все подданные Северного Королевства могли безбоязненно вершить любое зло. Лорд Уорлок расширял границы своих владений: его армии стали продвигаться во всех направлениях, а его верные духи были посланы вперед. Эти страшные хищные птицы с элементами человеческого обличья были наделены особой силой, способной вынести воздействие солнца, а с их помощью он надеялся взять под контроль другие земли, чтобы навсегда погрузить их в царство страха и мрака. Над всеми землями нависла зловещая угроза. Мрак пытается вытеснить свет.

Около полудня трое путешественников повернули на юг в сторону Равнин Стрелехайма, придерживаясь окраины леса. Перед ними по совершенно непонятной причине вдруг стали появляться несколько тропинок со множеством следов. Меньон заключил, что по этим дорогам несколько дней назад прошли, по крайней мере, две-три тысячи человек. Отпечатки ног были большими и маленькими: видимо, это прошли Гномы и Тролли — части северных орд лорда Уорлока. Алланон теперь был совершенно уверен в том, что мощные армии Северного Властелина начали глубокое продвижение на юг.

Оставшуюся часть дня все трое провели в пути, лишь изредка останавливаясь, чтобы наскоро перекусить и дать отдых ногам. Бесплодные Равнины Стрелехайма сменились зелеными лугами. Флику казалось, что они возвращаются домой и вот-вот перед глазами появятся знакомые места Тенистой Долины. Густая зеленая трава источала свежий аромат, воздух был теплый и влажный. И, хотя до Каллахорна было еще довольно далеко, дыхание этой богатой и плодотворной земли ощущалось в полной мере. Во время продвижения Алланон — по настоянию Флика — подробно изложил историю Человека

со времен Великих Войн, рассказывая как постепенно прогрессировала человеческая личность. Он также оставался на взаимоотношениях представителей различных рас. Меньон внимательно слушал Друида и зорко смотрел по сторонам.

Утром, когда Алланон, Меньон и Флик отправились в путь, солнце было ярким и теплым, а небо — высоким и ясным. К полудню погода резко изменилась: солнечный свет затмили низкие серые грозовые тучи, воздух стал влажным и неприятно обволакивал все открытые участки тела. Ветер стих. В воздухе застыло напряжение. Приближение бури было бесспорным. Вдали на темном горизонте уже показались острые выступы Драконьих Зубов. До границ Каллахорна оставалось уже совсем немного, но впереди не было видно никаких признаков продвигающихся армий. Неужели войска лорда Уорлока уже захватили Каллахорн?

Были уже сумерки, когда путешественники услышали зловеющий гул, идущий сразу отовсюду. Казалось, он шел одновременно из недр земли, из глубины темного леса и с огромной высоты горных вершин. Меньон сразу узнал этот звук, еще раньше он слышал его в Аннарском лесу. Это был громкий ритмичный звук сотен барабанов Гномов, их четкий дробный ритм пробивался через густую листву, сквозь каменные уступы, наполняя ночь тревожными ощущениями. Было что-то напряженное и злое в этом барабанном бое. Иногда сила удара была такова, что земля, казалось, начинала трястись под ногами, а все живое вокруг замирало в раболепном благоволении и страхе. По интенсивности звука Меньону стало ясно, что они находятся на довольно значительном расстоянии от гномов. Тот звук барабанного боя, который раздался вблизи Нефритового Ущелья, был иным. Барабанный бой был столь сильным и мощным, что позволял предположить о присутствии тысячи гномов, а может, и больше. По мере того, как все трое продвигались вперед, ужасающий звук все нарастал и настолько окутал их, что, казалось, пронизал их организм сверху и заполнил каждую клеточку живого пространства. Гул отдавался звонким эхом в горах, и каждый нерв вздрагивал при очередном ударе странных барабанов. Ночное небо было сплошь закрыто тяжелыми тучами, и трое путешественников в совершенной темноте, преследуемые этим ужасным барабанным гулом, неуклонно продолжали свой путь. Меньон и Флик с трудом различали дорогу, и теперь впереди шел Алланон, который

с поразительной зоркостью и ловкостью передвигался в темноте. Все трое молчали. Угнетенное состояние усиливал бой барабанов. Они знали, что впереди их ждет лагерь страшного врага.

Совершенно неожиданно местность резко изменилась: травянистые холмы и лесистые низины вдруг перешли в крутые склоны, усыпанные галькой. То и дело под ногами путешественников возникали предательские каменные уступы, коварные и неровные. И лишь великий Друид твердо держался на ногах и неумоимо продвигался вперед. В темноте была ясно видна его высокая фигура, и оба молодых человека молча следовали за ним. Более часа три темных силуэта осторожно двигались вперед под покровом ночи. Их одежда порвалась, ноги были в синяках и ссадинах, но молчаливый Друид не останавливался ни на минуту. Наконец он замер на месте и предупреждающе приложил палец к сжатым губам. И, сделав движение рукой, стал взбираться на огромную кучу мелких валунов. Несколько минут все трое карабкались вверх, и вскоре вдали появились огни — неясные, мерцающие, желтые огни горящих костров. Достигнув выступа скалы, путешественники, затаив дыхание, увидели, что во всех направлениях ярко горели костры Северной Армии лорда Уорлока. В желтых отблесках костров то и дело сновали крепкие низкорослые фигурки гномов и высокие крупные тролли. Войско было многочисленным и хорошо вооруженным, в любую минуту готовое к походу на Каллахорн. Для Меньона и Флика было непостижимо, как Легион Балинора мог надеяться выстоять и отразить нападение столь мощной силы. Было такое впечатление, что все живущие на этой земле Гномы и Тролли воссоединились и готовы перейти в наступление. Все трое с ужасом наблюдали за военными приготовлениями, укрывшись в большом вороньем гнезде среди валунов на высоте нескольких сот футов от армии, расположившейся внизу. Только теперь Меньон и Флик до конца осознали всю степень огромной опасности, всю мощь армий Северного Властелина. О, как именно сейчас, перед лицом этой грозной неисчислимой армии, намеревающейся разгромить их родные земли, им был нужен Меч Шаннара или камни Эльфов. Но ни Ши, ни Меча, ни камней Эльфов не было рядом. Флик и Меньон переглянулись и сокрушенно вздохнули. Видимо, их усилия оказались напрасными. Противостоять этой силе втроем было бессмысленно.

И вдруг Алланон молча указал им на низ склона, на котором они укрывались. Меньон и Флик осторожно посмотрели вниз и к своему удивлению заметили ясные очертания гвардейцев-гномов, патрулирующих около основания склона. Не верилось, что враг поставил охрану так далеко от лагеря. Алланон жестом показал остальным отодвинуться назад от края валунов, и все быстро ползком отступили.

— Необходимо соблюдать максимальную осторожность. Звук наших голосов будет звучать эхом отсюда, и охрана гномов услышит нас!

Меньон и Флик кивнули.

— Ситуация более серьезная, чем я думал, — продолжал Алланон. — Здесь собраны огромные силы. Бронна намерен сломить любое сопротивление южан сразу же, обрушив на них всю мощь своих армий. Нужно немедленно предупредить Балинора о нависшей смертельной угрозе над его страной.

И Алланон вопросительно посмотрел на Меньона.

— Нет, нет! Я не могу пойти туда, — с жаром воскликнул принц Леа. — Я должен помочь вам найти Ши!

— У нас нет времени обсуждать этот вопрос, — твердо заявил Алланон почти с угрозой, придвинув поднятый палец к лицу Меньона. — Если Балинор не будет предупрежден о положении дел, Каллахорн неминуемо падет, а вслед за ним — остальные земли, включая твое собственное королевство. Пора подумать о своей стране, принц Леа! Ши — один человек, и в данной ситуации ты ничего не можешь сделать для него, а у тебя на родине — тысячи людей, которых ты еще можешь спасти.

Голос Алланона был так суров, что по телу Флика побежали мурашки. Меньон молча выслушал язвительные замечания Друида и продолжал гневно смотреть в глаза Алланону. Наконец, пересилив себя, он отвел взгляд и слегка кивнул, выражая свое согласие идти в Каллахорн. Флик облегченно вздохнул.

— Я пойду в Каллахорн и предупрежу Балинора, — с усилием произнес Меньон, и в его голосе все еще звучал гнев. — Но я обязательно вернусь и присоединюсь к вам. Я должен найти Ши.

— Поступай как знаешь, — холодно ответил Алланон. — Однако любая попытка вернуться сюда будет совершенно безрассудной. Мы с Фликом постараемся узнать, что же случилось с Ши и Мечом Шаннара. Мы не бросим Ши. Почему ты не веришь мне?

Меньон нерешительно посмотрел в глаза Друида и увидел в них искренность и теплое сочувствие.

— Постарайся проникнуть в город до рассвета. Думаю, что армия Северного Властелина вначале поставится взять город Керн. Вряд ли город надежно защищен, и, учитывая масштабы Северной Армии, он быстро падет под мощным натиском врага. Жителей Керна следует эвакуировать в Тирсис, этот город имеет удачное местоположение. Он построен на плато против горы и надежно защищен. Полагаю, он может выдержать несколько дней любой штурм. Этого времени будет достаточно для Дурина и Дэйела, чтобы добраться до родных мест и вернуться уже с армией Эльфов. Гендель поможет организовать помощь с востока. Желательно, чтобы Каллахорн продержался как можно дольше, и на его базе можно будет сформировать и объединить армии трех земель, ответив мощным ударом лорду Уорлоку. Учитывая то, что у нас нет Меча Шаннара, это — единственный шанс, который у нас остался.

Меньон понимающе кивнул и обернулся к Флику, протягивая ему руку на прощание. Флик слабо улыбнулся и тепло пожал руку Меньону.

— Удачи тебе, Меньон.

Подожел Алланон и положил свою сильную руку на плечо Меньона.

— Помни, принц Леа, мы зависим от тебя. Люди Каллахорна должны знать об опасности, которая им угрожает. Если они дрогнут или не смогут выстоять, вместе с ними придет конец всем Южным землям.

Меньон Леа быстро кивнул и пошел вперед, а великий Друид и юный житель Долины стояли и долго молча смотрели ему вслед, пока его статная фигура, бесшумно двигаясь между скал, совсем не исчезла из вида.

Алланон вздохнул и повернулся к Флику.

— Наша задача с тобой, Флик, узнать, что случилось с Ши и с Мечом Шаннара. Меня также заботит судьба Эвентина. Ведь мы нашли на поле сражения его личный порванный стяг. Как это могло произойти? Эвентина могли взять в плен, и тогда в рядах Эльфов может произойти некоторое колебание. Они будут думать прежде всего о том, как освободить его: ведь он пользуется большой любовью и уважением.

— Ты хочешь сказать, что Эльфам безразлично, что будет с жителями Южных земель?

— Все не так просто, как это кажется, — тяжело

вздыхнув, сказал Алланон. — Те, кто следует за Эвентином, понимают опасность вторжения северных армий на любые территории, но некоторые Эльфы, и их немало, полагают, что народ Эльфов не должен вмешиваться в дела других государств, пока враг не нападет лично на их земли. Из-за отсутствия Эвентина у Эльфов может не быть единого мнения, что вызовет задержку в продвижении их армии. И это промедление может дорого стоить.

Флик кивнул и задумчиво посмотрел вдаль. Когда-то и они с Ши были так же нерешительны и растерянны перед лицом опасности, не желая верить в ее глобальные масштабы. И вдруг сквозь череду собственных мыслей он услышал вкрадчивый, но решительный голос Алланона:

— Я должен знать, что происходит в том лагере. Мой юный друг, Флик! Не хочешь ли ты ненадолго стать гномом?

Глава 22

В то время, когда Ши находился где-то на севере, а Алланон, Флик и Меньон пытались найти какие-либо признаки его местонахождения, остальные четверо участников похода медленно приближались к огромным башням крепости города Тирсиса. Больше двух дней продолжалось их путешествие с опасными переходами через позиции Северной Армии. То и дело им приходилось преодолевать трудно проходимые горные массивы и другие преграды, разделявшие земли Каллахорна и Паранора. Первый день был нескончаемо длинный, но без особых происшествий. От путешественников требовалось немалое мужество, ловкость, отвага и смекалка: почти все горные переходы контролировались гномами. Им приходилось хитро заманивать охотников-гномов в непредвиденные ловушки, и только благодаря этому они постепенно продвигались все дальше и дальше. Большие, сильные и ловкие, они то и дело отправляли на тот свет гномов, делая это совершенно бесшумно, а гномы, видя трупы своих соплеменников, стали впадать в панику. Вероятно, этот злобный народец и впрямь поверил в то, что Пограничный Легион Каллахорна захватил проходы и делал набеги на посты гномов с единственным намерением убить их всех. Особенно это забавляло Генделя. Когда они очистили очередной проход от охранников, карлик стал хохотать с такой заразительностью, что Дурин и Дэйел невольно

остановились и в недоумении уставились на Генделя. Сколько они его знали, он никогда не смеялся и даже улыбался редко, тая все эмоции и переживания в себе. Братья-эльфы не на шутку встревожились, увидев такую странную перемену в скрытном и мрачном характере Генделя, и вопросительно посмотрели на Балинора. Но принц Каллахорна только пожал плечами. Он был старым другом Генделя, и ему в отличие от многих других был известен нелегкий и изменчивый характер карлика. Балинору было приятно услышать его смех.

Между тем день клонился к вечеру. Смеркалось. Предзакатное солнце щедро окрашивало бескрайние горизонты западных равнин в пурпурные и красные тона. Путешественники, усталые, изнуренные после тяжелого и опасного пути, находились почти что у цели своего похода. Впереди сверкали ослепительной белизной величественные башни Тирсиса. Сколько напряжения и сил потребовалось от них, пока они достигли города Варфлита, располагающегося по соседству с Тирсисом! У Балинора отлегло от сердца, когда он увидел знакомые с детства воды реки Мермидон, которая прокладывала свой широкий путь через леса и склоны гор над Тирсисом. На западе лежал маленький островной город Керн. Река всегда широко разливалась, образуя естественный барьер в случае вражеского нападения, и служила надежной защитой жителям острова. Река Мермидон была столь полноводной и глубокой, с таким быстрым течением, что ни одному врагу еще никогда не удавалось захватить этот островной город.

Если Керн, окруженный водами Мермидона, и Варфлит, угнездившийся в Рунных горах, казались труднодоступными и хорошо защищенными, то древний город Тирсис, который укрывал в крепости Пограничный Легион, всегда принимал на себя главный удар любой атаки. Тирсис, учитывая мощный военный потенциал Пограничного Легиона, содержал в себе громадную оборонную силу, и ему не было равных. Старый город был разрушен в Первую Войну Рас, но потом его снова отстроили, и с течением времени он стал одним из крупнейших городов в Южных землях и мощнейшим оборонным объектом, тем более что с самого начала он был задуман как крепость, способная выдержать любой вражеский натиск. Его окружали стены с зубцами, башни, бастионы, а сам город располагался на труднодоступном плато. Каждое поколение жителей города вносило вклад в стро-

ительство города, и год от года оборона города становилась все сильнее и надежнее. Более семисот лет назад была сооружена внешняя стена, которая ограждала всю возможную территорию, пригодную для жилья. На плодородных землях располагались фермы и плантации, а земля сама, напитанная животворными водами реки Мермидон, давала обильные и богатые урожаи. Некоторые люди жили зажиточно, но простой люд жил хотя и скромно, но в достатке, наслаждаясь щедрыми дарами этой прекрасной солнечной благодатной страны. У всех были дома, изысканные особняки или добротные домики. И жизнь текла спокойно, размеренно; люди работали, кормили себя и свои семьи, будучи уверенными в том, что городские стены надежно хранят их от вражеского вторжения. Рядом с Тирсисом были другие города, которые тоже успешно отражали штурм недружественных соседей, и никогда ни один город Каллахорна не был захвачен врагом. Однако ни Тирсис, ни хорошо укрепленные близлежащие города еще никогда не встречались с армией такого рода и масштаба, посланной лордом Уорлоком. Великое испытание силы и мужества было еще впереди.

Балинор смотрел на отдаленные башни города со смешанным чувством. В этом городе жил его отец — король Каллахорна, хороший и справедливый человек, но он безудержно старел. Многие годы он командовал Пограничным Легионом в непрекращающихся сражениях с упрямыми Гномами из Восточных земель. Не раз он был вынужден вести продолжительные и дорогостоящие военные действия с Троллями из Северных земель. Время от времени возникали новые посягательства на территорию его королевства, и ему приходилось отражать попытки нападения на цветущие города Каллахорна.

Балинор был старшим сыном и законным наследником трона. Он пользовался всеобщим доверием и уважением, несмотря на свой юный возраст. Балинор многому научился у отца, и благодаря воспитанию, собственному усердию и трудолюбию, а также скромности и искренности он снискал любовь многих уважаемых людей Тирсиса. Это был достойный наследник трона, серьезный, гордый и человечный. Народ Каллахорна любил Балинора. Он познал все тайны и тонкости военного искусства, он учился у опытных военачальников, сражался вместе с простыми солдатами и хорошо знал цену человеческой радости или горя. На протяжении нескольких лет он блестяще командовал Пограничным Легионом, и войны

этого Легиона носили его герб, на котором был изображен приготовившийся к прыжку леопард. Балинор был глубоко предан своему Легиону, но ушел от своих солдат на несколько месяцев, руководствуясь личными мотивами, отбыл в добровольную ссылку с Алланом и его друзьями. Отец просил его не уходить, но Балинор был неумолим, сколько тот ни просил его пересмотреть решение.

Балинор насупил брови. В глазах его появилось выражение глубокой печали. Он машинально дотронулся до лица рукой в перчатке, погладил шрам на правой щеке.

— Снова думаешь о брате? — словно читая его мысли, спросил Гендель. По сути дела это был не вопрос, а утверждение.

Балинор, вздрогнув, посмотрел на карлика и кивнул.

— Тебе нужно перестать думать о нем, — твердо сказал карлик. — Он может принести тебе немалое зло, если ты будешь продолжать жалеть его. Воспринимай его не как брата, а как обычного человека. Сейчас тебе как никогда надо иметь трезвую голову.

— Не так легко забыть, что в нас течет одна кровь, что у нас один отец, — печально произнес Балинор. — Мне трудно выбросить из памяти наши прекрасные детские годы, нас многое связывает...

Дурин и Дэйел в недоумении посмотрели друг на друга, не понимая, о чем говорят эти двое. Они оба знали, что у Балинора есть брат, но никогда его не видели и ничего не слышали о нем. Балинор заметил удивление и обеспокоенность братьев-эльфов и, слегка усмехнувшись, заверил их:

— Все это не так плохо, как может показаться.

Гендель безнадежно покачал головой, а Балинор продолжал:

— Мой младший брат Паланс и я — единственные сыновья Руля Бакханнаха, короля Каллахорна.

Балинор замолчал и в задумчивости посмотрел на далекий город, как будто вспоминая то, другое время и все, что было дорого его сердцу.

— Мы были очень близки, пока росли... Когда мы стали старше, наши взгляды и мнения во многом разошлись. Мы стали разными людьми. Но я был старшим и являлся наследником трона. И Паланс, несмотря на различие во взглядах, всегда понимал это. Одним из вопросов, по которым мы расходились, был вопрос о путях управления страной. Это довольно трудно объяснить...

— Но вполне возможно, — ухмыльнулся Гендель.

— Ладно, — уступил Балинор. — Паланс считает, что Каллахорну не следует играть роль передового бастиона в системе обороны всех земель. Он хочет реформировать Пограничный Легион, а я не могу согласиться с этой точкой зрения.

Он замолчал.

— Расскажи нам все, Балинор, — холодно произнес Гендель.

— Мой брат резко изменил отношение ко мне. Он иногда говорит очень страшные вещи и, как мне кажется, не понимает их истинного значения. Он во всем советуется со Стенмином, с человеком, как считает Алланон, без чести и совести, который способен подвести Паланса к собственной гибели. Стенмин сумел внушить моему отцу, брату и народу, что править должен не я, а он. Стенмин настроил отца и брата против меня. Создалось такое мнение, что я и на самом деле не гожусь в правители Каллахорна.

— А этот шрам? — взволнованно спросил Дурин.

— Мне тяжело вспоминать об этом... Но однажды мы поспорили, и в глазах Паланса появилась такая жгучая ненависть ко мне, что он, схватив кнут со стены, со всей силы хлестнул им по моему лицу. Я не мог больше терпеть и решил немедленно уехать из Тирсиса. Надо было дать Палансу время прийти в себя. Если бы я остался после этого случая, мы бы могли...

И Балинор вновь замолчал, не в силах закончить, но Гендель бросил на братьев-эльфов такой красноречивый взгляд, который не оставил у них сомнения, в том, что могло бы произойти, если бы у братьев была еще одна ссора. Дурин озадаченно покачал головой, представляя себе человека, который пошел против Балинора. Этот гордый и добрый великан не раз доказал свои мужество и силу во время опасного путешествия в замок Паранор, и даже сам Алланон мог положиться на него. И эльф испытывал горечь и боль за этого благородного человека и храброго воина, которому было отказано в мире и радости в его собственном доме.

— Вы должны верить мне. Мой брат не всегда был таким. Он неплохой человек, я знаю, — продолжал Балинор, словно хотел убедить в этом не столько других, сколько себя. — Этот мистик Стенмин обладает каким-то таинственным и пагубным влиянием на Паланса, про-

воцируя его на дикие взрывы ненависти и ярости. Это он настраивает его против меня.

— К этому можно добавить,— резко прервал его Гендель,— что Паланс — фанатик. Он хочет получить трон и выступает против тебя под предлогом сохранения интересов народа. Он просто задыхается от любви к тебе...

— Может быть, ты и прав,— тихо согласился Балинор.— Но все же он мой брат, и я люблю его.

— В этом-то и заключается опасность,— сказал Гендель, выпрямившись во весь свой небольшой рост перед высоким Балинором и смело встретив его взгляд.— Ты любишь его и не веришь, что он может погубить тебя. И он больше не любит тебя.

Балинор не ответил и стал неотрывно смотреть в сторону Тирсиса. Некоторое время все молчали, не решаясь беспокоить погруженного в свои мысли принца. Наконец, он повернулся к ним и со спокойным, невозмутимым видом произнес:

— Пора двигаться, если мы хотим добраться до стен города до наступления темноты.

— Послушай, Балинор, я не пойду с вами дальше,— быстро сказал Гендель.— Я должен вернуться домой, чтобы помочь моим соотечественникам подготовить армию и суметь вовремя отразить вторжение северных полчищ.

— Хорошо, но ты можешь отдохнуть в Тирсисе сегодня ночью и завтра утром отправиться в путь,— замети Дэйел, зная, как они все устали и нуждаются в отдыхе.

— Нет, нет! — улыбнулся Гендель.— Я должен отправиться сегодня ночью. Если я останусь на ночлег в Тирсисе, я потеряю весь день, а теперь время для нас очень дорого. Выстоят Южные земли или будут завоеваны — это зависит от того, как быстро мы сможем собрать наши армии в одну боеспособную единицу, чтобы нанести удар лорду Уорлоку. Если Ши и Меч Шаннара потеряны для нас, тогда единство наших армий — это все, что у нас осталось. Берегите себя. Удачи вам.

— И тебе, храбрый Гендель.— Балинор протянул свою большую руку карлику. Гендель тепло пожал ее, затем, попрощавшись с эльфами, исчез в лесу.

Балинор и братья-эльфы подождали, пока Гендель не исчез среди деревьев, и пошли через равнину по направлению к Тирсису.

Тем временем солнце село за горизонт, его лучи стали постепенно темнеть, и вскоре яркая предзакатная полоса превратилась в голубовато-серую завесу, что неминуемо

возвещало о быстром приближении ночи. Вскоре небо полностью почернело, на нем показались первые звезды, которые ярко сверкали в высокой ночной тишине. Через некоторое время путешественники вступили на благословенную землю Каллахорна.

Королевство Каллахорн являлось одной из немногих оставшихся монархий. Эта монархия управлялась королем; правительство же состояло из парламента, члены которого выбирались народом Каллахорна. Люди Каллахорна гордились своим правительством, законодательная работа которого позволяла им хорошо и достойно жить, чувствуя себя в значительной мере свободными. А это было немало и за это следовало бороться. Пограничный Легион был с давних времен мощным оплотом Каллахорна: ведь долгие годы сформировавшиеся нации находились в состоянии войны, и почти фанатическая гордыня национального превосходства приводила их к длительной борьбе на тщательно охраняемых границах государств, потому что братство между людьми Северных, Южных, Восточных и Западных земель было еще только отдаленной перспективой. В этой стране существовало удивительное сочетание древнего военного искусства и новой утонченной культуры и просвещения. Старые устоявшиеся понятия и порядки, соответствовавшие общему кодексу чести и порядочности, прекрасно уживались с многочисленными нововведениями в области государственного устройства. В Каллахорне, как ни в одной другой стране Южных земель, люди обладали единством чувств в оценке и понимании значения других рас. В этой стране человека ценили прежде всего как личность, независимо от того, к какой расе он принадлежал.

Тирсис располагался на перекрестке четырех земель, и через его стены и территорию проходили люди всех рас, давая тем самым возможность увидеть и понять, что внешние различия, отличающие расы, не должны полностью определять человеческую личность или влиять на ее положение в обществе. В этой стране умели ценить людей по их внутреннему содержанию. Здесь никому бы не пришло в голову со страхом смотреть на огромную гротескную фигуру скалистого тролля: Тролли были вполне обычны для этой страны. Гномы, Эльфы, Карлики всех типов и видов регулярно проходили через эту страну. И, если они несли с собой дружескую настроенность и руководствовались добрыми намерениями, их всегда тепло встречали и принимали обитатели Каллахорна. Балинор

испытывал искреннее чувство гордости за то, что его народ один из первых отказался от старых предрассудков для того, чтобы найти новые общие основы для дружбы и взаимопонимания.

Наконец, путешественники подошли уже достаточно близко к городу, чтобы различить ворота входа в гигантской стене, окружавшей город. Вход в город был ярко освещен факелами, огромные ворота стояли открытыми и тщательно охранялись облаченными в темное часовыми. Во дворе горели огни барачных, где раньше размещались воины Пограничного Легиона; однако Балинора сразу насторожило то, что не было слышно ни громкого говора, ни смеха людей. Доносившиеся голоса были тихими и приглушенными, будто люди опасались, что их услышат. Балинор напряженно смотрел вперед, сразу заподозрив что-то неладное. Больше всего его поразила странная тишина вокруг.

Братья-эльфы молча следовали за Балинором по мощеной мостовой. Мимо них прошли несколько человек, с удивлением посмотревших на Балинора, который, казалось, и не заметил появления этих людей. Он смотрел прямо перед собой. Однако эльфы встревожились, и вскоре их беспокойство передалось Балинору, который стал напряженно всматриваться в затемненные лица людей, сразу бесшумно исчезающих в ночи. Какое-то время все трое стояли молча, как вкопанные, наблюдая, как несколько прохожих быстро исчезли в темноте, оставив их одних.

— Что это, Балинор? — с тревогой спросил Дурин.

— Не знаю. Странно то, что у часовых отсутствует знак моего легиона — приготовившийся к прыжку леопард. Вместо него у них на груди знак сокола — я ничего не знаю об этом гербе. А люди? Вы заметили, как они смотрели на нас?

Оба эльфа одновременно кивнули, их острые внимательные глаза смотрели с тонким пониманием.

— Ладно, посмотрим, — тихо сказал Балинор. — Как бы то ни было, это город моего отца, а вокруг — мой народ. Мы все узнаем, когда придем во дворец.

И он опять двинулся к огромным воротам, а эльфы молча последовали за ним. Принц Балинор не делал никаких попыток скрыть свое лицо, и когда он приблизился к охранникам, то они посмотрели на него с тем же нескрываемым удивлением и любопытством, как и те промелькнувшие мимо них прохожие. Никто из них не пытался остановить его, никто из них не сказал ни слова,

лишь один из них незаметно покинул свой пост и быстро исчез в темноте. Балинор и эльфы медленно прошли через ворота мимо бдительных часовых и вошли во двор, где стояли бараки Пограничного Легиона. Теперь, подойдя к ним вплотную, принц Каллахорна окончательно убедился, что бараки стояли полупустые и в них не было прежнего оживления. Несколько человек, бродивших по двору, носили туники с гербом в виде леопарда, но у них не было ни доспехов, ни оружия. Один из них буквально замер на месте, увидев Балинора и эльфов посреди двора, и резко закричал. И как будто в ожидании этого сигнала дверь одного из барakov распахнулась и вышел пожилой военачальник. Быстро взглянув на Балинора и эльфов, он отдал короткую команду, и солдаты, как показалось, неохотно вернулись к своим прежним делам, а он поспешил к трем пришельцам.

— Милорд, наконец, вы пришли! — приветливо воскликнул воин и склонил голову перед своим командиром.

— Капитан Шилон, приятно видеть вас. — Балинор тепло пожал узловатую руку ветерана. — Что происходит в городе? Почему гвардейцы носят знак сокола, а не нашего леопарда?

— Милорд, пришел приказ о расформировании Пограничного Легиона. При исполнении осталась лишь небольшая горстка людей, все остальные вернулись домой!

Они слушали ветерана и не могли поверить своим ушам. Это было чистое безумие — расформировать Пограничный Легион в самый разгар величайшего вторжения, которое когда-либо грозило Южным землям. Все трое сразу вспомнили слова Алланона о том, что Пограничный Легион — единственная надежда народа и города и что он хотя бы на первое время сможет задержать мощное наступление северных армий лорда Уорлока. А теперь — главная сила Каллахорна была странным образом разрознена и устранена совсем...

— Чей это приказ? — гневно спросил Балинор.

— Это приказ вашего брата, милорд, — печально произнес седой ветеран. — Он приказал в кратчайший срок расформировать Пограничный Легион. Актон и Мессалин специально отправились во дворец просить короля пересмотреть приказ, но не вернулись оттуда. Мы ничего не знаем о них. И нам ничего не оставалось делать, как подчиниться приказу.

— Вы все тут сошли с ума, — воскликнул разъяренный Балинор. — Что с моим отцом, королем? Разве он не

правит этой страной и не командует Пограничным Легионом? Что он говорит об этой дурацкой игре?

Шилон отвел глаза, подбирая слова для ответа и не решаясь открыть принцу всю страшную правду. Балинор вплотную подошел к нему и резко встряхнул его за плечи.

— Я, я... не знаю, милорд, — пробормотал Шилон, стараясь не встречаться взглядом с Балинором. — Мы слышали лишь, что король очень болен и ваш брат временно провозгласил себя правителем, возложив на себя полномочия короля. Это было три недели назад.

Балинор отпустил Шилона и отсутствующим взглядом стал смотреть на огни дворца — на свой родной дом, в который он вернулся с такими огромными надеждами. Он ушел из Каллахорна из-за невыносимого разлада между ним и братом, думая, что время залечит раны и унесет обиды, но, как оказалось, его уход только ухудшил положение дел. Теперь у него остался лишь один выход — встретиться с непредсказуемым Палансом и постараться убедить его в безрассудстве расформирования крайне необходимого Пограничного Легиона.

— Мы сейчас же должны пойти во дворец и поговорить с твоим братом, — прервал его мысли нетерпеливый голос Дэйела. И, посмотрев на юного эльфа, Балинор подумал вдруг, как еще молод его брат. И убедить его будет нелегко.

— Да, ты прав, — несколько рассеянно согласился Балинор. — Мы должны немедленно идти к моему брату.

— Нет, нет! Вам нельзя идти туда! — Резкий крик Шилона заставил их вздрогнуть. — Все, кто ушел туда, больше не вернулись! Ходят слухи, что ваш брат провозгласил вас предателем, объявив всем, что вы находитесь в союзе с дьяволом Алланом, с этим мрачным странником, который служит темным силам. Было сказано, что вас посадят в тюрьму и казнят, как только вы появитесь в Каллахорне.

— Это нелепо! — в отчаянии воскликнул Балинор. — Я не предатель, и мой брат не может не знать этого! А что касается Алланона, то вряд ли мы найдем более надежного друга и мудрого советника, чем он. Как бы то ни было, я должен пойти к Палансу и поговорить с ним! Не посадит же он в тюрьму родного брата... У него нет на это права...

— До тех пор, вероятно, пока не умрет король, — осторожно предостерег его Дурин. — И вот еще что, пока мы не оказались во дворце. Гендель полагает, что Паланс

находится под влиянием таинственного Стенмина, а если это так, не стоит недооценивать его пагубное воздействие и все возможные последствия.

Балинор понимающе кивнул Дурину и стал быстро рассказывать капитану Шилону об истинной угрозе, надвигающейся на Южные земли со стороны северных территорий. Закончив свое повествование, Балинор крепко сжал плечо Шилона, близко наклонился к нему и шепотом произнес:

— Ты подождешь четыре часа со времени моего ухода и, если я не появлюсь или не дам о себе вестей к тому времени, найдешь Гиннисона и Фэндвика. С их помощью надо немедленно восстановить Пограничный Легион! А затем идти к народу и потребовать открытого суда над нашим конфликтом с Палансом. Вам также необходимо сообщить на запад и восток Эльфам и Карликам об истинном положении дел: о том, что мощное военное противодействие Каллахорна задерживается. Ты запомнил все, что я тебе сказал?

— Да, милорд, — тихо сказал Шилон. — Я исполню ваше приказание. Пусть удача сопутствует вам, принц Каллахорна.

Капитан Шилон повернулся и исчез в бараках, а нетерпеливый Балинор устремился к внутреннему городу. Дурин опасался исхода этого визита и пытался уговорить младшего брата остаться и подождать, пока они с Балинором вернутся. Это было бы в высшей степени благоразумно. Но юный Дэйел решительно отказался остаться, и уговаривать его было бесполезно. Дурин понял, что бесполезно обсуждать этот вопрос с братом. Он тяжело вздохнул и признал право Дэйела решать свою судьбу, несмотря на его значительную молодость. Юному эльфу еще не исполнилось и двадцати, его жизнь только начиналась, а в сердце горели пылкие мечты и светлые надежды. Все участники похода нежно и с большой симпатией относились к этому юному и мужественному эльфу — это была своего рода привязанность и покровительственная любовь, которую обычно люди старшего возраста втайне питают к младшим. Его искренность и готовность к дружбе могла восхитить любого. Но, как бы то ни было, этот юноша сделал свой выбор.

Скоро все трое пересекли двор и вышли на улицы города. Снова охрана посмотрела на них с нескрываемым удивлением, однако никто не предпринял никаких попыток остановить их. Когда они шли по главной улице по

направлению ко дворцу, величественный Балинор казался еще выше — такой гордой и внушительной представлялась его фигура, закутанная в развевающийся охотничий плащ, на шее и открытых руках серебристым светом блестела кольчуга. Он не шел, а почти летел, как на крыльях, исполненный глубокой решимости сделать все возможное, чтобы переубедить Паланса и спасти город. Он уже не был просто путешественником. Это был непреклонный принц Каллахорна, вернувшийся в свой родной город. На пути им встречались люди, сначала они вздрагивали от удивления, увидев его в темноте улиц, но потом неизменно принимались радостно приветствовать его возвращение домой. Толпа выросла от нескольких дюжин до нескольких сотен — эти люди хотели проводить любимого ими принца через город, потому что они — в отличие от него — уже знали о значительных переменах и о том, что Балинору грозит серьезная опасность. А Балинор, улыбаясь своим согражданам, храбро шагал через город, в котором уже обитало предательство. Крики толпы возрастали, переходя от отдельных голосов в единый гул, в котором ясно различалось имя Балинора. Несколько человек попытались вплотную подойти к принцу и рассказать о грозящей опасности, но принц гордо продолжал свой путь, не придавая значения тревожным предупреждениям.

Растущая толпа прошла через центр Тирсиса, кружа под гигантскими белоснежными арками и переходами, и вскоре оказалась на дворцовой площади. Ворота дворца были закрыты. Здесь принц Каллахорна резко повернулся, чтобы посмотреть на толпу, все еще преданно следующую за ним, и поднял руку, приказывая людям остановиться. Народ послушно застыл, голоса стихли, когда высокий принц обратился к ним.

— Мои друзья! Мои соотечественники! — раздался в темноте его громкий голос, и звонкое эхо вернуло его обратно. — Я скучал без этой земли и без ее смелых граждан. Теперь я вернулся домой и больше не уйду отсюда. Ничего не бойтесь! Эта земля будет жить вечно! Если сегодня что-нибудь произойдет в королевской семье, я сделаю все, чтобы это не повлияло на наш народ. Спокойно отправляйтесь по домам и постарайтесь дожидаться утра. Доброй вам ночи, а я иду во дворец!

Не ожидая реакции толпы, Балинор повернулся и решительным шагом направился к воротам дворца, и за ним неотступно следовали братья-эльфы. Еще долго

раздавались несмолкавшие голоса, однако толпа остановилась и не пошла дальше. Настроение людей было неоднозначным. Многие продолжали до сих пор выкрикивать его имя с полным пренебрежением к молчаливому темному дворцу, другие, раздосадованные гордой непреклонностью принца, бормотали свирепые пророчества о том, что ждет этих троих за стенами замка.

Подойдя к воротам, Балинор ударил большим медным кольцом в деревянные створки высоких ворот. Раздался громовой удар и ... вокруг все замерло. Затем низкий голос изнутри спросил, кто требует войти. Балинор назвал, после чего последовала короткая команда открыть ворота. Мгновенно тяжелые засовы были отодвинуты, и ворота распахнулись, чтобы впустить пришельцев. Балинор прошел вперед, не оглянувшись на молчаливую охрану, его глаза были устремлены на великолепное здание дворца с величественными белыми колоннами впереди. В высоких окнах дворца не горел свет, слабые световые блики можно было видеть лишь на первом этаже в левом крыле дворца. Дурин сделал знак Дэйелу идти впереди Балинора, и вскоре их острые глаза различили в темноте дюжину хорошо вооруженных гвардейцев. У всех были гербы с изображением сокола.

Эльф сразу понял, что им приготовлена ловушка и через несколько минут они неминуемо попадут в нее. Он шепотом предупредил об этом Балинора, в глубине души понимая бесполезность этого напоминания, потому что принц Каллахорна был непреклонен. Опять Дурин пожалел, что его брат так и не остался за стенами дворца, но теперь уже было поздно что-либо менять. Все трое пересекли садовые аллеи, ведущие к дверям дворца. Охраны не было, и двери свободно открылись, как только Балинор толкнул их привычным движением. Залы старого здания ярко сияли в свете факелов, окна были наглухо зашторены, а в огненных бликах по-прежнему сияла непреходящая красота старинных цветных фресок и картин, украшавших высокие стены дворца, который на протяжении многих веков был семейным домом рода Бакханнахов. Стены дворца были отделаны искусной и богатой резьбой, тщательно отполированы и частично покрыты прекрасным гобеленом, а также украшены металлическими пакетиками семейных крестов многих поколений знаменитых правителей этой земли. Следуя за Балинором, братья-эльфы невольно поймали себя на мысли о том, что в древней крепости Паранор среди исто-

рической красоты другого времени их тоже ожидала зловещая ловушка.

Они повернули налево в другой зал; Балинор шел впереди, его высокая фигура казалась значительной даже в стенах огромного коридора, длинный темный плащ развивался за ним. На мгновение он напомнил Дурина Алланона, большого, сердитого, таинственного и непредсказуемого, который иногда двигался стремительно и осторожно, как кошка. Дурин посмотрел на Дэйела; лицо юноши пылало от возбуждения, взгляд был устремлен вперед. Пытаясь сохранить спокойствие духа, Дурин потрогал рукой холодный металл кинжала. Юноша подумал, что, если они вновь попадут в ловушку, без борьбы не обойтись.

Внезапно Балинор остановился перед широким входом. Братья-эльфы быстро встали сбоку, вглядываясь через обширный проход в освещенную комнату. В дальнем конце ее среди изысканно-красивого убранства стоял высокий молодой мужчина, блондин с бородой. На его широких плечах и статной фигуре была мантия со знаком сокола. Братья сразу отметили сходство этого человека с Балинором: он был несколькими годами моложе принца, но держался в той же гордой манере, что и Балинор. Братья-эльфы поняли, что перед ними — младший сын короля Паланс Бакханнах.

Балинор вошел в комнату. Эльфы немного отстали от него. Они в тревоге поглядывали по сторонам — здесь было слишком много дверей и тяжелых портьер, которые могли скрывать прячущихся вооруженных гвардейцев. Длинный нож Дурина был обнажен, его тонкая фигура наклонилась вперед, будто он готовился к прыжку.

Балинор стоял молча, пристально вглядываясь в лицо брата. Глаза Паланса пылали ненавистью. Балинор догадывался, что их ждет ловушка, но в глубине души надеялся, что они смогут поговорить как братья, поговорить честно и разумно, несмотря на различие взглядов. Однако теперь, увидев блеск жгучей ненависти в глазах брата, он понял, что тот был вне себя. Что-то безумное и пугающее сверкало в его глазах.

— Где отец? — с трудом произнес Балинор.

Короткий вопрос Балинора был внезапно прерван свистящим звуком, и откуда-то с потолка на головы всех троих упала тяжелая, сплетенная из кожи сеть, которая была упрятана где-то наверху. Балинор и эльфы упали на пол и были не в состоянии воспользоваться оружием.

Все они оказались с ног до головы опутаны мелкою чешуей сетью. В тот же миг со всех сторон открылись двери, отдернулись тяжелые портьеры, и несколько десятков вооруженных гвардейцев набросились на пленников. Изменить что-либо было невозможно; у всех троих сейчас же отобрали оружие, завернули руки за спину, крепко связав их, и закрыли повязками глаза. Дюжина невидимых грубых рук подняла их и поставила на ноги. Наступила тишина. Наконец, кто-то подошел и встал перед ними.

— Ты совершил ошибку, вернувшись сюда, Балинор, — раздался в темноте разгневанный голос Паланса. — Ты знал, что с тобой случится, если мы снова встретимся, и все-таки пришел сюда. Ты — трижды предатель и трус, ведь ты принес зло своему народу, нашему отцу и теперь мне. Что ты сделал с Шерл? Все равно я узнаю. Ты умрешь за это, Балинор! Я клянусь, что ты умрешь! Эй, несите их вниз!

Их вновь схватили и потащили вниз, через множество дверей, через длинный пролет лестницы, затем опять через зал и вниз по винтовой лестнице. Они чувствовали, что перемещаются все ниже и ниже под землю. От каменных стен и пола исходила сырость, ноги глухо стучали по влажным камням. Очевидно, их волокли в подземелье. Раздался скрежет старого железа, загрохотали тяжелые затворы. Чьи-то руки резко повернули их, и все трое упали на каменный пол. Глаза их были по-прежнему закрыты повязками, а руки связаны. Дверь с грохотом закрылась, лязгнули засовы, и слышались удаляющиеся шаги. Вскоре все стихло. Влажную тишину нарушал лишь шум их собственного дыхания. Итак, Балинор вернулся домой.

Глава 23

Приближалась полночь, когда Алланон к своему удовольствию закончил гримировать не изъясляющего особого желания Флика. Используя необычное косметическое средство, которое было у него в сумке, Друид натирал кожу жителя Долины и его руки до тех пор, пока они не стали темно-желтыми. С помощью куска угля Алланону удалось изменить линии лица Флика и форму глаз. Это было временное средство, тем не менее, в темноте он мог сойти за крупного коренастого гнома, при условии, что его не будут слишком пристально рассматривать. Это

было рискованно даже для бывалого охотника, а уж для незакаленного, неопытного человека выдать себя за гнома было равносильно самоубийству. Но выбора не было. Кто-то должен проникнуть в гигантский лагерь врага и попытаться узнать, что произошло с Эвентином, Ши и неуловимым Мечом Шаннара. Самому Алланону идти туда было нельзя — его сразу же узнали бы, даже при самой лучшей маскировке. Поэтому на испуганного Флика была возложена задача под видом гнома под покровом темноты спуститься со склона и, минуя бдительную охрану, проникнуть в лагерь, наполненный тысячами гномов и троллей, и разузнать, не являются ли его исчезнувший брат и король Эльфов их пленниками. Кроме того, Флику предстояло выяснить что-либо о Мече. Дело осложнялось тем, что в распоряжении жителя Долины было мало времени: ему надлежало покинуть лагерь до восхода солнца — в противном случае Флика могли узнать при дневном свете и поймать. Алланон попросил Флика снять охотничий плащ, и, немного потрудившись, он изменил его форму и удлинил капюшон. Когда все было готово, Флик надел плащ на себя, и оказалось, что тот очень удачно сидел на нем, плотно облекая и скрывая все тело, оставляя на виду только руки и часть лица. Флик проверил, надежно ли прикреплен к поясу острый охотничий нож. Это было, конечно, не бог весть какое оружие, но все-таки оно давало некоторое успокоение. Страшно было очутиться в лагере врага совсем безоружным. Флик поднялся, попрощался с Алланоном и, несмотря на обнадеживающие напутствия Друида, с тревогой двинулся в путь.

За последний час погода резко испортилась. Зловещей черной грядой проплывали по небу тучи, вскоре они совсем заслонили луну и звезды, оставив землю в почти сплошной темноте. Единственный свет, видимый в любом направлении, шел от горевших костров из лагеря врага. Пламя этих костров раздувалось внезапно налетевшим ветром, который с воем неся с Драконьих Зубов на незащищенные равнины, причем порывы и скорость ветра возрастали с каждой минутой. Приближение бури было очевидно.

Алланон втайне надеялся, что ветер и темнота обеспечат замаскированному жителю Долины дополнительную защиту. В коротких прощальных словах Алланон объяснил Флику систему расположения лагеря, отметив, как должны быть расставлены сторожевые посты. Флику следовало избегать разговоров или близкого общения с кем бы

то ни было, потому что его речь, без сомнения, выдавала бы в нем южанина. Согласившись на этот опасный шаг, Флик сделал это, в основном, ради брата — его не покидала надежда на то, что в лагере удастся что-либо выяснить о его судьбе.

Алланон пообещал немного проводить Флика и посмотреть, как он пройдет первый сторожевой пост. Они вышли из каменного укрытия и стали медленно пробираться через валуны к открытой равнине. Было так темно, что Флик почти ничего не видел. Друид взял его за руку, и они осторожно пошли вперед. Флику показалось, что прошла почти вечность, прежде чем они, наконец, увидели горящие костры вражеского лагеря. Юноша был весь в ссадинах от тяжелого спуска с горных высот, его ноги ныли от напряжения, плащ был порван в нескольких местах. Флик в растерянности покачал головой — вряд ли в этом весьма потрепанном маскировочном наряде ему удастся кого-нибудь одурачить, тем более что у него не было к этому склонности. Надо сказать, за последнее время Флик сильно изменился. Его прежние пессимистическая насмешливость и практицизм сменились странным чувством тревоги, граничившим с отчаянием. Его внутренний мир за последние несколько недель стал настолько иным, что у юноши — к удивлению его самого — появились совершенно другие ценностные ориентиры.

Время, как фактор, почти ничего не значило в эти бесконечные дни трудного похода к замку Паранор. И Флику, и его друзьям приходилось прилагать неимоверные усилия в борьбе с существами, которые принадлежали к другому миру. Годы пребывания в состоянии мира и внутреннего покоя в Тенистой Долине казались настолько далекими, что почти забылись. И теперь в жизни Флика существовали только заботы и радости, связанные с Ши и его новым предназначением, а также все новые товарищи Флика. Его жизнь вступила в совершенно иное русло. Друзья разошлись, один за другим, — у каждого была своя миссия, — Флик остался один наедине с безумным миром ночных кошмаров и мистических проявлений, которые привели его на грань отчаяния и с которыми ему еще предстояло сразиться.

Алланон все еще находился рядом с Фликом, но это не успокаивало юношу в полной мере. Великий Друид с их первой встречи оставался непроницаемой стеной, олицетворением тайных, мистических сил, не поддающихся логическому объяснению. Несмотря на растущее чувство

товарищества в их небольшой компании на пути к Паранору, Друид оставался в стороне и держался весьма таинственно. То, что он рассказал им всем о себе, лишь слегка приоткрыло темную завесу. Когда Алланон был рядом с ними, преобладание мистического начала в этом человеке не так бросалось в глаза, хотя он всегда и везде оставался мощной неоспоримой силой, секрет которой был скрыт от окружающих. И теперь, когда житель Долины остался один на один с этим непредсказуемым великаном, душа юноши опять наполнилась страхом. Глубокая тайна окутывала Алланона, он один знал смысл Меча Шаннара, знал, как использовать Меч против лорда Уорлока, и ничего не говорил об этом друзьям. Все это вызывало тревогу.

Внезапно сзади послышался шум, и испуганный житель Долины вздрогнул, вынул свой охотничий нож и приготовился защищаться. В тот же момент Алланон, очутившись рядом с Фликом, схватил его мощной рукой за плечо и потянул обратно в убежище среди скал. Оба, затаив дыхание, припали к земле. Повернув голову, Алланон изучающе посмотрел на Флика, и юноша едва сумел заставить себя выдержать этот пронизательный взгляд Друида, от которого любому становилось не по себе. Сердце Флика билось от страха и возбуждения.

— Охрану убрали, путь свободен, — раздался глубокий голос Алланона, будто из самых недр земли. — Иди, мой юный друг, будь мужественным и не падай духом.

Флик быстро кивнул и выскользнул из укрытия. Выпрямившись, он решительно направился в таинственную темноту пустых равнин. Юноша шел вперед, его глаза и уши зорко и чутко внимали каждому звуку и шороху, от которых могла исходить опасность. Он быстро двигался к дальним огням, бесшумно и осторожно ступая по земле. Ночь была как непроницаемый саван: огромные мрачные тучи укутывали небо словно большим темным одеялом, сквозь которое не проникал свет луны и звезд. Равнина была гладкой и открытой, под ногами пружинила густая зеленая трава, которая смягчала шаги юного жителя Долины. Вокруг не было ни малейшего признака жизни, лишь глухо завывал ветер, да раздавалось шумное дыхание взволнованного юноши. Огни, которые казались стелющейся полосой оранжевого света, идущего от подножия гор, теперь стали разделяться на отдельные горящие костры. Флик подошел поближе. Костры ярко пылали, в них громко потрескивало сухое дерево. Воины

вражеской армии спокойно спали. Флик приблизился настолько, что мог слышать звук голосов в спящем лагере, но говорили так тихо, что различить что-либо было невозможно.

Прошло почти полчаса, и двигаться дальше, находясь в вертикальном положении, было весьма опасно. И Флик медленно пополз для того, чтобы рассмотреть расположение лагеря впереди. Флик увидел вторую линию сторожевых постов, расставленных на большом расстоянии друг от друга. Северяне считали, что нет большой необходимости в строгой охране вокруг лагеря, поскольку места здесь были совершенно глухими. Юноша заметил, что большинство охранников состояло из охотников-гномов, хотя в их числе были и тролли. Флик внезапно остановился, испытывая острое желание рассмотреть троллей поближе. Они все были высокого роста, с широким крупным туловищем и толстыми ногами в огромных башмаках. Их кожа напоминала шероховатую кору дерева, она хорошо защищала их от внешних воздействий. Часовые и несколько солдат не спали и стояли, низко наклонив головы, над затухающим костром, пытаясь согреться. Было очень свежо, и они кутались в огромные тяжелые плащи, которые скрывали большую часть головы и тела. Флик с удовлетворением подумал, что, если все закутаны в плащи, ему, тоже наглухо упрятанному в охотничий плащ, будет легче проскользнуть в лагерь незамеченным. Надо обязательно пробраться дальше, потому что из-за дыма костров немного можно было увидеть.

На близком расстоянии лагерь уже не казался таким необъятным, но, тем не менее, его масштаб и размеры поистине впечатляли. Когда Флик минует внутреннюю линию сторожевых постов, ему придется пробираться дальше мимо тысяч спящих гномов и троллей, мимо сотен костров, достаточно ярких, чтобы обнаружить его личность. Малейший просчет мог сразу выдать его.

Продвигаясь вперед, Флик интуитивно почувствовал, что ему стоит задержаться у линии внешних костров, чтобы хорошенько рассмотреть гномов и троллей, которые по тем или иным причинам бодрствовали. Однако юноша был вынужден сразу же подавить возникшее желание ввиду того, что оставалось катастрофически мало времени. Хотя в своей прошлой жизни юный житель Долины не раз встречался с гномами и троллями, представители этих двух рас оставались для него загадочными и до конца непонятными. За время их долгого похода в Паранор

ему не раз приходилось сражаться с дикими злобными гномами, несколько раз даже врукопашную. Но каждый раз они были только врагами, угрожавшими его жизни. Он также ничего не знал о натуре троллей, об их внутреннем мире и характерных особенностях этих людей, которые жили обособленно в гористых местностях на севере страны. Но... надо было идти вперед.

Флику удалось удачно миновать охрану, и вскоре его фигура, закутанная в длинный плащ, уже стояла среди спящих гномов и троллей. Часовые продолжали смотреть в темноту отсутствующим взглядом, не заметив быстрого проникновения юноши в свой стан. Флик еще плотнее запахнул полы длинного плаща и ниже надвинул капюшон. Его лица почти не было видно, а желтые руки выдавали в нем гнома. И, глубоко вдохнув холодный ночной воздух, Флик осторожно пошел вперед. Назад пути не было.

Это была страшная ночь. Все события этой ночи глубоко отложились в памяти юноши и стали неизгладимыми. И в то же самое время многие подробности его проникновения в лагерь врага забылись или воспринимались как сплошной кошмар, безумное видение или галлюцинация, от которой холодело сердце. Возможно, этому в немалой степени способствовал густой стелющийся дым от костров, из-за которого все происходящее было похоже на сон. Кроме того, это также могло быть печальным следствием болезненного функционирования усталого мозга, которому не было суждено понять тайну мистических созданий и тем более смириться с мыслью о том, что встреча с этими непредсказуемыми злобными существами неотвратима. Ночь тянулась медленно, минуты складывались в бесконечные часы, когда юный житель Долины осторожно прокладывал свой путь через огромный лагерь, скрывая свое лицо от света костров. Кругом лежали и спали гномы и тролли, и, если бы юношу узнали, его бы тотчас убили. Временами, когда Флик пробирался через спящих воинов, ему казалось, что его заметили, и сердце юноши останавливалось от ужаса и страха. В отчаянии он хватался за нож и готов был драться с врагами до конца. Ему мерещилось, что многие уже знают, что он обманщик, и юноша боялся, что его сейчас остановят и окончательно разоблачат. Но люди, встречавшиеся ему на пути, всегда проходили мимо, их головы были опущены, и они целиком были заняты собственными делами. И к своему великому облегчению Флик на какое-то

время чувствовал себя одиноким и забытым среди чужой и страшной многотысячной толпы.

Несколько раз он проходил совсем близко от людей, которые негромко разговаривали и шутили. Они наклонялись над живительным теплом костров, потирая руки и согревая лица в их ярком пламени. И никому не было дела до юного жителя Долины. Дважды, может быть, трижды, они кивали ему, приняв его за своего, когда Флик проходил мимо. Бедному юноше, впервые оказавшемуся в подобном положении, все время казалось, что его вот-вот узнают и схватят и он так ничего и не узнает о судьбе Ши и Эвентина, а также о Мече Шаннара.

Прошло уже несколько часов, как юноша проник в лагерь. Он бродил и бродил среди спящих и бодрствующих гномов и троллей и с отчаянием думал, что ему, по всей вероятности, так и не суждено узнать то, что поручил ему Алланон и что волновало его больше всего. Уже приближался рассвет, а Флик все шел, зорко всматриваясь в спящие лица. Палатки были украшены флагами северных армий, перед ними не было охраны, и нельзя было даже предположить, кто находился внутри этих палаток. Он прислушивался к обрывкам разговоров гномов и троллей, которые не спали, и нередко совсем близко приближался к говорящим. Однако язык троллей был незнаком Флику, а то немногое, что он понял из скомканной речи гномов, было бессодержательным и ненужным для Флика и его друзей. Создавалось такое впечатление, что никто в этом лагере не знал о двух исчезнувших людях и Мече, как будто их никогда и не привозили в лагерь. В душу Флика закралось сомнение: неужели Алланон ошибся, направив его в этот лагерь?

В который раз Флик с тревогой смотрел в ночное небо. До рассвета оставалось всего несколько часов. На какое-то мгновение его охватила паника, он понял, что он не успеет найти дорогу назад и при дневном свете его схватят. Но потом, обуздав страх, он сообразил, что сможет в утренней неразберихе проскользнуть обратно.

Внезапно в темноте справа послышались движение и шум шагов, и в свете костров возникло четверо огромных солдат-троллей, которые были хорошо вооружены. Почти импульсивно, а не сознательно Флик упал в нескольких ярдах от них, притворившись спящим. На самом деле юноше не терпелось узнать, куда они могли пойти ночью в полном снаряжении. Тролли двигались под прямым

углом к тому пути, который выбрал Флик. Когда тролли отошли на значительное расстояние, юноша поднялся и стал осторожно следовать за ними.

По мере того, как они шли, Флик заметил, что внешний вид лагеря стал значительно меняться. Появилось больше палаток, чем раньше, в некоторых из них светился огонь и было видно, что там не спали, а за приоткрытыми пологам были видныдвигающиеся силуэты людей. Здесь к тому же было меньше солдат, спящих на прохладной земле, но зато было больше часовых, расхаживающих между горящими кострами, в свете которых Флику было гораздо труднее прятаться. На свой страх и риск юноша бесшумно шел за ними, как будто он был один из них. Они проходили мимо многочисленных часовых, которые коротко приветствовали их и наблюдали, как они шли, и никто не пытался задать вопрос закутанному в плащ гному, который почти не отставал от них.

Внезапно тролли повернули влево и остановились около длинной низкой палатки, охраняемой целой группой вооруженных троллей. Флик не мог идти с ними дальше или повернуть назад, ему оставалось только одно — принять рассеянный вид и прошествовать мимо палатки. Он так и сделал. Солдаты не усмотрели в этом ничего странного или необычного и лишь молча наблюдали, как юноша проходил мимо.

Неожиданно житель Долины остановился. По его телу под тяжелой одеждой бежал пот, дыхание стало громким и прерывистым, а сердце бешено колотилось. В его распоряжении было только несколько секунд, в течение которых он мог посмотреть через открытый полог освещенной палатки туда, внутрь... И этих секунд было достаточно для того, чтобы увидеть... мерзкое и страшное лицо сгорбленного чернокрылого монстра, окруженного гномами и троллями. Невозможно было не узнать в нем одно из тех дьявольских созданий, известных как Носители Черепа. Разве можно забыть тот невообразимый ужас, который испытали Ши и Флик, увидев впервые это злобное чудовище? Флик будто врос в землю. Он понял, что нечто очень важное происходит внутри этой хорошо охраняемой палатки. Может быть, те, кого они безуспешно разыскивали, находятся здесь, и Меч Шаннара лежит тут, в этой палатке, под охраной стражников и слуг лорда Уорлока. Флик знал, что ему надо обязательно заглянуть внутрь этой палатки. Но его время истекло, необходимо было уходить, пока на него не обратили внимание. Юноша

чувствовал, что удача от него ускользала, но рисковать было нельзя. Солдаты немедленно задержали бы любого, кто попытался бы войти в палатку. Кроме того, шальная мысль войти в палатку в присутствии Носителя Черепа больше походила на попытку самоубийства. Флик нехотя отошел от палатки и, укрывшись между деревьями, в отчаянии и полном бессилии покачал головой. Теперь он окончательно понял, что опасный, почти безумный характер задания не дает надежд на успех. Что же делать? Юноша подумал о том, что если сейчас он уйдет и вернется к Алланону ни с чем, то ночь, проведенная во вражеском лагере, окажется потерянной.

Флик с надеждой смотрел вверх, на ночное небо, как будто спрашивал у него ответ на мучившие его вопросы. Но ночное небо было по-прежнему мрачным, неприступным и не сулило надежды. Ночь почти кончилась, стало светать. Флик поднялся с земли и плотнее закутался в плащ. Его лихорадило. Быть может, судьба уже решила за него и привела его сюда лишь для того, чтобы он умер здесь, среди врагов... Но как же Ши, Алланон и все остальные? Ведь они зависели теперь от него. И Фликом овладела твердая решимость: нет, он не уйдет отсюда, пока не узнает, что происходит в этой палатке.

Рассвет наступил быстро, угрюмый северный рассвет с туманом и тишиной. Погода в Стрелехайме не обещала улучшения. Огромные темные тучи по-прежнему покрывали небо. У основания западного склона Драконьих Зубов часовые северных армий сняли ночное наблюдение, чтобы вернуться в просыпающийся лагерь. Алланон тихо сидел в укрытии из валунов; длинный черный плащ, в который была укутана его высокая фигура, плохо защищал от утреннего холода и морозящего дождя, который начинал переходить в сильный дождь. Алланон провел здесь всю ночь; его глаза наблюдали, выискивали хоть какие-то признаки появления Флика, но по мере того, как небо светлело на востоке, надежды на возвращение Флика медленно угасали. На сердце Алланона была тревога, хотя разумом великий Друид понимал, что в стане врага наступило утро и, вероятно, юноша, которому ничего не удалось узнать в эту ночь, решил остаться и довести дело до конца. Алланон не допускал и мысли о том, что Флика могли убить.

Алланон издали видел, что лагерь свертывают: палатки разбирались и складывались, а огромная армия

троллей строилась в колонны, которые заполняли широкую долину. Наконец, военная машина лорда Уорлока начала свое продвижение на юг по направлению к городу Керн. Огромный Друид выбрался из скального укрытия и выпрямился во весь свой громадный рост, надеясь, что, если Флик находится где-то поблизости, он наверняка увидит его. Однако все было тихо: ни звука, ни движения, лишь ветер уныло завывал вокруг молчаливой вытянувшейся фигуры Друида. В его глазах сквозила острая горечь. Великий Друид был подавлен: его план не удался.

Наконец, Алланон повернул на юг и стал выбирать дорогу, параллельную той, по которой прошла армия. Огромными шагами он двинулся вперед. Шел сильный дождь.

Те временем Меньон Леа достиг той части реки Мермидон, где располагался островной город Керн. До зари оставались считанные минуты. Меньон вспомнил, что Алланон предупреждал его, насколько трудно будет ему проникнуть через линию врага незамеченным. Сто-рожевые посты растянулись по всей линии лагеря. Вражеские патрули также бродили вдоль южных отрогов Драконьих Зубов. Балинору, Генделю и братьям-эльфам удалось сломить сопротивление одного из патрулей в ущелье Кеннон. Но сейчас Меньон был один, друзья все разошлись, и успех его действий во многом зависел от него самого. Меньон был вынужден идти по ровным открытым лугам, которые простирались на юг. Ночь была облачной и темной, и невозможно было разглядеть что-нибудь на расстоянии нескольких ярдов. Принца Леа спасал его опыт охотника и следопыта — равных ему не было на всех Южных землях. Юноша мог быстро и бесшумно идти в этой темноте, не опасаясь, что его обнаружат. Лишь самый чувствительный и острый слух мог обнаружить его продвижение.

Меньон шел вперед, до сих пор испытывая досаду от того, что Алланон вынудил его прекратить поиски Ши. И теперь юноша должен был предупредить Балинора и народ Каллахорна о надвигающемся вторжении войск лорда Уорлока. Меньон был также расстроен тем, что оставил Флика одного с таинственным и непредсказуемым Друидом. Он никогда полностью не верил в сверхъестественность великана, хотя и был поражен его могучими способностями. И Меньон, и его друзья сделали все, что требовал от них Друид, они каждый раз безоговорочно

верили ему. Практически всегда Алланон оказывался прав, но, тем не менее, и у него случилось немало просчетов — они потеряли Ши и до сих пор не завладели Мечом Шаннара. Теперь, ко всему прочему, оказалось, что Северная Армия лорда Уорлока ведет успешное наступление на Южные земли. Масштабы вражеской военной силы неприятно поразили Меньона Леа. Он не понимал, как легендарный Пограничный Легион может надеяться выстоять против такой могучей силы. Здравый смысл подсказывал ему, что единственной надеждой задержать наступление врага является немедленное объединение с армиями Эльфов и Карликов. Меньон был уверен в том, что Меч Шаннара окончательно потерян для них.

Больно ударившись коленом об острый край выступающего булыжника, Меньон поморщился и с удивлением посмотрел на почву. Следы... Сразу прекратив все дальнейшие рассуждения и отбросив сомнения, Меньон, как юркая ящерица, бесшумно скатился с невысокого склона Драконьих Зубов и стал стремительно пробираться дальше через острые, как нож, камни и скальные выступы, покрывавшие склоны. Меч Леа и длинный кинжал были крепко привязаны ремнем к спине. Вокруг было тихо, не было никаких признаков недавнего пребывания здесь людей. Меньон шел вперед, иногда останавливаясь, чтобы прислушаться. Он знал, что линии часовых должны быть расположены поблизости отсюда, но пока ничего не было видно. Меньон отвязал кинжал и крепко зажал его в руке. Прошло некоторое время, и юноша стал думать, что каким-то чудом прошел линию врага незамеченным, как вдруг застыл, услышав легкий шум. Прямо перед ним пролетел небольшой камешек. Меньон с удовлетворением подумал, что часовой выдал себя как нельзя вовремя. Теперь он не позволит застать себя врасплох.

Меньон опустился на землю и бесшумно и ловко, как дикая кошка, пополз вперед. Вскоре его острые глаза сумели различить ясное очертание мужской фигуры, по всей вероятности, гнома. Меньон немного подождал, когда часовой повернулся к нему спиной, затем подполз совсем близко к нему и, поднявшись во весь рост, сильной рукой сжал горло ничего не подозревавшего часового, не давая ему издать ни единого звука. Рукояткой кинжала он резко ударил по обнаженной голове как раз за ухом, и в тот же момент тело гнома бессильно упало на землю. Оглядываясь по сторонам, Меньон продолжал ползти

вперед. Он знал, что ему еще предстоит встреча с другими часовыми.

Однако, как это ни странно, часовых больше не было, и вскоре принц Леа остановился на вершине небольшого холма, который постепенно снижался, образуя северный берег быстрой реки Мермидон. Наступал рассвет. Юноша был крайне удивлен тому, что он ни разу больше не столкнулся с часовыми. Теперь ему надо было как можно быстрее достать плот или лодку и переправиться на другой берег — только так можно было попасть в город Керн.

Подтянув оружие выше на спину и ежась от утреннего холода, юноша пошел вдоль реки. Однако не прошел он и тысячи ярдов, как сквозь затихающие порывы ветра неожиданно услышал незнакомые голоса. Юноша тотчас же упал на землю и стал прислушиваться. Ветер мешал ему, наполняя шумом его напряженные уши. Через некоторое время порывы ветра вновь стихли, и Меньон опять услышал тихое бормотание. В этот раз юноша понял, откуда идет этот приглушенный звук человеческих голосов. Это были голоса, доносившиеся с берега реки. Вначале Меньон решил затаиться, но потом тихо и осторожно пополз вдоль берега. Голоса становились все громче и отчетливей, однако что-либо разобрать в этом общем гомоне было невозможно.

Меньон прополз еще немного и вдруг издали увидел лодку, вытасненную на берег и привязанную к низкому кусту. У него в голове было мелькнула мысль о том, что лодка — это то, что ему сейчас больше всего нужно, но он отказался от этой мысли почти сразу, так как увидел четырех вооруженных троллей, направляющихся к привязанной лодке. Они разговаривали с кем-то пятым, чье менее массивное телосложение и средний рост выдавали в нем южанина. Какое-то время Меньон напряженно старался разглядеть их лица, но рассвет еще только занимался, а лица троллей были наполовину скрыты капюшонами. Меньон только успел хорошо разглядеть человека, с которым разговаривали тролли. Маленькая темная бородка на худом мелком незнакомце запоминалась сразу. Кроме того, у него была характерная привычка поглаживать бородку нервными пальцами, когда он разговаривал. Вскоре Меньон Леа увидел еще кое-что. Около лодки лежал большой узел, накрытый тяжелым плащом и крепко завязанный. Юноша стал подозрительно рассматривать узел, но не смог прийти к какому-либо оп-

ределенному мнению. Что это могло быть? Узел вдруг ни с того, ни с сего зашевелился, и Меньону стало ясно, что в нем находится что-то живое. Он стал отчаянно соображать, как приблизиться к этой группе людей и узнать, что же в этом узле, но... тут же понял, что уже поздно, он опоздал. Четверо троллей и незнакомец расходились. Один из троллей двинулся к таинственному узлу и одним махом забросил его на свое широкое плечо. Незнакомец подошел к лодке, отвязал веревку, забрался в нее и опустил весла в темную воду. Они обменялись словами прощания, и до Меньона донеслись отрывки короткого разговора, в котором что-то говорилось о силе войска и управлении ситуацией. Лодка бесшумно заскользила по воде, и последними словами незнакомца было предупреждение-приказ дожидаться его дальнейших распоряжений, которые касались принца.

Меньон молча наблюдал, как лодка быстро заскользила по воде и вскоре скрылась из вида. Тролли подождали, пока лодка с незнакомцем исчезла, и медленно пошли по направлению к лесу, один из них осторожно нес шевелящийся узел. Кровь бросилась в лицо Меньона. Он решил, что надо действовать немедленно: время и так было частично потеряно. Меньон был совершенно уверен в том, что незнакомец взял кого-то в плен, затолкал в мешок и привез троллям. Но кого мог передать незнакомец представителям вражеской армии? Меньона снова обожгла смутная догадка. Ночная встреча не зря была организована этими людьми, и обмен был сделан по причинам, известным только им. Если тролли взяли на себя эти хлопоты, то пленник был очень важен для них, а следовательно представлял значительную ценность для лорда Уорлока. Уже было решив действовать, Меньон вновь задумался о том, стоит ли ему вмешиваться. Алланон поставил перед ним жизненно важную задачу, выполнение которой могло спасти тысячи людей, а догнать, обезоружить мощных троллей — означало спасти только одного челдвека. Даже если этот человек Ши — правомерен ли такой выбор? При воспоминании о Ши Меньон опять пришел в крайнее возбуждение. Да, он сделал свой выбор. Решение было принято. Меньон был готов ко всему. Надо во что бы то ни стало освободить пленника.

Меньон Леа вскочил на ноги и стремительно побежал на север в том направлении, откуда он только что пришел, пытаясь держаться параллельно тому пути, по которому шли тролли. В густом тумане было чрезвычайно трудно

правильно держать одно и то же направление, но зоркий глаз целеустремленного Меньюна видел то, что было очень сложно увидеть. Однако очень скоро туман еще более сгустился, небо заволокли тяжелые грозовые тучи, подул резкий ветер, и на лицо юноши упали первые тяжелые капли дождя. Тролли почти исчезли из поля зрения Меньюна, перед глазами стоял один туман. Меньюн бежал сломя голову, и со стороны казалось, что огромная черная тень стремительно несется вперед, рассекая плотную завесу тумана. Юношу обжигала, пугала мысль о том, что он опоздал. Тогда он припустил еще быстрее. Дождь бил его по лицу, попадал в глаза, и юноша иногда останавливался, чтобы вытереть их от потоков дождя и пота. Он гневно отгонял от себя мысль о том, что он мог опоздать. Нет! Тролли должны быть где-то близко! Не может быть, чтобы он их потерял!

И, действительно, через несколько мгновений слева появилось четверо троллей. Это означало, что Меньюн несколько просчитался и перегнал их. Юноша упал на землю и, затаившись, стал ждать их приближения. Он осмотрелся. Впереди была небольшая рощица, и, решив устроить в ней засаду троллям, Меньюн стремглав бросился к деревьям. Это был чрезвычайно рискованный шаг, и если бы только тролли заметили его, то в считанные минуты судьба его была бы решена. Благополучно достигнув деревьев, Меньюн скользнул в кусты. Он сбросил с себя тяжелый плащ, насквозь пропитанный утренним дождем, который стал ему мешать при быстром беге. Меньюн снял даже тяжелые охотничьи сапоги, чтобы избавиться от лишнего веса. Взволнованно погладив холодную сталь фамильного меча и охотничьего кинжала, юноша достал из сумки колчан со стрелами, приготовив несколько длинных черных стрел для приближающихся жителей Севера. Между тем, тролли уже подходили к месту его укрытия. Они шли парами. Тролли, которые двигались впереди, несли связанного пленника. Они шли, беззаботно переговариваясь, и не допуская даже мысли о том, что где-то в кустах может таиться опасность. Это была их территория, где несли дозор часовые войск Северной Армии. Меньюн приподнялся на одно колено и натянул тетиву лука.

Ничего не подозревающие тролли уже почти поравнялись с деревьями, когда первая стрела, посланная Меньюном, с резким жужжанием пронеслась в воздухе и поразила мясистую ногу тролля, который нес пленника.

С диким криком ярости и боли тролль бросил свою ношу и упал на землю, обхватив обеими руками раненую ногу. В этот краткий миг шока и замешательства Меньон выпустил вторую стрелу в обнаженное плечо тролля, который шел в первой паре рядом с упавшим товарищем. Огромный тролль закрутился на месте и рухнул на землю.

В это время Меньон выскочил из кустов и набросился на двух оставшихся троллей, размахивая огромным фамильным мечом. Оторопевшие от неожиданности тролли совсем забыли о мешке с пленником, небрежно валявшемся на земле. В одно мгновение юноша схватил мешок и взвалил его себе на плечо, при этом он проскочил мимо троллей, с силой ударив одного из них в плечо своим кинжалом. Раненый тролль упал, а Меньон, не помня себя, бросился бежать, держа на плечах драгоценную ношу. Юноша бежал, не чувствуя под собой ног. Крупные капли дождя хлестали по лицу, порывистый холодный ветер рвал одежду, острые камни и сучья причиняли нестерпимую боль ступням ног, покрытым лишь носками. Бежать было трудно, ноша оттягивала плечи, сил оставалось все меньше и меньше. Он бежал по зеленым лужайкам, с трудом огибая глубокие, наполненные водой канавы и воронки, иногда больно цепляясь за колючие кустарники. Несколько раз он падал, ронял мешок на землю, но стремительно поднимался и, взвалив ношу себе на плечи, пускался бежать дальше. Мозг Меньона работал только в одном направлении: надо было бежать, чтобы оторваться от преследователей. Носки мгновенно намокли и изорвались, а босые ноги Меньона сильно кровоточили, ступни были сильно избиты и изранены. Однако юноша почти не чувствовал боли и бежал быстрее ветра. Только бескрайняя равнина была молчаливым свидетелем этого страшного изматывающего бега. Время остановилось для Меньона. Он бежал ничего не видя, не слыша. Окружающее почти перестало для него существовать. В ушах гудел ветер, онемевшие от боли ступни скользили по мокрой земле. Это было испытание духа и тела, которое потребовало от него полной отдачи сил, до последнего вздоха, до последнего дыхания. В какой-то момент Меньон оглянулся назад и... облегченно вздохнул. Преследователей не было. Едва переводя дыхание, юноша опять бросился бежать. Он уже давно и мысленно, и вслух разговаривал с пленником. И получал от него ответную реакцию. Человек в мешке что-то одобрительно бурчал. Меньон догадался, что таинственный пленник был неболь-

шого роста и некрупного телосложения. Узник был в сознании и все время неуклюже ворочался в мешке. Меньон не мог со всей уверенностью сказать, что внутри был Ши, но юноше очень хотелось в это верить. Запнувшись о камень, он упал в грязь, и мешок слетел с его плеч. Некоторое время Меньон лежал почти без движения, его силы иссякли, и он окончательно понял, что с этой ношей двигаться больше не сможет. И, с трудом, едва созная, что он делает, Меньон разрезал тугие узлы на мешке с помощью своего меча. «Это должен быть Ши», — с замиранием сердца подумал юноша. Узлы были разрезаны, веревки сброшены, плащ слетел, и изнутри показалось испуганное лицо...

Пораженный Меньон не мог поверить своим глазам. Из мешка показалась женщина... Он спас женщину!

Глава 24

Женщина! Но почему жители Северного Королевства похитили именно женщину? Вот загадка! Меньон смотрел сквозь густую пелену дождя в ясные голубые глаза молодой девушки и не мог прийти в себя от изумления. Сразу бросалась в глаза ее необычная внешность и гордая осанка. Она была поистине прекрасна: густые темно-каштановые волосы были рассыпаны по плечам, и даже мокрые они были чудесны. Очаровательное лицо с тонкими чертами, нежная кожа, грациозная фигура, укутанная в шелковое одеяние, — все было утонченно и прелестно, и никакой дождь не мог лишить Меньона чувства искреннего восхищения перед этой юной красавицей. Никогда прежде он не встречал такой девушки. Любуясь ею, он на какой-то момент забыл о кровоточащих ногах, о боли. Это прекрасное видение захватило его целиком.

Он был слишком слаб, чтобы подняться самому. Молодая девушка подставила ему свое нежное плечо и помогла встать на ноги. Меньон потерял много крови, голова его кружилась.

— Благодарю, мне уже лучше, — слабо пробормотал Меньон. — Нам надо побыстрее пробраться к реке, и тогда мы сможем попасть в Керн.

И они поспешили вперед. Юное создание уверенно поддерживало пошатывающегося принца Леа. Однако через несколько минут он почувствовал, что голова у

него проясняется, боль отступает, и он был уже в состоянии идти довольно быстрым шагом, хотя каждое движение по-прежнему причиняло ему страдания. Только его природная физическая сила и огромная воля помогали ему держаться на ногах и идти вперед.

А дождь все лил и лил. Бурные грязные потоки воды шумели под ногами, с шумом перекатывая мелкую гальку. Воздух был сырым и туманным. Вскоре Меньон и девушка подошли к реке. Полноводная река гордо несла свои бурливые воды вниз. Меньон понимал, что они должны переправиться на другой берег, чтобы попасть в Керн. Задача заключалась в том, чтобы выбрать правильное место для переправы. Юная особа уверенно вела его вниз, всем своим видом показывая, что хорошо знает эту местность. Небо стало понемногу светлеть, и дождь вскоре прекратился, оставив повсюду размытые участки земли, обнаженные корни деревьев и наполненные водой рытвины и воронки. Некоторое время они шли вдоль берега, и, наконец, девушка остановилась, жестом руки указав на спрятанный в траве плот. Совместными усилиями молодые люди спустили плот на воду, и через минуту холодные воды реки Мермидон понесли их вниз по течению. Меньон почти не помнил, что происходило дальше. В его сознании лишь отложилась ожесточенная борьба с водной стихией. Ледяные волны захлестывали их, мешая направлять плот в нужную сторону. Вскоре он, видимо, потерял сознание и очнулся уже на другом берегу. До него стало медленно доходить, что свершилось чудо. Чьи-то заботливые руки перенесли его на травянистый участок берега, а нескончаемая переправа была преодолена. Где-то рядом он услышал нежный девичий голос, потом взор его затуманился, в голове зашумело, и он снова потерял сознание.

Когда Меньон, наконец, очнулся, он обнаружил, что лежит в теплой и мягкой постели. Его одежда была заменена на новую, удобную и сухую. Кровоточащие раны на ногах были обработаны и аккуратно перевязаны — это, пожалуй, являло собой единственное свидетельство реальности недавно происшедших событий. Непрекращающийся дождь монотонно барабанил в стекла окон, а в комнате было тепло и уютно. Меньон окинул взглядом великолепно обставленное помещение, со стенами, облицованными дорогим деревом и мрамором, и сразу понял, что это жилище никак не могло принадлежать среднему обитателю этих мест. Только очень

состоятельные люди или коронованные особы могли жить в таких покоях. Житель высокогорья лежал и сосредоточенно изучал изысканную обстановку. Рядом на стуле висела новая красивая одежда, и Меньон уже было потянулся к стулу, чтобы взять ее, как внезапно дверь отворилась и в комнату вошла пожилая служанка. В ее руках был поднос с едой, источающей вкусный аромат. Вежливо поклонившись, она с приветливой улыбкой подошла к кровати, поставила поднос на стул рядом с Меньоном и, высоко и удобно подняв большие мягкие подушки, помогла ему сесть и придвинула к нему поднос. Странно, но эта женщина чем-то напомнила Меньону его мать, добрую, ласковую и заботливую. Ему было всего двенадцать лет, когда она умерла. Служанка подождала, пока Меньон начал есть, и вышла, тихо затворив за собой дверь.

Меньон неторопливо поглощал вкусную пищу, ощущая, как к нему медленно возвращаются прежние жизненные силы. Он сразу вспомнил цель своего похода в Керн — предупредить население города о готовящемся вторжении Северной Армии. Вероятно, теперь его сообщение безнадежно опоздало! Он весь похолодел от этой мысли. В эту минуту дверь вновь открылась, и на пороге появилась та самая юная девушка, которая столь поразила его. На ней было длинное экзотическое одеяние, сочных и теплых тонов, а ее блестящие каштановые волосы отливали золотом даже в свете хмурого серого дня. Поистине это была необыкновенная девушка! Принц Леа радостно улыбнулся и поприветствовал ее. Грациозной походкой она подошла к кровати Меньона. «О, как она хороша!» — опять подумал юноша. Но почему ее похитили? И что Балинор знает о ней? А прекрасное создание стояло рядом и, улыбаясь очаровательной улыбкой, внимательно смотрело в глаза Меньону.

— Ты хорошо выглядишь, принц Леа, — произнесла она. — Отдых и еда пошли тебе на пользу. Я рада этому.

— Как тебе удалось узнать, кто?..

— О, это было несложно. Кто, как не сын короля, может иметь при себе такое оружие? А вот имени твоего я не знаю.

— Меня зовут Меньон, — сказал юноша, весьма удивленный осведомленностью девушки о самом факте существования своего королевства. Оно было так отдалено от других государств, что многие люди никогда не слышали о королевстве Леа.

Юная девушка протянула ему тонкую загорелую руку, радостно приветствуя это новое знакомство.

— Я — Шерл Равенлок, это моя страна, моя родина. Мы сейчас находимся в Керне — островном городе. Если бы не твоя отвага и мужество, я вряд ли когда-нибудь опять смогла увидеть мой город. Я бесконечно благодарна тебе и всегда буду для тебя самым преданным другом. А теперь, пожалуйста, заканчивай свой завтрак. Я с удовольствием подожду.

Она присела на край его кровати и стала ласково смотреть на него. Юноша взял вилку, но... она так и застыла в воздухе. Его снова привела в оцепенение страшная мысль о том, что его сообщение опоздало. Вилка с шумом упала на поднос.

— Я должен был передать Балинору важное донесение. Готовится очень большое вторжение Северной Армии, вернее, оно уже началось. Надо немедленно предупредить и спасти население Тирсиса и Керна...

— Да, я знаю об этом, — быстро ответила девушка. — Даже во сне ты говорил об этой опасности. Ты предупреждал об этом, даже находясь в полубессознательном состоянии. Сообщение уже послано в Тирсис, а Керн мобилизует все свои силы для того, чтобы отразить натиск врага. Реальной угрозы сейчас пока нет. После столь сильных дождей река Мермидон так разлилась, что перемещение по воде большой армии почти невозможно. Это — выгодное для нас обстоятельство. А мы тем временем надеемся получить помощь.

— Да, но Балинор уже несколько дней назад должен был достигнуть Тирсиса, — с тревогой сказал Меньон. — Полностью ли мобилизован его Пограничный Легион?

Девушка прямо и открыто смотрела в глаза Меньону, всем своим видом показывая, что она ничего не знает о действиях Балинора. Встревоженный юноша резко отставил поднос и попытался встать с кровати. Шерл принялась успокаивать не на шутку взволнованного Меньона.

— Пойми, Шерл, нельзя думать, что здесь, на острове, мы находимся в полной безопасности, — воскликнул Меньон, протягивая руку, чтобы взять одежду. — Если бы ты только видела масштабы силы, которую сосредоточили наши враги. Наводнение, какой бы силы оно ни было, не сможет надолго остановить их вторжение.

Его руки начали машинально расстегивать верхние пуговицы ночной рубашки, как вдруг внезапно он вспом-

нил, что перед ним сидит прелестная юная девушка. Шерл смутилась и отошла к окну в дальний угол комнаты, давая юноше возможность одеться.

— Почему тебя похитили? — обеспокоенно воскликнул Меньон, одеваясь. — Вероятно, была еще какая-то причина — помимо той, что ты просто очаровательная девушка...

Не видя лица девушки, он понял, что она улыбнулась.

— Я не помню точно, как все это произошло, — ответила Шерл. — Я спала и была разбужена внезапным шумом в комнате. Потом меня схватили, набросили на голову покрывало и унесли... Вероятно, это было не покрывало, а ткань, пропитанная специальной жидкостью. Я тут же потеряла сознание и очнулась уже только на берегу реки. Фактически я ничего не видела и не слышала, а то, что видела в полусне, не совсем поняла. А ты что-нибудь заметил?

Меньон задумчиво пожал плечами.

— Нет, ничего особенного. Все это ты уже знаешь сама. Да, я готов, ты можешь повернуться, — сказал Меньон. — И все-таки я не могу понять, почему похитили именно тебя?

Юная девушка обернулась. Ее нежное и взволнованное лицо казалось еще прекраснее.

— В моих жилах течет королевская кровь, Меньон, — тихо произнесла Шерл. — Мои предки были королями Керна. Я... я принцесса. Мой отец возглавляет совет по внутренним делам Керна. Король является правителем Каллахорна, но, по сути, власть короля ограничена, и, как правило, король редко вмешивается в работу правительственных властей. Сын короля Паланс равнодушен ко мне, и не секрет, что он хочет жениться на мне. И я подозреваю, что это был ловкий ход. Врагам было легче выйти на меня, спровоцировав тем самым Паланса на рискованные действия.

— Да, очень может быть, — взволнованно ответил Меньон.

Его мозг безостановочно сверлила мысль о Балиноре. Почему Шерл ничего не знает о прибытии принца в Каллахорн?

— Как долго я спал, Шерл?

— Почти целый день. Ты был так истощен...

— О, ужас! Потеряно двадцать четыре часа! Если бы не дождь, город был бы давно взят неприятелем. Необходимо действовать... Шерл, мне надо поговорить

с твоим отцом, обратиться к совету. Пожалуйста, не спрашивай меня ни о чем. Уже столько времени потеряно! Дорога каждая минута! О, прошу тебя, отведи меня скорее к ним!

И, не дожидаясь ответа, Меньон решительно взял девушку за руку и быстро повел к двери. Шерл направилась с ним через красивые мраморные переходы к зданию совета. Дорогой она пыталась выяснить у Меньона, как он очутился в этих краях. Несмотря на то, что юноша чувствовал, что этой девушке можно доверять, он не решился открыть ей всю правду, тем более что предстоял бы длинный рассказ об Алланоне, Ши и Мече Шаннара. Меньон хорошо запомнил слова великого Друида о том, что никто, кроме участников похода, не должен знать всей правды — в противном случае их ожидают тяжелые последствия. Пришлось сказать Шерл, что он прибыл сюда на помощь Балинору в связи с готовящимся вторжением Северной Армии. Он был несколько смущен тем, что солгал девушке, но... в конечном итоге, и он, Меньон, не знал полностью всей правды. Они подошли к парадному входу, и стража, стоящая у высоких колонн, без звука пропустила их. Шерл предложила Меньону ненадолго присесть, а она тем временем известит отца и совет, что с ними будет говорить принц Леа. Меньону ничего не оставалось, как сесть в огромное мягкое кресло работы старых мастеров и углубиться в свои тревожные мысли.

Прошло некоторое время. Дверь отворилась, и на пороге появилась Шерл. Глаза ее ярко блестели, на щеках играл румянец, а гордая осанка сочеталась с удивительной грацией, сквозящей в каждом ее движении. Неудивительно, что Паланс Бакханнах страстно желал взять ее в жены. Взявшись за руки, молодые люди вошли в огромный светлый зал, под древними сводами которого за большим длинным столом заседали двадцать членов совета — все уже преклонного возраста, умудренные опытом. Они с тревогой посмотрели на вошедшего юношу, и Меньон прочел в их глазах беспокойство за свой город, за судьбу своего народа.

Тщательно подбирая слова, Меньон кратко и ярко обрисовал ситуацию. Он рассказал об огромных масштабах военной угрозы, которая исходит с севера от лорда Уорлока, частично поведал о своем путешествии, не упомянув лишних имен и не заикнувшись о Мече Шаннара. Он старался убедить присутствующих — и об этом его просил Алланон — в необходимости принятия скорейших

решений по защите города от готовящегося нападения. После сообщения Меньона в совете начались жаркие дебаты. Одни члены совета считали, что город надо укрепить немедленно и не ждать прибытия Паланса Бакханнаха; другие были сторонниками осторожных действий и предлагали занять выжидательную позицию, учитывая большие масштабы наводнения. Наконец, поднялся статный человек с красивыми седыми волосами, которого Шерл представила Меньону как своего отца. Он жестом пригласил Меньона сесть напротив него, и они стали беседовать, в то время как совет продолжал свою работу.

— Давно ли ты, юноша, видел Балинора! Ты знаешь, где его найти? — спросил король Керна и внимательно посмотрел на Меньона.

— Насколько мне известно, он должен был прийти в Тирсис несколько дней назад, — обеспокоенно ответил молодой человек. — Он намеревался мобилизовать и использовать силы Пограничного Легиона для защиты от нападения Северной Армии. Его сопровождали двое двоюродных братьев Эвентина Элессидила.

Король взглянул на юношу и еще больше нахмурился.

— Должен сказать, принц Леа, что ситуация гораздо хуже, чем ее можно себе представить. Вот уже несколько недель король Каллахорна — Руль Бакханнах серьезно болен и вряд ли сможет в ближайшее время управлять государством. Балинор долгое время отсутствовал, и ввиду этого младший сын короля возложил на себя обязанности правителя Каллахорна. По причине некоторой эксцентричности своей натуры он осуществил ряд непродуманных действий. В частности, он расформировал Пограничный Легион.

— Расформировал? — не веря собственным ушам, воскликнул Меньон. — Но почему? Зачем?

— Он счел ненужным присутствие этих войск в пределах своего государства и заменил Легион на небольшую группу своих людей. Дело в том, что Паланс был в неладах с Балинором, а Пограничный Легион находился в непосредственном подчинении его старшего брата. Вероятно, Паланс подозревал, что воины Пограничного Легиона останутся верны Балинору, а он, в свою очередь, — после смерти отца — не хотел отдавать трон старшему брату. Вот почему он и расформировал Легион. Военачальники и близкие соратники Балинора были схвачены и брошены в темницу. Все это было сделано открыто

и решительно для того, чтобы больше ни у кого не было сомнений в том, что вся власть теперь в его руках. В настоящее время у этого нового короля есть только один, да и тот сомнительный, советник — мистик по имени Стенмин — амбициозный человек, которого не волнует не только судьба своего народа, но и самого короля. Вдобавок к этому, он обладает недюжинными магическими способностями. Кто знает, для чего он их использует... Не знаю, как мы отразим нападение, имея таких людей у власти.

— Это значит, что Балинор находится в опасности, — мрачно сказал Меньон. — Он отправился в Тирсис, ничего не подозревая о болезни отца и о том, что его брат взял власть в свои руки. Надо немедленно сообщить ему об этом!

А за окном по-прежнему лил дождь, час за часом увеличивая размеры наводнения. Меньон печально посмотрел в окно и подумал, что враги не будут медлить очень долго, даже если дождь продлится в последующие дни. Единственная возможность спасти город — это немедленно укрепить его, собрав значительную дисциплинированную армию. «Нет, настало время решительных действий», — подумал Меньон и громко обратился к присутствующим:

— Уважаемые члены совета! Слушайте меня! — Его громкий голос волнами прокатился под сводами огромного зала, заставив замолчать все остальные голоса. — Не только Каллахорн, но и все Южные земли — моя родина и ваша — стоят сейчас перед лицом большой опасности, перед угрозой полного уничтожения. Если мы не предпримем решительные и немедленные действия, последствия вторжения могут быть разрушительными. Через сутки Керн могут захватить армии лорда Уорлока. Единственный шанс спасти людей — это эвакуировать их в Тирсис. Надежда на победу также связана с Пограничным Легионом, который необходимо возродить. Армия Эльфов уже готова выступить вместе с нами. Их должен повести Эвентин. Карлики, долгие годы сражающиеся с Гномами, также обещали нам солидную поддержку. Иными словами, все расы должны объединить свои усилия перед лицом чудовищной угрозы человеческому существованию!

— Все это хорошо, принц Леа, — произнес отец Шерл, когда Меньон закончил свою пылкую речь. — Но вопрос состоит в том, каким образом мы сможем переправить наших людей в Тирсис. Враг расположился непосредствен-

но за рекой Мермидон. Как мы сможем благополучно доставить сорок тысяч людей, если по всему противоположному берегу реки расставлены наблюдательные посты?

По губам Меньона пробежала легкая улыбка.

— Мы будем атаковать, — быстро ответил юноша.

Все присутствующие погрузились в напряженное молчание. Ответ Меньона поверг их в полное изумление.

— Атака — это именно то, что они ожидают меньше всего от нас. И особенно ночью. Быстрое, хорошо продуманное нападение на главные укрепления врага заставит их неминуемо поверить, что мы обладаем большим военным потенциалом. Это сразу внесет смятение в их ряды, а темнота и их растерянность — это то, что нам нужно. Мы будем имитировать грандиозные военные приготовления и передислокации, подавая громкие команды и производя шумовые эффекты, и они должны в это поверить, а мы тем временем будем переправлять людей в Тирсис.

Один из членов совета отрицательно покачал головой.

— Вся эта инсценировка хороша, но она не может продолжаться долго. А для того, чтобы переправить сорок тысяч людей на южный берег к Тирсису, понадобится много времени. Женщины, дети и старики не смогут идти быстро. Переход займет не часы, а дни!

— Люди не пойдут по суше. Мы будем переправлять их вниз по течению реки Мермидон. Для этой цели за сегодняшнюю ночь мы должны собрать или сколотить плоты, лодки, словом, все, на чем можно переправлять людей по воде. Так они попадут прямо в Каллахорн, а от места высадки до Тирсиса всего десять миль.

После короткого обсуждения совет горячо поддержал предложение Меньона, считая, что, несмотря на уязвимые места, план довольно смелый и следует использовать его целиком. Было решено мобилизовать все физически сильное население Керна для того, чтобы в эту ночь оно смогло смастерить большие деревянные плоты для транспортировки людей. Помимо этого, в островном городе почти в каждом доме около воды была своя лодка, так что кое-какие плавсредства уже имелись. Меньон посоветовал выделить вооруженный отряд для патрулирования вдоль всей береговой линии, чтобы исключить неожиданные инциденты и предательство. Члены совета, по его мнению, должны держать в тайне подробный план эвакуации. Больше всего Меньон опасался предательства. Ведь совсем недавно из своего дома была похищена Шерл, и это преступление было совершено в густо населенном

городе. Похититель до сих пор не пойман, но ясно одно: он не был чужестранцем и хорошо знал город. И, кто бы он ни был, не дай бог ему узнать план эвакуации. В противном случае он обязательно постарается предупредить представителей Северной Армии. В данном случае секретность будет залогом успеха.

Остаток дня для Меньона пролетел быстро. На какое-то время были забыты Ши и все участники похода. Предстоящее дело целиком захватило Меньона. Впервые за последнее время ему предстояло сразиться не с мистическим существом, не с Носителем Черепа, а с людьми из плоти и крови. Это как раз та ситуация, где нужны будут его смекалка, ум, воинское искусство и прочие достоинства, которые безнадежно меркли при столкновении с мистическими существами. Время было одним из решающих факторов, и Меньон с головой ушел в это едва ли не самое важное дело во всей своей жизни: ведь от его стратегии и тактики зависела жизнь тысяч и тысяч людей. Он должен был спасти их.

Погода... Меньон молил бога, чтобы дождь кончился, тучи рассеялись и ночь была ясной. Это намного облегчило бы передвижение людей и устранило бы всякого рода сумятицу, панику, которую дождь мог только усугубить. И было поистине чудом, что уже к вечеру ветер разогнал тучи, небо прояснилось, показав долгожданные голубые просветы, а дождь стал лениво и почти неслышно моросить, а вскоре совсем прекратился. Было еще светло, а на чистом небе загорелись первые яркие звезды.

Глядя в окно, Меньон боялся поверить своим глазам. Поистине силы небесные услышали его мольбы. Рядом с ним за столом, склонившись над картой, сидели двое. Оба они были воинами расформированного Пограничного Легиона: Янус Сепре — помощник командира Легиона и ветеран, прославившийся во многих доблестных схватках, по имени Фандрез. Это были люди в высшей степени порядочные и достойные, известные своей отвагой и доблестью, верные соратники и друзья Балинора. Они были чрезвычайно огорчены тем, что из Тирсиса до сих пор не поступило никаких известий о прибытии Балинора. Уже к вечеру им удалось собрать несколько сотен солдат, служивших в бывшем Пограничном Легионе. Они намеревались использовать этих опытных людей как ударную силу против вражеской армии.

Меньон хотел участвовать в сражении, которое должно было развернуться на реке, но он был еще очень слаб.

Ноги до сих пор болели и ныли после того, как он спас Шерл Равенлок, и молодой человек не мог длительное время передвигаться пешком. Поэтому решили, что он эвакуируется с последней партией и возглавит патрульно-наблюдательную службу на берегу. Меньон тяжело вздохнул, но согласился. Долгие годы он искал дело, которому можно себя посвятить, за которое стоило бы бороться. Все, что он делал раньше, не было столь важно и носило скорее авантюрно-амбициозный характер, так как страстная натура Меньона искала выхода и применения своему уму и недюжинным способностям воина. И сейчас настал его час — час принца Леа!

Меньон и двое военачальников распорядились немедленно расставить патрули вдоль всего берега и разработали имитационные шумовые эффекты, которые должны были символизировать наличие значительных военных сил, сосредоточенных на острове. Большое количество плотов было сколочено за полдня, и эвакуацию было решено начать этой же ночью.

После полуночи на больших лодках стали переправлять солдат бывшего Легиона, которые на сей раз выступали — помимо своей воинской миссии — в необычной артистической роли. Над водой, словно эхо в горах, раздавались крики и команды военачальников, а звон оружия создавал впечатление, что вниз по реке движется огромная армия. Между тем за лодками с солдатами следовали огромные плоты, нагруженные мирными жителями. Меньон внимательно следил с берега за эвакуацией жителей города. Крики детей и причитания женщин, громкие распоряжения военачальников создавали атмосферу всеобщей торопливости и поспешности, однако четкие приказы и указания его помощников оказывали дисциплинирующее воздействие на возбужденных людей. На каждый плот грузилось определенное число людей, а количество скарба, который брали эти люди, строго ограничивалось. За этим внимательно следили помощники Меньона. Таким образом эвакуация прошла сравнительно организованно и быстро.

Через несколько часов город был почти пуст. Меньон едва держался на ногах. Были отправлены предпоследние плоты и лодки с жителями города и караульными. Обитатели города Керна проявили высокую собранность и понимание поставленной перед ними задачи. Меньон провожал каждый плот, каждую лодку, вселяя в людей уверенность и надежду на спасение. И теперь, когда рядом с ним осталось всего несколько человек, он внезапно

почувствовал, что теряет последние силы. В глазах его совсем потемнело, и он упал бы на землю, но тут чьи-то ловкие руки подхватили его и быстро понесли на плот. Меньон открыл глаза, когда плот уже был далеко от берега. На его разгоряченном лбу лежала нежная прохладная рука Шерл, которая каким-то чудом не уехала раньше и дождалась Меньона. В полузабытьи ему слышалось, что тонкий девичий голос нашептывал ему о проявленной храбрости и об успешном осуществлении его блестящей идеи, направленной на спасение людей. Внезапно Меньон раскрыл глаза. Перед ним стлался розовый дым. Он обволакивал все вокруг, и лишь налетавшие порывы ветра временами рассеивали его едкую пелену.

— Меньон, они подожгли город. Они сожгли мой дом! — прошептала Шерл.

Меньон закрыл глаза и положил свою сильную ладонь на тонкую дрожащую руку девушки. Слова Шерл настолько взволновали Меньона, что он вновь чуть было не потерял сознание. Он подумал о том, что его план сохранил жизнь жителям целого города. И, даже если враги сожгут город дотла, Меньон отчетливо сознавал, что самое ценное в городе — люди — уже было спасено. Между тем древний город Керн доживал свои последние часы.

Глава 25

Бежали страшные минуты мертвого безмолвия. Не было ни малейшей надежды на то, что сквозь удручающую темноту темницы, где сидели Балинор, Дурин и Дэйел, сможет пробиться луч света. Перед глазами пленников стояла черная стена. Ощущение полной безнадежности, напоминающее действие наркотического вещества, окутывало все их тело, сознание, мозг. Вокруг них была странная аура пустоты, куда не проникали ни звуки, ни шорохи, ни какие-либо другие свидетельства реальной жизни. Им казалось, что они находятся в вакууме.

А где-то в это время Паланс Бакханнах решал их судьбу и в конечном итоге судьбу всех людей Южных земель, и армия лорда Уорлока неумолимо подходила все ближе и ближе к цели. Как невыносимо было пленникам осознавать, что где-то далеко от них бьется пульс живого мира, решается судьба людей, а они сидят в этом

пыльном застенке и лишены возможности действовать. Они не имели ни малейшего понятия о том, сколько времени продержат их в этом заточении и выпустят ли вообще.

Руки и ноги пленников были крепко связаны веревками. Любые самостоятельные попытки выбраться отсюда вряд ли увенчались бы успехом. Балинор знал, что во дворце есть подвал, где хранили ненужные и испорченные вещи. Но это помещение, похожее на подземелье, располагалось, вероятно, где-то рядом с ним. Никто им не пользовался раньше. Поэтому Балинор четко осознавал, что найти их будет очень нелегко, тем более что необузданный в своей ярости Паланс наверняка бросил в темницу друзей Балинора и главных военачальников Пограничного Легиона. Перед тем, как их схватили, он успел дать некоторые указания капитану Шилону. В случае, если они не вернуться, он велел капитану найти Гинниссона и Фэндвика — двух самых лучших и надежных военачальников распущенного Легиона и передать им приказ немедленно восстановить Легион для отражения нашествия Северной Армии лорда Уорлока. Шилону также было поручено послать срочные донесения в государства Эльфов и Карликов, обрисовать им сложившуюся ситуацию и просить помощи. Эвентин вряд ли допустит длительное пребывание в тюрьме своих двоюродных братьев, да и Алланон придет на помощь, как только узнает о несчастье. Вероятно, прошло уже больше четырех часов, и не остается ничего другого, как только ждать. С другой стороны, Балинор отчетливо сознавал, что его собственная жизнь находится в большой опасности. Зря, пожалуй, он не внял совету Дурина и пошел на явную конфронтацию с братом, совершенно не предполагая, что дело может зайти так далеко.

А Паланс, почувствовав реальную возможность захватить трон, и впрямь сошел с ума. Он и раньше отличался грубой необузданностью нрава, был способен совершить необдуманные дикие поступки, но все же волей-неволей считался с интересами семьи. Теперь он не захотел даже выслушать мнение старшего брата. И во всем его поведении появилось много непонятного, даже таинственного. С диким упрямством и настойчивостью он желал и всячески старался, чтобы Шерл Равенлок вышла за него замуж, и, несмотря на ее нежелание вступить в этот брак, он продолжал ее неутомимо преследовать. Краем уха Балинору довелось услы-

шать, что с Шерл что-то случилось, и принц Каллахорна молил бога, чтобы с девушкой не произошло ничего дурного. Чутье подсказывало ему, что в этом деле замешаны его брат Паланс и Стенмин.

Между тем прошло уже больше суток с тех пор, как Балинор и братья-эльфы были брошены в эту странную темницу. Пленников по-прежнему окружала полная темнота. Их глаза уже привыкли к мраку, и, сколько они ни смотрели на тяжелую железную дверь, они не могли обнаружить чего-нибудь такого, что позволило бы им взломать или открыть ее. Они понимали, что без специальных инструментов им не удастся справиться с дверью. Каменные стены, пережившие многие поколения, были достаточно крепки и массивны и исключали всякую возможность найти в них уязвимое место. Похоже, все попытки уйти из этой темницы были заранее обречены на провал.

Наконец, после долгих часов ожидания они услышали голоса и бряцание оружия. Голоса и шум шагов приближались. Было совершенно очевидно, что к ним направляется несколько человек, среди которых Балинор сразу узнал по голосу брата. Трое пленников с трудом поднялись на ноги, так как были связаны, и застыли в тревожном ожидании. Через несколько минут дверь отворилась, и на пороге в свете факелов появилось четверо. Впереди стоял младший сын короля Каллахорна. Его губы были крепко сжаты, в глазах полыхала жгучая ненависть к Балинору. Вся его статная высокая фигура, похожая по телосложению и внешнему облику на фигуру брата, излучала ярость и непримиримую вражду. На этом лице не было ни тени доброты, ни проблеска благородства. В каждом движении Паланса сквозило ожесточение. Рядом с ним с язвительным выражением лица стоял мистик Стенмин. Его руки совершали бесконечные нервные движения, уголки губ злобно подергивались, а в глазах горел насмешливый и злой огонь. Ощущение неприкрытого коварства и жестокости исходило от этого человека. За ним стояло двое стражников с обнаженными мечами, готовые к нападению на беззащитных пленников и способные уничтожить любого, кто посмеет посягнуть на их жизнь. Паланс сделал шаг вперед и сказал:

— Уберите этих двоих. Я буду говорить один на один с братом. И ты, Стенмин, оставь нас. Если надо, я позову тебя.

В голосе Паланса звучал ничем не прикрытый гнев, и Стенмин безропотно подчинился требованию младшего наследника престола, а стражники в ту же минуту схватили легких эльфов и вынесли их. Тяжелая дверь с ужасающим лязганьем закрылась, и братья остались одни. В свете горящего факела Балинор стал всматриваться в лицо брата. Но напрасно он искал в нем тень или хотя бы проявление той любви и дружбы, что были между ними в детстве. Все существо Паланса заполнили ярость и желание вступить на престол.

— Почему ты не вернулся? Где ты был все это время? Теперь, после твоего предательства... Я... я буду королем Каллахорна. — Голос Паланса перешел в злое шепот, лицо его совсем исказилось, а руки стали делать какие-то дикие движения. «Он сошел с ума», — в отчаянии подумал Балинор, не в силах найти какое-либо объяснение поведения брата.

— Паланс, послушай меня. Я ничего не сделал плохого ни тебе, ни Шерл. Все это время я был в Параноре и вернулся сюда только для того, чтобы предупредить наш народ о начавшемся наступлении Северной Армии. Если мы не остановим продвижение этих полчищ, они немедленно займут все Южные земли. Ради нашего народа, ради жизни людей на всех землях, пожалуйста, послушай меня...

— Я не намерен далее слушать твою глупую болтовню о вражеском вторжении. Мои люди проверили все пограничные районы и не обнаружили никаких признаков наступления северных армий. И, кроме того, ни один враг не осмелится напасть на Каллахорн, напасть на меня... Наши люди в безопасности, а до жизни людей в других землях мне нет дела. Почему я должен защищать их? Они никогда не помогали нам.

Паланс сделал шаг назад и, посмотрев на Балинора испепеляющим взглядом, продолжал:

— Ты теперь мой враг, ты стал выступать против меня с тех пор, как узнал, что я вступил на трон. Ты пытался отравить меня, ты отравил отца — ты хотел видеть меня таким же больным и беспомощным, каким сейчас является отец. Ты хотел, чтобы я тихо умер, забытый всеми. Ты думал, что сможешь вернуть себе трон. Но нет! С тех пор, как ты ушел с этим предателем Алланом, ты потерял все... О, как я ненавижу этого человека... Нет, это не человек, это исчадие ада! Его необходимо уничтожить. А ты, Балинор, будешь тем

временем лежать здесь, одинокий, забытый всеми — до тех пор, пока не умрешь. Ведь ты готовил мне такую судьбу?

Паланс резко повернулся и пошел к двери. На пороге он остановился и вдруг заговорил прежним, как в детстве, мягким голосом:

— Скажи мне, зачем ты все-таки вернулся? Ты мог совсем исчезнуть из этой страны и остаться в живых. Но Стенмин убеждал меня в том, что ты непременно вернешься. Я не верил ему. Однако, он оказался прав. Он всегда прав. Так зачем же ты вернулся?

Балинору пришлось пересилить себя. В сложившейся ситуации ему было необходимо выяснить все, что прямо или косвенно касалось его отца и друзей. Поэтому он был вынужден поддерживать любое направление разговора с Палансом.

— Я... я пришел к выводу, что был неправ, — тихо произнес Балинор. — И я вернулся, чтобы навестить вас. Ведь это все-таки и мой дом. Но что же случилось с отцом?

— Отец... Не произноси этого слова. Твой отец лежит совершенно беспомощный. Стенмин присматривает за ним, но вряд ли он сможет что-нибудь сделать. С каждым днем силы покидают отца...

— Так что же все-таки с ним случилось? — в волнении воскликнул Балинор, сделав попытку приблизиться к брату.

— Не двигайся! — приказал Паланс, выхватив меч из-за пояса и обнажив его. — Не забывай, что ты мой пленник. Ты отравил короля, ты пытался отравить и меня. Я бы мог сразу казнить тебя — ты уже достаточно причинил зла. Стенмин советовал мне расправиться с тобой немедленно, но я не трус, я не боюсь тебя. Да, я распустил Легион. Мое правление будет периодом мира. Ты понимаешь это, Балинор?

Балинор в сомнении покачал головой, отчаянно пытаясь еще на некоторое время завладеть вниманием брата. Было очевидно, что если Паланс не сошел с ума, то в его личности, в его внутреннем мире явно произошли большие изменения — и это не без участия Стенмина. Да, у него были недостатки, характер был взрывной, необузданный, но тем не менее, оба брата любили друг друга и более или менее сосуществовали, а теперь... его брат был одержим страстным желанием стать королем. Кто мог предвидеть такие перемены?

— А Шерл? Что с Шерл? — поспешно спросил Балинор.

И опять волна дикого гнева и ярости захлестнула Паланса.

— Она так прекрасна... так прекрасна, — почти закричал он, постепенно смягчаясь при одном упоминании о ней. — А ты, Балинор, чуть было не взял ее у меня. Да, ты пытался забрать ее. Но я знаю, что сейчас она находится в безопасности. Ее спас житель Южных земель, такой же принц, как я. Хотя нет, теперь я не принц. Я — король Тирсиса. С этим принцем мы будем друзьями, хотя Стенмин говорит, что сейчас никому нельзя доверять.

С этими словами Паланс выхватил кинжал и стал без устали махать им в разные стороны, видимо, сражаясь с врагами, которые были плодом его больного воображения. И Балинор с горечью был вынужден признать, что психическое состояние его брата серьезно пошатнулось. Только теперь Балинор понял, что Стенмин намеренно не противился решению Паланса остаться наедине с братом. Если даже каким-то чудом Балинор и сумеет убить брата, это — по разумению Стенмина — будет ему на руку. В конце концов, он уничтожит обоих братьев — одного раньше, другого позже — и будет отныне сам решать судьбу Южных земель.

— Паланс, послушай меня, умоляю, — тихо попросил Балинор, совершенно подавленный переменами, произошедшими в брате и королевстве за время его отсутствия. — Мы когда-то были с тобой так близки. Мы были больше, чем братья по крови. Нас объединяли любовь, дружба, взаимопонимание. Мы доверяли друг другу. Не может быть, что ты все забыл. Послушай меня! Даже король должен уметь понимать свой народ — включая те случаи, когда его личные желания расходятся с мнением народа. Ты согласен со мной?

Паланс убежденно кивнул, в его глазах мелькнуло понимание. Было такое впечатление, что он пытался преодолеть затруднительный внутренний барьер, который возник помимо его воли и блокировал привычный ход мыслей. Балинор всеми силами пытался воспользоваться этим мимолетным прояснением и воздействовать на еще не совсем измененные пласты сознания.

4 — Пойми, Паланс! Стенмин использует тебя, это — страшный человек. Он способен изменить твою волю и разум. Ты должен понять, что я не враг тебе, не враг своему народу — ведь ты знаешь меня столько лет. Неуже-

ли я мог бы так измениться за короткое время? Я не отравлял нашего отца. Чудовищно даже думать об этом! Я не делал ничего плохого Шерл. Я только хотел помочь...

Его речь была прервана. Огромная железная дверь с лязганьем отворилась, и в ту же минуту на пороге появилась зловещая фигура мистика Стенмина. Его злые глаза изучающе уставились на Балинора.

— Мне послышалось, что ты звал меня, мой король, — поспешно улыбнулся Стенмин. — Ты провел здесь столько времени, что я уже начал было волноваться, не случилось ли у вас что-нибудь...

Какой-то момент Паланс непонимающе смотрел на Стенмина, затем тряхнул головой и быстро пошел к выходу. Балинор был крайне раздосадован. Что-то прежнее, естественное промелькнуло в облике, глазах и поведении его брата, но вторжение Стенмина все испортило: момент был упущен. Сейчас же вошла стража, они мгновенно перетащили Балинора в дальний конец помещения и внесли эльфов.

На пороге Паланс обернулся и с победоносным видом произнес:

— Мои стражники заметили, что около городской стены ты разговаривал с неким капитаном Шилоном из бывшего Пограничного Легиона. Довожу до твоего сведения, Балинор, что он схвачен и брошен в тюрьму. Думаю, теперь он не причинит тебе беспокойства, тем более, что ты вряд ли когда-нибудь выйдешь отсюда.

У Балинора упало сердце. Если капитана Шилона схватили до того, как он успел связаться с Гинниссоном и Фэндвиком, будет чрезвычайно трудно заново сформировать Пограничный Легион, и некому будет от его имени обратиться к народу. Его друзья, несомненно, обнаружат его отсутствие и начнут искать его, но эту тщательно скрываемую часть дворца мало кто знает, и найдут его очень не скоро. Стражники принесли небольшую буханку хлеба и кувшин с водой, оставили один зажженный факел и вышли. Мрачно улыбающийся Стенмин предложил Палансу покинуть эту зловещую темницу. Но Паланс медлил. Снова в его глазах промелькнуло выражение печали, неуверенности и сомнения. Нетвердым шагом он направился вглубь помещения, где теперь был Балинор, и, подойдя к нему почти вплотную, не отрываясь смотрел ему в глаза, будто черпал силу в этом гордом, несломленном гиганте. Внезапно он поднял руку, положил ее на плечо Балинора

и крепко сжал его. Наклонившись почти к самому его уху, Паланс прошептал:

— Я... должен знать. Мне хочется понять... И ты должен помочь мне в этом...

Балинор кивнул в ответ, положил свою большую ладонь на руку брата. И их руки сомкнулись, как прежде, затронув забытые сокровенные струны души. На какой-то миг им показалось, что любовь и дружба, связывающие их с детских лет, никогда не исчезали. Тотчас же Паланс выпрямился и пошел к выходу, где его ждал Стенмин с весьма недовольным выражением лица. Дверь с грохотом захлопнулась, лязгнули засовы, и трое узников вновь остались одни. Начался период нового ожидания, который не давал возможности надеяться на быстрые перемены к лучшему.

Тем временем из самой гущи деревьев в пустынном парке возле моста выскользнула отчетливая тень и стала бесшумно передвигаться по направлению к дворцу Бах-ханнаха. Быстрыми движениями перемещаясь между елями и дубами, тень приближалась к самому дворцу. Около огромных железных ворот, где ярко горели факелы и гордо стояла в карауле бдительная стража, тень внезапно слилась с густой зеленью, обвивавшей высокие дворцовые стены рядом с воротами, и перестала быть видимой.

Через несколько минут можно было увидеть, как тень отчетливо превратилась в широкоплечего мужчину крепкого телосложения, который с необычайной для его фигуры ловкостью подтянулся на обвитой зеленью каменной стене, где было не за что зацепиться, кроме нежной зелени, и стал быстро и ловко ползти вверх, словно по лестнице. Достигнув верхнего края стены, широкоплечий мужчина забрался на него и, изогнувшись, как дикая кошка, бесшумно спрыгнул вниз, приземлившись на мягкой земле среди цветущих кустарников. Внезапно послышались шаги, голоса, и отважный пришелец, затаив дыхание, распластался на траве так, что цвет его одежды почти слился с естественным цветом зелени. Через несколько минут голоса смолкли, шаги начали удаляться, и стало ясно, что это были стражники, совершавшие свои постоянные обходы в прекрасном саду древнего дворца королей Каллахорна. Он неслышно приблизился к небольшому окну в стене дворца, бесшумно раскрыл его и проник внутрь. Лунный свет упал на лицо пришельца и обнажил крупные черты лица Генделя.

Что касается Стенмина, то он допустил один серьезный просчет, когда заточил в темницу Балинора и братьев-эльфов. Вслед за этим ему пришлось упрятать в тюрьму капитана Шилона, чтобы тот не смог выполнить инструкции Балинора, взять под стражу его друзей Мессалина и Актона и совершить еще целый ряд необходимых арестов. Тем не менее, слово Балинора, его известие о вторжении Северной Армии быстро распространилось по городу. И, хотя теперешний король Каллахорна Паланс, который по идее был еще только принцем, твердо уверовал в то, что Балинор и Алланон — заклятые враги и что пришли они сюда с коварными планами, в городе были люди, которые верили Балинору.

Не случайно в город прибыл карлик Гендель. Но прежде, чем обнаружить свое присутствие, он решил выяснить причину исчезновения его друзей, а главной его задачей было найти храброго Балинора и эльфов и предупредить народ Каллахорна о вторжении, если принц Каллахорна не успел этого сделать. По прибытии в Каллахорн Гендель понял, что Балинор ошибался, полагая, что его отец по-прежнему стоит у власти. Все это было не так — в Каллахорне произошли большие перемены. Умный и находчивый карлик также считал, что, если Балинора убьет или пожизненно заключит в тюрьму его ревнивый и коварный брат Паланс до того, как тот успеет захватить трон и собрать прежний Легион, печальная судьба Каллахорна будет практически предопределена. Нужно было любыми способами пробраться к Балинору, и для этой миссии, как никто лучше, подходил Гендель. Алланон все еще бродил по Северным землям в поисках Ши, и у всех остальных были не менее важные дела.

Гендель прибыл в Тирсис на рассвете и, тщательно скрываясь в толпе мелких лавочников, успел узнать кое-что важное. Он узнал, что еще до прибытия Балинора Легион был расформирован, сподвижники и друзья старшего сына короля Каллахорна брошены в тюрьмы, а сам Балинор и братья-эльфы находятся где-то в заточении. Карлик так же с удивлением заметил, что дворец охраняется солдатами, носящими знак в виде сокола. Никогда прежде Генделю не доводилось видеть этот знак. По всему городу патрулировали солдаты, носящие точно такой же знак. Если удастся быстро найти и освободить Балинора, то можно будет взять контроль над городом и скорейшими темпами заново создать Пограничный Ле-

гион. Бедный Гендель не знал, что вступивший на престол Паланс Бакханнах самолично отказался принимать меры для защиты города и населения от вражеского вторжения. Странно, что отпрыск королевского рода не понимал, что в случае, если Тирсис падет, он немедленно потеряет трон.

Между тем Гендель пролез в окно и осторожно прикрыл его, очутившись в небольшом зале, сплошь уставленном бесконечными рядами стеллажей. Это была личная библиотека семьи Бакханнахов, роскошное по тем временам собрание книг, которые в ту пору издавались нечасто и не были сильно распространены. Во времена Великих Войн были уничтожены и дотла сожжены богатейшие библиотеки древности, и лишь немного удалось восстановить. Книги по-прежнему были редкостью и достоянием узкого привилегированного круга людей, неопровержимым свидетельством уровня культуры и просвещения в обществе. Бросив беглый взгляд на книжные сокровища, карлик бесшумно прошел к двери и осторожно выглянул в коридор. Кругом было тихо и пусто. По его убеждению, Балинор и братья-эльфы находились где-то во дворце, скорее всего, в подвале. Оттуда он и начнет поиски. Чутко вслушиваясь в тишину, затаив дыхание, карлик открыл дверь и вышел в коридор.

Генделю не раз приходилось бывать во дворце, когда он в былые времена приезжал к Балинору. Он не знал точного расположения помещений особого назначения, но помнил залы и лестницы, ведущие в многочисленные комнаты дворца, и однажды ему удалось вместе с кем-то спуститься в подвал, где хранились продукты и вина. Вероятно, туда стоит заглянуть как можно скорее. И Гендель, то спускаясь вниз, то поднимаясь по бесчисленным винтовым лестницам, стал целенаправленно отыскивать подвал, под которым, если ему не изменяла память, находились темные и холодные помещения. Несколько раз он был вынужден прятаться под лестницу или искать какое-либо неожиданное укрытие, потому что то и дело раздавались голоса и хлопали двери, да и охранники совершали обходы замка. День клонился к вечеру, время было почти на исходе. Карлик понимал, что если он до темноты не найдет Балинора и не выберется из дворца, то может разделить судьбу уже томящихся в заточении друзей. Снова и снова он с волнением обследовал нижние помещения замка, при этом мучительно вспоминая, что было нечто такое в расположении этих подвальных по-

мешений, что представлялось крайне необычным. Разгадка крылась в расположении... клеток, да, да... лестничных клеток! Они были расположены не по типу винтовой лестницы у края стен, а, наоборот, в центре комнаты. На каждом нижнем этаже в середине комнаты опытный глаз мог различить едва видимый квадрат, который служил потайным люком. Нашупав такой квадрат, Гендель попытался открыть люк, но квадрат не поддавался — по-видимому, здесь был нужен или особый инструмент, или недюжинные силы. Неимоверными усилиями, разодрав в кровь пальцы, Генделю все же удалось открыть крышку люка, под которой была замаскирована тонкая складная лестница. Карлик залез в люк, плотно затворил за собой крышку и, не решившись воспользоваться лестницей, некрепко привязал к ней канат, который всегда носил у пояса, и в одно мгновение съехал вниз — канат тут же отвязался и упал к его ногам. Подобным же образом, не оставляя следов и не пользуясь складной лестницей, Гендель спустился еще ниже. Было пройдено уже два подземных этажа. Повеяло сырым холодом. Кругом было совсем темно, но глаза Карликов, которые поколение за поколением были вынуждены скрываться от людей и света, давно привыкли видеть в полной темноте. Вскоре Гендель ясно увидел узкий коридор и справа от себя — по всей его длине — множество дверей. Все двери были тяжелые, массивные, наглухо закрытые. Подать голос было крайне опасно, он мог эхом разнестись дальше. Стучать или подавать знаки возле каждой двери тоже было рискованно. Поэтому Гендель стал зорко осматривать каждую дверь и пространство перед нею, надеясь, что недавние следы еще не стерты. Внезапно до него донесся громкий шепот, потом тихие голоса, но через несколько минут все стихло. В какой-то момент Генделю, с лица которого от страшного напряжения и неимоверных усилий крупными каплями катил пот, показалось, что у него начались галлюцинации. Услышать голоса, да еще голоса пленников — это было бы поистине большой удачей. Гендель стал внимательно осматривать двери, из которых предположительно могли раздаться голоса. И вдруг... О, чудо, на одной тяжелой металлической двери были явно видны следы масла, что свидетельствовало о том, что дверь и замок недавно открывали. Сердце карлика готово было выскочить из груди, а сильные руки ловко вскрывали замок при помощи хитрых инструментов, которые всегда лежали в его походном мешке. Резким

движением, потянув дверь на себя, он раскрыл ее и... при свете факела увидел встревоженные лица Балинора и братьев-эльфов, которые вскочили на ноги и во все глаза смотрели на отважного пришельца.

Радости не было конца! Короткие минуты смогли вместить целую бурю чувств. Поистине время растяжимо...

Однако медлить было нельзя, и Гендель быстро помог друзьям убрать веревки, связывающие их конечности. Через минуту все четверо покинули зловещее темное помещение и, держа в руках факел, стремительно направились по длинному темному коридору к выходу. Внезапно послышался шум опускающегося каменного блока, который перекрыл им дорогу так стремительно, что узники и Гендель едва успели опомниться. Преграда была непреодолима. Отчаянию всех четверых не было предела. Гендель стоял, опустив голову, не в силах поверить в случившееся. Впереди вновь были длинные часы ожидания.

Глава 26

— А, черт возьми! Это все хлам, все хлам... — свирепея от ярости и недовольства собой, громко негодовал Панамон Крил, пиная ногой бесполезную грудку металла, лежащую на земле. — Тьфу пропасть... Как же он сумел нас так провести? И как я с самого начала не разглядел этот Меч!

Ши подавленно молчал. Потом он медленно побрел к северному краю прогалины и печально стал смотреть в сторону севера, куда, вероятно, убежал гном. Все было потеряно. Шемящая тоска сжимала сердце, на душе было холодно и пусто. Меч, легендарный Меч Шаннара был рядом с ним, а он, Ши, последний представитель славного рода, позволил какому-то проходимцу унести из-под носа этот бесценный фамильный Меч. Оправдания не было. Волна горечи и отчаяния переполнила все его существо. Огромная фигура Кельтцета печально следовала за ними, его глаза внимательно изучали почву под ногами. Ши медленно повернулся к продолжавшему казнить себя Панамону и тихо сказал:

— Тебе не за что упрекать себя. Ты ведь не знал всей правды и не мог даже подозревать... Это мне нужно было быть внимательнее и осторожнее. Мне следовало предположить...

Панамон с досадой покачал головой. Потом он кивнул Кельтцету, и они оба стали разбивать небольшой лагерь, чтобы перекусить и хорошо выспаться этой ночью. Ши машинально наблюдал за ними, не в силах смириться с исчезновением Меча. Он на мгновение представил себе мрачное лицо Алланона, его гнев и досаду, когда он узнает, что Ши почти держал Меч в своих руках и упустил этот шанс... И Ши стало еще тяжелее. Он бессильно опустил голову на траву и закрыл глаза.

Неожиданно из глубины памяти Ши возникла Тень Бремена. Господи! Как же он мог забыть об этом... Ведь Тень Бремена ясно и четко предупреждала их об опасности, таящейся у подножия Драконьих Зубов,— о том, что один из них не дойдет до Паранора, не достигнет другой стороны горы, но зато первым прикоснется к легендарному Мечу Шаннара. Все это было предсказано заранее, но Ши, охваченный нескончаемыми волнениями и трудностями, совершенно забыл об этом. И он почувствовал, сколь жалки и ничтожны все человеческие побуждения и усилия перед лицом могущественной мистической силы. С самого начала Ши ощущал свою полную беспомощность в борьбе с этими непознанными, неведомыми силами, которые пугали простых смертных. Ему не верилось, что он когда-нибудь увидит Меч собственными глазами, и тем больнее было сейчас сознавать горечь и боль свершившегося. Внезапно юношей овладело волнение, словно какая-то сжатая пружина у него внутри вздрогнула и распрямилась.

— Я решил... искать Меч дальше. Мы все должны отправиться на его поиски,— тихо произнес Ши.

— Да, я тоже думал об этом,— горячо поддержал юношу Панамон.— Этот мерзкий гном одурачил меня. Я не успокоюсь до тех пор, пока не перережу ему глотку или не сверну шею.

Его красивое лицо исказилось от гнева, а в глазах застыло выражение горечи и ненависти. В нем говорило оскорбленное достоинство. Его, хладнокровного и ловкого профессионала, сумел обвести вокруг пальца хитрый гном... Его, Панамона Крила, который играючи разбросал в стороны охотничий отряд гномов и не дрогнул при встрече с Носителем Черепа, с этой непостижимой мистической силой... Его обманули... С этим нельзя было смириться. Панамон был исполнен желания найти гнома и расправиться с ним, забрав перед этим у него Меч. Надо сказать, делал он это не ради Ши, не ради сдра-

ведливости, а, скорее всего, ради себя — чтобы восстановить свою попранную гордость, уязвленное достоинство. Ши вопросительно посмотрел на Кельтцета, однако отчужденный вид тролля не давал возможности получить одобрительную или негативную оценку принятого ими решения. Казалось, мысли огромного скалистого тролля бродят где-то далеко отсюда.

— Итак, Ши, настраивайся на боевой лад, — уверенно произнес Панамон. — Мы обязательно схватим гнома — это всего лишь вопрос времени. Будет гораздо хуже, если кто-нибудь опередит нас. Вряд ли найдется человек, который знает Северные земли лучше, чем наш друг Кельтцет. Гном не уйдет от нас. Он будет бежать, долго бежать — ведь ему даже некуда вернуться, потому что он предал свой народ. Не знаю, как к нему попал Меч и какое отношение он сам имеет к нему, но даю голову на отсечение, что он — дезертир и трус.

— Может быть, он является членом отряда гномов, целью которого была доставка Меча лорду Уорлоку, или вообще он был их пленником.

— Вот последнее — вероятнее всего, — мрачно изрек Панамон.

Все трое наскоро перекусили и улеглись спать.

Когда они проснулись, было уже утро. Восходящее солнце нежно золотило верхушки деревьев, воздух был чист и прохладен. И лишь на севере небо было сплошь затянуто мрачными серыми тучами; эта часть утреннего небосклона резко контрастировала со всеми другими частями небесного купола.

— Что-то странное творится на севере. Думаю, нам следует поторопиться, — сказал Панамон, и лицо его приняло необычно серьезное выражение.

На ходу проглотив сухой завтрак, все трое быстро отправились в путь. Кельтцет шел первым, внимательно осматривая тропу, на которой были отчетливо видны следы Орла Фейна. Видимо, хитрый мошенник не слишком заботился о том, чтобы никто не пошел по его следам. Это показалось весьма странным.

Между тем путешественники вышли из леса, и перед их взором раскинулись бесконечные просторы Равнин Стрелехайма. Они прошли еще немного и вдруг остановились в немом изумлении. Прямо перед ними возникло препятствие. С севера на них быстро надвигалась гигантская стена сплошной тьмы, размеры ее были огромны. Начинаясь у самой линии горизонта, эта несокрушимая

стена доходила до середины небосклона и страшной завесой, как гигантский черный занавес, опускалась на землю перед пораженными путниками. Свет совсем исчез, все поглотила тьма. Это была не просто темнота черной ночи. Было что-то зловещее, неземное в этом леденящем мраке, от которого веяло могильной сыростью, скорбью и отчаянием, пустотой и безнадежностью. Кажалось, еще минута, и страшная тьма поглотит их целиком. Сердца путников бешено колотились, руки и ноги перестали им повиноваться. Ими овладел нестерпимый ужас. Это была поистине картина ада, когда, вероятно, люди до конца понимают меру своей беспомощности и неизбежность гибели. Отголоски сознания подсказывали Ши, что в эти края стало перемещаться Царство Тьмы и Холода, страшное, неподвластное человеческому пониманию Королевство Черепов лорда Уорлока, из чего следовало, что наступление Лорда Тьмы началось...

— Господи! Что это?.. — слышался из непроницаемого мрака слабый голос Панамона.

Ши в отчаянии покачал головой. На этот вопрос не было ответа. Это было выше понимания простого смертного. Страшные мистические силы брали верх.

Тем временем на расстоянии нескольких миль впереди, задыхаясь от бега, безуспешно пытался бороться с наплывавшей черной стеной Орл Фейн. Он без устали бежал в северном направлении, все еще опасаясь, что его в любой момент могут настигнуть. Все инстинкты, свойственные разумному человеку, в нем исчезли, уступив место единственному, почти животному инстинкту самосохранения. И в последние недели, как это ни странно, удача сопутствовала ему, подчас воскрешая этого человека из мертвых. Вряд ли можно было назвать его человеком... Он жил среди людей своей расы, которые презирали его, считая подлым и ничтожным. Теперь он находился на вражеской земле, и страх быть пойманным заставлял его мчаться вперед быстрее ветра. Однажды на поле сражения, где его практически никто не видел, Орлу Фейлу довелось услышать рассказ о легендарном Мече Шаннара. Чудодейственный секрет глубоко запал в душу гному. Его удивлению не было предела, когда он узнал, что Меч находится совсем рядом с ним. Он буквально обезумел от непреодолимого желания обладать оружием, сила которого превосходит возможности простых смертных. За последние несколько

лет психика гнома претерпела значительные изменения. Он находился на той зыбкой грани трезвости рассудка, которая граничила с сумасшествием. На него накатывали приступы отчаяния и жалости к самому себе, и тогда он рыдал, как ребенок, громко и безутешно. Ничтожный повод мог вызвать у него безостановочный смех. Очень низкий интеллект и почти бесконтрольное проявление эмоций, жадность, эгоизм и предательство сделали его изгоем в своей стране, с той лишь разницей, что его не стремились уничтожить. И теперь это полубезумное существо, держа в своих руках Меч Шаннара, мчалось вперед навстречу ветру. Орл Фейн знал одно: его собственная жизнь целиком зависит от этого Меча. Он не понимал, как, каким образом Меч может быть полезен ему, но уже одно то, что им мечтали обладать многие люди, а он был у него — уже только это обстоятельство кружило ему голову до безумия и распирало его мелочную, ничтожную душонку.

«Да, да, на север, только на север! Мне надо найти Хозяина, лорда Уорлока», — одержимо думал Орл Фейн и продолжал бежать вперед. Время от времени он останавливался и любовно поглаживал сверкающую сталь древнего клинка. Глаза его загорались диким блеском. «Дураки! Все дураки, кто относился ко мне без уважения! Вы еще заплатите мне за все! Теперь я — и никто другой — являюсь обладателем бесценного Меча. Вы все еще придете ко мне!» — думал про себя Орл Фейн. Наступившая темнота пугала его, но отступить было некуда. У гнома был один путь — только вперед.

Поэтому он, цепenea от ужаса, продвигался дальше. Несколько раз он пробовал оглянуться назад, и всякий раз его взору открывалась страшная картина: атмосфера вокруг представляла собой черные и серые слои, которые были непроницаемы. Кругом стояла мертвая тишина, в темном холодном воздухе чувствовалась сырость. Временами гному казалось, что он замкнут в этом жутком черном пространстве. Однако неведомые силы несли его крепкую фигурку вперед. Через некоторое время он явно почувствовал, что, кроме него, в этом зловещем черном пространстве находятся другие существа. Вначале он воспринимал их как плод своего воображения, но потом, к своему удивлению и ужасу, увидел их воочию и вскоре совсем перестал бояться их. Страх начал проходить, и незаметно Орл Фейн стал неотъемлемой составной частью этого иррационального мира. Он уже не боялся

этих странных существ, которые по внешнему облику напоминали огромных птиц, вот только разговаривали они на человеческом языке. Любому разумному человеку показалось бы, что он попал в театр абсурда. В холодном воздухе, в жуткой пронзительной мгле прыгали, хохотали, хлопали крыльями, кивали человеческими головами, бесновались, неистовствовали, захлебывались от смеха, гигантские черные птицы. Волосы поднимались дыбом при виде этих чудовищных существ, представлявших собой нелепый симбиоз человека и птицы. Впору было лишиться рассудка... Однако и здесь Орла Фейна спас его постоянный сильный инстинкт самосохранения. Он сразу вошел в этот чудовищный мир, приняв его целиком, став его составной частью. Он прыгал вместе с этими необычными птицами, танцевал, даже что-то напевал и... по всей вероятности, его рассудок перестал быть основополагающей частью брэнного тела.

Между тем прошло уже несколько часов, как трое путешественников безуспешно боролись с непроницаемой черной пеленой. В этой сырой мгле любое движение лишалось точности, черный воздух обволакивал все вокруг и создавал впечатление жуткого миража. Зыбкие черные слои воздуха то надвигались на них с устрашающей силой, то на какой-то миг отступали, создавая иллюзию исчезновения. Панамон Крил рьяно шел вперед, желая как можно быстрее вырваться из этого иррационального мира, но временами он останавливался и хватался рукой за горло. Вокруг разливался мертвецкий холод, от которого становилось трудно дышать. Громадный скалистый тролль тоже часто останавливался, с трудом переводя дыхание. Его глаза под мохнатыми бровями тревожно смотрели на охватывающую все вокруг мглу, из которой не было выхода.

Юный житель Долины с трудом шел вперед, понимая, что радужным надеждам пришел конец. Но, как это ни странно, именно в этом промозглом сумраке, среди мертвой тишины к нему вдруг пришла небывалая уверенность в собственных силах. Внутренний голос звал его вперед, убеждая, что силы небесные не допустят его поражения. И сердце юноши, еще недавно трепетавшее от страха и отчаяния, наполнилось силой и уверенностью в том, что они найдут Меч Шаннара. Еще немного усилий — и цель будет достигнута, надо только набраться терпения и выдержки.

— Мы идем через какое-то безумие... Здесь сам воздух пахнет смертью... — в отчаянии произнес Панамон Крил и посмотрел в лицо Ши.

— Мы должны идти дальше, — уверенным и бесстрастным голосом ответил юноша.

Панамон озадаченно посмотрел на Ши, потом, ища поддержку, перевел взгляд на Кельтцета. Он был крайне удивлен тем, что скалистый тролль безмолвствовал. Раньше Панамон всегда находил у него содействие любому своему начинанию, и теперь то обстоятельство, что Кельтцет был явно на стороне Ши, насторожило его.

Любителю авантюрных приключений ничего не оставалось, как утвердительно кивнуть и следовать за жителем Долины. Между тем туман сгушался, и в этой черной мгле их собственные фигуры представлялись зыбкими расплывчатыми тенями. Идти вперед становилось все труднее и труднее. Панамон вытащил из походного мешка длинную крепкую веревку и, привязав один конец к поясу, передал ее Ши и Кельтцету — это был единственный способ не потеряться. И все трое продолжали путь в призрачном темном пространстве. Иногда едкий туман ел глаза, и они слезились, — это напомнило Ши ядовитый туман в тех местах, где они сражались с Болотным Призраком. Зловещий сумрак сомкнулся со всех сторон, и путники могли пробираться дальше только медленно, почти на ощупь.

С каждой минутой их все больше и больше охватывало состояние резкой сонливости. Образы реального мира уходили все дальше, оставляя лишь обрывочные следы в памяти. Иногда им казалось, что голова налита свинцом, перед глазами то и дело возникали видения, все звуки, чувства были приглушены, и подчас они как бы плыли по воздуху, напоминая сомнамбул. Время от времени наступали такие моменты, когда на них нисходило озарение, и они видели далекий реальный мир ясным и хорошо воспринимаемым. Они явственно ощущали на себе теплые лучи солнца, вдыхали свежий аромат зеленой травы, чувствовали на губах соленые морские брызги. Им становилось грустно, хотелось плакать... И тотчас вдали начинала звучать прелестная щемящая мелодия, напоминающая плач о неразделенной любви. При этом все трое испытывали чувство удивительного блаженства. Внезапно радостные, благостные ощущения сменялись мрачными картинками ужаса и смерти. Во всех лицах, которые являлись путешественниками из того, реального

мира, сразу бросался в глаза их звериный оскал. Это были полулюди-полуживотные, бродившие по свету в поисках черной силы и совершавшие ужасные, чудовищные поступки. Глаза и рот этих существ были искажены от страха и ужаса, крылья надрывались в отчаянной попытке взлететь, и они временами изрыгали языки пламени. Потом эти чудовищные картины сменялись пронзительным ощущением близкой смерти. Звучали похоронные гимны, умершие или их тени вставали из гробов и жалобно протягивали к ним руки, зовя в свой унылый загробный мир. Мертвецы окружали их плотным строем. Панамон, Ши и Кельтцет задыхались, дрожь, точно при лихорадке, сотрясала каждый нерв, каждый мускул, а к горлу подступала отвратительная тошнота. Мертвецы пытались прижаться к ним, и при этом путешественники едва не лишались чувств. Ногти их впивались в ладони, сердца сжимались от невыразимого ужаса. Временами они впадали в полное оцепенение и не могли ни крикнуть, ни шевельнуться, ни вздохнуть. Смертельный холод, как коварная змея, проникал в их души. И в тот самый момент, когда сердца всех тронх готовы были разорваться от страха, боли и отчаяния, вдруг... послышалась музыка. Она нарастала... Уже звучал целый оркестр. И путешественники слышали, как в басах разбушевавшегося оркестра, изломанная и до неузнаваемости искаженная, гибла мелодия надежд юности... Вот опять появился призрак смерти — тромбоны выводили зауспокойную молитву. Она тотчас сменилась страстным порывом. В отчаянии все силы брошены против грозного призрака. Он исчез, но и сил осталось мало... Раздавались жалобные всхлипы скрипок, которые словно молили о пощаде. И вдруг сдержанно, твердо и непреклонно зазвучала в оркестре мелодия марша. Это идет человек... Борьба нарастает. Кажется, темные силы побеждают, но нет, марш звучит еще энергичней и неукротимей. Человек должен идти вперед — и он идет, несмотря ни на что.

Внезапно среди полного оцепенения и бессилия, среди одурманивающей сонливости и окутывающего мрака Ши почувствовал, как у него внутри что-то напряглось и больно кольнуло в бок. Неимоверным усилием подняв руку, он принялся искать источник боли, и рука его автоматически легла на маленький кожаный мешочек с камнями Эльфов. Словно какая-то волна подбросила Ши в воздухе. Мгновенно прошла сонливость, дурман отлетел в сторону, в размягшее обессиленное тело стали возвращаться жиз-

ненные силы. К своему величайшему ужасу юноша обнаружил, что лежит, распластанный на земле. Он проверил веревку, привязанную к поясу, — она была на месте. Ши с силой потянул ее к себе, выясняя тем самым, не потерялись ли Панамон и Кельтцет в окружавшем их сонном безумии. В ответ раздались приглушенные стоны. Ши еще раз со всей ясностью осознал, насколько были парализованы их воля, сознание и рассудок этой мертвой мглой... Тряхнув головой, он попытался подняться и окончательно сбросить с себя остатки оцепенения. И на сей раз их спасла магическая сила камней, хотя Ши не доставал их и не просил о помощи. На сей раз было достаточно одного прикосновения к мешочку с заветными камнями, одного мысленного обращения, как камни сами вернули ему волю и трезвый рассудок. Несколько минут Ши понадобилось, чтобы растолкать Панамона и Кельтцета и возродить в них волю к жизни. Эти два сильных человека прилагали огромные усилия для того, чтобы побороть все еще одолевавшую их сонливость, чтобы сбросить дурман и то полубезумное состояние бессилия, беспомощности и отрешенности от внешнего мира, которое еще до сих пор присутствовало в них. Они с трудом поднялись на ноги, их шатало и бросало в разные стороны, но, повинуясь твердой воле Ши, они медленно пошли вслед за юношей.

И все трое направились дальше, с трудом пробираясь сквозь бесконечный мрак и едкий густой туман, разлитый в сыром воздухе. Временами их охватывала непреодолимая слабость, кружилась голова и накатывала сонливость, хотелось без сил опуститься на землю и лежать долго и неподвижно. Но какие-то внутренние импульсы не давали им полностью расслабиться, удерживали от ухода в недавний мир слабости и безумия. Возможно, это сказывалась чудодейственная сила камней Эльфов. И путешественники, стоически преодолевая темноту и сонливый соблазн, который едва не привел их к смерти, двигались дальше. Они почти не разговаривали, лишь однажды Панамон тихо спросил Ши, в правильном ли направлении они идут. Ши только молча кивнул и подумал про себя: «Разве у нас есть выбор? Остается надеяться лишь на то, что нас не подведет интуиция и помогут камни Эльфов.»

Ши представлялось просто невероятным, что Орл Фейн прошел через это черное безумие, через эту бесконечную черную стену с умертвляющими эффектами.

Их было трое, и они оказались на волосок от нелепой смерти. А гном был один... Еще страшнее было предположить, что Орл Фейн погиб, не выдержав этого мертвого безмолвия. Это значит, что Меч Шаннара потерян и вряд ли удастся найти его в этой адской темноте. Ши даже остановился, ему стало плохо при мысли, что Меч снова исчез. А что, если он лежит в нескольких ярдах от них? И юноша похолодел, представив себе, что кто-нибудь другой может найти легендарный Меч рода Шаннара.

Внезапно густая пелена исчезла, непроницаемая черная стена расступилась, и перед путешественниками предстало серое небо Северного Королевства. Еще минуту назад они блуждали в крошечной и безнадежной тьме, не надеясь скоро вырваться из мертвых тисков этой пучины. А сейчас — перед ними расстилалась мрачная и угрюмая земля королевства лорда Уорлока.

Никогда прежде Ши не видел более устрашающей и зловещей земли — с ней даже не могли сравниться пустынные и сводящие с ума просторы Клете и коварно-опасные Черные Дубы на Южных землях. Просторы, раскинувшиеся перед ними, были совершенно безлюдны. Серая бесплодная земля не знала солнечного света, ни один цветок, ни один зеленый кустарник не мог появиться на этой мертвой почве. Земля и застывший воздух были объаты сырым холодом и унынием. Громадные темные валуны беспорядочно громоздились на неровной поверхности земли, усиливая ощущение иррациональности. Реки почти высохли, остатки воды зловеще чернели сквозь клубы серого тумана. Невозможно было найти признаки живой жизни — ни трескотня насекомых, ни оживленное пение птиц не нарушали это устоявшееся мертвое безмолвие. Всюду царили мрак, напряжение и пронизывающий холод. В самом воздухе застыло дыхание смерти. Кругом было тихо, как в склепе. Небо и земля были мертвы. Все это повергало путешественников в гнетущее и тревожное состояние, их сердца все больше и больше наполнялись горестью и тоской, по жилам бежал холод, а душа и сердце ныли, предчувствуя роковую опасность. Без слов было ясно, что они попали в царство Броны, во владения лорда Уорлока.

— Что будем делать? — начал приходить в себя Панамон Крил. — Мы окончательно потеряли тропу и даже не знаем, жив ли гном вообще.

— Будем искать его дальше, — тихо ответил Ши.

— Согласен, хотя сама идея отнюдь не вдохновляет меня. Сражаться неизвестно с кем и с чем — не в моих правилах. Мы едва не лишились жизни и даже не знаем, кто именно пытался нас убить!

Ши кивнул в ответ, отметив про себя перемену в воззрениях грабителя. В его действиях не было прежней оголтелой безрассудности, ему не хотелось тратить свою жизнь или расплачиваться жизнью своих друзей за неоправданную авантюру. Ши посмотрел в глаза Кельтцета, и снова его поразили взгляд тролля, исполненный глубокого понимания, достоинства и внутреннего благородства. Да, все они слишком мало знали об этом огромном скалистом тролле, под грубой внешностью которого наверняка скрывались живой ум и доброе сердце. Ши всем своим существом чувствовал, что Кельтцет не так прост, как кажется, и что весь его облик покрыт тайной.

— У нас ограниченный выбор, — тихо промолвил Ши. — Либо мы идем искать Орла Фейна и рискуем встретиться с Носителями Черепа, либо...

— Нет, только не это! Я не намерен еще раз пробираться сквозь эту ужасную стену, на этот раз мы точно лишимся рассудка, — взорвался Панамон Крил. Лицо его было исполнено негодования, и отнюдь не страх руководил этим сильным молодым человеком. Всю свою жизнь он привык полагаться на собственные силы, тщательно продумывая все рискованные операции. Он был слишком профессионален в своем хитром деле, чтобы полагаться на удачу или судьбу. Панамон Крил всегда тщательно просчитывал каждый свой шаг. Он вновь посмотрел на Кельтцета и не увидел в его умных глазах поддержки. Наступило минутное молчание.

— Ладно, давайте разберем ситуацию, — смягчился Панамон, явно раздосадованный тем, что не нашел понимания у Кельтцета. — Если гному не удалось пройти сквозь этот кошмар, то Меч, возможно, лежит где-нибудь в тумане — и мы можем найти его. Но если ему удалось преодолеть эту зону, то тогда?..

Он замолчал и обвел взором окрестности пустынной земли. В это время Кельтцет уверенным жестом показал на север, где в сером тумане проглядывали вершины гор Королевства Черепов.

— Пожалуй, ты прав, Кельтцет, — горько усмехнулся грабитель. — Этот гном, если он жив, мог двигаться только в одном направлении.

— К лорду Уорлоку? — тихо спросил Ши, почти не сомневаясь в ответе. — Неужели он понес Меч прямо лорду Уорлоку?

И Панамон, и Кельтцет оба согласно кивнули. Ши слегка побледнел при мысли о том, что им придется лицом к лицу встретиться с могущественным Лордом Тьмы, чьи возможности представлялись простому смертному человеку поистине безграничными. Ах, как не хватало им сейчас мудрого и загадочного Алланона, который единственный из живых людей, известных Ши, обладал недюжинными магическими способностями. Оставалась одна надежда — камни Эльфов с их фантастической преобразующей силой. Однако и здесь душу Ши терзали сомнения. Несмотря на то, что камни Эльфов помогли им избавиться от Болотного Призрака, от Носителя Черепа, это еще не значит, что камни поведут себя подобным же образом с Броней. Наверняка, этот изощренный мастер черной магии найдет способ нейтрализовать действие камней. Но об этом думать пока рано и бессмысленно, гораздо важнее выяснить, удалось ли Орлу Фейну пробраться сквозь кошмароподобный туман.

Все трое единодушно решили вначале обследовать пустынную западную территорию, затем восточную часть земли, и в том случае, если они не найдут никаких следов гнома, вернуться опять в черное туманное безумие. При этом Ши заверил Панамона и Кельтцета, что обязательно применит камни Эльфов в процессе поиска. Использование камней, несомненно, обнаружит их присутствие властителям Царства Тьмы, но это будет иметь уже второстепенное значение, особенно если им посчастливится найти Меч Шаннара.

И в тот же момент Ши, Панамон и Кельтцет начали тщательно осматривать местность. Между тем и без того серое небо Северного Королевства стало темнеть. Угрожающий мрак напомнил о том, что с наступлением ночи придется прекратить поиски Орла Фейна. Путешественники шли быстрым шагом, внимательно рассматривая почву под ногами. Внезапно поднялся сильный ветер, который гнал по небу нескончаемый караван мрачных тяжелых туч и поднимал клубы пыли на голой бесплодной земле. Резко повеяло холодом. Надвигалась буря. Земля безропотно застыла в ожидании жуткого ливня. Путники испытывали глубокое отчаяние: ведь любой дождь немедленно уничтожит следы Орла Фейна, и тогда — конец поискам.

Однако на сей раз провидение оказалось благосклонным к ним. Их лица засияли от счастья, когда Кельтцету удалось обнаружить ясные отпечатки следов, которые могли принадлежать только человеку очень небольшой комплекции. Следы были неровные, порывистые, из чего путешественники могли заключить, что гном был либо ранен, либо крайне истощен и едва-едва шел. Они сразу почувствовали прилив сил и бодрости, у них появилась ясная цель, и, забыв об усталости, о недавно пережитом кошмаре в зоне мертвого безмолвия, они устремились вперед по следу Орла Фейна. На какое-то время они даже забыли, что находятся во власти зловещих сил лорда Уорлока. Все трое бесстрашно шли вперед, и путь им освещала надежда. Теперь они знали, что Орл Фейн не уйдет от них и Меч Шаннара рано или поздно окажется в их руках.

Между тем небо стало совсем черным. Послышались первые грозовые раскаты, страшным серебряным блеском сверкнула молния. Стремительный ветер подхватывал клубы пыли и вихрем поднимал их вверх. Путники задыхались, пыль запорошила глаза. И только острый глаз Кельтцета был еще способен кое-как различать следы в этой страшной пыльной буре. Вскоре они почувствовали, что становятся подвластны ветру — идти стало совершенно невозможно, их несло вперед, как щепки. Оставалось одно: найти надежное укрытие и переждать бурю. Ведь кто знает, какие устрашающие размеры она может принять в дальнейшем.

— Нет, мы должны идти дальше. Сейчас не время делать остановку, — прокричал Ши, и его последние слова были унесены ветром.

— Это глупо, — рассерженно крикнул Панамон, и в тот же миг тяжело опустился на одно колено, закрыв глаза руками. Острые мелкие песчинки больно кололи глаза.

И в ту же минуту обрушились гроздья небесного гнева, прорвались бунтом, стихийным и беспощадным. Тяжелые капли дождя с шумом ударили о землю, и сразу вслед за этим густой завесой пошел ливень. Путешественники едва успели опомниться, как сквозь плотную дождевую завесу впереди у склона холма они увидели маленькую скрюченную фигурку, освещенную яркой вспышкой молнии. Все трое застыли в изумлении, не в силах поверить своим глазам. Повторная вспышка молнии снова высветила фигурку, похожую на гнома. Через минуту видение исчезло, а дождь только усилился.

— Это он! Он! — отчаянно закричал Ши, бросаясь вдогонку мелькнувшей впереди тени. Его ноги разъезжались, скользили по вязкой почве, а вокруг бушевали потоки воды. Не помня себя, юный житель Долины ринулся вперед, поскользнулся, упал и, с трудом поднявшись, вновь устремился к показавшейся у склона холма фигурке.

— Нет, Ши! Не надо! — пытался остановить его Панамон. — Кельтцет, беги за ним!

Скалистый тролль ринулся вслед за Ши, который, весь горя от возбуждения, стремительно направился на поиски гнома, владевшего теперь самым важным сокровищем. Ему без труда удалось схватить юного жителя Долины, сжав хрупкую фигуру своей мертвой хваткой. Как ни пытался Ши вырваться из объятий огромного тролля, у него ничего не вышло, да и не могло выйти, поэтому оставалось лишь одно — подчиниться.

Между тем буря достигла своей кульминационной точки. Дождь с неистовой силой хлестал по голой земле, и бурные потоки шумели во всех канавах и рывтинах, смывая мелкую гальку, которая лежала у основания крупных валунов, и теперь, гонимая потоками воды, она покрывала всю землю. Раскаты грома постепенно стихали, но молния сверкала так ярко и ослепительно, что в периоды вспышек местность казалась охваченной серебристым пламенем. Панамон и Кельтцет силой затащили Ши в укрытие между скалами, но он еще долго сопротивлялся, доказывая, что нельзя терять ни минуты. Отчаянию юноши не было предела.

— Я мог схватить его! Зачем вы меня остановили? — раскачиваясь из стороны в сторону и обхватив голову руками, бормотал Ши.

— Ши, успокойся и послушай меня! Это чистое безумие — пускаться в погоню под проливным дождем, да еще в такую страшную бурю. Этот мерзавец ускользнет от нас, а мы лишь напрасно истратим последние силы. Поверь мне, мы все равно настигнем его, как только кончится дождь. Некоторое благоразумие не повредит нам. Я сам привык рисковать, но эта погоня доведет нас до полного изнеможения. Надо переждать!

Эта длинная тирада, столь непривычная для Панамона, возымела свое действие. Юноша стал понемногу успокаиваться, на место гнева и отчаяния пришло привычное чувство спокойного и доброго расположения, тем более,

что в глубине души Ши понимал, что на сей раз Панамон и Кельтцет правы.

Разрушительная сила грозовой бури, казалось, стихла, но дождь шел по-прежнему глухой и плотной завесой. Создавалось такое впечатление, что на всей этой безлюдной земле остались только три живых человека и нескончаемый ливень, который, как божье наказание, без устали хлестал по голой земле. Шум падающей воды, бегущих потоков заглушал шум ветра. Путники с ужасом подумали, что, если дождь до завтра не прекратится, их укрытие и их самих просто смоеет с лица земли. Некоторое время они сидели неподвижно и молча смотрели а плотную пелену дождя, не в силах что-либо предпринять. Потом здравый смысл все-таки взял верх, и они усилием воли заставили выжать промокшую одежду, а чуть позже немного перекусить, чтобы подкрепить оставшиеся силы. Панамон достал из походных мешков тщательно упакованные тонкие теплые одеяла — их было два. Они повернулись к Кельтцету, но тот уже крепко спал, обессиленно вытянув руки вдоль туловища. Ши и Панамон завернулись в теплые одеяла и, прислонившись друг к другу, стали бесстрастно смотреть на неутихающую стихию.

Спать не хотелось, и они стали вспоминать хорошие старые времена, дом и большие дороги, ласковый свет солнца и зеленые просторы спокойной земли. Все это, казалось, было так давно, что уже наполовину забылось. Ши отметил про себя, что в рассказах Панамона уже не было того самолюбования и бахвальства, тон его стал мягче, а повествование — серьезней и глубже. И юноша невольно подумал: когда же этот искатель приключений был искренен, полностью самим собой — сейчас или раньше? Панамон рассказал о своем детстве, юности, о людях, которые его окружали, но на этот раз в его рассказе не было грубых обвинений, злости и недовольства окружающим миром. Вероятнее всего, во внутреннем мире Панамона Крила произошел какой-то надлом или серьезные перемены. Ши, в свою очередь, тоже поведал Панамону о чудесной поре детства, о Флике и о многих других вещах, которые навевали дорогие сердцу воспоминания.

Так они сидели долго, прижавшись друг к другу, разговаривая и одновременно вслушиваясь в непрекращающийся шум ливня, и что-то общее, не поддающееся определению, объединяло их впервые за все время. Они

заговорили о Кельтцете, и оба, наконец, сошлись во мнении, что слава авантюриста и грабителя вряд ли была нужна такому человеку, как он. Никакие ложные выдумки об его прошлой жизни не могли существенно повлиять на впечатление, которое сразу производил тролль. Его гордая осанка и молчаливое достоинство, живой ум во взгляде теплых и внимательных глаз — все это не соответствовало версии об отшельнике. Ради чего он пустился в путешествие, которое, по сути дела, было сродни попытке самоубийства? Ведь он сам родом из этих мест... И почему его узнал Носитель Черепа? Какая связь могла существовать между ними? Нет, здесь была тайна — и в этом не было сомнений. Между тем время шло, и независимо для себя оба молодых человека заснули. Каждому снился свой сон.

Глава 27

— Эй, ты, там! Стой!

Флик весь похолодел, услышав незнакомый пронзительный голос. Некоторое время он стоял в состоянии полного оцепенения, не осмеливаясь оглянуться назад. Бежать было бесполезно, его все равно бы нашли. Осторожным движением переместив руку на пояс, Флик нащупал острый охотничий нож, но не решался вытащить его, видя тень, застывшую за его спиной. Голос, по всей вероятности, принадлежал гному, и, хотя Флик недостаточно знал язык гномов — лишь отдельные слова и фразы, — он сразу понял, что означала его резкая команда.

— Ну-ка, иди сюда и помоги! — сказал гном и громко захохотал.

Флик осторожно повернулся. Перед его глазами действительно стоял гном. Его маленькая грузная фигура изнемогала под тяжестью тарелок и кастрюлек, из которых доносился пряный аромат свежеприготовленного мяса и овощей. Тарелки и подносы с кастрюльками были предусмотрительно закрыты салфетками.

— Давай бери верхний поднос! Ох, слава богу, что я наткнулся на тебя. Еще несколько шагов, и мои силы кончились бы. Черт возьми! Здесь разбила лагерь целая армия. Гм, и я должен кормить их! Для этого нужна целая дюжина гномов... С ума сойти! Но ты, кажется, парень ничего. Справишься?

Гном выжидающе посмотрел на Флика, который, оправившись от первоначального испуга, недоуменно слушал гнома. Флик не совсем понял, о чем тот говорил, однако пронизательному юноше было совершенно ясно, что где-то поблизости располагается военный лагерь и голодные военачальники ждали, когда им принесут обед. Флик не знал, что это за армия, что это за люди, но одно было ясно — ему не стоило показываться всем им на глаза. И в то же время как избежать встречи? Это представлялось невероятным. Если спастись бегством от гнома, это неминуемо наведет на него подозрения, и поисковые военные отряды тут же понесутся по его следу. Флика обуревали лихорадочные мысли.

— Ну, ты идешь? — вывел его из оцепенения громкий голос гнома.

И Флику ничего не оставалось, как молча последовать за беспокойным гномом. Они довольно быстро подошли к большому палаточному городку, где и располагался военный лагерь. У входа стояли два стражника-тролля, оба гигантского роста, похожие на высокие прямые деревья среди густой зеленой травы. Флик весь сжался и стал смотреть себе под ноги, стараясь скрыть лицо. Единственно полезное, что он мог сделать, это как можно дольше оставаться незамеченным и неузнаваемым, выяснив при этом о целях и направлении этой армии. Новый самозванный друг Флика что-то громко крикнул стражникам, видимо, подтверждая безопасность и прямую направленность их появления, и они оба пошли к палатке. На лбу Флика выступил пот, сердце его сжалось от страха, он шел, затаив дыхание, и молил всех святых явить чудо или сделать так, чтобы его приход остался незамеченным.

К удивлению Флика, в палатке было немного людей. Посреди стоял большой деревянный стол, который, по-видимому, предстояло накрыть к ужину. Взад и вперед торопливо сновали высокие фигуры троллей, в их руках были карты или походные вещи. Житель Долины понял, что он попал в общество военачальников троллей, и эта догадка лишила его последнего самообладания. Судьба снова уготовила ему встречу с посланцами Северных земель... В палатке во всех углах лежало оружие, пахло дымом и чьим-то зловещим присутствием. В возбужденном мозгу Флика мелькнула мысль о том, что Носитель Черепа, очевидно, находится в другой палатке. Этой неземной бестии вряд ли необходим ужин, ведь исчадие ада питается чем-то иным...

Через некоторое время Флик убедился, что никто не обращает на него никакого внимания. Тролли помогали организовать быстрый ужин или были просто заняты своими делами. Стол был почти накрыт, и никто, казалось, не видел, что прислуживал им гном довольно большого роста и не с характерной для этой расы внешностью. Вошедшие военачальники сели за стол и, наскоро поглощая пищу, стали оживленно обсуждать планы предстоящего наступления. Между тем Флику удалось заметить в дальнем углу палатки странную фигуру человека, лицо которого было трудно разглядеть в мерцающем свете факелов. В какое-то мгновение Флик принял его за Ши, так как снующие тролли постоянно заслоняли лицо этого человека. И уже в самые последние минуты, перед тем, как уйти, Флик увидел, что на самом деле это был не Ши. Скорее всего, там сидел пленник — мужчина лет тридцати пяти, эльф, с тонкими красивыми чертами лица, на котором застыла печать глубокой грусти, хорошо видимой даже на расстоянии. Флик инстинктивно почувствовал, что это ни кто иной, как молодой король Эльфов Эвентин. У него оборвалось сердце при мысли о том, что теперь народу Эльфов угрожала прямая опасность. Несомненно, была плачевная закономерность в том, что потерял Меч Шаннара, пропал Ши и взят под стражу доблестный и благородный защитник Эльфов король Эвентин. Это означало также торжество зловещих планов лорда Уорлока.

Флик почувствовал на своем плече руку и вздрогнул от неожиданного прикосновения.

— Быстро уходим отсюда, быстро! — шепнул ему гном и потянул за рукав. — Ты еще успеешь на него насмотреться. Он будет здесь.

Флик колебался. К нему вдруг пришла твердая решимость довести до конца только что созревший в его уме план. Надо во что бы то ни стало постараться разговориться или сблизиться с Эвентином. У него даже мелькнула шальная мысль о том, что, может быть, удастся освободить короля Эльфов. Ему, Флику, уже поздно бежать отсюда, отступление отрезано... Значит, надо постараться извлечь максимальную пользу из сложившейся ситуации. Он на минуту представил себе Ши, сидящего в унынии, подобно Эвентину, отчаявшегося получить помощь, и все внутри у него задрожало.

— Идем отсюда, — торопил его гном.

Взяв Флика за руку, он с силой потащил его к выходу, но висевшие за поясом гнома какие-то острые предметы или инструменты больно кольнули его в бок, и Флик непроизвольно вскрикнул. Военачальники встревоженно подняли головы и посмотрели в сторону гнома и Флика. Цепenea от ужаса и понимая, что отвечать надо немедленно, Флик сделал безмолвный жест рукой в направлении Эвентина, а потом указал на дымящиеся тарелки. Тролли переглянулись и, махнув рукой, одобрително кивнули, вновь углубившись в собственные разговоры. Сердце Флика забилось ровнее. Кажется, никто не заметил, что он не гном. Трясущимися руками житель Долины снял со стола тарелку с мясом и овощами и, повернувшись, медленно пошел в дальний угол палатки, где сидел Эвентин. Флик лихорадочно соображал: «Если мне удастся подойти к нему совсем близко, я смогу сообщить, что Алланон находится недалеко отсюда. При мысли о побеге это вселит некоторую надежду.» Флик едва заметно повернул назад голову и, убедившись, что тролли не обращают на него никакого внимания и целиком погружены в обсуждение предстоящих военных действий, быстро приблизился к Эвентину. Сама мысль о том, что на глазах у противника пробраться к королю Эльфов, который был их узником, показалась бы Флику кошмарной и абсурдной, если кто-нибудь несколькими часами раньше сказал бы ему об этом. Но сейчас им руководила великая решимость.

Флик тихо поставил тарелку перед Эвентином. Это был человек довольно большого роста для эльфа и крупного телосложения. На нем была скромная одежда блекло-зеленого цвета, а на груди без труда можно было разглядеть потертый герб рода Элессидил. Его мужественное лицо до сих пор носило отпечаток горечи недавнего поражения, однако в больших умных глазах неугасимо горели огонь надежды и такая яростная решимость, что Флику показалось, его взгляд способен воспламенить любого стоящего рядом человека. От него исходил заряд такой воли, энергии, всеподавляющего воздействия, что Флик невольно сравнил этого человека с Алланом. Да, да, именно с Алланом, потому что даже Балинор — натура незаурядная и лидер от природы — уступал Эвентину в силе почти гипнотического воздействия на людей. Взгляд этого человека проникал в самое сердце и уже не отпускал от себя, подчиняя мысли, внимание и сознание. Никогда прежде Флику не приходи-

лось встречаться с таким человеком, с такой незаурядной личностью.

Всячески пытаюсь отдалить свой уход, Флик взял вилку и воткнул ее в горячее мясо, его глаза неотрывно смотрели на Эвентина. Место, где сидел плененный король Эльфов, было удаленным и затемненным — свет факела слабо освещал их троих. Единственным человеком, который мог что-либо заподозрить, увидеть или услышать, был гном, стоявший почти рядом с жителем Долины. Поэтому малейшая оплошность Флика могла стать роковой ошибкой и для него, и для Эвентина. По мере того, как глаза их встретились, тень легкого любопытства и напряженного внимания пробежала по лицу эльфа. Его тонкие брови едва заметно поднялись. Флик крепко сжал губы, прикусив их до крови, показывая тем самым, что они оба должны хранить молчание и соблюдать полную осторожность. Руки Эвентина до сих пор были связаны, и он не мог есть сам, поэтому Флик начал, не торопясь, кормить его, тщательно обдумывая следующий свой шаг. Теперь король Эльфов, вероятно, ясно понимал, что перед ним отнюдь не гном. Однако вся трудность состояла в том, как начать разговор и не быть услышанным или замеченным. Стоящий рядом гном наверняка услышит любое слово, даже если оно будет сказано шепотом. Он опять с ужасом подумал, что этот пособник дьявола — Носитель Черепа может находиться где-то рядом и его чуткие уши обязательно услышат все сказанное Фликом. Его сердце сжалось при одной мысли о встрече с этим мерзким чудовищем, возможности которого были неограниченными... Однако другой альтернативы не было. И вряд ли ему, Флику, представится еще раз шанс лицом к лицу встретиться с Эвентином. И, собрав воедино всю свою оставшуюся решимость и мужество, Флик, низко наклонившись над тарелкой и наклонившись на вилку кусок мяса, еле слышно произнес одно слово:

— Алланон.

Прожевывая кусок, Эвентин едва заметно кивнул, его глаза понимающе сверкнули, в то время как общее выражение лица носило характер полной отрешенности и индифферентности. И, хотя юноше так хотелось многое сказать Эвентину, он понимал, что не стоит дальше испытывать судьбу. Надо убираться отсюда поскорее, пока зыбкая удача не выскользнула у него из рук. И взяв небрежным движением тарелку с наполовину

съеденной едой, Флик резко повернулся к уже терявшему терпение гному и быстро пошел к выходу. Военачальники-тролли все еще сидели за столом, завершая неторопливую трапезу и оживленную беседу. Флик стремительно вышел из палатки, миновав двух гигантов-стражников. Он все сделал так быстро, что гном, даже если он что-то заметил, вряд ли успел опомниться. Гном шел за Фликом, что-то недовольно бурча на не вполне понятном языке своей расы, а лицо жителя Долины озаряла широкая довольная улыбка человека, который выполнил свой долг и сделал хорошее дело. И юноша скрылся в темноте леса.

На рассвете Северная Армия лорда Уорлока предприняла широкое наступление на юг в сторону Каллахорна. С утра шел проливной дождь, и это вполне убедительное обстоятельство побудило Флика набраться терпения, спрятаться в укрытие и переждать ливень. Вода, несомненно, смыла бы с его лица желтую краску, которую так тщательно нанес Алланон, стараясь придать Флику внешнее сходство с Гномами. Поэтому самое разумное было затаиться, завернувшись в походный плащ цвета зелени, тем более что бежать при дневном свете представлялось небезопасным. К облегчению юноши, скрыться среди разыгравшейся стихии и огромного числа выступивших в поход гигантов-троллей было не так уж трудно. Возможно, будь это теплый солнечный день, тролли не преминули бы воспользоваться возможностью полюбоваться окружающими красотами. Но дождь лил как из ведра, и о второстепенном никто не думал. Все были сосредоточены на главном — организованном и успешном наступлении. Громадная армия троллей направлялась к королевству Каллахорн.

Непогода стойко держалась до конца дня и, как выяснилось потом, еще в течение нескольких дней. Небо было низким и хмурым, тяжелые свинцовые тучи, гонимые сильным ветром, проплывали по нему с необыкновенной быстротой. Иногда ветер стихал, и тогда серые тучи застывали и проливались таким дождем, что все попытки спрятаться от него оказывались тщетными. Земля превратилась в сплошное грязное месиво. Временами дождь становился редким, и казалось, с неба изливается сама меланхолия, не оставляя никаких надежд на значительное просветление. В воздухе постоянно присутствовали холод и сырость. Тролли, промокшие за все эти дни непогоды, были раздражены и с мольбой смотрели на низкое серое

небо, которое — увы! — не предвещало радужных перемен. Вначале Флик сидел в укрытии, но, когда огромные колонны низкорослых троллей двинулись на юг, у него созрел план: идти незамеченным вместе с ними, растворяясь в огромной массе наступающей армии. Это было нетрудно, потому что проливной дождь исключал возможность идти четкими стройными шеренгами, и Флик незаметно пристраивался то к одной колонне, то к другой. Однако и эти перемещения требовали от Флика крайней сосредоточенности и осторожности, так как, несмотря на то, что внешние проявления воинской дисциплины были несколько ослаблены из-за погодных условий, все тролли соблюдали порядок. На какой-то миг Флику показалось, что это четкое выступление войск в разгул ужасной стихии направлялось зловещими силами Носителей Черепа или железной волей лорда Уорлока. Но, как бы то ни было, юноше удавалось остаться незамеченным, и постепенно приближался момент, когда Флик рассчитывал немного отклониться в сторону и пойти навстречу Алланону.

К концу дня Северная Армия достигла размытых берегов верхнего течения реки Мермидон, она остановилась как раз напротив островного города Керна. Пришлось делать большой привал. Военачальники троллей быстро сообразили, что после затяжных дождей река разлилась и пересечь ее будет возможно только с помощью огромных плотов, которые им предстояло построить — а это требовало времени, по крайней мере, несколько дней. Они надеялись и на то, что к тому времени немного спадет вода, и это даст возможность армии благополучно переправиться на противоположный берег. А в это время на другом берегу, в самом центре города Керн, Меньон Леа спал в доме Шерл Равенлок. Население города с ужасом смотрело на значительные скопления воинских частей, и некоторых людей охватывала паника. Они понимали, что у Северной Армии есть несколько главных целей, одна из которых — Тирсис, а попасть в него можно только в случае взятия островного города Керна. Учитывая масштабы города и малочисленность войск, охранявших город, посланцы Северных земель понимали, что сделать это будет нетрудно. Город неминуемо падет, лишь разлившаяся река и жестокая непогода отдаляла этот момент.

Однако, что касается Флика, то он ничего не знал о событиях, разыгравшихся по ту сторону реки Мермидон. Его мысли были целиком сосредоточены на предстоящем

уходе. Дождь все еще шел, и Флик начал нервничать. Он не решался идти в одиночку в такую страшную непогоду. Но оставаться здесь, в самом логове врага, было еще опасней. Уже началось вторжение в Южные земли, впереди предстояла битва с Пограничным Легионом Каллахорна, и Флик приходил в ужас при одной мысли о том, что его могут втянуть в эту битву как гнома, заставив воевать против своих друзей. Это было бы чудовищно.

Флик очень изменился с тех пор, как впервые на лесной тропе встретился с Алланом. За это время у него появилась какая-то внутренняя сила, твердая воля, выдержка. Он сам чувствовал происшедшие в нем перемены. Это было не просто возмужание. Только за последние сутки ему пришлось пройти через опасное испытание, которое потребовало от него величайшего присутствия духа, смелости и риска. Даже бывалый боец пограничных территорий Гендель мог бы позавидовать мужеству и хладнокровию жителя Долины.

В самом начале единственной причиной, побудившей Флика отправиться в замок Паранор, был только Ши. Юноша хотел быть рядом с братом, помогать ему, оберегать его, где бы он ни оказался. И долгое время Ши со своей глубокой эмоциональностью на протяжении их похода оказывал определенное воздействие на рационального, пессимистически настроенного Флика. Теперь брата не было рядом, как и не было каких-либо свидетельств по поводу его местонахождения. Ни Флик, ни его друзья даже не знали, жив Ши или мертв, не теряя при этом надежду все-таки отыскать его. Если он жив, ему тоже далеко не сладко — один в чужом, неизвестном ему мире, где отсутствуют обычные человеческие ориентиры и ценности, где все подвластно бесконтрольному действию мистических сил. При мысли о брате у Флика снова сжалось сердце.

Между тем, пока огромные полчища Северной Армии располагались на берегу реки Мермидон, Флик, расстроенный и подавленный нескончаемым дождем, пробирался вглубь вражеской орды. Дождь обезличил все вокруг. На головах троллей были низко надвинутые капюшоны, и лиц практически не было видно. Одинаковые крупные фигуры бесшумно передвигались по скользкой земле, и никто не удивлялся, видя маленькую по сравнению с ними фигурку гнома, тем более что лица Флика, на котором дождь еще не окончательно смыл желто-ме-

довую краску, почти не было видно. Флик старался как можно лучше запомнить расположение воинских штабов, соотношение сил между отрядами, узнать основные направления ударов и другие тактические секреты. Это все он хотел рассказать Алланону на тот случай, если придется организовывать побег Эвентина.

Флик без труда нашел ту палатку, где ужинали и обсуждали свои планы тролли-военачальники и где томился взятый в плен король Эльфов Эвентин. Палатка стояла мокрая и темная, в ней отсутствовали какие-либо признаки жизни. Заглянуть внутрь представлялось чересчур рискованным делом, и Флику приходилось теряться в догадках, там ли находится Эвентин или его давно перевели в другое место. И, что самое страшное, юноша не знал, жив ли король Эльфов вообще. И, хотя у входа в палатку все так же неподвижно, под проливным дождем стояли два стража-тролля, это не вселяло никаких радужных надежд. Постояв несколько минут возле палатки, Флик незаметно исчез, затерявшись в толпе высоких троллей.

Погода продолжала оставаться такой же хмурой, и, судя по состоянию облаков, перемены к лучшему ожидать было нельзя. И тогда Флик пришел к твердому убеждению: ждать дальше счастливого случая для встречи с королем Эльфов бессмысленно, нужно немедленно уходить и постараться найти Алланона. Правда, он не имел ни малейшего понятия о том, где сейчас находится Алланон, — он мог только предполагать, что вдохновитель их похода либо движется параллельно наступающей армии, либо следует за ней, но в том, и в другом случае искать его следует на пути к Каллахорну. Задача Флика осложнялась еще и тем, что день угасал и найти Алланона в темноте, под проливным дождем, конечно, было чрезвычайно трудно. Вместе с тем были и обстоятельства, благоприятствующие жителю Долины. Последние дни убедили его, что он мог смело передвигаться по лагерю армий Северного Властелина, не очень опасаясь быть узнанным. В довершение этого начал сгущаться туман, облегчавший его задачу. По мере того, как он шел, мысли Флика вновь вернулись к Ши. Первая задача, поставленная Алланоном, была решена: он проник под видом гнома в стан врагов. Но вот узнать что-либо о судьбе брата ему не удалось, и это делало бессмысленным тот риск, которому он подвергался. Однако он встретил Эвентина, дал знать ему об Алланоне, и поэтому считать

его поход полностью безрезультатным было все-таки нельзя. Чтобы добытые им сведения об Эвентине могли принести пользу, ему было необходимо срочно найти Алланона и затем совместными усилиями устроить побег короля Эльфов. Но что будет с Ши, пока он будет заниматься Эвентином? И кто нужнее сейчас — Ши или Эвентин? Конечно, нужны оба. А вдруг Эвентин знает, где находится Ши? Эти мучительные вопросы не давали покоя Флику.

Между тем наступила ночь. Скинув с головы капюшон, Флик оглянулся. Ночь была сырой и непроницаемо темной — как раз такой, какая была нужна для задуманного им рискованного предприятия. Вряд ли когда-нибудь еще ему представится такая благоприятная возможность. И в голове Флика созрел отчаянный план. Он решил пока не искать Алланона, а попытаться еще раз увидеться с Эвентином, поговорить и, если удастся, самому освободить его. Конечно, это было сумасшедшим предприятием — только человек, лишившийся рассудка, мог думать об этом. Тролли сразу же убьют его, при первой же попытке увидеть короля Эльфов. Но Флику были дороги и Ши, и Эвентин, а последний к тому же мог пролить свет на тайну исчезновения брата и многие другие вещи. И Флик решился осуществить свою безумную затею. И, действительно, разве ему не удалось увидеть Эвентина в первый раз, вопреки всякой логике. Конечно, это был слепой случай — а может быть, это воля судьбы, ее подарок? Так не попытаться ли еще раз? Голова Флика пылала, хотя он весь промок и замерз: усилия последних дней привели к тому, что он был близок к истощению всех своих нервных и физических сил. Он был один, он потерял счет времени и не ощущал пространства. Однако он стремился к высокой цели, и это придавало ему необыкновенные силы, делало острым его ум и вдохновляло на настоящий подвиг. Невольно Флик представил себе, как довольно усмехнулся бы Меньон Леа, который всегда недооценивал его, и тут же подумал с сожалением о том, как недостает ему сейчас храброго и гордого юноши. Однако время неумолимо текло. Настала пора действовать.

Занятый этими невеселыми мыслями, Флик даже не заметил, как ноги сами привели его к палатке, в которой он встретился с Эвентином. Несмотря на туман и грязь, житель Долины безошибочно узнал ее. Внезапно его одолели сомнения. Даже если он проникнет в палатку и спасет Эвентина, и они бросятся бежать, не почувствует

ли это Носитель Черепа (а это отвратительное существо наверняка скрывается где-то поблизости) и не бросится ли в погоню — и тогда положение станет еще хуже. Но нет, прочь сомнения. Нужно действовать, говорил себе Флик. Лишь бы Эвентин был в палатке!

Глубоко вздохнув, Флик решительно отбросил прочь терзавшие его мысли и твердым шагом двинулся вперед. Вскоре он приблизился к палатке, которую с каждой минутой все плотнее окутывали клубы густого тумана, сквозь который с трудом можно было различить высокие фигуры троллей-стражников. Глубоко надвинув капюшон и обнажив короткий охотничий нож — свое единственное оружие, — Флик направился к тому углу палатки, в котором, по его расчету, находился Эвентин. Остановившись, он замер и несколько минут прислушивался к звукам, доносившимся из палатки. К своему удивлению и радости житель Долины явственно услышал дыхание спящих троллей, храп и посвистывание... Было бы весьма соблазнительно незаметно проскользнуть в палатку мимо охранявших вход троллей — но Флик, после краткого размышления, отбросил эту идею. Даже если бы он обманул бдительных стражей, пробираться в темноте среди спящих троллей было бы слишком опасно. Еще и еще он мысленно проверил, правильно ли он определил место, где должен был сидеть привязанный к стулу Эвентин. Наконец, решившись и страшно волнуясь, Флик медленно поднял острый охотничий нож и вонзил его в намокший брезент палатки.

Впоследствии он не мог вспомнить, как долго это длилось. На лбу его выступил холодный пот, сердце бешено колотилось в груди, но рука, повинаясь внутреннему голосу, продолжала резать ножом толстый брезент. Казалось, что это длится бесконечно долго, пока он сделал разрез длиной три фута. Он безумно боялся, что треск разрезаемой ткани может разбудить спящих троллей. Только бы этого не случилось! Каждый звук в уснувшем лагере казался ему звуком грома, и от страха быть обнаруженным у него подкашивались ноги и кружилась голова, каждое мгновение казалось ему часом. На карту была поставлена не только его жизнь, но и успех всей операции, жизнь Эвентина, а возможно, и жизнь Ши. Между тем вокруг все было тихо и спокойно, никто не нарушал одиночества Флика. В какой-то момент ему даже показалось, что он один — один на всем свете — сидит около намокшей палатки.

Наконец вырезанный им длинный лоскут пропитанного водой брезента упал к его ногам, как бы приглашая войти внутрь палатки. Осторожно ощупав руками края отверстия, Флик просунул голову внутрь и убедился, что никто не проснулся. В палатке царила крошечная тьма. Двигаясь медленно и контролируя каждый шаг, юноша вскоре оказался внутри палатки. Подождав несколько секунд, пока глаза привыкли к темноте, он сделал несколько осторожных шагов и внезапно замер. Но испуг был напрасным — это заворачался во сне один из троллей. Повернувшись на другой бок, он тут же опять захрапел, причем еще громче. В палатке снова стало тихо. Тролли спали глубоким сном. Похожий на изготавившуюся к прыжку рысь, Флик стал пристально, до боли в глазах, вглядываться в лица спящих, стремясь отыскать короля Эльфов. Царящая в палатке темнота сильно осложняла эту задачу.

Казалось, прошла целая вечность, пока его глаза привыкли к темноте и он стал более или менее отчетливо различать черты лиц спящих троллей, тела которых были завернуты в теплые шерстяные одеяла. Наконец, с изумлением и величайшей радостью он заметил, что один из спящих лежит около стула, а размеры его тела несколько меньше размеров тел огромных троллей. «Неужели?» — подумал Флик, и сердце его замерло. Нет, этого не может быть — это было бы слишком хорошо. Его глаза впились в спящую фигуру, со лба градом стекал пот, внутри все дрожало от нечеловеческого напряжения. Ошибка могла слишком дорого обойтись, и Флик медлил, страшась разбудить тролля. Но тут, словно почувствовав пристальный взгляд, как бы поддаваясь гипнотическому внушению, спящая фигура зашевелилась. Флик замер. Голова его раскалывалась от противоречивых мыслей. Один внутренний голос советовал ему немедленно бежать, оставаться дальше было крайне опасно. Но второй, более сильный, голос советовал остаться, так как другого такого шанса больше не будет, и, если Флику повезет, он выполнит свое высокое предназначение, спасет свой народ. И Флик решил довериться судьбе. Сомнения, страх, колебания были столь сильны, что он мог потерять рассудок. Спасая его, природа стерла из его памяти эти страшные минуты: как выяснилось впоследствии, он не мог вспомнить всех деталей этого ночного приключения. Но сейчас, один на один с врагами, юноша ощущал сокращение каждого своего мускула, каждое движение стоило ему невероятного

эмоционального напряжения. Временами ему казалось, что он теряет сознание,— но происходило чудо, и воля, решимость и хладнокровие вновь возвращались к нему. Он забыл обо всем на свете. Его мозг, сознание и чувства реагировали лишь на два раздражителя: спящих троллей и Эвентина. Казалось, весь мир сосредоточился только на этих двух объектах, зато их-то Флик ощущал всем своим существом. С кошачьей ловкостью перешагнув через несколько распростертых на сухом полу тел, он окончательно убедился, что рядом со стулом лежит король Эльфов Эвентин. Эвентин уже не спал, его темные глаза внимательно и беспокойно следили за приближающимся юношей. Когда Флик подошел вплотную к королю Эльфов, его нож несколькими быстрыми и точными движениями бесшумно перерезал толстые веревки, связывающие руки и ноги Эвентина. И вот наконец великий эльф свободен от пут! Через мгновение две темные фигуры быстро, но осторожно устремились к отверстию в стене палатки, прорезанному Фликом. По дороге Эвентин внезапно наклонился и взял что-то у спящего у его ног тролля. Движение Эвентина было столь стремительным, что Флик не успел рассмотреть, что именно взял эльф. Оказавшись снаружи палатки, они внимательно осмотрелись. Все было тихо и спокойно, и лишь монотонный шум дождя нарушал безмолвие этой ночи. Дальнейшее их действие отличалось быстротой и бесшумностью. Прежде всего они подняли и кое-как закрепили вырезанный Фликом лоскут палатки, так что издали заметить ее повреждение было трудно. После этого оба смельчака стремительно стали удаляться от палатки. Через минуту Эвентин остановился, тепло улыбнулся Флику и протянул ему руку, которую тот с радостью пожал, облегченно улыбнувшись,— его безумная затея удалась. При этом оба они не проронили ни слова.

Итак, Эвентин был похищен в самом логове врагов. Пожалуй, это был величайший момент в жизни Флика Омсфорда. Он чувствовал, что самое страшное уже позади и скоро Эвентин опять станет свободным человеком. Но в это время послышался громкий шум, и за деревьями замелькали чьи-то крупные фигуры. Эвентин выпрямился и приготовил к бою длинный меч. Несмотря на охвативший его ужас, Флик также судорожно сжал в руке свой охотничий нож. Перед беглецами оказались три вооруженных тролля. К немалому удивлению Флика, Эвентин неожиданно приветственно помахал троллям

рукой и стал что-то говорить им на их языке. Услышав звуки родной речи, тролли опустили пики и подошли к ним — и здесь Эвентин, продолжая говорить что-то приветственное, внезапно резким движением поднял меч и с силой опустил его на голову одного из троллей. Флик быстро оценил ситуацию и прыгнул на второго тролля, вонзив свой нож в его горло по самую рукоятку. Нападение было столь стремительным и молниеносным, что обе жертвы не успели ничего понять. Практически мгновенно два тролля лежали на земле, не подавая признаков жизни, не успев издать даже предсмертного хрипа. Но в это время опомнившийся третий тролль с диким криком бросился на Эвентина. Его острый меч, без сомнения, пронзил бы короля Эльфов, и только необыкновенная ловкость и гибкость помогли тому избежать верной гибели. Меч тролля только скользнул по плащу короля, а тролль тут же получил страшный удар меча Эвентина. Огромное туловище тролля рухнуло в грязь рядом с трупами его двух товарищей. Воцарилось молчание. Флик стоял с белым, как мел, лицом и с ужасом смотрел на тела мертвых троллей, а раненный в плечо Эвентин — меч тролля все-таки задел его — пытался остановить кровь. И в тот же миг оба услышали голоса совсем рядом с ними.

— Куда идти? — шепотом спросил Эвентин, сжимая здоровой рукой свой длинный окровавленный меч.

Не зная, что сказать, и не желая терять ни секунды на объяснения, юный житель Долины подхватил Эвентина под локоть и быстро пошел с ним в густые заросли орешника, пытаясь скрыться от врагов. А сзади уже совсем отчетливо слышались голоса, приближавшиеся с каждой минутой. На тропе позади беглецов появились два тролля — по-видимому, их привлек крик убитого тролля, и они обшаривали окрестности, пытаясь выяснить причину тревоги. Тролли были настолько близко, что беглецам пришлось низко нагнуться, а Флику показалось даже, что он перестал дышать. Однако это не помогло, и компаньоны вскоре с ужасом убедились, что их убежище открыто. Охранники-тролли затрубили в горны, и тотчас же ночной сон армии Северных земель был прерван. Со всех сторон донесся шум, издаваемый просыпающимися солдатами, и звон оружия. Поднятые сигналом тревоги, воины через несколько минут были готовы к бою. Сражаться с целой армией было бесполезно, и единственным разумным выходом было бегство — бегство в ночь, которая

помогла бы двум несчастным затеряться в лесу. Флик понял это первым и бросился в чащу леса, понимая, что в крошечной тьме ночи едва ли кто-нибудь из троллей сможет их отыскать. Флик бежал без оглядки, понимая, что спасение заключается только в скорости реакции, и надеялся, что Эвентин не отстанет от него. Так и было на самом деле. Оба они стремительно бежали в отчаянной надежде найти временное убежище от полчищ преследователей и хотя бы на время укрыться в нем. Дело осложнилось тем, что плечо у Эвентина кровоточило все сильнее и это замедляло их быстрый бег. Внезапно впереди раздался шум шагов, и перед ними, как из-под земли, выросли четыре гнома. Флик и Эвентин поняли, что их ожидает очередной бой. В темноте, под проливным дождем раздавались глухие удары рук и ног. К счастью, гномы не были вооружены. Однако утомленные предыдущими схватками беглецы и в этих условиях не могли оказать серьезного сопротивления. Удары сыпались на них со всех сторон. Тела шестерых бойцов сплелись в смертельной схватке, и только отчаянное желание победить помогло жителю Долины и королю Эльфов выстоять в этой жестокой схватке. Напуганные отчаянным сопротивлением, гномы отступили. Но победа далась недешево — Флик почти терял сознание от усталости. Тем не менее, он услышал шепот Эвентина, который говорил:

— Ты должен найти правильный путь. Иди спокойно, не беги, иначе ты привлечешь к себе внимание. Не торопись, успокойся. А теперь — вперед!

Эти ободряющие слова король Эльфов сопровождал дружеским пожатием руки Флика, он помог ему встать и обнял здоровой рукой. Встретившись со взглядом Эвентина, Флик почувствовал новый прилив сил — казалось, глаза эльфа излучали необыкновенную энергию. И они устремились вглубь лагеря. Двигались они, следуя совету Эвентина, спокойно, и к их глубочайшему удивлению на них никто не обращал внимания. Видимо, тролли были уверены, что сигнал тревоги предупреждал их об опасности извне, и полностью были заняты подготовлением к бою с внешним врагом. Шум и суматоха, свойственные военному лагерю, когда его обитатели готовятся к отражению нападения, как нельзя лучше помогали компаньонам незаметно пробираться среди врагов. Это обстоятельство ободряло беглецов, но вскоре плечо Эвентина стало кровоточить еще сильнее, он

побледнел, а походка его стала неровной — сказывалась потеря крови. Взглянув на своего спутника, Флик встретился, замедлил шаг и пошел рядом с Эвентином, пытаясь незаметно поддерживать его. Тем не менее, оба героя довольно решительно шли по самому центру вражеского лагеря, надеясь на благоприятный исход их приключения. К этому времени дождь прекратился, но туман сгустился еще больше. Ободренные этим обстоятельством, Флик и Эвентин продолжали свой опасный путь, полагаясь на туман и везение.

Наконец, они достигли края лагеря. К этому времени тролли закончили приготовление к бою, шум стих, и с минуты на минуту можно было ожидать, что стройные колонны воинов двинутся в наступление. В этих условиях обнаружить двух беглецов было бы очень легко — отлично понимая это, Эвентин прибавил шаг. Он прекрасно сознавал, что если бы им удалось достигнуть границы Керна, или добраться до укрытий в длинной цепи Драконьих Зубов, в крайнем случае — до лесов, окружающих эти места, то они были бы в безопасности. Но армия троллей была готова выступить в поход через несколько минут, а на то, чтобы оказаться в безопасности, им потребовалось бы несколько часов — к тому же Эвентин чувствовал, что его силы на исходе. Надо было спешить, но риск быть узнанным при этом резко возрастал. Тем не менее, они стали двигаться быстрее, надеясь, что их укроет туман. Миновав один из сторожевых отрядов троллей, компаньоны вдруг услышали строгий окрик. Эвентин тут же ответил им что-то ободряющее на их языке, и оба спутника торопливо зашагали дальше. Окрик напугал их, они пошли еще быстрее, стремясь поскорее исчезнуть из вида отряда троллей, настороженных их появлением, — и вдруг оба явственно услышали топот бегущих солдат. Видимо, началась погоня. Ситуация стала угрожающей. Несколько молодых, отдохнувших воинов мчались за усталыми путниками — истекающим кровью Эвентином и измотанным бесконечными трудностями Фликом. В другое время ловкие и сильные компаньоны легко бы оторвались от преследователей, но теперь это было невозможно — единственной их надеждой было найти надежное укрытие, затанься в нем и хотя бы на некоторое время восстановить свои угасающие силы. Положение беглецов было критическим. Тяжело дыша, собирая последние силы, на пределе физических возможностей, они бежали вперед, почти не различая дороги.

Перед ними был только туман, а под ногами — скользкая мокрая трава. Все остальное: лес, горы, люди как бы перестали существовать для них.

Внезапно из темноты прямо на них выскочил тролль. Он прыгнул на Эвентина, который не ожидал нападения и упал на землю. В руках тролля сверкнула сталь клинка, и его меч вознесся над Эвентином. Флик замер от ужаса и невольно закрыл глаза, ожидая неминуемой смерти короля Эльфов. Казалось, ничто не могло его спасти. Однако Эвентин нечеловеческим усилием воли мобилизовал свои силы, почти звериным движением изогнулся и отпрянул в сторону. Меч тролля вонзился в землю. Но потрясенный Флик не видел этого — ожидая неизбежного конца, он без чувств упал на землю рядом с королем Эльфов. Видимо, в темноте тролль посчитал, что убил обоих противников, — он даже не взглянул на свои жертвы и огромными прыжками понесся к своему отряду. Только это и спасло компаньонов.

Первым пришел в себя житель Долины. Приподнявшись, он на коленях подполз к Эвентину, который лежал без движения с закрытыми глазами, и потрогал его за плечо.

— Нет, нет. Дальше я идти не смогу. Это все, — слышался хриплый голос эльфа.

В довершение трагедии где-то в темноте, недалеко от них, слышались крики троллей. «Нас догоняют — это конец», — подумал Флик. Неописуемый ужас и горе охватили его. Сколько сил было затрачено на это смелое предприятие, успех был так близок — и вот все кончено, они терпят полное поражение. Отчаяние было столь велико, что Флик потерял самообладание, — и, собрав последние силы, он во весь голос закричал в темноту ночи:

— Алланон! Алланон! Алланон!

Это был последний призыв полностью отчаявшегося человека.

Этот призыв растаял в ночи. Снова пошел дождь, размывая и без того сырую землю. До рассвета оставалось не менее часа. Потерявший всякую надежду на спасение Флик на коленях подполз к лежащему без сознания Эвентину и прислушался. Неподалеку продолжали звучать голоса троллей, но, как бы в насмешку над овладевшим им страхом, они не приближались к ним. Поблизости никого не было видно, скорее всего, их не обнаружили. В этот момент Флик с горечью подумал: если он погибнет, то так ничего и не узнает о судьбе Ши — жаль, что

он так и не помог ему. Нечеловеческое напряжение последних часов принесло свои плоды. Флику стало казаться, что среди троллей появился Ши. «Они нашли его», — холодея от этой мысли, подумал Флик и попытался вскочить на ноги.

Внезапно прямо перед ним, преграждая дорогу приближающимся троллям, взвился вверх чудовищный огненный смерч. Этот взрыв пригнул Флика к земле. За первым взрывом последовало еще несколько, море огня, как пылающий занавес, разделило жителя Долины и троллей. Чудовищная сила взрывов колебала землю, горела трава, столбы пламени поднимались в небо. Казалось, наступил конец света. Разыгравшаяся огненная стихия сопровождалась гулом и треском, напоминавшим извержение вулкана. Грозное явление было настолько неожиданным, что Флик в изнеможении закрыл глаза и приготовился умереть. Ему даже стало казаться, что он попал в ад и теперь его ждет смерть мученика. Между тем стихия не унималась — все новые столбы пламени взмывали в небо, озаряя все вокруг багровым светом и будоража тишину ночи треском горящих деревьев.

Через несколько минут этот неожиданный фейерверк стал утихать, как будто у его устроителей закончились пиротехнические средства. Необыкновенное зрелище существовало так недолго, что почти бездыханный от ужаса Флик невольно протер глаза. К его удивлению, вновь пошел дождь и стал сгущаться туман, а ночной воздух опять стал холодным и промозглым. Казалось, необыкновенного катаклизма не было вообще. Стих и шум пожара — слышался только мерный шум дождя, шуршание мокрой травы и ропот листвы, сбрасывающей капли. Все происшедшее казалось сном — но сном ярким, как реальность.

Пережитые события были так необычны, что Флик был склонен считать, что он умер, а душа его находится в потустороннем мире — это объяснило бы все происшедшее с ним. Однако в его мозгу работал центр, ведающий сознанием, способным видеть и слышать. Подчиняясь его импульсу, Флик поднялся и огляделся вокруг, пытаясь разобрать что-нибудь в темноте ночи. Раздались чьи-то приближающиеся шаги, и из сплошной стены тумана и дождя вдруг появилась огромная черная фигура, закутанная с ног до головы в развевающийся плащ. Фигура широкими шагами направилась прямо к Флику и Эвентину. И, хотя она страшно напоминала кого-то, Флик с отча-

янием подумал, что это явился сам ангел смерти и настал его последний час. Юноша приготовился расстаться с жизнью — теперь уже окончательно.

Немея от ужаса, не в силах пошевелиться, он бросил последний взгляд на приближающегося гиганта... Слезы градом брызнули из его глаз. От изумления он не мог ни пошевелиться, ни вымолвить ни слова. В зловещей фигуре, несмотря на струящиеся слезы, Флик узнал великого путешественника, своего друга, знаменитого Алланона.

Глава 28

Уже наступил рассвет, и нежные золотистые лучи утреннего солнца заиграли на голубом небе, когда последняя группа беженцев из островного города Керна вошла в ворота великой внешней стены города Тирсис. К этому времени рассеялся серый густой туман, развеялась тяжелая пелена свинцовых туч на небосклоне, так долго державшаяся последние дни. Правда, зеленые поля, луга и леса еще были мокрыми, так как земля не успела впитать несметное количество влаги, которое выпало на нее в это время. Наконец-то на небе сияло солнце после такого сильного ненастья, и все вокруг предвещало радостные перемены. В течение многих часов в Тирсис прибывали огромные толпы людей — отчаявшихся, взволнованных, но уже испытывающих радость спасения — ведь самое страшное осталось позади. Все они понимали, что их родной город будет уничтожен, хотя только немногие из них знали, что он уже подожжен.

Эвакуация жителей обреченного города закончилась успешно, несмотря на то, что все его жители лишились крова. Они все-таки радовались тому, что остались живы, что спасены их дети, что на небе для них сияет солнце и они находятся в относительной безопасности. Главное заключалось в том, что врагам не удалось воспрепятствовать массовой эвакуации, они не смогли вовремя обнаружить ее начало. Жители города были благодарны солдатам, в результате смелых действий которых внимание врагов было отвлечено имитацией широкомасштабного наступления. Конечно, спустя некоторое время военачальники Северной Армии все же поняли, что военные действия противника — это ловко придуманная уловка,

чтобы сбить их с толку, что город практически эвакуирован и их коварный замысел не может быть реализован.

Меньон Леа вошел в город одним из последних. За последние дни он окончательно вымотался из сил. Совершая десятимильный переход от реки к Тирсису, он обнаружил, что на его ногах открылись еще не зажившие раны. Обессиленный, так много переживший за последнее время, он шел, опираясь на плечо Шерл Равенлок, не отходившей от него ни на шаг, стойчески перенося все тяготы трудного пути. Время от времени Меньона поддерживал Янус Сепре, молодой командир Легиона. Янус недавно возглавил Легион, но уже успел проявить себя способным командиром, осуществляя военно-маскировочные операции и провел трудную ночь. Вместе с Шерл и Меньоном он один из последних переправился на маленьком плоту через реку Мермидон. Общее несчастье сплотило их, а общение в течение долгого времени сблизило, и они подружились. Они пришли к общему выводу, что идея расформировать Пограничный Легион была в корне абсурдной и что единственным человеком, способным быстро восстановить боеспособность Пограничного Легиона, является Балинор, который пользуется любовью и уважением всех солдат. К тому же именно Балинор, как никто другой, владеет военным мастерством и знает, как надо командовать Легионом. И Меньон, и Сепре пришли к общему заключению, что необходимо как можно скорее найти Балинора, но они даже не представляли себе, как решить эту труднейшую задачу. Они полагали, что присутствия Балинора будет достаточно для того, чтобы быстро убедить Паланса в неразумности его действий и взять на себя функции командующего.

В воротах города Меньона и его друзей тепло встретили жители Тирсиса, а посланники из королевского дворца тут же передали повеление короля немедленно прибыть к нему. Однако Янус Сепре осторожно заметил, что по его сведениям король тяжело болен и прикован к постели. Но тут же один из посланных стражников, подобострастно закатив глаза, сказал, что именно великий Паланс, сын короля, просит все-таки прибыть их во дворец. Между тем Меньон хотел именно этого — как можно быстрее попасть во дворец и узнать все, что происходит в мире. Надежда осуществить свое намерение заставила его забыть боль и усталость, его глаза загорелись, и он был готов идти во дворец. Увидев это,

стражник подал сигнал, и тотчас же подъехала нарядная карета, которая должна была доставить всех троих во дворец. В карету сели Меньон и Шерл, а Янус Сепре отказался ехать во дворец, сославшись на то, что ему нужно проверить солдат, которые разместились в казармах бывшего Легиона. Тепло попрощавшись с Меньоном и Шерл, Сепре пообещал вскоре присоединиться к ним во дворце.

Медленно и со скрипом карета двинулась с места. Провожавшие увидели лицо Меньона, озаренное слабой улыбкой, — между тем он бесстрашно смотрел вперед, сжимая руку Шерл.

Вскоре карета, миновав ворота внутренней стены города, медленно выехала на центральную улицу Тирсиса, заполненную толпами людей. В этот день жители белокаменного города поднялись необыкновенно рано, встревоженные опасными событиями в городе-побратиме. Они были готовы разделить с несчастными жителями Керна еду и кров, всячески помочь им и облегчить их участь. Встречая столько переживших беженцев, жители Тирсиса расспрашивали их, особенно интересуясь вторжением Северной Армии. Толпы обеспокоенных и напуганных людей с интересом смотрели на проезжавшую по улице карету, отрываясь от тревожных разговоров с беженцами. Любопытство было возбуждено и тем, что карету сопровождал эскорт королевских гвардейцев. Многие из жителей узнавали Шерл и приветствовали ее.

Утомленный мельканием в окне кареты домов, памятников и людей Меньон незаметно для себя погрузился в легкий и сладкий сон. Его оставили на время сомнения и тревоги, горести и неприятности. Рука его крепко сжимала теплую руку Шерл, он чувствовал, что она рядом, и от этого на сердце его было легко и спокойно.

Вскоре Меньон почувствовал слабое прикосновение к своему плечу и очнулся. Карета подъехала ко дворцу. Меньон увидел залитый солнцем парк и сады, окружающие дворец. Здесь все дышало красотой, покоем и королевским великолепием. Душистые цветы на огромных клумбах кивали своими головками. Суэта и многолюдье большого города остались позади — здесь царили величавое спокойствие и тишина. Меньона немного насторожило обилие вооруженных королевских гвардейцев, украшенных гербом с изображением сокола на груди. Когда молодые люди стали выходить из кареты, часть гвардейцев встала в почетный караул, а часть склонилась в глубоком

почтении. Грянули звуки бравурного марша, загремел военный салют. Это крайне удивило Меньона — он недоумевал, почему им оказываются королевские почести.

— Он сошел с ума — да, точно, он лишился рассудка, — взорвался он в негодовании. — Враг почти на пороге, а он устраивает неуместные парады.

— Меньон, пожалуйста, будь осторожен с ним. Не доверяй ему полностью. Мы должны быть бдительны и терпеливы, если хотим помочь Балинору, — умоляюще прошептала Шерл.

— Учти, Паланс любит меня, и, несмотря на все свои заблуждения, он хороший человек. Не забывай, он брат Балинора, — продолжала она.

С трудом сдерживая раздражение и переполнявшие его эмоции, Меньон все-таки был вынужден признать, что Шерл права. Пока на трон не возвратится Балинор, следует проявлять больше выдержки и терпения. В это время отзвучали последние залпы салюта и смолкли звуки марша — и в тот же момент перед присутствующими появился новый правитель Каллахорна. На его широком открытом лице застыла неуверенная улыбка.

— Шерл, о, Шерл! Я думал, что уже никогда не увижу тебя. — Паланс подошел к девушке и нежно обнял ее, потом на мгновение отстранился и, любуясь ее, сказал:

— Я считал, что навсегда потерял тебя.

Меньон вспыхнул и, пытаясь совладать с собой, стал смотреть в сторону дворца. Но тут Паланс повернулся к Меньону и громогласно стал приветствовать его.

— Принц Леа, добро пожаловать в мое королевство, — торжественно заявил он. — Вы сделали для меня... очень много. Я ваш вечный должник. Все, что принадлежит мне, теперь ваше. Мы будем хорошими друзьями. Это было... Нет, это уже прошло... — И Паланс стал жать руку Меньона.

Здесь Паланс остановился, прервав свою запутанную и нервную речь. Меньон понял, что если Паланс еще не полностью лишился рассудка, то он все-таки серьезно болен.

— Мне очень приятно быть здесь, — заставил себя улыбнуться Меньон, — хотя было бы лучше, если бы мы встретились при других обстоятельствах, более благоприятных для всех нас.

— Вы, конечно, имеете в виду моего брата? — Вопрос прозвучал неожиданно, как выстрел. Меньон с удивлением посмотрел на Паланса.

— Паланс, он имеет в виду вторжение Северной Армии и поджог Керна,— поспешила исправить положение Шерл, стремясь не допустить преждевременной ссоры.

— Да... Керн...— рассеянно произнес Паланс, переводя глаза с одного на другого, как будто отыскивая кого-то. Меньон огляделся вокруг и удивился, не обнаружив рядом с Палансом Стенмина. Ведь Шерл и Янус Сепре не раз говорили ему, что принц всегда появляется в сопровождении своего советника.

— Что же случилось здесь, милорд? — обратился Меньон к Палансу, стремясь быть объективным в сложившейся ситуации. И неожиданно он услышал в ответ нечто невразумительное.

— Вы могли бы помочь мне... и нашему королевству. Мой брат стремится занять престол. Он хочет убить меня. Однажды мой советник Стенмин уже спас меня от смерти — но вокруг все равно полно врагов... Меньон, мы должны стать друзьями. И вместе бороться с теми, кто хочет захватить трон. И причинить зло этой прелестной девушке, которую ты вернул мне. Я... я не могу говорить. А Стенмин мне друг... Он друг... Мне трудно... А с тобой я могу... Ведь так?

Речь Паланса была путанной и невнятной. Как ребенок он доверчиво смотрел на Меньона Леа, ожидая ответа. Меньону внезапно стало жаль этого несчастного сына Руля Бакханнаха, и ему даже захотелось чем-то помочь этому человеку. Грустно улыбнувшись, он кивнул в знак согласия.

— Я знал, что ты будешь на моей стороне! — горячо воскликнул Паланс и громко засмеялся, не в силах сдержать охватившую его радость.— Мы оба с тобой королевской крови и... это крепко связывает. Мы станем большими друзьями с тобой, Меньон. А сейчас... вы с Шерл должны отдохнуть.

Наконец он вспомнил, что все они стоят в окружении караула гвардейцев, нетерпеливо ожидающих команды о роспуске почетного эскорта. Некоторое время он еще рассеянно смотрел на окружающих его людей, потом небрежным жестом дал понять командиру караула, что тот вправе распустить солдат. Затем, повернувшись к Меньону и Шерл, взмахом руки пригласил их следовать во дворец. Пройдя несколько шагов, он внезапно остановился и шепотом произнес:

— Мой брат заточен в подземелье, которое находится

под этим замком. Вам нечего бояться. — Он помолчал и добавил:

— Вы знаете, у него повсюду так много друзей.

И Меньон, и Шерл согласно кивнули в ответ, так как от них ждали именно этого.

— А он не убежит из этого подземелья? — осторожно осведомился Меньон.

— Прошлой ночью он пытался убежать с помощью своих друзей. — Паланс победоносно улыбнулся. — Они пытались бежать, но их схватили. Теперь они упрятаны в подземелье навечно. Там Стенмин. Вы должны познакомиться с ним.

Паланс вновь замолчал, уйдя в свои мысли и забыв об окружающих. Затем, словно очнувшись, он приказал стражнику проводить Меньона и Шерл в отведенную для них часть дворца. Там они смогут отдохнуть, привести себя в порядок, переодеться и после этого присоединиться к королю для завтрака, поскольку было еще очень рано и солнце только всходило. Кроме того, к Меньону подошел опытный врач, который предложил сделать ему перевязку и дать необходимые мази и лекарства. Шерл следовала за врачом и Меньоном, а Паланс замыкал шествие. Неожиданно он приблизился к девушке, и, хотя Меньон не видел этого, он мог слышать каждое их слово.

— Ты не должна больше покидать меня, Шерл. — Это было скорее требование, чем просьба. — В Тирсисе будет теперь твой новый дом. Отныне ты — моя жена.

Воцарилось неловкое молчание.

— Паланс, я думала, что мы... — Голос Шерл дрожал.

— Нет — ничего не говори! Не нужно никаких объяснений, — поспешно прервал ее Паланс. — Позже, когда ты отдохнешь и мы будем одни... Мы поговорим... У нас будет время. Ведь ты знаешь, я люблю тебя... и всегда любил. И ты любишь меня.

Опять наступило молчание. Меньон не проронил ни слова, пока они поднимались по широкой лестнице, а слуги почтительно показывали им дорогу в отведенные для них покои, которые находились в западной части древнего замка. Молчал он и тогда, когда, тряхнув пышными каштановыми волосами, Шерл рассталась с ним и пошла в свою комнату. Дворцовый врач искусно перевязал его раны и удалился. В комнате на стуле висела чистая одежда, из соседней комнаты шел пар от приготовленной ванны, но Меньон оставил без внимания эти блага цивилизации. Как только его оставили

одного, он выскользнул из комнаты и быстро пошел по коридору к комнате Шерл. Подойдя к ней, он тихо постучался и вошел. Шерл стояла у окна. Утренние солнечные лучи золотом вспыхивали в ее роскошных волосах. Девушка обернулась, быстро подбежала и порывисто обняла Меньона.

В течение нескольких минут они не могли оторваться друг от друга. Сквозь одежду они чувствовали жар тел, желание принадлежать друг другу переполняло их. Прижав Шерл к груди, Меньон нежно гладил рукой ее шелковистые волосы. И не только физическая близость волновала обоих. Они были знакомы не так давно, но так много пережили вместе. И тут Меньон ясно понял, как глубоко и страстно он любит Шерл.

Было поразительно, что это прекрасное чувство пришло к нему именно теперь, когда мир пошатнулся, а перед ним стояла тень смерти. За последние несколько недель жизнь Меньона представляла собой сплошную борьбу, цепь опасностей, была наполнена риском. И впервые за эти недели его сердце оттаяло, наполнилось любовью, он успокоился и поверил в то, что, пока они любят друг друга, мир не сможет превратиться в руины. Меньон закрыл глаза и еще крепче прижал к себе Шерл.

Паланс, сам того не сознавая, помог им хотя бы в том, что сообщил о местонахождении Балинора и его друзей, даже сказал, что они находятся в подземелье замка. Очевидно, Балинор с друзьями уже предпринимал попытку бежать, но их постигла неудача. Меньон понимал, что теперь нужно действовать гораздо осторожнее и осмотрительнее, чтобы избежать повторного провала. Следующий шаг нужно было тщательно обдумать. И Меньон решил обсудить это с Шерл. Конечно, было очень плохо, что Паланс принял решение держать ее около себя — как по личным причинам, так и в целях ее безопасности, — теперь она будет ограничена в своих действиях. Еще больше огорчало Меньона то, что Паланс решил жениться на Шерл, считая, что она любит его, — это было лишним доказательством его безумия. Были и другие признаки, свидетельствующие о том, что принц Паланс Бакханнах находится на грани помешательства, его рассудок явно отказывал ему. Меньон на минуту представил себе, что произойдет, если Паланс действительно сойдет с ума... Однако юноша тут же отбросил эти мысли. Враг подошел почти вплотную к воротам родного дома, и сейчас не время предаваться бесплодным размышлениям, строить

домыслы и предположения. Наступило время решительных действий. Прежде всего нужно освободить Балинора, хотя сделать это будет нелегко. Янус Сепре, несомненно, поможет им, но смогут ли они с ним проникнуть в подземелье, которое днем и ночью охраняется отборными гвардейцами, которые подчиняются лично Палансу Бахханнаху? По-видимому, никто не знал, что же на самом деле произошло со старым королем, никто не видел его уже несколько недель. Слово короля теперь ровно ничего не значит — все приказы издает Паланс, находящийся под полным влиянием Стенмина.

Шерл как-то обмолвилась, что советник Паланса всегда сопровождает его, практически принц нигде и никогда не остается один. Отец Шерл в здании совета сказал им, что Стенмин сумел каким-то образом изменить психику Паланса. Меньону очень хотелось знать, каким образом удалось этому коварному человеку повлиять на младшего сына Руля Бахханнаха, — тогда, возможно, он смог бы понять поведение Паланса и повлиять на него. Но пока сделать этого нельзя, и не стоило терять время на бесплодные мечты. Нужно было действовать, учитывая только реальные возможности.

План освобождения Балинора уже почти созрел в его голове, когда Меньон оставил Шерл и вернулся в свои апартаменты, чтобы принять еще не остывшую ванну. Он лег в теплую постель и стал обдумывать отдельные детали плана. В дверь неожиданно постучали. Накинув на себя теплую простыню, Меньон подошел к двери и открыл ее. На пороге стоял дворцовый слуга, державший в руках меч Леа. Поблагодарив слугу, Меньон отнес меч на кровать. Он вспомнил, что забыл его в карете, когда они приехали во дворец. «Да, непростительная забывчивость», — подумал он, вспомнив, как часто это бесценное оружие выручало его. Он невольно вспомнил свою битву с Болотным Призраком и чудовищем-мутантом из другого времени. И тут он вспомнил Ши. Грустные мысли овладели юношей: жив ли житель Долины, где он сейчас. Даже если он жив, наверняка, в Тирсисе его нет. В глубине души принц Леа всегда чувствовал ответственность за жизнь своего юного друга, и ему не раз приходилось подавлять чувство протеста, когда Алланон в очередной раз вовлекал Ши в опасные для его жизни приключения. Но теперь делать было нечего. Надо исправлять случившееся — а кроме того, есть и другие люди, которые нуждаются в его помощи.

Глубоко погруженный в свои мысли, Меньон взволнованно мерил шагами свою комнату. Затем юноша опустился на кровать, и его рука ощутила холодную сталь клинка. Перед мысленным взором Меньона вновь всплыло встревоженное лицо Шерл, и он ощутил, как она ему дорога. Теперь он не смог бы оставить ее и отправиться на поиски Ши. Кроме того, перед ним стояла трудная задача — освободить Балинора и его друзей из заточения и тем самым спасти народ Каллахорна от вражеского нашествия. Тогда искать Ши придется Алланону и Флику. Нужно только твердо верить в то, что Ши жив и его можно найти. Наконец, веки Меньона сомкнулись, и вскоре сон окончательно овладел им.

Однако спал Меньон недолго. Внезапно какое-то шестое чувство предупредило его об опасности, и, словно подброшенный, он вскочил, сразу отбросив дремоту. Внимательно прислушиваясь, он понял, что его разбудил легкий скрежещущий звук, исходящий от стены. Внезапно из этой стены с легким стуком выпало несколько камней, и в образовавшемся отверстии показалась сначала голова, а затем и весь человек, одетый в алый плащ и вооруженный кинжалом. Меньон бросился на кровать и притворился спящим. Сердце его бешено колотилось, он с трудом сдерживал дыхание. Между тем человек в алом плаще, крадучись, приблизился к кровати. В одно мгновение Меньон вскочил и, схватив дерзкого пришельца одной рукой, другой рукой приставил свой меч к его горлу. Пришелец попытался вывернуться, но юноша был сильнее и повалил его на пол. Поверженный противник в ужасе выкатил глаза и захрипел.

— Говори, мерзавец, кто ты? — угрожающе спросил Меньон.

— Отпусти меня. Я не враг. Ты совершаешь ошибку... Пожалуйста, мне трудно дышать...

Некоторое время, не ослабляя хватки, Меньон всматривался в узкое жесткое лицо противника, обрамленное маленькой черной бородкой. Никогда прежде Меньон не видел этого человека, и лицо его не внушало доверия. Сильно встряхнув его, юноша поставил незнакомца на колени.

— Тогда говори, какую ошибку я совершаю. Даю тебе только одну минуту, а потом я вырву твой язык и брошу его на съедение собакам.

И Меньон несколько ослабил свою хватку. В глазах человека в алом плаще блеснул злой огонь.

— Виной всему подарок, принц Леа, всего лишь подарок от короля, — вкрадчиво, с хитрой усмешкой произнес незнакомец. — Король хотел выразить тебе благодарность... и я пришел таким образом, чтобы не нарушить твой сон.

Незнакомец замолчал и как-то странно посмотрел на Меньюна. Он избегал встречаться с ним взглядом и все время смотрел куда-то в сторону, как будто ожидая кого-то. Меньюн заподозрил неладное. Тогда он опять схватил пришельца за горло и притянул его к себе.

— Это самая неправдоподобная сказка, которую я когда-либо слышал. Кто ты, мерзавец? — разгневанно воскликнул принц.

В глазах незнакомца полыхнула ненависть.

— Я Стенмин, личный советник короля. Я не солгал тебе. Кинжал — это подарок Паланса Бакханнаха, и меня попросили доставить его тебе. Если ты не веришь мне, иди и спроси у короля!

На сей раз голос пришельца звучал убедительно, и Меньюн решил поверить ему на слово. Скорее всего, король подтвердит любую версию, и копыя ломать заранее было бы неразумно. Меньюн еще не знал, что перед ним находится самый опасный человек Каллахорна, злой и коварный мистик, чья злая воля подчинила себе монарха. Но Меньюн отлично понимал, что если сейчас он поступит должным образом — отдаст Стенмина с позором в руки стражи, то это, без сомнения, вызовет негативную реакцию короля. Между тем, принцу Леа вовсе не хотелось упускать инициативу и преждевременно ссориться с Палансом, подвергая свою жизнь напрасному риску. Он грубо бросил Стенмина в кресло и велел не двигаться. Человек в алом плаще сидел тихо, лишь его глаза суетливо бегали по комнате, а рука нервно теребила остроконечную бородку.

Внезапно Меньюн понял, что из этой драматической ситуации можно извлечь некоторую пользу.

— Вставай, мистик, или как ты себя там называешь! — Меньюн в ярости схватил Стенмина и три раза встряхнул его.

— Я должен был сей же час разделаться с тобой — народу Каллахорна стало бы только лучше. Ладно, я приму другое решение. Отведи меня в подземелье, где томятся в заточении Балинор и его друзья, и прямо сейчас.

Глаза Стенмина расширились от ужаса при упоминании имени Балинора.

— Откуда ты знаешь о нем — ведь он предал наше королевство! — в изумлении воскликнул Стенмин. — Сам король приказал сгноить своего брата в темнице. И даже я...

Меньон был вне себя от гнева. Он снова схватил Стенмина за горло и яростно стиснул его.

— Мне не нужны твои объяснения. Немедленно отведи меня к нему!

С этими словами Меньон отпустил противника, предвзительно отобрав у него кинжал и взбодрив его несколькими затрещинами, чтобы этот злобный тип понял, что с ним не шутят. Тут у Меньона мелькнула мысль — а не взять ли с собой Шерл, но он сейчас же отбросил эту идею. Затея была все-таки очень рискованной, и нельзя было подвергать опасности жизнь девушки, — а в случае удачи, когда Балинор и его друзья будут спасены, у него будет еще время увидеться с любимой. Меньон вытащил кинжал и поднес его к носу Стенмина.

— Подарок, который ты так любезно передал мне, я верну, если ты не обманешь и не предашь меня, — с угрозой в голосе сказал Меньон. — Ты понял? Не старайся перехитрить меня. Когда мы выйдем отсюда, ты проведешь меня потайными переходами в темницу Балинора. Не вздумай звать стражу — одно неосторожное движение или слово, и я без сожаления прерву твою жизнь. Я сказал все. Теперь думай и учти, что я прибыл сюда по указанию Алланона.

При упоминании великого Друида злобный мистик страшно побледнел, и в глазах его появился непередаваемый ужас. Повинуясь Меньону, Стенмин молча вышел из комнаты. Юноша последовал за ним, держа наготове кинжал. Теперь все решало время: действовать нужно было быстро и решительно, освободить Балинора и его друзей необходимо было до того, как во дворце поднимется тревога, — тогда появлялся шанс лишить власти полубезумного Паланса. Потом можно будет известить о происшедшем Януса Сепре, который соберет соратников Балинора, и тогда законный монарх будет восстановлен на престоле без кровопролития.

Необходимо было учитывать и то, что Северная Армия была готова начать штурм Тирсиса. Для отражения ее нападения следовало быстро восстановить Пограничный

Легион, который смог бы остановить врагов в северном течении реки Мермидон. Пока огромная армия северян будет форсировать разлившуюся от наводнения реку (а на это понадобится несколько дней), успеет подойти армия Эвентина. Меньон с волнением думал о том, как много решается в эти минуты — нужно немедленно освободить Балинора.

Озираясь по сторонам, мистик неохотно вел Меньона по потайным коридорам, спускаясь все ниже. Дважды они миновали вооруженных гвардейцев, но каждый раз Стенмин, изобразив на лице приветливую улыбку, как ни в чем не бывало здоровался с ними, и Меньон беспрепятственно следовал дальше.

Стояло уже позднее утро. Яркое солнце проникало сквозь оконные жалюзи, освещая лестницы и узкие переходы дворца. Слуги давно проснулись. Во дворце царила утренняя суета, по лестницам непрерывно сновали люди, и только принца не было видно — он занимался делами в своих апартаментах.

Никто не спрашивал их, куда и зачем они идут. Меньон считал это добрым знаком. Наконец, они очутились перед огромной массивной дверью, ведущей в подземные помещения дворца. Около нее стояло два вооруженных гвардейца.

— Думай, что будешь говорить,— шепнул Меньон на ухо своему сопровождающему, когда увидел эту охрану.

— Эй, стража, откройте дверь. Принц Леа и я хотим осмотреть винные погреба и другие подземные помещения замка.

— По приказу короля сюда никого нельзя впускать, милорд,— почтительно пояснил стражник, стоящий справа.

— Я здесь по приказу короля! — гневно вскричал Стенмин.

— Это же не враг королевства, а личный советник короля,— с улыбкой произнес Меньон.— Мы завершаем осмотр дворца. Кроме того, если хотите знать, именно меня приветствовал король сегодня утром. Я вернул ему его Прекрасную Даму. Боюсь, что в таком случае придется побеспокоить вашего повелителя и попросить его самого спуститься вниз.

Меньон многозначительно замолчал, внутренне умоляя богов заставить стражников поверить ему, не звать сюда короля, странности поведения которого были известны всем. Какое-то время стражники медлили, но потом с

шумом отодвинули тяжелые засовы и молча пропустили их в тщательно оберегаемые помещения дворца. Стенмин шел впереди и, казалось, полностью подчинился Меньону. Но юноша понимал, что с этим коварным человеком нужно быть все время начеку. Наверняка Стенмин что-нибудь замышляет. Только бы удалось освободить Балинора и восстановить Пограничный Легион — тогда пагубное влияние не сможет принести вреда, и беды королевства Каллахорн закончатся.

А пока Меньон и его опасный спутник шли по коридору подземелья. Проходя мимо камер, запертых тяжелыми засовами, Меньон невольно прислушивался, понимая, что полностью доверять Стенмину нельзя. К своему неопи-сваемому удивлению вскоре в глубине коридора юноша увидел еще двоих стражников, освещенных светом факела. На выступе стены рядом с ними стояли тарелки с хлебом и сыром, две чашки и целая батарея еще не до конца опорожненных бутылок. Королевские стражи порядка были явно под хмельком. Легкая улыбка пробежала по губам Меньона.

Когда они подошли к подвыпившим стражникам, у юноши мгновенно созрел дерзкий план. Надо было заставить Стенмина действовать так, как этого хочет он, Меньон, а затем воспользоваться удобной ситуацией.

— Я хорошо понимаю вас, милорд, — громко возгласил он и посмотрел на Стенмина. — Эти стражники выпивают, находясь на дежурстве. Они нарушили приказ короля. Что будет потом, если они и дальше будут продолжать вести себя так? Наверное, узники смогут легко бежать, пока эти двое будут лежать в полном беспмятстве. Необходимо немедленно сообщить об этом королю, и мы сделаем это сразу после того, как закончим осмотр всех помещений дворца.

Оба стражника побледили как мел, услышав эту угрозу и упоминание о короле.

— Милорд, вы ошибаетесь, — испуганно заговорил один из стражников. — Мы лишь немного выпили за завтраком и не собирались больше пить. И мы не так уж пьяны...

— Пусть это решит король, — ответил Меньон и строго посмотрел на Стенмина.

— Они оба, конечно, врут, — жестко произнес Стенмин. — Но я отнюдь не расположен беспокоить короля из-за таких пустяков. Мне придется самому заняться этими любителями выпить.

Стенмин мрачно смотрел на стражников. Не выдержав его взгляда, они отвели глаза и низко опустили головы. Как и все в королевстве, они хорошо знали, что гнев хитрого и злого мистика страшен и непредсказуем и лучше не становиться у него на пути.

— Ладно, посмотрим, — твердо сказал Меньон. — А теперь откройте камеру и выведите сюда узников, да поживее!

Меньон посмотрел на Стенмина. Лицо его хранило бесстрастное выражение. Тут один из стражников все-таки осмелился заговорить:

— Милорд, король строжайше запретил кому-либо видаться с узниками... Я не могу вывести их из камеры.

— Так. Иными словами, ты отказываешься выполнить приказ самого советника короля и его гостя. — Меньон не был удивлен этим сопротивлением, с самого начала он догадывался, что стражников не так легко будет уговорить.

— Что ж, — продолжал принц Леа, — нам не остается ничего другого, как пригласить сюда короля.

Какое-то время стражник вопросительно смотрел на Стенмина, затем медленно подошел к двери камеры и отодвинул тяжелые запоры. Тяжелая дверь с грохотом распахнулась. Стражник крикнул узникам, чтобы они выходили. Напряжение, овладевшее Меньоном, достигло предела. Мрачная, давящая атмосфера подземелья, полумрак, отсутствие друзей — все это угнетало принца, и ему с трудом удавалось сохранять самообладание. В свете факела он поймал злобный взгляд Стенмина и на всякий случай крепко схватил его за правую руку и обнажил кинжал.

Раздались шаги, и из темноты камеры показалась статная фигура Балинора, а следом за ним из камеры вышли братья-эльфы и отважный Гендель, который несколько часов назад сам пытался освободить своих друзей. Вначале все они не узнали Меньона, намеренно спрятавшего лицо, чтобы не насторожить заранее советника, продолжая крепко держать его за руку. Затем юноша сделал шаг вперед и, не выпуская запястья Стенмина, сказал:

— Так, так. Смотрите за ними как следует. Эти люди опасны, не спускайте с них глаз.

Узнав Меньона, обрадованные узники едва сдержали радостные возгласы. На губах Дэйела предательски расплывалась широкая улыбка: он не мог скрыть радости

при виде старого друга. И в этот момент Стенмин резко выдернул свою руку и громко крикнул стражникам:

— Это предатель! Эй, стража...

Но он не смог закончить. Не успели стражники вернуться к советнику, как Меньон с быстротой молнии кинулся к нему и повалил на каменный пол. Стража слишком поздно поняла, что произошло. Четверо узников мгновенно набросились на охрану и разоружили ее раньше, чем они успели что-то сообразить. Разделавшись со стражниками, Балинор и его друзья подбежали к Меньону, горячо обняли его и с радостью стали благодарить за свое освобождение.

— Меньон Леа, мы все перед тобой в таком долгу, что не знаем, сумеем ли когда-нибудь расплатиться с тобой, — улыбаясь, говорил Балинор, крепко пожимая руку Меньона. — думал, что никогда не увижу тебя. Где Алланон?

Меньон в нескольких словах рассказал им о том, как оставил Флика и Алланона недалеко от вражеского лагеря, а сам направился в Қаллахорн. Он поведал им о спасении Шерл, об эвакуации жителей Керна и о том, что город был подожен. Друзья молча, с большим вниманием слушали его.

— Что бы ни произошло впоследствии, — произнес Гендель, сегодня ты доказал нам свою дружбу, и мы никогда этого не забудем.

— Нужно срочно реорганизовать Пограничный Легион и направить его к реке Мермидон, — быстро сказал Балинор. — Затем нужно найти моего отца и... моего брата. Я хочу, чтобы законная власть была восстановлена бескровно — и во дворце, и в армии. Меньон, можем ли мы рассчитывать на Януса Сепре?

— Да, он верен тебе и законному королю, — уверенно произнес Меньон.

— Надо немедленно сообщить ему обо всем, — сказал принц Қаллахорна, не спуская взгляда с пришедшего в себя Стенмина. — Как только он прибудет сюда с подкреплением, все решится само собой — мой брат останется без поддержки армии. Но где найти моего отца?

Балинор наклонился над Стенмином и холодно посмотрел в его глаза, сверкавшие лютой ненавистью. Мистик понимал, что он побежден и всем его планам придет конец, если только Паланса схватят и лишат трона. Лишь теперь Меньон всерьез задумался над тем, каки

цели преследовал этот хитрый человек, воздействуя на психику Паланса, на что он рассчитывал. Конечно, лично Стенмину было выгодно держать на престоле полностью подчиненного ему Паланса и осуществлять свои коварные замыслы его руками. Но вот зачем он распустил Пограничный Легион, хотя знал, что вторжение Северной Армии уже началось? Неужели он хотел уничтожить государство, которое достигло такого высокого уровня развития цивилизации? Почему Паланс по настоянию Стенмина бросил Балинора в темницу и изолировал короля-отца? И почему, наконец, он решил убить его, Меньона, хотя никогда раньше его не видел?

— Стенмин, твоя власть и власть моего брата над этой страной кончилась, — с холодной решимостью обратился к нему Балинор. — Увидишь ли ты вновь солнечный свет — будет зависеть от того, как ты себя поведешь. Руководство городом принимаю я. Что ты сделал с моим отцом?

Наступило зловещее молчание. Мистик затравленно озирался по сторонам, на его помрачневшем лице застыло выражение страха.

— Он... в северном крыле... башни, — наконец шепотом сказал он.

— Если только ты причинил ему зло — смотри, колдун...

Балинор резко отвернулся и на время забыл о Стенмине, который поднялся с пола и прислонился к стене, не спуская горящих злобой глаз с него. Его рука нервно теребила маленькую остроконечную бородку. Но Меньон все время наблюдал за мистиком, и вдруг его пронзила неожиданная догадка. Рука, нервно поглаживающая острую бородку... Он уже видел этот жест, видел этого человека раньше. В его памяти всплыла картина, которую он наблюдал когда-то на берегу реки Мермидон. Это был Стенмин! Он в ярости бросился к мистiku.

— Это ты был там, на берегу! Ты похититель! — гневно вскричал он. — Ты пытался убить меня, потому что боялся, что я узнаю тебя. Ты похитил Шерл и пытался отдать ее врагам. Ты предатель. Ты и сейчас пытался предать всех нас и отдать город лорду Уорлоку!

Размахивая кинжалом, Леа наступал на мистика, который весь съежился от страха и, казалось, пытался втиснуться в стену подземелья. Балинор и его друзья застыли от изумления. Ярость Меньона была столь сильной, а страх Стенмина таким явным, что исход этой

схватки не вызывал сомнений. Наступил решающий миг — казалось, смерть Стенмина близка.

И в этот момент тяжелая дверь заскрипела и медленно открылась. В темном пролете появилась крупная фигура Паланса Бакханнаха.

Глава 29

Воцарилось гробовое молчание. Никто не ожидал прихода Паланса, даже Стенмин, забившийся в угол, со страхом смотрел на величественную фигуру правителя, неожиданно возникшую в дверях. Вздохнованное лицо Паланса было бледным, в глазах застыло смешанное выражение растерянности и гнева. Меньон смело посмотрел в эти глаза и неспеша опустил кинжал, острое чувство ненависти оставляло его. Схватив Стенмина за шиворот, он бросил его к ногам Паланса.

— Вот человек, который предал тебя,— это враг Каллахорна. Именно этот негодяй похитил Шерл и отдал ее врагам. Именно он готов отдать Тирсис лорду Уорлоку.

— Милорд, вы пришли как раз вовремя.— Стенмин пришел наконец в себя и решил вмешаться, пока не поздно. Он все еще боязливо оглянулся на освобожденных узников, подошел к Палансу и рухнул перед ним на колени.— Мне удалось поймать их. Они пытались бежать, и я поторопился предупредить вас. Да, милорд. Они хотели убить сначала меня, потом вас. Разве вы не видите, что происходит? — Лицо Стенмина пылало от гнева.

Меньон с трудом сдерживал себя, борясь с желанием немедленно вырвать язык этому мерзкому лгуну. Огромным усилием воли он сохранял хладнокровие.

— Этот человек предал тебя, Паланс,— повторил Меньон.— Он отравил твое сердце и разум. Он не думает ни о тебе, ни о городе, который так дешево предал врагам.

Во время этой горячей речи Стенмин неоднократно пытался прервать принца Леа, его лицо последовательно принимало выражение то оскорбленного достоинства, то притворного гнева, но он все-таки не решался перебить Меньона.

— Однажды ты сказал, что мы стали друзьями. Но друзья должны доверять друг другу. Не позволяй себя обмануть, иначе ты потеряешь свое королевство,— продолжал Меньон.

На некоторое время наступило молчание. Балинор, ожидавший удобного момента, чтобы вступить в разговор, не успел сказать ни слова, как Стенмин, словно кошка, подскочил к Палансу и зашептал ему на ухо:

— Милорд, вы сошли с ума, если верите им. Вы решили отказаться от своих планов и отдать все брату? Кто будет владеть трон — вы или он? Все, что они говорили, — ложь. А принц Леа — друг Алланона.

Глаза Паланса расширились от удивления.

— Да, Алланона. — Стенмин знал, что попал в самое больное место. — Этот человек, который говорит о дружбе, тоже участвовал в похищении Шерл. Он хитростью попал во дворец и хочет убить вас, милорд!

Гендель сделал шаг вперед, но Балинор предостерегающе поднял руку. Меньон молчал, понимая, что любые слова или движения сыграют только на руку Стенмина.

— Он — предатель, продавшийся лорду Уорлоку, — твердо сказал Балинор.

Смущение и растерянность овладели Палансом. Он привык слушаться советов Стенмина, но он уже проникся уважением и к Меньону, кроме того, в глубине души он уважал и своего брата. Поставленный перед необходимостью сделать выбор между ними, лишенный привычной опоры на своего советника, Паланс не знал, на что решиться.

— Послушай, Балинор, ты... действительно считаешь... что я сошел с ума? Но если не я, то все вокруг меня сумасшедшие, а я... один... сохранил разум... Скажи что-нибудь, брат... Я хотел бы поговорить с тобой. Как прежде... Я хочу кое-что сказать...

Паланс не закончил фразы и в растерянности посмотрел на Стенмина, который сейчас напоминал зверя: согнувшись, он испепелял взглядом Паланса, как гремучая змея. Было очевидно, что он гипнотизирует своего повелителя. И посылаемая им мысленная энергия не прошла мимо. Паланс вдруг выпрямился и обрел уверенность и монументальность статуи. Холодным голосом он произнес:

— Как ты считаешь, Стенмин, если я казню некоторых из присутствующих, это поможет мне?

— Зовите стражу, милорд! Не давайте им уйти от вас!

Но энергия Паланса внезапно угасла. Он устремил бессмысленный взгляд на каменные стены, как будто собрался оценить работу древних мастеров. Меньон понял,

что Паланс опять ушел в себя и на некоторое время избавился от рокового влияния зловещего мистика. Взгляд принца беспорядочно бегал по стенам, и было очевидно, что он утратил чувство реальности, а разум его погружается в пучину безумия. Однако и Стенмин хорошо понимал это. На лице его появилась довольная ухмылка, а рука стала теребить черную бородку.

Неожиданно для всех Паланс внезапно снова заговорил отрывисто и рассеянно:

— Нет, все будет мирно — не будет ... ни солдат, ни... крови. Король должен быть справедлив... Балинор — мой брат, хотя и хочет занять мое место. Мы... должны с ним поговорить... Он не должен пострадать... не должен... — Тут голос Паланса дрогнул, а взгляд упал на Меньона.

— Ты вернул мне Шерл... Я думал, что... навсегда потерял ее. Почему... почему ты это сделал... если бы ты был врагом?..

Стенмин в ярости заскрежетал зубами, поняв, что его гипнотическое влияние на Паланса кончилось и он проигрывает. Он вновь устремил пристальный взгляд на принца и напрягся так, что на лбу его выступили капли пота. Но Паланс совсем не обращал на него внимания и продолжал говорить тихо, еле слышно, низко опустив голову:

— Мне очень трудно... все понять, Балинор. Много для меня непонятно... Я даже не сержусь на тебя за то, что ты хочешь быть королем. Я тоже... всегда хотел стать королем... Но я тоже хочу иметь друзей... с кем-то поговорить...

Он равнодушно взглянул на Стенмина и как будто не узнал его. Ужас овладел мистиком. Он стал догадываться, что разум Паланса полностью вышел из-под его контроля, что он стал для принца безразличен. Огромное влияние, которым он пользовался, видимо, кончилось — отныне он превратится в ничего не значущую личность, предмет, на который обращают внимание не больше, чем на мебель. Скорее всего, длительное гипнотическое влияние окончательно помрачило разум принца Каллахорна.

— Паланс, послушай меня, — мягко обратился к принцу Меньон, пытаясь ласковым голосом пробудить остатки разума, развеять пелену безумия, овладевающего несчастным братом Балинора. — Позови Шерл. Попроси ее прийти сюда, и она поможет тебе.

Паланс сделал над собой усилие, как будто пытался что-то вспомнить, и на его страдающем лице появилась слабая улыбка, постепенно им овладело чувство покоя и умиротворенности. В его памяти всплыло прекрасное лицо Шерл, ее чудесный нежный голос, ее ласковые руки. Никого он не любил так, как ее. Если бы он мог хотя на минуту очутиться рядом с ней.

— Шерл, — нежно прошептал он ее имя и посмотрел на закрытую дверь. В это мгновение потерявший рассудок от злобы и ярости Стенмин с диким криком и необыкновенной быстротой подскочил к Палансу и с ожесточением вонзил меч в его широкую грудь. Меньон попытался было перехватить мистика, но не успел. У присутствующих невольно вырвался крик ужаса. Они подумали, что Паланс убит. Балинор сделал резкое движение.

— Возвращаю тебе твоего брата, болван, — закричал обезумевший Стенмин, толкнув зашатавшегося Паланса к Балинору.

Принц тяжело упал на протянутые руки Меньона, тот потерял равновесие, оба они сильно ударились плечами о каменную стену. Тем временем Стенмин бросился бежать. Он кинулся к двери, Балинор попытался схватить его, но не успел — быстрый и верткий, как уж, мистик успел приоткрыть тяжелую дверь. Подскочивший вовремя Гендель успел с силой ударить его в плечо подвернувшимся под руку камнем. Раздался хруст костей, звериный вопль боли, но добить или хотя бы задержать это исчадие ада не удалось. В мгновение ока он проскользнул в полуоткрытую дверь, и затем до оставшихся в подземелье донеслись истошные вопли боли, топот бегущих ног и отчаянные призывы к страже. Стенмин кричал, что узники убили короля, и звал на помощь.

Понимая грозящую им опасность, Балинор бросился за Стенмином, только взглянув на лежащего на руках Меньона брата. На лестнице путь ему преградили два стражника, выросшие как из-под земли. Вооруженные гвардейцы застыли от изумления при виде Балинора. Но принц исчез быстрее, чем они успели опомниться, — и они побежали вслед за ним. Дурин и Дэйел также побежали вслед за Балинором. Меньон же остался стоять у подножия лестницы, держа на руках окровавленного Паланса. Рядом, печально качая головой, стоял Гендель. Паланс был еще жив, дыхание его было прерывистым, глаза то смыкались, то широко открывались — это жизнь боролась в его сильном теле со смертью. Резким движением

карлик извлек из груди принца меч и с отвращением отбросил его прочь. Затем Гендель и Меньон осторожно уложили Паланса на пол. На какое-то время он очнулся, в глазах его отразилась нежность. Еле слышно он позвал Шерл. Но это продолжалось недолго, и принц вскоре снова впал в забытие.

— Он зовет Шерл, он любит ее и думает о ней даже сейчас, — со слезами на глазах проговорил Меньон.

Тем временем Балинор и эльфы, как вихри неслись по лестницам, пытаясь настичь Стенмина. Во дворце все пришло в смятение. В растерянности, с испуганными лицами бегали слуги, яростно размахивали оружием гвардейцы. Стоны оплакивающих смерть короля и яростные крики о мести оглашали своды древнего дворца. Из уст в уста передавались зловещие слова Стенмина о том, что всем остальным обитателям замка не миновать участи короля. Кое-где уже возникли стычки, и это добавило общей паники. Положение усугублялось и тем, что явных врагов никто не видел, по дворцу ползли слухи, никто достоверно ничего не знал. В обстановке общего хаоса и истерических криков Балинор и оба эльфа с обнаженными мечами метались по комнатам, разыскивая Стенмина. Это приводило встречающих в панику и усиливало царившую во дворце неразбериху. Все трое преследовали Стенмина буквально по пятам, но обезумевшая от страха толпа слуг не давала им бежать быстро. Последний раз алый плащ Стенмина мелькнул в конце одного из залов, и Балинор, расталкивая толпу, бросился вслед за ним. На его лице читалась непреклонная решимость, оно было страшно.

Общая сумятица усиливалась еще и от того, что к этому времени в открытые ворота дворца ворвались десятки вооруженных солдат, взбудораженных и стремящихся разобраться в происходящем. В разных помещениях дворца завязались схватки. Обстановка становилась угрожающей. Однако вскоре Балинор понял, что проникшие во дворец солдаты принадлежат к Пограничному Легиону: на груди у них красовалось изображение леопарда, а при виде его они радостно кричали, потрясая оружием. Тем временем большинство дворцовых гвардейцев было обезоружено. Солдаты Легиона подняли Балинора себе на плечи и триумфально понесли его по залам дворца.

Толпа слуг разделила Балинора и Дэйела с Дурином, но они продолжали упорно искать Стенмина. Вряд ли кто мог сравниться с эльфами в скорости и легкости

движений, остром слухе и интуиции. Оба брата стремительно носились по залам и лестницам дворца и вскоре вновь заметили алый плащ. Увидев преследование, обладатель алого плаща стал метаться из комнаты в комнату, и опять ему удалось скрыться. Дурин очень сожалел, что с ним нет ни лука, ни стрел. Последний раз они заметили мистика у входа в парадный зал, куда он вбежал и запер дверь. Братья даже услышали стук задвигаемого засова. В мгновение ока братья оказались около двери и своими острыми клинками вырубили засов. Дверь распахнулась, оба эльфа ворвались в зал, но там уже никого не было.

Меньон молча стоял у парадного входа во дворец, а Балинор разговаривал с командирами Пограничного Легиона. Шерл стояла рядом с Меньоном, ее тонкая рука покоилась в широкой и сильной ладони юноши, на нежном лице застыло выражение глубокой озабоченности. Взглянув на нее, принц Леа крепко обнял Шерл и прижал ее к себе, желая ободрить и вселить уверенность.

Тем временем два дивизиона солдат из реорганизованного Пограничного Легиона терпеливо ждали приказа за внешней стеной. Солдаты были единодушны в стремлении отразить нападение жестокой Северной Армии. Ее огромные полчища располагались вдоль всего северного берега реки Мермидон и уже начали переправу. Легиону было необходимо хотя бы течение нескольких дней удержать южный берег реки, что дало бы возможность отмотилизовать армию Эльфов и направить ее на помощь Легиону. Меньон с сожалением подумал о том, что им не хватает времени. Иметь бы еще несколько дней... Пограничный Легион был восстановлен очень быстро и организованно, а командование им снова принял на себя Балинор. Это пока гарантировало безопасность города Тирсис.

Балинор стал королем Бакханнаха. Его брат был близок к смерти, он совсем ослаб. Лучшие лекари Тирсиса обследовали раненого и пришли к выводу, что его организм безнадежно ослаблен длительным приемом больших доз препарата, который подавлял сопротивляемость организма и воздействовал на психику. Этот препарат парализует волю человека, разрушает его разум, постепенно превращая жертву в беспомощное животное. Тот факт, что бывший король сошел с ума, был подтвержден и врачами.

Балинор с грустью выслушал заключение врачей. К тому времени он нашел своего отца в одной из отдаленных комнат дворца, в северной его части. В последние дни старый король тяжело страдал, силы оставляли его, он умирал. Врачи, осмотревшие его, пришли к выводу, что и его организм систематически отравляли каким-то ядом. Стенмин никого не допускал к королю-отцу, кроме Паланса, разум которого к тому времени уже помутился, поэтому никто не смог бы раскрыть тайну смерти Руля Бакханнаха. Балинор подумал о том, что если бы Стенмин осуществил свой план и умертвил короля-отца, то ему не составило бы труда убедить слабоумного Паланса открыть ворота ордам лорда Уорлока, что привело бы к окончательной гибели города Тирсиса. Стенмин чуть не добился своей цели, его нужно было немедленно отыскать и обезвредить, пока он не придумал нового, еще более коварного плана. Балинор знал, что проклятый мистик ускользнул от братьев-эльфов и скрывается где-то во дворце.

Теперь за будущее Южных земель полностью отвечал принц Каллахорна. Народ Тирсиса ждал от королевской семьи Бакханнахов защиты и мудрых действий. Сейчас Балинор остался единственным мужчиной в этой семье, и все надежды народ возлагал на него. Если с ним что-нибудь случится, Пограничный Легион потеряет авторитетного командира и вдохновителя, а Тирсис — последнего представителя королевского рода. Более того, город, скорее всего, будет захвачен войсками Северной Армии. В городе лишь немногие полностью осознавали всю серьезность положения и то, что Тирсис необходимо удержать любой ценой, что бы ни делала армия лорда Уорлока. Еще Алланон предупреждал об этом — падение Тирсиса было равноценно победе Лорда Тьмы из Северного Королевства. Тирсис был ключом к победе, и ключ этот пока был в руках Балинора.

В это утро Янус Сепре проверял систему защиты города. После освобождения Балинора Меньон поручил ему охрану главных ворот дворца. Янус быстро нашел Фэндвика и Гицниссона — командиров Легиона — и с их помощью организовал охрану главных ворот и захват дворцовых казарм, где размещались королевские гвардейцы. Солдаты Легиона окружили дворец, и вскоре сторонники Паланса сдались. Захват дворца и казарм прошел практически без кровопролития, с незначительными потерями. Приверженцы Паланса были разоружены

и заключены в дворцовые темницы, а некоторые из них приняли сторону Балинора и были зачислены в Легион. На следующий день были восстановлены два из пяти бывших дивизионов Легиона, а к рассвету Сепре планировал закончить формирование оставшихся трех. Разведчики донесли Балинору, что войска Северной Армии успешно осуществляют переправу через реку Мермидон, и принц Каллахорна понял, что дальнейшее промедление может иметь роковые последствия.

Тогда Балинор собрал своих ближайших соратников. На военный совет прибыли Меньон и его друзья, старшие командиры Легиона — Гинниссон, человек могучего телосложения, с большими сильными руками и ярко-рыжей шевелюрой, степенный Фэндвик — он был уже немолод, с седыми усами, умудренный опытом, в его глазах светился пытливый ум. Вместе с ними пришел Актон — искусный наездник, с которым никто не мог сравниться, хотя внешность его была вполне заурядной. Актон привел с собой Мессалина — высокого и широкоплечего воина, рассеянно смотревшего на всех голубыми глазами. Последним появился Янус Сепре, недавно ставший главнокомандующим Легиона вместо Балинора. Его авторитет подкреплялся блестяще проведенной операцией по эвакуации жителей Керна, которой Сепре руководил вместе с Меньоном. Оглядев всех собравшихся, Балинор пригласил всех сесть, включая Генделя и эльфов.

— Я должен лично осмотреть позиции на реке Мермидон, — тихо произнес он. Меньон попытался возразить ему, но принц Каллахорна решительно покачал головой.

— Нет и нет, Меньон. Я знаю, что ты собираешься предложить, и мой ответ тебе — нет. Ты останешься здесь, в городе. Клянусь собственной жизнью, я вынужден это сделать. Надеюсь, я скоро вернусь. В конце концов, моя жизнь — ничто по сравнению с жизнью Тирсиса. Я прошу вас взять охрану города на себя. Если со мной что-нибудь случится, вы прекрасно знаете, как организовать оборону. Янус остается с тобой, Меньон. Вы оба отвечаете за оборону и безопасность города. Янус будет держать тебя в курсе всех дел.

— Эвентин обязательно придет к нам на помощь, — быстро сказал взволнованный Дэйел, желая ободрить Балинора.

Принц Каллахорна улыбнулся юноше.

— Алланон не может подвести нас. Они придут вместе.

— Не рискуй понапрасну, — заметил Гендель. — Ты нужен городу и своему народу и нужен живым — они так надеются на тебя.

— Прощай, старина. — Балинор крепко пожал сильную руку карлика. — Мне всегда будут нужны твоя помощь и твой опыт. Я очень ценю тебя. Береги себя.

С этими словами он дал знак подавать карету. Выйдя из дворца, он быстро уехал к воротам дворца.

Проводив принца Каллахорна, военачальники разошлись по своим постам, а Меньон, Шерл Равенлок и их друзья решили заняться своими делами. Гендель отправился бродить по дворцу, надеясь отыскать и схватить скрывшегося Стенмина, а Дурин и Дэйел последовали за ним.

Меньон прекрасно понимал, что творится в душе каждого из его друзей. Все они страстно желали поехать с Балинором, им очень не хотелось отпускать его одного, без помощи и поддержки. Горячая натура самого Меньона стремилась к тому же — он рвался вслед за Балинором, ему не терпелось самому сразиться с ордами Северного Королевства. Меньон чувствовал сильную усталость — он не спал уже двое суток, сказывалось и нервное напряжение, перенесенные волнения, утомление от перехода, да и раны на ногах все еще давали знать о себе. Все это подточило его силы, которые еще недавно казались неистощимыми. Пошатываясь от слабости и головокружения, он повел Шерл к скамейке во дворцовом парке и тяжело опустился на нее. Шерл с беспокойством посмотрела на Меньона.

— Я знаю, о чем ты думаешь, Меньон, — тихо и ласково проговорила она. — Тебе хотелось бы поехать с Балинором.

Меньон улыбнулся и кивнул в ответ, обняв Шерл.

— А вот сейчас тебе надо обязательно поспать, — продолжала она.

Юноша вновь кивнул, и вдруг в его воображении возникло лицо Ши. Где он теперь, по каким дорогам бродит в бесконечных, а может быть, и бесплодных поисках Меча Шаннара? Меньон повернулся к Шерл и рассказал ей все о жителе Долины, об истории их дружбы, о походе за Мечом Шаннара. Шерл была теперь для него самым близким человеком, и он чувствовал потребность поделиться с ней самым сокровенным. Когда Меньон закончил свой рассказ, Шерл положила руку ему на плечо и сказала:

— Он был для тебя как брат. Вы хорошо понимали друг друга, и теперь ты испытываешь чувство вины за то, что случилось с ним. Тебе кажется, что ты не уберег его?

— Да, именно так, — печально кивнул Меньон. — Сожалею, но я не смог сделать больше того, что сделал. И все-таки мне очень жаль его.

— Напрасно ты казнишь себя, Меньон, — продолжала Шерл. — Если он так же любит тебя, как ты его, он должен мысленно чувствовать твою поддержку. Если бы Ши знал, какие мужество и отвагу ты проявил в эти последние пять дней... Я люблю тебя, Меньон Леа.

Вздвогнув, юноша посмотрел на Шерл. Неожиданное признание застало его врасплох. Улыбаясь его смущению, Шерл сомкнула свои прекрасные руки за его головой и приблизила свое лицо к его лицу. Каштановые локоны ее блестящих волос упали ему на грудь. Меньон нежно прижал ее к себе, потом отпустил и взглянул в ее большие глаза. Шерл ответила ему ласковым взглядом.

— Я могу признаться в этом целому миру, Меньон, я хочу, чтобы ты знал это. Если нам суждено умереть...

На этих словах она замолчала и отвернула лицо, из глаз ее потекли слезы. Меньон стал нежно целовать ее волосы и постарался как мог утешить Шерл.

— Дорогая! За это время я преодолел много опасностей, на моем пути были непреодолимые, казалось, препятствия. Я мог погибнуть сотни раз — но, как видишь, я жив. Мне довелось видеть много зла и в мире людей, и в том мире, который смертный человек не может себе представить. И я выжил. Теперь, когда мы встретились и обрели любовь, она поможет нам победить смерть. Шерл, тебе нужно верить — верить в силу нашей любви.

Шерл успокоилась, и на губах ее появилась счастливая улыбка.

— Я верю в тебя, Меньон. И ты верь в себя.

Меньон обнял ее и стал целовать ее нежные руки. Шерл была самой очаровательной из всех женщин, каких он когда-либо встречал, и он любил ее больше жизни. Ласково поцеловав ее, Меньон попытался успокоить Шерл и внушить надежду на будущее.

Некоторое время они сидели, крепко обнявшись и наслаждаясь чудесным ароматом цветов, тишиной парка и окружающим их покоем. Затем Шерл настояла, чтобы Меньон немного поспал. Они поднялись в его комнату, и едва юноша прилег на мягкую постель, как усталость

взяла свое и он моментально заснул. Пока он спал, солнце щедро согревало жаркими лучами землю. Перед заходом дневное светило превратилось в огромный красный шар, который медленно скрылся за горизонтом, осветив на прощание пурпурными лучами зеленый массив леса и строгую череду гор на западе. Когда Меньон проснулся, был уже поздний вечер. За окнами стемнело. Юноша и Шерл вышли из комнаты и стали бродить по дворцу в поисках Генделя и эльфов. Однако дворец оказал на них странное воздействие. Вокруг стояла тишина: ни голосов, ни обычного шума, как будто все вымерло. Создавалось впечатление, что замок необитаем. Лишь в дальней комнате дворца лежал несчастный Паланс Бакханнах, и несколько врачей возились с ним. Больше они никого не встретили, а их собственные шаги гулким эхом отдавались в древних стенах дворца. Стало ясно, что все покинули замок и ждут возвращения Балинора у ворот внешней стены города. Меньон и Шерл вышли из дворца, но и двор был пуст. Меньон вывел из конюшни двух лошадей, оседлал их, и они поехали по главной улице в сторону внешней стены.

Настала холодная безоблачная ночь. Высоко в чистом темном небе ярко горели серебристые звезды, посылая на землю свой бесстрастный, отливающий серебром свет. Молодых людей охватила безотчетная тревога. Они молчали, и сердца их сжимались от дурных предчувствий. Улица была пустынной. В домах, мимо которых они проезжали, не слышно было ни голосов людей, ни смеха детей. Над городом висела мрачная напряженная тишина, как будто бы город готовился к смерти. Они с надеждой посмотрели на небо. Еще недавно ярко мерцавшие звезды, казалось, манявшие своей таинственностью, теперь померкли, свет их стал тусклым и желтым. Они как бы говорили, что людям не дано познать тайны бытия, природа строго охраняет свои секреты.

Через некоторое время они, наконец, подъехали к громадным воротам. Здесь царило оживление. Солдаты Пограничного Легиона готовились к предстоящему бою. Меньону и Шерл вскоре удалось отыскать своих друзей, и они несколько успокоились. Но радость их была недолгой.

Выяснилось, что все войска, посланные к реке Мермидон, не вернулись назад — и это был плохой знак. Тем не менее, военачальники продолжали каждый час отправлять все новые отряды к реке. Несколько раз

Янус Сепре порывался сам поехать в район боевых действий, но осторожный Гендель каждый раз отговаривал его от этого шага, напоминая, что на нем лежит обязанность командовать обороной Тирсиса. Дурин решил про себя, что, если Балинор не возвратится до полуночи, он сам пойдет на поиски принца — ведь именно эльфам легче всего пробраться незаметно во вражеский стан. Все были взволнованы и нетерпеливо ждали возвращения Балинора. Со стороны реки Мермидон доносились все усиливающиеся звуки битвы, шум и боевые крики, что свидетельствовало о том, что бой приближается к городу.

Вскоре из леса показалась небольшая группа пеших солдат и всадников, направлявшаяся к городу. Янус Сепре приказал было запереть ворота на огромные железные засовы, подозревая, что это авангард врага. Однако Гендель посоветовал ему не делать этого — он уже догадался о том, что происходит. Через несколько минут вновь прибывшие подошли к самым воротам. Тогда Гендель велел всем на всякий случай отойти подальше, а сам громко крикнул что-то на своем языке. Как ни странно, ему тотчас же ответили. И Гендель молча указал всем на высокого всадника, который сбросил низко надвинутый капюшон, открывая свое красивое и гордое лицо. Все облегченно вздохнули. Перед ними находился принц Каллахорна Балинор, живой и невредимый, хотя и пребывающий в самом мрачном расположении духа. Он кратко объявил, что Пограничному Легиону не удалось удержать оборону реки Мермидон и теперь войска лорда Уорлока медленно движутся в сторону Тирсиса.

Была уже полночь, когда друзья вернулись в королевский дворец, чтобы подкрепить свои силы ужином. Балинор более подробно рассказал о том, как были проиграны сражения утром и вечером. Потери врагов были огромны, но вместо сотен погибших воинов появлялись тысячи. Казалось, врагам нет числа. Кавалерия Актона проявила чудеса храбрости, всадники подобно молнии врезались в гущу врагов, круша все на своем пути. На некоторое время им удалось сдержать вражеские полчища и отстоять южный берег реки. Балинор с болью описывал это кровавое побоище. Погибли десятки тысяч гномов и троллей, их отвага и фанатическая преданность лорду Уорлоку были достойны восхищения. Воды реки стали красными от крови, но полчища Северной Армии не ослабляли свирепого натиска. Как безумные, они

рвались в бой, бешено размахивая оружием. Казалось, они лишены страха, их вело одно чувство — стремление к победе. Злая воля лорда Уорлока настолько подчинила этих людей, что они лишились обычных человеческих чувств: страха смерти, осторожности, чувства самосохранения.

Между тем время шло, и приближался рассвет. Единственное, что радовало Балинора, были относительно маленькие потери, которые понес Пограничный Легион в ходе жестоких схваток с врагом. Балинору удалось сберечь несколько дивизионов. Кроме того, кавалерия прочно удерживала рубежи на правом и левом флангах. Враг отличался необыкновенным упорством в атаке, а его численное превосходство сковывало маневренность защитников. Положение усугублялось еще и тем, что атаки орд Севера были непредсказуемы и возникали в самых неожиданных местах — это парализовывало управление, вносило сумятицу в ряды обороняющихся, и разумные команды военачальников не достигали цели.

Но недаром Балинор славился своим военным мастерством, отвагой и доблестью. Эти качества сделали его душой легендарного Пограничного Легиона, он слыл лучшим полевым командиром Южных земель. Не ожидая решительного наступления Северной Армии, он решил использовать довольно сложный военный маневр. Принц Каллахорна разделил свою армию на две части, отвел их на фланги и начал атаковать наступающие колонны врага. Используя наступившую темноту и то обстоятельство, что каждый воин Легиона прекрасно ориентировался на местности, небольшие подразделения солдат Легиона продвинулись вперед и незаметно внедрились в наступающие колонны, образовав с каждого фланга полукруг. Несмотря на малочисленность, эта военная хитрость создавала впечатление, что наступление ведется крупными силами. Балинор и Фэндвик командовали левым флангом, а правый фланг находился под контролем Актона и Мессалина. Когда просочившиеся под покровом темноты отряды начали действовать, в армии северян возникла паника. Пораженные численностью и масштабом наступления южных войск, воины Севера потеряли самообладание. В их рядах началось смятение, тем более губительное, что бой шел на чужой, совершенно незнакомой им местности. Два полукруга южан с флангов стали сжиматься, окружая армию Севера. Балинор был в центре битвы, увлекая солдат своим примером. Враги

несли огромные потери. Прежде всего пострадала пехота, затем начали гибнуть тысячи более опытных кавалеристов. Когда теснимые южанами фланги северян стали сближаться, зажатые кольцом окружения, солдаты лорда Уорлока не разобрались, с кем они встретились, — началось страшное избиение друг друга в темноте. Никто не смог бы сосчитать, сколько гномов и троллей погибло в этой взаимной резне. Каждый из них думал, что сражается с врагом, и самоотверженно бился, хотя на самом деле они дрались друг с другом, а тем временем Балинор благополучно отвел свои отряды к воротам города. Хитрость его полностью удалась. Потери Легиона были ничтожны. Балинор сумел провести битву с большим успехом, но, несмотря на это, понесшие огромные потери войска лорда Уорлока не потеряли боеспособности и могли начать новое наступление. Однако было ясно, что Балинор предотвратил немедленный прорыв первой линии обороны и немедленное вторжение врага в город Тирсис — это был главный итог битвы.

Вражеские полчища отдыхали на зеленых лугах далеко за городом. На большом расстоянии было видно множество крошечных огней костров. Армия лорда Уорлока восстанавливала силы для предстоящего на рассвете наступления на внешнюю стену города, его последний оплот из камня и железа. Луна равнодушным светом озаряла эту картину.

Сидя у большого стола, Гендель отдавал дань вечерней трапезе и мрачно думал о недавно осмотренных им укреплениях. Все было в порядке, но сердце карлика не покидала тревога. Внутренне он чувствовал, что в оборонительных укреплениях Тирсиса были уязвимые места.

На какой-то момент его мысли перенеслись в родной Кульхавен. Карлик вспомнил свою семью, которую не видел уже несколько месяцев. У него защемило сердце при мысли о том, что он, возможно, уже больше никогда не увидит ее. Он не так уж много времени проводил дома, его жизнь в основном проходила в пограничных войнах, то и дело возникавших в лесах и горах Аннара. Он очень тосковал по родным местам, по прекрасным зеленым лесным полянам. Неужели он так давно не был дома? Мысли эти стремительно пронеслись и ушли — времени на долгие размышления не было.

Дурин и Дэйел тихо разговаривали с Балинором, их мысли целиком были заняты родной страной. Дэйел боялся предстоящей битвы, но твердость духа всех

остальных друзей, перед которыми стояла такая же опасность, придавала ему силы. Перед его глазами возникло нежное лицо Линлисс, и эльф подумал, что только ради этих прекрасных глаз стоило бы отдать свою жизнь. Дурин внимательно наблюдал за братом, и, когда на губах его появилась улыбка, он понял, что брат вспоминает о своей невесте. Дурин любил брата крепко и нежно и сейчас лишь укрепился в решении сделать все от него зависящее, чтобы обезопасить жизнь Дэйела. Он чувствовал себя ответственным за судьбу брата — особенно теперь, на пороге самой большой опасности, с которой когда-либо им приходилось сталкиваться. Дурин вспомнил об Эвентине и его могущественной армии, удивляясь, что она вовремя не пришла в Тирсис. Без помощи войск Эльфов Пограничному Легиону вряд ли удастся долго держать оборону города. Дурин допил до дна стакан вина, и по телу его разлилось приятное тепло. Его острый взгляд внимательно изучал лица собравшихся и на какой-то момент остановился на встревоженном лице Меньона Леа. Житель высокогорья с аппетитом поглощал ужин — он не ел уже больше суток. Запив плотный ужин стаканом вина, Меньон обратился к Балинору. Его тревожила предстоящая битва. Выяснив интересующие его вопросы, он откинулся на стуле и погрузился в раздумье. На сей раз он думал не о Ши, не о Мече Шаннара и даже не о Шерл. Перед его мысленным взором возникло темное загадочное лицо великого Друида. Только Алланон мог ответить на волновавшие их вопросы. Он один знал секрет Меча Шаннара. Знаменитому Друиду была известна истинная цель появления Тени Бремена, человека, умершего пятьсот лет назад. Он один всегда и везде знал, что их ждет во время долгого и опасного похода в замок Паранор. При этом он сам оставался самой большой загадкой.

Но теперь Алланона не было с ними, и только Флик, если он еще жив, мог бы рассказать о судьбе великого Друида. Сейчас все они, как никогда раньше, нуждались в помощи этого человека. Исчез Ши, потерян Меч Шаннара, и хорошо еще, если Ши все еще жив... Меньон в досаде прикусил губу, с отчаянием прогоняя страшную мысль, — нет, нет и нет! Ши жив, и не может быть иначе!

Меньон все время казнил себя за то, что допустил много ошибок, в результате которых они потеряли Ши, Меч и найдут ли их в дальнейшем — неизвестно. Враг все-таки сумел загнать их в угол. Теперь перед ними

была одна дорога — только победа. На этот раз со всей серьезностью стоял вопрос: жизнь или смерть. К великому сожалению, в предстоящей кровавой битве погибнет огромное количество людей, и лишь некоторые из них знают истинные причины своей гибели. Немногим из тысяч и тысяч людей известно, что смерть их не будет напрасной. Увы, это неизбежный атрибут каждой войны, когда множество людей умирает по ненужной им причине, — это повторяется из века в век. Мало кто знал, что эта война и ее истинные цели лежат за пределами обычного человеческого понимания, — это была война между существами из мистического мира и простыми смертными. И как можно уничтожить такое явление, как лорд Уорлок, если его невозможно понять, невозможно поверить в его существование до тех пор, пока его посланники не схватят тебя за горло и не превратят в беспомощную песчинку. Только Алланон способен понять природу этих существ. С ними нужно бороться их же методами, которые недоступны для любого нормального человека. Но где он, Алланон? Именно сейчас он, как никогда раньше, нужен им!

Свечи медленно догорали, и комната, где затаилась вечерняя трапеза, погружалась в полумрак. Голоса становились все тише и вскоре перешли в осторожный, еле слышный шепот, как будто они старались не разбудить спящего рядом ребенка. Все вокруг спало — и жители Тирсиса, и леса, и горы, и войска Северной Армии. В тишине и покое ночи, озаряемой серебристым лунным светом, казалось, что все отдыхает, все уснуло и что война, несущая боль, разрушение и смерть, — это не более чем мираж, далекое и почти забытое воспоминание. Ожидая неотвратимых событий, пятеро друзей, вспоминающих свои лучшие дни, даже не догадывались, какие страшные удары готовит им судьба, не могли до конца представить себе весь ужас войны (потому что еще не испытали его), такой же близкой и неизбежной, как лорд Уорлок, медленно и неотвратимо приближающийся к ним с Севера, чтобы уничтожить их.

Глава 30

Наступило утро третьего дня поисков Орла Фейна. Все эти дни шел проливной дождь, который не принес радости жителям Северного Королевства. Наконец, непогода утихомирилась над их бесплодными землями,

солнце — тусклый белый шар, едва видный в темноте молочного тумана, осветило черную стену обиталища юрда Уорлока, окруженного грязной землей, которая дымила, как непротопившаяся печь. После пронесшейся бури ландшафт сильно изменился: были смыты многие ориентиры, и лишь четыре скалистые вершины в гряде холмов и пересекающие их долины остались без изменения.

Вначале появление солнца обрадовало обитателей этих безрадостных мест. Его лучи рассеяли ненавистный им мрак, постоянно присутствующий здесь, уничтожили враждебный холод — непереносимый спутник многодневного ненастья. Но вскоре температура стала непрерывно повышаться, и характер ландшафта стал меняться к худшему. Через час после рассвета температура достигла тридцати градусов и продолжала подниматься. Ручьи, стекавшие по склонам оврагов, подпитываемые дождем, превратились в горячие потоки, испарения от которых образовали туманную пелену. Влажность воздуха стала нестерпимой, и горячая сырость окутала все вокруг. Всходы растений, поднявшихся после бури, душились жаркими испарениями и увядали на корню, сжигаемые солнцем и обволакиваемые серым влажным туманом.

Земля, превращенная в грязь дождями, была беззащитна перед жаркими лучами солнца — она превращалась в затвердевшую глину, бессильную дать жизнь растениям. Образовавшиеся лужи, озера и ручьи быстро высохли, и вскоре их следы совсем исчезли. Огромные валуны, усеявшие бесплодную землю, быстро впитали жар солнечных лучей, накалились, как утюги, и способствовали превращению местности в раскаленную пустыню. Медленно, но верно окружающая территория приобретала присущий ей до дождей вид: сухие бесплодные земли, лишенные жизни, лежащие под огромным безоблачным небом. Единственным признаком жизни было солнце, совершавшее свой вечный путь с востока на запад и превращавшее дни в годы, а годы в века.

Три сгорбленные фигуры внезапно вылезли из скальной пещеры в подножии одной из многочисленных гор, их согнутые тела медленно распрямились, а глаза напряженно вглядывались в стену тумана, окружавшую их. Довольно долго простояв в безжизненной мгле и внимательно осмотрев окружающее их безжизненное пространство, которое напоминало бесконечно длинное кладбище со скальными могильными холмами для тех, кто

вошел в это отвратительное королевство, они почувствовали, как их душами овладевает безнадежность. Тишина и туманная сырость как бы предупреждали их о грядущей смерти.

Ши повернулся к своим товарищам. Панамон растирал руки, ноги и спину, пытаясь вернуть к жизни онемевшие мышцы. Его темные волосы были взъерошены, а на лице образовалась трехдневная борода. И хотя Панамон выглядел изможденным, его глаза загорелись, как только он встретился взглядом с Ши. Могучий Кельтцет осторожными шагами направился к вершине ближайшего холма, внимательно оглядывая северную сторону горизонта.

Они скрывались в своем укрытии-пещере три дня, пока свирепствовал ужасный шторм. Это были три потерянных дня для поисков Орла Фейна и Меча Шаннара, три дня, в течение которых полностью исчезли следы призрачного гнома. Они безуспешно бродили среди скал, ели только по необходимости, а спали только тогда, когда делать было нечего. В разговоре Ши и Панамон хорошо понимали друг друга, хотя Кельтцет оставался еще полной загадкой. Ши попытался настоять, чтобы они продолжали преследование, несмотря на непогоду и шторм, но Панамон отказался от этого плана: никто не мог уйти далеко в такую бурю. Орлу Фейну все равно пришлось бы либо искать убежище, либо рискнуть попасть в грязевой поток и утонуть в нем. Во всяком случае, грабитель был уверен, что гном не мог уйти далеко.

Кельтцет спустился с холма и помахал всем рукой. Вокруг никого не было, и поэтому спорить о дальнейших планах не стоило. Захватив свои пожитки, они спустились на берег реки и двинулись на север. На этот раз планы Ши и Панамона совпадали. Для обоих поиск Меча Шаннара стал не только делом чести, не только жгучим желанием найти таинственный талисман — это превратилось в стремление охотника поймать что-то неведомое, оставшись при этом живым в этом диком краю.

Замок лорда Уорлока находился на севере, среди высоких черных гор. Это место укрывала пелена тумана, обозначавшая одновременно и границу Королевства Черепов. Перед ними было два пути: продолжать свое опасное путешествие или вернуться назад, в Южные земли. Эльфы могли помочь им вернуться назад, тем более, что Ши мог доказать им, что принадлежит к их племени. Еще в Кульхавене Алланон говорил об этом Ши, а

теперь Ши рассказал об этом Панамону. С другой стороны, Меч Шаннара был тем оружием, которое могло бы защитить их от лорда Уорлока, — и если они добудут его, то победят в этой неравной борьбе. Главная задача заключалась в том, чтобы завладеть этим талисманом и выбраться через проклятый туман обратно. Это было крайне рискованное мероприятие, но в данных условиях этот вариант представлялся наилучшим, и они решили продолжать путь на север.

Их поход был крайне трудным, таким же тяжелым, как и до бури. Почва была покрыта илом, что затрудняло движение, а скрытые илом трещины в земле представляли немалую опасность. Местами приходилось двигаться ползком, и вскоре все трое покрылись пылью и синяками от многочисленных падений. Ноша, которую им приходилось нести с собой, осложняла их продвижение. Казалось, они стоят на месте — настолько медленно они двигались вперед. Окружающая их местность была настолько однообразной, что они даже не могли оценить величину пройденного пути. Время тянулось бесконечно медленно. Жара и влажность нарастали, и скоро их одежда промокла от пота. Пришлось снять плащи и привязать их за спинами — бросить их было нельзя в ожидании ночного холода.

— Это то место, где мы в последний раз видели его, сказал Панамон, стоя на вершине холма и тяжело дыша. Ши поравнялся с Панамоном и огляделся вокруг, ничего не понимая. Все холмы выглядели почти одинаково, различия между ними были ничтожны. Ши еще раз осмотрелся — и понял, что не смог бы определить, откуда они пришли.

— Кельтцет, ты что-нибудь видишь? — спросил Ши.

Троль медленно обошел холм, внимательно разглядывая землю. Он искал следы, оставленные маленьким гномом, — но буря, видимо, стерла все. Сделав еще несколько кругов, троль отрицательно покачал головой. Измазанное грязью лицо Панамона покраснело от гнева.

— Тем не менее, он был здесь. Пойдемте дальше!

И они пошли вперед в молчании, с трудом преодолевая многочисленные холмы. Говорить было не о чем, и они шли в полной тишине. Даже если Панамон ошибся, других вариантов ни у кого не было. Примерно в течение часа они продвигались на север. Ничто не привлекало их внимания, и постепенно Ши стало овладевать отчаяние. Невозможно обыскать всю землю с запада до востока:

даже если лукавый гном прошел в пятидесяти ярдах от их пути, они никогда не узнают об этом.

Мышцы всего тела Ши болели от долгого пути, и он предложил сделать короткую остановку, чтобы отдохнуть и обсудить дальнейшее направление пути. Возможно, они идут в неправильном направлении? Но взгляд, брошенный на сразу потемневшее лицо Панамона, отбил охоту у Ши развивать эту тему. У заядлого искателя приключений было такое же выражение лица, которое Ши уже видел тогда, когда он уничтожил гномов несколькими днями раньше. Панамон опять стал охотником, и если ему удастся найти Орла Фейна, то последний, скорее всего, станет мертвецом. Ши непроизвольно вздрогнул и отвел взгляд.

Отдохнув, они продолжили путь и через несколько миль наткнулись на то, что искали. Кельтцет заметил этот предмет первым, поднявшись на очередной холм, — его острые глаза сразу обнаружили что-то необычное, зарытое наполовину в грязь на дне небольшого оврага. Сделав предостерегающий жест, он быстро спустился на дно оврага и бросился к неизвестному предмету. Вытащив его из грязи, он понял, что это был кусок одежды — видимо, часть рукава туники. Внимательно рассмотрев его, Ши спросил, не является ли этот кусок частью одежды Орла Фейна. Огромный тролль кивнул в знак подтверждения. Панамон привязал найденный клочок ткани к своей пике и удовлетворенно усмехнулся.

— Итак, мы нашли его. На этот раз он не уйдет.

Но в этот день они не нашли ни Фейна, ни малейших признаков его местонахождения. Казалось, что в окружающей грязи следы гнома должны были четко отпечататься — но их не было. Создавалось впечатление, что Орл Фейн шел, не касаясь земли. Возможно, дождь смыл его следы, но по воле случая оставил клочок ткани от рукава. Конечно, этот клочок одежды мог быть принесен потоком воды из какого-нибудь другого места, так что нельзя было определить наверняка, куда и откуда пролегал путь Орла Фейна.

Вскоре наступила ночь, и темнота была столь густой, что видеть что-либо даже за несколько футов было невозможно и поиски пришлось прекратить. Кельтцет остался на карауле, а падавшие от усталости Ши и Панамон мгновенно уснули. Температура воздуха резко понизилась, а влажность была по-прежнему высокой, и всем трем путникам пришлось закутаться в отсыревшие плащи.

Проснувшись утром, они увидели все тот же серый туман. День не был таким влажным, как предыдущий, но он не был и ясным. Солнце еле проглядывало сквозь туман. Вокруг царил мертвая тишина, и трое путников чувствовали себя полностью изолированными от внешнего мира. Однообразие пейзажа и тишина стали действовать на нервы путешественников. Ши начал раздражаться по пустякам, а обычно веселый и разговорчивый Панамон впал в угрюмое молчание. Только Кельтцет оставался таким же невозмутимым, как и прежде,— его лицо сохраняло обычное спокойствие и уверенность.

Короткий завтрак был проглочен без обычного аппетита, и они начали новый этап поисков. Правда, охота началась почти без азарта: ими владело одно желание — быстрее закончить этот изнурительный марафон. Они были вынуждены продолжать путь — как из чувства самосохранения, так и потому, что другого выхода у них просто не было. Ши и Панамону было непонятно, какое чутье руководит Кельтцетом, который уверенно вел их по пути, понятному только ему. Видимо, он был в своей стране и лучше их понимал обстановку.

Вместе с тем Ши и Панамон безуспешно пытались разгадать те мотивы, которыми руководствовался тролль,— почему он продолжал вместе с ними изнурительное преследование в течение трех дней? Накопившаяся усталость мешала им продумать это до конца, хотя поведение их проводника и казалось им очень подозрительным,— но они были уверены, что узнают это в конце путешествия. Они по-прежнему упорно шли по пыли сквозь туман, и, когда время подошло к полудню, Панамон вдруг резко остановился.

— Смотрите, следы! — воскликнул он. Издав этот восторженный крик, грабитель бросился влево к небольшому холму, оставив Ши и Кельтцета в полном недоумении. Подбежав к нему, они наклонились и увидели ясные отпечатки следов в засохшей грязи. Их происхождение не вызывало сомнений — это были следы сапог гнома со скошенными каблуками. Эти следы вели на север, но было ясно, что оставивший их не был уверен в правильности выбранного пути — следы петляли: видимо, Фейн бродил, отыскивая правильное направление. По команде Панамона преследователи вскочили и бросились вперед. Судя по отпечаткам, Фейн прошел здесь не более часа назад, и у них появился шанс быстро настигнуть его. По выражению лица Панамона было ясно, что он увидел

конец их пути и был полон злобной радости закончить охоту. Подхватив свои пожитки, они быстрыми шагами двинулись на север, полные решимости догнать Орла Фейна.

Следы, оставленные маленьким гномом, были довольно запутанными: они кружили, иногда направлялись на восток, иногда заставляли подниматься на пыльные холмы, иногда даже возвращались назад. Когда солнце перешло через зенит, Кельтцет обратил внимание на то, что следы стали более свежими. Но все равно нужно было торопиться — если ночь настанет прежде, чем они завершат погоню, они рискуют упустить гнома. Уже дважды до этого дня они были на грани успеха, но каждый раз непредвиденные обстоятельства мешали им завершить поиск. Конечно, они не хотели повторения этих неудач, и Ши внутренне поклялся себе продолжать преследование даже в полной темноте.

Вскоре на горизонте показались остроконечные скалы страшного Королевства Черепов, их похожие на бритвы вершины четко вырисовывались на фоне темнеющего неба. У жителя Долины непроизвольно возникло чувство страха, усиливающегося по мере приближения к Северному Королевству. Он стал понимать, какую непосильную ношу взвалил на свои плечи: ранее он не представлял всей грандиозности своей задачи, ведь поиск Орла Фейна и Меча Шаннара были только частью той проблемы, которую он должен был решить. Вместе с тем он понимал, что должен выполнить свою миссию и первоочередная его задача — закончить погоню, а потом вернуться на свою родину.

Вскоре местность стала более ровной, холмы исчезли, и это позволило путникам обозревать значительно большие расстояния и увеличить темп движения — такое случилось впервые после преодоления черной стены. Перед ними расстилалась безжизненная равнина. Коричневая земля, серые скалы на горизонте неумолимо направляли их путь к столице Королевства Черепов и жилищу лорда Уорлока. Казалось, обширной равнине не будет конца — она уходила на север, и ничто живое не наполняло ее: ни одно насекомое не издавало ни звука, ни одна птица не появлялась в небе, даже ветер не поднимал тут пыли. Все здесь говорило о смерти. И только следы Орла Фейна уходили на север и исчезали вдали — казалось, его поглотила земля. Эта гнетущая обстановка заставила путников на минуту остановиться — еще не поздно было

вернуться назад, эта враждебная земля пугала их. Но они преодолели эти сомнения и решительно двинулись вперед. Цепочка следов пока была ясно видна, и преследователи могли двигаться в правильном направлении. Примерно через два часа Кельтцет заметил, что они отстают от гнома менее, чем на час. К сожалению, приближался вечер, и солнце быстро скатывалось за горизонт. В воздухе появилась серая дымка, от земли стали подниматься испарения.

Наконец наступили сумерки. Движение трех путников замедлилось, так как Панамону приходилось низко нагибаться, чтобы различить следы гнома в наступающей темноте. Теперь он взял на себя главную роль проводника. Скорость их продвижения стала еще меньше. Грабитель так вошел в свою роль, что чуть не лишился чувств, обнаружив, что следы вдруг исчезли. Ши и Кельтцет пришли к нему на помощь и после тщательного изучения поверхности почвы поняли, что кто-то старательно стер следы маленького гнома.

Внезапно они увидели, что из темноты стали появляться какие-то странные фигуры. Ши заметил их первым, но решил, что его обманывает зрение. Однако Панамон понял, что происходит. Быстро выпрямившись, он схватил широкий меч и выставил вперед пику. Как ни быстро он это сделал, реакция Кельтцета оказалась еще быстрее. Прыгнув вперед, он оттолкнул удивленного этим действием Панамона. Поведение тролля казалось необъяснимым, недоверие к нему не ослабело, однако грабитель все-таки опустил оружие, хотя и с крайней неохотой. Испуганный Ши с ужасом обнаружил, что их окружает по крайней мере дюжина темных фигур — это была банда гигантов-троллей. Положение трех героев казалось безвыходным.

В это самое время на западе скакала группа всадников-эльфов. Они мчались по долине, направляясь на восток. Это был легендарный путь, по которому тысячелетиями двигались легионы Ренна через Равнины Стрелехайма к крепостям Восточных земель, естественная граница земли Эльфов. Именно на этом пути были разбиты могучие армии лорда Уорлока легионами Эльфов во главе с Джерлом Шаннара. Именно здесь Брона встретился с Бременом, и бежал от него, напуганный таинственной силой Меча Шаннара, — он бежал со своей огромной армией в долины, где его остановила армия

Карликов, поймала в ловушку и разгромила его силы. Эта долина была достопримечательностью самой истории: здесь произошли самые главные события со времен Великих Войн, долина стала естественным историческим памятником.

Командир отряда Эльфов Джон Лин Сандор отдал приказ спешиться, и уставшие эльфы охотно его выполнили. Приказ этот не был продиктован памятью о прошлом — командир заботился о будущем. Острые глаза Сандора всматривались в западные леса, окружающие древнюю крепость Паранор. Он проклинал тот день, когда покинул своего любимого короля — лучшего друга, который назначил его советником и своим личным телохранителем. Он помнил, как они вместе готовились к отражению наступающих армий Броны, как таинственный кудесник Алланон предупредил их о грозящей им опасности. Этот человек никогда не ошибался, и его предупреждение оказалось, как всегда, точным. Эльфы последовали советам Алланона, но война приняла совсем другой характер. Паранор пал, а в связи с этим был утерян и Меч Шаннара. И снова Алланон пришел к ним на помощь, предложив патрулировать Равнины Стрелехайма, окружающие Паранор, чтобы предотвратить любую попытку Гномов переправить Меч Шаннара на север, в замок лорда Уорлока. И вновь Эльфы выполнили указания Алланона.

Однако их усилия оказались тщетными. В то время, когда Джона Лин Сандора не было с королем, группа гномов, оставшихся в Параноре, внезапно пробилась в Северные земли, прорвав линию обороны Эльфов. Конечно, отряды Эвентина и Джона Лин Сандора могли бы легко перехватить эти два отряда гномов, если бы им не помешало вторжение объединенных армий Гномов и Троллей, авангарда наступающего войска Северных земель лорда Уорлока. Полки Джона Лин Сандора были разбиты, а сам он едва спасся. При этом он потерял следы короля — Эвентин куда-то пропал со всей своей свитой, и Джон искал его уже три дня. Тем не менее Джон был уверен, что найдет своего повелителя, — его не так-то просто было убить. Соратника Джона поддерживали оптимизм командира.

— Сейчас нам страшно, но я уверен, что Эвентин жив, — сказал молодой солдат.

— Я не могу объяснить это, но и я уверен, что он жив, — сказал другой.

Брин Эллесидил был младшим братом Эвентина, он мог бы стать королем Западных земель, если бы его брат погиб. Но он не стремился к этому. Когда Эвентин исчез, он не стал принимать командование армиями и председательствование в Королевском Совете, а сразу же организовал поиски пропавшего брата. Это дезорганизовало правительство королевства Эльфов, наступил хаос, и народ, лишенный руководства, не мог организовать эффективного сопротивления наступающим армиям Севера. Люди разбились на отдельные группы, были испуганы и ждали лидера, который возглавил бы оборону. Вместе с тем Эльфы были достаточно дисциплинированными и не позволили развалиться государственной машине — Эвентин был достаточно сильной личностью, и вокруг него сплотилась большая группа людей, когда он взошел на престол. Молодой монарх смог создать достаточно сильное правительство, которое было ему послушно и следовало его советам. Теперь слухи об его исчезновении сильно потрясли людей, а ни у Брина Элессидила, ни у Джона Лин Сандора не было такого авторитета, да и времени, чтобы организовать оборону. Мысли их были заняты только тем, чтобы найти исчезнувшего короля. Патрули Эльфов предприняли вылазки в расположение армии Гномов и войск Северных земель, но никого не нашли и вернулись в деревню Каос, чтобы передохнуть и сменить лошадей. Затем они опять отправились на поиск.

Джон Лин верил, что он, в конце концов, найдет Эвентина, если только тот жив. Он знал, что огромные полчища Северных земель двигаются на юг, к королевству Каллахорн, и еще неделю назад они одержали бы победу, если бы не героическое сопротивление Пограничного Легиона, который, правда, был разбит. Если враги пленили Эвентина (как думали Брин и он), то он все равно найдет его в качестве заложника Броны. В любом случае лорд Уорлок не мог не понимать значение Эвентина, как короля Эльфов, — самого любимого вождя народа со времен Джерла Шаннара. Конечно, Эльфы сделают все, чтобы освободить его. Убийство Эвентина может так обозлить Эльфов, что их объединенные силы могут разбить любые войска, — а если Эвентин будет жив, то его подданные не рискнут предпринять решительные действия, чтобы не повредить своему кумиру. Конечно, у Джона Лин Сандора и Брина Элессидила не было иллюзий по поводу того, что враги вернут Эвентина целым и невредимым

Они хотели выручить его до того, как будут побеждены армии Южных земель.

— Хватит отдыхать. По коням! — скомандовал Джон Лин.

Всадники быстро вскочили на лошадей, прервав короткий отдых. Их командир был первым в седле. Небольшая фигура Брина была рядом с ним, и отряд двинулся вдоль долины. Наступило серое утро, в воздухе еще чувствовалась ночная сырость. Высокая трава, мокрая от росы, затрудняла движение лошадей. Было довольно холодно, и эльфы погоняли лошадей, чтобы согреться. Тихо переговариваясь, всадники почти пересекли долину, когда ехавший впереди Джон Лин внезапно остановился. Всмотревшись в окружающий их туман, он воскликнул:

— Брин, впереди всадник!

Мгновенно Брин оказался рядом с командиром, и они стали пристально вглядываться в приближающегося всадника. Его черты в сумерках были почти неразличимы. Брин подумал было, что это возвращается его брат, но он быстро понял, что ошибается — всадник имел слишком малый рост для Эвентина. Когда он приблизился к отряду, эльфы увидели, что этот человек не принадлежит к их племени. Его широкое лицо лоснилось от пота. Остановив свою лошадь перед отрядом, незнакомец сказал:

— Я встретил человека, который попросил меня найти помощника короля Эльфов Эвентина. Это было несколько дней назад.

— Я Джон Лин Сандор, — сказал командир патруля. Утомленный всадник облегченно вздохнул.

— Я Флик Омсфорд и приехал из Каллахорна, чтобы найти вас.

С трудом спешившись, он стал растирать поясницу.

— Если вы дадите мне отдохнуть хотя бы несколько минут, я смогу проводить вас к Эвентину.

Ши шел между двумя троллями, не в состоянии отделаться от чувства, что Кельтцет предал их. По его команде они, не оказывая сопротивления, отдали оружие. Вначале Ши думал, что Кельтцет, принадлежа к одной расе с троллями, сможет договориться с ними, — но тот даже не пытался вступить с ними в контакт. Панамону и Ши связали руки, предварительно разоружив. Поведение тролля было полной загадкой. Ши был рас-

терян, а Панамон озлоблен — ведь Кельтцет был его другом, на которого он мог положиться. И теперь Панамон испытывал ненависть к троллю, причем Ши знал, каким опасным человеком был Панамон в своей вражде.

Они не имели понятия, куда их ведут. Ночь была совершенно темной, и Ши пытался только запомнить дорогу для возвращения назад. Панамон упорно молчал. По-видимому, тролли рассматривали их как заложников. Их схватили там, где исчезли следы гнома, — не исключено, что и он был схвачен троллями. А что при этом стало с Мечом Шаннара?

Несколько часов они шли в кромешной тьме. Ши потерял счет времени и настолько устал, что, в конце концов, упал и захватчики тащили его, как мешок с зерном. Очнувшись, он увидел свет костра и понял, что его несут в большую палатку. Проверив, насколько крепко связаны его руки, тролли удалились, а Панамона и Кельтцета куда-то увели. Ши попытался освободиться от пут, но ничего не смог сделать. Усталость взяла свое, и он заснул.

Ши проснулся от грубых прикосновений грязных рук. Огромного роста тролль сказал ему что-то непонятное и, указав на тарелку с едой, вышел из палатки. Ши с удивлением отметил, что его руки и ноги свободны от пут. Помассировав запястья и лодыжки ног, чтобы восстановить кровообращение, он немного поел и прислушался к тому, что происходило за пологом палатки.

А там царило оживление, слышались крики троллей. Уже наступило утро. Ши решил было покинуть палатку, но тут появился солдат-тролль и знаком дал понять, что пленник должен следовать за ним. Ши прошел через весь лагерь, миновав множество палаток, которые казались пустыми. Костры догорали, голосов солдат не было слышно. Ши показалось, что его ведут на казнь. Эта мысль парализовала его, и он даже не пытался бежать.

Вскоре его привели на открытое пространство, где полукругом сидели десятки троллей, внимательно глядящих на него. Среди троллей сидел и Панамон. Но вскоре Ши понял, что общее внимание обращено к Кельтцету, который стоял в центре полукруга. Он даже не обернулся, когда привели Ши и посадили рядом с Панамоном. Главный тролль встал и постучал жезлом о землю. Собравшиеся поднялись, повернулись к востоку и начали дружно говорить что-то на своем языке. Прочитав, видимо, молитву, все сели.

— Это была молитва перед тем, как нас будут судить, — произнес Панамон, и это были первые слова, которые услышал от него Ши с момента их пленения.

— Я не думаю, что они знают, кто мы. Это, скорее, суд над Кельтцетом, и потребовал его он, так как он был с нами в то время, когда его народ воевал с нашим народом. Это их древний обычай.

Ши взглянул на Кельтцета. Тот держался уверенно.

— Что они сделают с ним, если решат, что он предатель? — спросил Ши.

— Если они решат, что он виновен, его немедленно повесят.

Ши не мог понять судебного разбирательства, не зная языка троллей. Он и Панамон знали, что Кельтцет не был просто изгнанником — у него было загадочное прошлое. Между тем суд шел своим чередом: закончили выступать свидетели и настало время выступить обвиняемому. Огромный тролль поднялся, сохраняя на лице выражение гордости, и внезапно вынул из-за пазухи медальон с цепью. Выставив их вперед, перед судьями, которые с удивлением их рассматривали, Кельтцет затем одел цепь на шею. Раздались крики восторга, и тролли бросились к великану.

— Неужели это спасет нас? — воскликнул Панамон.

— Но что здесь происходит? — спросил Ши.

— Этот медальон — крест и круг! Это Черный Ирикс — высочайшая награда Троллей. Видимо, когда-то Кельтцет заслужил эту награду, а мы об этом даже не подозревали.

— Но ведь его схватили вместе с нами.

— Тот, кто носит эту награду, никогда не предаст свой народ, — резко ответил грабитель.

Приветственные крики троллей затихли, и все стали ждать, что скажет обвиняемый, — и тот заговорил. Панамон стал переводить Ши речь тролля. Кельтцет сказал, что посланцы лорда Уорлока уничтожили его семью, хотя его род является одним из самых древних. Его самого привезли в замок лорда, но ему удалось бежать. Лорд Уорлок приказал вырезать ему язык.

Судья были поражены услышанным и молчали. Затем Панамон продолжил перевод:

— Наш друг говорит, почему он вернулся. Войска Броны может победить только Меч Шаннара, а овладеть им может только потомок короля Эльфов, только ему подвластно это легендарное оружие.

Панамон замолчал и повернулся к гигантскому троллю. В тот же момент Кельтцет обратил свой взор на Ши, всем своим видом показывая, кто является героем его рассказа. Этот поворот событий поразил жителя Долины. Потрясенный, он не мог вымолвить ни слова, а Панамон молчал, ожидая, что еще скажет тролль. Через минуту гигант продолжил свою безмолвную речь, а Панамон — свой перевод.

— Этот молодой человек может проникнуть в Королевство Черепов, и только он, Ши, может овладеть Мечом Шаннара. Только он может победить лорда Уорлока.

Глава 31

Паланс Бакханнах умер на рассвете. Смерть подкралась к нему тихо, почти незаметно, когда первые золотистые лучи солнца появились на горизонте. Паланс умер, не приходя в сознание. Когда об его смерти сообщили Балинору, тот вздрогнул и низко опустил голову. Рядом с Балинором были его друзья, но, когда Гендель дал знак, они оставили его одного и собрались все вместе в небольшом зале. Они хорошо понимали, что Балинор теперь стал последней надеждой рода Бакханнах. Если он умрет в предстоящем сражении, его род исчезнет с лица земли. И что будет с народом Каллахорна?

По странному совпадению почти в тот же час на рассвете войска Северной Армии двинулись в сторону Тирсиса. Несметные полчища лорда Уорлока огромными стройными колоннами шли прямо к сердцу Каллахорна. Около внешней стены города они остановились и какое-то время стояли молча. Затем раздался громкий бой барабанов, и солдаты Северной Армии начали маршировать на месте под оглушительный рев горнов и ритмичный бой барабанов. Все это лишь усиливало тягостное и устрашающее впечатление мощи военной силы лорда Уорлока. Тяжелые сапоги тысяч и тысяч троллей стучали по мостовой, ревели горны, били барабаны, сам воздух был наэлектризован. Казалось, что наливались гроздьи гнева, чтобы разразиться бурей, стихийной и беспощадной.

В следующую минуту барабаны смолкли, наступило короткое молчание, и затем солдаты Северной Армии с дикими криками бросились на стоящий перед внешней стеной дивизион Пограничного Легиона. Посланники лорда Уорлока вступили в бой с таким остервенением

и злобой, что жителям Тирсиса показалось, будто мрачный всеуничтожающий дух самого лорда Уорлока вселился в каждого озверелого солдата. Звенели, вонзались в тело и отлетали в сторону мечи и кинжалы, с пронзительным свистом пролетали тысячи стрел, то и дело возникали рукопашные схватки — всюду лилась кровь, раздавались крики и стоны, падали замертво тела. Страшная кровавая бойня уже перемолола в своих жерновах многие жизни.

Балинор стоял за закрытыми воротами внешней стены и хмуро смотрел на звериный натиск войск Северной Армии. Спокойным и ровным голосом он отдавал приказы. Балинор стал сознавать, что подобная мощь и свирепая ненависть солдат могут совершить невозможное: оборонные рубежи и укрепления перед внешней стеной города были в опасности. Предвидя такое положение, Балинор еще несколько дней назад велел выкопать огромные канавы, колодцы и ямы, достаточно глубокие для того, чтобы в них провалились сотни и сотни захватчиков. На дне их были расположены пружины и механизмы, которые цепко и почти намертво схватывали конечности попавшего в них человека. Сверху все это было замаскировано листвой и огромными бумажными покрытиями с зеленой травой, имитирующими настоящую почву. Вскоре первые разъяренные ряды приблизились к прикрытым зеленью канavam и колодцам. С остервенением размахивая обгаренным в крови оружием, тысячи солдат, ничего не видя перед собой, кроме высокой каменной стены, со всего размаха падали в приготовленные ловушки, застревали там и издавали истошные вопли. В рядах северян началось смятение. Горы искалеченных тел теснились в открытых полумогилах, и не все понимали, что происходит в действительности. Солдат охватила паника, их истерическое воодушевление сменилось страхом перед неожиданным и непонятным препятствием. Озлобленные тролли и гномы налетали друг на друга, будучи в бешенстве от того, что не могли осмыслить ситуацию.

В это время сквозь отверстия в каменной стене с оглушительным свистом полетели тысячи острых стрел. Вонзаясь в тела, они долго дрожали или неподвижно застывали, ожидая немедленной смерти своей жертвы. Один за другим под градом стрел падали окровавленные тела гномов и троллей. Однако ситуация складывалась так, что защитники города вскоре могли потерпеть поражение.

И снова Балинор увидел шанс на спасение. Его

военный гений не дремал. Открыв ворота, он ввел в бой еще несколько дивизионов Пограничного Легиона с изображением леопарда на груди, которые врезались в ряды наступающих врагов. Бой продолжался. Военачальники Северной Армии бросили в битву кавалерию, которая попыталась врубиться в выдвинутые полки Легиона, — но упорное их сопротивление привело к полному поражению всадников. Полки Гномов, хотя и полные желания победить, не смогли устоять перед отвагой легионеров и были отброшены от стен города. Построенные в три колонны воины Пограничного Легиона смогли дезорганизовать наступающих и смешать их боевые порядки. Хорошо организованное наступление захлебнулось контратакой оборонявшихся. В этот момент Гендель дал знак Балинору, и из ворот города вышел еще один отряд, предназначенный для завершения разгрома вражеских войск. Кроме того, из ворот выкатилась железная платформа с шипами, которая понеслась на врагов, сокрушая все на своем пути. Жуткие крики раненых усиливали общую сумятицу. В эту критическую минуту Гендель повторил замысел Балинора, выпустив еще одну платформу, которая привела в окончательное смятение наступающих. Нападение было настолько стремительным, что враги впали в полное замешательство. Учитывая сложившуюся ситуацию, Балинор дал команду войскам левого и правого флангов усилить наступление. Кроме того, он отдал приказ еще одному отряду Пограничного Легиона выйти из городских ворот и принять участие в битве. Эти свежие войска ринулись, как орлы, на ослабленные полки северян. Сопротивление врагов было сломлено, и натиск южан предопределил их победу. К тому же конница под командованием Актона пришла на помощь, ударив слева по совершенно не ожидающим этого гномам. Пехоту поддерживал полк под командованием Мессалина. Свежие войска переломили ход сражения. Отчаянные крики гибнущих бойцов, звон оружия, ржание коней, гибнущих от рук людей, — все безумие этой битвы сделало этот день самым страшным днем в памяти участвовавших в битве воинов.

Особенно тяжелое положение сложилось на правом фланге. Конница южан полностью овладела положением. Отчаянные крики воинов лорда Уорлока, осознающих свою неминуемую гибель, вопли ужаса произвели впечатление даже на испытанных боями воинов Легиона. Тем не менее, бой продолжался по всему фронту.

Блестящие замыслы Балинора и Меньона осуществились. Битва, которую они ждали с таким опасением, прошла для них весьма успешно: враги понесли огромные потери, а войска Южных земель остались сравнительно свежими. Конечно, главную роль в этой победе сыграл военный гений Балинора. Все наблюдатели этой битвы, видевшие несокрушимые полки армий Севера, были поражены исходом битвы.

— Невероятно. Они побеждены! — вскричал в изумлении Меньон Леа, стоя у ворот внешней стены.

— Еще не совсем, — глубоко и часто дыша, произнес Гендель. — Сейчас начнется самое главное. — Опытный подководец понимал, что частный успех отдельного сражения еще не определяет успех всей кампании, и за него нужно упорно бороться.

Солдаты Северной Армии отступали под натиском Пограничного Легиона, однако в глубине вражеского войска наблюдались отдельные всплески активности. Армию лорда Уорлока было не так легко победить: им не доставало выучки и тренированности, но они брали численностью. Балинор и его друзья наблюдали, как внезапно появившееся пополнение, вооруженное с ног до головы, размахивая мечами, свирепо и безжалостно рубило головы своих же воинов, от усталости или отчаяния дрогнувших в бою или отесненных солдатами Пограничного Легиона. Меньон в ужасе наблюдал эту страшную расправу — ничего более жестокого в своей жизни он не видел. Неукротимое в своей ярости войско приближалось к солдатам Пограничного Легиона.

— Скалистые тролли! — взволнованно воскликнул Балинор. — Они сотрут в порошок солдат Мессалина. Янус, сигнал отступления!

Меньон с удивлением посмотрел на Балинора. Ему казалось, что битва уже почти выиграна, и вдруг раздается команда к отступлению... Он молча посмотрел в глаза королю, и тот, грустно улыбнувшись, ответил на незаданный вопрос:

— Скалистые тролли несколько отличаются от остальных троллей Северной Армии. Их с самого рождения учат драться, воевать. Они сильны, выносливы, свирепы, беспощадны, и их невозможно превзойти в рукопашном бою. Это их образ жизни. Я не хочу терять своих солдат, у которых нет такой многолетней тренировки и которые не так сильны физически. Если мы хотим окончательно победить их, на какое-то время нам надо отступить.

Меньон понимающе кивнул и вновь посмотрел на поле боя. Наступающие скалистые тролли сметали все перед собой и медленно приближались к своим врагам. У Меньона мелькнуло опасение, что уже поздно отступить: враг почти настиг солдат Пограничного Легиона.

Но тут произошло нечто неожиданное. Командование обороной города забыло про отряд конных гвардейцев, которыми командовал Актон. Не ожидая приказа, этот отряд храбрецов внезапно атаковал с фланга нападавших. Стремительное наступление всадников опрокинуло строй гномов, и отряд вступил в бой со скалистыми троллями. Пустив коней бешеным галопом, кавалеристы прежде всего осыпали троллей градом стрел, а затем стали рубить мечами. Солдаты-гиганты лорда Уорлока были ошеломлены этим внезапным нападением. Сотни их тут же погибли, пронзенные стрелами и пораженные острыми мечами. Но вскоре эти лучшие в мире воины опомнились и стали оказывать яростное сопротивление. Даже раненые тролли поднимались с земли и снова яростно бросались на всадников, отважно пренебрегая грозящей им смертью. Конники Актона усиленно прищипывали коней, стремясь высоким темпом атаки ошеломить противника, и продолжали наступление на троллей, потери которых увеличивались с каждой минутой все больше и больше. Однако и южане несли чувствительные потери. Заметив, что гвардейцев становится все меньше, Актон подал сигнал к отступлению, и конный отряд резко повернул и направился к воротам Тирсиса. Своей цели конница достигла: враги на время были отвлечены от штурма стен города. Скалистых троллей удалось задержать и тем самым облегчить положение войск Мессалина. С военной точки зрения операция была проведена блестяще. Воспользовавшись этой передышкой, отряды Мессалина успели отступить и занять оборону на новом участке, более безопасном и удобном. Теперь нападавших и обороняющихся разделял глубокий ров, через который был перекинут мост. К счастью, мост, который следовало разрушить, обвалился сам.

В сражении наступил перелом. Попытка северян с ходу овладеть городом не удалась благодаря смелым действиям южан.

Между тем наступил полдень. Стояла нестерпимая жара, и знойное марево раскаленным покрывалом окутывало поле боя. Подступы к городу были усеяны телами раненых и убитых, во многих местах зеленую траву

покрывали пятна крови, и всю эту ужасную картину заволакивали клубы дыма от горящих построек. Воины Севера явно устали, их отряды были ослаблены большими потерями, и солдаты стали собираться в отдельные группы. Однако они не отступали и были готовы вновь идти на штурм города, ожидая только необходимого приказа. Израненные, ослабевшие, они, тем не менее, способны были бросить последние силы в решительную схватку. Однако команды не было. Оба войска стояли друг против друга и бросали на противника яростные взгляды. Многие стали надеяться, что это чудовищное побоище подошло к концу, — все-таки каждый человек в глубине души предпочитает мирную жизнь войне. Многие солдаты даже в минуты боя думали о своих близких, о доме, об оставленных семьях. Они вынуждены были воевать, но в душе их жила тоска о мирной жизни, и поле боя, над которым витала смерть, не радовало людей.

Но несчастный город лишь получил передышку. Поздно вечером армия Северных земель опять предприняла попытку овладеть Тирисом, бросив на штурм новые отряды гномов и троллей. Завязался упорный бой — каждая сторона понимала, что он может стать последним, и поэтому сражалась ожесточенно и с полной отдачей сил. Тролли всячески пытались найти уязвимое место в обороне города, но все их попытки оказывались тщетными благодаря упорному сопротивлению его защитников. Обе стороны несли значительные потери, но накал боя не ослабел даже после наступления темноты. Больше того, около полуночи атаки северян стали еще ожесточеннее, и это привело к трагическим последствиям для Пограничного Легиона. Привыкшие к темноте тролли стали осыпать защитников градом стрел, а солдаты Легиона не могли разглядеть врага в наступившей темноте, и их сопротивление стало слабеть. Поражаемые меткими стрелами они один за другим падали на окровавленную землю. Актон сражался в первых рядах, и вот пущенная троллем стрела пронзила его горло — и великий воин, командир кавалерии Легиона, обливаясь кровью, упал на руки своих товарищей и тут же умер.

Королевство лорда Уорлока было самым диким, пустынным и устрашающим местом в мире. Над этим поистине дьявольским безжизненным куском земли витал призрак гибели, разрушения и смерти. Все проявления животворного созидания природы давно исчезли из этих неблаго-

приятных мест, где в любое время года царили холод, мрак и мертвая тишина. В сыром воздухе скитались призрачные тени, и слепо застыла земля, лишенная жизни и радости. Огромный сверкающий многоликий мир людей и явлений природы, который пел, звенел, созидал и радовался жизни, казался чем-то феерическим, фантастичным по сравнению с этой мертвой массой, мертвой землей без травы, без деревьев, без солнца, без жизни, без времени. На востоке эту землю опоясывала гигантская по своей протяженности Мэльская Топь. Это была ужасающая и самая коварная трясина, которая когда-либо могла встретиться живому человеку. Говорили, что эта топь бездонна, она безжалостно и мгновенно засасывала в свои ненасытные гниющие недра всякого, кто осмеливался приблизиться к ней. В некоторых местах воды было мало, и сверху располагалась скользкая черная пленка, которую трудно было разглядеть в темноте. И все, что нечаянно попадало на эту сатанинскую поверхность, было обречено и немедленно проваливалось, будто чьи-то колдовские щупальца затаскивали жертву вниз и подвергали ее мучительной смерти. С севера и с запада эта земля была закрыта чудовищными горами под названием Бритвы. Это были непроходимые и труднодоступные горные массивы, где преобладали остроконечные скалы, пропасти, пещеры. Только безумцу или великолепно натренированному человеку могла прийти в голову шальная мысль пересечь эти горы. Было несколько подобных попыток, однако все они кончались весьма трагично. Таинственные и коварные горы не пропускали никого. Там не обитали ни птицы, ни животные, лишь ползали гигантские ядовитые пауки, укусы которых, как говорили, смертельны. Суровые, безжизненные остроконечные горы прочно и надежно охраняли границы королевства лорда Уорлока.

Вся территория Королевства Черепов была окружена дьявольским мертвым кольцом, прорваться сквозь которое не представлялось возможным. И лишь на юго-западе взору постороннего открывался хорошо обозримый проход, ведущий к самому центру королевства. Это была чудовищная ловушка. Каждый, кто осмеливался ступить на эту тропу, неизбежно оказывался в западне, выбраться из которой было нереально. С первых же шагов десятки невидимых, но послушных Хозяину глаз и ушей наблюдали за ступившим на эту тропу. Этот участок территории днем и ночью охранялся особенно тщательно и заманивал редких путников своей кажущейся доступностью. И мало

кто знал, что всякий, осмелившийся прийти сюда, был заранее обречен. Рано или поздно любой пришедший сюда подлежал уничтожению. Недалеко от этой длинной и коварной тропы лежала обширная невозделанная земля под названием Килэйкская Пустыня. Над суровой, безжизненной и растрескавшейся почвой витали омерзительные ядовитые испарения Реки Смерти. Мертвые зловонные воды этой реки пропитывали почву, грязно-желтый песок и наполняли воздух застойной и смертоносной вонью. Даже птицы, которым случалось заблудиться в пути или отстать от стаи, залетая сюда, камнем падали вниз, отравленные дьявольским воздухом.

Но самый страшный и угрожающий барьер был расположен на южных границах королевства. Это были горы, носящие название Острие Ножа. Огромные остроконечные скалы, будто вколоченные в землю гигантским монстром, устрашающе поднимались в небо на высоту тысяч футов. Внешне они скорее напоминали не горы, а ряды огромных и безобразных скалистых пиков. Издали казалось, что вдоль линии горизонта подняты дьявольские руки со скрюченными или, наоборот, заостренными пальцами в безжизненном изломе. У основания Гор Острие Ножа испускали страшное зловоние мутные воды Реки Смерти, которая брала свое начало из Мэльгской Топи. Только человек, лишившийся рассудка, мог отважиться пересечь эти горы.

Среди этих безумно-коварных гор был узкий проход в виде извивающегося каньона, который затем открывал ряд кряжистых скальных уступов, протянувшихся на тысячи ярдов вперед. И в глубине, где заканчивалась длинная вереница голых уступов, устрашающе возвышалась одинокая гора. Неровную поверхность горы бороздили глубокие рытвины, будто морщины на старом лице. Вечно сырая погода, дожди и ветры оставили неизгладимый след на поверхности горы. Всякий, кто осмеливался бросить случайный взгляд на эту гору, был шокирован впечатлением, которое она производила. Это было страшное подобие человеческого черепа, увеличенного до гигантских размеров. Под массивным покатым лбом зияли огромные черные глазницы; гигантский грубый нос, впалые щеки и выступающий подбородок с беззубым ртом довершали эту жуткую картину. Это было королевство Бронь или лорда Уорлока. Здесь жил Лорд Тьмы, Мастер, Хозяин. И все, что имело к нему непосредственное отношение, носило изображение черепа.

Был уже полдень, но лишенная жизни крепость пребывала в зловещем молчании — ни голосов, ни движения. Над ней тяжелым серым пологом висело мрачное небо, и густой туман обволакивал цитадель Броны, придавая ей страшные очертания. Тролли вступили в Королевство Черепов спокойно и уверенно. Они шли по извивающемуся каньону мимо скальных уступов прямо к крепости лорда Уорлока. Судя по всему, их тут ждали. Их появление не вызвало ни малейшего удивления. На их лицах было написано вполне определенное намерение видеть лорда Уорлока, потому что они привели с собой... последнего представителя рода Шаннара.

Юный житель Долины подавленно шагал вслед за высокой фигурой Кельтцета, держа за спиной связанные руки. За ними молча следовал Панамон, его руки тоже были заломлены за спину. Вскоре все трое вплотную подошли к устрашающей цитадели лорда Уорлока.

Лорд Уорлок! С самого начала, еще когда Ши впервые узнал собственную историю и свое новое предназначение, с того самого дня, когда Алланон все рассказал ему, он уже знал, что рано или поздно ему придется лицом к лицу встретиться с лордом Уорлоком, который не раз пытался его уничтожить. В сознании Ши стремительно пронеслись волнующие и опасные события последних недель, в результате которых Ши остался жив только благодаря стечению обстоятельств и стоическим собственным усилиям. И вот теперь, после всего этого, он должен предстать перед этим дьяволом, перед этим мистическим и могущественным получеловеком-полудухом... Совсем один, на этой чужой зловещей земле, без преданных друзей, в подозрительной компании грабителя с большой дороги и загадочного изгоя, в сопровождении группы скалистых троллей. Трибунал постановил отправить с ними скалистых троллей в качестве стражников не столько потому, что они думали, что житель Долины в состоянии уничтожить бессмертного Брону, а скорее потому, что их соотечественник был обладателем почетного Черного Ирикса.

Трое судей также пролили свет на судьбу Орла Фейна, который был схвачен троллями. У трибунала не ушло много времени на констатацию факта сумасшествия гнома. И, хотя он пытался задобрить их, рассказывая всякие секреты и тайны, расстройство психики было налицо. Временами казалось, что он разговаривал с

воздухом вокруг него, с собственными руками и ногами, как одушевленными человеческими существами. Единственной нитью, которая связывала гнома с реальностью, был старый меч, который он не выпускал из рук и яростно оберегал. Судьи позволили ему взять с собой этот бесполезный кусок металла, в который гном вцепился мертвой хваткой и ни на секунду не отпускал от себя. После суда Орла Фейна доставили в крепость лорда Уорлока, причем незадолго до появления там Ши, Кельтцета и Панамона Крила.

Ши хорошо сознавал, что впереди его ждет гибель. На протяжении уже довольно долгого времени лорд Уорлок был незримым свидетелем их продвижения в замок Паранор, и не раз его эмиссары, эти чудовищные Носители Черепа, пытались уничтожить его. Да, с самого начала это был страшный риск — отважиться на борьбу с мистическим существом Броней. Ши не раз задумывался над тем, что произошло бы, если бы он нашел легендарный Меч... И что бы было дальше? Вряд ли он отважился бы один на один встретиться с лордом Уорлоком, если бы за ним не стоял Алланон. Ши до сих пор не знал, какая скрытая сила таится в легендарном талисмани. И до сих пор ни он, ни его друзья не видели Меч Шаннара воочию.

Пока они шли к крепости Лорда Тьмы, Ши твердо решил, что, если в результате счастливого стечения обстоятельств он все-таки сумеет завладеть бесценным оружием, он постарается бежать из стен цитадели. Остальные пусть поступают как хотят. Ши был уверен, что Панамон Крил одобрит его решение, хотя они с ним не обмолвились и десятью словами с тех пор, как их повели в Королевство Черепов. Впервые этот человек, привыкший к опасностям и риску, головокружительным авантюрам и приключениям, по-настоящему испугался, столкнувшись с существом из другого мира. Его гордость, самолюбие и человеческие качества, которые этот искатель приключений никак не хотел признавать и тщательно скрывал, не позволили ему бросить новых друзей. А вот что касалось Кельтцета, тут дело обстояло сложнее. С самого начала этот гордый тролль, во взгляде которого ясно проглядывали ум и благородство, немного напоминал Ши Балинора. И, хотя Ши был лишен возможности поговорить с Кельтцетом, он почему-то был уверен в том, что тролль всегда молчаливо поддерживал его. И вряд ли такой человек, как он, предаст Ши

и сейчас. Хотя все может быть... Однако юноше очень хотелось верить в лучшее.

Тем временем всех троих ввели в большой мрачный зал, где с минуты на минуту должен был появиться лорд Уорлок. Внезапно из открывшейся двери вышли странные существа с человеческим взглядом. Похожие на громадных собак, с двумя передними и задними ногами, эти существа имели не морду, а лицо, безликое, расплывчатое, но все-таки лицо. Трудно было сказать, имели ли эти существа разум. И, хотя в глазах их просматривалось что-то человеческое, эти существа, как безумные, слонялись по залу, натыкаясь друг на друга. Подобно видениям из ночного кошмара, эти странные создания окружили троллей и стали с любопытством заглядывать им в глаза, словно желая узнать цель их появления. Кельтцет жестами что-то сказал Панамону Крилу.

— Тролли называют их Мутенс, — шепотом пояснил Панамон. — Не делай лишних движений, не забывай, что ты фактически узник.

Внезапно одно из уродливых существ-мутантов подошло к главному охраннику-троллю и, к величайшему изумлению присутствующих, стало о чем-то тихо разговаривать с ним, время от времени поворачивая голову в сторону Ши и Панамона Крила. Затем этот тролль знаками что-то сообщил Кельтцету, после чего тот взглядом велел Ши и Панамону следовать за ним. И все трое пошли за странным уродливым существом.

Они шли по мрачным сырým коридорам, в лабиринте которых, казалось, застыло дыхание смерти. За каменными стенами раздавались ужасающие стенания, и злое эхо без конца повторяло эти раздирающие сердце звуки. Ши мрачно ждал своего конца. Все его чувства, казалось, атрофировались. Исчезли волнение и страх, он смело шел навстречу последнему испытанию. Наконец, чудовищное создание дотасилось до огромной тяжелой двери и устало присело перед ней. В этот момент Кельтцет, подняв свой тяжелый кинжал, точным и сильным движением отсек голову странного существа. Он подошел к Ши и Панамону и развязал веревки, связывающие их руки. Затем он быстро подскочил к массивной двери и открыл тяжелые засовы. Дверь с глухим скрипом отворилась, и Кельтцет знаком предложил следовать за ним. И Ши с Панамоном осторожно вошли вслед за Кельтцетом в комнату.

— Ну вот, сейчас мы все увидим, — мрачно предрек Панамон.

В глубине комнаты сидел Орл Фейн. Его ноги были скованы цепями, одежда была разорвана и грязна до неузнаваемости. Во всем его внешнем облике появилось нечто такое, что сразу настораживало, — это был уже не тот крикливый гном, которого они не так давно поймали на Равнинах Стрелехайма. Он посмотрел на вошедших с выражением полного равнодушия, в его совершенно бессмысленном взгляде не отражалось никаких чувств или эмоций, лишь изредка его лицо искажала насмешливая гримаса. Временами он говорил сам с собой, не обращая никакого внимания на людей, вошедших в комнату. Его костлявые крючковатые пальцы крепко держали блестящий меч — предмет их долгих и неустанных поисков. Они нашли Меч Шаннара! Это казалось невероятным. Они, наконец, нашли его!

Некоторое время все молчали, будучи не в состоянии ни пошевелиться, ни что-то сказать. Увиденное ошеломило Ши и Панамона. В этот момент гном, в глазах которого появились проблески мысли, обхватил Меч и еще крепче прижал его к себе. Видимо, сквозь пелену нарушенного восприятия Орл Фейн все-таки увидел направленный на него острый кинжал Панамона Крила. Искатель приключений, весь побагровев от гнева, угрожающе склонился над гномом.

— Я пришел за тобой, гном, — хрипло произнес он.

При звуке голоса Панамона Крила к гному на какое-то время вернулся здравый смысл, он вздрогнул, очевидно, узнав Панамона, и в испуге откинулся на спинку стула, который был привинчен к каменному полу.

— Отдай мне Меч, ты, мерзкая крыса! — потребовал грабитель.

И, не ожидая реакции гнома, он схватил оружие и стал тянуть его к себе. Однако это было не так просто. Даже перед лицом смерти Орл Фейн не отказался бы от своего драгоценного приобретения. А смерть была совсем рядом... Вне себя от ярости Панамон выхватил кинжал и занес его над гномом. Но в тот же момент глаза Орла Фейна дико сверкнули, он поднялся и замертво упал на холодный каменный пол.

— Подумать только, сколько дней мы искали этого мерзавца, — хрипло проговорил Панамон. — Я думал, что хотя бы получу удовольствие, убив его, но... ладно, все, не стоит об этом больше говорить.

В негодовании Панамон Крил быстро приблизился к гному и хотел уже взять драгоценный Меч у лежащего

Орла Фейна, но его остановил Кельтцет. Трольл предостерегающе положил руку на плечо Панамона и многозначительно посмотрел в сторону Ши. Оба отступили назад, пропуская вперед Ши.

Меч Шаннара принадлежал Ши с самого рождения, и все же в эти долгожданные минуты он не решался прикоснуться к нему. Юноша испытывал безотчетный страх перед этим легендарным оружием. Прикоснуться к Мечу означало возложить на себя громадную ответственность, с которой, как ему казалось, он не справится. Он вспомнил о могущественной силе камней Эльфов, но... вправе ли он применять их сейчас... и зачем? Ведь рядом лежит Меч Шаннара, который по своей силе, наверняка, превосходит даже магические камни. Перед его взором мысленно возникли образы Флика, Меньона и всех остальных, кто проделал вместе с ним такой долгий и трудный путь, рискуя жизнью, в надежде найти легендарный Меч Шаннара. Ши прекрасно сознавал, что, если он уйдет сейчас и не возьмет Меч, это будет равносильно предательству, ведь он не оправдает надежды всех тех, кто шел ради этого дня, этого часа навстречу страшным опасностям. Это будет означать, что все то, что эти смелые люди бескорыстно делали для него, с самого начала было напрасным и бесцельным. Перед ним возникло мрачное насмешливое лицо Алланона. Нет, великий Друид никогда не простил бы ему подобное малодушие.

Ноги у Ши словно окаменели, он с трудом сдвинулся с места. Юноша весь дрожал, сердце его бешено колотилось, глаза блестели, жилы трепетали. Он наклонился над Орлом Фейном и с трудом прикоснулся к Мечу. Холодная сталь древнего оружия обожгла его ладонь. Ши резко отдернул руку. Его била холодная дрожь, по лицу струились крупные капли пота. Юноша нагнулся еще раз и взял легендарный Меч Шаннара.

Глава 32

Наступил новый день битвы за Тирсис. Обе стороны понесли огромные потери в этой безумной жестокой схватке. После гибели Актона обязанности командующего оборонительными рубежами были возложены на Фэндвика. Принимая во внимание многочисленные потери в рядах своих войск, Балинор отдал приказ прекратить

наступление и перейти к планомерному отражению ударов Северной Армии. Вскоре в тяжелом бою был убит доблестный Фэндвик. Король Каллахорна хорошо понимал, что его армия, несмотря на отвагу и мужество, не сможет долго стоять на оборонительных рубежах. И для того, чтобы избежать дальнейших потерь, он отдал распоряжение медленно отступать вглубь города. Оставив значительные силы около ворот внешней стены города, войска Пограничного Легиона в основной своей массе стали медленно отступать. Это были горькие минуты для отважных защитников Тирсиса. Из-за стен города они молча наблюдали, как войска неприятеля занимали их бывшие отдаленные рубежи обороны. Близилась ночь, и вражеская армия, видимо, решила перенести основной бой на утро. Вскоре еще до наступления темноты жители Тирсиса стали свидетелями того, как на специальных тяжелых повозках были привезены три огромные высокие дозорные башни, которые с помощью механизмов были подняты вертикально и достигали высоты внешней стены города. Скорее всего, это был тщательно продуманный психологический маневр, рассчитанный на то, чтобы держать войска Легиона одновременно в напряжении и под непрерывным наблюдением.

Балинор вместе со своими военачальниками и друзьями из Кульхавена встревоженно наблюдал из-за ворот за действиями неприятеля. У него даже мелькнула мысль ночью организовать вылазку и поджечь вражеские дозорные башни. Однако Балинор тут же отбросил эту мысль, понимая, что именно этих-то шагов и ждут от них враги. Его не покидала мысль о том, что за всем этим массивным наступлением Северной Армии кроется нечто такое, что пока ускользает из общего понимания. Кроме того, Балинор недоумевал, почему к ним до сих пор не присоединились армии Эвентина. Король Эльфов во всех отношениях не тот человек, который может подвести. И, тем не менее, от Эльфов не было никаких известий, что было более чем странно. В душу Балинора стали закрадываться тревожные и мрачные подозрения. Между тем уже совсем стемнело, и, приказав вести усиленное наблюдение за врагом, Балинор предложил всем идти ужинать.

Тем временем небольшая группа людей, укрывшихся в густой тени деревьев в нескольких милях от западных предместий Тирсиса, с волнением наблюдала, как войска

Северной Армии выкатили три огромные башни перед внешней стеной города, готовясь к утреннему наступлению на город-крепость.

— Все-таки мы должны сообщить им, что идет подкрепление, — тихим голосом проговорил Джон Лин Сандор. — Балинор будет рад узнать, что наша армия уже в пути.

Флик выжидающе посмотрел на перевязанного Эвентина.

— Я уверен, что армия уже на пути к Тирсису, — твердо произнес король Эльфов. — Прошло три дня с тех пор, как отправился Брин. Если до завтрашнего утра он не вернется, тогда я поеду сам.

Друг Эвентина покачал головой и положил руку на плечо короля Эльфов.

— Нет, Эвентин. Ты еще слишком слаб для путешествия. Воздержись от передвижений. Балинор — опытный воин, и надо не забывать о том, что еще никогда захватчикам не удавалось проникнуть за стены Тирсиса. Легион достаточно долго может вести оборону.

Какое-то момент все молчали. Флик посмотрел на город, который молча высился в темноте наступившей ночи, и с тревогой подумал о своих друзьях. Где они, что с ними? Меньшон должен быть где-то за стенами города. И ему, конечно, неизвестно, что случилось с Фликом и Эвентином. И он, несомненно, не имеет ни малейшего понятия о том, где находится этот загадочный, непредсказуемый Алланон. Успев появиться в самый критический момент и сотворив чудеса во имя спасения Флика и Эвентина, он без видимой причины опять исчез. Было все-таки много странного, непонятного в самом облике этого человека и его действиях.

— Город окружен и со всех сторон охраняется неприятелем, — мрачно произнес Эвентин. — Будет чрезвычайно трудно пройти через вражеские укрепления и передать Балинору весть о приближении наших войск. Однако, я думаю, ты прав, Джон Лин. Балинор должен знать, что мы о нем не забыли.

— Да, но у нас нет достаточной силы, чтобы прорваться сквозь линию северян в Тирсис, — задумчиво проговорил друг Эвентина. — Хотя...

Он посмотрел на высокие темные башни, воздвигнутые врагами, и перевел взгляд на Эвентина.

— Да, всего лишь небольшой жест, — многозначительно сказал король Эльфов.

Оставалось еще несколько часов до полуночи, когда Балинор отдавал распоряжения специально выделенным наблюдателям за тремя вражескими башнями. Некоторое время он молча и напряженно вглядывался в хаотичные передвижения врага за воротами города. Рядом с ним стояли Гендель, Менъон, Дурин и Дэйел. Внезапно прямо перед высокими башнями взвился в небо огромный язык пламени. Костер запылал так неистово и неожиданно, что солдаты вражеской армии забегали, заметались, пытаясь погасить его и не допустить распространения. Не было ни малейших сомнений в том, что врага застали врасплох. Балинор молча посмотрел на друзей и с облегчением улыбнулся. Ясно, что враг не мог сам поджечь свои укрепления. А это значит, что помощи ждать недолго.

Утро следующего дня началось с тяжелого и унылого рассвета, который угрожающе навис над Каллахорном и Северной и Южной Армиями. Не слышно было ни боя тысяч барабанов гномов, ни топота марширующих солдат, ни каких-либо других признаков начинающегося наступления. Все было тихо: ни звука, ни движения. Около внутренних стен Тирсиса солдаты Пограничного Легиона стояли в нервном ожидании и вглядывались в глубину расположения противника.

Балинор возглавлял командование в районе центральной части внешней стены. Гинниссон командовал правым флангом, Мессалин — левым. Янус Сепре осуществлял руководство городским гарнизоном и резервными войсками. Менъон, Гендель и братья-эльфы стояли рядом с Балинором, дрожа от утреннего холода. Все они едва сомкнули глаза в эту ночь, но, тем не менее, чувствовали себя бодро и уверенно. Они все хорошо понимали сложившуюся ситуацию. На их глазах шла жестокая убийственная война с многочисленными жертвами и бессмысленными потерями, в горниле которой должны были погибнуть еще тысячи и тысячи людей. Неудивительно, что даже те немногие, кто знал истинные причины и цели этой войны, в ходе страшных кровавых схваток нередко забывали об этом, стремясь просто выжить в этих ожесточенных и роковых столкновениях. Война, эта чудовищная бойня, становилась уже рефлексом, жизненной необходимостью, благодаря которой только и можно было существовать.

На вражеских укреплениях было по-прежнему тихо. Солдаты словно застыли, они не двигались и не разговаривали. Они просто ждали. Гендель, видимо, разгадав

маневр неприятеля, что-то быстро шепнул Балинору. И командующий Легиона немедленно послал гонцов во все воинские части для того, чтобы сообщить командирам о неожиданном повороте событий и о том, что им необходимо успокоить солдат и быть наготове.

Меньон не совсем понял, о чем идет речь, и уже намеревался спросить об этом у Балинора, как вдруг ряды вражеских войск за воротами города быстро зашевелились. Вперед вышел высокий воин с красным стягом в руке. Подойдя к стене, он воткнул древко флага в землю и величественно вернулся к своим. Воцарившуюся гробовую тишину трижды нарушил зловещий звук горна.

— Грядет наш последний час, — прошептал Гендель. — Это означает, что они объявляют нам смертельный бой — пощады не будет, в плен никого брать не будут — бой действительно будет смертельным.

Внезапно воздух взорвался громким боем тысяч барабанов, в стане врага все задвигалось и зашумело. В тот же миг в отверстия в стене влетели сотни стрел гномов, застучали ножи, кинжалы, булавы. Войска Северной Армии начали штурм внешней стены Тирсиса. И тут произошло то, что меньше всего можно было предположить. Огромная башня закачалась и со всей силой рухнула на резервуар с маслом, которое растеклось и мгновенно вспыхнуло от витающего в воздухе огня. В одну минуту густой серый дым огромными клубами поднялся в воздух и скрыл из вида первые ряды атакующих. Наступление было прервано, и через несколько минут армия лорда Уорлока почти полностью исчезла из обозрения. В пламени огня горели солдаты вражеской армии.

— Это было совершенно бессмысленно. Неужели они сделали это намеренно? Они сами закрыли себе продвижение вперед! Нет, не иначе, как они сошли с ума, — взволнованно произнес Балинор.

— Возможно, это просто ловкий ход, чтобы сбить нас с толку, — тихо проговорил Гендель.

— И их люди гибнут только для того, чтобы создать маскировочную дымовую завесу? — с возмущением воскликнул Меньон.

— Очень может быть. Если это на самом деле так, то они замышляют что-то хитрое, — сказал Балинор. — Ведите здесь наблюдение, а я пойду к воротам.

— Что же они все-таки собираются предпринять? — не унимался Меньон.

Его вопрос остался без ответа.

— Как бы я хотел поймать Стенмина, — вдруг неожиданно обронил Дурин. — Я чувствовал бы себя намного спокойнее, если бы он был в наших руках.

— Мы почти поймали его, — поспешно сказал Дэйел. — Он вбежал в зал, мы за ним, но он будто испарился в воздухе. Может быть, там был потайной выход?

Дурин кивнул в ответ, но на этом разговор прервался. Ветер принес клубы дыма, и он на несколько минут окутал всех стоящих рядом. Закрыв глаза от едкого дыма, Меньон с грустью и нежностью вспомнил о Шерл, которая ждала его во дворце, о Ши, Флике, об отце, о своем королевстве. Когда он увидит их всех и когда все это кончится?

— Вот, черт! — громко воскликнул карлик, ударив себя по лбу. — Каким же я был дураком! Конечно же, потайной ход! В самом низу дворца, под винными погребками, есть потайной ход, который может вывести в горы, а потом и к равнинам. Однажды старый король говорил мне об этом, но это было очень давно. Конечно, Стенмин знал о нем!

— Надо идти во дворец! — заволновался Меньон. — Там осталась Шерл! Он может причинить ей зло. Если Стенмин еще там, мы непременно схватим его.

— У нас не так много времени, — быстро сказал Гендель и приготовился идти. — Меньон, ты идешь со мной. Дэйел, найди Януса Сепре и скажи ему, что во дворец надо немедленно послать подкрепление. Дурин, найди Балинора и предупреди его. Все, надо идти! И молитесь Бога, чтобы мы не опоздали!

И они пустились почти бегом по дороге, ведущей ко дворцу. Меньон отставал от них, давали знать его незажившие раны на ногах. В это время их догнала коляска, запряженная лихими скакунами, которую им вслед послал Балинор. Друзья быстро заскочили в нее и кони понесли их во дворец Бакханнахов. На улицах города царили суета и напряженное ожидание, лица людей были грустны и взволнованны. Тревожно шумели деревья в пустых парках — люди отказались от прежних радостей. Наступило суровое время больших испытаний.

Ворота королевского дворца были распахнуты, стражи не было. Лишь один дворцовый охранник неспешно подошел к ним и помог выйти из коляски. Его лицо не выражало ничего, кроме легкого любопытства. Оглядевшись по сторонам, они заспешили к двери. И каждый

молил про себя Бога, чтобы их приход не был напрасным. Да, только бы не было поздно...

Во дворце все было по-прежнему, разве что меньше порядка и людей. Меньон хотел немедленно броситься искать Шерл, но Гендель твердо сказал, что милая девушка подождет, и, взяв Меньона за руку, увлек его вниз по лестнице, ведущей к винным погребам. Наконец они достигли их. Дверь была раскрыта. Двое стражников бесцельно слонялись около двери. Отстранив Дурина, Гендель схватился за свой острый кинжал. И в этот момент Меньон с ужасом обнаружил, что он безоружен: его меч остался там, около ворот. Бросив беглый взгляд на стену, он в одно мгновение подскочил к ней и схватил длинный острый нож, висевший там. Нож, хотя и острый,— это отнюдь не то оружие, которое требовалось в этот момент, но выбора не было. Меньон встал рядом с Генделем. Чтобы не упустить Стенмина, им надо было устранить стражников. Слава Богу, их только двое. А сколько их будет там, дальше?

Взмахнув оружием, оба воина бросились на ничего не подозревающих стражников. С ними было покончено в два счета, и все трое спустились еще ниже, где их ждали схватки, которым предстояло стать самыми тяжелыми в их жизни.

Древние винные погреба были освещены мутным светом факелов. По стенам угрожающе бродили мрачные тени. В сыром и холодном воздухе гулко отдавались шаги. Друзья медленно пошли по коридору и остановились перед камерой, дверь которой была раскрыта. Изнутри слышались голоса и звон оружия. В тот же момент навстречу пришедшим вышли вооруженные солдаты. Гендель с облегчением подумал о том, как благоразумно они поступили, отправив назад Дурина, несмотря на отчаянное сопротивление юноши. Предстояла яростная схватка. Вооруженные солдаты окружили Меньона и Генделя и с яростными воплями бросились на них. Поначалу Меньону и Генделю приходилось лишь обороняться, виртуозно отражая бесчисленные удары, сыпавшиеся на них один за другим,— слишком явным было численное превосходство противника. Однако затем инициатива этого небольшого, но жестокого сражения перешла к Генделю и Меньону. Принц Леа взял большой кинжал у убитого возле дверей стражника и теперь один за другим наносил сокрушительные удары. Несколько солдат, пронзенные его кинжалом, как снопы рухнули

на каменный пол. Обладающий огромной физической силой Гендель раскидывал противников направо и налево. Один за упавших солдат чуть было не нанес Генделю смертельный удар, но карлик вовремя заметил это попользование. Он ударил солдата клинком в грудь и пригвоздил его к полу. В дальнем конце камеры показалась знакомая злобещая фигура в алом одеянии. При виде Стенмина Меньюном овладел приступ дикой ярости. И он с невиданной силой и ловкостью стал сокрушать поредевший ряд солдат, не готовых к подобному сопротивлению. И Гендель, и Меньюн рвались туда, где со страшной grimасой на испуганном и злом лице бегал вдоль стены человек, который предал их и короля.

Меньюн и Гендель сражались яростно и неистово, забыв обо всем на свете. Вокруг них лежали окровавленные тела убитых. Оба героя были ранены, кровь просачивалась сквозь одежду, но они не чувствовали боли, не замечали своих ран. На карту было поставлено слишком много! Они не раз падали и тут же поднимались, на ходу отражая удары, каждый из которых мог оказаться смертельным. Перед ними было еще пятеро вооруженных солдат, а силы их были почти на исходе. Словно почувствовав временное ослабление в рядах противника, Стенмин, уловив момент, подкрался к двери и громко позвал на помощь. По телу Меньюна как бы прошла мощная волна энергии, он встрепенулся и, собрав последние силы, с такой яростью принялся атаковать солдат, что двое из них тотчас же рухнули на пол и стали корчиться в предсмертных судорогах. Третий стражник с силой преградил дорогу Меньюну, но тот одним сильным ударом кинжала проткнул его насквозь. Тем временем Гендель разделялся с двумя оставшимися солдатами. Истекая кровью, он иступленно наносил удары сразу двоим. Вскоре оба солдата, потеряв силы и возможность защищаться, рухнули лицом вниз, а тяжелое тело карлика, державшегося за стену, медленно поползло вниз. Гендель был смертельно ранен, потеря крови была огромна, великие жизненные силы доблестного воина иссякли. Словно почувствовав недоброе, Меньюн повернулся, чтобы взглянуть на Генделя, и... кинжал задрожал в его руке. Тело карлика бессильно опускалось на пол. На какой-то момент он открыл глаза, и Меньюн встретил его преданный взгляд. Вслед за тем глаза Генделя тотчас закрылись — уже навсегда. Сердце Меньюна тревожно забилося и замерло. Из глаз потекли слезы. Мужественный и от-

важный воин, он ни разу не дрогнул в жесточайших схватках, но сейчас он был не в силах пережить кончину своего лучшего друга. Гендель! Сколько раз он выручал Меньона и его друзей, рискуя собственной жизнью! Как надежен и предан всегда был этот человек! Сердце Меньона вопреки здравому смыслу не хотело мириться с этой страшной и невозполнимой потерей. Казалось, пройдет несколько минут, и снова появится спокойный, уравновешенный и бесстрашный Гендель, всегда готовый пожертвовать собой ради других. Горькие слезы отчаяния с неистовой силой вновь хлынули из глаз принца Леа. Он тяжело опустился над безжизненным телом карлика и закрыл лицо руками. Горе Меньона было безутешно, он забыл обо всем на свете.

Между тем Стенмин, забившись в угол, со страхом смотрел на груды мертвых тел. Его люди были убиты, крик о помощи не был услышан, выбраться отсюда и уйти через потайной ход мешал Меньон. О, как же люто ненавидел его Стенмин! Все его планы были разрушены или значительно пошатнулись из-за этого человека. Он не раз хотел убить его, но судьба берегла этого принца. И сейчас у Стенмина был один выход — убить Меньона. Юноша стоял к нему спиной. Если тихо подкрасться к нему сзади... удар придется прямо в спину. Капли пота выступили на лбу Стенмина, губы сжались в презрительной усмешке, руки дрожали. Он сделал несколько шагов и остановился, его удерживал страх. Еще несколько шагов, и все... он будет свободен. Город все равно обречен, все жители Тирсиса неизбежно погибнут. Это погибнут его враги. А он останется жить. Свобода, свобода... Она совсем близко... Всего несколько шагов... Еще ближе... Еще...

Внезапно тихие скользящие движения вывели Меньона из состояния транса. Подняв голову и резко обернувшись, он увидел стоящего недалеко от него Стенмина, в руках которого сверкал кинжал. Мгновенно испугавшись, тот бросил кинжал на пол и кинулся к открытой двери. Но не успел Стенмин сделать и нескольких шагов, как цепкие руки Меньона схватили его. И надежд на спасение больше не было.

Между тем у стен Тирсиса творилось что-то невообразимое. Все командование не оставляла мысль о том, что враг затеял что-то необычное. Балинор самолично отправился проверить запоры на главных воротах города.

Тщательно осматривая сложные механизмы запоров на огромных воротах, Балинор понимал, что в любом случае надо не дать врагу проникнуть через эти ворота. Это сразу же будет равносильно поражению.

Он окинул взглядом замковую башню, в которой помещались механизмы, управляющие открытием городских ворот. Это было массивное строение без окон, с единственным входом, который круглосуточно охраняли двое солдат Легиона. В группу охраны солдаты были отобраны самим Балинором и капитаном Шилоном — самые надежные и храбрые. Представлялось невероятным, чтобы солдаты Северной Армии могли захватить замковую башню, хотя...

Внезапно Балинор услышал воинственные крики с внешней стороны стены, и в тот же момент град стрел полетел в город через бойницы. Стало очевидным, что враги изменили тактику и предприняли новую попытку овладеть городом. Действительно, к воротам они подкатали мощную стенобитную машину-таран, с помощью которой они надеялись разбить ворота. Одновременно они стали обстреливать город, вызывая панику и сея сумятицу среди его защитников.

Прислушиваясь к шуму штурма и заканчивая осмотр замковой башни, Балинор поймал себя на мысли, что около входа в башню нет караульных. Встревоженный он быстро подошел к входным дверям и заглянул внутрь помещения. В глубине его он увидел тела Шилона и еще одного солдата — они были, по-видимому, задушены. Оружия при них не было. Неожиданно на него обрушились удары, и несколько чужих солдат попытались повалить его на пол, продолжая наносить удары, которые не достигали цели — Балинора защищала кольчуга, которую он всегда носил, а голова и шея были закрыты шлемом. Балинору удалось сбросить с себя нападавших, и, выхватив меч, он сам напал на врагов. Схватка шла в полутьме, лиц не было видно, и юноше казалось, что он сражается с тенями. Тем не менее, ему удалось смертельно поразить двух солдат и нескольких серьезно ранить. Но враги не сдавались, а часть их бросилась к механизмам, открывавшим ворота, и старалась привести их в действие, чтобы отодвинуть могучие засовы, запирающие ворота. Балинор попытался помешать им, но остальные нападавшие преградили ему путь. Схватка возобновилась с новым ожесточением. Балинор дрался как лев, с ужасом слыша, что механизмы уже запущены

и огромные зубчатые колеса с лязгом и грохотом начали вращаться. Забыв о себе, он с удвоенной яростью бросился на врагов.

И здесь внезапно в дверном проеме появилась тонкая фигура Дурина. Сразу оценив обстановку, он включился в схватку. Вдвоем им удалось вскоре оттеснить нападавших от механизмов ворот и затем уничтожить их. Балинор был ранен. Убедившись, что нападавшие убиты, он бросился к механизмам и убедился, что враги успели повредить их — они не работали. Балинор пришел в отчаяние. Навалившись всем телом на рычаги, он старался запустить машину, но сделать этого ему не удалось. Дурин поблелел, осознав, что произошло — теперь врагам ничего не стоило открыть ворота и проникнуть в город.

Балинор покинул замковую башню и приказал перенести основную линию обороны на внутреннюю стену. С этой целью кавалерия и часть пехотинцев были передислоцированы за внутреннюю стену, а оставшиеся войска получили приказ оборонять внешнюю стену до тех пор, пока это будет возможно. Если внешняя стена падет, тогда бой будет вестись на внутренней стене, а если не удастся удержать и ее, тогда придется отвести войска в сторону Сендического моста, который и станет последним оборонительным рубежом.

К занятому распоряжениями Балинору подбежал Дурин и рассказал о Меньоне и Генделе.

— Да, мой друг. Да пошлет Господь им удачу! Нас предали. Только бы им удалось предотвратить захват дворца Стенмином и его людьми, — тихо проговорил Балинор и, с печалью глядя в глаза Дурина, продолжил: — Прощай, мой юный друг. Это конец для нас. Жаль, ты еще так молод...

— Эвентин обязательно придет, он не может предать нас, — со страстной надеждой прошептал эльф.

— Я знаю, знаю, — ответил Балинор. — И Алланона тоже нет. А это значит, что он не нашел ни Меча Шаннара, ни Ши, а времени у нас больше нет.

Короткая передышка закончилась, и опять послышался шум штурмующих ворота войск противника.

— Дурин, найди своего брата. Перед тем, как оставить внешнюю стену, облейте боевые повозки маслом и подожгите их. Уж если мы не можем остановить врагов, то хоть устроим для них пекло.

Балинор замолчал, а Дурин с восхищением посмотрел на короля Каллахорна. Каким превратностям судьбы

подвергался этот человек, сколько испытаний выпало на его долю — и он все выдержал. Думал ли он раньше, что будущее таит столько опасностей! Балинор казался эльфу самым замечательным человеком из всех, кого он знал раньше. Какая роковая несправедливость! Балинор потерял все — дом, семью, трон, страну, — а теперь может потерять и жизнь. Почему судьба так жестока к нему? Какая ужасная вещь — война. Прекрасные, благородные люди бесцельно гибнут, а ослепленные ненавистью и злобой негодяи торжествуют победу. Дурин долго не хотел поверить в поражение, он надеялся, что найдется способ победить армии лорда Уорлока. Но надеждам его не суждено было сбыться, суровая действительность свидетельствовала об обратном. Дурин с безнадёжностью посмотрел на рабочих, пытавшихся починить механизмы запирающих ворот, — их усилия были тщетны.

Битва за внешнюю стену была неопишимо жестокой. Зажженные по приказу Балинора боевые повозки ослепительно пылали, а жар от них был так силен, что плавился металл. Тысячи троллей погибли в огне, но вместо них в бой вступили новые отряды. Черный дым поднимался в небо, все вокруг было окутано дымом, который разъедал глаза, не давал дышать. Но таран продолжал бить в ворота — и вот расшатавшиеся запоры с треском лопнули. Ворота медленно раскрылись, и с диким воем армия северян ворвалась через них в город. Солдаты Пограничного Легиона прыгали с внешней стены на троллей, вонзая в них мечи и копья, но судьба внешнего кольца обороны была предрешена. Отчаянная решимость северян одержать полную и окончательную победу, их численное превосходство делали дальнейшую оборону бессмысленной, и защитники города отступили к внутренней стене.

Между тем стемнело. И тут в глубине темнеющего неба появились две крылатые фигуры устрашающего вида и как бы повисли над полем боя. Вся кровь заледенела в жилах Дурина при виде их. Это были Носители Черепа. Очевидно, они были так уверены в своей победе, что не побоялись появиться еще до наступления ночи. Эльф почувствовал, как замерло его сердце. Он понял, что сейчас самое главное — найти Дэйела. Он решил, что если им всем суждено погибнуть, то уж лучше сделать это вместе: в эту трагическую минуту они должны быть рядом.

Тем временем наступление северян продолжалось. Защитники города оказывали отчаянное сопротивление. По полю боя метался Гинниссон, организуя контратаки, — его рыжие волосы, развеваемые ветром, мелькали то здесь, то там. Усилия его не пропадали даром — был момент, когда троллей удалось остановить; но потом их полчища снова стали рваться к внутренней стене. На Дурина напал тролль. Борьба была явно неравной — высокий массивный тролль и гибкий хрупкий эльф. Вначале Дурин был ранен в плечо, затем резкая боль пронзила его грудь — все поплыло у него перед глазами, и, обливаясь кровью и теряя сознание, он упал на землю.

Меньон Леа низко склонил свою голову над распростертым телом Генделя, затем, осторожно взяв бездыханное тело на руки, медленно, почти механически пошел мимо тел убитых к выходу. Он шел по бесконечным залам и лестницам, пока, наконец, не очутился в главном дворцовом зале. Меньон крепко прижимал к себе безжизненное тело карлика. Его сердце истекало кровью, душа была полна горьким отчаянием. Будь проклята эта чудовищная война! Война, которая уносит лучшие человеческие жизни, не может быть оправдана... Внезапно послышался звук легких шагов, эхом отозвавшийся в пустом зале дворца. Это была Шерл. Меньон наклонился и бережно положил тело Генделя на пол. Шерл склонилась над карликом.

— О, Меньон, — едва слышно прошептала она, и слезы потекли из ее прекрасных глаз. — Что они сделали?

Меньон попытался что-то сказать, но не услышал своего голоса. Онемевшие губы не подчинялись ему. Горе, боль и пустота заполнили все его существо. Шерл поднялась и нежно обняла Меньона за плечи, и теплая волна жизни стала медленно наполнять все существо Меньона.

Тем временем Балинор проводил последний досмотр оборонных укреплений около внутренней стены города, с тревогой поглядывая на тяжелые ряды баррикад. Войска Северной Армии продолжали массированное наступление. Несколько минут назад пала внешняя стена, которая всегда казалась неприступной, и солдаты Пограничного Легиона были вынуждены отступить на вторую линию обороны. Силы Легиона были подорваны, потери оказались огромными. Гинниссон был убит, Мессалин —

тяжело ранен, тысячи солдат пали в бою, сражаясь, как герои, до последнего вздоха, до последней капли крови. Воины Пограничного Легиона отдали все свои силы, а многие и жизнь во имя освобождения города от вражеского нашествия. Теперь надежд на спасение не было. Куда-то исчез Дурин... И король Каллахорна стоял один, с болью взирая на поражение.

До Балинора стал медленно доходить весь ужас положения. Долгое время он не хотел верить, не решался признаться себе в этом. Они все оставили его. И если не предали, то очень подвели в самый ответственный момент, что не замедлило вылиться в роковые последствия. Не прибыл Эвентин со своей армией Эльфов. Не было рядом Алланона. И теперь обречены на гибель все жители Южных земель, в том числе жители родного Каллахорна. Пограничный Легион один сражался мужественно и самоотверженно, стараясь изгнать противника. Так много потерь, так много жертв... Оправдано ли это? Он тряхнул головой. Нет, сейчас еще не время окончательно подводить итоги. Ему, Балинору, надо еще спасти сотни человеческих жизней.

Между тем войска лорда Уорлока прорвали оборону внутренней стены города и неуклонно продвигались к Сендическому мосту. Оставшиеся разрозненные войска защитников города преграждали неприятелю путь к королевскому дворцу. В их рядах стояли Меньон, Янус Сепре и юный Дэйел. Над городом висела плотная завеса едкого дыма. Враги подожгли многие здания в городе. Жители удрученно ждали конца, иные пытались спастись бегством по Тирсисской дороге. Ряды Северной Армии пополняли нескончаемо прибывавшие тролли. Они неспешно разглядывали город, вели себя спокойно и уверено, как истинные завоеватели, с любопытством поглядывая вокруг.

Внезапно полуденное небо совсем почернело, и над городом застыло напряженное затишье. Откуда-то издалека, из руин полусожженного города, донесся жалобный плач ребенка. Детский плач окончательно надорвал душу Меньону и его друзьям. Страшная реальность неотвратимо стояла перед глазами.

В это время к западу от Тирсиса на небольшом холме стояли Флик Омсфорд и группа эльфов и с отчаянием наблюдали падение Тирсиса. Их души переполняли боль и безысходность. Юный житель Долины

потерял последнюю надежду на спасение города, когда бесчисленные орды лорда Уорлока прорвали оборону внешней стены. Теперь над городом стояли клубы едкого черного дыма. Оборона города была сломлена. Враг-завоеватель вошел в Тирсис. Уверенно стучали сапоги солдат по мостовым прекрасного мирного города. Флика обуял безотчетный ужас при виде двух зловещих фигур Носителей Черепа, которые, как роковое знамение, повисли над городом. Великий Друид стоял рядом с ними и тяжело переживал случившееся. Поистине это был один из самых горьких моментов в его долгой жизни. Лорд Уорлок все-таки победил.

Внезапно слева раздались крики, и друзья, напряженно вглядевшись вдаль, заметили ровные ряды войск, которые неуклонно приближались к ним. Впереди двигалась кавалерия, за ней плотными рядами шли пехотинцы, хорошо вооруженные мечами, кинжалами, щитами и другим оружием. Звуки горна возвещали о прибытии армии Эвентина, которая пришла защищать не только Тирсис, но и людей на всех землях, все человечество от угрозы страшного порабощения. Жаль, что армия Эльфов прибыла слишком поздно!

Глава 33

Затаив дыхание, Ши осторожно погладил рукой древнюю сталь Меча. В свете факелов она отливала ярким блеском, а поверхность Меча была такой гладкой и сверкающей, словно этот легендарный Меч никогда не участвовал в сражениях. Меч был на удивление легким и весь его вид свидетельствовал о большом искусстве древних мастеров. На рукоятке Меча было ювелирно выгравировано изображение руки, несущей горящий факел. Ши бережно взял драгоценное оружие и посмотрел на Панамона Крила и Кельтцета, ища у них поддержки и одобрения. Юношу до сих пор била нервная дрожь, его сердце было готово выскочить из груди. Боже, еще недавно он не смел даже думать о том, что ему доведется держать в руках легендарный Меч! Ши крепко сжал Меч обеими руками. Голова у него закружилась, все поплыло перед глазами, и ему показалось, что он провалился в мрачную пустоту подземелья и летел, летел, пока... Юноша с трудом открыл глаза. Панамон и Кельтцет молча стояли рядом, бесстрастно взирая на

юношу. Все было по-прежнему: тихо, безмолвно, как в могиле. Вопреки ожиданию Ши ничего сверхъестественного не произошло.

...В зловещем полумраке почти пустой камеры неподвижно застыли темные воды небольшого каменного бассейна. В этих угрюмых водах еще спала, еще дремала могущественная сила лорда Уорлока...

Внезапно Ши ощутил, как странная горячая пульсирующая волна, как разряд электричества, прошла по древней стали Меча и перешла в его ладони. Затем все ощущения исчезли. Пораженный этим, Ши отступил назад и опустил оружие. В следующий момент все его существо вновь пронзило резкое ощущение горячей пульсирующей волны, которая, пройдя по оружию, вошла в его тело. Мышцы Ши инстинктивно сжались. Испугавшись, юноша хотел положить на пол этот загадочный талисман, но в отчаянии обнаружил, что не может это сделать. Руки перестали ему повиноваться, а Меч стал неразрывной частью его существа. Сердце Ши словно окаменело, по лицу катились капли холодного пота. Руки Ши были прикованы к холодной стали Меча Шаннара, и никакая сила не могла их оторвать.

Прошло несколько мгновений, и юноша опять почувствовал, как поток энергии, исходящей от легендарного Меча, перешел в его тело, и теперь они были соединены одной невидимой нитью. В Мече пульсировала незримая жизнь, и в унисон этому загадочному биению стучало взволнованное сердце Ши. Теперь они были одно целое, и это ощущение стремительно, как стрела, пронзило юношу. Меч Шаннара стал неотъемлемой составной частью его существа. Холодная сталь Меча, казалось, ожила в трепетных руках Ши, на ее поверхности появились животрепещущие огненные блики. Юношу охватило безумное волнение, ему почудилось, что Меч оживает и превращается в одушевленное существо. Волна теплых, незнакомых прежде чувств и удивительных ощущений нахлынула на него, как бы указывая на то, что он плохо знал себя раньше и не мог быть самим собой. Следующие минуты лишь укрепили юношу в этих ощущениях.

Отступив назад, Панамон Крил и Кельтцет с тревогой наблюдали за Ши, который, очевидно, впал в состояние глубокого транса. Веки юноши были опущены, дыхания почти не было слышно, а сам юноша, подобно каменной статуе, неподвижно застыл на месте, крепко держа в руках легендарный Меч. Неясный свет факелов бросал

мрачные тени на его бесстрастное лицо. Охваченный тревогой за юношу, Панамон Крил хотел было приблизиться к Ши и хорошенько встряхнуть его за плечи, но что-то удержало его от этого шага.

Внезапно Ши почувствовал, что все вокруг него расплывается, уходит, исчезает. Перед глазами пошли круги, и в них медленно растворились знакомые фигуры Панамона и Кельтцета. Странный поток окутал все его существо, лишив возможности двигаться и сопротивляться. Тело стало легким и невесомым, и весь он, казалось, вот-вот провалится в бездонную преисподнюю.

...И в этот момент зловещим вихрем всколыхнулись мрачные воды бассейна, закрутились, завертелись в немудрыми водовороте, и на поверхности воды показалась одинокая голова мертвеца. Туловища не было, одна чудовищная голова, без волос, без глаз, с полуоткрытым зияющим черным ртом, скорее напоминавшая истлевший череп, плавала у края бассейна. Кровь леденела в жилах от этого зрелища. Тотчас из внезапно открывшихся потайных дверей медленно вышли страшные уродливые существа, напоминавшие собак с человеческими лицами, которые верно служили Хозяину. Они подошли к бассейну и замерли на месте. Все это означало, что проснулся властелин этого мрачного царства лорд Уорлок...

В эти минуты с Ши происходило что-то особенное, необъяснимое и важное для него, что он еще не особенно хорошо понимал, но чувствовал с предельной остротой. Все его ощущения, чувства были обострены. В эти короткие мгновения целый калейдоскоп событий, явлений, чувств, мыслей, надежд, воспоминаний промелькнул в его воображении. Он как бы заново пережил многие моменты своей жизни. Эмоции захлестывали его. Юноше хотелось плакать из-за несбывшихся надежд своей юности, из-за неизведанного счастья первой любви, из-за повергнутых в руины идеалов добра. Он увидел себя со стороны, наивного, доверчивого, погруженного в свой узкий мир событий и чувств. Розовые теплые краски детского и юношеского мироощущения, вселенской любви ко всему живому безвозвратно уходили от него, так и не оправдав себя. Суровая мрачная реальность с ее холодной жесткостью и точным расчетом заслоняла прежние светлые мечты. Ши вдруг понял, что он меняется, он переходит в другой мир и у него теперь иное ощущение этого мира.

Вслед за этим новые ощущения на какое-то время покинули Ши. Оцепенение слетело с него, глаза открылись,

картины прошлого исчезли. Ши с удивлением обнаружил, что стоит на том же самом месте, держа в руках Меч Шаннара. Недалеко от него неподвижно стояли Панамон Крил и Кельтцет и не сводили глаз с юноши. Внезапно скалистый тролль перевел свой взгляд на сверкающую поверхность Меча. Ши мгновенно опустил голову и посмотрел на Меч, который в ту же секунду вспыхнул, и все вокруг озарилось теплым розовым светом. Ши снова ощутил знакомую пульсацию древнего металла, которая против его воли наполнила все его существо животворным ритмом. Казалось, Меч передавал юноше частицу себя, своего бытия, и это входило в него навсегда.

Спустя мгновение глаза юноши закрылись, веки отяжелели, по телу заструилось приятное тепло, и к нему вернулись воспоминания прежних лет. Нельзя сказать, что это были совершенно бесконтрольные психические и эмоциональные проявления. Нет, временами Ши пытался сбросить с себя это благодатное наваждение и понять, что с ним происходит в действительности. Однако образы неистовой чередой роились вокруг него, плясали, бесновались и не хотели уходить. И юноша вновь и вновь погружался в мир собственных ощущений и переживаний недавних лет. Как на ладони, перед ним проплывали все мельчайшие подробности, откровения, его собственные суждения и поступки, его характер, его сложный внутренний мир. Ши со многим был не согласен, осуждал свои прежние действия и поступки, недоумевая, почему он не понимал этого раньше, почему это прозрение и ясное понимание пришло к нему только сейчас. Как много сделано ошибок, как четко они видны теперь! Как много сил и времени потрачено зря! Почему раньше, погруженный в слепоту, он не мог разобраться в своем внутреннем мире и навести в нем порядок? Только сейчас настоящий Ши Омсфорд предстал перед ним во всеоружии ложной самоуспокоенности и эгоизма. Правда, в жизни Ши было и много хорошего, но оно служило узким однонаправленным целям, отнюдь не оправдывая высокий смысл и назначение человеческого существования.

И снова образы прошлых лет неистовым потоком хлынули в сознание Ши. Он впервые с обнаженной откровенностью увидел самого себя со стороны, и ему трудно было, подчас невозможно, принять себя целиком. В неразрывной цепи событий прошлых лет он обнаружил такое количество ошибок, упущений, что ему стало стыдно

за Ши Омсфорда! Он вдруг с потрясающей очевидностью увидел всех тех, кому когда-то невольно причинил боль, к кому был несправедлив или невнимателен. Как он мог быть таким черствым, бездушным и эгоистичным, не видеть боль и страдания других людей, не пытаться помочь им или облегчить их жизнь. Все его страхи, сожаления, укоры совести — все вдруг вышло на поверхность и стало отчетливо видно. Перед ним был Ши Омсфорд, который после встречи с Носителем Черепа бежал из Тенистой Долины не для того, чтобы защититься и спасти от беды свою семью и друзей. Им руководило паническое чувство страха, из-за которого он позволил Флику идти вместе с ним в опасные и неизведанные дали. Этот Ши Омсфорд смог идти бок о бок с человеком, чей моральный облик представлялся ему весьма и весьма сомнительным, более того, он даже позволил Панамону Крилу рисковать ради него жизнью.

Образы, события, ощущения менялись один за другим. Благостное настроение уступило место ужасу и отчаянию. Нет, Ши не хотел видеть себя таким! Однако самое страшное заключалось в том, что он был именно таким на самом деле. Это была ужасная правда о нем самом, в которой он вряд ли когда-нибудь признался, вряд ли полностью осознал всю меру своей безответственности. Он всегда считал себя хорошим добрым человеком и не задумывался над мелочами жизни. Но теперь... когда его недолгая жизнь подверглась такому тщательному и жестокому анализу, ему стало жутко. Как несовершенен человек, как многого ему надо еще достичь, чтобы быть гордым и прекрасным творением природы!

Черпая из невидимых внутренних ресурсов силу и способность разумно оценивать собственные поступки, Ши до бесконечности разбирал, анализировал свои действия, нередко силой заставляя себя поверить, что это он, Ши Омсфорд, мог совершить такие неблагоприятные поступки. Результаты этого убийственного самоанализа повергли юношу в совершеннейшее отчаяние. Не верить всему тому, что он неожиданно узнал о себе, было невозможно. Это была жестокая правда, и Ши был вынужден принять ее.

...Воды бассейна опять всколыхнулись, и вверх яростно поднялся пенистый водяной вихрь. Это окончательно проснулся лорд Уорлок...

Правда? Правда о самом себе? Ши открыл глаза. Пелена реминисценций на короткий миг спала, и юноша

в изумлении посмотрел на Меч Шаннара, который по-прежнему сверкал в слабом свете комнаты. И вновь теплые пульсирующие волны заструились по его жилам, подчиняя себе все его существо. Однако на сей раз образы, поступки, ощущения из прошлой жизни не появились; вместо этого Ши ощутил глубокую уверенность в себе, знание, понимание собственной натуры, что крайне редко свойственно человеку в полной и объективной мере.

Внезапно Ши обожгла страшная догадка. Он понял, что знает секрет Меча Шаннара. Меч обладал удивительной способностью обнажать правду — заставлять человека узнавать настоящую правду о нем самом и о людях, с которыми он тесно общается. Даже тогда, когда в эту правду трудно поверить. В этом и заключался секрет Меча Шаннара, таинственного оружия из другого времени.

Само собой разумеется, что никто не мог даже догадываться об этом. Неудивительно, что Алланон никогда не рассказывал об истинной тайне легендарного Меча. Внезапно Ши охватило смятение. Как, каким образом можно было применить этот Меч в борьбе с неограниченной мощью лорда Уорлока? Как он может защитить человека при столкновении с непознанной мистической силой Носителей Черепа или самого Лорда Тьмы? Магическая сила этих дьявольских существ недостижима, и Меч Шаннара — игрушка в сравнении с неограниченными возможностями существ из Королевства Черепов. Ши испытывал горькое разочарование. Более того, он чувствовал себя оскорбленным. Почему Алланон с самого начала не сказал ему, что легенда о великой силе Меча Шаннара не более чем обычная выдумка? Зачем он подвергал риску его жизнь и судьбы многих людей, так или иначе связанных с Ши или Мечом Шаннара? Все это более чем странно. Одно оставалось ясным: его предали. Ужас обуял юного жителя Долины. Миф о чудодейственной силе Меча Шаннара лопнул! У Ши снова похолодели руки и ноги, к горлу подступил комок, сердце бешено застучало. Юноша понял, что он совершенно беспомощен перед лицом могущественного и коварного лорда Уорлока. И он, и его друзья теперь обречены — и нет никакой надежды на спасение. Хваленое оружие оказалось простым куском металла со способностью раскрывать правду! Таким оружием нельзя уничтожить лорда Уорлока! Ши пошатнулся и в изнеможении закрыл глаза. Густая вязкая темнота сейчас же цепко

схватила его и заключила в свои объятия. Юноша потерял сознание и упал на каменный пол.

...Лорд Уорлок сидел, наблюдал и слушал в своем мрачном и глухом укрытии среди острых, как бритвы, скал. Постепенно его бушующая ярость сменилась холодным удовлетворением. Лорд Уорлок полагал, что житель Долины уничтожен раз и навсегда, но тот оказался жив и, несмотря на все препятствия, нашел Меч Шаннара. Однако этот человек подавлен и слаб, кроме того, он не знает, как правильно пользоваться талисманом: у него нет необходимых для этого знаний. Он уже пережил страх и теперь будет покладистым. И Хозяин тихо выбрался из своего укрытия...

Высокая фигура Алланона у подножия острых скалистых гор внимательно изучала головокружительную горную череду вдоль северной линии горизонта. Со стороны казалось, что горы насупились и тоже смотрят на великана своим мрачным изможденным ликом, погружая его в атмосферу этой земли — во мрак, зловещую тишину и мертвую пучину. Алланон знал, что достиг Северного Королевства, царства лорда Уорлока. В утреннем воздухе чувствовались промозглая сырость и холод, и великий Друид плотнее запахнул полы плаща. Он нахмурился, по его лицу пробежала мрачная тень. Его внутренний голос уверенно говорил ему, что в глубине коварных Гор Острие Ножа, в крепости-цитадели Лорда Тьмы, юный наследник рода Шаннара прикоснулся к легендарному Мечу.

О, если бы можно было все вернуть назад! Пусть даже у Ши хватит духа выслушать всю правду о себе, пусть он догадается о секрете Меча Шаннара, все равно он не сможет воспользоваться Мечом должным образом, потому что у него нет для этого необходимых знаний. С ним нет никого рядом, нет Алланона, который бы смог научить его, как использовать Меч против лорда Уорлока. Юношу сейчас мучает страх и раздирают сомнения, и он легко уязвим для Броны. Великий Друид почувствовал, что зловещий властелин проснулся и выбирается из своего укрытия в горах, абсолютно уверенный в том, что Ши не удалось узнать настоящий секрет Меча Шаннара. Расправа лорда Уорлока будет быстрой и жестокой, он уничтожит Ши прежде, чем тот освоит науку выживания в этой стране.

До встречи Хозяина Королевства Черепов с последним

наследником рода Шаннара оставались считанные минуты. Алланон хорошо сознавал, что его помощь уже не успеет прийти вовремя. Тем не менее, он немедленно отправился в путь с выражением крайней решимости на мрачном лице.

Панамон Крил бросился вперед, чтобы поддержать Ши, но Кельтцет опередил его. В тот же момент скалистый тролль с тревогой посмотрел на дверь и прислушался. Панамон Крил застыл на месте, безотчетный страх заполнил все его существо. Кто-то еле слышно двигался по темному коридору.

Внезапно все вокруг потемнело, откуда-то сверху спустилась огромная черная тень. Свет факелов задрожал и почти погас. На пороге появилась высокая фигура, облаченная в темные одежды. Панамон Крил инстинктивно почувствовал, что это явился сам лорд Уорлок. Вид его был страшен. У всех троих дух занялся от невыразимого ужаса. В том месте, где под низким капюшоном должно было находиться лицо, — там ничего не было, только зияла зловещая чернота, из которой вместе с клубами серого тумана вырывались длинные языки холодного пламени. Кровь леденела в жилах при одном виде этой дьявольской фигуры, в которой было так мало земного. Ши задыхался, дрожь точно при лихорадке сотрясала его тело, он чувствовал, что глаза его вылезают из орбит, волосы дыбом поднялись на голове. Юноша был готов к смерти. Между тем языки пламени протянулись к Панамону и Кельтцету, которые тотчас же превратились в холодные застывшие статуи. Весь ужас, содрогание, неумный страх и безнадежность — все это осталось внутри них, это мучило, терзало их, почти лишая рассудка. Не имея возможности двигаться и защищаться, они находились на грани безумия, будучи не в силах пережить страх перед зловещей глубиной чудовищной бездны. Почему их сердца не окаменели вместе с конечностями? Человеческое сердце не может вынести подобную муку... В страшном отчаянии, пытаясь вырваться из каменных тисков, Панамон попытался что-то крикнуть юному жителю Долины, но с неопишемым ужасом обнаружил, что язык больше не подчиняется ему: он не мог выговорить ни слова, только беззвучно открывал рот. Ему оставалось только безнадежно наблюдать, как беспощадный Властитель Тьмы направляется к Ши.

Ши находился на той зыбкой грани сознания, когда всего лишь тончайшая нить связывает рассудок человека с окружающей реальностью. Все чувства и ощущения притупились, все, что было перед ним, воспринималось как зыбкий мираж, и лишь в самых отдаленных уголках сознания блуждала тревожная мысль об опасности, надвигающейся на него. Как в тумане, он увидел очертания неподвижных, застывших фигур Панамона и Кельтцета, в их глазах стоял ужас. На каменном полу в клубах сырого тумана лежало желтое скрюченное тело Орла Фейна. А совсем рядом с Ши лежал на полу и поблескивал древней сталью легендарный Меч Шаннара.

На какой-то момент к Ши вернулось ясное сознание — и вместе с ним понимание глубокой безысходности и безнадежности ситуации. Он осторожно раскрыл глаза и посмотрел вокруг. Лучше бы он не открывал их! Прямо перед ним были раскрыты ворота ада — зияющая черная пустота вместо лица и дьявольские языки пламени у человека, которого вряд ли можно было считать земным существом. Неведомая черная сила смерти раскрыла перед ним свои объятия. В сознании Ши вдруг вспыхнула мысль о бегстве. Он понимал, что, возможно, его усилия будут напрасны и это исчадие ада все равно настигнет его, но он не мог стоять и ждать мучительной смерти. Бежать! Бежать! Это единственное, что он мог сделать. Цель его похода за Мечом теперь казалась пустой и ненужной. Мысли, как молниеносные стрелы, пролетали в его голове. Остался один порыв, одно желание, один выход — бежать! Бежать из этого безумного королевства зла, мрака и смерти, бежать, не ожидая, когда его уничтожат!

Ши выпрямился. Все фибры его души напряглись, он уже хотел сорваться с места и... вдруг до боли понял, что он не сможет бежать, не сможет бросить Меч Шаннара. Какие-то невидимые нити навечно привязали его к этому древнему оружию. Одна часть его души, смятенная страхом и отчаянием, рвалась вперед, другая — удерживала юношу на месте, напоминая о Мече. Тщетно пытался он обуздать страх, сомнения и броситься вперед, что-то, помимо его воли, незримо удерживало его. И, не в силах больше бороться с собой, Ши упал на колени, прижался лицом к древнему талисману, который, как оказалось, по злой насмешке судьбы был почти бесполезен, поднял его и крепко зажал в руках.

— СМЕРТНОЕ СУЩЕСТВО, Я ЗДЕСЬ!

Страшные слова гулким эхом раскатились в мертвой тишине. Ши обратил свой взор к двери. В дверном проеме блуждали черные тени. Затем тени сблизились и приняли очертания темных клубов тумана, из которых медленно вырисовывалась устрашающая фигура лорда Уорлока. Трудно было назвать фигурой это бесформенное скопление черных клубов тумана, которое угрожающе повисло в дверях. Из того места, где должны были располагаться глаза, вырывались адские языки пламени.

— СМЕРТНОЕ СУЩЕСТВО, Я ЗДЕСЬ. СТАНЬ ПЕРЕДО МНОЙ НА КОЛЕНИ!

Лицо Ши побелело от страха, а сердце было готово выскочить из груди. Он отшатнулся. Перед ним раскрылась черная бездна. Еще несколько минут... и он погибнет в этой пучине мрака и ужаса. Неимоверным усилием воли отогнав от себя панические мысли, Ши, глядя на Меч Шаннара, стал просить у него защиты. Он должен был остаться живым. Но снова что-то произошло с его сознанием, будто чья-то злая воля руководила его разумом. Вокруг него тихо зазвучала печальная музыка, раздались многоголосые стоны, крики, рыдания, скорбные мольбы и стенания, от которых разрывалось сердце и каменела от горя душа. К Ши медленно подошли огромные полулюди-полусобаки с человеческими лицами и стали тупо, неуклюже подталкивать его к двери, к неминуемой пропасти. Из глаз юноши полились потоки слез. Он еще острее почувствовал свою полную беспомощность. Боже, как мог он противостоять столь грозной силе, как могущественный лорд Уорлок? Что он в сравнении с ним? Не более чем песчинка...

Панамон Крил с ужасом наблюдал, как лорд Уорлок медленно приближается к Ши. Не человек, не субстанция, а нечто зловещее, безликое, бесформенное, закутанное в беспорядочные черные одежды, из которых вырывался черный воздух, приближалось к хрупкому жителю Долины. Ярость заклокотала в душе Панамона. Он должен во что бы то ни стало помочь Ши, не дать ему погибнуть от рук этого неземного дьявола. На какой-то момент сбросив с себя тяжелое оцепенение, он вырвал руку из невидимых тисков и схватился за меч. «Будь, что будет», — подумал он и бросился в атаку. Но не успел он сделать и шага, как лорд Уорлок, или бесформенное нагромождение черных клубов тумана, повернулся к нему. В тот же миг Панамон почувствовал, как к его горлу прикоснулось холодное лезвие клинка. Слегка коснувшись

кожи, оно обожгло его странным ледяным огнем и пригвоздило к стене. Панамон не мог ни крикнуть, ни пошевелиться. Неведомая сила поставила рядом с ним Кельтцета, тоже плотно прижав его к стене. Оба застыли без движения, объятые немим ужасом. Им оставалось только одно: молча и безнадежно наблюдать, как будет погибать их юный друг.

Теперь Ши остался один на один с лордом Уорлоком. Молясь о спасении, он на вытянутых руках держал перед собой Меч Шаннара. Клетки его мозга разрывались от невыносимого груза ужаса, отчаяния и страдания; казалось, еще немного, и юноша не выдержит этой пытки, и душа его, задохнувшись от страха и горя, рыдая навзрыд, покинет брренное тело. Словно подтверждая это, из темноты вновь донесся отчетливый голос:

— ПОЛОЖИ МЕЧ, СМЕРТНОЕ СУЩЕСТВО!

Все существо Ши отчаянно сопротивлялось странному приказанию. В глазах у него потемнело, руки и ноги задрожали и стали неметь. Юноша начал задыхаться, судорожно ловя ртом сырой холодный воздух. Где-то в глубине сознания ему почудилось, что знакомый голос произносит его имя. Ши попытался ответить этому далекому голосу, умоляя его о помощи. Однако в это время опять зазвучал страшный голос лорда Уорлока:

— ОСТАВЬ МЕЧ, СМЕРТНОЕ СУЩЕСТВО!

Над Ши нависла смертельная угроза. Еще минута, и беспощадный монстр расправится с ним. Действительно, зачем теперь ему, Ши, этот бесполезный Меч? Кусок обычного металла — ничто в сравнении с неограниченной силой лорда Уорлока. И сам он теперь лишь беспомощная игрушка в руках этого властелина...

В этот момент произошло нечто жуткое. Орл Фейн, которого Ши, Панамон и Кельтцет считали умершим, вдруг зашевелился — о, ужас! — и начал в безумном отчаянии рыдать. Он пытался поднять свое распростертое на полу тело и дикими глазами смотрел на Меч. Что это было? Ошибка? Летаргический сон? Действие мистических сил? Все трое остолбенели и во все глаза смотрели на ожившего гнома. Вряд ли всему этому можно было найти сколько-нибудь разумное объяснение, разве только то, что несчастный Орл Фейн воскрес из мертвых, потому что не хотел расставаться с найденным Мечом...

И вдруг Ши опять явственно услышал голос, который звал его. Невозможно было понять, откуда шел этот голос,

показавшийся Ши удивительно знакомым. Вскоре до напряженного слуха юноши донесся едва различимый шепот:

«Ши! Будь мужественным. Доверься Мечу.»

Алланон!

Этот голос великого Друида пытался рассеять его страхи и сомнения и укрепить уверенность в себе. Жаль, голос звучал так далеко... что его было едва слышно.

«Поверь в Меч, Ши. Все остальное обман...»

Слова Алланона растаяли в глубине сознания юноши. И в тот же момент клубы тумана яростно подскочили вверх и повисли в воздухе, прямо над головой Ши. По всей видимости, лорд Уорлок понял, что Ши получает сигналы от Алланона, но было уже поздно. Великий Друид успел настроить юношу должным образом, сняв с него страх и внушив ему уверенность в своих силах. Ши почувствовал, как ушли прочь жуткий испуг и сознание обреченности. Теперь вся надежда на собственные силы и Меч! И юноша еще крепче сжал рукоятку Меча.

Очертания лорда Уорлока, а точнее сгруппированные вместе клубы тумана, вернулись на прежнее место и, помедлив одно мгновение, повернулись в сторону Орла Фейна. Желтое тело гнома подскочило, будто его, как деревянную куклу, дернули за веревочку. В безумном порыве он подскочил к Ши и коснулся руками Меча. В этот же миг гном издал истошный раздирающий вопль, будто в предсмертной агонии, и, судорожно извиваясь и корчась, упал на каменный пол, в ужасе вытаращив глаза. Было такое ощущение, что ему привиделось нечто жуткое, и гном был не в силах этого вынести.

Лорд Уорлок снова сделал странный жест. И Орл Фейн, как по команде, вскочил на ноги, с диким криком вновь бросился к Ши и выхватил Меч. Не прошло и минуты, как гном дернулся, точно от удара током, упал на пол и выпустил из рук Меч. Из глаз Орла Фейна градом катились слезы, он бессильно распластался на полу.

Ши с удивлением смотрел на скрюченное тело гнома, который был не в состоянии долгие выносить какую-то невыразимую пытку. И внезапно Ши осенило. Перед гномом предстала страшная правда о нем самом, вынести которую было почти невозможно. То же самое произошло с Ши, едва он успел дотронуться до Меча. Вот только для Орла Фейна правда оказалась невыносимой. Во всем

этом было что-то странное. Почему Брона, обладая сверхъестественными способностями, не решился сам забрать Меч? Почему он допустил, чтобы Ши, прикоснувшись к Мечу, узнал правду о себе? Почему лорд Уорлок не препятствовал безумным попыткам Орла Фейна схватить Меч Шаннара? Во всем этом прослеживалась некая закономерность.

Тем временем гном опять вскочил на ноги и, повинаясь еле заметной команде лорда Уорлока, в полубезумном порыве бросился прямо на Ши. Юноша попытался было предотвратить столкновение, но Орл Фейн был уже неуправляем: глаза у него выкатились из орбит, рассудок совсем покинул его, а душа отлетела в иной мир. Осталась одна безумная оболочка, которая неистово искала своей гибели. Сошедший с ума гном, истерзанный до смерти невыносимой правдой, с бешеным исступлением протянул руки к древнему металлу. Он едва коснулся Меча, как все тело его сотрясли страшные конвульсии. На мгновение Орл Фейн замер и тяжело рухнул на каменный пол. Подняться ему уже не удалось. Гном был мертв.

Пораженный случившимся, Ши наклонился над гномом и взял у него Меч. И в тот же момент юноша всем своим существом почувствовал, что лорд Уорлок продолжает свою яростную атаку, направленную на то, чтобы сломить его дух и всецело подчинить своей воле. Хитрый и жестокий, он избрал самое разрушительное оружие для человеческой психики — страх, всеохватывающий, лишаящий душу покоя, изматывающий, заставляющий человека забыть его принадлежность к миру разума, опустошающий, превращающий его в животное, в раба. Перед глазами Ши стали нескончаемой чередой проплывать устрашающие картины, демонстрировавшие страшные и бесчисленные злодеяния лорда Уорлока. Искалеченные образы, оторванные головы и конечности, обугленные тела и обезумевшие от мук лица рождали дикий безотчетный страх. Ши всеми силами старались внушить, что он жалкая марионетка в руках всемогущего лорда Уорлока, которому ничего не стоит превратить юношу в пыль. Страх перед неограниченными возможностями этого чудовищного Лорда Тьмы, его способность подвергать все, что ему неугодно, гниению, разрушению и другим видам изощренных и немыслимых пыток, — все это должно было сломить Ши, превратить его в беспомощное безропотное существо, лишённое разума и воли. Страх должен был убить в нем человека.

Но Ши понял свою единственную возможность выжить и выстоять в этом поединке с лордом Уорлоком — он должен верить в себя, в Алланона! Ему необходимо сохранять самообладание! И юноша, крепко сжимая Меч, сделал отчаянный шаг навстречу грозной силе, стоически пытаясь преодолеть страх, который, подобно громадному облаку, окутал его с ног до головы, завладел его мыслями, сердцем и всем существом. Пытаясь отогнать от себя жуткую пелену страха, Ши мысленно внушил себе, что лорд Уорлок и его могущество — это всего лишь обман, иллюзия, а он, Ши, смелый, уверенный в себе, обязательно сумеет преодолеть этот страх перед выдуманым чудовищем. Ши закрыл глаза и пытался сконцентрировать свои мысли только на ощущении того, что именно он, юноша из Тенистой Долины, найдет в себе силы выбраться из кошмарных объятий страха. При этом Ши отчетливо ощутил, как стена страха немного отступила от него, облако как бы раздвинулось и стало легче дышать. Юноша сделал еще шаг, с неистовой силой внушая себе, что его противник уязвим, ведь он не решился взять в руки Меч Шаннара, а это значит, что лорда Уорлока можно победить и сделает это он, Ши. С каждой минутой в душе Ши крепла уверенность в собственных силах. Юноша выпрямился, гордо поднял голову, глаза его заблестели от возбуждения. Он подумал о том, что на всемогущего Лорда Тьмы действуют те же законы, что и на всех смертных. Это значит, что надо вырвать из сердца страх перед этим существом! Так думал Ши, смело выступая против сокрушительной темной силы.

Бежали страшные мгновения. Юноша стоял перед лордом Уорлоком, из глазных впадин которого вдруг повалил дым и с шумом вырвались бесчисленные языки пламени. Клубы тумана, олицетворявшие фигуру властелина Королевства Черепов, задрожали, будто от сильного ветра, и сжались в размерах. Ши сделал еще один шаг вперед, продолжая мысленную дуэль с лордом Уорлоком. Все его силы были направлены на то, чтобы парализовать волю своего противника. В это время Панамон Крил и Кельтцет снова обрели возможность двигаться и, выхватив мечи, бросились на помощь жителю Долины. Все, что оставалось от лорда Уорлока, стало на глазах таять, клубы тумана становились всё меньше и меньше. А юноша все наступал: бесстрашно, иступленно он уничтожал взглядом и мыслями то, что не существовало

на самом деле. Все его помыслы, все силы страстной юношеской природы были брошены на борьбу с призраком. Ши понимал, что он не может, не имеет права проиграть или потерпеть поражение в этом смертельном поединке. Слишком многое было поставлено на карту. Теперь от него зависело будущее его друзей, жизнь тысяч и тысяч людей. И, даже если ему предстоит погибнуть в этой роковой схватке с невидимым дьяволом, все равно он будет драться до последнего вздоха! Сердце Ши бешено колотилось в предвкушении близкой победы над лордом Уорлоком. Ради этого стоило жить на земле!

Тело незримого монстра содрогалось от конвульсий. По клубам тумана, обозначавшим его фигуру, пробегали багровые сполохи. Внутри туманного контура раздавались леденящие душу хрипы и треск, напоминавшие хруст ломаемых костей. Внезапно Ши увидел, как из темного облака протянулся отвратительный отросток, напоминающий костлявую руку, и, судорожно сжимаясь и разжимаясь, попытался схватить Ши. В одно мгновение юноша, выставив вперед Меч, с силой прижал его к мерзкой конечности. Он знал, что сам лорд Уорлок никогда бы не осмелился прикоснуться к Мечу, боясь узнать правду о себе. И в тот же момент копившаяся в течение сотен лет злоба выплеснулась в зверином крике, огласившем владения страшного монстра. Многоголосое эхо мрачно разнесло этот душераздирающий вопль, который свидетельствовал о кончине лорда Уорлока.

Все это было совершенно невероятным. Само существование могущественного Лорда Тьмы оказалось иллюзией. Еще совсем недавно это существо считало себя бессмертным и принадлежало двум мирам. Сам факт его существования приводил в трепет простого смертного. Возможности этого властелина были неограниченными. И что это? Насмешка судьбы? Злой рок? Он прекратил свое существование, не выдержав испытания правдой, потому что его жизнь и он сам были эфемерными явлениями.

Внезапно съжившиеся клубы тумана рассеялись, и воздух сотряс отчаянный вопль. Последний раз сверкнули огненные языки пламени, и затем все стихло. На каменном полу валялись обугленные куски одежды лорда Уорлока.

Не в силах поверить в случившееся, потрясенный пережитым, Ши закрыл глаза. По его лицу текли крупные

слезы. Эмоциональное напряжение последних часов было столь велико, что нервы Ши не выдержали. Земля ушла у него из-под ног. И он потерял сознание.

Тем временем в Тирсисе долгая и кровопролитная битва между его жителями — обычными людьми, рожденными на земле, — и войсками лорда Уорлока — солдатами мистического предводителя — достигла своей кульминации. Неожиданно сильные толчки стали сотрясать землю. К востоку от Тирсиса небольшая группа всадников-эльфов с ужасом наблюдала за странными колебаниями почвы. Бедный Флик не мог понять причину сильных сотрясений земли и с болью подумал о Ши, которого он, вероятно, уже никогда не увидит. Около внутренней стены города стояла высокая неприступная фигура Балинора, который наблюдал за последними, особенно жестокими схватками недалеко от ворот города и не чувствовал, что земля под его ногами начала колебаться. Скалистые тролли, забыв об атаке, с величайшим изумлением смотрели, как почва сотрясалась у них под ногами. Меньон наблюдал, как землю неистово сотрясали сильные подземные толчки, и душа его наполнялась тревожными предчувствиями. С каждой минутой эти толчки становились все сильнее и принимали крайне устрашающий характер. Небо закрыли огромные черные тучи, образовав плотный непроницаемый купол над несчастной землей. Повсюду носились темные тени. Сгустился зловещий мрак. И внезапно раздался страшный треск среди скал, которые рассыпались подобно картонным домикам. Огромные камни, куски скальных пород срывались с гор и с бешеной скоростью неслись вниз, сметая все на своем пути. В земле возникали огромные трещины, в которые с криками ужаса и отчаяния падали люди. Подземные толчки расшатывали фундаменты домов, и они рушились, поднимая к небу столбы черной пыли. Многие дома охватило пламя, которое стало быстро пожирать человеческие пристанища. Со всех сторон раздавались стоны и вопли отчаяния. Особенно невыносимо было слышать крики гибнущих детей. Сотни молний пронизывали темное небо, и казалось, огромный небесный купол весь заполнен электрическими зарядами. Это был конец света. Это был конец жизни на земле.

Жестокая битва была забыта. Солдаты Северной Армии и воины Тирсиса с одинаковым ужасом, молча и обреченно взирали на Носителей Черепа, которые парили

высоко в темном небе, раскинув над измученной землей зловещие черные крылья, издавая жуткие смертоносные крики. Внезапно эти мерзкие устрашающие создания судорожно задергались, захлопали крыльями, завопили так истошно и исступленно, будто в агонии, и... вдруг стали медленно передвигаться в сторону севера. Все застыло в напряженной тишине. Оставшиеся в живых люди с ужасом ожидали, что произойдет дальше. Между тем огромные черные тучи стали редеть и неожиданно соединились в одну узкую темную гряду, которая с молниеносной быстротой устремилась на север. Небо сразу просветлело, и через мгновение на бледно-голубом небосклоне показалось солнце. Свет его был так ярок и ослепителен, что люди закрывали глаза руками, спасаясь от неожиданных и щедрых потоков солнечного света, который начал залечивать раны на разверзшейся земле. От черного мрака не осталось и следа. Над землей сверкало солнце.

Время остановилось для Ши, когда он без сознания упал на каменный пол.

— Неужели он сделал это? — Этот вопрос продолжал жечь сознание Ши даже тогда, когда он находился в беспамятстве, и возник вновь, как только он очнулся. На этот раз его задали Панамон Крил и Кельтцет.

— Смотри, смотри! Он, кажется, приходит в себя!

Ши открыл глаза и с удивлением обнаружил, что по-прежнему лежит на каменном полу в небольшой комнате, слабо освещенной тусклым светом факелов. Он остался жив. Его рука сжимала Меч Шаннара, но, видимо, сила талисмана временно перестала действовать, и то, что совсем недавно объединяло юношу с этим древним Мечом, тоже ушло.

— А теперь посмотри на нас. Так... хорошо... — с тревогой в глазах произнес Панамон и облегченно вздохнул, когда юноша посмотрел ему прямо в глаза.

— Кельтцет, с ним все в порядке! Надо скорее выбираться отсюда.

Панамон помог Ши встать на ноги, и все трое устремились к двери. Высокий Кельтцет шел впереди. Ши сделал несколько шагов и остановился. Он почувствовал, что что-то удерживает его и неудержимо тянет назад. На мгновение юноша закрыл глаза, пытаясь совладать с собой. «Я спокоен. Все хорошо», — мысленно проговорил он.

Однако успокоения не наступило. К Ши опять воз-

вратились страшные переживания. Перед глазами юноши пестрой вереницей пронесли потрясающие картины его прошлой жизни, обнажив всю правду о нем самом. Ши обожгло жуткое воспоминание о поединке с лордом Уорлоком, о смерти Орла Фейна... Юноша закачался и мучительно застонал.

— Не надо, не надо, Ши! Успокойся, все кончено. Ты победил! Лорд Уорлок уничтожен! Это сделал ты! А теперь нам надо бежать отсюда. Ты слышишь, вокруг рушатся скалы...

Ши раскрыл глаза и прислушался. До его чуткого уха донесся отдаленный звук раскалывающихся гор. Устрашающий звук медленно приближался. Ши посмотрел на Панамона Крила.

— Все в порядке, Ши, — произнес Панамон. — Надо только поскорее выбраться отсюда.

И трое отважных людей поспешили к выходу навстречу устрашающему грохоту лопающихся скал. В Горах Острие Ножа, у подножия которых находилась крепость лорда Уорлока, творилось нечто страшное. Скальные породы растрескивались, крутые склоны вековых гор бороздили огромные трещины, появляющиеся одна за другой. С горных вершин с немыслимой скоростью скатывались огромные каменные глыбы, в воздух поднимались столбы пыли и каменной крошки. Было такое ощущение, что неведомые подземные силы начали взрывать горы. Каменные громады шатались из стороны в сторону, в небо то и дело взлетали многочисленные осколки разбитых скал. Ши, Кельтцет и Панамон с трудом продвигались вперед под градом летящих камней. Временами они припадали к земле, и вихри каменной пыли накрывали их. Все трое задыхались, им казалось, что еще немного и они не выдержат. Но всякий раз сильный и выносливый Кельтцет помогал им подняться, и все трое продолжали головокружительное продвижение вперед.

Наконец, все трое подошли к самой узкой части каменного лабиринта, похожего на длинный труднопроходимый туннель. И в тот же момент ужасающий взрыв сотряс горы, как будто умирающие громады издали предсмертный агонизирующий вопль. От нестерпимого грохота заложило уши, сосуды готовы были лопнуть от нагрузки. Каменный потолок вдруг стал шататься с такой неистовой силой, что казалось, вот-вот обрушится на обезумевших от ужаса путников. Через мгновение в каменных сводах лабиринта образовались черные трещины, и каменный

водопад с грохотом и треском посыпался на Ши, Панамона и Кельтцета. Все трое оказались почти погребенными под тяжелыми каменными обломками. Панамон в течение секунды подскочил к Ши и накрыл его своим телом, пытаясь защитить хрупкого юношу. Некоторое время все они барахтались в развалинах лабиринта. Первым оправился Кельтцет. Обладающий недюжинной физической силой, он, как огромный циклоп, отодвигал камни и расчищал путь дальше. Внезапно узкий лабиринт кончился, забрезжил свет, и они, подняв головы вверх, увидели большую широкую расщелину, сквозь которую летели мелкие камни и было видно небо. Однако до конца пути было еще далеко. Впереди открывался взору новый, более широкий каменный лабиринт, и путникам предстояло пройти через него. Внезапно, подойдя к тому месту, где обрывались каменные своды лабиринта и с неба лился свет, компаньоны услышали оглушительный свист. На Кельтцета, который шел впереди, с головокружительной быстротой упала каменная глыба, прилетевшая неизвестно откуда. Зрелище было страшное. Громадная каменная махина раздавила, расплющила сильное тело скалистого тролля, воздвигнув тяжелую преграду для Ши и Панамона. Ши вскрикнул и в ужасе отпрянул назад. Его сердце наполнилось отчаянием и невыразимой болью. Жаль было Кельтцета, этого загадочного и внимательного друга, который так и не успел поведать Ши свою тайну. Потрясение было столь велико, что юноша застыл на месте, не в силах двинуться дальше. Душа его, измученная и истерзанная, истекала кровью.

— Он мертв. Мы ничем не можем помочь ему, — произнес Панамон.

Страдальческое лицо жителя Долины вытянулось.

— Давай, давай — надо поскорее убираться отсюда, — хладнокровно продолжал грабитель. В его голосе чувствовалось еле сдерживаемое раздражение. — Ты что, хочешь, чтобы смерть Кельтцета оказалась напрасной? Быстро бежим отсюда!

Он яростно затряс Ши, стараясь вывести его из оцепенения, и толкнул юношу вперед. Нетвердыми шагами Ши двинулся вглубь широкого каменного лабиринта, за ним неотступно следовал Панамон Крил. Юноша шел почти вслепую, слезы застилали ему глаза, а вокруг стояли клубы каменной пыли. Панамон дышал ему в спину, и Ши все время чувствовал сзади его напористую фигуру и железную руку, которая не давала ему остановиться.

То и дело град мелких камней и густой пыли осыпал их с головы до ног. И, тяжело ступая, Ши шел вперед, крепко сжимая в руках ставший теперь бесполезным Меч Шаннара, как доказательство того, что все случившееся с ним не было плодом больного воображения.

Внезапно каменный лабиринт кончился, и перед ними раскинулось серое небо Северного Королевства. На расстрескавшейся бесплодной земле беспорядочно валялись тела погибших троллей и громадных ручных животных лорда Уорлока с человеческими лицами. Земля была обогрена темной кровью. Неожиданно мощный подземный толчок сотряс землю, небо и горы. Ши и Панамон упали на землю. Через несколько мгновений они подняли головы и с ужасом увидели, как вдали раскачивался и дрожал замок лорда Уорлока. Гора, у подножия которой стоял замок-крепость взорвалась и раздробилась на мелкие осколки, которые неистовый ветер сейчас же понес во все стороны. Поднялись тучи пыли, столбы каменных вихрей достигали неба. И в тот же момент крепость лорда Уорлока раскололась на мелкие части и с ужасным грохотом стала оседать, поднимая клубы черной пыли. Замок бывшего властителя Королевства Черепов таял на глазах. И вскоре на его месте остались лишь вихрящиеся языки каменной пыли. Все стихло. Королевство зла и мрака распалось.

Ошеломленные путники некоторое время молчали. На них в последнее время свалилось столько невзгод и тяжелых потрясений, что сердца их разрывались на части. Они понимали, что крепость злого монстра разрушена, его королевство превратилось в груды камней и обломков, но и Ши, и Панамон не испытывали при этом большой радости. Не в силах до конца поверить в случившееся, измученные бесконечной вереницей нечеловеческих испытаний, они хотели одного: поскорее выбраться из этого разрушенного царства зла, мрака и мистики. Ши неожиданно обернулся, почувствовав что-то недоброе. На значительном расстоянии от них стояла огромная собака с человеческим лицом и смотрела в их сторону. Хищно покрутив головой, она направилась прямо к ним. Ши и Панамона вновь охватило теперь уже привычное ощущение ужаса. По всей вероятности, это полуживотное-получеловек с безумными глазами и человеческим лицом уже давно шло по их следу, выбирая лишь удобный момент для того, чтобы окончательно расправиться со своими жертвами. Неужели оно фана-

точно выполняло предсмертную волю лорда Уорлока? Панамон тяжело вздохнул и сказал:

— Я давно заметил это чудовище, но потом оно исчезло за скалами, и я подумал, что мы оторвались от него. Но, видит Бог, я ошибся...

Он выпрямился и достал свой длинный меч.

— Иди вперед, Ши. Я расправлюсь с ним и догоню тебя, — твердо произнес Панамон Крил.

— Нет, нет! — горячо возразил Ши. — Мы должны бежать вместе и сражаться с этим исчадием ада до конца!

Но Панамон покачал головой и грустно сказал:

— Я не могу идти дальше, я сильно повредил ногу. — Ши открыл было рот, чтобы горячо возразить ему, но Панамон Крил опередил его. — Нет, не пытайся уговорить меня. Беги, беги сейчас же. Ты должен сберечь Меч.

Из глаз Ши полились слезы. Несправедливо оставлять Панамона... Этого нельзя было допустить...

— Я не могу оставить тебя, — в отчаянии воскликнул Ши.

Внезапно раздался оглушительный рев животного, которое с каждой минутой приближалось все ближе и ближе.

— Уходи немедленно, Ши. У нас нет времени для споров. Я смогу позаботиться о себе, как делал это до встречи с Кельтцетом и с тобой. Не беспокойся, я расправлюсь с этим мерзким животным. Все, беги. Мы еще встретимся!

Панамон помахал обрубком своей руки с пикой и отвернулся. Навстречу ему двигалось дьявольское чудовище из бывшего Королевства Черепов. Каким образом это зло смогло уцелеть?

Ши ничего не оставалось, как подчиниться Панамону. И юноша побежал вперед, крепко прижимая к себе Меч Шаннара. Его душили слезы.

Глава 34

День клонился к вечеру. Яркие лучи солнца посылали свои прощальные потоки на сухую бесплодную землю Северного Королевства. И сейчас в местах, свободных от обломков и каменной пыли, пробивались на свет зеленые травинки. Земля истосковалась, измучилась без солнца, без зелени, без урожаев. Жизнь медленно и

осторожно возвращалась в эти края. Большая часть территории Северного Королевства была превращена в руины. Груды осколков и обломков скал безмолвно лежали на земле бывшего Королевства Черепов.

Ши шел вперед, не останавливаясь и не глядя по сторонам. Его одежда была изорвана и покрыта каменной пылью. Юноша перестал чувствовать боль. Им руководила только отчужденная целеустремленность. Вперед! Вперед! Вперед! Окружающее перестало существовать для него. Со стороны могло показаться, что это какое-то странное полубезумное существо в лохмотьях, с головы до ног запорошенное пылью, неуклонно продвигается вперед, крепко прижимая к себе огромный Меч, и не задумывается о том, что с ним будет дальше.

Юноша, сам того не замечая, почти вплотную подошел к Алланону. Не веря своим глазам, великий Друид протянул руки к юному жителю Долины и горячо обнял его. Ши вскрикнул и потерял сознание.

Ши спал долго. Уже совсем стемнело, и ночь вступила в свои права, когда юноша открыл глаза. Он увидел, что находится в укрытии, где мирно горит костер, а сам он заботливо закутан в походный плащ Алланона. Его сознание стало проясняться, память вернулась к нему. Над Ши в высоком ночном небе ярко горели серебристые звезды. Свет их был мирный и добрый. Юноша невольно улыбнулся... Неужели он прошел через весь этот кошмар и остался жив? И, значит, он опять сможет увидеть свою любимую Тенистую Долину? В этот момент он увидел склоненное над собой лицо Алланона.

— Тебе лучше, мой друг? — мягко спросил Друид и сел рядом с юношей. Ши отметил про себя, что Алланон сильно изменился. Он казался более человечным, мягким: исчезло то странное устрашающее начало, что всегда пугало и настораживало Ши, и появилась несвойственная ему теплота и сердечность.

Ши кивнул в ответ и спросил:

— Как ты нашел меня?

— Это ты нашел меня. Скажи мне, ты что-нибудь помнишь?

— Нет, почти ничего, разве что... — Ши замялся в нерешительности. — Был ли со мной рядом кто-нибудь?

Алланон изучающе посмотрел на озабоченное лицо измученного юноши и покачал головой.

— Нет, ты был один.

Ши почувствовал, как к горлу подкатывается комок. Значит, Панамона не было рядом с ним...

— Как ты себя чувствуешь? — снова забеспокоился Алланон, видя тревогу и боль в глазах жителя Долины. — Не хочешь ли ты чего-нибудь поесть? Это хорошо подкрепило бы твои силы.

— Да, пожалуй, — ответил Ши и с трудом сел, все еще кутаясь в теплый плащ. На огне в маленьком горшочке кипел суп. Ши с удовольствием вдохнул ароматные пары. И вдруг мысль о Мече Шаннара, как удар клинка, поразила его. Он резко выпрямился и стал озабоченно смотреть по сторонам в поисках Меча. Ши облегченно вздохнул, увидев, что Меч лежит рядом с ним, поблескивая в темноте лезвием. В тот же момент юноша вспомнил о камнях Эльфов. Он с тревогой опустил руку в карман, но знакомого мешочка там не было. Ши охватила паника, сердце его бешено заколотилось, а руки стали беспорядочно ощупывать одежду. Боже, камней не было! Неужели он потерял их? Может быть, Алланон... Эта мысль окончательно лишила его сил, и он откинулся назад. Им вновь овладел нестерпимый ужас.

— Алланон, я не могу найти камни Эльфов, — тихо, почти бессильно проговорил Ши. — Ты случайно?..

Друид повернулся к юноше и поднес ему горячий горшочек с супом. Лицо Друида опять стало непроницаемым и мрачным.

— Нет, Ши. Ты, должно быть, потерял их у подножия Гор Острие Ножа. — Друид увидел, какое ужасное впечатление произвели его слова на Ши, и поспешил успокоить его. — Не стоит расстраиваться по этому поводу. Камни сослужили тебе неплохую службу. И сейчас я хочу, чтобы ты поел и лег спать, — тебе больше всего сейчас нужен отдых.

Ши поглощал вкусную еду почти механически, будучи не в силах смириться с мыслью о том, что магические камни Эльфов потеряны и, быть может, навсегда. Слишком многое связывало его с этими чудесными камнями, с самого начала эти камни, как ангелы-хранители, были всегда рядом с ним, защищая его от разрушительных действий потусторонних сил. Не раз эти чудотворные камни спасали ему жизнь. Как же он мог быть так неосторожен? Он снова попытался мысленно восстановить цепь событий, чтобы выяснить, где же именно он умудрился их потерять. Однако все было напрасно.

Сколько ни напрягал юноша свою память, он так ничего не смог вспомнить. Эти камни могли быть потеряны им где угодно.

— Мне очень жаль, что теперь со мной нет этих камней,— тихо проронил житель Долины. На его лице застыло выражение глубокой печали.

— Кто знает, может быть, позже они вернутся к тебе...— многозначительно произнес великий Друид и положил руку на плечо Ши, заставляя юношу лечь. Ши лежал на спине, его окутывала приятная истома, все тревоги и опасения отступили на задний план, но не исчезли. Прошло несколько минут. Юноша не мог заснуть, тревожное беспокойство вновь овладело им. Он приподнялся и, повернувшись к Алланону, сказал:

— Мы можем сейчас поговорить?

Друид молча кивнул.

— Почему ты не рассказал мне всю правду о Мече? — мягко спросил юноша Алланона. — Почему?

— Я сказал все, что тебе следовало знать. — Лицо Алланона опять приняло бесстрастное выражение. — Все остальное тебе рассказал Меч.

Ши бросил недоверчивый взгляд на великого Друида.

— Тебе было необходимо самому узнать тайну Меча Шаннара, — со шадящей интонацией проговорил Алланон. — Вряд ли я смог бы все объяснить тебе — через это надо пройти. Тебе надо было самому проявить мужество и стойкость, услышав правду о самом себе, и сделать это следовало до того, как Меч смог быть действительно полезен для тебя. Ты выдержал испытание, и Меч помог тебе. Он стал действовать как талисман против лорда Уорлока после того, как тебе удалось выстоять. Я не мог активно вмешиваться в этот процесс. Это касалось только тебя.

— Хорошо, я понимаю. Но почему ты даже не сказал мне о том, что Меч уничтожит Брону? — продолжал настаивать Ши.

— И что бы это изменило?

— Не знаю, — ответил Ши и нахмурился.

— Если бы я заранее рассказал тебе о тайне Меча Шаннара и о том, что ты с его помощью — или, наоборот, он в присутствии своего законного обладателя — уничтожишь Брону, что бы это дало тебе конкретно? Зная все это заранее, стал бы ты продолжать поиски Меча Шаннара? Попытался бы ты применить Меч против Броны, зная, что он всего лишь обнажит правду о

нем самом? Тебе, наверняка, все это показалось бы мелким и незначительным. Ты вряд ли поверил бы мне, что такого монстра, могущественного лорда Уорлока можно уничтожить с помощью настолько простой вещи, как правда... Не так ли?

Друид ближе придвинулся к Ши.

— Человеку свойственно испытывать страх. Неужели ты бы заранее обрек себя на все страшные испытания и мучения, которые тебе пришлось пережить? И какую часть правды ты бы смог выдержать?

— Не знаю, — задумчиво произнес Ши.

— А теперь я скажу тебе то, что не мог сказать раньше. Джерл Шаннара — а было это пятьсот лет назад — знал обо всем этом — но не смог победить.

— А я думал...

— Что ему удалось это? — закончил Алланон мысль юноши. — Нет, мой друг. Джерлу Шаннара не удалось победить лорда Уорлока. Бремен раскрыл тайну Меча королю Эльфов, потому что считал, что знание этого поможет обладателю Меча в поединке с Броней. Однако это было ошибочное мнение. Несмотря на то, что Джерл Шаннара был предупрежден о действии Меча, он оказался не готов принять правду о самом себе, которую поведал ему Меч. Человеку подчас очень трудно быть честным самим с собой, и он создает любые искусственные барьеры для того, чтобы избежать встречи с правдой. Все люди делают ошибки, промахи и не у всех хватает мужества признать их. Вполне возможно, что Джерл Шаннара вообще не отнесся достаточно серьезно к предупреждению Бремена. Джерл Шаннара был опытным воином, королем, и, естественно, он воспринимал Меч Шаннара прежде всего как боевое оружие, ему трудно было поверить в мистическую силу Меча. При столкновении с лордом Уорлоком древний талисман повел себя именно так, как это предсказывал Бремен, — и Джерл Шаннара растерялся. Его охватило безумное чувство тревоги, страха. Ничто не помогло ему — ни его огромная физическая сила, ни высокое воинское искусство, ни жизненный опыт и ум... Он не смог вынести всей правды.

Ши недоверчиво посмотрел на Друида.

— Со мной могло быть то же самое, — твердо произнес юноша.

Но Алланон, казалось, не слышал его.

— Долгое время я незримо был с тобой, но затем в Драконьих Зубах я неожиданно потерял твой след.

И лишь позже я понял, что ты нашел Меч Шаннара и отправился на север. Я пошел за тобой, но было уже поздно. Я представляю твое состояние, когда ты открыл для себя тайну Меча Шаннара... Ты прошел через нечеловеческое испытание, мой друг. Я был слишком далеко от тебя и пытался воздействовать на твой мозг на расстоянии. Я звал тебя, возрождал в тебе силы и уверенность. К сожалению, я не мог передать тебе какие-либо конкретные указания, потому что ты был слишком далеко, а лорд Уорлок создал возле тебя ауру, сквозь которую трудно было пробиться.

Алланон замолчал и, казалось, забыл о Ши, отсутствующим взглядом глядя прямо перед собой.

— Ты вышел победителем, Ши, достойно выдержав испытание, — тихо заключил великий Друид.

Что касалось жителя Долины, то до него еще не до конца дошел весь смысл случившегося. Да, он остался жив... Но те двое, что отправились вместе с ним в Королевство Черепов, были мертвы.

— Все могло кончиться гораздо хуже, — упрямо повторил Ши.

Алланон хранил молчание. Медленно догорал костер у их ног. Юноша плотнее натянул на себя плащ и приготовился лечь спать. Тем временем Алланон, посмотрев непроницаемым взглядом в темноту ночи, придвинулся ближе к Ши.

— Ты винишь меня за то, что я вовремя не рассказал тебе тайну Меча Шаннара? — осторожно осведомился Друид. Это было скорее заключение, чем вопрос. — Не спорю, может быть, ты и прав...

Лицо Алланона стало совсем мрачным.

— Нет, скорее всего ты поступил правильно, учитывая печальный опыт прошлого, — с трудом произнес Ши.

— Ты знаешь, Ши, — тепло проговорил великий Друид, — мне следовало больше доверять тебе. Но я боялся. Я был достаточно суров с тобой и со всеми остальными, но этого требовали обстоятельства. Ты, наверное, забыл, что Брона, прежде чем стать лордом Уорлоком, был Друидом. И мы, все оставшиеся Друиды, испытывали постоянное чувство вины из-за того, что не смогли помешать его превращению в лорда Уорлока, обладающего неизмеримой разрушительной силой. Мы, Друиды, в какой-то степени ответственны за все, что происходит на земле. Мы фактически позволили ему стать лордом Уорлоком. Он использовал наши знания. Я рассказывал

тебе, что все Друиды долгое время находились в полной изоляции от всего остального мира и именно тогда Броне удалось утвердиться. Воле и психике этого человека стало подвластно многое. В любой момент лорд Уорлок мог разрушить мир, и вина за эту трагедию неминуемо легла бы на наши плечи. Дважды Друидам представлялась возможность уничтожить Брону — и оба раза эти попытки заканчивались неудачей. Я — последний из живших Друидов, и если бы мне не удалось предпринять решительные шаги для уничтожения лорда Уорлока, то некому было бы избавить человечество от чудовищного зла. Вот почему я чувствовал высокую ответственность. Поверь мне, Ши, я должен был быть осторожен — одна малейшая ошибка могла исключить возможность уничтожить Брону, а это значит, что он — как угроза человечеству — существовал бы вечно.

Голос Друида перешел в шепот.

— Есть еще одно обстоятельство, которое тебе следует знать. Бремен был не только величайшим Друидом прошлого. Он был моим отцом.

— Твоим отцом? — удивленно воскликнул Ши.

— Ты не мог не заметить, что мой возраст уже давно перешел привычные для человека границы. После Первой Войны Рас Друидам удалось открыть секрет долголетия. Это — комплекс знаний, целая наука о резервных возможностях человеческого организма. Есть несколько путей к активному долголетию. Брона выбрал свой путь. И от этого погиб. Его формула бессмертия оказалась иллюзией.

Алланон на некоторое время замолчал, затем продолжал:

— Бремен был моим отцом. Он располагал возможностью покончить с угрозой лорда Уорлока, но допустил много ошибок. И Брона ушел от него. Мой отец упустил Брону и всегда мучился от этого. Это был позор для всех Друидов, особенно для моего отца. Для него и для меня стало делом чести освободить землю от этого исчадия. Я очень боялся повторить ошибки моего отца. Мне действительно жаль, Ши, что я так мало верил в тебя с самого начала. Я полагал, что ты слишком слаб, чтобы вынести все, что тебе предстоит. Поэтому я скрыл от тебя правду. Ты был моей последней надеждой. Только с твоей помощью я мог восстановить доброе имя отца и довести до конца начатое им дело. Я должен был снять с Друидов вину за то, что знания, которых

они достигли, одновременно породили такое зло, как Брона.

Он замолчал. Потом посмотрел в глаза юноши и твердо сказал:

— Я был не прав, юный житель Долины. Ты много лучше, чем я думал о тебе.

Ши улыбнулся и медленно покачал головой.

— Нет, Алланон. Я просто сделал то, что мне надлежало сделать.

— Я хотел бы... еще поговорить с тобой, Ши Омсфорд. Мы должны лучше узнать друг друга. Но... мне необходимо идти. Мне еще надо расплатиться кое с кем...

Алланон, не закончив фразу, погрузился в собственные мысли. Озадаченный юноша смотрел на него в недоумении.

— Нам надо идти по направлению к Южным землям. Завтра утром... — осторожно начал Ши.

После некоторого молчания Алланон тихо сказал:

— Твои друзья находятся недалеко отсюда, они ищут тебя. Я прошу тебя рассказать им все то, что теперь известно тебе.

Ши рассеянно слушал великого Друида. Его мысли были далеко отсюда: он представлял, с какой радостью вернется в Тенистую Долину. Постепенно на юношу навалилась сонная дремота. И сквозь сон он услышал голос Алланона:

— Прощай, мой юный друг. Прощай, Ши.

Ши проснулся рано утром, когда первый солнечный луч коснулся его головы. Он с удивлением заметил стоящих около него всадников и вооруженных воинов. Все они были эльфы. Высокий эльф склонился над ним и тихо сказал:

— Ничего не бойся. Ты среди друзей, Ши Омсфорд. Мы — люди короля Эвентина.

Ши мгновенно вскочил и крепко прижал к себе Меч.

— Алланон?.. — попытался спросить взволнованный юноша и оглянулся по сторонам в поисках великого Друида.

Высокий человек на мгновение растерялся, потом мягко и тихо сказал:

— Здесь нет никого, кроме тебя, Ши.

Ши опять стал в отчаянии смотреть по сторонам. Потом юноша вспомнил все то, что рассказал ему Алланон. Да, он действительно хотел уйти. Значит, все правда. Он ушел... Как он мог снова оставить

его одного? Эти мысли болью ранили Ши. По его лицу потекли крупные слезы. Напрасно юноша пытался убедить себя в том, что Друид и раньше уходил так же неожиданно... Внезапно ему показалось, что он слышит голос Алланона. Улыбка пробежала по губам юноши.

— До свидания, Алланон, — тихо произнес Ши.

Глава 35

Итак, все кончилось. Опасное путешествие в замок Паранор завершилось. Оставшиеся в живых друзья должны были отправиться каждый в свою сторону, туда, где был их дом. Они последний раз собрались вместе. Наступили трогательные минуты прощания. Стоял чудесный день, ярко светило полуденное солнце, дул легкий ветерок и зеленела трава. Теплыми волнами струился благовонный воздух. Высоко в голубом небе жаворонок негромко пел о свободе и счастье. Окружающий мир был полон гармонии. Дурин и Дэйел стояли рядом, рука Дуринна была забинтована и висела на перевязи. Дэйел с большим трудом нашел раненого брата на поле боя. Здесь же стоял гордый Балинор в блестящей металлической кольчуге и в голубой королевской мантии, рядом с ним улыбался все еще бледный Ши Омсфорд, не до конца оправившийся от пережитых волнений и потрясений. Около них стояли Флик и Меньон Леа. Они говорили тихими голосами, улыбаясь, будучи совершенно уверены в том, что теперь уже ничто не сможет помешать миру на земле и счастью в их доме. Чуть поодаль друзей ждали нетерпеливые кони, которые должны были умчаться в родные места. Наступили последние волнующие минуты прощания. Друзья пожали друг другу руки, тепло обнялись и разошлись. Каждый из них испытывал глубокое чувство печали — ведь так много пройдено дорог, столько пережито вместе, что они не представляли, как будут жить друг без друга. Они стали настоящими друзьями. Поэтому так остра была горечь расставания.

Дурин и Дэйел направились на запад, в родной город Белил, где Дэйел намеревался жениться на своей возлюбленной Линлисс. Ши и Флик Омсфорды отправились на юг по направлению к Тенистой Долине. Ши был еще очень слаб, ему требовался хороший отдых. И Меньон Леа решил проводить Ши и Флика до их родных мест и окончательно убедиться, что с Ши все в порядке.

После этого он планировал снова вернуться в южную пограничную страну, где его ждала прекрасная девушка Шерл. Эта мысль согревала и окрыляла Меньона.

Молча стоя на опустевшей дороге, Балинор с грустью смотрел вслед друзьям, пока те не скрылись из вида. После этого он оседлал коня и не спеша направился обратно в Тирсис.

Меч Шаннара остался в Каллахорне. Ши твердо решил передать талисман этой стране, которая, как ни одна другая, пострадала от вражеского нашествия и отдала последние силы для того, чтобы на земле воцарился мир. Теперь Меч по праву принадлежал этой стране. Легендарный талисман был навечно замурован в стену из розового мрамора, которую воздвигли в центральном парке Тирсиса. На камне, венчающем стену, была выбита надпись:

*Здесь покоится Меч Шаннара,
Олицетворяющий сердце и душу людей всего мира.
Он обеспечивает их право на свободу.
Он охраняет их право жить в мире.
Он гарантирует народам справедливость.*

Несколько недель спустя Ши сидел на кухне родного дома и собирался приступить к вечерней трапезе. На столе дымились тарелки с мясом и овощами. Флик уже начал ужинать. Оба брата хорошо потрудились в этот день, ремонтируя крышу веранды, и к вечеру изрядно устали. Стояла жара, и работать под лучами палящего солнца было нелегко. Ши не хотелось есть, у него не было аппетита. Он рассеянно смотрел на тарелку с мясом, когда в дверях появился Омсфорд-старший, что-то недовольно бурча себе под нос. Курзад Омсфорд подошел и положил руку на плечо Ши.

— Долго ли это еще будет продолжаться? — требовательно и сердито спросил он.

Ши с удивлением посмотрел на него.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — недоуменно произнес Ши и вопросительно посмотрел на Флика.

— Вдобавок ко всему и не ешь ничего. — Отец Ши глазами указал на полную тарелку, стоявшую перед юношей. — Интересно, как же ты думаешь набраться сил и окончательно поправиться, если не можешь справиться с тарелкой мяса.

Он помолчал минуту и, совсем помрачнев, сказал:

— Я чувствую, что опять намечаются странствования. Видно, я ошибся, когда думал, что с этим покончено.

Ши изумленно посмотрел на отца.

— Я никуда не собираюсь уходить. Не понимаю, почему ты заговорил об этом?

Курзад Омсфорд тяжело опустился на стул рядом с Ши и твердым, немигающим взглядом посмотрел на сына.

— Ши, между нами никогда не было лжи, не так ли? Я всегда был терпелив и старался понять тебя. Я ничего не сказал тебе и не стал допытываться, когда ты вернулся из своего путешествия к принцу Леа, хотя много воды утекло с тех пор. Я ни о чем не спрашивал тебя, хотя было немало странного в том, что ты неожиданно исчез посреди ночи, не сказав никому ни слова. Я молчал, когда ты вернулся домой, похожий скорее на призрак, чем на человека, и с тех пор всячески избегал говорить о том, где ты был и почему был так истощен. А теперь, прошу, Ши, ответь мне,— твердо произнес Курзад Омсфорд.— Согласись, ведь я никогда раньше не просил тебя об этом.

Ши кивнул в ответ, и его отец с удовлетворением продолжал:

— Да, я никогда не делал этого, потому что считал, что у каждого человека есть свой внутренний мир и дела, которые касаются только его самого. Но я не могу забыть, что перед твоим исчезновением из Долины точно так же другой незнакомец спрашивал о тебе.

— Другой незнакомец? — воскликнули оба брата разом.

На какое-то мгновение перед Ши возникли прежние страшные картины — Носитель Черепа, лорд Уорлок, его собственный побег из Царства Тьмы... Теряя силы, Ши опустился на стул.

— А что... кто-то ищет меня?

— Да, незнакомец. Он ждал тебя в коридоре. Однако я что-то не вижу его...

— Что нам делать, Ши? — обеспокоенно спросил Флик.— У нас нет теперь камней Эльфов, которые могли бы защитить нас.

— Не знаю... — растерянно произнес юноша.— Боюсь, что нам надо бежать...

— Нет уж, подождите! — Рассерженный услышанным, Курзад Омсфорд обхватил сыновей за плечи и, наклонившись к ним, сказал:

— Разве я учил вас этому? Легче всего бежать от трудностей. Человек должен иметь мужество, сталкиваясь с проблемами. Вы находитесь дома, среди родных и друзей, которые всегда помогут вам. Зачем вам куда-то бежать?

Он снял свои сильные руки с плеч сыновей и отступил назад, напряженно вглядываясь в их лица.

— Давайте вместе выйдем и встретимся с этим человеком, — уже спокойнее продолжал он. — Видно, что он крепкий орешек, хотя разговаривал со мной дружелюбно. Кроме того, я думаю, что человек с одной рукой вряд ли физически сильнее нас троих, — так что нет оснований особенно опасаться.

Ши вздрогнул и побледнел.

— Это человек с одной рукой?

— Да, однорукий. Похоже, он долго добирался сюда. Он принес с собой маленький кожаный мешочек, который, как он утверждает, принадлежит тебе, Ши. Я хотел взять его, но он отказался отдать этот мешочек мне. Этому незнакомцу нужен ты сам, Ши, и никто другой.

Флика охватила безумная тревога. Сердце Ши сжалось от невероятного предчувствия.

— В этом мешочке, должно быть, что-то важное, — продолжал Омсфорд-старший. — Незнакомец сказал, что ты якобы обронил его по дороге домой. И как вы все это объясните?

Однако Курзад Омсфорд так и не услышал ответа. Ши и Флик, не говоря ни слова, стремительно выскользнули из кухни и бросились в коридор.

СЕРИЯ «ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ»

Брукс Терри

МЕЧ ШАННАРА

Фантастический роман

Ответственный редактор *Молокин М. А.*

ЛР № 061507 выд. 5.08.92.

Сдано в набор 20.11.93. Подписано в печать 11.01.94.

Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная №2.

Гарнитура литературная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 26,88. Тираж 15000 экз. Заказ № 1716.

Фирма «Тимур», г. Новосибирск, ул. Журинская, 14.

Отпечатано с готовых позитивов в Иркутском Доме печати.

664009, Иркутск, ул. Советская, 109.

**По вопросам оптовых поставок
обращаться по телефону
(8 — 3832) 40-66-38**

